

Annotation

Наследница трона, потомок богини огня, искуснейший в мире ассасин, двадцатилетняя Селена Сардотин под именем Аэлины Галатинии странствует по всему свету в поисках союзников в борьбе с темным властителем Эраваном. Она единственная, кто еще способен противостоять тирану, задумавшему наполнить мир своими чудовищами. Но разве может девушка знать, что Эриван, чтобы сохранить могущество, обратит против Селены ее же прошлое...

Впервые на русском языке!

* * *

Сара Дж. Маас

Сумерки

Часть перваяГлава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36

Глава 37

Глава 38

Глава 39

Часть втораяГлава 40

Глава 41

Глава 42

Глава 43

Глава 44

Глава 45

Глава 46

Глава 47

Глава 48

Глава 49

Глава 50

Глава 51

Глава 52

Глава 53

Глава 54

Глава 55

Глава 56

Глава 57

Глава 58

Глава 59

Глава 60

Глава 61

Глава 62

Глава 63

Глава 64

Глава 65

Глава 66

Глава 67

Глава 68

Глава 69

Глава 70

Глава 71

Глава 72

Глава 73

Глава 74

Глава 75

Выражение признательности

notes1

* * *

Сара Дж. Маас

Империя бурь

Посвящается Тамаре Рыдзински – моей защитнице, крестной фее и воительнице в сверкающих доспехах. Спасибо тебе, что верила в успех книг этой серии, начиная с самой первой страницы

Sarah J. Maas

EMPIRE OF STORMS

Copyright © Sarah J. Maas, 2016

All rights reserved

This edition published by arrangement with Bloomsbury USA and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Игоря Иванова

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Сергея Шикина и Екатерины Платоновой

Карта выполнена Юлией Каташинской

© И. Иванов, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Сумерки

Солнце опустилось за остроконечные склоны Черных гор, и тут же загрели костяные барабаны. Их дробь не смолкала и сейчас.

Походный шатер принцессы Элианы Галатинии стоял на каменистом выступе, открытом сухим ветрам. Весь день она вела наблюдение за прибывающими силами ее страшного противника – темного правителя. Его войско черными волнами перехлестывало через горные перевалы. После захода солнца окрестные склоны и долина вспыхнули яркими точками их костров. Зрелище это чем-то напоминало звездное небо.

Как их много – этих костров. Гораздо больше, чем на ее стороне долины.

Элиане не требовался дар обостренного фэйского слуха, чтобы слышать молитвы своей человеческой армии. Одни молились вслух, другие – молча. Она сама несколько раз обращалась к богам, хотя и знала: ответа не будет.

Элиане и в голову не приходило, что она может погибнуть, причем вдали от зеленых скал родного Террасена. И об участи быть съеденной чудовищами ее

врага (а это страшнее, нежели заживо стореть) она тоже никогда не задумывалась.

Случись такое – никто не поставит могильного камня, повествующего о гибели террасенской принцессы. Ни ее, ни ее соратников не удостоят такой чести.

– Тебе пора отдохнуть, – послышался из шатра грубый мужской голос.

Элиана обернулась, ее серебристые волосы колыхнулись, цепляясь за чешуйки кожаных доспехов. Гавин мрачно разглядывал позиции двух армий, сосредоточенных внизу. Очень скоро узкая черная полоска, служившая разграничительной линией, перестанет существовать.

Но об отдыхе оставалось лишь мечтать. Сам Гавин, удалившись в шатер, так и не снял доспехов. Совсем недавно окончился созванный им военный совет. Военачальники разошлись, унося карты, но отнюдь не надежду в сердцах. Элиана улавливала их страх и отчаяние.

Гавин подошел почти неслышно. Годы странствий по южным горам и пустыням научили его искусству бесшумного передвижения. Элиана продолжала вглядываться в пылающие точки бесчисленных вражеских костров.

– Силы твоего отца еще могли бы вмешаться, – хрипло произнес Гавин.

Тщетные надежды. Бессмертный слух Элианы позволял улавливать каждое слово жарких споров, что несколько часов кряду не смолкали в шатре.

– Долина превратилась в смертельную западню, – сказала Элиана.

А ведь это она привела их сюда.

Гавин молчал.

– Еще немного, и все внизу будет залито кровью, – продолжала она.

Полководец, стоявший рядом, не произносил ни слова. Это было так не похоже на Гавина. И в глазах – ни искорки былой необузданной силы. Его каштановые волосы висели жирными сосульками. Элиана уже и не помнила, когда они оба в последний раз мылись.

Гавин повернулся к ней. Взгляд его был искренним, оценивающим. Они встретились почти год назад, в покоях ее отца. Тогда Элиане показалось, что ее раздевают взглядом. Почти год назад, а кажется – целая вечность.

Иное время. Иной мир. Земля еще была полна света и птичьего щебетания. И магия еще не начинала трепетать под надвигающейся тенью Эравана и его воинов. Знать бы, долго ли продержится Оринф после окончания этой бойни на юге континента. С чего Эраван начнет уничтожение их столицы? С блистательного отцовского дворца на горе? Или вначале сожжет королевскую библиотеку, где собраны знания многих веков? А затем примется жечь людей.

– До рассвета есть еще время, – сказал Гавин. Элиана видела, как дергается его кадык. – Еще можно сбежать отсюда.

- Нас разорвут на куски раньше, чем мы переберемся через перевалы.

- Речь не о нас, - пояснил Гавин. - О тебе одной.

Отсветы костров делали его лицо похожим на барельеф.

- Я не оставляю этих людей, - возразила Элиана, сцепляя пальцы с пальцами Гавина. - И тебя.

В его лице не дрогнул ни один мускул.

- Завтрашний день не отодвинешь. И завтрашнюю бойню - тоже. Я же знаю: ты подслушала слова посланца. Аньель сам превратился в бойню. Наши северные ушли. Армия твоего отца еще слишком далеко. Мы погибнем раньше, чем солнце успеет по-настоящему взойти.

- Когда-нибудь все мы так или иначе умрем.

- Нет. - Гавин стиснул ее пальцы. - Я умру. И эти люди внизу - тоже: от меча или от старости. Но ты..

Взгляд Гавина скользнул по ее заостренным ушам - свидетельству отцовского наследия.

- Ты можешь прожить сотни лет. Тысячи. Не губи эту возможность ради какой-то безнадежной битвы.

- Я скорее предпочту погибнуть завтра, чем струсить и жить тысячу лет под гнетом позора.

Гавин опять смотрел вниз, в долину. На свою армию - последний оплот, противостоящий орде Эравана.

- Доберись до армии своего отца и сражайся оттуда, - грубовато предложил он.

Элиана сглотнула:

- Это не поможет.

Гавин удивленно повернулся к ней.

- Сила моего отца угасает, - призналась она. - До окончательного истощения остались считанные десятки лет. С каждым днем свет Мэлы внутри становится все слабее и тусклее. Он не сможет победить Эравана.

Ей вспомнились отцовские слова. «Элиана, мое солнце заходит, - сказал он несколько месяцев назад, когда эта обреченная затея только начиналась. - Обязательно сделай так, чтобы твое продолжало восходить».

- И ты только сейчас говоришь мне об этом? - спросил побледневший Гавин.

- Да, поскольку у меня не осталось надежды. И не важно, погибну я завтра или сбегу этой ночью. Континент все равно падет.

Взгляд Гавина переместился туда, где стояли десятки походных шатров его друзей.

Ее друзей.

- Никто из нас завтра не выберется отсюда живым..

Голос Гавина дрогнул, глаза странно блеснули. Элиана вновь потянулась к его руке. За все время их странствий - а тягот и ужасов там более чем хватало - она ни разу не видела Гавина плачущим.

- Эраван победит, - прошептал Гавин. - Его власть над этой землей и остальными частями континента утвердится навек.

Из шатров их лагеря доносились приглушенные голоса, мужские и женские. Люди переговаривались, бормотали проклятия, кто-то плакал. Все они думали о том ужасе на другой стороне долины.

Костры во вражеском стане постепенно гасли, словно огромная рука тьмы тушила их. А костяные барабаны звучали все громче.

Наконец появился и он.

Эраван собственной персоной прибыл взглянуть на армию Гавина перед ее последним сражением.

- Они не станут дожидаться рассвета, - сказал Гавин.

Его рука скользнула к ножнам, в которых покоился меч по имени Дамарис. Но Элиана перехватила руку любимого. Даже сквозь кожаные доспехи она почувствовала гранитную крепость его мускулов.

Эраван уже здесь.

Возможно, боги еще внемлют их мольбам. Возможно, огненная душа ее матери сумела их убедить.

Элиана сжала в ладонях суровое лицо Гавина - лицо это успело стать для нее дорогим и казалось самым прекрасным.

- Мы не победим в этой войне. И даже пытаться не будем.

Гавин вздрогнул. Его тянуло скорее к своим подчиненным, но он не мог уйти, не выслушав Элиану. Они далеко не сразу научились прислушиваться друг к другу, и уроки доставались им тяжело.

Элиана подняла руку, растопырила пальцы. Магическая сила в ее жилах забурилась, превращаясь из пламени в воду. Ее магия не была бездонной, как у отца. Магия Элианы, унаследованная от матери, больше годилась для повседневных нужд.

- Мы не победим в этой войне, - повторила Элиана. Магический свет от ее пальцев озарил лицо Гавина. - Но сумеем немного ее отодвинуть. Где-то через час или два я переберусь на другой край долины.

Пальцы Элианы сжались в кулак. Магическая сила ушла внутрь.

- Элиана, о чем ты говоришь? Это безумие, - нахмурился Гавин. - Равносильно самоубийству. Дозорные Эравана схватят тебя, едва ты окажешься на их стороне.

- Конечно схватят. А раз он здесь, меня поволокнут прямо к нему. Посчитают лакомым кусочком, увидят во мне жалкую пленницу, но никак не убийцу Эравана.

- Нет, - отрезал Гавин, одновременно приказывая и умоляя.

- Стоит убить Эравана, и его чудовища впадут в панику. Пока они будут в растерянности, отцовская армия успеет подойти сюда. Мы объединим силы и сообща уничтожим вражеские легионы.

- Элиана, ты говоришь, «стоит убить Эравана», как будто это легко. Не забывай: он - один из валгских королей. Даже если его дозорные и притащат тебя к нему, ты не успеешь и пальцем шевельнуть, как окажешься на поводке его воли.

Сердце Элианы замерло, но она заставила себя ответить:

- Вот потому... - ее губы дрожали, и не сразу ей удалось продолжить, - вот потому мне нужно, чтобы ты отправился вместе со мной. Это важнее, чем воодушевлять соратников на бой и сражаться бок о бок с ними.

Гавин молча смотрел на нее.

- Ты мне нужен... - Элиана не вытирала слезы, катящиеся по ее щекам. - Ты мне нужен для отвлекающего маневра. С твоей помощью я выиграю время и сумею пробраться через слои внутренней защиты Эравана.

И завтрашняя битва тоже стала бы для них попыткой выиграть время. Первой целью Эраван выбрал бы Гавина. Воина-человека, сумевшего долго противостоять силам темного правителя, когда никто другой не отваживался на это... Ненависть Эравана к принцу-воину могла соперничать лишь с ненавистью к отцу Элианы.

Гавин смахнул слезы с ее лица:

- Элиана, его невозможно убить. Ты об этом сама слышала от оракула твоего отца.

- Да, слышала, - кивнула она.

- И даже если нам удастся сдержать его, поймав в ловушку... - Гавин вновь задумался над ее словами. - Сама знаешь: мы лишь перекладываем войну на плечи тех, кто когда-нибудь станет править здешними землями.

- Эта война - все лишь второй ход в игре, начавшейся в незапамятные времена на другом краю света, - тихо сказала Элиана.

- Потому я и говорю: если Эравана освободят, кто-то обязательно унаследует войну с ним. И отсрочка все равно не убережет наших солдат от завтрашней бойни.

- Если мы откажемся действовать, эту войну будет некому наследовать.

В глазах Гавина читалось сомнение.

- Даже сейчас, - продолжала напирать она, - наша магия слабеет, а наши боги покидают нас. Попросту говоря, бегут от нас. Все наши фэйские союзники сосредоточены в армии отца. Других нет. Но и их сила тоже угасает. Но быть может, когда наступит время третьего шага... появятся другие игроки. Возможно, в то время фэйцы и люди будут сражаться бок о бок, наделенные большей силой, чем наша. Возможно, они найдут способ навсегда окончить эту войну. И потому, Гавин, завтра мы проиграем сражение. С рассветом наши друзья примут гибель на поле битвы. А мы используем отвлекающий маневр и на время выведем Эравана из игры. Ради будущего Эрлеи.

Гавин поджал губы. Его сапфировые глаза распахнулись.

- Об этом никто не должен знать, - срывающимся голосом продолжала Элиана.
- Даже если у нас получится, о наших действиях никому ни слова.

Морщины на лбу Гавина означали, что он по-прежнему сомневается.

- Ни слова, - прошептала Элиана, сжимая его руку.

Он поморщился, словно от боли, но кивнул.

Рука об руку, они устремились во тьму, окутавшую горы. Костяные барабаны темного правителя гремели так, будто стали наковальнями, принимавшими удары железных молотов. Очень скоро их грохот потонет в криках умирающих солдат. Очень скоро здешние поля будут залиты потоками крови.

- Чтобы твой замысел удался, надо уходить не мешкая, - сказал Гавин.

Его взгляд зацепился за ближайшие шатры. Никаких прощаний. Никаких последних слов.

- Я прикажу Холдрену взять командование на себя. Он найдет что сказать солдатам.

Элиана кивнула, и этого было достаточно. Гавин выпустил ее руку и направился к соседнему шатру. Там его закадычный друг и самый надежный полководец проводил последние мирные часы со своей новой женой.

Элиана не стала смотреть ему вслед. Она снова, в который уже раз, повернулась в сторону тьмы на другом конце долины. Элиана была готова поклясться, что тьма тоже смотрит на нее. Чуткие уши принцессы улавливали

поскрипывание точильных камней. Чудовища Эравана вострили свои когти, скользкие от яда.

Она подняла глаза к небу, застланному пеленой дыма. Но ветер на мгновение разогнал мутные слои, обнажив звездный ковер.

Прямо над нею переливались звезды Повелителя Севера. Возможно, то был прощальный подарок Мэлы здешним землям в нынешнюю эпоху. А может, знак благодарности Элиане. Знак прощания.

Во имя Террасена и Эрилеи Элиана была готова отправиться в вечную тьму на другом краю долины. Дерзкий замысел обещал выигрыш времени.

Из долины к небу поднимался столб дыма. Элиана отправила с ним последнюю молитву, обращенную к далеким потомкам, на чьи плечи она перекладывала ношу своего времени. Она не знала, сумеют ли они спасти Эрилею, или же на них закончится эта отсрочка. Но еще не родившиеся потомки простят ее за то, что она собиралась сделать.

Часть первая

Огненосица

Глава 1

Волоча больную ногу, Элида Лошэн с трудом взбиралась на крутой поросший лесом склон. Каждый вдох обжигал ей горло.

Под ногами шуршали мокрые листья, густо укрывавшие землю Задубелого леса. Но между листьями прятались серые камни, что делало подъем опасным. А нижние ветви громадных дубов все равно находились слишком высоко. Начнешь падать – не ухватишься. Элида утешала себя тем, что падение ускорит спуск. С этими мыслями она переползла через каменистую вершину холма. Переползла, по-другому не скажешь, поскольку увечная нога, измученная долгими странствиями, разболелась не на шутку. Дальше пришлось ползти на коленях.

Куда ни глянь – повсюду взгляд наткался на лесистые холмы, а сами деревья казались прутьями нескончаемой клетки.

И так – несколько недель подряд. Почти месяц назад Манона Черноклювая и ведьмы из отряда Тринадцати доставили ее в Задубелый лес.

Главнокомандующая приказала Элиде идти на север, чтобы разыскать потерянную королеву, ставшую взрослой и могущественной, а также найти

Селену Сардотин, кем бы та ни была. Так Элида сможет вернуть долг Кальтэне Ромпир, спасшей ее ценой собственной жизни.

Даже сейчас сны Элиды наполняли картины ужасов, пережитых в Морате. Ей снились солдаты, пытавшиеся утащить ее в глубокое подземелье, чтобы там ей вживили страшный кристалл. От таких кристаллов рождалось потомство валгских демонов. Элиде снилась жуткая бойня, которую главнокомандующая Манона устроила в темнице, чтобы ее освободить. И конечно же, ей снилась Кальтэна Ромпир – странная женщина, наделенная громадной силой. У Кальтэны был вживлен под кожу руки темный камешек, который она передала Элиде, наказав отнести камень Селене Сардотин.

А потом Кальтэна превратила Морат в дымящиеся развалины.

Элида подняла грязную, трясущуюся руку и ощупала нагрудный карман кожаных доспехов, которые по-прежнему служили ей одеждой. Камень Кальтэны лежал там. Элиде казалось, она улавливает его биение, идущее не в лад с ее лихорадочно стучащим сердцем.

Солнечный свет, проникая сквозь зеленые кроны деревьев, становился размытым и не таким жгучим. Лето повсеместно вступило в свои права, а с ним пришла и изнуряющая жара. Всего дороже стала вода.

В общем-то, так было с самого начала ее путешествия, но сейчас каждый день Элиды и даже сама ее жизнь зависели от очередного источника.

К счастью, Задубелый лес изобилует ручейками и речками. Их питали снежные шапки гор, наконец-то растаявшие под жгучим солнцем. Однако не всякая вода годилась для питья, в чем Элида убедилась на горьком опыте.

Напившись из стоячего пруда, она потом целых три дня балансировала между жизнью и смертью. Элиду тошнило, у нее поднялся жар. Три дня подряд ее так трясло, что едва не ломались кости. Все эти дни она тихо плакала, охваченная отчаянием. Больше всего Элиду страшило, что она умрет в глухом месте, одна среди бесконечного леса, и никто даже не узнает.

А камень в нагрудном кармане продолжал биться, словно второе сердце. Шепот его заполнял бредовые сны Элиды. Камень пел ей колыбельные песни на странных языках. Вряд ли кто-то из людей смог бы произнести такие слова.

Когда у нее прошел жар, шепот камня тоже прекратился, но Элида продолжала думать об услышанном. Ей почему-то казалось, что большинство людей, услышав такие слова, попросту бы умерли.

Тогда что же она несет на север: дар богов или проклятие? И знает ли эта Селена Сардотин, как обращаться с темным камнем?

Элиде вспоминались прощальные слова Кальтэны: «Скажи ей, что этим ключом можно открыть любую дверь». На привалах Элида часто разглядывала сверкающий черный камень. Вот только он совсем не напоминал ключ. Просто обломок камня, да еще с грубыми краями. Возможно, слова Кальтэны были некой загадкой, которую разгадает лишь сама Селена.

Элида сняла и развязала заметно полегчавший мешок. Съестные припасы закончились еще на прошлой неделе. С тех пор она питалась ягодами. Все они были ей незнакомы, но в памяти всплыли наставления ее няньки Финнулы. Та учила Элиду: прежде чем отправить незнакомые ягоды в рот, нужно растереть их на ладони и подождать ощущений.

Почти все встречавшиеся ей ягоды не вызывали опасений.

Всякий раз, набредая на куст, усыпанный съедобными ягодами, Элида вдоволь наедалась и уже потом начинала собирать их в мешок. От сока ягод он покрылся розоватыми и синеватыми пятнами. Такой же стала и ее когда-то белая рубашка, в которую Элида собирала ягоды.

От прошлого сбора у нее осталась всего горстка, которую нужно растянуть, пока не встретится новый куст.

Голод сводил ей живот, но Элида съела лишь половину. Если повезет, она еще до ночлега набредет на россыпь ягод.

Охотиться она не умела. Элиду ужасала сама мысль: поймать живое существо, потом свернуть ему шею или разбить камнем голову... Нет, голод пока не довел ее до готовности убивать.

Возможно, она вовсе и не из клана Черноклювых, невзирая на тайное наследие матери.

Элида облизала пальцы, очищая их от липкого ягодного сока и грязи, затем поднялась на одеревеневшие ноги. Больная и здоровая – обе гудели от постоянной ходьбы. Элида понимала: без пищи она долго не протянет. Манона снабдила ее деньгами, но путница не отваживалась заходить в деревни и приближаться к охотничьим кострам, которые она не раз видела за время своего путешествия.

Нет. Навидалась она и человеческой «доброты», и человеческого «милосердия». Элида навсегда запомнила похотливые взгляды караульных на ее нагое тело. Знала она и то, почему дядя продал ее герцогу Перангтону.

Морщась от боли, Элида закинула мешок за плечи и начала спускаться по склону, выбирая путь между камнями и змеящимися древесными корнями.

А вдруг она свернула куда-то не туда? И вообще, как ей узнать, пересекла ли она уже границу Террасена? Ответов Элида не знала. И как искать террасенскую королеву?

От этих мыслей становилось лишь тяжелее. Усилием воли отпихнув их, Элида побрела дальше. Она старалась держаться тени и пореже выходить на залитые солнцем места. Ничего там нет, кроме зноя, а от этого ей еще сильнее хотелось пить. Пока не стемнело, нужно обязательно найти воду. Пожалуй, вода даже важнее ягод.

Спустившись к подножию холма, Элида очутилась в настоящем лабиринте деревьев и валунов. Но было здесь еще кое-что – высохшее русло речки. Оно петляло между холмами, устремляясь строго на север. Элида облегченно

вздохнула. Спасибо тебе, Аннеит. Богиня мудрых поступков по-прежнему не оставляла ее своим вниманием.

Элида решила: теперь она, пока возможно, пойдет вдоль русла, а потом..

Она не знала, каким чувством уловила некую странность. Странность эта была не в запахах, звуках или образах. Сквозь кроны деревьев по-прежнему лился солнечный свет, и земля вокруг камней по-прежнему пахла перегноем. Да и в шелесте листьев не улавливалось ничего необычного.

И тем не менее что-то произошло, словно она вела пальцем по громадной шпалере и вдруг зацепилась за нитку. Элида невольно сжалась.

Следом стихли все лесные звуки и шорохи.

Элида внимательно оглядела холмы, затем высохшее русло. На ближайшем склоне рос старый дуб. Его корни выступали над травянистым покровом и тянулись дальше – к руслу, образуя подобие замшелой арки.

Постояв, Элида направилась туда. Каждый шаг отзывался возмущением в больной ноге. Элида почти добралась до арки из корней, когда послышались первые раскаты.

Нет, не грома. Это был знакомый звук, преследовавший ее во сне и наяву.

Удары могучих перепончатых крыльев. Драконы. Опасные существа, но на их спинах – еще более опасные ведьмы из клана Железнодорожных, чье восприятие столь же безупречно остро, как у самих крылатых тварей.

Элида поспешила спрятаться под сплетением корней. Меж тем шум драконьих крыльев нарастал. В лесу установилась кладбищенская тишина. Ветки и камни впивались в ладони Элиды, ее колени ударялись о каменистую землю. Она буквально вжалась в узкое пространство между землей и корнями. Для наблюдения оставались лишь узкие просветы в узорах корней.

Взмах крыльев – и сразу же следующий. Они были настолько согласованны, что обитатели леса могли счесть их обычным эхом. Зато Элида сразу поняла: летят две ведьмы.

За время, проведенное в Морате, она собрала немало сведений об особенностях жизни Железнодорожных. Ведьмам было приказано хранить в тайне численность своих рядов. Летали они в безупречном зеркальном порядке, и потому ушам следящих за ними могло показаться, что летит всего один дракон.

Но эти две, кем бы они ни были, летели небрежно. Или настолько небрежно, насколько это возможно для бессмертных и предельно опасных существ. Возможно, они из шабашей низшего уровня. А может, вылетели на разведку.

«Или за кем-то охотятся», – прошептал в голове Элиды негромкий голосок.

Она еще плотнее прижалась к земле. Узловатые корни впились ей в спину, но Элида продолжала наблюдать.

И едва удержалась, чтобы не закричать, когда громадное тело дракона пронеслось над самыми деревьями. Громко зашелестели листья. На солнце блеснуло тонкое перепончатое крыло с кривым, липким от яда когтем на конце.

Ведьмы очень редко летали при свете дня. Значит, их охотничья миссия была особой важности.

Элида едва дышала, пока удары крыльев не стали удаляться. Драконы улетели на север, в сторону Ферианской впадины. Там, по словам Маноны, находилась вторая половина их воздушной армии.

Элида дождалась, пока лес снова не наполнится привычными звуками, и только тогда решила выбраться наружу. У нее затекло все тело. Попытки шевельнуть руками и ногами отзывались острой болью. Стискивая зубы, Элида размяла вначале ноги, затем руки, после чего подвигала окаменевшими плечами.

Это путешествие никогда не кончится. Элида отдала бы что угодно за надежную крышу над головой и горячую пищу. Пусть всего на одну ночь, но, может, стоит рискнуть?

Она двинулась дальше вдоль высохшего русла, но не успела сделать и двух шагов, как у нее снова возникло странное ощущение, которое и ощущением-то назвать нельзя. словно теплая женская рука сжала ей плечо, веля остановиться.

Густой лес вокруг был полон жизни. Но Элида знала: это ощущение ей не почудилось. Ее предупреждали, и скорее всего – об опасности.

Предупреждение не относилось к ведьмам, драконам или лесному зверью. Элида чувствовала: кто-то за нею наблюдает. И не только наблюдает, но и идет следом.

Элида незаметно вытащила боевой нож, врученный Маноной при прощании. Жаль только, ведьма не научила ее убивать.

Вот уже два дня, как Лоркан Сальватир был вынужден бегать от этих проклятых драконов.

На самих драконов он не злился. Те летали не по своей воле. А вот их хозяйки-ведьмы жутко разъярились, когда он под покровом ночи проник в их лесной лагерь. Трех караульных он убил так, что ни ведьмы, ни драконы не всполошились. Четвертую потащил в лес для допроса.

Он нашел пещеру, достаточно глубокую, где кричи не кричи – снаружи никто не услышит. А поначалу Желтоногая ведьма орала во все горло. Уламывать ее пришлось два часа, после чего она была готова усладить Лоркана пением.

Итак, захват континента предполагалось осуществить силой двух воздушных армий: одна помещалась в Морате, а вторая – в Ферианской впадине. Желтоногая ничего не знала о силе, находящейся в распоряжении герцога

Перангтона. Не знала пленная ведьма и о том, что Лоркан охотится за оставшимися двумя Ключами Вэрда. Их собрат уже висел на шее Лоркана на длинной цепочке. Три кусочка камня, отколотые от этих проклятых Врат Вэрда. Каждый Ключ обладал неимоверной, ужасающей силой. И когда все три Ключа Вэрда окажутся рядом... они смогут открыть ворота между мирами. Их силой можно уничтожить эти миры или вызвать себе на подмогу тамошние армии. Однако Ключи давали и куда более устрашающие возможности.

Лоркан даровал ведьме быструю смерть. С тех пор ее сестры охотились за ним.

Спрятавшись в зарослях на крутом склоне холма, Лоркан следил за девчонкой, вылезшей из-под сплетения корней. Он укрылся первым и слушал, как она шумно и неуклюже прячется от подлетающих драконов. Неуклюжей ее делала увечная нога.

Беглянка была невысокой и хрупкой. На первый взгляд – девочка-подросток, у которой только-только появились месячные. Но нет: под облегающими доспехами проглядывали большие, совсем не девчоночьи груди.

Лоркана сразу же поразило одеяние незнакомки: точно такие же доспехи, как у плененной им Желтоногой и у всех остальных ведьм. Однако эта девчонка принадлежала к породе людей.

Потом он увидел ее темные глаза, внимательно оглядывающие лес. Слишком взрослые и опытные глаза, каких не встретишь у подростков. Ей лет восемнадцать или даже больше. Бледное лицо было грязным и исхудавшим. Похоже, девчонка не первый день странствовала по лесу, пытаясь раздобыть еду. Боевой нож, зажатый в руке, дрожал. Скорее всего, она вообще не владела оружием.

Лоркан оставался в укрытии, наблюдая за незнакомкой. А девчонка внимательно вглядывалась в окрестные холмы, русло пересохшей реки, кроны деревьев.

Было похоже, она каким-то образом знала о его присутствии.

Интересно. Когда Лоркан прятался, способных найти его можно было пересчитать по пальцам.

Он заметил, что странная девчонка напряжена. Вскоре она закончила осмотр, тихо вздохнула и побрела дальше. Прочь от места, где прятался Лоркан.

Она сильно хромала и даже волочила ногу. Наверное, покалечилась, странствуя по лесу.

Коса девчонки ударяла по заплечному мешку. Ее шелковистые волосы были почти такого же цвета, как у Лоркана. Нет, пожалуй, темнее. Черные, словно беззвездная ночь.

Изменившийся ветер донес ее запах. Лоркан вдохнул его не просто ноздрями, а всем своим фэйским чутьем, унаследованным от нечестивого отца. Вот уже пятьсот с лишним лет, как это чутье помогало ему узнавать и оценивать противников.

Запах был человеческим. Явно человеческим, однако...

Он знал этот запах. За последние несколько месяцев он убил достаточное число существ, пахнувших так же.

Возможно, здесь не все так просто. Откуда-то этой девчонке достался подарок богов. Надо будет вытрясти из нее сведения. Не сейчас, а когда он получше ее изучит. Узнает ее слабости.

Лоркан беззвучно выбрался из зарослей. Девчонка, одержимая демоном, хромала вдоль высохшего русла. Нож она держала, словно палку. Это тебе не ведьмы, пытавшиеся сопротивляться. Прекрасно.

Лоркан вышел на охоту.

Глава 2

По листьям деревьев громко барабанил дождь. Его грохот и низкие слои тумана, стелющиеся по Задубелому лесу, заглушали и скрывали из виду ручей. А тот, разбухший от воды, несся среди холмов и оврагов.

На мшистом берегу лежали пустые бурдюки. Забыв о них, Аэлина Ашерир-Галатиния протянула руку к несущейся воде. Рука была покрыта шрамами – памятью о давних и не слишком давних столкновениях. Не замечая холодных брызг, Аэлина слушала песню утреннего ненастья.

Гроза разразилась незадолго до рассвета. Грохотал гром, небо пронзали неистовые росчерки молний. Потом гроза стала отступать и теперь была уже достаточно далеко. Склонившись над водой, Аэлина успокаивала магическую силу, бурлящую внутри.

Она вдыхала влажный воздух, наполненный холодным туманом и дождем. Он уходил вглубь ее легких. Магия что-то бормотала в ответ. Это напоминало пожелание доброго утра сквозь позевывание, после чего пожелавший отправлялся досыпать.

Так оно и было. Все спутники Аэлины спали. Рован раскинул над лагерем невидимый щит, оберегавший от бури и холода, который в этих северных краях не ослабевал даже в середине лета. Стараниями Аэлины в их лагере всю ночь горел костер, отбрасывая веселые рубиновые отсветы. Было непросто заставить огонь потрескивать час за часом. Вода тоже была подвластна ей, но в меньшей степени. Этот дар достался ей от матери.

Аэлина шевелила пальцами протянутой руки, ловя на них брызги ручья.

На другом берегу рос старый узловатый дуб с дуплом у самого основания. Там, на замшелом валуне, сидел некто и тоже шевелил крошечными пальчиками, в точности повторяя все движения Аэлины.

– Дружище, если тебе есть что сказать, говори, – улыбнулась Аэлина, не стараясь перекричать ручей.

Крошечные пальчики тут же скрылись за валуном. Вершина его, как почти у всех камней в здешних местах, была покрыта символами и волнистыми линиями.

Маленький народец сопровождал Аэлину и ее спутников от самой границы Террасена. Эдион говорил об этом всякий раз, когда они замечали большие бездонные глаза, глядящие на них из зарослей ежевики или с вершины могучего старого дерева, каких в лесу полным-полно. Но Маленький народец всегда держался поодаль, и Аэлине так и не удавалось их толком рассмотреть.

Зато они оставляли небольшие подарки на границах магического щита, которым Рован накрывал место ночлега. Все делалось очень тихо, и очередному дозорному не удавалось засечь момент появления подарка.

Однажды утром Маленький народец преподнес им корону, сплетенную из лесных фиалок. Аэлина отдала ее Венге. Та украсила фиалками свои золотисто-рыжие волосы и носила корону, пока цветы не засохли и не рассыпались. На следующее утро на границе лагеря лежали уже две короны: одна для Аэлины, вторая, поменьше, – для Венги. Аэлина до сих пор поражалась стойкости этой девятилетней девочки, позволившей изуродовать себе лицо, дабы спастись от позорного ремесла. А однажды Маленький народец подарил Ровану копию его ястребиного облика, сделанную из воробьиных перьев, желудей и панцирей жуков. Фэйский принц слегка улыбнулся, но не бросил подарок, а убрал себе в седельную сумку.

Вспомнив об этом, Аэлина тоже улыбнулась. Но подарки подарками, а когда знаешь, что Маленький народец следит за каждым твоим шагом, все видит и слышит, это... усложняет жизнь. Не всю жизнь, но моменты ее уединения с Рованом стали менее романтичными. Какая тут романтика, если за тобой наблюдают! Спасибо Эдиону и Лисандре. Те, устав от жарких взглядов, которыми обменивались Аэлина и Рован, находили какую-нибудь нелепую причину, чтобы оставить их вдвоем. Например, Лисандра вдруг теряла свой любимый носовой платок. Или они с Эдионом отправлялись за дровами для костра, способного гореть без всяких дров.

А вот от внимания Маленького народца так просто не избавишься...

Аэлина погрузила пальцы в ручей. Ее сердце успокоилось, как вода в лесном пруду, теплая от полуденного солнца. Разум понесся за свои привычные границы.

Сероватая вода ручья текла у нее сквозь пальцы, словно она сплетала тесьму из водяных нитей.

Аэлина опустила руку. Ей нравилось разглядывать кожу сквозь водяной слой. Вода скатывалась по руке, образуя маленький вихрь на запястье.

– Ну что? – спросила она у фэйри за валуном. – Соплеменники ждали от тебя захватывающего рассказа, а тебе и рассказать нечего.

За спиной прошуршали мокрые листья. Рован. Если бы он не хотел, чтобы она слышала его приближение, подобрался бы бесшумно.

– Ты не очень-то задирай их, не то они сунут тебе в постель что-нибудь мокрое и холодное, – сказал он.

Аэлина стряхнула воду с руки и лишь тогда обернулась:

– Как ты думаешь, наши соглядатаи принимают заказы? Я бы сейчас отдала все свое королевство за купель с горячей водой.

Глаза Рована сверкнули. Аэлина встала и опустила невидимый щит, оберегавший ее от брызг ручья. Невидимое пламя превращало воду в пар, который смешивался с туманом.

– Сегодня ты что-то слишком разговорчива. Мне стоит волноваться по этому поводу?

Аэлина выпучила глаза и повернулась к камню. Но фэйри, следившего за ее неуклюжими попытками управлять водой, уже не было. Только охапка мокрых листьев и дрожащая пелена тумана.

Сильные руки обвили талию Аэлины, потянув ее в тепло его тела. Губы Рована ткнулись ей под ухо.

Аэлина выгнула спину. Теперь Рован целовал ей шею, согревая кожу, озябшую от тумана.

– Доброе утро, Рован, – прошептала она.

Он что-то пробурчал в ответ, но так страстно, что у нее внутри все перевернулось.

Три дня назад они пересекли границу Террасена, но по-прежнему не решились провести ночь на постоялом дворе. Слишком много вражеских глаз могли увидеть их там и на дорогах. Вдобавок по дорогам сейчас двигались колонны адарланских солдат, покидавших ее забытое богами королевство. Спасибо Дорину: один из его первых указов касался полного вывода адарланской армии из пределов Террасена.

Существовала опасность, что не все солдаты поспешат вернуться к своему новому законному королю. Кто-то может счесть более выгодным примкнуть к чудовищу, засевшему в Морате.

– Если уж тебе так хочется вымыться в горячей воде, неподалеку есть пруд, – прошептал Рован, не отрывая губ от ее шеи. – Ты быстро согреешь в нем воду... для нас обоих.

Аэлина коснулась его рук:

– Согрею воду и заодно сварю всю рыбу и всех лягушек. Сомневаюсь, что нам захочется мыться в этом супе.

– Вареная рыба пришлась бы очень кстати на завтрак.

Аэлина тихо рассмеялась. Клыки Рована коснулись чувствительного места между ее шеей и плечом. Аэлина впилась ногтями в его мускулы, наслаждаясь их силой.

– Знать все равно появится здесь только к вечеру, – едва слышно прошептала Аэлина. – У нас еще есть время.

Когда они пересекли границу, Эдион отправил послания нескольким знатным особам, которым доверял. И сегодня они должны будут приехать сюда, на знакомую Эдиону поляну, где он столько лет подряд встречался с террасенскими мятежниками.

Аэлина со спутниками приехали первыми, чтобы обследовать прилегающие земли. Мало ли какие сюрпризы могли их поджидать! Никаких следов человеческого присутствия не нашлось. Эдион и его легион Беспощадных оберегали это место от недобрых глаз. За десять лет двоюродный брат Аэлины и воины его легендарного легиона немало сделали во имя безопасности Террасена – насколько такое было возможно при прежнем адарланском короле. Но и сейчас Эдион старался застраховаться от случайностей; даже при встрече с теми, кто некогда был ближайшим соратником ее дяди.

Рован осторожно закусил ей ухо, напрочь лишив способности думать.

– Как ни соблазнительно все это звучит, мне через час отправляться в путь, – сказал он.

В полет над окрестными землями – проверить, не затаилась ли где опасность. Рован поцеловал Аэлину, коснувшись ее подбородка и щеки. Поцелуи были совсем легкими, похожими на прикосновение птичьего пера.

– Но я по-прежнему придерживаюсь того, о чем говорил. Наше первое слияние будет не у дерева.

– Не у дерева, – засмеялась Аэлина. – Оно будет в пруду.

От его слов у нее пылала вся кожа. Ей стоило немалых усилий, чтобы не схватить его руку и не прижать к груди. Ей хотелось, чтобы Рован ласкал ее и чтобы его ласки окончились главным действием. А разве ему самому не хотелось вкусить ее?

– Я уже начинаю думать, что тебе нравится меня изводить, – сказала Аэлина.

– Поверь, мне самому нелегко.

Рован крепче прижал ее к себе. Аэлина получила осязаемое подтверждение, что он говорит правду, и едва не застонала.

Потом Рован отстранился. Аэлина нахмурилась, разом лишившись тепла его тела, заботливых рук и нежных губ. Она повернулась, поймала пристальный взгляд глаз цвета сосновой хвои. Волна, поднявшаяся у нее внутри, была посильнее любой магии.

- А чего это ты встала в такую рань? - вдруг спросил Рован.

Аэлина показала ему язык.

- Сменила на посту Эдиона. Вообще-то, был черед Лисандры, но они с Быстроногой храпели так, что впору мертвых воскрешать. И потом, мне чего-то не спалось, - добавила она.

Рован заметил, что амулет висит у нее на шее. Даже рубашка и кожаные доспехи не могли его скрыть.

- Так, может, это Ключ Вэрда нагнал на тебя бессонницу?

- Нет, не он.

Аэлина была вынуждена надеть Амулет Оринфа после того, как любопытная Венга порылась в ее седельной сумке и посчитала амулет своей законной добычей. Никто бы и не узнал, если бы своевольная девчонка не явилась однажды после купания, надев цепочку с амулетом поверх одежды. Хвала богам, что это случилось в глубинах Задубелого леса, однако с тех пор Аэлина решила больше не рисковать.

Особенно если учесть, что Лоркан считал доставшуюся ему подделку настоящим Ключом.

Бессмертный воин покинул Рафтхол, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Она догадывалась, что он двинулся на юг. Но где он сделает вынужденную остановку? Распознал ли он подделку, точнее, две подделки: «Амулет Оринфа» и лежавший внутри «Ключ Вэрда»? Сумел ли узнать, где два других Ключа, спрятанные бывшим королем Адарлана и герцогом Перангтоном?

Не Перангтоном. Эраваном.

У Аэлины похолодела спина, словно тень Мората вдруг обрела телесный облик и провела по ее спине когтистым пальцем.

- Я думаю... о предстоящей встрече, - сказала Аэлина. - Может, ее стоило устроить в Оринфе? А то среди леса... похоже на сходку мятежников.

Рован смотрел на север. До Оринфа - еще неделя пути. Когда-то этот город был настоящим сердцем ее королевства. Даже шире - всего континента. Едва они окажутся в Оринфе, начнется бесконечная череда совещаний, приготовлений и решений, принять которые может только она - террасенская королева. Нынешнее собрание, подготовленное Эдионом, было лишь началом.

- Лучше въехать в город, имея надежных союзников, чем не знать, с чем там столкнешься, - наконец произнес Рован.

Он криво усмехнулся и выразительно посмотрел на Злати́нец, висевший у Аэлины за спиной, и на арсенал ножей, прикрепленных к ее поясу.

– А что касается «сходки мятежников»... ты и сама столько лет была мятежницей.

Аэлина ответила ему неприличным жестом.

Эту встречу Эдион готовил во всеми мыслимыми и немыслимыми мерами предосторожности. Выбранное им место позволяло не опасаться шпионов и обойтись без ненужных жертв. Он заранее рассказал Аэлине о каждом из приглашенных. Эдион доверял этим людям, однако скрыл от них, с кем путешествует их королева и какими способностями обладает она сама и ее свита. На всякий случай он об этом умолчал.

Зачем им знать, что силой своей магии королева могла бы спалить всю долину – вплоть до серых отрогов Оленьих гор? А ведь Аэлина располагала не только магией.

Рован играл завитком ее волос, успевших снова отрасти.

– Тебя беспокоит, что Эраван до сих пор не сделал ни одного шага.

– Спрашивается, чего он ждет? Или мы сдуру считаем, что он позовет нас в гости? А может, он нарочно дает нам время? Рассчитывает, что я явлюсь к нему вместе с Эдионом, легионом Беспощадных и большой армией, и тогда он насладится сполна, уничтожая нас?

Пальцы Рована замерли у нее в волосах.

– Ты слышала слова Эдионова вестника. Взрыв уничтожил значительную часть Моратской крепости. Возможно, сейчас все силы брошены на восстановление.

– Вряд ли они сами устроили взрыв. Я в это не верю.

– Ты ни во что не веришь и никому не доверяешь.

– Я доверяю тебе, – сказала Аэлина, поднимая глаза.

Рован провел пальцем по ее щеке. Дождь снова припустил. Стук дождевых капель был единственным звуком на многие лиги вокруг.

Аэлина встала на цыпочки. Все это время она чувствовала на себе взгляд Рована. Он замер, будто выжидающий хищник. Аэлина поцеловала ему один уголок рта, затем изгиб нижней губы, а потом второй уголок.

Нежные, дразнящие поцелуи, чтобы посмотреть, кто не выдержит первым.

Первым не выдержал Рован.

Резко втянув воздух, он крепко обнял Аэлину и приник к ее губам. Нет, проник сквозь них, прямо в ее рот, где его язык почувствовал себя полным хозяином. У Аэлины подгибались колени. Язык Рована накрыл ее язык.

Движения были неторопливыми и умелыми, наглядно показывая, что подобные движения он способен совершать не только во рту.

Кровь Аэлины запылала. Мох под ногами зашипел. Дождевые капли стремительно превращались в пар.

Аэлина оборвала поцелуй. Она сбивчиво дышала, довольная тем, что и дыхание Рована тоже сбилось. Это единение между ними все еще было для нее слишком новым и слишком... необузданным. Оно поглощало их целиком. Желание было лишь началом.

Рован заставил ее магию петь. Возможно, это было проявление карранам[1] между ними, но... ее магии хотелось танцевать с его магией. Судя по частичкам инея, сверкающим в глазах Рована, его магия требовала того же.

Рован подался вперед, пока их лбы не соединились.

- Скоро, - тихим, хриловатым голосом пообещал он. - Найдем безопасное, защищенное местечко.

Ее безопасность всегда стояла у него на первом месте. Защищать ее, делать все, чтобы сохранить ей жизнь... это всегда будет для него главным. Урок, за который Ровану пришлось дорого заплатить, он усвоил крепко.

У Аэлины сжалось сердце. Она поднесла руку к лицу Рована. Его врожденная свирепость сменилась мягкостью, которую видели очень немногие. Аэлине хотелось столько всего ему рассказать, но она до боли в горле удерживала слова.

Аэлина уже не могла скрывать от себя самой, что полюбила Рована, причем давно. В последнем ей тоже не хотелось признаваться.

Она нежно поцеловала Рована. Его руки вновь сомкнулись на ее бедрах.

- Огненное сердце, - прошептал он.

- Старый зануда, - в тон ответила она.

Рован громко расхохотался.

Из лагеря, перекрывая шум дождя, донесся звонкий голос Венги:

- А не пора ли завтракать?

Аэлина фыркнула. Сейчас Венга вместе с Быстроногой теребили несчастную Лисандру. Та, приняв обличье призрачного леопарда, растянулась у негаснущего магического костра. С другой стороны крепко спал Эдион, неподвижный, как камень. После Лисандры неугомонная гончая прыгнет на него.

- Это добром не кончится, - пробормотал Рован.

- Есть хочу! - громко скулила Венга.

Ее скулеж подхватила Быстроногая.

В ответ послышалось рычание Лисандры; девчонка и собака мигом умолкли.

Рован снова засмеялся. Аэлина подумала, что ей никогда не наскучит его смех. И его улыбка тоже.

– Придется сооружать завтрак, – сказал он, поворачиваясь к лагерю. – А то сестры наши меньшие разворотят все подряд.

Аэлина усмехнулась. Она вспомнила о террасенских аристократах, ехавших сейчас на встречу. О чем она станет говорить с ними? О возрождении королевства, уничтоженного десятилетием адарланского правления. И о... новой войне, уже с другим противником.

Рован направился к лагерю. Венга бросилась к нему и стала требовать поджаренного хлеба и яичницу.

Это была семья Аэлины. Ее королевство.

Две мечты, надолго похороненные внутри, – порою ей думалось, что навсегда. Ветер, прилетевший с Оленьих гор, взъерошил ей волосы. Ради защиты близких, ради своих подданных она пойдет на все, отдаст жизнь и свободу.

Желая уберечь Венгу от стряпни Рована, Аэлина тоже пошла было к лагерю, но вдруг заметила, что на валуне, за которым прятался фэйри, что-то лежит. Она быстро перепрыгнула ручей и склонилась над камнем.

Очередной подарок Маленького народца был сделан из прутиков, паутины и рыбьей чешуи. Крошечный дракон был изготовлен с потрясающей точностью: крылья широко распростерты, а рот, полный острых зубов, застыл в неслышимом рыке.

Аэлина не стала трогать дракончика. Ее взгляд обратился к югу, туда, где далеко отсюда высились остатки зловещей Моратской крепости. Где пробудившийся Эраван ждал ее со своей армией Железнодорожных ведьм и тьмой солдат, управляемых валгскими демонами.

Так готова ли Аэлина Галатиния, королева Террасена, проливать кровь за Эрилею? Время, когда ей придется отвечать на этот вопрос, неумолимо приближалось.

Эдион Ашерир раздумывал о том, что путешествовать в обществе двух магов не только приятно, но и удобно. Особенно в скверную погоду.

Надо же такому случиться: в день, выбранный им для встреч, дождь лил не переставая. Рован дважды летал на север, чтобы проверить, как продвигаются именитые гости, но не увидел и не почувствовал их присутствия.

Террасенские дороги и в сухую погоду не отличались особым удобством, а в дождь раскисали. Никто в здравом уме не отважился бы пуститься сейчас в

путь. Но в числе знати ехал Рен Ручейник, которому не привыкать странствовать и по раскисшим дорогам, и вообще без дорог. Скорее всего, затаились где-нибудь и не вылезут до наступления темноты. Конечно, и погода могла их задержать. Такое Эдион вполне допускал.

Гром прогремел так близко, что содрогнулись деревья. Следом мелькнула молния, посеребрив мокрые листья и залив окружающий мир неестественно ярким светом. Это было чересчур для обостренного фэйского чутья Эдиона. Но он хотя бы не промок и не ежился от холода.

Все это время они держались подальше от обжитых мест, и Эдион не знал, много ли магов повылезало из своих укрытий и радовались ли они возвращению магических дарований. Сам только однажды видел деревенскую девочку; судя по возрасту – ровесницу Венги. Та развлекала сверстников, заставляя струи фонтана устремляться к небесам. Ребятня весело смеялась. А взрослые – угрюмые, изможденные – только поглядывали издали, предпочитая не вмешиваться в детские шалости.

По словам дозорных Эдиона, люди в большинстве своем уже знали, что прежний король Адарлана при помощи темных сил все эти десять лет подавлял магию. Но даже сейчас, когда и королю, и его власти пришел конец, люди, потерявшие близких и хлебнувшие горя, вряд ли решатся сразу открыть перед окружающими свои магические способности.

Это случится не раньше, чем спутники Эдиона покажут миру, что применение магии более не влечет за собой губительных последствий. А такая девчушка, сумевшая оживить пересохший фонтан, силой своей магии напоит и окрестные поля.

Эдион смотрел на хмурые небеса и хмурился сам. Его руки теребили древний Меч Оринфа. Магия на Эрilee и раньше, еще до королевского запрета, вызвала к себе неоднозначное отношение. Маги тоже. Была разновидность магии, которая обрекала владевших ею в лучшем случае на изгнание и нищету, а в худшем – на смерть. Королевские дворы считали таких магов шпионами и убийцами. Но его двор..

Громкое удовлетворенное мурлыканье прервало размышления Эдиона. Он повернулся туда, где лежала одна из обладательниц этой магии. Рядом примостилась Венга. Напевая себе под нос, девчонка конским гребнем осторожно расчесывала мех Лисандры.

Эдиону понадобился не один день, чтобы привыкнуть к ее звериному облику. Превращалась Лисандра не в кого-нибудь, а в призрачного леопарда. За годы службы Эдион часто бывал в Оленьих горах, и его страх перед призрачными леопардами успел войти в кровь. Встреча с этими зверями почти всегда кончалась смертью. Но на подстилке лежал не какой-то там призрачный леопард, спустившийся с гор, а Лисандра. Она разлеглась на животе, убрав когти, и была похожа на громадную кошку, которой лень самой вылизывать мех, и потому она позволяет его расчесывать.

Лисандра умела шпионить. И убивать тоже. Улыбка тронула губы Эдиона при виде ее светло-зеленых глаз, полузакрытых от удовольствия. Как-то отнесутся к такому зрелищу господа террасенские придворные, когда доберутся сюда.

Время путешествия из Рафтхола в Оринф маг-оборотень Лисандра даром не теряла. Она превращалась в разных зверей, птиц и даже насекомых. Последние жужжали над самым ухом Эдиона, норовя укусить. И редко – очень редко – Лисандра принимала облик женщины, в котором Эдион ее впервые увидел. Помня, как обращались с ее телом и что заставляли делать, Эдион ее не винил.

Однако через какое-то время ей придется вернуться в человеческий облик. Аэлина представит ее террасенскому двору. Помнится, Лисандра говорила, что сменит себе тело, поскольку в нынешнем просто «застряла».

Эдиону хотелось расспросить, каково это – превращаться из человека в зверя и обратно. Но что-то удерживало его от вопросов. А с призрачным леопардом не очень-то поговоришь.

Аэлина сидела напротив. Быстроногая устроилась у нее на коленях. Аэлина тербила длинные собачьи уши и ждала. Они все ждали. От двоюродной сестры Эдиона не укрылось, как бесцеремонно он обращается с древним мечом, когда-то принадлежавшим ее отцу. Меч этот был знаком Эдиону, как собственное лицо: и лезвие, и потрескавшийся костяной эфес. В глазах Аэлины мелькнула печаль.

Когда они покидали Рафтхол, Аэлина вернула ему меч, взяв себе Златинец. Эдион пытался убедить ее, что нынче священный меч Террасена принадлежит ей. Аэлина не соглашалась. Она считала Меч Оринфа более подходящим для мужской руки. К тому же Эдион, как никто другой – включая и ее, – заслужил честь владеть этим мечом.

Чем дальше на север они продвигались, тем тише становилась Аэлина. Недели их долгого пути, наверное, сказались и на ней.

Хотелось надеяться, что террасенская знать не привезет никаких тревожных известий. А после встречи Эдион постарается найти сестре тихое местечко, где она могла бы отдохнуть пару дней перед последним отрезком их пути в Оринф.

Убрав меч в ножны, Эдион встал. Рядом висели другие, с ножом, подаренным Рованом. Обогнув костер, Эдион уселся рядом со своей сестрой и королевой. Быстроногая приветственно замахала пушистым хвостом.

– Тебе не мешало бы волосы подрезать, – сказала Аэлина.

И в самом деле, его волосы сильно отросли.

– Они у тебя одинаковой длины с моими. – Аэлина нахмурилась. – Такое ощущение, будто мы нарочно стараемся стать похожими.

Эдион усмехнулся, поглаживая собачью голову:

– А если и так?

– Если ты начнешь и одеваться соответствующим образом, я не против, – пожалала плечами Аэлина.

- Легион Беспощадных мне такого никогда не простит, - улыбнулся Эдион.

Его легион стоял сейчас в окрестностях Оринфа. Эдион приказал соратникам поддерживать оборону города и ждать. Ждать той поры, когда понадобится убивать ради своей королевы и умирать за нее.

Весной, осуществив хитроумный замысел, Аэлина сумела завладеть громадными деньгами своего бывшего хозяина. Располагая такими суммами, они смогут собрать армию, которая пойдет позади Беспощадных. Может, и наемников возьмут.

Искорки в глазах Аэлины приугасли, словно и она обдумывала грядущие военные дела. Риск и цена были высоки, и речь шла не о золоте, а о жизнях. Эдион мог поклясться, что даже пламя костра заурчало.

В эти страшные десять лет Аэлина убивала, сражалась и неоднократно оказывалась на грани гибели. Но Эдион знал, с какой неохотой она будет отправлять солдат - и его тоже - на поле боя.

Что ж, это, помимо всего прочего, станет первым испытанием для ее королевской власти.

Но вначале ее ожидала встреча с террасенской знатью.

- Ты помнишь все, что я тебе о них рассказывал?

- Да, братец. Все до последнего слова.

Аэлина пихнула его локтем под ребра, туда, где у него заживала кожа после татуировки, сделанной Рованом три дня назад. Все их имена сплелись в прихотливый террасенский узел, помещавшийся возле самого сердца. Эдион поморщился и слегка оттолкнул ее руку.

- Муртаг был крестьянским сыном, - тоном старательной ученицы начала Аэлина. - Это не помешало ему жениться на бабушке Рена. Хотя Муртаг и не является прямым наследником рода Ручейников, он по-прежнему держит бразды правления. Правда, упорно твердит, что титул принадлежит Рену.

Взглянув на небо, где не появилось ни одного просвета, Аэлина продолжала:

- Дарро - богатейший землевладелец... после тебя. Более того, управляет несколькими уцелевшими террасенскими аристократами. Все годы адарланского владычества он очень умело выстраивал отношения с захватчиками.

Аэлина сердито посмотрела на брата. Такой взгляд вполне мог и кожу содрать.

Эдион поднял руки:

- Станешь упрекать меня за то, что проявляю излишнюю щепетильность при подготовке?

Аэлина пожала плечами, но откусывать ему голову не стала.

– Дарро был возлюбленным твоего дяди, – добавил Эдион, вытягивая затекшие ноги. – Их союз длился не один десяток лет. Он ни разу не говорил со мной о твоем дяде, но... поверь, Аэлина, они были очень близки. Дарро не принимал участия в траурных церемониях и не оплакивал Орлона, хотя придворный этикет требовал его участия. Но с тех пор он изменился. Сейчас он жесткий и неговорчивый, однако по-прежнему честный. Почти все, что он делал, было продиктовано его неугасимой любовью к Орлону и Террасену. Его маневры позволили нам не умереть с голоду, превращаясь в двуногих зверей. Помни об этом.

Эдион был прав. Дарро и впрямь слишком долго балансировал между служением адарланскому королю и борьбой с ним.

– Я... знаю, – отчеканила она.

Эти слова были ее первым и последним предостережением Эдиону: он зашел слишком далеко и ей такой напор не нравится. За минувшие несколько дней он подробно рассказывал ей про Рена, Муртага и Дарро. Эдион не сомневался, что теперь Аэлина знала, у кого какие владения и где кто что выращивает и какой скот разводит. Она помнила имена их предков, знала, кто погиб и кто выжил за эти десять лет. Но такая проверка, когда Эдион действительно заставил ее отвечать, как на уроке... Похоже, он не доверял своему чутью и сомневался, что все пройдет хорошо. Его можно понять: ставки были слишком высоки.

Рован в это время сидел на ветке, наблюдая за лесом. Щелкнув клювом, он взмахнул крыльями и полетел в дождь. Защитный покров разошелся, пропуская его.

Эдион поднялся на ноги, вглядываясь и вслушиваясь в лес. Ничего, кроме стука дождевых капель и мокрого шелеста листьев. Лисандра потянулась, оскалив крупные зубы. Ее острые клыки сверкнули в пламени костра.

Пока Рован не сообщит, что все спокойно, что сюда приближаются лишь приглашенные и никто другой, меры предосторожности будут действовать.

Венга, как ее учили, подползла к огню. Языки пламени разошлись, словно занавес, пропуская внутрь ее и Быстроногую. Костер имел внутреннее кольцо, где можно было отсидеться и не сгореть. Но любая попытка врагов туда прорваться расплавила бы им кости.

Аэлина видела, как Эдион встал у западного края костра. Лисандра заняла место на южном. Аэлина встала у северного, но смотрела на запад, туда, где скрылся Рован.

Сквозь их маленький защитный пузырь дул сухой и жаркий ветер. Искры, как светлячки, плясали у пальцев Аэлины. Ее правая рука сжимала эфес Златинца, и рубин, вделанный в металл, сверкал ярким угольком.

Зашуршали листья, захрустели ветки. В свете костра блеснуло золотисто-красное лезвие Меча Оринфа. В другой руке Эдион держал древний нож,

подаренный Рованом. Все эти недели Рован учил Эдиона и остальных древним традициям и сводам правил народа фэ. Их забыли даже при дворе Маэвы. Но здесь этим традициям суждено было возродиться, иначе сильное и прочное Террасенское королевство останется прекрасной мечтой.

Из-за стены дождя появился Рован, успевший вернуться в свой фэйский облик. Мокрые серебристые волосы липли на лоб. Узоры татуировки на загорелом лице казались совсем черными.

Ожидаемой террасенской знати с ним не было, но вернулся он не один. Рован привел с собой молодого остроносого, насквозь промокшего парня. На грязной дорожной одежде незваного гостя красовался герб с изображением атакующего барсука. Семейный герб Дарро. А у самого горла застыла рука Рована с охотничьим ножом.

– Посланник, – коротко пояснил Рован.

Аэлине очень не понравился неожиданный поворот событий.

Синие глаза посланника были широко распахнуты, но мокрое веснушчатое лицо оставалось спокойным. И держался он спокойно. Взглянув на Лисандру, чьи клыки зловеще поблескивали в отсветах костра, даже не вздрогнул. Казалось, его не пугало и лезвие ножа, застывшее возле горла. Рован подтолкнул посланника ближе к костру.

– С ножом у горла он вряд ли сумеет передать нам послание, – заметил Ровану Эдион.

Рован опустил нож, но совсем не убрал и сам остался стоять рядом.

– Где они? – спросил Эдион.

Парень быстро поклонился Эдиону:

– В таверне, господин генерал, чуть больше лиги отсюда.

Он хотел сказать что-то еще, но умолк: Аэлина, обогнув костер, приблизилась к посланнику. Она усилила пламя, надежно пряча внутри Венгу и Быстроногую. Посланник шумно выдохнул.

Он понял. Увидел, она переглядывается с Эдионом, увидел одинаковый цвет глаз и волос... И поспешил запоздало поклониться Аэлине.

Она видела, как он опустил голову, обнажив блестящую от дождя шею. Ее магия пробудилась. И предмет чудовищной силы, висевший у нее на груди, словно открыл свой древний глаз, наблюдая за происходящим.

Посланник застыл. Глаза раскрылись еще шире, когда к нему неслышно подошла Лисандра. Шевеля усами, обнюхала его мокрую одежду. Парню хватило ума не шевелиться.

- Так что, встреча отменяется? - жестко спросил Эдион, продолжая оглядывать лес.

Парень съежился:

- Нет, господин генерал. Они предлагают вам прибыть к ним в таверну. Причина - непрекращающийся дождь.

Эдион выпучил глаза:

- Возвращайся и скажи Дарро: пусть поднимет задницу от стула и явится сюда. Не сахарный, не растает.

- Причина не в его светлости Дарро, - торопливо ответил посланник. - При всем уважении к его светлости Муртагу, герцог заметно сдал за это лето. Его светлость Рен опасается за здоровье деда. Сами понимаете: дождь, темнота...

Аэлина вспомнила, как еще весной старый Муртаг, словно демон, носился между королевствами. Возможно, действительно сдал.

Эдион разочарованно вздохнул:

- Сам знаешь: нам вначале понадобится проверить эту таверну вдоль и поперек. И встреча начнется позже, чем им хотелось бы.

- Конечно, господин генерал. Они это понимают.

Посланник наконец-то заметил Венгу и Быстроногую, спрятавшихся внутри костра, и его передернуло. Ни фэйский принц, застывший рядом, ни призрачный леопард, обнюхивающий его, не испугали посланника так, как костер Аэлины. Его лицо стало мертвенно-бледным.

- Но они ждут. Его светлость Дарро выражает нетерпение. Ему непривычно находиться вне стен Оринфа. Это вызывает у него беспокойство. Да и всем сейчас боязно покидать Оринф.

«В этом ты прав», - подумала Аэлина и усмехнулась.

Глава 3

Манона Черноклювая застыла возле моста, соединявшего Моратскую крепость с окружающим миром. Все ее внимание было направлено на шабаш бабушки, появившийся из серых облаков. Со дна ущелья поднимались к небесам столбы дыма многочисленных кузниц. Но даже сквозь них глаза Маноны безошибочно различали внушительный обсидианово-черный наряд Верховной ведьмы клана Черноклювых. Никто больше не одевался так, как Матерь. Ее шабаш,

прорвавшийся сквозь тяжелую облачность, держался на почтительном расстоянии от Верховной ведьмы и всадницы, управлявшей громадным драконом.

За спиной Маноны неподвижно стояли ведьмы ее отряда Тринадцати. Все молча следили за тем, как драконы и их всадницы опускаются на темные камни двора по другую сторону моста. Далеко внизу шумела грязная, заваленная обломками река, но шелест драконьих крыльев и царапанье когтистых лап по каменной поверхности почти заглушали шум воды.

Итак, бабушка явилась в Морат. Точнее, в то, что от него осталось, ибо треть крепости лежала в развалинах.

Бабушка Маноны проворно спрыгнула с драконьей шеи. Глядя на это, Астерина сердито выдохнула. Верховная ведьма хмуро посматривала на черную крепость за спиной внучки и ведьм отряда Тринадцати. Герцог Перангтон наверняка уже ждал важную гостью у себя в комнате совещаний. Варнон Лошэн – герцогский прихвостень – обязательно сделает все, чтобы выставить Манону в самом неприглядном свете. Она в этом не сомневалась. Если Варнон задумал от нее избавиться, время сейчас было более чем подходящее. Бабушка собственными глазами видела, что сделала ее внучка.

Правильнее сказать, чего не сумела сделать.

Манона стояла, прямая как стрела. Бабушка шла по широкому каменному мосту. Шагов Верховной ведьмы было почти не слышно из-за гула реки, ударов драконьих крыльев и грохота кузнечных молотов. Кузницы работали сутками напролет, неутомимо выковывая оружие для бесчисленной армии герцога. Только когда бабушка приблизилась настолько, что стали различимы белки ее глаз, Манона поклонилась.

Хруст кожаных доспехов подсказал Маноне, что ведьмы отряда Тринадцати сделали то же самое.

Подняв голову, она увидела перед собой бабушку. Взгляд черных с золотистыми крапинками глаз Верховной ведьмы обещал ей одно – жестокую, изощренную смерть.

– Проводи меня к герцогу, – даже не поздоровавшись, потребовала бабушка.

Манона почувствовала оцепенение, охватившее ведьм отряда Тринадцати. По пятам Верховной ведьмы двигались ведьмы ее шабаша. Такое случалось крайне редко и намекало на необходимость защиты.

Но Морат был цитаделью людей и демонов. Верховная ведьма прилетела сюда на длительный срок. Возможно, насовсем, поскольку привезла с собой темноволосую молоденькую ведьму, нынче согревавшую ее постель. Со стороны Верховной ведьмы было бы глупо не позаботиться о дополнительной защите, даже если в прошлом отряд Тринадцати служил ей надежной охраной. Или что-то изменилось?

Манона едва удержалась, чтобы не выпустить железные ногти. Но пока что угроза ей лишь мерещилась.

Снова поклонившись, Манона повернулась к высоченным открытым створкам крепостных ворот. Ведьмы отряда Тринадцати расступились, пропуская Манону и Мать Черноклювых, затем снова сомкнулись, образовав смертоносный щит. Когда дело касалось Верховной ведьмы и ее наследницы, требовалось исключить любые случайности.

Ступая почти бесшумно, Манона вела бабушку по мрачным коридорам. Все их подчиненные двигались следом. Прислуга из числа людей попряталась: или видели прибытие Верховной ведьмы, или их человеческое чутье подсказало.

– Есть о чем доложить? – спросила Верховная ведьма, когда они поднимались по первой из многочисленных винтовых лестниц, ведущих в новую комнату совещаний.

– Нет, бабушка.

Манона удержалась от желания бросить мимолетный взгляд на Верховную ведьму – на ее седеющие темные волосы, бледное лицо, изрезанное древними морщинами ненависти, и ржавые железные зубы, которые та почти никогда не убирала.

Когда-то бабушка Маноны поставила страшное клеймо на тело Астерины. Тогда же она бросила мертворожденную дочку Астерины в огонь, не дав матери даже подержать холодное тельце своего ребенка. А потом бабушка жестоко избивала Астерину и вышвырнула на снег умирать. Правда, скрываемая почти целое столетие, стала известна Маноне совсем недавно. Все эти годы бабушка ей врала.

Можно было лишь догадываться, какие мысли сейчас теснились в голове Астерины, Соррели и Васты. Это они тогда нашли и выходили Астерину, спрятав в пещере. И они тоже никогда не рассказывали Маноне об этом.

Все они знали: Манона – настоящая внучка своей бабушки. И ни у кого это не вызывало ненависти.

– Сумела узнать, кто устроил взрыв? – задала новый вопрос Верховная ведьма.

Теперь они шли по узкому длинному коридору, в конце которого находилась комната совещаний. Развевающиеся бабушкины одежды напоминали вихрь.

– Нет, бабушка.

Взгляд черных с золотистыми крапинками глаз обратился на Манону.

– Странно как-то получается, главнокомандующая. Ты сетуешь на опыты герцога по скрещиванию ведьм с демонами, а через несколько дней весь шабаш Желтоногих, родивших потомство, стораец дотла.

«Ну и черт с ними», – едва не вырвалось у Маноны. От взрыва погибло еще несколько шабашей, зато все плоды жутких опытов герцога были уничтожены. Не видать ему потомства Желтоногих и валгов. Но Манона чувствовала напряженное внимание ведьм своего отряда. Их взгляды так и приклеились к бабушкиной спине.

Следом Манона почувствовала нечто вроде страха. Бабушка ее обвинила, заставив ведьм отряда Тринадцати подвести черту. Нет, черта была подведена раньше появления Верховной ведьмы.

По сути, все эти долгие месяцы, проведенные в Морате, Манона противилась тому, чего от нее хотели. Узнай Верховная ведьма об этом, она бы привязала Манону к столбу и хлестала бы до тех пор, пока со спины внучки не стала бы лоскутами свисать кожа. А ведьм отряда Тринадцати заставила бы смотреть и мучиться от бессилия. Потом та же участь ожидала бы и их. Скорее всего, свежие раны бабушка полила бы соленой водой. И повторяла бы истязания день за днем.

- Поговаривали, будто взрыв устроила человеческая женщина из подчиненных герцога. Но она погибла в огне, и подтвердить ее причастность невозможно. Я не хотела занимать твое время слухами и домыслами.

- Герцог действительно держал ее в полном подчинении.

- Ее, но не теневой огонь.

Теневой огонь был могущественным оружием. Усиленный зеркальными башнями, которые Верховные ведьмы трех кланов сооружали в Ферианской впадине, он бы в считанные мгновения расплавил всех врагов герцога. С гибелью Кальтэны эта возможность исчезла. Прегний адарланский король был мертв. Вряд ли герцог признает власть наследного принца, взошедшего на адарланский трон.

Дальше бабушка шла молча.

На доске, где велась кровавая игра за владычество над континентом, появилась новая фигура: принц с сапфировыми глазами. Он сумел освободиться от власти валгского демона-принца, который не один месяц повелевал его разумом. Едва освободившись, он заключил союз с молодой золотоволосой королевой.

У самой двери комнаты совещаний Манона очистила голову от всех мыслей. Караульные с бесстрастными лицами распахнули тяжелую каменную дверь.

Все чувства Маноны пришли в состояние убийственного спокойствия, когда она увидела черный стеклянный стол и того, кто там сидел.

Это был Варнон: высокий, долговязый, с вечной ухмылкой на лице. Он любил наряжаться в камзол зеленого цвета - цвета преданного им королевства Террасен.

Возле стола сидел некто золотоволосый. Кожа его лица и рук была цвета слоновой кости. И никаких признаков герцога. Незнакомец повернулся к ним, и теперь даже бабушка Маноны замерла.

Красивый, сильный, безупречно сложенный. Он был весь в черном. Но Верховную ведьму поразила не красота, сила или наряд. Золотистые глаза - вот что ее ошеломило. Точно такие же глаза были у Маноны.

Глаза валгских королей.

Манона оценила расположение комнаты: двери, окна. Подумала, каким оружием будет сражаться, если выходить отсюда придется с боем. Выучка, доведенная до состояния инстинкта, заставила ее загородить собой бабушку и взять в руки по кинжалу. И все это быстрее, чем золотоглазый успел моргнуть.

Он пристально смотрел на Манону и улыбался:

– Здравствуй, главнокомандующая.

Затем он взглянул на бабушку и слегка наклонил голову:

– И тебя приветствую, Верховная ведьма.

Голос у него был красивый, чувственный и в то же время жесткий. В тоне ощущалась требовательность.

Усмешка Варнона стала напряженной. Смуглое лицо побледнело.

– Кто ты такой? – властно спросила Манона.

Человек кивнул в сторону пустых стульев:

– Манона Черноклювая, ты прекрасно знаешь, кто я.

Перангтон. Он перебрался в другое тело, потому что... Потому что та жуткая, отвратительная тварь, чье отражение Манона иногда ловила в его глазах... теперь обрела плоть.

Напряженное лицо Верховной ведьмы подтвердило догадку Маноны.

– Я устал носить тот мешок, набитый дряхлым мясом, – сказал он, с кошачьим изяществом опускаясь на стул рядом с Варноном. – Мои враги знают, кто я. Полагаю, что и мои союзники тоже, – добавил он, взмахнув длинными сильными пальцами.

Варнон склонил голову и промурлыкал:

– Мой повелитель Эраван, позвольте мне распорядиться насчет воды для Верховной ведьмы. Она проделала долгий путь.

Манона оценила поведение бывшего прихвостня Перангтона. Он выказал уважение ее бабушке и назвал настоящее имя герцога. Возможно, Гислана, которая сейчас стояла в карауле с внешней стороны двери, что-то знала об Эраване.

Валгский король одобрительно кивнул. Бывший правитель Перранта прошел к столику у стены, взял графин. Манона с бабушкой сели напротив Эравана.

У Варнона вдруг проснулась уважительность. Прежде во всех его словах и жестах ощущалась издевка. Но теперь... Возможно, этот проныра сообразил, у

какого чудовища он нынче на поводке, и потому отчаянно ищет союзников. Возможно, Варнон догадывался, что Манона... может быть причастной к взрыву.

Манона взяла протянутый ей Варноном роговой бокал с водой, но пить не стала. Бабушка тоже не притронулась к воде.

Эраван слегка улыбнулся. В его облике не ощущалось ни тьмы, ни порочности. Похоже, он обладал достаточной силой, позволявшей скрывать нежелательные стороны. Вот только изменить цвет глаз он не мог. У него были ее, Маноны, глаза.

Ведьмы отряда Тринадцати и бабушкиного шабаша оставались в коридоре. Только первым заместительницам было позволено стоять у двери.

Комната совещаний превратилась в ловушку, устроенную валгским королем.

Эраван посмотрел на них так, что Манона невольно сомкнула губы, не позволяя себе оскалиться.

- Мой первый вопрос: силы Ферианской впадины приведены в готовность?

Бабушка Маноны слегка кивнула:

- Они вылетят на закате. В Рафтхале будут через пару дней.

Манона не осмелилась шевельнуться.

- Вы посылаете ту часть воздушной армии в Рафтхол? - спросила она у Эравана.

- В Рафтхол я посылаю тебя и твоих ведьм. Вы должны будете занять мой город. Когда вы выполните эту задачу, там разместится Ферианский легион под командованием Искры Желтоногой.

В Рафтхол! Наконец-то им предстоят настоящие сражения и можно будет проверить, на что способны их драконы в бою.

- Вы предполагаете нападение оттуда?

Эраван мертвенно улыбнулся:

- Наши силы будут двигаться быстро и нападут неожиданно.

Теперь понятно, почему эти сведения скрывались вплоть до сегодняшнего дня.

Манона нетерпеливо постукивала ногой по черному полу. Ей хотелось сорваться с места и раздавать приказы, готовя отряд к полету.

- Сколько моратских шабашей взять мне с собой на север?

- Вторую половину нашего воздушного легиона возглавит Искра. Вряд ли нужно сдерживать с места много здешних шабашей.

Слова Эравана были вызовом и проверкой.

Манона задумалась.

– Тогда я полечу со своим отрядом Тринадцати и двумя шабашами сопровождения.

Незачем давать врагам подсказку насчет числа шабашей и общей численности воздушной армии. Манона была готова поспорить на любые деньги, что для овладения адарланской столицей хватило бы и одного ее отряда Тринадцати.

Эраван чуть наклонил голову, выражая согласие. Бабушка едва заметно кивнула. Большого одобрения Манона от нее никогда не видела.

– А как быть с принцем? – спросила Манона.

Теперь уже не с принцем. С королем Дорином.

Бабушка метнула в нее недовольный взгляд, но демон сказал:

– Привези его ко мне. Если он уцелеет.

С тех пор как огненная королева отправилась в свои края, Дорин Хавильяр и его город оставались беззащитными. Это обстоятельство мало волновало Манону. Война есть война.

Закончится война, и можно будет вернуться в Западный край – на их потерянную родину. Так обещала ведьмам прежняя власть. Но демон-король вполне может отказаться. Ведь это не он давал обещание.

Ничего, потом она со всем разберется. Но вначале... настоящее сражение. Манона уже слышала в своей крови безудержную боевую песнь.

Король-демон и Верховная ведьма продолжили разговор. Маноне пришлось заглушить в себе музыку звенящих щитов и сверкающих мечей и прислушаться.

– После захвата столицы мне понадобятся корабли, способные плыть по Авери, – сказал Эраван.

– Те люди на Серебряном озере согласились?

Бабушка разглядывала карту на столе, придавленную по краям гладкими камешками. Река Авери, на которой стоял Рафтхол, вытекала из Серебряного озера. На берегу того же озера, чуть западнее, стоял Аньель. За ним начинались Белоклычьи горы.

Перангтон-Эраван пожал широкими плечами:

– Их правитель пока что не приносил клятву на верность ни мне, ни мальчишке-королю. Когда он узнает о падении Рафтхола, его посланцы будут обивать наши пороги, умоляя об аудиенции.

На губах короля-демона мелькнула улыбка.

– Их крепость близ Западного водопада до сих пор хранит отметины в память о проходе моей армии. Аньель кишит памятниками жертвам той войны. Правитель должен понимать, что я с легкостью могу опять превратить его город в склеп.

Манона снова уткнулась в карту, решив больше не задавать вопросов.

Валгский король был стар. Настолько стар, что рядом с ним Манона чувствовала себя ребенком. С вершин своего возраста он не видел особой разницы между нею и бабушкой.

Выходит, напрасно Манона считала бабушку умной. Верховная ведьма стлупила, заключив союз с этим чудовищем и, по сути, продав ему своих соплеменниц.

Выдержав пристальный взгляд Эравана, Манона поняла, что совсем без вопросов ей не обойтись.

– Располагая Моратом, а в скором времени – Рафтхолом и Аньелем, мы охватываем только южную половину Адарлана. Как обстоят дела к северу от Ферианской впадины? И дальше на юг?

– Бельхэвен остается под моей властью. Его правители и торговцы слишком любят свое золото. Мелисанда... – Золотистые глаза короля-демона вперились в то место на карте, где находилось это западное государство. – Эйлуэ погребено под собственными обломками. Фенхару тоже еле шевелится. Получается, что Мелисанде не остается иного, как продолжать союзнические отношения со мной. Особенно сейчас, когда Террасен гроша ломаного не стоит.

Взгляд короля переместился к северному краю карты.

– Аэлина Галатиния к этому времени наверняка уже добралась до своего обожаемого Оринфа. Когда Рафтхол падет, она поймет, что осталась в полном одиночестве. У наследницы Брэннона нет союзников на Эрилее. Точнее, больше нет.

Однако Манона заметила, как вспыхнули глаза короля-демона, когда он смотрел на Эйлуэ.

Бабушка молча следила за нею. Чувствовалось, она готова оборвать жизнь внучки, если та пойдет слишком далеко. Но Манона не собиралась останавливаться:

– Ваша столица – настоящее сердце торговли. Если я обрушу мой легион на Рафтхол, вы недосчитаетесь многих своих союзников из числа людей.

– Насколько помню, Манона Черноклювая, раньше это был мой легион.

Манона выдержала и этот пылающий взгляд Эравана, хотя и чувствовала, что ее раздевают.

– Если Рафтхол превратится в сплошную грудку развалин, правитель Аньеля, королева Мелисанды и те, кто правит Фенхару, могут пойти на риск и

выступить против вас. Если вы разрушаете собственную столицу, как они поверят вашим словам о союзнничестве? Впереди нас должен отправиться ваш указ, объявляющий новых короля и королеву врагами континента. Пусть мы будем выглядеть не захватчиками, а освободителями Рафтхола. И тогда остальные правители дважды подумают, прежде чем объединяться с Террасеном. Я готова частично разрушить город, чтобы показать нашу силу, но не дайте Железному стереть Рафтхол с лица земли.

Золотистые глаза короля сощурились. Он задумался.

Манона чувствовала: еще одно слово, и железные ногти бабушки вопьются ей в щеку, но продолжала сидеть, расправив плечи. Ее совсем не заботила судьба города и его жителей. Манону волновало совсем другое: полное разрушение Рафтхола могло бы объединить недавних врагов. Впрочем, Манона думала даже не об этом. При таком повороте событий война могла затянуться, отдаляя возвращение Черноклювых в Западный край.

Варнон встретился с нею взглядом, и его глаза вспыхнули. В них был страх и расчет.

- Ваше превосходительство, в словах главнокомандующей есть здравый смысл, - вкрадчиво произнес он, повернувшись к Эравану.

Варнон что-то знал, чего не знала она. Интересно, что? Но Эраван наклонил голову. Золотистые волосы закрыли лоб.

- Потому, Манона Черноклювая, ты и стала главнокомандующей моей воздушной армией, а Искара Желтоногая не получила этой должности.

Внутри Маноны боролись гордость и отвращение, но она кивнула.

- Еще один момент, - сказал Эраван.

Она замерла, ожидая его слов. Король-демон развалился на стуле.

- В Рафтхоле есть стеклянная стена. Она заметна еще издали.

Манона знала эту стену и даже сидела на ней.

- Произведи столько разрушений, сколько необходимо, чтобы показать нашу силу и укоренить страх во всех сословиях жителей. Но эту стену... сровняй ее с землей.

- Зачем? - коротко спросила Манона.

Золотистые глаза вспыхнули горячими угольками.

- Разрушение символа может сломить дух людей ничуть не хуже бойни.

Стеклянную стену создала магия Аэлины Галатинии. Это был знак ее милосердия. Манона выдержала очередной взгляд короля-демона. Он тоже кивнул, отпуская ее.

Манона вышла, успев заметить, как Эраван стал что-то говорить Варнону. Только потом, в одном из бесчисленных коридоров, она поняла свою оплошность. По уставу она должна была остаться для защиты Верховной ведьмы.

Отряд Тринадцати опустился на дно ущелья, где находились кузницы, военный лагерь и их личный арсенал. Седлая драконов в новом гнезде (старое было сметено взрывом) и потом, по пути сюда, никто из ведьм не решился заговорить.

Вместе с ними, преодолевая вечный смрад и дым ущелья, опустились ведьмы двух шабашей сопровождения, выбранных Маноной. Оба – из Черноклювых. Как и отряд Тринадцати, они поспешили к своим арсеналам.

На глинистой земле, истоптанной сотнями ног, громоздился лабиринт жилых шатров и кузниц. Выбрав уголок поукромнее, Манона сказала сородницам:

– Вылетаем через полчаса.

Невдалеке кузнецы и подручные уже одевали в доспехи драконов, которых на это время приковали цепями к железным столбам.

При достаточной расторопности никто из людей не станет драконьей пищей. Но небесно-голубая дракониха Астерины уже приглядывалась к человеку, хлопотавшему возле нее.

Маноне где-то было любопытно: сумеет дракониха закусить на дорогу или нет. Усилием воли она отвернулась и продолжала:

– Если нам повезет, мы окажемся на месте раньше Искры и зададим тон всем разрушениям и устрашениям. Если нет – разьем Искру и прекратим то, что ее шабаш успел начать. Принца оставьте мне.

Говоря это, Манона не осмеливалась взглянуть на Астерину.

– Не сомневаюсь, что Желтоногие попытаются заполучить его голову. Останавливайте каждую, кто на это отважится.

Возможно, заодно они покончат и с Искрой. Во время сражений всякое бывает.

Отряд Тринадцати молча склонился, выражая понимание и повиновение.

– Полное боевое облачение. – Манона зловеще улыбнулась. – Туда мы явимся во всем нашем устрашающем великолепии.

Ответом ей были двенадцать столь же зловещих улыбок. Ведьмы прошли в шатер, где на столах и манекенах были разложены и развешены части доспехов. Все эти месяцы кузнецы изготавливали их с усердием и тщательностью.

Возле Маноны, как того требовал устав, осталась лишь Астерина. Главнокомандующая поймала за рукав проходящую мимо Гислану.

– Расскажи, что тебе известно про Эравана, – потребовала Манона, перекрывая грохот кузниц и рев драконов.

Гислана побледнела и уже открыла рот, когда Манона сердито добавила:

– Только самую суть.

Гислана нервно стлотнула. Остальные ведьмы занялись облачением. Невзирая на окружающий гвалт, ученая ведьма говорила так, чтобы ее слышали только Манона и Астерина.

– Он был одним из трех валгских королей-демонов, вторгшихся на землю в незапамятные времена. Его спутников либо убили, либо отправили обратно в их темный мир. Эраван застрял здесь с небольшой армией. На Эрилею он бежал после того, как Маэва и Брэннон уничтожили значительную часть его сил. Целую тысячу лет он восстанавливал армию, укрывшись в подземельях Белоклычьих гор. Когда он решил, что достаточно подготовился... а к этому времени пламя короля Брэннона начало слабеть, Эраван вышел на поверхность, намереваясь захватить весь континент. Легенда гласит, что он был побежден дочерью Брэннона и ее возлюбленным из числа людей.

– Похоже, легенда врет, – хмыкнула Астерина.

– Иди облачаться, – сказала Манона, выпуская руку Гисланы. – Найдешь время – расскажи остальным.

Гислана поклонилась и поспешила к шатру арсенала.

И снова Манона не уделила внимания Астерине. Сейчас не время для таких разговоров.

Немого кузнеца она нашла на его обычном месте. По грязному лбу обильно струился пот. Но глаза кузнеца смотрели спокойно и уверенно. Он снял со стола рогожу, открыв сверкающие, полностью готовые доспехи Маноны.

Их блеск был особым, поскольку кузнец изготовил их из чешуек темного металла. Это делало части доспехов похожими на узорчатую драконью чешую. Манона провела пальцем по чешуйкам, соединенным внахлест, затем потянулась к кольчужной рукавице, сделанной точно по ее руке.

– Какая красота, – вырвалось у нее.

Доспехи были устрашающими и в то же время красивыми. Интересно, о чем думал немой кузнец, изготавливая чешуйку за чешуйкой? Он ведь знал, что Манона, облачившись в это произведение искусства, будет лишать жизни его соплеменников. Но лицо кузнеца, как всегда раскрасневшееся от жары, ничего не выражало.

Сбросив плащ, Манона принялась облачаться. Доспехи облегали ее, словно вторая кожа: гибкие и податливые там, где это было необходимо, и предельно прочные в других местах, где от этого зависела ее жизнь.

Когда она полностью облачилась, кузнец окинул ее взглядом, удовлетворенно кивнул. Потом нагнулся и достал из-под стола завершающую часть облачения – шлем, похожий на корону. Манона не сразу решилась надеть его.

Кузнец изготовил его из того же темного металла. Наносник и налобник были сделаны таким образом, чтобы бóльшая часть ее лица оставалась в тени, за исключением рта. И ее железных зубов. Корона шлема оканчивалась шестью маленькими копиями, устремленными вверх.

Шлем завоевательницы. Шлем демонессы.

Двенадцать ее ведьм, полностью облаченные, смотрели на нее. Манона торопливо затолкала косу внутрь доспехов и надела шлем.

Он плавно опустился на ее голову, приятно холодя разгоряченную кожу. Шлем скрывал лицо, но не мешал ей смотреть. Манона прекрасно видела кузнеца. Скупой на выражение чувств, он вновь лишь одобрительно кивнул.

– Спасибо, – вдруг сказала Манона, удивляясь себе.

Ответом ей был такой же легкий кивок.

Солдаты торопились убраться с ее пути, когда Манона стремительно подошла к Аброхасу и уселась в седло, подав сигнал остальным ведьмам. Ее дракон тоже был в полном боевом облачении. Кажется, доспехи ему нравились.

Отряд Тринадцати взмыл в небеса, оставляя Морат позади. Манона даже не обернулась.

Глава 4

Эдион и Рован не отпустили посланника Дарро, лишив его возможности предупредить хозяев. За весну Муртаг и Рен немало сделали ради возрождения Террасена, но симпатии деда и внука вполне могли измениться. Поэтому Аэлине и ее соратникам стоило использовать все возможные преимущества – например, внезапность своего появления в таверне.

Аэлине подумалось, что затянувшееся ненастье – это знак. А может, преклонный возраст Муртага – всего лишь удобный предлог для Дарро, чтобы устроить ей проверку. Мелькнувшая мысль заставила ее обуздать закипавший гнев.

Таверна находилась в лесу, на перекрестке дорог. Из-за дождя и позднего времени в ней было многолюдно. Чтобы поставить лошадей в конюшню, пришлось заплатить вдвойне. Аэлина знала: одно ее слово, одна вспышка магического огня, и опустеет не только конюшня, но и зал таверны.

На подходе к таверне Лисандра, отправившись на разведку, обшарила и обнюхала окрестности. Вскоре из кустов появилась ее мокрая голова со взъерошенной шерстью. Все чисто.

Свободных комнат на втором этаже не было. В самом зале – не протолкнуться. Здесь собрались путники, охотники и вообще те, кого застиг нескончаемый ливень. Все стулья и скамейки были заняты. Часть посетителей сидели прямо на полу, привалившись спиной к стене.

«Похоже, иного ночлега здесь не предвидится», – с неудовольствием подумала Аэлина.

Их появление осталось почти незамеченным. Лишь несколько голов повернулось в сторону незнакомцев в промокших плащах, с чьих капюшонов капала вода. Капюшоны скрывали лица, а плащи – оружие. Не увидев чего-либо примечательного, посетители вернулись к своим кружкам, картам и пьяным песням.

Лисандра наконец вернулась в человеческое обличье. Несколько месяцев назад, еще в Рафтхоле, она говорила Аэлине о намерении кое-что изменить в своем теле. Теперь она исполнила задуманное: некогда пышная ее грудь заметно уменьшилась. Пока шли на «приватную половину», где их ожидали террасенские аристократы, Аэлина поймала взгляд Лисандры и усмехнулась.

– Ну что, так лучше? – негромко спросила Аэлина.

– Ты даже не представляешь, – ответила Лисандра и улыбнулась так, как улыбнулся бы призрачный леопард, если бы умел улыбаться.

Рован, шедший сзади, хмыкнул.

Посланник с Эдионом двигались впереди. Выйдя из шумного общего зала, свернули в тускло освещенный коридор. С круглого помятого щита на спине Эдиона летели дождевые капли. Свечи на стенах встречали их сердитым шипением. Эдиона называли Волком Севера. Многие победы в сражениях были одержаны благодаря его фэйской силе и скорости, но воины легиона Беспощадных видели в нем прежде всего человека, которого они уважали и которому верили. Аэлина запоздало подумала, что ей, пожалуй, стоило бы сменить свое фэйское обличье на человеческое.

Ее ждала встреча с Реном Ручейником. Друг далекого детства. Минувшей зимой, освобождая Шаола из плена, она чуть не убила Рена. Тогда они не узнали друг друга. И потом, обосновавшись в ее рафтхольском труппном жилище, Рен даже не догадывался, что оно принадлежит его исчезнувшей королеве. Его деда Муртага Аэлина помнила смутно. В основном воспоминания касались обедов у дяди. Муртаг незаметно подкладывал ей на тарелку добавочные куски ее любимого черничного пирога.

Всему хорошему, что уцелело в их несчастном королевстве, всему зыбкому спокойствию Террасен был обязан Эдиону (вмятины на его щите были зримым подтверждением его усилий) и тем троим, что приехали на встречу с Аэлиной.

От этих мыслей ей захотелось опустить плечи и сжаться. Эдион с посланником уже подошли к двери. Посланник простучал условный сигнал. Быстроногая виляла хвостом и шумно отряхивалась, разбрызгивая воду. Лисандра фыркнула. Взять с собой на тайную встречу мокрую собаку – такое могла себе позволить только королева.

Еще давно Аэлина пообещала себе: она ни за что не станет принижать свое истинное положение. Она прошла через тьму, кровь и отчаяние, но выжила. Даже если господин Дарро станет предлагать ей солдат и деньги на ведение войны.. у нее самой есть и то и другое. Конечно, чем больше, тем лучше, но и она явилась к ним не с пустыми руками. Они трудились во имя Террасена. Она делала то же самое. Ради себя. Ради своих подданных.

Аэлина расправила плечи. Эдион вошел первым:

– Ну что, изнеженные придурки? Испугались дождичка и заставили нас тащиться в эту дыру? Рен, не разевай рот. Понимаю, ты опять ни при чем. Мое почтение, Муртаг. Всегда рад тебя видеть. А ты, Дарро, смотрю, кудри отрастил не меньше моих.

Ему ответил сухой, холодный голос:

– Эдион, ты окружил встречу невыносимой секретностью. Можно подумать, что по своему родному королевству ты вынужден пробираться сквозь лесные чащи.

Аэлина подошла к приоткрытой двери. Может, сказать этим дурням, чтобы говорили потише? Ее фэйские уши улавливали больше звуков, чем уши людей. Обойдя Лисандру и Венгу, она остановилась у порога, привычно отглядывая помещение.

В комнате было нестерпимо жарко. Они даже приоткрыли единственное окно. Возле пылающего очага – большой прямоугольный стол, заставленный пустыми тарелками и щербатыми подносами. Судя по обилию крошек, ели здесь не так, как на придворных обедах. За столом сидели два старика. Над одним склонился посланник, шепча ему на ухо. Что именно – не мог уловить даже обостренный фэйский слух Аэлины. Закончив говорить, посланник поклонился и выскользнул из комнаты. Оба старика выпрямились. Их взгляды переместились туда, где стояла Аэлина.

Она смотрела не на стариков, а на темноволосого молодого человека. Тот стоял возле очага, упиравшись рукой в кирпичное обрамление. Его смуглое лицо с несколькими шрамами было безучастным.

Аэлине сразу вспомнились парные мечи у него за спиной. Тогда его темные глаза ярко пылали.

Она откинула капюшон, ощутив неприятную сухость во рту. Рен Ручейник вздрогнул.

Старики поднялись со стульев. Одного она узнала.

Странно, почему же она не узнала Муртага в ту ночь, когда явилась на заброшенный склад освобождать Шаола? Тогда она убила многих соратников старика. А ведь это он сумел ее урезонить, иначе она бы уничтожила всех.

Другой старик.. Его лицо, невзирая на морщины, было сильным и жестким. Во взгляде – ни удивления, ни радости, ни тем более теплоты. Этот человек привык поступать по-своему и встречать лишь безоговорочное подчинение. Жилистый, сухопарый, но не сторбленный. Воин, привыкший сражаться не мечом, а разумом.

Ее дядя Орлон прекрасно владел и мечом, и разумом. В отличие от Дарро, он был добрым. Аэлина не помнила Орлона рассерженным и не слышала от него ни одного резкого слова. А вот Дарро.. Аэлина выдержала взгляд его серых глаз. Хищник, оценивающий возможную жертву.

– Приветствую, господин Дарро. – Аэлина слегка поклонилась. – У вас тут уютно, – добавила она, не удержавшись от язвительной улыбки.

На лице Дарро не дрогнул ни один мускул, словно она разговаривала со статуей.

Что ж, она тоже умеет играть в гляделки.

Аэлина терпеливо ждала. Наконец Дарро чуть наклонил голову. Видно, посчитал, что с нее этого достаточно. Аэлина была иного мнения.

– Поклонись пониже, – промурлыкала она. – Шея не обломится.

Эдион бросил на нее предостерегающий взгляд.

Дарро не собирался кланяться вторично.

Зато Муртаг поклонился ей в пояс:

– Приветствую тебя, принцесса. Прими наши извинения. Нам пришлось отправить посланника за тобой и твоими спутниками. Но внук беспокоится за мое здоровье, что отнюдь не делает меня здоровее.

Он попытался улыбнуться. Рен, не обращая внимания на слова деда, оторвался от стены и шумно прошел к столу.

– Ты знал, – бросил он Эдиону.

Лисандра закрыла дверь и поманила Венгу и Быстроногую к окну: посмотреть, нет ли любопытных глаз, наблюдающих снаружи.

– Маленький сюрприз. – Эдион улыбнулся Рену.

Прежде чем Рен успел ответить, Рован встал рядом с Аэлиной и откинул капюшон, представ в своем сверкающем великолепии. Как и Дарро, он не улыбался, и его взгляд не сулил террасенскому аристократу ничего хорошего.

– Вот это зрелище, – пробормотал Дарро. – Уже и не припомню, когда я видел нечто подобное.

Муртаг преодолел свою оторопь. Возможно, даже слегка испугался. Тем не менее жестом хозяина указал на пустые стулья:

- Прошу располагаться и простить нам беспорядок на столе. Мы не думали, что посланник сумеет так скоро привести вас сюда.

Аэлина и ее спутники не торопились садиться.

- Если желаете, можем распорядиться насчет еды, - добавил Муртаг. - Должно быть, вы проголодались.

Рен недоверчиво поглядел на деда. Этого Аэлине хватило, чтобы понять, какого мнения о ней молодой мятежник.

А господин Дарро снова смотрел на нее все тем же оценивающим взглядом.

Смирение. Благодарность. Черт побери, ей стоит быть благодарной этому человеку. Она может хотя бы попытаться. Дарро многое сделал для ее королевства. У него были люди и деньги - громадное подспорье в грядущей войне с Эраваном. Если уж на то пошло, предложение встретиться исходило не от них, а от нее. Эдион лишь занимался устройством встречи. Так ли уж важно, если они встретились в другом месте? Главное, они собрались. Это уже немало.

Аэлина заставила себя подойти к столу. Села напротив Дарро и Муртага.

Рен остался стоять. Он следил за каждым ее движением. В его глазах вспыхнул знакомый огонь.

- Рен, спасибо за помощь капитану Эстфолу. Весной ты здорово ему помог.

У Рена дрогнул подбородок.

- Как он? Эдион писал, что сильно покалечился.

- Насколько я слышала, он отправился в Антику, к целителям из Торра-Кесме.

- Рад слышать.

- Может, просветите меня насчет того, откуда вы знаете друг друга? - раздраженно спросил Дарро. - Или я должен угадывать?

Аэлина вполголоса начала считать до десяти.

- Дарро, попридержи свою прыть, - посоветовал Эдион, усаживаясь за стол.

Дарро сплел свои скрюченные, но холеные пальцы с безупречно обработанными ногтями.

- А то что будет? - язвительно спросил он. - Принцесса сожжет меня дотла? Расплавит мне кости?

Лисандра опустилась на стул рядом с Эдионом и приятным, предельно вежливым голосом, в котором не было ни капли угрозы, спросила:

- В этом кувшине еще осталась вода? Наше путешествие в ненастье было несколько утомительным.

Навыки куртизанки пришлось как нельзя кстати. Аэлина была готова расцеловать подругу. Невинным вопросом Лисандра попыталась смягчить напряжение, которое становилось все острее.

- А это еще кто такая? - хмуро спросил Дарро.

Его трудно было обмануть красивой внешностью и учтивыми словами. Эта женщина могла играть милую глупышку и закатывать глаза, но вот только глупости в них не было. И страха тоже. Выходит, Дарро не знал, с кем, помимо Эдиона, ехала сюда Аэлина. И об их способностях тоже.

Эдион отстегнул щит, и тот тяжело плюхнулся на пол.

- Это Лисандра. Герцогиня Караверрская и владелица тамошних земель.

- Нет у нас в королевстве никакой Караверры, - буркнул Дарро.

- Теперь есть, - пожала плечами Аэлина.

Название своим владениям Лисандра придумала сама неделю назад. Среди ночи она буквально прокричала это название в ухо Аэлины. Но прежде ей понадобилось некоторое время, чтобы вернуться в человеческое обличье. Аэлина навсегда запомнила, как призрачный леопард с выпученными глазами рычал и урчал, пытаясь произнести человеческие слова.

Рен по-прежнему стоял, наблюдая за Аэлиной. Сейчас он был похож на хищную птицу. Аэлина улыбнулась ему:

- Я взяла на себя смелость и купила земли, от которых отказалась ваша семья. Так что вы с Лисандрой будете соседями.

- И каково же происхождение госпожи Лисандры? - спросил Дарро.

Он заметил клеймо, проступавшее сквозь ее татуировку. Эта отметина сохранялась в любом обличье, какое бы ни принимала Лисандра.

- Откуда эта, с позволения сказать, герцогиня ведет свой род?

- Мы пришли сюда не обсуждать чьи-то родословные, - спокойно возразила Аэлина.

Она взглянула на Рована. Тот кивнул, подтверждая, что никто из местной прислуги не крутится возле двери и не пытается подслушивать.

Фэйский принц прошел к столику у стены и взял кувшин, о котором спрашивала Лисандра. Понюхал воду. Лишь для вида: Аэлина знала, что Рован уже магическим путем проверил содержимое графина на предмет яда или дурмана. Невидимый ветер понес к столу четыре стакана.

Рен и оба старика смотрели во все глаза. Рован сел, непринужденно наполнил сосуды. Потом, вспомнив о Венге, затребовал на стол пятый, который тоже наполнил и отправил к ней. Девчонка восторженно захлопала глазами, взяла стакан и вернулась к забрызганному дождем окну. Милый ребенок, тихий и безобидный, но внимательно прислушивающийся к каждому слову взрослых. Венга хорошо усвоила науку Лисандры.

- Твой фэйский воин хотя бы умеет еще что-то, помимо грубых жестокостей,
- сказал Дарро.

- Если бы сюда вдруг вторглись враждебные силы, ты, господин Дарро, первым оценил бы эти грубые жестокости, - все так же спокойно возразила ему Аэлина.

- А как насчет твоих способностей? Их я тоже должен оценить?

Аэлину не волновало, откуда он знал о ее магии. Она запрокинула голову и, заставляя себя тщательно обдумывать каждое слово, спросила:

- Какие из моих способностей мне следует проявить?

Дарро улыбнулся одними губами:

- Умение надлежащим образом себя вести. Эта способность очень украсила бы... ваше высочество.

Рован и Эдион, сидевшие по обе стороны от нее, превратились в две натянутые тетивы. Но если она сохраняет самообладание, значит и им это по силам.

Дарро видел в ней лишь принцессу. Не королеву.

- А об этом подумаю. - Аэлина ответила такой же улыбкой. - Теперь поговорим о том, почему я и мой двор пожелаем встретиться с вами.

- Двор? - изогнул седые брови Дарро.

Он медленно обвел взглядом Лисандру, Эдиона и наконец Рована. Рен тоже на них смотрел - со смешанным чувством скуки и недовольства.

- И это ты называешь двором?

- Это часть двора. Когда мы прибудем в Оринф, состав будет расширен.

- Я что-то не понимаю: не будучи королевой, ты уже ведешь разговоры о дворе.

Первый удар. Но Аэлина не опустила голову:

- Мне непонятен смысл твоей последней фразы.

Дарро отхлебнул эля и шумно поставил кружку на стол. Муртаг замер.

– Любой правитель Террасена вначале должен получить одобрение семейств, управляющих провинциями королевства.

Ее жилы наполнились льдом, холодом и еще чем-то древним и непонятным. Аэлине очень хотелось обвинить в этом амулет, висевший на шее.

Холод сменился огнем. Его искорки вспыхивали у нее внутри и были готовы сорваться с языка.

– Ты хочешь сказать, что быть последней из рода Галатиниев – этого недостаточно? – с убийственным спокойствием спросила Аэлина. – Мне нужно еще и доказывать свои права на трон?

Аэлина чувствовала на себе пристальный взгляд Рована, но продолжала смотреть только на Дарро.

– Я пытаюсь объяснить тебе, принцесса, простую и очевидную вещь. Хотя ты и являешься последней из ныне живущих прямых потомков Брэннона, в случае если тебя найдут непригодной для правления, у королевства есть другие возможности, другие направления.

– Велан, прошу тебя, – перебил его Муртаг. – Мы не за тем явились на встречу. Мы собирались обсуждать возрождение королевства, помочь Аэлине и нашу работу с нею.

Его никто не слушал.

– Другие возможности – вроде твоего восшествия на трон? – спросила у Дарро Аэлина.

Изо рта у нее вырвалась струйка дыма. Аэлина загнала дым обратно, едва не поперхнувшись им.

Дарро не дрогнул.

– Странно, что ты думала, будто мы позволим двадцатилетней особе с репутацией ассасина утвердиться в нашем королевстве и начать командовать нами. Родословная – еще не всё.

«Дыши глубоко и думай. Люди, деньги, поддержка со стороны уставшего и измученного народа. Дарро предлагает тебе это. Все это ты сможешь получить, если проявишь здравый смысл и обуздаешь свой характер».

Аэлина притушила огонь внутри, оставив лишь тлеющие угли.

– Я понимаю, что история моей прошлой жизни многих настораживает..

– Меня настораживает практически все, что связано с тобой, принцесса. Начнем с выбора друзей, которых ты поспешила объявить членами своего двора. И хотя это меньшее из зол, однако.. Объясни мне, почему в твоей свите оказалась шлю.. прошу прощения, куртизанка, которая мнит себя знатной дамой? Или почему рядом с тобой сидит один из прислужников Маэвы?

Дарро с усмешкой взглянул на Рована:

- Если не ошибаюсь, принц Рован?

Откуда он знает? Наверное, посланник ему нашептал.

- Как же, слышали мы о тебе, принц. И вот какой интересный поворот событий получается. Когда наше королевство предельно ослаблено, а наследница престола слишком молода, один из самых надежных воинов Маэвы хватается за подвернувшуюся возможность после того, как столько лет смотрел с тоской в сторону Террасена. Или лучше поставить вопрос так: зачем прислуживать у ног Маэвы, когда можно править рядом с принцессой Аэлиной?

Она с большим трудом удержалась, чтобы не сжать кулаки:

- Принц Рован - мой карранам. Искренность его намерений - вне всяких сомнений.

- Ах, карранам. Мы тут успели позабыть древние понятия. Каким еще штучкам научила тебя Маэва в своей Доранелле?

Аэлина воздержалась от ответа. Рука Рована стиснула ее руку под столом. Лицо его при этом выражало полнейшее равнодушие и даже скуку. Обманчивое спокойствие. Затишье перед сильнейшей бурей.

«Ты позволишь мне говорить?» - прозвучал у нее в мозгу вопрос Рована.

Аэлине казалось, что Рован с величайшим наслаждением искромсал бы Дарро на мелкие кусочки. Пожалуй, она бы присоединилась, испытав не меньшее наслаждение.

Аэлина слегка кивнула. Ей сейчас было не до слов. Она всеми силами пыталась удержать пламя, бушующее внутри.

Ей даже стало слегка не по себе, когда фэйский принц посмотрел на Дарро. Триста лет холодной жестокости - вот что сквозило во взгляде Рована.

- Я принес своей королеве клятву на крови. Ты считаешь это бесчестием, в котором меня и обвиняешь?

В словах Рована не было ни капли доброты. В них вовсе не было ничего человеческого.

Надо отдать Дарро должное: он и сейчас не дрогнул. Наоборот, лишь с удивлением посмотрел на Эдиона, потом снова повернулся к Аэлине и, качая головой, спросил:

- Ты отдала священную клятву этому... мужчине?

Рен с удивлением глазел на Эдиона. Шрам на его смуглой коже был сейчас особенно заметен. Аэлина видела его смятение, но тогда она была слишком мала и не могла спасти Рена, как не могла спасти его сестер, когда началось адарланское вторжение и в академии магии, где они учились,

произошла бойня. Видя удивление Рена, Эдион слегка покачал головой, словно хотел сказать: «Я тебе потом объясню».

Рован откинулся на спинку стула. Дарро просто не понимал, что предвещают эта непринужденная поза и легкая улыбка на губах фэйского принца.

– Господин Дарро, я знал многих принцесс, которым предстояло взойти на трон. Но ни одна из них не была настолько глупа, чтобы позволить мужчине помыкать ею и править за ее спиной. Я уже не говорю о моей королеве. Если бы я задумал пробраться на трон, то выбрал бы не Террасен, а какое-нибудь иное, куда более мирное и процветающее королевство.

Он пожал плечами:

– И потом, если бы мои брат и сестра, находящиеся здесь, вдруг заподозрили, что я замышляю недоброе против их королевы или королевства, они бы постарались как можно скорее оборвать мою жизнь.

Эдион мрачно кивнул, а Лисандра вся выпрямилась от гордости. Глядя на них, Аэлине хотелось одновременно плакать и смеяться.

– У тебя, наверное, заготовлен целый список моих прегрешений, в которых ты намерен меня обвинить. И такой же список оскорблений. Ты их долго составлял? – спросила она Дарро.

Пропустив ее вопрос мимо ушей, Дарро обратился к Эдиону:

– Ты сегодня что-то непривычно молчаливый.

– Сомневаюсь, чтобы тебе так уж хотелось узнать, о чем я сейчас думаю.

– Твое право клятвы на крови украдено чужеземным принцем. У твоей королевы – прошлое ассасина. Вдобавок она берет себе в придворные шлюх. И при всем при этом тебе нечего сказать?

Стул под Эдионом застонал. Мельком взглянув на брата, Аэлина увидела, что он впился в боковины сиденья так, что пальцы побелели.

Лисандра, одеревенев от слов Дарро, совладала с собой и не залилась краской стыда.

Аэлина чувствовала: с нее довольно. На пальцах руки, которую она держала под столом, уже плясали искорки. Но Дарро ее опередил и тем самым уберек комнату от пожара:

– Эдион, если ты по-прежнему надеешься занять важный пост в Террасене, ты бы поинтересовался, пересмотрела ли твоя вендалинская родня предложение, сделанное им очень давно. Оно касалось обручения. Проверь, согласятся ли они признать тебя своим родственником. А ведь все могло бы развиваться совсем по-другому, если бы ты и наша любезная принцесса Аэлина были бы помолвлены с вендалинской ветвью. Но Вендалин отверг предложение официально объединить наши королевства. И сделали они это по настоянию Маэвы.

Сказав это, Дарро язвительно улыбнулся Ровану.

Мир Аэлины накренился. Даже Эдион побледнел. Им никто никогда даже не намекал, что когда-то была предпринята попытка заключения брачных союзов. Получалось, вендалинская ветвь Ашериров действительно бросила Террасен на произвол судьбы.

Дарро расцепил пальцы, раздвинул ладони и уложил их на стол.

– Интересно бы знать, что восторженный народ скажет о своей принцессе-спасительнице, когда люди узнают, как она проводила время, пока они тут страдали? – спросил он, будто размышляя вслух.

Он отвечивал Аэлине одну словесную пощечину за другой.

– Но ты, Эдион, всегда умел выворачиваться и выходить сухим из воды, – продолжал Дарро. – Хотя сомневаюсь, известно ли принцессе Аэлине, что...

Не выдержав, Аэлина нанесла ответный удар. Не магическим огнем. Сталью.

Кинжал воткнулся в стол между пальцами Дарро. Тонкое лезвие дрожало, и на нем плясали отсветы пламени очага.

Аэлина зарычала на Дарро. Рован и Эдион привстали со стульев. Рен схватился за кинжал, но вдруг побледнел, увидев призрачного леопарда. Зверь сидел там, где мгновение назад была Лисандра.

Муртаг опасно глазел на оборотня. Дарро и сейчас не испугался. Весь белый от гнева, он смотрел на Аэлину.

– Вот что, Дарро, – прошипела она, придвинувшись к нему почти вплотную. – Если тебе еще не надоело меня оскорблять, валяй, не стесняйся. Но если ты еще скажешь хоть одну гадость про мое окружение, я не промахнусь.

Она сверкнула глазами на кинжал между пальцами старика. Кисти его рук были все в старческих пятнах. Казалось, только чудом лезвие не вонзилось ему в кожу.

– А ты, я вижу, унаследовала отцовский характер, – язвительно усмехнулся Дарро. – Это так ты собираешься править? Значит, всякому, кто тебе не понравится, ты будешь угрожать?

Дарро убрал руки со стола и скрестил их на груди, одновременно отодвинув стул.

– Что бы подумал Орлон, видя, как себя ведет его любимая племянница? Ты этому у ассасинов научилась?

– Выбирай выражения, Дарро, – предостерег его Эдион.

Брови Дарро снова изогнулись.

– Все мои труды этих десяти лет, все жертвы, принесенные мною, делались в память об Орлоне и ради спасения его королевства. Моего королевства. Я не

позволю испорченной высокомерной особе уничтожить все это своими выплесками безудержного гнева. Неужели, принцесса, ты станешь отрицать, что тебе прекрасно жилось в Рафтхоле все эти годы? Ты наслаждалась богатой, сытой жизнью. К чему вспоминать о далеком Террасене, когда ты покупала себе наряды и служила чудовищу? Ты даже забыла, что это чудовище зверски убило твою семью и друзей.

«Солдаты. Деньги. Целостность Террасена», – твердила себе Аэлина.

– Даже твой двоюродный брат, невзирая на его распутные наклонности, помогал нашему северу. А Рен Ручейник, – Дарро театрально махнул в сторону Рена, – пока ты жила в роскоши, находился на грани нищеты. Ты знаешь, что они с дедом сэкономили каждый медяк, отказывали себе, поддерживая пламя сопротивления Адарлану? Они ютились в трущобах, а порою ночевали под открытым небом. Это тебе известно?

– Довольно! – рявкнул Эдион.

– Нет, пусть продолжает, – возразила Аэлина.

– А я уже почти все сказал, – вздохнул Дарро. – Думаешь, народ Террасена обрадуется королеве, которая служила их злейшему врагу? Которая делила постель с сыном их врага?

От рычания Лисандры на столе задрожали стаканы.

Дарро и впрямь отличался редким бесстрашием.

– Или народ обрадуется, что теперь их королева делит постель с фэйским принцем, служившим другому нашему врагу? Как ты думаешь, что подумают люди об устоях королевы?

Аэлине не хотелось знать, каким образом Дарро догадался об их отношениях с Рованом.

– Тебя не касается, с кем я делю постель.

– Вот потому ты и не годишься править королевством. Всех касается, с кем делит постель их королева. Или ты собираешься лгать народу о своем прошлом, отрицать, что служила свергнутому королю и его сыну, но уже другим образом?

Рука Рована сжала под столом ее руку. Пальцы, покрытые инеем, погасили огонь, готовый вырваться из-под пальцев Аэлины. Рован не предостерегал и не упрекал ее. Своим жестом он говорил, что тоже едва удерживается от желания запустить в физиономию Дарро оловянным подносом.

Аэлина безотрывно смотрела на Дарро. Рука Рована придавала ей сил.

– Я расскажу моему народу всю правду, – тихо, но твердо сказала Аэлина. – Покажу шрамы, оставшиеся у меня на спине в память об Эндовьере. Покажу другие шрамы, полученные мною за годы жизни под именем Селены Сардотин. А еще я расскажу людям, что нынешний король Адарлана – не чудовище. У нас с

ним общий враг – исчадие зла, ныне обитающее в Морате. Дорин Хавильяр – единственный шанс сохранить оба королевства и впредь жить в мире.

– А если он окажется вовсе не таким? Ты уничтожишь его каменный замок, как уничтожила стеклянный?

Нечто подобное она в свое время слышала от Шаола. Над этим стоило бы задуматься всерьез. Простые люди могут потребовать от нее обуздать свою силу, равно как и силу ее приближенных. Но пусть Дарро верит, что это она разрушила стеклянный замок и убила прежнего адарланского короля. Ложь в данном случае лучше опасной правды.

Не услышав ответа, Дарро продолжал:

– Если ты всерьез желаешь помочь Террасену, Эдион наверняка найдет тебе применение в рядах легиона Беспощадных. Но в Оринфе тебе делать нечего.

– Это все? – вскинула брови Аэлина. – Или скажешь еще что-то?

Серые глаза Дарро сделались каменными.

– Скажу. Я не признаю твоих притязаний на власть и не считаю тебя законной правительницей Террасена. Того же мнения придерживаются господа Слан, Аронвэд и Ганнер – уцелевшие придворные твоего дяди. Даже если Ручейники тебя и поддержат, они окажутся в меньшинстве против нас четверых. У генерала Ашерира в Террасене нет ни земель, ни титула, а посему его мнение не имеет никакой силы. Что же касается так называемой госпожи Лисандры, мы не признаем никакого герцогства Караверрского. О ее происхождении я вообще помолчу. Твое приобретение земель противоречит террасенским законам и считается недействительным.

Казалось, Дарро говорит от имени всего Террасена.

– Если же вернешься в Оринф без нашего позволения и попытаешься захватить трон, это будет считаться военными действиями и государственной изменой.

Дарро развернул вынутый из камзола пергаментный свиток. Десятки строк, выведенных витиеватым почерком, а внизу – четыре размашистые подписи.

– С этого момента и до тех пор, пока не будет принято иного решения, ты по-прежнему считаешься наследной принцессой, но не королевой.

Глава 5

Аэлина долго смотрела на свиток. Чувствовалось, все это было написано не вчера и не вчера подписано. Поставившие подписи отказывали ей в праве на

трон, даже не встретившись с нею. Эти люди одним росчерком пера изменили ее будущее и будущее ее королевства.

Возможно, она поспешила с устройством встречи. Вначале нужно было вернуться в Оринф. Пусть бы народ увидел возвращение своей королевы. Тогда Дарро и его сообщникам было бы труднее вытолкнуть ее из дворца.

- Настоящая угроза сейчас собирает силы на юге Адарлана. А тебя и таких, как ты, похоже, больше волнует, как бы не пустить меня в Оринф? Или вы думаете, что на этот раз Террасен останется в стороне от потрясений?

- Когда у нас возникнет надобность в твоих... дарованиях, мы дадим тебе знать, - усмехнулся Дарро.

Огонь, еще недавно бушевавший внутри Аэлины, погас. Не осталось ни уголька. Казалось, Дарро раздавил его у себя в кулаке.

- Легион Беспощадных будет подчиняться только Аэлине Галатинии, - заявил Эдион с присущей ему непочтительностью, успевшей войти в легенду.

- Приказы легиону Беспощадных отдаем мы, - выплевывая каждое слово, возразил Дарро. - Когда террасенский трон по тем или иным причинам пустует, право командовать всеми вооруженными силами Террасена принадлежит аристократии.

Он буравил Аэлину своими каменными глазами, словно чуя ее замысел открыто вернуться в Оринф и заручиться поддержкой народа.

- Я не шучу, принцесса. Появишься в Оринфе - пеняй на себя.

- Это угроза? - прорычал Эдион, и его рука сама собой потянулась к Мечу Оринфа.

- Это закон, - не моргнув глазом, ответил Дарро. - Закон, который чтители все поколения Галатиниев.

В голове Аэлины все гудело и грохотало. Окружающий мир, наоборот, казался ей мертвым и пустым.

- Нам угрожает армия валгских демонов. На нас движется их король, - не унимался Эдион. - И твоя королева, Дарро, возможно, единственная, кто способен сдержать их наступление.

- Война выигрывается численностью армии, а не магией. Тебе ли это не знать, Эдион? Ты ведь сражался под Фералисом.

Так называлась громадная равнина близ Оринфа, где разыгралось последнее сражение между силами Террасена и Адарлана. Террасенская армия тогда потерпела сокрушительное поражение от войск захватчиков. В живых остались немногие. Это была настоящая бойня. Вода окрестных рек и ручьев на несколько дней окрасилась в цвет крови. Если Эдион сражался под Фералисом... Боги милосердные, ему тогда едва исполнилось четырнадцать. У Аэлины свело живот.

– Магия однажды уже подвела нас, – завершил свою тираду Дарро. – Больше мы ей не доверимся.

– Нам понадобятся союзники, – бросил ему Эдион.

– Нет у нас союзников. Если только ее высочество не пожелает нам помочь и посредством своего брака не добавит нам солдат и оружия... – Дарро сурово поглядел на Рована, – нам рассчитывать не на кого.

Аэлина подумывала, не сказать ли Дарро, что денег у нее достаточно. Денег, добытых убийствами и подлогом. Но.. она вдруг почувствовала внутри что-то холодное и скользкое. Ее толкали на брак с чужеземным принцем. Возможно, с королем или императором.

Неужели такова цена сохранения Эрилей? Море пролитой крови и растоптанные мечты? Вечно оставаться принцессой, так и не став королевой? Сражаться не только силой магии, но и другой – силой ее происхождения?

Она не решалась взглянуть на Рована, встретиться с его глазами цвета сосновой хвои.

Однажды она посмеялась над Дорином. И не только посмеялась, а даже отчитала его за признание. Помнится, тогда принц сказал, что женится только на женщине, в которой почувствует родственную душу. Любой другой брак был для него отвратителен и невыносим.

Быть может, боги возненавидели ее или устроили ей испытание. Выйти из одного вида порабощения, чтобы оказаться в другом. Наверное, так ее наказывали за все годы богатой жизни в Рафтхале.

Дарро наградил ее довольной усмешкой:

– Найди мне союзников, Аэлина Галатиния. Возможно, тогда мы пересмотрим твою роль в будущем Террасене. Подумай об этом. Пожалуй, я должен поблагодарить тебя за эту встречу. Она кое-что прояснила.

Аэлина молча встала. Прочие тоже. Дарро остался сидеть.

Схватив свиток, она пробежала написанное, взглянув на завитушки подписей. Единственным звуком в комнате был треск поленьев в очаге.

Аэлина погасила огонь. Следом она погасила свечи в чугунном настольном канделябре.

Комната погрузилась в темноту. Муртаг и Рен шумно вздохнули. В стекло неутомимо барабанил дождь.

Повернувшись туда, где стоял стул Дарро, Аэлина заговорила во тьму:

– Господин Дарро, советую привыкнуть к тьме. Если мы проиграем эту войну, тьма будет править вечно.

Что-то царапнуло, зашипело. Вспыхнувшей спичкой Дарро зажег одну свечу в канделябре. Колеблющийся огонек осветил его морщинистое, полное ненависти лицо.

– Люди научились зажигать свет и без помощи магии. Вот так-то, наследница Брэннона.

Аэлина смотрела на зажженную Дарро свечу. Пергамент в ее руках превратился в пепел.

Не дав ей ответить, Дарро продолжал:

– Это наше право. Наш закон. Ты, принцесса, можешь игнорировать наше постановление. Ты даже можешь отречься от всего, ради чего жили и умирали твои предки. Правящая знать Террасена высказалась на твой счет.

Рован обнял ее за талию. Но Аэлина сейчас смотрела не на него, а на Рена. Преодолевая гул в голове, она сказала:

– Меня не волнует, будешь ты меня поддерживать или нет, для тебя найдется место при моем дворе. Это моя благодарность за твою помощь Эдиону и капитану. За Нехемию.

Погибшая Нехемия была соратницей Рена. Услышав знакомое имя, Рен сжался. В глазах мелькнула боль. Он хотел что-то сказать, но Дарро опередил и его.

– Напрасно погубленная жизнь, – ехидно усмехнулся Дарро. – Принцесса, безмерно преданная своему народу, которая до последнего вздоха сражалась за...

– Еще одно слово, – тихо перебил его Рован, – и мне будет наплевать на то, кто тебя поддерживает и какие там у вас законы. Еще одно слово в таком тоне, и я выпущу тебе кишки раньше, чем ты успеешь шевельнуться. Понятно?

Впервые за все время встречи Дарро побледнел, увидев в глазах Рована недвусмысленное обещание смерти. Однако сказанное Дарро возымело свое действие, вызвав тошнотворное отупение.

Эдион выдернул из стола кинжал Аэлины.

– Мы учтем ваши соображения, – сказал он, обращаясь к Дарро и обоим Ручейникам.

Он поднял щит, затем положил руку Аэлине на плечо и развернул ее к двери. Только вид измятого щита брата и древнего меча у него на поясе заставил Аэлину переставлять ноги. Она двигалась как сквозь жуткую пустоту.

Рен открыл дверь, высунул голову в коридор и тут же отошел, пропуская Лисандру. За леопардом вышли Венга и Быстроногая, невозмутимо помахивающая пушистым хвостом. Тайная встреча, черт бы ее побрал.

Аэлина остановилась на пороге. Ей хотелось что-то сказать Рену, но из коридора вдруг донеслось рычание Лисандры. Аэлина мгновенно схватилась за кинжал, приготовившись отражать нападение.

Но к ним бежал знакомый уже посланник Дарро.

– Рафтхол, – выдохнул он, останавливаясь. С мокрого плаща стекали струйки воды. – Я перехватил разведчика. Он возвращался из Ферианской впадины. Армия Железнодорожных ведьм движется на Рафтхол. Им приказано разрушить город.

Аэлина стояла на полянке близ таверны, чьи окна светились сквозь пелену дождя. Под холодными струями волосы прилипали ко лбу, по коже бежали мурашки. Мокли все. Рован сейчас прицеплял к поясу добавочные кинжалы: магическую силу он решил приберечь для предстоящего.

Они вытрясли из посланника все сведения, хотя узнали не так уж много.

Часть воздушной армии Железнодорожных ведьм, помещавшаяся в Ферианской впадине, двигалась на Рафтхол. Их целью был Дорин Хавильяр, живой или мертвый.

Судя по всему, они достигнут адарланской столицы завтра к вечеру, и как только Рафтхол будет захвачен... сеть Эравана накроет всю срединную часть континента. Никакая помощь из Мелисанды, Фенхару или Эйлуэ не сможет пробиться. И путь подкреплению из Террасена тоже закрыт. Можно двинуться в обход гор, но на это понадобится не один месяц.

– Нам ничем не помочь городу, – сказал Эдион, перекрывая шум дождя.

Они втроем стояли под раскидистым дубом, внимательно наблюдая за Реном и Муртагом. Внук и дед разговаривали с Венгой и Лисандрой, вернувшейся в человеческий облик. Там, где дождевые капли попадали на щит Эдиона, их шелест превращался в барабанную дробь.

– Если ведьмы движутся на Рафтхол, город обречен, – со вздохом добавил Эдион.

Армией ведьм должен кто-то командовать. Хорошо, если Манона Черноклювая. Однажды главнокомандующая спасла их, но то была плата за спасение ее собственной жизни. Вряд ли ведьма снова протянет им руку.

– Дорина надо вытаскивать любой ценой. – Эдион пристально посмотрел на Рована. – Я знаю манеру Перангтона... то есть Эравана. Нельзя верить никаким их обещаниям. Нельзя, чтобы Дорин снова оказался у них в плену. Или ты, Рован, – добавил Эдион, проводя рукой по слипшимся от дождя волосам.

Пожалуй, это были самые ужасные слова, какие доводилось слышать Аэлине. Рован молча кивнул, и от его кивка у нее подогнулись колени. Перед этим Эдион передал фэйскому принцу два стеклянных пузырька. Что в них? Аэлина даже не знала, где брат их раздобыл.

Что угодно, только не...

Рован погладил ее по руке:

- Я спасу Дорина.

- Я бы не решилась тебя просить, если бы... Дорин нам очень важен. Он - наш главный союзник. Стоит потерять его, и мы полностью лишимся поддержки со стороны Адарлана.

«И потеряем сильного мага, способного противостоять Морату», - мысленно добавила она.

Рован мрачно кивнул:

- Аэлина, я тебе служу. Не надо извиняться, отправляя меня для важного дела.

Только магия Рована позволяла ему оседлать ветер и вовремя попасть в Рафтхол. Но даже он мог существенно опоздать. Аэлина сглотнула. Ей казалось, земля уходит из-под ног.

Возле соседних деревьев что-то мелькнуло. Усилием воли Аэлина придала лицу бесстрастное выражение, потом подошла к другому дубу - кривому и наполовину высохшему - и нагнулась. Что же в этот раз оставили ей тоненькие ручки? Прочие ничего не заметили.

Рован прикрепил весь свой арсенал и спросил с солдатской прямоотой:

- Где мы встретимся после того, как я спасу Дорина?

- Двигайся на север, - ответил Эдион. - Держись подальше от Ферианской впадины.

Из таверны вышел Дарро, требуя к себе Муртага.

- Нет, - произнесла Аэлина.

Рован и Эдион повернулись к ней. Аэлина смотрела на север, туда, где мелькали молнии. Не суждено ей добраться до Оринфа и увидеть родной город.

«Найди мне союзников», - вспомнились слова Дарро.

Она так и не решилась взглянуть на подарок, оставленный ей Маленьким народцем.

- Если Рену можно доверять, - обратилась она к Эдиону, - пусть отправится к легиону Беспощадных и готовит их к уходу с севера. Если мы этого не сделаем, им поневоле придется выполнять приказы Дарро.

- Ты что задумала? - насторожился Эдион.

Не отвечая на вопрос брата, Аэлина повернулась к Ровану:

- Вам с Дорином нужно раздобыть корабль и плыть на юг. Передвигаться по суше слишком рискованно, а так твои ветры за несколько дней домчат вас до Бухты Черепов.

- Дерьмо собачье, - выругался Эдион.

Аэлина кивнула туда, где стояли Рен и Муртаг:

- Помнится, ты мне рассказывал, что у Ручейников налажены связи с капитаном Рульфом. Пусть дед или внук напишет ему рекомендательное письмо. Это надо сделать немедленно.

- Ты вроде и сама знакома с этим Рульфом.

Аэлина невесело усмехнулась:

- Мы с ним расстались... не лучшим образом, и это еще мягко сказано. Но если можно перетянуть Рульфа на нашу сторону...

- Тогда у нас появится небольшой флот, способный перемещаться между севером и югом, плюя на все сухопутные преграды, - закончил за нее Эдион.

Хорошо, что она забрала все золото Аробинна. Теперь оно еще как пригодится.

- Бухта Черепов может оказаться единственным надежным местом, где мы укроемся и будем налаживать связи с другими королевствами.

Аэлина умолчала о том, что, если правильно выстроить стратегию, у Рульфа найдется для них не только флот, способный обойти сухопутную блокаду, но и многое другое.

- Ждите нас с Дорином там, - сказала она Ровану. - Мы сегодня же отправимся на побережье и поплывем к Мертвым островам. Вы опередите нас всего на пару недель.

Простившись с Рованом, Эдион поспешил к Рену и Муртагу. Вскоре старик послушно заковылял к таверне. Дарро поплелся следом, требуя ответа.

Главное, чтобы Муртаг побыстрее написал Рулфу письмо. Остальное ее не волновало.

Оставшись наедине с Рованом, Аэлина сказала:

- Дарро ждет, что я смирюсь и подчинюсь его приказу. Но если мы сумеем собрать на юге армию, это позволит оттеснить Эравана на север - прямо под мечи легиона Беспощадных.

- Даже это вряд ли убедит Дарро и таких, как он.

- С ними я разберусь потом. - Аэлина мотнула головой, стряхивая воду с волос. - А сейчас в мои намерения не входит проигрывать будущую войну

лишь потому, что какой-то старой мрази вздумалось выставлять себя королем.

Рован лукаво улыбнулся и прильнул к ее губам:

- И в мои намерения не входит позволить ему занять твой трон.

- Возвращайся ко мне, - прошептала Аэлина.

При мысли о том, что может ждать Рована в Рафтхоле, у нее сжалось сердце. Боги милосердные, если только с ним что-то случится...

Костяшками пальцев Рован провел по ее мокрой щеке, а затем большими пальцами - вокруг рта. Аэлина положила ему руку на грудь, прямо на то место, где были спрятаны два пузырька с ядом. Ей вдруг захотелось превратить смертоносную жидкость в пар.

Если Рована вдруг схватят. Если схватят Дорина...

- Я не могу тебя отпустить, - вырвалось у нее.

- Можешь, - ответил Рован тоном, почти не оставляющим места для возражений.

Ее принц. Ее командир.

- И отпустишь, - добавил он, снова водя пальцами вокруг ее рта. - А когда мы с тобой встретимся, у нас будет потрясающая ночь. И мне будет все равно, где и есть ли кто вокруг.

Он поцеловал Аэлину в шею:

- Ты мое Огненное Сердце.

Аэлина обхватила его лицо ладонями и притянула к себе. Руки Рована сомкнулись у нее на спине. Они двигались в разных направлениях, словно Рован впитывал ладонями ощущения своей любимой. Их поцелуй был неистовым: лед и пламя, сошедшие вместе. Даже дождь на мгновение перестал и ждал, когда закончится этот поцелуй. И он закончился. Тяжело дыша, они нехотя разомкнули губы.

Среди дождя, огня и льда, среди темноты, молнии и грома в голове Аэлины вспыхнуло слово. Это был ответ, вызов и правда, которую она попыталась оставить без внимания и отбросить. Не ради себя. Ради него. Ради него...

Превращение Рована сопровождалось вспышкой ярче, чем молния. Аэлина заморгала, а когда перестала - увидела большого ястреба, поднимавшегося между деревьями в темное, пронизанное дождем небо. Рован испустил крик и взял вправо - к побережью. В этом крике для Аэлины слилось прощание, обещание их новой встречи и боевой клич.

В горле у нее встал комок. Подошел Эдион, тронул ее за плечо:

- Лисандра хочет, чтобы Муртаг взял Венгу для «придворного воспитания». Девчонка упирается руками и ногами. Придется тебе вмешаться.

Венга цеплялась за Лисандру. Худенькие плечи тряслись от беззвучных рыданий. Вернувшийся Муртаг беспомощно смотрел на эту сцену.

Аэлина пошла по раскисшей земле к ним. Сегодняшнее веселое утро казалось ей совсем далеким.

Подойдя, она погладила Венгу по мокрым волосам. Девчонка подняла голову.

- Ты - моя придворная дама, - сказала ей Аэлина. - А раз так, должна меня слушаться. Ты умная и храбрая, но, если до сих пор наше путешествие было больше похоже на веселую прогулку, теперь судьба заставляет нас отправляться в темные и жуткие места, отчего даже мне страшно.

У Венги дрожали губы. Преодолевая тяжесть в груди, Аэлина негромко свистнула. Быстроногая, спасавшаяся от дождя под лошадиным брюхом, послушно прибежала.

- Я прошу тебя позаботиться о Быстроногой, - продолжала Аэлина, глядя мокрую собачью голову и длинные уши. - В тех темных и страшных местах, куда мы отправляемся, собака может погибнуть. Ты, Венга, - единственная, кому я могу поручить заботу о ней. Ты ведь это сделаешь для своей королевы?

Только сейчас Аэлина поняла: торопясь поскорее оказаться в Оринфе, она мало ценила дни и недели их путешествия. Зачастую они казались ей слишком спокойными и скучными. А ведь это были счастливейшие дни. Напрасно она не наслаждалась каждым мгновением путешествия, когда они были вместе и могли не бояться никаких опасностей.

Лисандра стояла с напряженным лицом. Глаза были мокрыми не только от дождя. Но Аэлина была права, и Лисандра кивнула, после чего снова бросила на Муртага внимательный взгляд хищницы.

- Ты отправишься с господином Муртагом. Он расскажет тебе много интересного о том, как устроен королевский двор. Ты многому научишься. И конечно, позаботишься о нашей четвероногой подруге.

Аэлина нагнулась и несколько раз поцеловала мокрую голову Быстроногой. Собака рассеянно слизывала дождь с лица хозяйки.

- Я могу на тебя положиться? - снова спросила у Венги Аэлина.

Венга посмотрела на собаку, потом на Лисандру, после чего кивнула. Аэлина поцеловала девчонку в щеку, шепнув ей на ухо:

- Когда окажешься среди этих жалких стариков, распространи на них свою магию.

Аэлина подмигнула Венге, добавив:

- Отвоюй у них мое королевство.

Однако Венге было не до улыбок, и она лишь кивнула.

В последний раз поцеловав Быстроногую, Аэлина повернулась к ожидавшемуся ее Эдиону. Тем временем Лисандра нагнулась к Венге, гладила ей волосы и что-то шептала, но так тихо, что даже фэйские уши Аэлины не слышали.

Эдион позвал сестру туда, где стояли оба Ручейника.

- Письмо, ваше... величество, - произнес Муртаг, подавая ей свиток с восковой печатью.

Аэлина взяла письмо, кивком поблагодарив старика.

- Если не хочешь сменить одного тирана на другого, предлагаю тебе вывести с севера легион Беспощадных и все прочие войска, которые согласятся к ним примкнуть, - сказал Рену Эдион.

- Дарро трезво и благоразумно смотрит на вещи, - ответил за внука Муртаг.

- Дни Дарро сочтены, - возразил ему Эдион.

Все трое повернулись к Аэлине. Она же смотрела в сторону таверны. Оттуда к ним торопливо шел Дарро. Этот человек был несокрушимо уверен в своей правоте. Стихия, переломить которую столь же трудно, как остановить нескончаемый дождь.

- Дарро мы и пальцем не тронем.

- Что? - взвился Эдион.

- Готова поспорить на все свои деньги, что он это предусмотрел. В случае его преждевременной смерти путь в Оринф нам будет закрыт навсегда.

Муртаг нехотя кивнул, подтверждая ее догадку.

- И потому Дарро мы не тронем, - продолжала Аэлина. - Мы будем играть в его игру. Играть по правилам, законам и сообразно клятвам.

Лисандра все еще что-то говорила Венге. Та плакала, обнимая свою старшую подругу. Быстроногая крутилась рядом, беспокойно тычась в них мокрой мордой.

Аэлина повернулась к Муртагу:

- Господин Муртаг, в детстве мне не доводилось с тобой встречаться. Но я знаю, что все годы ты был верен моему дяде и нашей семье.

Из потайных ножен Аэлина достала маленький кинжал и полоснула себе по ладони. Ручейники и даже Эдион вздрогнули. Аэлина сжала надрезанную ладонь в кулак:

- А поскольку ты, Муртаг, - человек чести, ты понимаешь, что значит обещание, которое я сейчас даю, скрепляя его своей кровью. Если этой

девочке будет причинен вред, телесный или иной, я не посмотрю на существующие законы и нарушу любые правила.

Лисандра, почуяв кровь, повернулась в их сторону.

– Словом, если Венга пострадает, я вас сожгу. Всех.

– Угрожаешь своему верному двору? – с холодной усмешкой спросил Дарро.

Он не подошел к ним, остановившись неподалеку. Аэлина даже не повернула головы. Муртаг и Рен смотрели на нее во все глаза.

Ее кровь капала на священную землю.

– Пусть это будет вашей проверкой.

Эдион выругался. Он понял. Если те, кто называл себя правителями Террасена, не сумеют уберечь одного ребенка, если им не по силам позаботиться о Венге, зная, что от нее они не получают ни богатств, ни титулов... тогда они достойны гибели.

Муртаг снова поклонился.

– Королева, твоя воля – моя воля, – сказал старик, тихо добавив: – Я потерял двух внучек. Эту я уберегу.

Сказав это, он пошел в сторону Дарро, на которого даже не взглянул.

Рен остался стоять. Сейчас мокрый капюшон скрывал его лицо и тот шрам.

– Жаль, что у нас не было времени поговорить, – сказала ему Аэлина. – Мне пора объясниться.

– Тебе не привыкать покидать бывшую родину. К чему лишние слова?

Эдион предостерегающе зарычал, но Аэлина оборвала брата:

– Рен Ручейник, ты можешь судить обо мне, как тебе угодно. Но только не подведи наше королевство.

Глаза Рена вспыхнули, и в них она прочла ответ: «Как это делала ты целых десять лет».

Это был удар ниже пояса, плевков в душу. Рен взглянул на Венгу, на шрамы, уродующие ее личико. Они были почти точной копией его шрама. Глаза младшего Ручейника чуть потеплели.

А к Аэлине спешил разъяренный Дарро.

– Ты! – начал он.

Аэлина подняла руку. Пламя запрыгало на ее пальцах, превращая дождевые струи в пар. Кровь из надрезанной ладони продолжала течь. Когда-то она надрезала другую ладонь, принося клятву на могиле Нехемии. Капли крови

были почти одного цвета с рубином в эфесе Златинца, висящего у нее за спиной.

- Я дам еще одно обещание. - Аэлина снова сжала надрезанную руку в кулак.

Дарро застыл в напряжении. Кровь Аэлины падала на священную землю Террасена. Ее улыбка стала зловещей. Даже Эдион затаил дыхание.

- Обещаю: как бы далеко я ни находилась и чего бы мне это ни стоило, когда Террасен позовет меня на помощь, я приду. Обещаю своей кровью и своим именем, что не повернусь спиной к Террасену, как ты, Дарро, и твои сподвижники повернулись спиной ко мне. А тебе, Дарро, я обещаю: однажды, когда ты приползешь ко мне, умоляя о помощи, я поставлю судьбу моего королевства выше гордости и не убью тебя за это. Думаю, что настоящим наказанием для тебя станет видеть меня на троне до самого конца твоей никчемной жизни.

Лицо Дарро из белого превратилось в багровое. Аэлина молча повернулась, считая все разговоры оконченными.

- И куда же ты теперь собралась? - спросил Дарро.

Значит, Муртаг ничего не рассказал ему о ее замысле отправиться к Мертвым островам. Интересно.

- Напомнить о старых долгах и обещаниях, - обернувшись, бросила ему Аэлина. - Собирать армию ассасинов, воров, изгнанников и простолюдинов. Заканчивать то, что началось очень давно.

Дарро промолчал.

Аэлина с Эдионом подошли к застывшей Лисандре. Венга беззвучно плакала, обхватив худенькие плечики. Быстроногая прижималась к ней.

Усилием воли Аэлина освободила сердце от печали, а разум - от тревог.

- Пора в путь, - сказала она.

Лисандра и генерал пошли за лошадьми. Эдион на прощание чмокнул Венгу в макушку, после чего Рен и Муртаг взяли ее за руки и повели в таверну. Дарро ушел раньше, даже не попрощавшись. Оставшись одна, Аэлина подошла к дубу, чтобы взглянуть на оставленный подарок.

Маленький народец еще утром знал о перемещении воздушной армии. Должно быть, они и сейчас оставили послание, предназначавшееся только ей.

Дождь уже начал разрушать послание Маленького народца, но Аэлина без труда узнала храм Брэннона на побережье. Фэйри искусно сделали его копию из прутьев и камешков, воссоздали колонны и алтарь... А в середине на священном камне белела фигурка оленя, сделанная из овечьей шерсти. Вместо могучих рогов - изогнутые колючки.

Это был приказ: куда ей идти и чего добиваться. Аэлина была готова слушать и принимать советы, даже если ей придется рассказать другим лишь половину правды.

Она разметала маленький храм, оставив лишь фигурку оленя. Белая шерсть быстро морщилась под дождем.

Негромко заржали их лошади, но Аэлина почувствовала его прежде, чем он появился между темными силуэтами деревьев. Он был слишком далеко отсюда, а потому казался призраком, кусочком из сна древнего бога.

Затаив дыхание, Аэлина следила за ним, насколько хватило смелости. Потом уселась на лошадь и опустила промокший капюшон плаща. Вряд ли ее спутники заметили, что лицо у нее блестит не только от дождевых капель. А может, и они тоже видели Повелителя Севера, застывшего в глубине леса. Дождь притушил сияние, разлитое вокруг белого оленя, который пришел проститься с Аэлиной Галатинией.

Глава 6

Дорин Хавильяр, новый король Адарлана, ненавидел тишину. Тишина стала его спутницей. Она сопровождала короля, когда он шел по опустевшим коридорам каменного замка, по ночам устраивалась в уголке его захлавленной башенной комнаты, делила с ним все трапезы.

Дорин всегда знал: однажды он станет королем. Он лишь не ожидал унаследовать пошатнувшийся трон и пустой замок.

Мать и младший брат по-прежнему находились в Аранте – горной королевской резиденции. Дорин не посылал за ними. Наоборот, распорядился, чтобы они и дальше оставались там.

Он сделал это хотя бы потому, что шум, суета и показной блеск материнского двора были бы еще хуже нынешней тишины. И потом, Дорину не хотелось лгать в глаза матери и брату, отвечая на вопросы, кто разрушил стеклянный замок, истребил большую часть придворных и убил прежнего короля. Вдобавок пришлось бы рассказать и о том, кем, а точнее, чем был его отец, долгие годы одержимый демоном.

Демоном, от которого его мать родила двоих детей.

После разрушения стеклянного замка Дорин поселился в одной из башен каменного. С ее крыши он смотрел на Рафтхол, сверкающий в лучах заходящего солнца, на оранжево-красную извилистую ленту Авери. Покинув Рафтхол, река по прямой устремлялась к близкому морю. Гораздо дальше было до Серебряного озера, откуда она вытекала.

Дорин простер руки. Его ладони были сплошь покрыты мозолями от воинских упражнений. Ему пришлось заново учиться владеть мечом. Его любимые караульные – гвардейцы Шаола – все были мертвы.

Истерзаны пытками и убиты.

Воспоминания о месяцах, прожитых с ошейником из Камня Вэрда, были тусклыми и сбивчивыми. Но в кошмарных снах он иногда видел себя в глубоком подземелье, где отец устроил тюрьму. Его руки были покрыты чужой кровью. В ушах звенели крики. Голоса, умолявшие о пощаде.

Дорин постоянно себе твердил, что это делал не он, а валгский принц-демон, живший внутри его. Вторым виновным был отец.

Ему и сейчас было тяжело смотреть в глаза новому капитану королевской гвардии – другу Несарины Фелак. Дорин попросил капитана научить его сражаться, помочь стать сильнее и проворнее.

Он не позволит себе быть слабым, испуганным и ни на что не годным. Такое больше не повторится.

Дорин повернулся к югу, словно с его башни можно было увидеть далекий южный континент Антика. Наверное, Шаол и Несарина уже добрались туда, и теперь друг его детства находится в городе Торра-Кесме, где даровитые целители восстанавливают покалеченное тело Шаола.

Демон, обитавший внутри отца, сломал Шаолу позвоночник. Последние крупинки человечности в душе бывшего короля позволили смягчить удар и сохранить Шаолу жизнь.

Когда демон завладел телом Дорина, у него не хватило сил на противостояние. Его руками демон пытал, убивал и отбирал все, что пожелает. Получается, отец был сильнее и крепче.

Увы, Дорин никогда не видел отца в истинном человеческом облике.

Он согнул пальцы. На ладони заискрился иней. Магическая сила Дорина была необузданной и неотшлифованной. Рядом – никого, кто мог бы его научить управляться с нею. Да он и не отваживался спрашивать о подобных вещах.

Дорин прислонился к каменной стене, возле двери на лестницу. Затем коснулся бледного шрама вокруг шеи. Сколько бы часов он ни проводил на солнце, упражняясь с оружием и без, след от ошейника все равно оставался белесым. Эту полоску кожи загар не брал. Возможно, и не возьмет никогда.

Наверное, шипящий голос демона-принца никогда не исчезнет из его снов, а сам он будет просыпаться в поту, думая, что это кровь Сорши или Аэлины, которую он ударил мечом во время их поединка в стеклянном замке.

Аэлина. От нее – никаких вестей. Дорин так и не знал, вернулась ли она уже в свое королевство. Усилием воли он прогнал беспокойство и попытался размышлять о причинах этой странной тишины.

Более чем странной, когда разведчики Несарины и Шаола докладывали ему, что Морат приходит в движение.

А в комнате, служившей ему кабинетом, спальней и гостиной, письменный стол был завален бумагами. Перед отходом ко сну нужно все их просмотреть: подписать письма, составленные от его имени, хотя бы пробежать разного рода соображения по устройству жизни в новом Адарлане.

Над городом прогремел гром.

Дорин усмехнулся. Даже небеса прогоняли его с крыши, заставляя заняться делами, если он опять не хочет просидеть до глубокой ночи. Дорин вздохнул и уже собрался идти вниз, как громовые раскаты повторились.

Уж что-то быстро. И раскаты какие-то короткие.

Дорин оглядел горизонт. Ни облачка. Ясное небо, закатом расцветенное в красно-оранжевый и золотистый. Однако город у подножия холма, на котором стоял замок, словно замер. Даже мутные воды Авери, казалось, остановились... Вот опять.

Он уже слышал этот звук.

Магия забурлила в жилах Дорина. Вопреки его воле, каменный пол балкона, устроенного на крыше, стал покрываться льдом. Все происходило настолько быстро, что охлаждавшиеся камни скрипели и стонали.

Дорин попытался убрать лед. Смотрать нити силы, словно выскользнувший из рук клубок пряжи. Лед не слушался его, становясь толще и захватывая всю поверхность камня. Лестница за спиной Дорина тоже начала покрываться льдом.

Где-то на западе тревожно запела труба. Ее высокий, срывающийся голос возвещал об опасности. И вдруг резко оборвался, не успев допеть сигнал.

Стена мешала взглянуть на запад. Дорин сбежал по скользким ступенькам, вернулся в комнату и поспешил к открытому западному окну. Пробираясь сквозь нагромождения книг и бумаг, Дорин одолел полпути до окна, когда тишину разорвали крики.

К городу стремительно приближался легион боевых драконов. Почти черные на фоне заката, они казались стаей громадных летучих мышей. На спинах драконов сидели вооруженные ведьмы. Закат по-прежнему разливал по небу свои краски, а воздух уже звенел от боевых кличей ужасных всадниц.

Манона и ее отряд Тринадцати летели без остановок на сон и отдых. Еще вчера они оставили позади два шабаша сопровождения, поскольку драконы тех ведьм утомились и не могли лететь. Драконы отряда Маноны прошли отличную выучку, потому что ее ведьмы летали едва ли не каждую свободную минуту: на разведку и самостоятельно (точнее, самовольно). Месяцы таких упражнений были потрачены не зря.

К Рафтхолу они летели, стараясь держаться выше облаков, чтобы не заметили с земли. В просветах мелькали зеленые, желтые и синие пятна. Цвета наступившего лета. Но сегодня небо было на редкость чистым. Когда солнце начало клониться к западу, на горизонте появился Рафтхол.

А далеко на западе лежала их родина, потерянная для нескольких поколений ведьм.

На подлете к адарланской столице Маноне стало ясно, что шабаши из Ферианской впадины их все-таки опередили и уже начали бойню.

Искара не стала дожидаться главнокомандующей. Ее ведьмы неслись в сторону дворца и стеклянной стены на восточном краю города.

Манона пришпорила Аброхаса, приказывая лететь быстрее. Он повиновался... насколько мог. Чувствовалось: дракон изможден. Да и они были в не лучшем состоянии.

Искаре хотелось прослыть победительницей. Манона не сомневалась, что наследнице Желтоногих приказано уступить бразды правления... но не раньше, чем Манона появится в городе. Сука. Тщеславная сука, жаждущая первенства.

Отряд Тринадцати приближался к Рафтхолу. Вскоре до их ушей стали доноситься крики. Красный плащ казался Маноне тяжелым, как мельничный жернов.

Манона направила Аброхаса к каменному замку на холме. Он едва был виден поверх сверкающей стеклянной стены. Эту стену ей было приказано разрушить до основания. Манона надеялась, что хотя бы здесь она не опоздала.

Знать бы еще, как действовать дальше.

Глава 7

Дорин объявил тревогу, но гвардейцы уже знали об опасности. Когда он сбежал вниз, они преградили ему путь, прося остаться в башне. Он сделал новую попытку, искренне желая помочь. Тогда гвардейцы начали его умолять. Его умоляли остаться, чтобы королевство не лишилось короля.

В их голосах звучало искреннее отчаяние, да и сами гвардейцы были вчерашними мальчишками. Только это заставило Дорина уступить им. Но быть просто наблюдателем он не собирался.

Он выбрался на крышу башни, простер руку. По другую сторону стеклянной стены драконы устроили настоящий ад, а он ничем не мог им помешать. Крылатые твари кружили над домами, срывая крыши и хватая на улицах зазевавшихся прохожих. Его подданных.

Казалось, небо состояло из одних зубов и когтей. Солдаты городской стражи стреляли метко, но драконы не замечали их стрел.

Дорин призвал свою магию, приказав ей подчиниться. Он призвал лед и ветер, велел им шириться и разрастаться.

И горько сожалел, что, пока Аэлина была в Рафтхоле, не попросил ее научить его азам обращения с магией.

Драконы приближались к замку. Стена вокруг холма совсем не мешала ведьмам. Ему словно показывали, насколько он слаб и беспомощен даже за высоченной стеной. С ним играли, прежде чем напасть.

Дорин выжидал. Пусть подлетят еще ближе, и тогда он обрушит на них свою магию. Пусть его магия не охватывает громадных пространств, как у Аэлины, пусть он не может раскинуть над городом защитный магический купол. Но когда они будут совсем близко...

Больше он не струсит и не проявит слабость.

Первый дракон перелетел через стеклянную стену. Огромный, намного крупнее покрытого шрамами дракона, на котором летала белокурая ведьма. Вскоре к замку направлялись уже шесть драконов. К его замку. К его башне. Они явились за адарланским королем.

Он покажет им, каков адарланский король.

Сейчас главное – точно выбрать момент для удара. Дорин сжал пальцы в кулак, погружаясь вглубь своей магии. Многие ведьмы, подлетев к стене, не двигались дальше. Хвосты их драконов безостановочно хлестали по дымчатому стеклу, откалывая кусок за куском. Похоже, ведьмы считали, что шести драконов со всадниками вполне достаточно для захвата замка и его хозяина.

Ему уже были видны фигуры всадниц в кожаных доспехах, усеянных железными заклепками. Заходящее солнце блестело на металлических нагрудниках драконов. Теперь твари летели над бывшими садами, которые только начали восстанавливать.

Дорин уже видел сверкающие железные зубы ухмыляющихся ведьм. Они смеялись над ним и над героическими усилиями его гвардейцев. Те безостановочно стреляли по ведьмам и драконам из луков и арбалетов. У Дорина звенело в ушах. Выждав еще немного, он протянул руку в сторону ведьм и разжал пальцы.

Лед и ветер помчались им навстречу, врезаясь в драконов и всадниц.

Гвардейцы закричали, но тут же смолкли, перестав стрелять.

Дорин шумно дышал. От выплеска магической силы его шатало. Наверное, нужно было действовать по-другому, но как? Этого он не знал. Дорин вдруг подумал, что по своей воле еще никогда и никого не убивал. Только по принуждению обитавшего в нем демона.

На землю падали окровавленные куски мяса, еще недавно бывшие драконами и ведьмами. В воздухе повис кровавый туман... «Еще!» – требовала магия Дорина, собираясь из глубин для нового удара и заставляя его подчиниться.

За разрушаемой стеклянной стеной лилась кровь жителей Рафтхола. Воздух сотрясался от криков.

Еще четыре дракона перемахнули через полуразрушенную стену. Они летели рядом. Всадницы смотрели вниз, понимая, что среди кровавого месива находятся и изуродованные куски тел их сестер. Из бессмертных глоток вырывались негодующие крики. Ветер трепал желтые повязки на лбу ведьм. Четверка направила своих драконов ввысь, видимо рассчитывая потом камнем упасть на его башню.

Улыбаясь, Дорин высвободил новую волну своей магии. Она пошла двумя потоками, ударив по набирающим высоту драконам.

И снова на землю посыпались окровавленные куски. Впрочем, уже не на землю, а на лед, успевший покрыть ее толстым слоем. Самые тяжелые куски пробивали и лед, и плиты уцелевших дорожек.

Дорин снова погрузился в источник своей магии. Будь он сейчас в городе, он бы сумел свалить больше тварей и ведьм.

За этой мыслью его настигла третья атака. Она пришла не спереди, не сверху и не снизу. Сзади.

Башня качнулась. Дорина отбросило вперед. Он ударился о каменное ограждение и едва не свалился вниз.

Трещали камни, рушилось дерево. Только магия уберегла его голову от соприкосновения со здоровенным обломком плиты.

Дорин бросился в комнату. В стене и крыше зиял громадный пролом. А на куске камня сидела коренастая крепкая ведьма, скаля на него свои железные зубы. На лбу у нее красовалась выцветшая лента из желтой кожи.

Дорин призвал свою магию, но та откликнулась слабым шелестом.

Он слишком быстро и бездумно растратил ее запас. Он не умел управлять потоками силы и не знал, как добраться до самых глубин.

В пролом просунулась драконья голова.

Еще шесть драконов перелетели через стену, направляясь к его поврежденной башне. Правильнее сказать, через обломки стены. Стены, возведенной Аэлиной... Яростная атака драконьих хвостов и когтей уничтожила ее полностью.

Дорин поглядывал на дверь. Он ждал, что она вот-вот распахнется и сюда вбегут караульные снизу. Почему они медлят? Он догадывался о причине, но верить не хотел.

До двери было несколько шагов, но путь туда лежал мимо драконьей морды. Потому-то ведьма и скалила свои железные зубы.

И все-таки у него есть шанс. Единственный шанс прорваться.

Дорин стиснул пальцы в кулак, лишив ведьму дальнейшей возможности его разглядывать. Взмахнул рукой и разжал пальцы. Ледяная полоса, сорвавшаяся с его ладони, ударила дракону в глаза. Тварь заверещала, убрав морду. Дорин метнулся к двери.

Что-то острое, чиркнув его по уху, вонзилось в стену. Кинжал. Дорин протянул руку, готовый толкнуть дверь.

Дракон хлестнул Дорина своим мощным тяжелым хвостом. Короля отбросило к стене. Защитная пелена магии уберегла его кости и голову, но не могла смягчить удар. Для многих такой удар оказался бы смертельным.

Перед глазами замелькали звезды среди клубящейся тьмы. Дверь была совсем рядом.

Дорин попытался встать, однако ноги не слушались.

Его обездвижили...

По телу текла теплая струйка. Кровь. Рана была неглубокой, но довольно болезненной. Дорина задело шипом на драконьем хвосте. Шипы покрывала зеленоватая слизь.

Яд. Особый яд. Прежде чем убить жертву, эта отрава отбирала силы и лишала всякой способности двигаться.

Нет, больше он не попадет в плен. Герцог напрасно ждет его в Морате, держа ошейник наготове.

Магия Дорина вступила в сражение с ядом. Исцеляющая магия. Но она была слишком слаба и действовала медленно – ведь все свои силы он растратил.

Дыша сквозь стиснутые зубы, Дорин попытался поползти до двери.

Ведьма что-то приказала своему дракону. У нее был отвратительный голос, похожий на лай. Дорин сумел приподнять голову. Пока он валялся, сражаясь с ядом, ведьма успела перебраться в седло, откуда теперь намеревалась спрыгнуть. Мечи в ее руках явно показывали, с какой целью.

«Нет!» – мысленно вскрикнул Дорин.

Ведьма так и не осуществила задуманное. Только что она перебрасывала ногу, готовясь выпрыгнуть из седла. И вдруг... из обрубленной шеи хлещет кровь, а головы нет. Дракон взревел, повернулся и... полетел вниз, но не по своей воле. Его столкнул другой дракон, поменьше. Грозный, весь в шрамах, с неестественно сверкающими крыльями.

Дорин не стал дожидаться дальнейшего развития событий и гадать, в какую сторону они повернутся. Он пополз к двери. Магия побеждала яд, который в

ином случае давно бы его убил. Вихрь света яростно сражался с зеленоватой тьмой.

Кожа, мышцы и кость, покалеченные ведьмой, медленно восстанавливались. Дорин ощущал сильный зуд на месте раны. Казалось, там вспыхивают яркие искры и свет разливается по жилам.

Дорин уже тянулся к дверной ручке, когда маленький дракон опустился на пол комнаты. Из оскаленной пасти капала кровь, заливая королевские бумаги. С трудом верилось, что совсем недавно Дорин сетовал на необходимость читать и разбирать скопившиеся дела. С шеи дракона прыгнула гибкая всадница в металлических доспехах. За ее спиной виднелся колчан со стрелами и эфес внушительного меча.

Ведьма сняла странный шлем, увенчанный маленькими пиками, торчащими в разные стороны.

Ее лицо Дорин узнал прежде, чем вспомнил имя. Узнал волосы цвета луны, отражающейся в воде. Сейчас они были разметаны по плечам под темными чешуйками доспехов. И золотистые глаза ведьмы он тоже видел не впервые. Лицо редкой красоты выражало лишь холодную кровожадность. Эта ведьма была умна, опытна и очень опасна.

- Поднимайся! - велела Манона Черноклювая.

Дерьмо.

Это слово неумолчно звучало в голове Маноны, когда она пробиралась по развороченной королевской башне, натываясь на обломки камней, разбросанные книги и бумаги.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Искара будто сквозь землю провалилась. Во всяком случае, в замке ее не было. Зато тут был шабаш Желтоногих.

Потом Манона заметила их караульную. Та пробралась в башню первой и готовилась добыть себе славу, расправившись с королем... Столетняя выучка и инстинкт сработали раньше, чем Манона успела подумать. Аброхас едва успел сюда влететь. Она еще находилась в седле. Один взмах Рассекателя Ветра, и караульная Искры лишилась головы.

Следом Аброхас атаковал дракона Желтоногой: крупного тупоглазого самца. Он не успел даже взреветь, как зубы Аброхаса сомкнулись на широкой драконьей глотке, и оттуда хлынула кровь и полетели куски мяса. Ее дракон столкнул свою жертву вниз, и оба исчезли из виду.

Маноне было некогда удивляться чудесам храбрости, проявленным Аброхасом. Бросился ведь на дракона Желтоногой, зная, что тот крупнее и сильнее. Правильно она тогда угадала, что у Аброхаса - сердце воина. Надо будет сегодня хорошенько накормить боевого друга.

Камзол молодого короля был весь в крови, грязи и пыли. Но сапфировые глаза смотрели живо и осмысленно. Правда, чуточку ошалело.

– Поднимайся! – снова рывкнула Манона, перекрывая крики из обреченного города.

Король тянулся к дверной ручке. Манона поняла: он не собирался звать подмогу или убежать. Она стояла совсем рядом и видела, что он хочет всего лишь подняться.

Манона глядела на его длинные ноги. В прошлый раз король был куда слабее, чем нынче. Видно, даром время не терял, упражняясь и набирая силу. Потом ее взгляд упал на дыру в камзоле и рану. Не ахти какая большая и глубокая, но...

Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Яд шипов драконьего хвоста в лучшем случае обездвиживал жертву, а в худшем – убивал. Для обездвиживания было достаточно легкой царапины. Судя по ране, королю уже полагалось умереть или находиться на последнем издыхании.

– Чего ты хочешь? – хрипло спросил он, глядя то на нее, то на Аброхаса.

Разделавшись с драконом Желтоногой, Аброхас вернулся и теперь крутил шейю в разные стороны, высматривая новых противников и нетерпеливо шелестя крыльями.

Король стремился выиграть время. Ждал, когда рана в боку окончательно исцелится.

Магия. Только очень сильная магия смогла уберечь его от смерти.

– Тихо, ты, – огрызнулась Манона и сама подняла его на ноги.

Король не вздрогнул от ее прикосновения. И железные ногти, пропоровившие ткань камзола, тоже его не испугали. Он оказался тяжелее, чем думалось Маноне. Видно, и впрямь нарастил мышцы. Но для бессмертной силы, какой обладала ведьма, разница была несущественной.

Она забыла, что он заметно выше ростом. Дорин тяжело дышал.

– Здравствуй, ведьмочка, – произнес он, глядя на нее сверху вниз.

Его полуулыбка пробудила в душе Маноны древнюю хищницу. Хищница выгнула спину и наострила уши. Король совсем ее не боялся. Интересно.

– Здравствуй, короленок, – промурлыкала в ответ Манона.

Абрахос предостерегающе зарычал. Повернувшись к нему, Манона увидела приближающегося дракона. Опять Желтоногие.

– Идем!

Манона распахнула дверь на лестницу. Снизу послышались крики. Дорин привалился к стене. Чувствовалось, ему трудно стоять на ногах.

- Я тебя спрашиваю! Здесь есть другой выход?

Король откровенно разглядывал ее, отчего Манона была готова рычать не хуже дракона.

А у них за спиной, словно боги решили вмешаться, мощный порыв ветра отнес дракона и всадницу от башни и швырнул к городу. Ветер был настолько сильным, что дракон закувыркался, будто древесный лист. Даже Аброхас вцепился когтями в каменный пол.

- Есть проходы, - сказал король. - Но ты..

- Тогда найди их. Выбирайся отсюда.

- Зачем? - спросил он, не двигаясь с места.

На загорелой шее Дорина выделялась узкая белая полоска. Манона помнила его черный каменный ошейник, помнила его прежнее жалкое существование. Но это не сделало ее словоохотливее. Она больше не собиралась отвечать на вопросы смертных. Даже королей. Только пояснения, которые она сама считает необходимым дать.

- Перангтон не тот, каким кажется. Это демон в смертном теле. А теперь он и тело сменил. Превратился в золотоволосого молодого красавца. И в любой момент может выпустить исчадия зла, которые долго взращивал в Морате.

Рука Маноны обвела порушенную комнату; сверкнули железные ногти.

- Это лишь первый шаг. Нападением на Рафтхол Перангтон намеревается сломить твой дух, а тебя самого выставить врагом. Этим он рассчитывает обрести поддержку других королевств, где давно ненавидят Адарлан. Собирай силы, пока его армия не разрослась до неодолимых размеров. Он намерен завоевать не только Эрилею, но и остальные континенты.

- Но ведь и ты явилась сюда не по собственному выбору. Ты - часть его армии. Хорошо снаряженной, если судить по твоим доспехам. Зачем ты раскрываешь мне замыслы Перангтона?

- Мои причины тебя не касаются. Беги отсюда.

И вновь мощный порыв ветра разметал всех, кто пытался приблизиться к замку. Даже камни застонали. У ветра был странный, знакомый запах - запах снега и сосен. Древний, мудрый, жестокий.

- Ты убила ту ведьму.

Манона запоздало увидела, что кровью Желтоногой забрызганы не только камни пола. Брызги попали на снятый шлем. Рассекатель Ветра тоже был весь в крови. Манона подумала, что могла бы дать своему мечу новое имя - Истребитель Ведьм.

Она отбросила эту мысль вместе с вопросом, таившимся в словах Дорина.

– Ты теперь у меня в долгу, адарланский король. Готовься, что однажды я потребую уплаты.

Его чувственные губы сжались.

– Переходи на нашу сторону, – вдруг предложил ей Дорин. – Сражайся с нами против него.

Теперь из открытой двери слышались не только крики, но и боевые кличи ведьм. Им все-таки удалось приземлиться возле замка и проникнуть внутрь. Через считанные мгновения ведьмы окажутся здесь и увидят ее с адарланским королем. И если он не уберется прежде... Манона силой оторвала Дорина от стены, толкнув на лестницу.

У него подгибались колени. Он схватился за каменную стену и оглянулся на Манону. Взгляд был не испуганным, а сердитым.

– Неужели ты не видишь, что тебе грозит смерть? – прошипела Манона.

– Я видел смерть и кое-что похуже.

Заледеневшие сапфировые глаза несколько раз оглядели Манону с ног до головы.

– И смерть, которую ты предлагаешь, – благодеяние по сравнению с этим.

Его слова что-то задели у нее внутри, но король уже спускался – прихрамывая и держась за стену. Раздражающе медленно, но не потому, что хотел позлить Манону. Магия Дорина и сейчас еще сражалась с последствиями отравы, и на это уходили все его силы.

Нижняя дверь рухнула под напором. Послышался топот. Дорин замер. Сюда бежали четыре ведьмы из клана Желтоногих. При виде главнокомандующей остановились, опасливо поглядывая на нее.

Рассекатель Ветра дрогнул в руке Маноны. Что-то в душе толкало: «Убей его. Убей сейчас, пока эти ведьмы не разнесли, что тебя видели вместе с адарланским королем...» Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Но Маноне не пришлось решать. Стремительно блеснула сталь, и все четыре Желтоногих пали раньше, чем успели увидеть воина, ворвавшегося вслед за ними.

Серебристые волосы, лицо и шея, покрытые татуировкой, заостренные уши. Это он породил ветер.

Дорин пробормотал ругательство и шагнул к фэйскому воину, но тот смотрел на ведьму. В его глазах сверкал гнев, предвещавший смерть.

У Маноны перехватило дыхание. Из горла вырвался сдавленный звук. Она попятилась, держась за горло. Чтобы не задохнуться, Манона была готова проткнуть дыру в горле. Но магия фэйца сковала ее.

Сейчас он убьет ее за то, что однажды она попыталась сделать с его королевой. За стрелу, которую тогда выпустила Астерина, метя королеве в сердце. Фэйский воин принял ее стрелу на себя.

Манона рухнула на колени. Король подскочил к ней, пригляделся и крикнул воину:

– Нет!

И сейчас же в ее легкие снова хлынул воздух. Манона шумно глотала его, выгнув спину.

Против таких атак ее порода не имела магических щитов. Подобные силы пробуждались у ведьм только в крайнем отчаянии и особо безудержном гневе. Но за это приходилось дорого платить – вплоть до собственной жизни. И потому даже самые кровожадные и бездушные в таких ситуациях прекращали сопротивление.

Манона все еще успокаивала дыхание, когда над нею склонился Дорин. Из-за недавней встряски его лицо расплывалось в ее глазах.

– Когда передумаешь, Черноклювая, разыщи меня, – сказал он и исчез.

Глава 8

Рован из клана Боярышника летел сюда два дня подряд, без пищи, воды и отдыха.

И все равно он достиг Рафтхола с большим опозданием. Адарланская столица уже пребывала в хаосе, устроенном ведьмами и их драконами. За века Рован не раз видел, как гибли города, и потому сразу понял: та же участь уготована и Рафтхолу.

Даже если отчаявшиеся жители соберут ополчение и выступят против ведьм, это лишь ускорит их гибель. Ведьмы успели разрушить стеклянную стену Аэлины. Еще один тактический шаг Эравана.

Рован знал: его вмешательство изменило бы положение в городе, но он направился к каменному замку и башне, в которой жил король. Он выполнял приказ своей королевы.

Пусть он и опоздал. Главное, не безнадежно.

Теперь они с Дорином двигались по коридору. Короля шатало, и Рован крепко держал его за локоть. Острый фэйский слух и чутье помогало Ровану обходить места, где бушевали сражения. Но если за потайными туннелями

следят, если они не сумеют выбраться к сточному каналу... В голове Рована мелькали замыслы, однако ни один не предвещал благополучного завершения.

- Сюда, - дыша ртом, произнес король.

Это были его первые слова с тех пор, как Рован помог ему выбраться из башни. Сейчас они находились в той части замка, где фэйский воин никогда не бывал и видел лишь сверху, когда превращался в ястреба и нес дозор. Как же давно это было! Здесь находились пустующие покои королевы.

- Из материнской спальни есть потайной выход.

Белые двери были закрыты. Рован разнес их напором ветра: створки разлетелись в щепки, досталось роскошной, вычурной мебели и картинам в тяжелых рамах - один порыв смел и вещи ценные, и безделушки.

- Прошу прощения, - пробормотал Рован, хотя и не чувствовал себя виноватым.

Шум вторжения был знаком: запасы магической силы истощаются. Сказывались два дня безостановочного полета и недавнее сражение с драконами.

Дорин равнодушно смотрел на разгром:

- Сюда бы все равно ворвались. Закрытые двери будят любопытство.

Похоже, что и он тоже не был огорчен. Миновав первую комнату, Дорин толкнул дверь в следующую. Он еще прихрамывал, но меньше. Окажись его магия слабее, сейчас бы он корчился в предсмертных муках.

Дорин остановился перед большим портретом в богатой золоченой раме. С холста улыбалась красивая молодая женщина с каштаново-рыжими волосами. На руках она держала младенца с пронзительными сапфировыми глазами.

Король на несколько секунд замер. Этого было достаточно, чтобы Рован понял все. Затем Дорин коснулся рамы с левой стороны. Портрет сдвинулся, обнажив узкую дверцу.

Дорин вытащил из канделябра свечу, зажег ее и шагнул в темноту. Рован вошел следом. Силой своей магии он вернул портрет на место, после чего плотно закрыл дверцу изнутри.

Проход был тесным и пыльным. Издали тянуло сыростью и плесенью. Пока спускались по шербатым ступенькам, Рован своей магией проверил все проходы впереди. Мало ли, в каких углах могли затаиться валгские прихвостни после разрушения часовой башни. Никого: ни валгов, ни иных врагов. Уже легче.

Фэйские уши Рована улавливали крики и стоны, доносящиеся сверху. Там продолжали гибнуть люди.

- Я должен был остаться, - тихо сказал Дорин.

Значит, он тоже слышал. Похоже, магический дар молодого короля был разносторонним. Он мог творить лед и пламя, мог исцелять смертельные раны. Магия давала ему обостренное чутье и дополнительную силу. Наверное, он бы даже смог превращаться в зверя или птицу.

– Живой ты полезнее своему народу, – сказал Рован, слушая приглушенное эхо.

Его начинала одолевать усталость, но он старался об этом не думать. Сначала нужно добраться до безопасного места. Там они и отдохнут.

Не дождавшись ответа, Рован заговорил снова:

– Я видел падение многих городов. И не только городов. Целых государств. Пролетая над Рафтхоллом, я видел, что творится внутри. Даже с твоими способностями ты бы ничего не смог сделать для защиты города.

Рован не знал, как бы они поступили, если нечто подобное случилось с Оринфом. Непонятным оставалось и то, почему первой жертвой Эраван избрал Рафтхолл. Об этом он тоже подумает потом.

– В таком случае я должен был погибнуть вместе с моими подданными, – ответил король.

Лестница вывела их в довольно широкий коридор. Здесь дышалось легче. Рован снова отправил свою магию на разведку. Туннелей и лестниц было более чем достаточно, однако магия подсказала Ровану верное направление. Достигнув очередной развилки, он свернул в правый туннель, надеясь добраться до сточного канала.

– Меня сюда послали спасти тебя от гибели, – сказал Дорину Рован.

Король повернулся к нему и чуть поморщился. На месте, где еще недавно зияла рана от драконьего хвоста, виднелся лишь ярко-красный шрам.

– Ты ведь собирался ее убить, – вдруг сказал Дорин.

– Собирался. А с чего ты решил ее пощадить? – спросил Рован, сразу поняв, о ком речь.

В воздухе уже ощущалось зловоние сточного канала. Дорин рассказал Ровану о событиях в башенной комнате.

– Я бы не особо ей доверял, – заметил Рован, выслушав рассказ. – Но быть может, боги бросят нам кость, и наследница Черноклювых перейдет на нашу сторону.

Если только о ее деяниях не станет известно. По меркам Эравана, это серьезное преступление. Но если все обойдется и на их стороне окажется тринадцать ведьм с драконами... Отряд Маноны считался самым опытным из всей армии Железнодорожных ведьм. Тогда у Оринфа появлялся шанс выстоять против Эравана.

На подходе к сточному каналу они увидели полчища крыс. Грызуны торопились убраться из замка, словно рев драконов предвещал им неминуемую смерть.

Арка, которой оканчивался выход, была завалена обломками камней. Ровану вспомнился «адский огонь», которым они летом подрывали часовую башню. Тогда казалось, что весь замок рухнет.

Рован почувствовал стеснение в груди. Он понял: Аэлина здесь часто ходила. Еще через несколько шагов он увидел на камнях у кромки воды застарелые пятна крови. Фэйское чутье подсказывало: здесь убили какого-то мерзавца.

– Здесь она оборвала жизнь Аркера Фэнна, – подсказал Дорин, перехватив взгляд Рована.

Рован слышал об этом предателе, но сейчас было не время думать о событиях прошлого. Мелькнула другая мысль: здешние придворные явно не отличались умом. Разместить ассасина в комнатах, имевших потайной выход! При желании Аэлине ничего не стоило бы добраться до их королевы.

К каменному столбу была привязана лодка. Изрядно подгнившая, но еще способная держаться на плаву. В том месте, где воды сточного канала покидали пределы замка, была решетка. К счастью, ее не успели закрыть.

Дальнейшая магическая разведка показала Ровану, что в восточной части замка было относительно спокойно. Ни шума крыльев, ни запаха крови. Если бы ведьмам хватало сообразительности, они бы вначале обрыскали весь замок.

Но по крикам из других частей замка Рован понял: ведьмы дали волю своей кровожадности, забыв обо всем. Вряд ли они сейчас способны думать.

– Полежай в лодку, – сказал Дорину Рован.

Дорин хмуро смотрел на заплесневелый, гнилой борт:

– По-моему, она утонет сразу, как мы туда заберемся.

– Ты один, – поправил его Рован. – Тебя она выдержит. Залезай.

Это было произнесено таким тоном, что у Дорина отпало всякое желание спорить. Он полез в лодку:

– А ты?

Сняв плащ, Рован перебросил его королю:

– Ложись на дно и накройся.

Побледневший Дорин послушно лег. Рован быстро перерезал веревку. Затем превратился в ястреба и выразительно похлопал крыльями, чтобы Дорин услышал и понял. Магия Рована стронула лодку, и та понеслась к выходу из подземелья. Всякий увидевший ветхую посудину не обратит на нее особого внимания. Подумаешь, лодка случайно отвязалась.

Вылетев на поверхность, Рован окружил лодку стеной плотного воздуха. Теперь никто не учует короля по запаху, да и шальная стрела не ударит.

Рован летел высоко над лодкой, что спокойно плыла по петляющей речке. Всего один раз он оглянулся на Рафтхол – на город, создавший и сломавший его королеву. На город, служивший ей пристанищем.

Его стеклянная стена превратилась в груды больших и маленьких блестящих осколков, заполнивших траву и окрестные улицы.

Ровану вспомнились недели путешествия в Террасен. Утомительные не только телесно, но и душевно. Его разрывало между страстью к Аэлине и неопределенностью ее ближайшего будущего в Оринфе. Учитывая слова Дарро (его последние обещания не в счет), хорошо, что они не появились в террасенской столице.

Дарро и этот гнусный пергамент с «волей правителей» говорили то же, что постоянно маячило за задворках сознания Рована, не давая ему покоя. Он был принцем лишь по названию.

Ни армии, ни денег. Рован отнюдь не был нищим. Денег у него хватало, но те деньги остались в Доранелле. Мазва никогда не позволит ему их забрать. Скорее всего, их уже распределили между его докучливой родней вместе с землями и домами. Возможно, кто-то из его братьев и сестер – в основном те, с кем он вместе рос, – откажется брать свои доли из-за упрямства и верности родне. (Клан Боярьшника этим отличался.) Как бы то ни было, сейчас он мог предложить своей королеве лишь силу меча, глубину магии и преданность сердца.

Прекрасные качества, но для победы в войне их недостаточно.

Когда Дарро говорил, Аэлина оставалась внешне спокойной, но Рован чувствовал запах ее отчаяния. Зная ее огненную душу, он понимал: слова Дарро не явились для нее пустым звуком. Она задумается о браке с чужеземным принцем или королем. Даже если то, что было между Рованом и ею... даже если он знал, что это не просто телесная страсть и не только любовь.

Сила того, что существовало между ними, могла поглотить мир.

Если они нарушат эту связь, все может кончиться.

Потому Рован и не сказал Аэлине слов, которые собирался сказать. А ведь когда они прощались, интуиция кричала во весь голос, требуя признаться. Полюбить Аэлину только затем, чтобы ее потерять, было ему наказанием за его прежнюю любовь, которую не уберег от смерти. И наказанием за то, что позволил прежней горю утихнуть, перестав заниматься самобичеванием.

Рев дракона и крики умирающих горожан заглушали плеск волн. Люди умоляли о помощи, которой не дождутся. Рован усилием воли притушил боль в груди. Лететь, не оглядываясь назад.

Это было лишь началом войны. Неизвестно, какие ужасы обрушатся на здешние земли в ближайшие дни и месяцы. И как бы он ни старался защитить свою королеву, на ее долю выпадет еще немало испытаний.

Лодка плыла и плыла над зловонной речкой, впадавшей в дельту Авери. Высоко в небе парил белохвостый ястреб. К тому времени стены каменного замка давно уже стали красными от крови.

Глава 9

Элида Лошэн знала: за нею охотятся.

Три дня подряд она пыталась запутать следы, бредя по бесконечному Задубелому лесу. Кончилось тем, что сама запуталась. В лесу это называлось – заблудилась.

За три дня она почти не сомкнула глаз. Едва останавливалась, чтобы похватать ягод и напиться из ручья по пути.

Вначале она свернула на юг, надеясь, что этот маневр запутает того или тех, кто ее преследовал. Почти целый день Элида шла в южном направлении. Потом поворот на запад – в сторону гор. И опять на юг? Или на восток? Она сама уже толком не знала. Элида чувствовала себя беглянкой. Задубельный лес был настолько густым, что она почти не видела солнца. И звезд тоже. Элида не решалась задержаться на одном месте подольше и поискать удобное дерево, на которое можно влезть даже с ее увечной ногой и поискать на небе Повелителя Севера. Это созвездие было маяком, указывающим ей путь домой.

К полудню третьего дня она едва не плакала от усталости, злости и страха, пробиравшего до костей. Если кто-то или что-то затеяло охоту на нее, торопиться им некуда: ни в минувшие дни, ни сейчас. Убить ее они всегда успеют.

Зажав в дрожащей руке нож, Элида остановилась на полянке, где протекал быстрый ручеек. У нее болели ноги – особенно покалеченная, ни на что не годная. Элида была готова продать темному богу душу за несколько часов в покое и безопасности.

Бросив нож в траву, она рухнула на колени у ручья и принялась пить. Она и сейчас торопилась, жадно глотая воду, вдогонку к съеденным ягодам и кореньям. Потом наполнила фляжку, безуспешно пытаясь унять дрожь в руках.

Металлический колпачок фляжки выскользнул из дрожащих пальцев и упал в ручей.

Элида выругалась сквозь зубы. Засунув руки по локоть в холодную воду, она старалась нашарить колпачок, отпихивая камешки и скользкие стебли речной травы. А она-то надеялась немного передохнуть.

Наконец ее пальцы наткнулись на колпачок, и в этот момент окрестный лес впервые содрогнулся от воя.

Элида замерла. Лес вокруг нее тоже.

Ей доводилось слышать вой собак. За время долгой, тряской дороги из Перранта в Морат она не раз слышала леденящий душу вой волчьих стай. Но этот был совсем другим. Он напоминал..

Похожий вой будил ее по ночам в Морате, а потом еще долго отдавался в ушах. Многоголосый вой, о котором не смели даже шептаться.

И сейчас, среди леса, она вдруг услышала точно такой же. Звук, который не спутаешь ни с чем.

«Мы сотворим чудеса, и от них задрожит весь мир».

Боги милосердные. Элида ощупью завинтила фляжку. Она не знала, кто или что издавало эти звуки, но они быстро приближались. Надо залезть на дерево, и как можно выше. Спрятаться среди ветвей и листьев. Может, это ее спасет.

Элида повернулась, чтобы убрать фляжку в мешок. На другом берегу ручья, опустившись на корточки, сидел воин. У него на колене покачивался длинный страшный кинжал.

Черные глаза незнакомца пожирали Элиду. У него были такие же черные волосы до плеч. Лицо казалось высеченным из гранита.

– Вот что, девка. Если не хочешь, чтобы тебя слопали, идем-ка лучше со мной, – совсем не человеческим, каменным голосом произнес воин.

Тихий голосок шепнул ей, что она наконец-то встретилась со своим неутомимым преследователем.

Но теперь они сами стали чьей-то дичью.

Лоркан Сальватир вслушивался в нарастающий вой, что сотрясал древний лес. Похоже, этот день для них может стать последним.

Для девчонки – наверняка. Либо ее растерзают преследователи, либо Лоркан сам ее убьет. Он пока не решил, какой исход ему предпочтительнее.

От нее пахло вполне по-человечески. Корицей, бузиной. Но к ним примешивался другой запах. Запах тьмы, почти неуловимый, словно крылышки колибри.

Если бы не страх, которым так и разило от этой девчонки, Лоркан решил бы, что чудовищ призвала она. Но он следил за нею почти три дня. Хромоножка плутала по лесу, явно сбившись с пути. Вряд ли она находилась под властью валгских демонов.

Лоркан встал. Темные глаза девчонки распахнулись от удивления. Наверное, он показался ей великаном. Сама она по-прежнему стояла на коленях у ручья. Грязная рука потянулась за кинжалом, столь глупо выброшенным ею в траву. Однако девчонке хватило мозгов не замахнуться на него.

- Ты кто? - спросила она.

Голос у нее был низкий и хриплый. Совсем не тот звонкий, приятный голосок, какой ожидаешь услышать от обладательницы хрупкой, но достаточно ладной фигурки. Удивительно, что ее голос звучал спокойно и холодно, будто она совсем не испугалась.

- Если торопишься помереть, продолжай сыпать вопросами, - сказал Лоркан, поворачиваясь к северу.

Вой раздался снова, из другого места.

Две стаи обложили их с разных сторон. Рядом зашелестела трава. Лоркан снова повернулся к девчонке. Она уже стояла на ногах, сжимая кинжал. Лицо заметно побледнело. Поди, догадалась, что их загоняют в угол.

- Уходим отсюда, - бросил ей Лоркан. - Какое направление выбираешь?

За пять веков, что он держал в руках меч, убивая направо и налево там, куда его посылали, он ни разу не слышал воя, подобного этому. Лоркан ощупью снял с пояса боевой топор.

- На восток, - выдохнула девчонка, оглядываясь по сторонам. - Мне... мне говорили держаться подальше от гор. Там летают драконы. Это такие большие крылатые звери.

- Без тебя знаю, как выглядит дракон.

Ее глаза вспыхнули. Чувствовалось, девчонке не понравился его тон. Но страх мигом погасил раздражение. Она повернулась к востоку. Вой прозвучал в третий раз - пронзительный, совсем не волчий. Даже не вой, а скорее верещание, какое производят летучие мыши. Только ниже тоном. И... голоднее.

- Беги, - приказал девчонке Лоркан.

И она побежала.

Надо отдать ей должное: словно забыв про покалеченную ногу и утомление последних дней, она, как оленуха, понеслась между деревьями. Наверное, страх имел свойство временно приглушать боль. Лоркан быстро перескочил через ручей и легко догнал девчонку. Его всегда раздражала человеческая медлительность. Чувствовалось, девчонка растратила последние силы. Она уже не бежала, а ковыляла вверх по склону, шумно дыша ртом. Неплохой «подарок» их преследователям.

Те двигались сюда с юга. Судя по звукам, двое или трое. Тяжелый топот и хруст подсказывали, что это довольно крупные твари.

Девчонка достигла вершины холма и остановилась, успокаивая дыхание. Лоркан вновь присмотрелся к ее увечной ноге.

Если она сейчас погибнет, получается, он напрасно так долго ее выслеживал. Он ощупал Ключ Вэрда в потайном кармане. Магия Лоркана не знала себе равных среди полуфэйцев всех континентов и королевств. Но если он сейчас применит силу Ключа, на его голову могут обрушиться непредсказуемые бедствия.

И потому Лоркан не стал искушать судьбу. Силой своей магии он воздвиг невидимую преграду. Порожденный им ветер протянул черные щупальца. Девчонка замерла, повернувшись в его сторону. Видно, почуяла волну магии. Совсем бледная, едва не падая, она понеслась вниз по противоположному склону.

Преграда Лоркана дрогнула, приняв на себя удар четырех мощных тел.

Его нос уловил запах ее крови. Должно быть, поранилась о камень. Или за корень задела. Ждать от нее проворства – дохлое дело.

Лоркан хотел было крикнуть ей, чтобы шевелилась, как вдруг его невидимая стена хрустнула. Нет, не хрустнула. Треснула, словно эти твари ее пробили.

Лоркан отказывался в это верить. Сквозь его магические преграды не мог проникнуть никто. Даже Рован из клана Боярышника, черт бы побрал этого Рована.

Но Лоркан не мог отрицать очевидное: твари взломали его магическую преграду.

Девчонка добралась до овражка у подножия холма. Она всхлипывала. Заплачешь тут! Ее темная коса хлестала по худенькой спине. Лоркан бросился ее догонять, вертя головой по сторонам. А за его спиной снова хрустели листья и трещали ветки.

Твари куда-то гнали его и девчонку. Но куда? И если им удалось прорвать его магический заслон...

Давно, очень давно ему не встречались враги, чьи повадки требовали изучения.

– Шевели ногами! – крикнул он девчонке.

Та даже не обернулась. Лоркан резко остановился между двумя высоченными дубами. Он несколько дней накапливал магическую силу, намереваясь выплеснуть на эту странную девчонку, когда ему наскучит тащиться за нею. Теперь сила давила на него изнутри, требуя выхода.

Лоркан взмахнул боевым топором. Лезвие запело, и густой лес поглотил песню металла. Холодный ветер ударил ему в другую руку, где между пальцами уже клубился черный туман.

Магия Лоркана была не такой, как у Рована Боярьшника. Его магия не имела ничего общего со светом и пламенем суки-королевы и неуправляемой магической стихией нового адарланского короля.

Магия Лоркана была магией воли, смерти и разрушения. Она не имела названия.

Даже его королева не знала, откуда этот дар у Лоркана. Мазва считала его магию даром темного бога Хелласа. Темный дар для ее темного воина. Найдя такое объяснение, она не утруждала себя дальнейшими раздумьями.

На губах Лоркана заиграла дикая улыбка. Черный гул наполнил его жилы. Он выпустил свою магию. Когда-то она помогала ему разрушать города. Вряд ли одолеть этих тварей будет сложнее, чем снести крепостные стены.

Почуввав замершего хищника, преследователи замедлили движение. Они оценивали Лоркана. Впервые за свою долгую нечестивую жизнь у него не нашлось слов для описания увиденного.

Надо было убить девчонку. Смерть от его руки была бы милосердием по сравнению с тем, что сейчас рычало, припадая на задние лапы с толстыми острыми когтями. Это тебе не гончие Вэрда. Его и девчонку преследовали твари гораздо опаснее.

Пятнистая темно-синяя кожа казалась почти черной. Передние конечности – длинные, не слишком мускулистые – предназначались, чтобы рвать в клочья плоть врагов. Каждый из пяти пальцев оканчивался длинным острым когтем. Сейчас пальцы были скрючены. Твари готовились к нападению.

Лоркана поразили не столько их тела, сколько манера останавливаться. Носы у них были, как у летучих мышей. Улыбка открывала двойной ряд тонких острых зубов. Остановившись, чудовища вставляли на задние лапы.

Они вытягивались во весь рост, как встает ползущий человек. В таком виде они были ниже Лоркана примерно на локоть.

И тем не менее в их облике он почувствовал что-то очень знакомое. Ощущение усилилось, когда один из преследователей открыл свою отвратительную пасть и сказал:

– А вот мяса твоей породы мы еще не пробовали.

– Я тоже не лакомился вашим, – вскидывая топор, ответил Лоркан.

Тварей, способных разговаривать на языках смертных и фэйцев, было совсем немного. В основном умение говорить они приобретали через магию разного свойства: благословенную и губительную.

Но у этих четырех, предвкушавших кровавую расправу, были темные, вполне человеческие глаза.

Рован предупреждал о страшных делах, творящихся в Морате. Гончие Вэрда были первыми из чудовищ, которых там сотворили и выпустили в мир. Лоркан и не подозревал, что эти твари, чей рост достигал почти восьми локтей, были наделены человеческими и любыми другими способностями, которые вложил в них Эраван.

Тот, кто был ближе всех к Лоркану, сделал шаг, но зашипел, наткнувшись на невидимую преграду. Магия Лоркана дрогнула. Пожалуй, ее даже залихорадило, когда когтистая лапа чудовища (на когтях поблескивали капли яда) снова ударила по невидимому щиту.

Четверо против одного. Обычно он воспринимал такой расклад как развлечение.

Обычно.

Но у него был Ключ Вэрда, за которым охотился Эраван, а также золотое кольцо, украденное у Маэвы. Потом это кольцо побывало у Аэлины Галатинии, но Лоркан вернул его себе. Кольцо Атрила. Если эти чудовища схватят его и доставят к своему хозяину...

Тогда все три Ключа Вэрда окажутся у Эравана. Король-демон сумеет открыть дверь между мирами, и в этот мир хлынут орды заждавшихся валгских демонов. Что касается золотого кольца Атрила... Лоркан не сомневался: Эраван поспежит уничтожить кольцо, изготовленное самой Мэлой... Лишь оно одно на всей Эрilee давало защиту от Камня Вэрда... и от валгских демонов.

Лоркан действовал без промедления. Твари не успели и глазом моргнуть, как он швырнул топор в того, кто находился дальше всех. Чудовище этого даже не заметило, поскольку смотрело, как сородич рвет магическую защиту Лоркана.

Топор вонзился чудовищу в шею и застрял там. Трое остальных сразу повернулись к нему. Лоркан понял: эти твари смертельно опасны, но совершенно не умеют сражаться.

Топор отвлек их внимание. Этого хватило, чтобы метнуть в тварей два ножа.

Оба лезвия вошли в морщинистые лбы по самую рукоятку. Головы тварей запрокинулись, а сами они шумно упали на колени.

Говоривший с Лорканом издал душераздирающий вопль. У Лоркана зазвенело в ушах. Потом тварь снова попыталась прорвать магический щит. И опять неудача. Довольный своей магией, Лоркан усмехнулся. Он выхватил меч и кинжал.

Случившееся дальше повергло Лоркана в изумление. Чудовище кинулось на щит, вцепившись обеими когтистыми руками. (Лоркан заметил, что руки у него довольно сильно изуродованы.) И случилось то, что никак не могло случиться: магический щит просто растаял от прикосновения чудовища.

Тварь прошла сквозь щит, словно тот был обыкновенной дверью.

- А теперь мы поиграем.

Лоркан принял оборонительную стойку. Интересно, далеко ли сумела убежать девчонка? Шагов ее он больше не слышал. Она даже не представляла, кто за ними гонится.

Сородичи твари бились в судорогах.

И вновь сюрприз! Они восстанавливались после атаки Лоркана. Их когтистые пальцы обвили рукоятки ножей и вытащили из лбов. Их кости были крепче металла.

Только тот, в кого Лоркан бросил топор, лежал на земле. Голова чудовища держалась на нескольких жилках. Похоже, Лоркан его обезглавил... если и здесь не случится какой-нибудь странности.

Расплавивший магический щит довольно ухмылялся.

- Кто вы такие? - угрюмо спросил Лоркан.

Раны на лбах почти затянулись. Оба чудовища угрожающе пялились на Лоркана.

- Мы - охотники его темного величества, - отвесив шутовской поклон, представился их главарь. - Звать нас илки. Мы посланы за добычей.

Уж не ведьмы ли направили илков по его следу? Трусихи! Не решились сами пуститься в погоню.

Главарь илков шагнул к Лоркану. Задние лапы у него были выгнуты назад.

- Мы намеревались подарить тебе быструю смерть.

Ноздри на морде главаря раздулись, принюхиваясь к лесу.

- Но поскольку ты встал между нами и нашей добычей... мы насладимся твоей долгой, мучительной смертью.

Значит, их цель - не он. Илки и ведьмы, все эти дни летавшие над лесом на драконах, искали не его. Те и другие понятия не имели, кто он и что с собой несет.

- Что вам понадобилось от этой девчонки? - спросил Лоркан, следя за приближением трех илков.

- Тебя это не касается.

- Если за поимку положена награда, я вам помогу.

В темных пустых глазах илков что-то мелькнуло.

- Разве ты не защищаешь эту девчонку?

Лоркан пожал плечами, моля богов, чтобы только илки не заподозрили его двойную игру. Этим он надеялся выиграть время для нее и для себя. Он должен разгадать загадку их странной силы.

- Я даже имени ее не знаю.

Илки переглянулись, не зная, верить ли его словам.

- Она очень нужна нашему королю, - сообщил главарь. - Поймаешь ее, и король дарует тебе силу, какая тебе и не снилась. А сейчас, судя по твоим хлипким щитам, ее у тебя не слишком-то много.

Лоркан почти не сомневался: эти четверо когда-то были людьми. Потом их купили, посулив магию, которой в этом мире ничто и никто не может противостоять. А может, их и не покупали вовсе? Похитили души - и все.

- Что важного ваш король нашел в этой заурядной девчонке?

Илки подошли к нему достаточно близко. Наверное, и они тянули время, чтобы пополнить запасы своей странной магической силы. Иначе вместо разговора с Лорканом они бы попросту его расплавили.

- Она - воровка и убийца, - сказал главарь илков. - Она должна предстать перед нашим королем для суда.

Лоркан мог поклясться, что в этот момент невидимая рука коснулась его плеча.

Знакомое прикосновение, которому он доверял всю жизнь. Невидимая рука не раз уберегала его от гибели. Прикосновение к спине означало другое: возможность беспрепятственно бросаться на врагов, убивать и сеять смерть. Но его тронули за плечо. Это был призыв спастись бегством. Сражение с илками предвещало гибель. Убежав, он спасет свою жизнь. Возможно, не только свою.

Главарь илков снова улыбнулся. В лесном сумраке сверкнули его зубы.

Словно в ответ на мысли Лоркана, сзади раздался крик.

Глава 10

Перед Элидой Лошэн стояло существо, порожденное кошмарами кого-то из темных богов.

Чуть ли не втрое выше ее. Когти лап глубоко вонзались в лесную подстилку.

- Вот ты где, - прошипела тварь, обнажая острые зубы. - Идем со мной, девонька, и я дарю тебе быструю смерть.

Вранье. Элида видела, как тварь пожирала ее глазами, словно предвкушая, как вопьется в ее нежный живот. Это исчадие появилось перед нею внезапно. Элиде казалось, что тварь выскочила из черного облака. Испуганный крик Элиды вызвал у чудовища смех. Она подняла дрожащую руку с кинжалом.

Тварь с острыми зубами стояла, как стоят люди, и говорила вполне человеческим языком. А глаза... Совершенно пустые, бездушные, но... по внешнему виду - человеческие. Чей чудовищный ум мог породить такую жуть?

Она знала ответ.

Элида отчаянно нуждалась в помощи. Но воин, встретившийся ей у ручья, возможно, был уже мертв. Сородичи этой твари растерзали его своими страшными когтями. Он пытался отбиться магией, но магия его явно не спасла.

Чудовище направилось к Элиде. У него были сильные мускулистые ноги. Элида попятилась, хотя и понимала: от него за деревьями не спрячешься.

- А кровь у тебя, девонька, такая же сладкая, как твое личико? - спросило чудовище, высовывая сероватый язык.

«Думай, думай, думай».

Что бы сделала Манона, столкнувшись с такой тварью?

У Маноны есть железные ногти и железные зубы.

«И у тебя тоже, - прошептал ей на ухо тихий голосок. - Воспользуйся тем, чем располагаешь».

Оружие не обязательно должно быть железным или стальным.

У Элиды дрожали колени, но она вскинула голову, встретившись с черными человеческими глазами чудовища.

- Советую быть осторожным, - произнесла она, подражая интонациям Маноны.

Элида хорошо помнила мягкий, мурлычущий голос ведьмы, способный до смерти напугать любого. Элида полезла в карман доспехов, вытащила обломок камня, зажала в кулаке и пожелала, чтобы эта поляна и окружающий мир наполнились сверхъестественной силой. Только бы чудовище не взглянуло на ее руку и не спросило, что она там прячет.

- Думаешь, темный король обрадуется, если ты причинишь мне вред?

Она не могла смотреть сверху вниз на тварь, бывшую значительно выше ростом. Но она могла придать лицу дерзкое, рассерженное выражение.

- Меня отправили на поиски опасной преступницы. Не смей мешать моим поискам.

Чудовище, кажется, узнало кожаные доспехи. И вроде бы учуяло странный, нездешний запах, окружающий камень.

Слова Элиды привели тварь в некоторое замешательство.

– Убирайся с глаз моих долой, – потребовала она, сохраняя на лице маску холодного недовольства.

Элида боялась, что ее сейчас вытошнит, но пошла навстречу чудовищу. Навстречу верной смерти. Она старалась подражать походке Маноны, двигаясь неслышно, крадучись. Все это время Элида безотрывно смотрела на отвратительную морду чудовища, чем-то напоминавшую морду летучей мыши.

– И собратьям своим скажи: если еще раз посмеете вмешаться, я лично буду руководить удовольствиями, которые вы получаете в подземелье Мората, когда вас раскладывают на столах.

В глазах чудовища все еще мелькало сомнение, но теперь там появился и неподдельный страх. Эти выражения Элида почерпнула из подслушанных разговоров. Ей даже не хотелось задумываться об ужасах подземелий Мората, но ее слова попали в цель. Чудовище, превосходившее ее размерами и силой, при упоминании о подземельях задрожало.

Элида остановилась в пяти шагах от чудовища. Она прекрасно понимала, насколько беззащитна перед его когтями и зубами.

– А почему наше появление обратило тебя в бегство?

Элида нарочно повернулась к нему спиной, ответив холодным, властным голосом Маноны Черноклювой:

– Терпеть не могу, когда разные мелкие сошки задают мне вопросы. Достаточно того, что вы уже задержали меня. Из-за вашего идиотского нападения я повредила ногу. Моли богов, чтобы по возвращении в крепость я не вспомнила твою морду.

Элида сразу поняла свою ошибку. Нельзя было говорить про ногу. Но теперь уже поздно. Элида пошла прочь, стараясь не слишком хромать. Чудовище за спиной что-то шипело. Элида шла не останавливаясь.

– Какое совпадение, – услышала она. – Цель наших поисков тоже хромая.

«Аннеит, спаси меня». Быть может, эта тварь вообще не видела ее хромоты, пока она сама не проболталась. Какая же она дура!

Бежать ей сейчас ни в коем случае нельзя. Это сразу ее выдаст с головой, и тогда чудовище поймет, кто она на самом деле. Элида остановилась, всем видом показывая, что у нее лопнуло терпение:

– Что ты шипишь у меня за спиной?

Полная уверенность в себе. Гнев, прорвавшийся наружу. Ни капли растерянности.

И снова чудовище замерло в нерешительности. Это был единственный шанс. Вскоре тварь обнаружит обман.

Элида выдержала его взгляд. Ей казалось, она смотрит в глаза мертвой змеи. Она вспомнила убийственное спокойствие, с каким говорили ведьмы.

– Не заставляй меня выпускать наружу то, что его темное величество вложил в меня на столе.

Будто в ответ на ее слова, камень у нее в руке задрожал. В глазах мелькнула темнота.

Чудовище вздрогнуло и попятилось.

Элида в последний раз наградила противника сердитым взглядом и удалилась.

Она прошла около четверти лиги, прежде чем лес снова наполнился жизнью. Тогда Элида повалилась на колени, и ее начало тошнить. Пустой желудок мог исторгать лишь желчь и воду. Очищая свои внутренности, Элида избавлялась и от недавнего страха. Она чувствовала облегчение и на время забыла о бдительности.

Об этом ей напомнила чья-то широкая рука, надавившая на плечо.

Элида выхватила кинжал. Былой страх вернулся, сковав ее движения. Давящая рука исчезла. Кинжал упал в траву. На Элиду смотрело густо запачканное лицо воина, которого она встретила у ручья. Но перепачкался он не в земле. Это была зловонная черная кровь.

– Как тебе...

Она попятилась, не договорив.

– Ты первая! – прорычал воин и резко повернул голову назад, всматриваясь в лес.

Элида тоже всмотрелась, но не увидела ничего пугающего. Она снова повернулась к воину и вдруг увидела меч, застывший возле ее горла. Элида попыталась вывернуться, однако воин схватил ее за руку. Острие меча впивалось ей в кожу.

– Почему ты пахнешь, как они? – допытывался ее свирепый спутник. – Почему они тебя преследуют?

Жаль, что она уже спрятала камень, а то можно было бы ему показать. Может, достать? А вдруг он не так поймет ее движение и ударит мечом? Следом тихий голос прошептал Элиде: камень лучше не показывать.

Она решила открыть незнакомцу часть правды:

– Я несколько месяцев жила в Морате. Ко мне пристал их запах. А ищут меня они потому, что я сумела оттуда убежать. Я бегу на север, где безопасно.

Воин убрал меч, но Элида не успела и глазом моргнуть, как лезвие царапнуло ее по руке. Боли она почти не ощутила.

Они оба смотрели на выступившую кровь. Красные капельки падали в траву.

Кажется, этого ему было достаточно.

– Можешь звать меня Лорканом, – представился воин, хотя она не спрашивала его имени.

Произнеся эти слова, он взвалил Элиду на плечо, точно мешок, и побежал. А Элида за считанные мгновения поняла следующее.

Первое: оставшиеся чудовища, сколько бы их ни было, поняли ее обман и снова пустились в погоню.

И второе: этот человек, несшийся со скоростью ветра, был полуфэйцем.

Глотая жаркий, душный воздух, Лоркан бежал без остановки. За все лиги пути девчонка у него на плече даже не пикнула. По сравнению с тяжелыми мешками, которые он носил через горные перевалы, она была почти невесомой.

Через какое-то время он почувствовал, что начинает уставать, и снизил скорость. Изрядную часть своей магической силы он растратил на тех трех чудовищ. Тот, кто их создавал, наделил их устойчивостью к нападениям извне, но Лоркан оказался проворнее. Он убил двух, а третьего пригвоздил к земле, лишив возможности броситься в погоню.

Лоркан считал, что ему повезло. А девчонка оказалась смышленной.

Он бежал все медленнее, пока не остановился, довольно бесцеремонно сбросив свой живой груз. Девчонка поморщилась, прыгая на увечной ноге. Итак, кровь у нее настоящая, красная. Значит, никто из валгских демонов ею не управляет. Но тогда как ей удалось утихомирить здорового илка?

– Куда мы? – спросила девчонка.

Она развязала мешок, достала фляжку. Он ждал слез, ждал, что она начнет воздевать руки к нему и о чем-нибудь просить. Но она лишь отвинтила колпачок фляжки, обтянутой кожей, сделала несколько больших глотков. Потом, к удивлению Лоркана, протянула фляжку ему.

Он отказался. Тогда девчонка снова приложилась к воде.

– Я держу путь к выходу из леса – к реке Акант.

– А где мы сейчас?

Ее замешательство многое сказало Лоркану. Видно, девчонка соображала, насколько выдает себя этим вопросом. И в то же время ей отчаянно хотелось получить ответ.

- Как тебя звать?

- Маурина.

Она умела выдерживать пристальные взгляды. Странная девчонка. Что ж, ответ за ответ.

- Мы сейчас в самой середине Адарлана. А ты была в одном дне пути от реки Авери.

Маурина растерянно заморгала. Может, она уже видела эту реку или слышала, насколько та широкая? Теперь, поди, думает, как станет переправляться.

- Ты собираешься бежать дальше или я могу немного посидеть? - спросила она.

Лоркан прислушался к звукам леса. Вроде никакой опасности.

- Можешь отдохнуть.

Маурина во вздохом уселась на мох.

- Я думала, все фэйцы вымерли. И полукровки тоже.

- Я не отсюда. С Вендалина. А ты, значит, из Мората?

- Нет. Я оттуда сбежала.

- Почему? Как тебе удалось?

Девчонка прищурилась. Видно, поняла, что даже ее красная кровь не до конца убедила Лоркана. Он ждал ответа, но Маурина зачем-то стала развязывать шнуровку сапога. У нее слегка дрожали пальцы, но она справилась со шнуровкой, стянула сапог, затем носок и завернула кожаную штанину.

Лоркан поморщился. За свою жизнь он пересмотрел достаточно покалеченных тел и немало покалечил сам. Но ему редко приходилось видеть раны, которые даже не пытались лечить. Нога Маурины была сплошь в рубцах, покрывающих вывернутые кости. Поверх изуродованной лодыжки виднелись раны, не успевшие до конца затянуться. Он сразу понял, откуда они. Это были следы кандалов.

- Те, кто в Морате, - они здоровые и сильные, - тихо сказала Маурина. - Их темная магия может исцелить любое увечье. Да у них и увечий не бывает.

Вот почему хромота не слишком ей досаждала. Судя по цвету рубцов, несчастье случилось с нею давно, и за годы она научилась жить с покалеченной ногой.

Маурина опустила штанину, но сапог обувать не стала, а принялась растирать ногу.

Лоркан уселся на бревно, предварительно сняв мешок.

– Расскажи мне про Морат, – попросил он, протягивая девчонке жестянку с мазью, привезенную из далекой Доранеллы.

Маурина разглядывала жестянку, вспоминая, кто он и откуда, а также прикидывая содержимое баночки. Затем понюхала мазь и молча кивнула. Это было сделкой: сведения в обмен на избавление от боли. Маурина открыла крышку и вдохнула терпкий запах трав. Лоркану казалось, что она вот-вот лизнет мазь, как лакомство.

Она втирала мазь в свои давние увечья. По ее лицу пробегала то гримаса боли, то довольная улыбка. Потом она заговорила.

Рассказала про воздушную армию Железозубых ведьм, про главнокомандующую и отряд Тринадцати. Про военные лагеря вокруг горной крепости, про места, откуда постоянно слышались жуткие крики, про сотни кузниц, где кузнецы без усталости ковали оружие и доспехи. Покончив с описанием Мората, перешла к обстоятельствам своего побега. В крепости вдруг произошел взрыв. О причинах взрыва она, конечно же, ничего не знала, но сразу подумала, что судьба дает ей возможность убежать. Она переделалась в доспехи какой-то ведьмы, схватила заплечный мешок и выскользнула из крепостных ворот. Паника тогда была такая, что ее исчезновения не заметили.

– Я в пути почти месяц, – сообщила Маурина. – А получается, едва прошла половину.

– А куда ты направляешься?

– В Террасен. – Девчонка кивком указала туда, где, по ее мнению, находился север.

Лоркан удержался, чтобы не хмыкнуть:

– Ты немного потеряла.

– Ты что-то знаешь про Террасен? – с тревогой спросила она.

– Нет, – пожал плечами Лоркан.

Маурина закончила возиться с ногой.

– А зачем тебе в Террасен? У тебя там родня?

Лоркан не спросил, почему она очутилась в Морате. Не очень-то и хотелось слушать ее печальную историю. У всех свои горести.

Лицо девчонки стало серьезным.

– Я в долгу перед подругой. Она помогла мне выбраться из Мората. Она меня очень просила разыскать Селену Сардотин. Это моя первая задача: узнать, кто такая Селена и где находится. А потом я отправлюсь в Террасен. Он кажется мне более подходящим местом, чем Адарлан.

Чувствовалось, Маурина не врет и не лукавит. Судьба по чистой случайности свела Лоркана с этой девчонкой.

– А после... – глаза Маурины вспыхнули, – мне нужно найти Аэлину Галатинию, королеву Террасена.

Лоркан едва удержался, чтобы не схватиться за меч:

– Зачем?

Маурина встрепенулась. Казалось, она забыла о его присутствии.

– Я слышала, она собирает армию, чтобы противостоять самому главному в Морате. Хочу предложить ей свои услуги.

– Зачем? – повторил вопрос Лоркан.

В уме этой девчонке не откажешь. Ведь сумела же она не угодить илку в лапы. Но какие услуги она может оказать своей суке-королеве?

Маурина поджала пухлые губы, решая, говорить или нет.

– Потому что я родом из Террасена. Я много лет считала мою королеву погибшей. Но оказалось, она жива и готовится к войне. Буду сражаться вместе с нею, чтобы больше никого не забирали из дому и не увозили в Морат, обрекая на забвение.

Лоркан подумывал, не сказать ли ей, что ее задача вдвое легче, поскольку достаточно найти одну Аэлину. Но тогда на него обрушится шквал вопросов, а он не был настроен отвечать.

– А тебе зачем нужно в Морат? – спросила Маурина. – Оттуда все бегут.

– Меня туда послала моя госпожа – остановить угрозу. Эта угроза тебе хорошо знакома.

– Но ты всего один, хотя и мужчина.

Она не хотела задеть Лоркана, и тем не менее он поморщился.

– У тебя свои способности, у меня – свои, – сухо ответил Лоркан.

Маурина взглянула на его руки, покрытые коркой запекшейся черной крови. Догадывалась ли она, какая магическая сила способна бурлить в этих руках?

Лоркан ждал новых вопросов, но Маурина надела носок и сунула ногу в сапог.

– Нам нельзя долго отдыхать, – сказала она.

Лоркан был того же мнения.

Маурина поднялась, сделала пару шагов и довольно улыбнулась. Потом нагнулась за баночкой. Растрепавшаяся коса почти закрывала ей лицо.

– А когда мы доберемся до Аканта, что дальше? – спросила она, возвращая Лоркану мазь.

– По равнинам ездят торговые караваны, – начал он, пряча мазь в карман плаща. – И разных странствующих лицедеев полно. Мне их по пути сюда попало достаточно. Кому-то нужно переправляться через реку. Мы незаметно примкнем к одному из таких и переправимся на другой берег. А потом, среди равнин, наши пути разойдутся: ты отправишься дальше на север, я – на юг.

Маурина прищурилась и задала вполне резонный вопрос:

– Зачем тебе вообще идти со мной? Потом обратно возвращаться.

– Я почти ничего не знаю про Морат, а ты знаешь очень много. Я хочу узнать все подробности. Пока мы странствуем вдвоем, я буду оберегать тебя от опасностей. За это ты расскажешь мне все, что знаешь. Каждую мелочь.

Солнце клонилось к закату, окрашивая лес в золотистые тона. Услышав предложение Лоркана, Маурина чуть наморщила лоб:

– Ты клянешься? Клянешься меня оберегать?

– Я же не отдал тебя сегодня на растерзание илкам?

Маурина смотрела на него с ошеломляющей искренностью. Лоркану даже стало не по себе.

– Поклянись, – сказала она.

– Обещаю, – проговорил Лоркан.

Девчонка и понятия не имела, что вот уже пять веков обещания были его единственным средством расчетов.

– Пока мы вместе, я тебя не брошу, – добавил он.

Похоже, этого девчонке было достаточно.

– Тогда я расскажу тебе, что знаю.

Лоркан закинул мешок за плечи и повернулся к востоку.

– Нам нельзя туда идти, – вдруг сказала Маурина. – Они будут караулить нас на каждом перекрестке. Обыскивать все повозки. Уж если они нашли меня здесь, на большой дороге и подавно найдут.

Лоркан подумал, что опасность грозит и ему, если ведьмы не прекратили охоты за ним.

– И ты можешь что-то предложить?

Девчонка слегка улыбнулась. Невзирая на сегодняшние события и все тяготы ее скитаний по лесу, она не разучилась улыбаться.

- Попробую, - сказала Маурина.

Глава 11

Манона Черноклювая приземлилась в Морате, обуреваемая желанием резать глотки.

Дела пошли хуже некуда.

Все без исключения.

Манона прикончила ту Желтоногую суку вместе с ее драконом, спасла короля с сапфировыми глазами, затем стала невольной свидетельницей того, как фэйский принц убил еще четырех Желтоногих ведьм.

Итого пять. Пять Желтоногих погибли. Одна - от руки Маноны, остальные - из-за ее бездействия. Все пять были из шабаша Искры.

Манона почти не участвовала в разрушении Рафтхола, оставив это занятие другим. Но она снова надела свой шлем, похожий на корону, затем велела Аброхасу подняться на самую высокую башню каменного замка, чтобы возвестить оттуда о победе и окончании боевых действий.

И везде, где бы ни находились драконы, они подчинились приказу Аброхаса. Бойня прекратилась. Ни один шабаш не посмел перечить главнокомандующей.

Вскоре вокруг нее собрались ведьмы отряда Тринадцати. Манона и словом не обмолвилась о происшедшем, однако Соррель и Астерина очень внимательно глядели на нее. Первая - из-за необходимости проверить, не пострадала ли Манона во время «нападения», о котором она вскользь сообщила ведьмам. Вторая - из-за того, что не так уж давно они с Маноной летали в Рафтхол и оставили для королевы Террасена послание, написанное валгской кровью.

Ведьмы расположились на башнях замка, разлегшись там, словно кошки или змеи. Манона ждала появления Искры Желтоногой.

В сопровождении Астерины и Соррели, со шлемом в руке шагая по сумрачным, зловонным коридорам Мората, Манона снова вспоминала разговор с наследницей Желтоногих.

Искара опустилась на участок крыши под башней Маноны - единственное свободное место. Конечно же, она сразу поняла, что оно оставлено ей намеренно.

Обычно Искара заплетала свои каштановые волосы в тугую косу, но сейчас они превратились в копну. Ее надменное лицо было забрызгано человеческой кровью.

– Это была моя победа, – прошипела Искара.

Манона, чье лицо скрывалось в тени шлема, спокойно возразила:

– Этот город – мой.

– Брать Рафтхол было приказано мне. Тебе предписывалось только наблюдать.

Блеснули железные зубы. Астерина справа от Маноны предостерегающе зарычала. Темные глаза Искры метнули в нее ненавидящий взгляд.

– Убирай своих сук из моего города, – потребовала Искара.

Манона смерила взглядом Фендира – дракона Искры.

– Ты здесь и так достаточно наследила. Твоя работа будет отмечена.

Искару трясло от ярости, однако ярость была вызвана отнюдь не словами Маноны.

Переменившийся ветер донес до ноздрей Искры запах Маноны.

– Кого? – взвилась Искара. – Кого из моих ты убила?

Манона не дрогнула. Ни капли сожаления. Ни следа беспокойства.

– С чего это я должна помнить имена твоих ведьм? Она напала на меня, когда я собиралась захватить адарланского короля. Я приказала ей отступить, а она словно забыла, что перед нею – наследница клана Черноклювых и главнокомандующая. Она заслуживала наказания. Пока я препиралась с нею, самой главной добыче удалось сбежать.

Это было вранье. Наглое, бесстыжее вранье.

Манона оскалила железные зубы, помня, что из-под шлема виден только ее рот.

– В замке лежат тела еще четырех твоих. Их убил фэйский принц, явившийся спасти короля. А я разбиралась с твоей нечестивой сукой и даже не знала, что творится внизу. Считаю, Искара Желтоногая, что тебе повезло. Я бы могла заставить тебя отвечать за эти потери.

Смутное лицо Искры побледнело. Она посмотрела на Манону, затем на всех ведьм отряда Тринадцати.

– Можете делать с этим городом что угодно, – сказала Искара. – Он ваш.

Потом, зловеще улыбнувшись, подняла руку и указала на Манону. Ведьмы отряда Тринадцати напряглись. Каждая молча вложила стрелу в свой лук и направила на наследницу Желтоногих.

- А ты, главнокомандующая... - Искара взялась за поводья, собираясь взлететь. - Ты - лгунья. Истребительница Ведьм - вот ты кто на самом деле.

Искара стремительно поднималась в воздух. Истерзанный Рафтхол ее больше не занимал. Набрав высоту, она повернула на запад. К Морату. Туда, где находилась бабушка Маноны.

Манона остановилась. Это был последний поворот на пути к комнате, где Эраван устраивал собрания. Астерина и Соррель тоже замерли. Манона знала: бабушка, Искара и предводительницы двух других кланов уже там, ждут ее. Несколько кланов выставили своих вторых и третьих заместительниц в караул. Ведьмы подозрительно косились друг на друга. Такие же подозрительные лица были у людей, застывших возле двойных дверей.

- Дерьмо там полетится, только успевай поворачиваться, - сказала своим Манона.

- Нам не привыкать, - тихо ответила Соррель. - Разберемся.

Пальцы Маноны стиснули шлем.

- Если запахнет жареным, берите отряд и улетайте отсюда.

- Манона, ты не можешь войти туда и признать свое поражение, - прошептала Астерина. - До последнего вздоха все отрицай.

Если Соррель и знала, что Манона убила Желтоногую ведьму ради спасения их врага, она не показывала виду.

- Куда мы полетим без тебя? - спросила Астерина.

- Не знаю и знать не хочу, - довольно резко ответила Манона. - Знаю только, что после моей гибели отряд Тринадцати станет желанной мишенью для очень и очень многих.

Список желающих свести с ними счеты окажется невероятно длинным.

- Ты уведешь наших отсюда, - продолжала Манона, выдерживая взгляд своей первой заместительницы. - Любой ценой.

- Мы сделаем так, как ты приказываешь, главнокомандующая, - сказала Соррель.

Манона ждала, что Астерина и сейчас станет возражать. Но темные глаза Астерины вспыхнули. Склонив голову, она пробормотала что-то в знак согласия.

Камень в груди Маноны стал полегче. Она расправила плечи.

- Будь осторожна, - шепнула ей Астерина, стискивая руку.

Манона хотела отгрызнуться, сказать, что она не какая-нибудь бесхребетная дура, но... она видела, на какие зверства способна ее бабушка. Свидетельство было рядом – на теле Астерины.

Манона твердо решила: она не войдет в комнату совещаний с виноватыми глазами или с глазами лгуньи. Нет, она повернет все так, что к концу Искара будет ползать и просить у нее прощения.

Вдохнув поглубже, Манона стремительным шагом двинулась к дверям. Полы красного плаща развевались на ходу.

За их приближением следило множество глаз. Иначе и быть не могло.

Манона не удостоила вниманием заместительниц низших рангов, хотя краем глаза отмечала их присутствие. Здесь были две молодые ведьмы из шабаша Искарары. Шесть старых из шабашей предводительниц, чьи зубы успела тронуть ржавчина. И...

Еще две молодые караульные с синими плетеными кожаными обручами на лбу.

Значит, Петара Синекровная тоже здесь.

Если предводительницы кланов пришли с наследницами... она тем более не допустит, чтобы в ее сердце шевельнулся страх.

Манона стремительно распахнула двери. Астерина вошла следом за нею. Соррель осталась нести караул в коридоре.

Десять ведьм повернулись к вошедшей. Эравана не было.

В самом центре стояла ее бабушка, но Манона сейчас смотрела не на предводительницу клана Железозубых. Боковым зрением она видела, как Астерина встала к стене, к четырем другим заместительницам этого ранга. Внимание Маноны сосредоточилось на золотоволосой наследнице Синекровных.

На Петаре.

Эту ведьму Манона не видела с памятного дня военных игр, когда спасла Петару от неминуемого падения в пропасть. Вот только спасти жизнь голубой драконихе Петары не удалось – дракон Искарары впился ей в горло, что и вызвало падение.

Наследница Синекровных стояла рядом со своей матерью Крессэдой; обе высокие и худощавые. Бледный лоб Крессэды украшала корона из железных звезд. Ее лицо было непроницаемым.

Иным было выражение лица Петары. В ее синих глазах светилось предостережение. Петара была в кожаных доспехах и темно-синем плаще, скрепленном бронзовыми застёжками. На груди подрагивала золотистая коса. Петара всегда была странной, витающей в облаках. Но этим отличались все Синекровные. Каких только прозвищ им не давали! Их называли «фанатичками», «неистовыми», «чокнутыми». Были прозвища и похлеще. И все – из-за трепетного, самозабвенного поклонения Трехликой богине.

Маноне сразу бросились в глаза впалые щеки Петары. Она помнила наследницу Синекровных совсем другой. Ходили слухи, что гибель драконихи надломил Петару и та неделями не вылезала из постели.

Ведьмам было несвойственно скорбеть, ибо они не позволяли себе полюбить настолько, чтобы потери ранили их. Даже если жизнь Астерины, вставшей рядом с заместительницей Крессэды, доказывала обратное.

Петара чуть наклонила подбородок. Это было нечто большее, чем формальное приветствие между наследницами. Жест могли заметить, и Манона поспешила повернуться к бабушке.

Бабушка, как всегда, стояла в своих пышных черных одеждах. Темные волосы были уложены венцом. Примерно так будут выглядеть короны, которые однажды появятся у нее и Маноны, когда они станут... Верховными королевами Западного края. Манона помнила это обещание. Помнила и бабушка, явно готовая ради его исполнения продать всех ведьм, что собрались здесь.

Манона поклонилась бабушке, затем двум другим предводительницам.

Что-то прорычала Искара, стоявшая рядом с Матерью Желтоногих. Та была древней, согбенной старухой. В ее зубах застряли остатки недавней трапезы. Манона холодно взглянула на Искарку и снова повернулась к бабушке.

– Три встали вместе, – начала бабушка. Манона одеревенела. – Три предводительницы возносят почести трем ликам нашей Матери.

Три лика: Дева, Мать, Старуха. Потому предводительницы Желтоногих всегда выглядели древними старухами, предводительница Черноклювых всегда оставалась женщиной в расцвете лет, а Крессэда – предводительница Синекровных – внешне ничем не отличалась от своей дочери.

Но Манону сейчас заботило не это. Ритуал, начатый бабушкой, служил для особых случаев.

– Серп Старухи висит над нами, – подхватила Крессэда. – Да станет он мечом справедливости нашей Матери.

Манону позвали не на собрание. Это было началом суда над нею.

Искара заулыбалась.

Манона чувствовала, как напряглась Астерина. Ее заместительница готовилась к худшему.

– Кровь вызывает к крови, – скрипучим голосом произнесла предводительница Желтоногих. – И нам надлежит решить, сколько крови должно пролиться.

Манона стояла, не шелохнувшись, не позволяя себе выказать ни проблеска страха и трепета.

Суды ведьм были жестокими и короткими. Обычно виновные получали три удара по лицу, под ребра и в живот. Суд с участием трех предводительниц был явлением редким и совершался лишь в случае особо тяжких преступлений.

– Манона Черноклювая, ты обвиняешься в убийстве ведьмы из шабаша Желтоногих, которое было вызвано исключительно твоей взывавшей гордостью и больше ничем, – сказала бабушка.

Глаза Искры вспыхнули в предвкушении расправы.

– Поскольку убитая ведьма была из шабаша наследницы Желтоногих, это убийство является также и преступлением против Искры.

Лицо бабушки напряглось от гнева. Ее возмущало не само убийство, а то, что Манона не сумела его скрыть.

– По твоему недосмотру или из-за скверного управления оборвались жизни четырех ведьм из другого шабаша Желтоногих. Ты замарала руки и их кровью.

Железные зубы бабушки сверкали, отражая пламя свечей.

– Отрицаешь ли ты эти обвинения?

Манона стояла прямая как стрела, глядя в глаза всем трем предводительницам кланов:

– Я не отрицаю убийство ведьмы из шабаша Искры. Я сделала это, когда та попыталась отнять у меня мою законную добычу. Я не отрицаю, что четыре ведьмы из другого шабаша Желтоногих были убиты фэйским принцем. Но я отвергаю обвинение в неправомерных действиях.

– Вы же чувствуете кровь Зелты на ней, – зашипела Искра. – Чувствуете запах страха и боли.

Манона позволила себе усмехнуться:

– Ты чувствуешь ее запах, Желтоногая, потому что твоя подчиненная имела трусливое сердце и посмела напасть не только на соратницу. Она замахнулась на главнокомандующую. Когда же поняла, что ей не выйти победительницей, было слишком поздно.

– Ложь! – выкрикнула Искра, лицо которой превратилось в сплошную гримасу ярости.

– Расскажи нам, наследница Черноклювых, что произошло в Рафтхоле три дня назад, – спокойно предложила Маноне Крессэда.

И Манона стала рассказывать.

Впервые за сто лет ее далеко не счастливой жизни она намеренно лгала своим старейшинам. Она ткала из своей лжи искусную словесную паутину, веря в то, о чем говорит. Закончив, она указала на Искру:

- Все знают, что наследница Желтоногих давно мечтает занять мою должность. Она поспешила сюда с обвинениями в мой адрес, рассчитывая отобрать у меня звание главнокомандующей. Точно так же ее ведьма пыталась отобрать мою законную добычу.

Искара вспыхнула, но смолчала. Неожиданно вперед вышла Петара:

- У меня есть вопросы к наследнице Черноклювых, и я хочу их задать, если вы не сочтете это нарушением правил.

Глядя на бабушку, Манона подумала, что та охотнее бы лишилась своих железных ногтей, чем согласилась на просьбу Петары. Но остальные предводительницы кивнули.

Манона внутренне напряглась, приготовившись к столь неожиданному повороту.

Синие глаза Петары были спокойны.

- Кто я тебе: враг или соперница?

- В нашей общей войне я считаю тебя союзницей, что одновременно не мешает считать тебя и соперницей, - ответила Манона, впервые за время суда сказав правду.

- Однако во время военных игр ты спасла меня от верной смерти. Почему?

Предводительницы молча переглянулись. Лица всех трех были непроницаемы.

- Я сделала это, потому что Килия сражалась за тебя и погибла. Я не могла допустить, чтобы гибель твоей драконихи оказалась напрасной. Моя сородичка попала в беду, и я сочла себя обязанной ей помочь.

При имени погибшей драконихи на лице Петары мелькнула боль.

- Ты даже запомнила ее имя?

Манона понимала: этот вопрос Петара задала спонтанно, но она все равно ответила кивком.

Петара повернулась к предводительницам:

- В тот день Искара Желтоногая едва не погубила меня, намеренно натравив своего дракона на мою Килию.

- Кажется, мы с этим уже разбирались, - сверкнула зубами Искара. - И если помнишь, происшествие сочли несчастным случаем.

- Подожди, Искара Желтоногая, - подняла руку Петара. - Я еще не все сказала.

Каждое слово Петары было подобно острому кинжалу. Манона даже ощущала холодность их лезвий и радовалась, что эти кинжалы направлены не на нее.

Искара сообразила, что препирательства сейчас ей только повредят, и замолчала.

– В тот день у Маноны Черноклювой был шанс избавиться от соперницы. От нее требовалось всего лишь не вмешиваться и спокойно позволить мне разбиться о камни ущелья. Ей бы никто и слова не сказал и уж тем более не стал бы судить. Но она рисковала своей жизнью и жизнью дракона, чтобы меня спасти.

Петара считала себя в долгу перед нею. Вот оно что! Может, выступая сейчас в ее защиту, наследница Синекровных отдавала долг? Маноне хотелось усмехнуться, но она сдержалась.

– Я просто не верю, – продолжала Петара, – чтобы Манона, готовая спасти жизнь ведьмы из чужого клана, вдруг решила бы беспричинно оборвать жизнь другой чужой ведьмы. Вы сделали ее главнокомандующей за ее дисциплинированность и жестокость. Я призываю вас не допустить, чтобы гнев Искары Желтоногой затмил те качества, которые вы тогда увидели в Маноне и которых она не утратила до сих пор. Досадное недоразумение не должно лишать воздушную армию своей главнокомандующей.

Петара поклонилась и заняла свое место рядом с матерью. Предводительницы снова переглянулись. Это молчаливое обсуждение продолжалось, пока бабушка Маноны не вышла вперед. Право выносить решение передали ей. У Маноны отлегло от сердца.

Она решила, что подстережет Петару в укромном уголке, когда та будет совсем одна, и выпытает, зачем наследнице Синекровных понадобилось выступить в ее поддержку.

Черные с золотистыми крапинками глаза бабушки смотрели жестко и непреклонно.

– Петара Синекровная сказала правду.

Манона почувствовала, как ослабла туго натянутая невидимая нить, существующая между нею и Астириной.

– И впрямь было бы неразумно лишаться нашей послушной, верной главнокомандующей.

За этим могло последовать наказание, скорее всего лично от бабушки. Маноне было не привыкать. Она и на сей раз выдержит бабушкины кулаки.

– Казалось бы, почему наследница клана Черноклювых должна гибнуть из-за тщеславия рядовой ведьмы? Но дело здесь не только в том, какую должность занимает Манона. Она – наследница клана, которую обвиняет наследница другого клана. Однако никто не посмеет отрицать совершившегося кровопролития. А за кровь должно быть заплачено кровью.

Пальцы Маноны вновь впились в шлем. Увидев это, бабушка улыбнулась одними губами.

– Плата должна быть соразмерной, – нараспев произнесла бабушка, глядя поверх плеча Маноны. – И потому, внучка, тебя не постигнет смерть за содеянное. Твою вину искупит ведьма твоего отряда Тринадцати.

Впервые за все годы и десятилетия Манона ощутила вкус страха и беспомощности, так хорошо знакомых людям. Глаза бабушки светились торжеством.

– Твоя первая заместительница Астерина Черноклювая уплатит наш долг клану Желтоногих. Она умрет завтра, на рассвете.

Глава 12

Теперь, когда с ними не было Венги, Аэлина, Эдион и Лисандра двигались гораздо быстрее. Они спешили к побережью, почти не тратя времени на отдых.

Аэлина не выходила из своего фэйского обличья. Так ей было легче выдерживать скорость Эдиона. Как ни печально, но она заметно уступала двоюродному брату по части верховой езды. Лисандра превращалась в разных птиц и летала над местностью, неся дозор. Рован обучил ее этому искусству, рассказав, на что обращать внимание и от чего держаться подальше. Но полеты Лисандры не выявляли никаких опасностей, да и Аэлина с Эдионом не видели на пути через долины и равнины Террасена ничего угрожающего.

Сейчас мало что напоминало о былом богатстве этих земель.

Глядя на обветшавшие усадьбы и брошенные деревни, Аэлина старалась не особо думать о прошлом. Они ехали налегке и потому время от времени бывали вынуждены заезжать в какое-нибудь селение или город за припасами. Там их встречали жители с изможденными лицами, почти разучившиеся улыбаться. Аэлина считала, что прошла все круги тьмы и вернулась на родину, дабы наполнить Террасен светом, но в мозгу не утихал шепот: «Это дела твоих рук, твоих рук, твоих рук».

Очень часто в неведомом голосе слышались ледяные интонации Велана Дарро.

Везде, где они останавливались, Аэлина расплачивалась золотом. Так было в таверне, где их застала непогода. Под каждой кружкой жидкого чая, поданного ей и Эдиону, она оставила по золотой монете. Несколько монет бросила в короб крестьянина, заплатив за несколько ломтей хлеба и кусочки мяса для Лисандры в обличье ястреба. На постоялом дворе, увидев, с какой жадностью они проглотили еду, хозяин налил им еще по миске, не потребовав денег сверх. Он и не заметил, как Аэлина бросила золотые монеты в карман его фартука.

Но никакое золото не могло снять тяжесть с ее сердца и заставить умолкнуть отвратительный голос, не дававший ей покоя во сне и наяву.

Через неделю, когда они добрались до древнего портового города Илиум, Аэлина прекратила раздавать золото. Это начинало походить на взятки. Не подданным, которые даже не догадывались о ее присутствии, а собственной совести.

Зеленые равнины уступили место каменистому побережью. Морской воды здесь было предостаточно, а пресную приходилось искать. Воздух стал жарче и, как ни странно, суше. Через несколько лиг впереди появились стены города, красиво белевшие над бирюзовыми морскими волнами. Илиум стоял в широком устье реки Флюрин. На ней же находился ее родной Оринф. Илиум был ровесником Террасенского королевства. Когда-то сюда приходили торговые корабли со всей Эрилеи и с других континентов. Если об Илиуме еще помнили, то исключительно благодаря полуразвалившемуся храму в северо-восточной части города. Он не знал недостатка в паломниках.

Храм Камня – так он назывался – был построен на скале, куда ступил Брэннон, высадившись на континент. Потом он отправился вверх по Флюрину и доплыл до его истоков в Оленьих горах. Аэлина могла лишь гадать, откуда Маленький народец знал, как выглядит храм.

Со скалы открывался вид на чистенький городок внизу. Осенью и зимой его частенько трепали бури. Но сейчас морские просторы были вполне спокойными. Далеко на западе бирюзовая вода сливалась с синими небесами. Это напомнило Аэлине безмятежность южных морей.

Если все прошло так, как рассчитывал Рован, они с Дорином сейчас держат путь к южным морям. Об этом Аэлина тоже старалась не задумываться. Без фэйского принца ей было пусто и одиноко.

Жители Илиума были сродни белым скалам своего города – такие же спокойные и молчаливые. Аэлина и Эдион въехали в открытые городские ворота. С виду – обычные, в меру почтительные паломники, направляющиеся к храму. Никто и не догадывался, какой арсенал скрыт у них под плащами. Глубоко надвинутые капюшоны тоже не были лишними, поскольку Илиум до сих пор находился в руках адарланцев.

Лисандра утром облетела город. Вернувшись, ненадолго обрела человеческий облик, чтобы рассказать об увиденном.

Они проехали мимо кучки солдат в адарланских доспехах. Суровые лица караульных даже не задержались на двух конных паломниках. На миг интерес солдат вызвал лишь остроклювый ястреб на плече Аэлины. Никто не заметил ни щита, ни мечей, спрятанных между сумками с поклажей. Как и во все недели пути, ножны с Дамарисом были втиснуты между тяжелыми мешками с древними книгами заклинаний, которые Аэлина в свое время «позаимствовала» из королевской библиотеки Дорина.

– Нам стоило ехать не сюда, а севернее, в Элдрис, – вполголоса произнес Эдион. – Еще не поздно повернуть.

Аэлина сердито зыркнула на него из-под капюшона:

– Никак ты подумал, что я оставлю этот город в руках адарланцев? Если подумал, можешь отправляться в преисподнюю.

Лисандра громко щелкнула клювом в знак согласия.

Маленький народец не напрасно подсказал им направление. Уж какой бы магией ни обладали эти лесные обитатели, однако узнавали о событиях гораздо раньше людей. От путников Аэлина слышала то, что уже знала: Рафтхол пал, молодой король исчез неизвестно куда, а сам город существенно пострадал от ведьм. Адарланские солдаты появились в Илиуме сравнительно недавно. По Террасену (и не только) распространился слух, что новоявленная королева передумала сражаться за трон и тоже сбежала. Это придало смелости правителю адарланского города Меа – отцу Рулана Хавильяра, что был Дорину двоюродным братом. Он двинул своих солдат на север, пересек пределы Террасена и объявил, что отныне Илиум и гавань находятся под его властью.

– Адарланских солдат в городе не менее полусотни, – предостерег Аэлину и Лисандру Эдион.

Лисандра взъерошила перья. «Ну и что такого?» – означал ее жест.

Эдион стиснул зубы:

– Верьте мне обе, я бы тоже не прочь изрубить их на кусочки. Но..

– Я не собираюсь прятаться у себя в королевстве, – перебила его Аэлина. – И отсюда я не уеду, не решив вопрос, кому на самом деле принадлежит эта земля.

Эдион умолк. Они завернули за угол и направились к небольшой прибрежной гостинице, которую Лисандра заметила с воздуха. Храм находился в противоположном конце города.

У адарланских солдат хватило наглости превратить храм в казарму.

– Это будет посланием Адарлану или Дарро? – наконец спросил Эдион.

– Речь не о посланиях, а об освобождении моего народа, которому пришлось слишком долго терпеть это адарланское дерьмо, – огрызнулась Аэлина.

Резко натянув поводья, она остановила лошадь перед гостиничным двором. Лисандра впиалась ей когтями в плечо, вновь показывая свою поддержку. За обветшавшими стенами двора блестело море, успевшее стать сапфирово-синим.

– Мы выступим, как только стемнеет, – заявила Аэлина.

Эдион молчал. Даже когда появился хозяин гостиницы и пригласил их внутрь, его лицо оставалось скрытым под капюшоном. Аэлина тоже молчала, пытаясь совладать со своей магической силой. Сегодня она не потратила ни капли, приберегая запасы для вечернего нападения. Но сила требовала выхода. Она сказывалась странным зудом во всем теле, который не уймешь простым почесыванием.

Продолжая разыгрывать небогатых паломников, они наняли скромную комнатку с двумя кроватями. Только оказавшись там и закрыв дверь, Эдион нарушил молчание:

– Аэлина, ты же знаешь, я тебе во всем помогу. Я сам хочу, чтобы адарланской солдатни здесь не было. Но жители Илиума еще много веков назад поняли одну простую вещь: когда начинается война, портовые города первыми подвергаются нападению.

О том, что изгнанные солдаты легко могут вернуться, он говорить не стал. Это и так было понятно.

Лисандра, сидевшая на оконном козырьке, тихо кинула в стекло. Аэлина распахнула окно. Вместе с ястребом в комнату влетел морской ветер.

– Символы обладают силой, – сказала Аэлина, глядя на распушившую перья Лисандру.

Сказанное не было лишь красивой фразой. Аэлина убедилась в этом, перевернув множество книг королевской библиотеки. Она ходила туда ночами, поскольку днем готовилась к нелепому состязанию за звание королевского защитника.

– Можешь мне верить, я тоже это знаю, – усмехнулся Эдион. – И всегда пользовался силой символов. – И постучал по костяному эфесу Меча Оринфа. – Я ведь то же самое когда-то говорил Дорину и Шаолу.

Эдион мотнул головой, вспомнив не такое уж далекое прошлое.

– Илиум долгое время был оплотом микенианцев, – сказала Аэлина, упираясь спиной в подоконник.

– Микенианцы – не более чем миф. Их еще триста лет назад вытурили отсюда. Они в качестве символа не годятся. Не то время. И потом, они очень неживучий народ. Тебе такое не подойдет.

Эдион был прав. Микенианцы действительно когда-то правили Илиумом, но не как родовая знать, а как главари разбойничьих шаек. У них был превосходно вооруженный флот, наводивший ужас на противников. Тогдашние террасенские короли очень нуждались в помощи микенианцев и потому терпели их и даже признавали законным их правление. Потом началась очередная война, в которой микенианцы отказались помочь Террасену. И тогда их попросту выгнали из Илиума.

Аэлина поймала на себе взгляд зеленых глаз Лисандры. Ястреб опустил крылья, наслаждаясь прохладным ветром. Всю эту неделю Лисандра держалась особняком, предпочитая птичий облик звериному или человеческому. Аэлина догадывалась о причинах. Часть сердца Лисандры нынче ехала в Террасен с Венгой, Реном и Муртагом.

– Изгнание микенианцев – это одна из версий. – Аэлина погладила ястребиную голову. – По другой, они сами покинули Террасен, не желая гибнуть на войне, в которую не верили.

– Ты хочешь сказать, они распустили свои отряды и вскоре бесследно исчезли, – парировал Эдион. – Почему ты вообще о них вспомнила? Думаешь, освобождение Илиума вернет их? Нет, Аэлина, они давно ушли вместе со своими морскими драконами.

В нынешнем Илиуме ничто не напоминало о легендарном флоте и воинах, проливавших свою кровь и кровь морских драконов. Те были союзниками и оружием микенианцев. Только когда умер последний дракон, не вынесший изгнания из террасенских вод, микенианцы окончательно покинули эти края. И только когда морские драконы сюда вернуться, вслед за ними вернуться и микенианцы. Так гласило древнее пророчество.

Эдион доставал из седельных сумок кинжалы и вешал на пояс. Дамарис он трогать не стал. Прикрепив подаренный Рованом нож, Эдион проверил надежность крепления, затем повернулся к Аэлине и Лисандре:

– Вы обе думаете, что мужчины обожают воевать и очертя голову бросаются в любую схватку. Да, есть и такие. Но я – не солдат, а генерал. Террасенский генерал, привыкший готовить и обдумывать каждое сражение. Нам нужно создать настоящую армию, а не растрачивать время на погоню за призраками. Если к середине осени у нас не будет крепкой боеспособной армии, которую можно двинуть против Эравана, зимние бури на несколько месяцев запрут ее в Террасене. Путь ей будет закрыт и по суше, и по морю.

– Что ж, Эдион, если ты так много знаешь о символах, обладающих силой, тогда тебе понятна роль Илиума, – сказала Аэлина. – Этот город жизненно важен для нас. Мы не можем позволить Адарлану удерживать его. По многим причинам.

Она не сомневалась, что брат все их уже просчитал.

– Хорошо, выгоняй адарланцев из города, – согласился Эдион. – Но с рассветом мы должны уплыть отсюда.

Увидев, как сощурилась Аэлина, он спросил:

– Тебя заботит храм? Не можешь смириться, что они захватили его вместе с городом?

– Храм – символ моего законного права на власть. Я не могу допустить, чтобы осквернение святыни сошло им с рук.

Аэлина сердито расправила плечи. Было непривычно раскрывать свои замыслы и что-то объяснять... К этому надо привыкнуть. Но ведь она обещала быть... менее скрытной. По крайней мере сейчас, когда особой секретности не требовалось.

– Это будет послание Адарлану и Дарро. Пусть не думают, что я отказалась от своего права на трон.

Эдион задумался над ее словами, потом хмыкнул:

– Королева не только по праву крови, но и овеянная легендами. А знаешь... никто не оспорил бы твоего права на трон, если бы тебе удалось найти «королевское пламя».

– Жаль, что Лисандра умеет превращаться сама, но не может превращать одни вещи в другие, – в тон брату произнесла Аэлина.

Лисандра щелкнула клювом и распушила перья.

– Говорят, этот цветок однажды расцвел во время правления Орлона, – сказал Эдион. – Всего один во всем Задубелом лесу.

– Я знаю, – тихо отозвалась Аэлина. – Дядя поместил его в стеклянный сосуд и держал у себя на столе.

Она и сейчас помнила этот красно-оранжевый цветок, не отличающийся особой красотой. Но от него исходила особая сила, и у Аэлины всякий раз перехватывало дыхание, когда она бывала в кабинете дяди и видела сосуд с «королевским пламенем». В день, когда Брэннон ступил на землю Террасена, этими цветами покрылись поля и склоны гор. Потом «королевское пламя» исчезло. В последующие века удавалось находить лишь по одному цветку. Когда это случалось, говорили, что нынешний король благословлен богами, а его королевство пребывает в мире.

«Королевское пламя» нашли во второе десятилетие правления Орлона, через девяносто пять лет после предыдущего.

– Неужели Адарлан...

Она не договорила, поперхнувшись.

– Нет. Сосуд забрал Дарро, – сказал Эдион. – Единственное, что он сумел взять прежде, чем адарланские солдаты заняли дворец.

Аэлина обрадованно кивнула. Ее магия тут же отозвалась легкой вспышкой. Даже Меч Оринфа побывал в адарланском плену, пока Эдион не получил его назад. Пожалуй, ее брат острее многих других чувствовал и понимал, какая сила может быть заключена всего в одном символе. Если утрата символа может подорвать дух армии и народа, его обретение вселяет надежду и дает силы.

Довольно ее королевству изнемогать от разрушений и боли.

– Идемте. – Аэлина направилась к двери. – Прежде чем устраивать адарланцам ад, нам не мешает поесть.

Дорин не помнил, когда в последний раз он видел такое обилие звезд.

Далеко позади в небо еще поднимался дым, освещаемый холодным узким месяцем. Хорошо, что они больше не слышали ни криков, ни хлопанья могучих крыльев.

Они плыли в одномачтовом ялике. Принц Рован из клана Боярышника сидел за спиной Дорина, поглядывая на черную гладь ночного неба. Магия Рована несла их суденышко на юг, к Мертвым островам. Фэйский воин на удивление быстро раздобыл этот ялик. Точнее, попросту украл, пока владелец глазел на терзаемый ведьмами и драконами Рафтхол. Все это время Дорин молчал, сознавая собственную никчемность. Враги уничтожали его город, убивали его подданных, а он...

– Тебе надо поесть, – сказал Рован.

Дорин мельком взглянул на мешок со съестными припасами, также украденный Рованом. Хлеб, сыр, яблоки, сушеная рыба... Дорина замутило.

– Ты укололся о ядовитый шип.

Голос Рована был не громче плеска волн. Ветер его магии надувал парус, уверенно толкая судно вперед.

– Ты здорово истощил свои магические силы, сражаясь с ядом и потом, когда мы выбирались из замка. Тебе обязательно надо поесть, иначе ты их не восполнишь... Разве Аэлина не предупреждала тебя об этом?

Дорин проглотил горьковатую слюну:

– Нет. У нее и времени не было учить меня пользоваться магической силой.

Он повернулся к Ровану, одной рукой держащему руль. Дорин познакомился с фэйцем несколько месяцев назад, но все еще не мог привыкнуть к заостренным ушам. И к этим серебристым волосам.

Они не были похожи на волосы Маноны. Те напоминали снег, залитый лунным светом.

Где-то сейчас главнокомандующая, пошедшая ради него на убийство? А его она пощадила. Нет, не пощадила. Спасла.

Дорин не был глупцом. Он понимал: Манона сделала это не ради него. Она поступила так, как ей было выгодно. Она была для Дорина чужой; еще более чужой, чем воин, сидящий с ним в ялике.

И эта ее тьма, жестокость, этот ее предельно честный взгляд на мир... От такой ничего не утаишь. Такой не соврешь.

– Тебе необходимо есть, чтобы накапливать силу, – продолжал Рован. – Магия питается твоей телесной силой. Питается тобой. Чем лучше ты отдохнул, тем больше в тебе силы и, что важнее, тем больше твоя власть над этой силой. Магическая сила имеет странную особенность: она часть

тебя и в то же время – нечто существующее само по себе. Если ею не управлять, она станет управлять тобой. Она поглотит тебя и сделает своим орудием.

Рован улыбнулся, блеснув ослепительно-белыми зубами:

– Одна известная нам особа любит сбрасывать излишки силы, устраивая разные фокусы. Это позволяет ей держать в узде основную часть.

Дорин чувствовал, что взгляд Рована вдавливают его в сиденье.

– Естественно, тебе решать, сколько магической силы допускать в свою жизнь и как ею распоряжаться. Но учти, король: если ты не научишься управлять собственной магией, она тебя уничтожит.

У Дорина дрожь пробежала по спине.

Возможно, на него подействовал безбрежный океан и яркий звездный ковер над головой, но он вдруг сказал:

– Мне тогда не хватило магической силы. В тот день, когда... Сорша погибла, моей магии не хватило, чтобы ее спасти. Наверное, моя сила может только разрушать, – вздохнул он.

Рован не отзывался. Дорин решил, что принц уснул. Он не решился спросить, когда Рован последний раз спал. Видимо, тогда же, когда и ел. Дорин видел, насколько голоден его спутник.

– И я когда-то не сумел спасти свою возлюбленную, – вдруг сказал Рован.

Дорин встрепенулся. Аэлина ему немало рассказывала о жизни принца, но об этом умолчала. Наверное, не посмела выдавать чужую тайну, говорить о чужом горе.

– Я тебе очень сочувствую, – сказал Дорин.

Магия Дорина улавливала глубокую связь между Аэлиной и Рованом. Эта связь была глубже кровных уз, глубже их магии. Дорин подумал, что они сблизилась, стали парой, но пока не спешили об этом рассказывать. Но если у Рована когда-то уже была возлюбленная, которую он потерял...

– Знаешь, Дорин, со временем ты возненавидишь мир, – продолжал Рован. – Возненавидишь себя, свою магию и каждое мгновение покоя и счастья. У меня была такая роскошь, как королевство, не раздираемое войнами. И от меня никто не зависел. У тебя по-другому.

Справа выросла стена суши с отвесными скалами. Рован повернул руль, направляя ялик в море. Он знал, что они плывут очень быстро, будто сама ночь несет их. Должно быть, уже покрыли половину расстояния до южной границы.

– Я – правитель разрушенного королевства, – прервал молчание Дорин. – Мой народ не знает, кто у них король. А я... спасаюсь бегством...

Он тряхнул головой, ощущая безмерную усталость:

- Неужели я уже отдал свое королевство Эравану? Если я ничего не сделал, будучи в Рафтхоле, что вообще я смогу сделать вдали от Адарлана?

Какое-то время тишину нарушал только скрип снастей и плеск волн.

- Твои подданные уже знают: ты не погиб. От тебя зависит, как объяснить им свое исчезновение. Они могут подумать, что ты бросил их. Или наоборот: ты спасся от неминуемой гибели, чтобы найти союзников и продолжить борьбу. Ясность можешь внести только ты.

- Мертвые острова. Куда уж яснее!

- В свое время у Аэлины было столкновение с предводителем пиратов. Меня это не удивляет, - усмехнулся Рован. - Ты с ним таких стычек не имел. И сейчас в твоих же интересах отнестись к нему как к сильному, изобретательному союзнику. Эдион мне рассказывал, что в недавнем прошлом часть Мертвых островов находилась под властью адарланского генерала Наррока и сил Эравана. Рульф тогда спасся бегством вместе со своим флотом. И хотя сейчас он снова правит в Бухте Черепов, бывшие обиды не забылись. Позор, пережитый им тогда, - твой ключ к общению с ним. Убеди Рульфа, что ты совсем не похож на своего отца. Пообещай привилегии ему и его пиратам.

- Ты хочешь сказать, сделать их каперами? Пиратами на законном основании?

- У тебя и у нас есть золото. Если пообещать Рульфу деньги и возможность беспрепятственно грабить корабли Эравана, мы получим на юге союзническую армаду. Глупо не воспользоваться такой возможностью.

- Я еще ни разу не встречался с пиратами, - признался Дорин, но слова принца заставили его задуматься.

- Ты встретился с Аэлиной, когда она жила под обличем Селены, - сухо напомнил ему Рован. - Могу тебя заверить: Рульф не намного хуже той Селены.

- Не очень-то ты меня успокоил.

Рован ответил сдержанным смешком. Они снова замолчали, пока Рован вдруг не сказал:

- И я тебе сочувствую... по поводу Сорши.

Дорин пожал плечами и тут же возненавидел себя за этот жест. Он словно отрицал, насколько значима была для него Сорша. Отрицал ее смелость и неповторимость.

- Иногда я жалею, что рядом нет Шаола. Он всегда мне помогал. А иногда рад, что ему не надо снова рисковать. Хорошо, что Шаол сейчас в Антике, с Несариной.

Дорин смотрел на принца, на очертания тела Рована, которое зачастую само бывало смертельно опасным оружием. Это умение замирать, как хищник. Даже то, как Рован управлял яликом, – все отличалось от привычного Дорину.

– Можешь научить меня... управляться с магической силой? – спросил Дорин. – Не всему, что умеешь сам. Тому, чему сможешь. И когда сможешь.

Рован задумался.

– Скажу тебе, Дорин Хавильяр, что в своей жизни я встречал немало королей. Редко кто просил о помощи, когда в ней нуждался. Ведь для этого нужно поступиться гордостью.

Дорин искренне верил: когти валгского принца разорвали его гордость в клочья.

– Я согласен обучать тебя, пока мы плывем в Бухту Черепов, – сказал Рован. – Возможно, мы сумеем найти настоящего учителя, который уцелел в эти страшные годы. От него ты научишься большему, чем от меня.

– Ты же обучал Аэлину.

И снова Рован умолк на несколько минут.

– Аэлина – мое сердце. Мне было легко ее учить, потому что наши магические способности схожи. Между ними, как и между нашими душами, есть глубокое понимание. Ты... иной. С магией такого рода, как у тебя, я сталкивался редко. Тебе нужен тот, кто способен понять все оттенки твоей магии или, по крайней мере, знает, как тебя учить. Но я могу научить тебя управлять магической силой. Научить погружаться в твою силу и делать так, чтобы самому от нее не пострадать.

Дориан закивал. Ему была ценна любая помощь.

– А ты, когда впервые увидел Аэлину, ты уже знал...

– И понятия не имел! – усмехнулся Рован. – Нам хотелось поубивать друг друга.

В глазах фэйского принца что-то мелькнуло.

– Она находилась... в очень темном месте. Мы оба. Потом мы стали помогать друг другу выбираться на свет. Вместе нашли способ.

Поймав ошеломленный взгляд Дорина, Рован понял, о чем думает молодой король.

– И ты найдешь способ. Ты тоже выберешься.

Дорину было трудно передать словами происходящее в сердце. Он лишь вздохнул и, глядя в бескрайнее звездное небо, сказал:

– Тогда вперед – в Бухту Черепов.

В темноте мелькнула белозубая улыбка Рована.

- В Бухту Черепов! - подхватил он.

Глава 14

Эдион Ашерир надел доспехи и был в черном с головы до пят. Он прятался в тени здания напротив храма. Рядом была Аэлина. Они уже позаботились о корабле для завтрашнего отплытия. Завтра же из порта выйдет другой корабль, держа курс на Вендалин. На том поплывут письма вендалинской ветви Ашериров, подписанные Аэлиной и Эдионом. В письмах содержалась просьба о помощи, поскольку то, о чем они вдруг узнали сегодня...

За минувшие десять лет Эдион часто бывал в Илиуме и успел изучить город вдоль и поперек. Обычно его легион Беспощадных разбивал лагерь возле городских стен, после чего начинались странствия по местным тавернам. Возлияния были настолько усердными, что наутро Эдиона выворачивало прямо в шлем. Как разительно это отличалось от их нынешнего приезда. Сейчас по пыльным улицам шли двое молчаливых, необщительных паломника.

Эдиону и во сне не могло присниться, что однажды он пойдет по илиумским улицам со своей королевой и что взгляд ее будет мрачен и суров. Не потянет улыбаться, когда на каждом шагу встречаются несчастные, напуганные люди - эти живые шрамы войны.

Никто не устилал цветами путь ее величества. И фанфары не пели в честь ее возвращения. Только шум волн, завывание ветра и жгучее солнце над головой. При виде адарланских солдат Аэлина с трудом сдерживала гнев. А они встречались повсюду.

За всеми приезжими внимательно следили, и потому, нанимая корабль, Аэлине и Эдиону пришлось действовать осторожно. Для города и остального мира завтра, в середине утра, они отплывали в Сурию на корабле «Дева лета». На самом деле они еще до рассвета проберутся на борт «Певца ветра» и поплывут на юг. Молчание капитана было оплачено золотом.

И не только молчание. Капитан ненароком сообщил им сведения невероятной важности. Аэлина и Эдион уже собирались покинуть его каюту, как вдруг услышали:

- Мой брат - торговец. Занимается товарами из далеких стран. На прошлой неделе рассказал, что на западном побережье Вендалины, где фэйское государство, было замечено скопление кораблей.

- Они собираются плыть сюда? - сразу же спросила Аэлина.

Эдион задал другой вопрос:

– Сколько кораблей?

– Полсотни, и все военные, – ответил капитан, настороженно поглядывая на брата с сестрой.

Он наверняка принял их за тайных посланцев одного из королевств, участвующих в этой войне.

– А на берегу разместились целая фэйская армия. Ждут приказа к отплытию.

Эта новость наверняка быстро разлетится повсюду, нагоняя страх на людей. Эдион мысленно отметил, что нужно будет предупредить своего непосредственного заместителя по легиону Беспощадных. Пусть заранее подготовятся, а заодно пресекают любые нелепые слухи.

Эдион видел побледневшее лицо Аэлины. Коснулся ее плеч, пытаюсь успокоить. Однако Аэлина быстро взяла себя в руки и задала капитану новый вопрос:

– Как показалось вашему брату: королева Маэва заключила союз с Моратом? Или она решила послать свою армию на помощь Террасену?

– Ничего ему не показалось, – отрезал капитан. – Плыл мимо, увидел армаду. Сомневаюсь, что это такой уж секрет. Больше мы ничего не знаем. Возможно, корабли отправятся совсем на другую войну.

Лицо Аэлины оставалось непроницаемым. Эдион придал своему то же выражение.

Однако таким лицом его сестры осталось и потом, когда они возвращались назад, готовили оружие и под покровом темноты выступали к храму. Если Маэва и впрямь собирает армию против них...

Аэлина переместилась на крышу здания, откуда продолжала вести наблюдение за храмом. Сверкающий эфес Златинца она обернула тряпкой – он блестел даже в темноте. Эдион смотрел то на сестру, то на адарланских караульных, прохаживающихся вокруг храма. Они были совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Аэлина смотрела в сторону океана, будто с крыши ей был виден вендалинский берег и флот Маэвы, готовящийся к отплытию. Если эта бессмертная сука снюхалась с Моратом... Маэва не настолько глупа. Стремясь к безраздельной власти, оба темных правителя могут запросто уничтожить друг друга. И Эрилею в придачу.

Но темный король и темная королева, объединившиеся против Огненицы...

Нужно действовать быстро. Сначала отсечь голову одной змее, потом разбираться с другой.

Услышав легкое шуршание ткани, Эдион обернулся. У него за спиной стояла Лисандра. Она ждала сигнала Аэлины. Ее дорожное одеяние успело пообтрепаться и запачкаться. Весь день Лисандра читала книгу, судя по

виду – весьма старую. Книга называлась что-то вроде «Забытые существа глубин». Оставалось лишь гадать, где Лисандра раздобыла эту древность. Наверное, стащила.

Лисандра следила за Аэлиной. Сейчас та была похожа на тень. Лисандра кашлянула и шепотом, чтобы ее не слышали ни королева, ни солдаты напротив, сказала:

– Слишком уж спокойно она отнеслась к постановлению Дарро.

– Я бы не назвал это спокойствием, – возразил Эдион.

Впрочем, он понял, что имела в виду Лисандра, говоря о спокойствии. После отлета Рована и известия о падении Рафтхола Аэлина стала отстраненной и замкнутой, словно половина ее личности пребывала где-то не здесь.

– Знаешь, Эдион, это спокойствие перед бурей, – продолжала Лисандра.

Ее светло-зеленые глаза пригвоздили его к месту. Все его инстинкты хищника взвыли. Взгляд Лисандры снова переместился на худенькую фигуру Аэлины.

– Буря близится. Великая буря.

Она говорила не о силах, таящихся в Морате, не об оринфских ухищрениях Дарро и даже не о Маэве, готовящей флот. Слова Лисандры были обращены к женщине на крыше, замершей у кромки.

– А не боишься...

Эдион не мог закончить свой вопрос. Он как-то привык, что женщина-оборотень оберегает спину Аэлины. Такой расклад ему даже нравился. Рован справа, сам он – слева, а Лисандра – сзади. Это означало, что никто и ничто не может незаметно подкрасться к их королеве.

– Нет, ни капельки, – ответила Лисандра, поняв, о чем он хотел спросить.

Эдиону стало спокойнее.

– Но чем больше я об этом думаю, – продолжала она, – тем больше мне кажется, что все это... было задумано еще очень давно. Эраван располагал десятками лет, прежде чем Аэлина родилась и обрела свою магическую силу. Прежде чем появился Дорин. Тогда у Эравана не было противников. Но почему-то судьба распорядилась так, что он разворачивается сейчас, когда ему противостоит Огненосица.

– К чему ты клонишь? – спросил Эдион.

Схожие мысли забредали и в его голову, пока ехали в Террасен. Особенно по ночам, когда он нес караул, охраняя спящих. Все это выглядело жутким и невозможным, но слишком многое в их жизни противоречило логике и выпадало из привычной колеи. Ярчайшее доказательство – Лисандра.

- Морат выпускает своих чудовищ. Маэва вдруг зашебаршилась на Вендалине. А рука об руку с Аэлиной идут две богини. Скажу тебе больше: Мэла и Денна наблюдают за ней с самых первых дней жизни. Наверное, я не так сказала. Не наблюдают... готовят, чтобы однажды выплеснуть в мир ее силу. Интересно, боги просчитали стоимость грядущей бури? Они уверены, что все жертвы не будут напрасными?

Эдиона пробрала дрожь.

Лисандра перешла на совсем тихий шепот. Наверное, боялась, что ее услышит не королева, а боги.

- Нам еще предстоит увидеть всю силу тьмы Эравана. И всю силу огня Аэлины - тоже.

- Но она - не безмозглая пешка, - сердито возразил Эдион.

Он был готов сражаться с богами и даже убивать их, если они вздумают угрожать Аэлине и вознамерятся ради победы над темным королем пожертвовать Эрилеей.

- Неужели тебе так трудно хотя бы раз согласиться со мной? - удивилась Лисандра.

- По-моему, я всегда с тобой соглашаюсь.

- Нет. У тебя на все есть ответы, - встряхнула головой Лисандра. - Это невыносимо.

Эдион улыбнулся:

- Приятно знать, что я наконец-то забрался тебе под шкуру. Или под все сразу?

Неотразимо красивое лицо Лисандры стало похожим на оскал ведьмы.

- Поосторожнее, Эдион. Я кусаюсь.

Эдион наклонился к ней еще чуть-чуть. Он знал: у Лисандры есть границы, которые нельзя пересекать. И даже проверять их на прочность нельзя. Особенно зная, сколько всего она претерпела, начиная с детства, и как дорожила обретенной свободой. Кто-кто, а он должен это понимать, поскольку сам многое претерпел.

Пусть он так и не рассказал Аэлине об этой стороне своего прошлого. У него не хватало решимости. Сумел бы он объяснить сестре, что делали с ним и что заставляли делать его в первые годы адарланского завоевания?

Но флирт с Лисандрой был безопасным для них обоих. И, честное слово, Эдиону нравилось болтать с нею, когда она не торопилась покидать человеческое обличье. Поэтому он лишь щелкнул зубами и сказал:

- Хорошо, что я умею заставить женщин мурлыкать.

Лисандра негромко засмеялась, но смех тут же стих, когда она подняла голову к крыше, где затаилась Аэлина. Морской бриз теребил темные шелковистые волосы Лисандры.

- Приготовься, - шепнула она Эдиону.

Ему было ровным счетом плевать на все насмешки и оскорбительные слова Дарро в адрес Лисандры. Она спасла его жизнь. Она сражалась за их королеву. Чтобы спасти его от казни и воссоединить с Аэлиной, Лисандра поставила на карту все, включая свою свободу и жизнь. Когда они отправились в Илиум, она часто оглядывалась назад, словно могла увидеть Венгу, ехавшую с Муртагом и Реном. Эдион знал: часть души Лисандры осталась с ее подопечной, равно как часть души Аэлины осталась с Рованом. Способен ли он сам когда-нибудь прочувствовать такую степень любви?

Аэлина для него... она была его частью, как руки и ноги. Перед ним никогда не стоял выбор. Ему не требовалось проявлять бескорыстие, как Лисандре, взявшей под свое крыло чужую девчонку. Его ни к кому не тянуло так, как Аэлину и Рована потянуло друг к другу. Возможно, это глупые мысли, если учесть его жизнь воина и то, что ожидало их в Морате, но... Эдион и за тысячу лет не признался бы сестре, однако, глядя на них с Рованом, он им иногда завидовал.

Эдиону не хотелось даже думать об отвратительных предложениях Дарро. Более десяти лет назад Вендалину был предложен союз с Террасеном при условии, что их с Аэлиной поженят (невзирая на близкое родство). Такова была цена сделки. Но вендалинская ветвь Ашериров отвергла это предложение.

Эдион любил свою двоюродную сестру, но при мысли о близости с нею его начинало мутить. Наверное, и Аэлина испытывала схожие ощущения.

Она не показала ему письмо, адресованное его вендалинской родне. Почему-то эта мысль мелькнула у него только сейчас. Эдион поднял голову к крыше и вдруг понял, что не хочет знать содержание письма.

Он, генерал, воин, был закален кровью, яростью и утратами. Видел и творил такое, отчего до сих пор просыпался в поту, ночь за ночью. Но... он не хотел знать, о чем написала Аэлина. Не сейчас. Потом как-нибудь.

- Нужно убраться отсюда до рассвета, - сказала Лисандра. - Мне не нравится, как тут пахнет.

Эдион кивнул в сторону храма, превращенного в казарму для полусотни солдат:

- Еще бы.

Лисандра не успела ему ответить. С пальцев Аэлины сорвались голубые огоньки. Это был сигнал.

Лисандра превратилась в призрачного леопарда. Эдион скрылся в тени. Рык Лисандры переполюшил жителей окрестных домов. Они выскакивали из дверей.

Солдаты распахнули ворота храма и тоже выбежали на улицу – узнать причину суматохи.

Аэлина спрыгнула вниз и с кошачьим изяществом приземлилась под носом у солдат. Те пляли ошалевшие глаза, беспорядочно размахивая мечами.

Появление рычащего призрачного леопарда нагнало на них страху. Вскоре к Аэлине и Лисандре присоединился Эдион. Брат и сестра откинули капюшоны плащей. За спиной кто-то вскрикнул.

Удивление вызвали не их лица и не золотистые волосы. Все смотрели на высоко поднятую руку Аэлины, окутанную голубым огнем. Солдаты растерялись. Лишь самые смелые наводили на них арбалеты.

– Убирайтесь прочь из моего храма! – потребовала Аэлина.

Солдаты моргали, не зная, как поступить. Кто-то из горожанок заплакал, глядя на огненную корону, вспыхнувшую над головой Аэлины. Тряпка, закрывавшая эфес Златинца, сторела, и в темноте кроваво-красной звездочкой вспыхнул рубин.

Эдион с усмешкой смотрел на тупую адарланскую солдатню.

– Моя госпожа предоставляет вам выбор: убраться отсюда немедленно или... мы поможем вам убраться на тот свет, – сказал он, снимая со спины щит.

Солдаты переглядывались. Пламя вокруг головы Аэлины становилось все ярче, лучом прорезая темноту.

«Воистину символы обладают силой», – подумал Эдион.

Аэлина, увенчанная огнем, превратилась в могущественный символ, в бастион света, противостоящий вечерней тьме. Эдион выхватил из ножен Меч Оринфа. Кто-то вскрикнул, узнав могущественное древнее оружие.

Весь двор перед храмом заполнился солдатами. Некоторые бросали мечи и арбалеты, поднимали руки и пятились.

– Жалкие трусы! – рявкнул на них командир.

Ни у него, ни у солдат не было черных колец. Ими не управляли валгские демоны. Их вела ненависть к Террасену. Узнав Эдиона, командир скривил губы. Взмахнул мечом, словно вызывая генерала на поединок.

– Волк Севера пожаловал, – язвительно усмехнулся адарланец. – И огнедышащая сука собственной персоной.

Аэлина не поддавалась на оскорбления. Наоборот, ее лицо выражало скуку. Видя, что далеко не все солдаты горят желанием умирать, она еще раз предложила им:

– Выбирайте: жить или умереть. Но выбор нужно делать сейчас.

- Да не слушайте вы эту суку! - крикнул командир. - Правитель Меа называет все это жалкими балаганными трюками.

Пятеро солдат, побросав оружие, со всех ног кинулись прочь и скрылись в темноте.

- Есть еще желающие? - негромко спросила Аэлина.

Осталось тридцать пять человек. Эти оружия из рук не выпускали, угрюмо поглядывая на Аэлину. Первоначальная оторопь у них прошла. Эдион знал, какво сражаться бок о бок с ними и против них. Аэлина вопросительно посмотрела на него, и он кивнул. Пешки, давно забывшие о свободе выбора. Эти отступят, только если прикажет командир.

- Давай продолжай свои фокусы, - хорохорился тот. - Что ты еще умеешь, огнедышащая? Помню, попалась мне как-то крестьянская девка, очень на тебя похожая. Уламывал ее, уламывал... пока не убил.

Аэлина дунула в его сторону, словно хотела погасить свечу.

Вначале командир умолк, застыв неподвижно. Казалось, он превратился в камень. На мгновение Эдион поверил, что Аэлина превратила его в камень. Даже красный с золотом адарланский мундир посерел.

Но стоило подуть ветру, и командир... осыпался горкой пепла. Эдиону стало не по себе. Он понял: Аэлина заживо сожгла адарланца изнутри. Кто-то испуганно закричал.

- Я вас предупреждала, - сказала Аэлина.

Еще несколько солдат бежали. Остальные продолжали стоять. У них не было командира, но была ненависть и отвращение. Они ненавидели магию, Аэлину и Эдиона.

Эдион наградил их волчьей улыбкой. Взмахнув Мечом Оринфа, он устремился на левый фланг. Лисандра с рычанием бросилась на правый. Аэлина ударила посредине золотисто-красным пламенем.

Вот так за двадцать минут они освободили храм.

Точнее, на это ушла лишь половина времени. Часть адарланских солдат погибла, остальные сдались. Этих горожане, присоединившиеся к освобождению храма, препроводили в городскую тюрьму. Еще десять минут Аэлина и ее спутники осматривали храм на предмет возможных засад. Но внутри не оказалось ничего, кроме нехитрого солдатского скарба и мусора. У Аэлины сжалось сердце, когда она увидела священные стены, исписанные вкривь и вкось именами двуногих адарланских скотов. Храм был известен своими вазами с неугасимыми светильниками. Солдаты разбили светильники, а вазы превратили в ночные горшки...

И тогда Аэлина наполнила храм яростным пламенем, в котором сторали солдатские пожитки и все следы их присутствия. Огонь выжигал многолетние

слои грязи, пыли и птичьего помета, открывая удивительно красивую древнюю резьбу на стенах, колоннах и даже ступенях.

Храм Брэннона состоял не из одного, а из трех зданий, построенных вокруг просторного внутреннего двора. В левом помещался архив, в правом когда-то жили жрицы. Собственно храмом было среднее. Внутри находилась священная скала. Аэлина решила, что они останутся здесь на ночлег. Наиболее пригодным для этой цели было здание архива, куда она и отправила Эдиона с Лисандрой.

Эдион все еще был разгорячен недавним сражением. Он действовал безупречно. Аэлина могла бы справиться со всеми противниками, но намеренно не сделала этого, уступив часть их Эдиону. Она сегодня была не единственным символом, который запомнился людям.

Лисандра разодрала в клочья нескольких солдат, затем снова приняла обличье ястреба. Сейчас она сидела на полустгнившей балке под потолком архива и разглядывала изображение морского дракона, украшавшего пол. Огонь освободил его из плена. Морские драконы встречались здесь повсюду – наследие народа, изгнанного с этих земель.

Аэлина сказала, что хочет одна постоять на священной скале.

Все пространство храма наполнял шум морских волн, плещущихся неподалеку. Не было ничего, что когда-то принимало на себя эти звуки, приглушая и смягчая их. Просторные помещения храма и его внутренние дворики пустовали. Исчезли алтари и статуи. Не было садилов для размышлений. В воздухе еще пахло дымом ее огня.

Не разрушительного. Очистительного.

Аэлина шла через темный храм, направляясь в самую святую его часть, что находилась у моря. Возле ступеней лестницы сверкали неяркие золотые огоньки. Это были чудом уцелевшие светильники неугасимого света, считавшегося даром Брэннона.

Аэлина сознавала, что храм требует иной одежды, а не этих черных мрачных доспехов. Пусть Брэннон и боги ее простят. Сила ее магии притушила светильники, превратив их в мерцающие угольки.

Когда строили храм, возвели и большую защитную стену, дабы оградить священное место от буйства морской стихии. И все равно пространство было влажным, а воздух густо пропитался запахом соленой воды.

Аэлина миновала просторное преддверие, пройдя мимо двух толстых колонн. Они обрамляли вход во внутреннее святилище. В его дальнем конце и находилась черная скала, открытая отнюдь не ласковому здешнему морю.

Скала была величиной с крестьянскую повозку, с гладкой, как стекло, поверхностью. За тысячи лет ее отполировали руки паломников. Она нависала над морем, изгибаясь вверх. В самой середине скалы, в выемке, подрагивало пламя неугасимой белой свечи. А по поверхности скалы разливался неяркий свет звезд.

В резьбе на стенах храма Аэлина не увидела знаков Вэрда. Только вихри и олени. И Маленький народец на сей раз не оставил ей никаких посланий.

Она решила, что поступит так, как когда-то поступали жрицы.

Аэлина поднялась по лесенке. Многие паломники останавливались на этих ступеньках и только созерцали скалу, не решаясь ступить на ее поверхность. Аэлина, не колеблясь, поднялась на самый верх.

Глава 15

Море замерло. Или ей это только показалось.

Аэлина вытащила из-под рубашки амулет с Ключом Вэрда. Уселась на самый край скалы и стала вглядываться в простор ночного моря.

Она ждала.

Серп растущей луны начал клониться к закату, когда позади послышался низкий мужской голос:

– Ты выглядишь моложе, чем я думал.

У Аэлины свело живот, но она не обернулась, продолжая глядеть вдаль.

– Но молодость не делает тебя менее привлекательной. Согласна?

Аэлина не услышала шагов, однако голос явно стал ближе:

– Во всяком случае, моя дочь не ошиблась насчет твоей скромности.

– Она мне ни разу не намекнула, что ты обладаешь чувством юмора, – ответила Аэлина.

Справа прошелестел ветер. Затем она увидела мускулистые ноги, обутое в сандалии и прикрытые древними доспехами. Тогда Аэлина решила повернуть голову. Брэннон предстал перед нею целиком. Сильный, ширококостный, с лицом, исполненным мужского обаяния. Он казался вполне осязаемым, состоящим из плоти и крови, если бы не голубоватое сияние, окаймляющее фигуру.

Аэлина слегка наклонила голову, приветствуя Брэннона.

Ответом была легкая улыбка. Лунный свет играл на его рыжевато-золотистых волосах.

– Сражение было жестоким, но действенным, – сказал Брэннон.

- Меня позвали в этот храм. Я обнаружила, что он занят, но отнюдь не паломниками. Я изгнала отсюда всю нечисть. Твой храм свободен. Добро пожаловать.

Губы Брэннона сложились в улыбку.

- Я все равно не могу долго здесь оставаться.

- Но пока ты здесь, ты выплеснешь на меня целый шквал загадочных предостережений. Это ведь ты позвал меня сюда?

Брэннон изогнул брови. В его глазах цвета жженого золота мелькнуло любопытство.

- Да. Я попросил моих друзей передать тебе послание. Как ты догадываешься, у меня была причина позвать тебя сюда.

- В этом я не сомневаюсь, - ответила Аэлина, мысленно добавив: «Иначе я бы не рискнула вытуривать солдат из храма». - Но вначале расскажи мне про Маэву.

Аэлине надоело быть лишь принимающей послания. У нее накопились свои вопросы, и сейчас она рассчитывала на ответы Брэннона.

- Уточни, что именно тебя интересует, - попросил он.

- Скажи, Маэву можно убить?

Король резко повернул к ней голову:

- Знай, наследница Террасена, Маэва необычайно стара. Когда я был ребенком, ее уже называли старой. Ее замыслы далеко простираются в пространстве и во времени.

- Все это я уже слышала. Но умрет ли она, если я воткну кинжал ей в сердце? Или отрежу голову?

- Не знаю, - помолчав, ответил Брэннон.

- Чего?

- Просто не знаю, - покачал он головой. - Ты сама знаешь, что фэйцев убивали. Но Маэва живет необычайно долго даже по нашим меркам, а они значительно превосходят человеческие. И потом, ее сила... никто по-настоящему не понимает природы ее силы.

- Ты же путешествовал с Маэвой, намереваясь вернуть Ключи.

- И все равно я не знаю, можно ли ее убить. Но ее пугало мое пламя. И твое тоже пугает.

- А может, Маэва - валгская демонесса?

Брэннон тихо рассмеялся:

- Нет. Холодностью своей она не уступает валгам, но не их породы.

Края фигуры Брэннона начали расплываться. Почувствовав, что у Аэлины еще остались вопросы, он кивнул, показывая готовность их выслушать.

Аэлина сглотнула и шумно выдохнула:

- Мне когда-нибудь станет легче управляться со своей магической силой?

Лицо Брэннона немного смягчилось.

- Да и нет. Магическая сила влияет на твои отношения с теми, кто вокруг. Тебе становится труднее общаться с ними, зато облегчается управление самой силой. Тут все взаимосвязано, и весьма непростым образом. Магия в любом ее виде - дар непростой. Что касается огня... Магическое пламя, полыхающее вовне, полыхает и внутри нас, затрагивая наши души. Лучше это для нас или хуже - не знаю.

Внимание Брэннона переместилось на Златинец, выглядывающий из-за плеча Аэлины. Древний король снова засмеялся.

- Чудовище из той пещеры уже мертво? - спросил он.

- Нет. Оно мне говорило, что скучает по тебе и ждет, когда ты его наведишь. Ему там очень одиноко.

И опять Брэннон засмеялся:

- А мы с тобой могли бы славно повеселиться. Как ты думаешь?

- Я начинаю жалеть, что до сих пор общалась не с тобой, а с твоей дочерью. Похоже, чувство юмора передается через поколение.

Ей не стоило этого говорить. Красивое загорелое лицо Брэннона сразу перестало улыбаться, а глаза цвета жженого золота сделались холодными и жесткими. Брэннон попытался взять ее за руку, но его пальцы прошли насквозь и коснулись поверхности скалы.

- Слушай, наследница Террасена. Я позвал тебя, чтобы рассказать про Замок. В Каменных Болотах есть забытый и брошенный город. Замок спрятан там. Нужно вернуть Ключи в те места Врат Вэрда, откуда они были изъяты. Только так Врата обретут прежнюю цельность и будут запечатаны навсегда. Моя дочь просит тебя.

- Какой Замок?

- Найди Замок.

- А где эти Каменные Болота? Это ведь не просто маленький...

Брэннон исчез.

Хмурясь, Аэлина запихнула Амулет Оринфа обратно под рубашку.

- Само собой, эти проклятые Ключи должны быть от такого же проклятого Замка, - пробормотала она.

Аэлина поднялась на затекшие ноги. Внизу, совсем рядом, плескалось море. А далеко на востоке, на другом континенте, древняя королева готовила свою армаду.

Аэлина показала ей язык.

- Если Мазва еще думала, нападать ли на Эрилею, теперь она обязательно нападет, - лениво произнес Эдион, появляясь из-за колонны.

Аэлина недовольно зашипела. Брат улыбнулся, сверкнув зубами:

- Думаешь, я не знал, что у тебя было несколько причин прогнать солдат из храма? Весна, проведенная с тобой в Рафтхале, наглядно мне показала: ты всегда замыслишь несколько дел сразу.

Аэлина показала язык и ему, после чего шумно спустилась со скалы.

- Стало быть, ты все слышал.

- Брэннон мне даже подмигнул.

Аэлина стиснула зубы.

- Значит, Замок? - Эдион привалился к резной колонне. - И когда ты намерена сообщить своим подданным о переменах курса?

- Когда сочту нужным, - отгрызнулась Аэлина. - Ни о каких переменах курса речи не идет. Нашей главной целью остаются союзники, а не загадочные повеления давно умерших королей.

Эдион тоже улыбнулся. В темноте храма мелькнула тень.

- Вы оба невыносимы, - шумно вздохнула Аэлина.

Лисандра уселась на ближайшую статую и громко щелкнула клювом.

Эдион обнял сестру за плечи и повел к выбранному месту ночлега.

- Ты же говорила, что у нового двора будут новые традиции. Это касается и тебя. Пусть будет поменьше тайных замыслов и разных секретов. Честное слово, ты сэкономишь своему непутевому брату не один десяток лет жизни. Хотя, должен признаться, я получил большое удовольствие от твоего нового фокуса с пеплом. Настоящее искусство.

Аэлина пихнула его в бок:

- Нечего меня...

Она осеклась. Со стороны ближайшего дворика к ним кто-то шел. Хрустела сухая земля под ногами. Ветер принес запах идущего. Этот запах был им слишком хорошо знаком.

Валгский демон, причем сильный, если сумел пройти через стену ее огня.

Аэлина выхватила Златинец, Эдион обнажил Меч Оринфа. Под лунным светом древнее оружие казалось выкованным не далее чем вчера. Лисандра перепорхнула так, чтобы ее не было видно.

– Особо упертая тварь или сумел найти брешь в твоей стене? – шепотом спросил Эдион.

– Думаю, то и другое, – ответила Аэлина, глядя на фигуру, проходящую между двумя колоннами.

Человек был крепким, коренастым, полноватым. Отнюдь не красавец, каких предпочитали валгские принцы, поселяясь в человеческом теле. На широкой шее, конечно же, чернел каменный ошейник. Но нечеловеческое зловоние, исходившее от него... Оно было куда сильнее.

Разумеется, Брэннон не удосужился предупредить ее об этом «госте».

Одержимый валгом вошел в полосу света неугасимых светильников. Едва увидев его лицо, Аэлина забыла обо всем. В голове не осталось ни одной мысли.

Прав был Эдион: ее сегодняшние действия явились посланием. Она раскрыла свое местонахождение. Эраван ждал этой встречи не несколько часов, а гораздо дольше. Валгский король знал обе стороны ее истории.

Перед ними стоял, нагло улыбаясь, главный надсмотрщик Эндовьера.

Он до сих пор снился ей в кошмарных снах.

Это вечно красное тупое лицо, которое с такой же наглой улыбкой глядело на нее и других узниц Эндовьера. Этот смех, когда ее раздевали до пояса и хлестали плеткой, а потом оставляли на пронизывающем холодном ветру или под нестерпимо жгучим солнцем. Этот злорадный оскал, когда ее за очередную провинность сажали в темную яму. Тот же оскал ее встречал и по прошествии дней или недель, пока длилось наказание.

Эфес Златинца стал липким от ее пота. На другой руке вспыхнули язычки пламени. Аэлина задним числом проклинала Лоркана, отобравшего у нее золотое кольцо, которое давало защиту от валгов.

Эдион глядел то на нее, то на надсмотрщика. Он понял, что Аэлина откуда-то знает одержимого.

– Что ж ты нас не познакомишь, рабыня? – с усмешкой спросил главный надсмотрщик Эндовьера.

Замершее лицо брата подсказало Аэлине: Эдион догадался, кто перед ними. Недаром он мельком взглянул на ее запястья, где еще оставались шрамы от кандалов.

Эдион шагнул вперед. Аэлина понимала: брат привычно оценивает обстановку, вглядываясь и вслушиваясь в сумрак. Сейчас важно понять, явился ли надсмотрщик сюда один и как, в случае чего, откуда выбираться. Лисандра перенеслась на другую колонну, готовая по первому сигналу обернуться призрачным леопардом.

Аэлина пыталась пробудить в себе привычные самоуверенность и бесцеремонность, позволявшие выбираться из любых, даже самых опасных ситуаций. Но сейчас она лишь видела, как надзиратель тащит узниц на расправу, слышала тяжелый лязг решетки над ямой и ощущала запахи пота, крови и немых тел. Ей казалось, что по ее исхлестанной спине течет горячая струйка крови.

«Я не буду бояться. Я не буду бояться».

– Что, вашему отродью перестало хватать смазливых парней для вселения? – растягивая слова, спросил Эдион.

Он растягивал не только слова. Время, чтобы выстроить стратегию.

– А ты подойди поближе, генерал, – усмехнулся надсмотрщик. – Посмотрим, может, ты нам лучше сгодишься.

Эдион тоже усмехнулся, чуть выше подняв руку с Мечом Оринфа:

– Этому мечу не привыкать справляться с мразью. Тебе от него не уйти.

Древний меч, меч ее отца, реликвия ее народа, вернул Аэлину к действительности...

Она запрокинула голову. Пламя вокруг левой руки вспыхнуло ярче.

Водянистые голубые глаза надсмотрщика сощурились и с неподдельным изумлением посмотрели на Аэлину.

– Забавный фокус, – сказал он. – Поди, сожалеешь, что не могла его устроить, когда мы сажали тебя в яму. Или когда я разрисовывал землю твоей кровью.

Ответом было тихое рычание Эдиона.

Но Аэлина заставила себя улыбнуться:

– Время уже позднее. Я немного устала, справляясь с твоими солдатами. Сейчас я намерена отдохнуть, а не болтать с тобой.

Надсмотрщик выпятил нижнюю губу:

– Скоро, девка, ты научишься себя вести. Все вы научитесь.

Аэлина не позволила себе даже мимолетную мысль об этом. Если Эраван и его валги завладеют хотя бы крупницей ее магического дара... А ведь он на это и надеялся.

Надсмотрщик снова открыл рот. И тогда Аэлина атаковала его.

Огонь толкнул надсмотрщика к ближайшей стене. Языки пламени струились у него по шее, носу, ушам. Это пламя не обжигало. То был ослепительно-белый свет.

Надсмотрщик что-то кричал, пытаясь стряхнуть пламя. Но магия Аэлины не отпускала, пробираясь внутрь. А там... В отличие от испепеленного командира, внутри надсмотрщика было не за что уцепиться. Ни тьмы, чтобы выжечь, ни угольков человеческой жизни, которые можно раздуть. Только...

Аэлина попятилась. Ее магия ослабла. Колени подгибались. Голову схватывали спазмы боли, а к горлу подступала тошнота. Аэлина знала и эти ощущения, и привкус во рту.

Железо. Казалось, надсмотрщик внутри был железным. К привкусу железа добавился другой – маслянистый, отвратительный... Камень Вэрда.

Демон, обитавший в надсмотрщике, сдавленно засмеялся:

– Эти ошейники и кольца – жалкие игрушки по сравнению с сердцем из железа и Камня Вэрда. Прекрасная замена трусливому сердцу, которое когда-то билось здесь.

– Зачем? – только и могла выдохнуть Аэлина.

– Меня поместили в эту оболочку, дабы показать, что тебя ожидает, если ты и твоя свита явитесь в Морат.

Аэлина снова ударила его огнем, выжигая все, что могло гореть. Ее целью был сгусток тьмы внутри надсмотрщика. Она била раз за разом. Надсмотрщик продолжал яростно рычать, но Аэлина не оставляла усилий, пока...

Пока ее не вывернуло прямо на священные камни. Эдион придерживал сестру, дожидаясь, когда прекратятся судороги.

Аэлина подняла голову. Она сожгла всю одежду надсмотрщика, однако ее пламя не причинило вреда его коже. А в грудной клетке билось его сердце, похожее на кулак, стремящийся вырваться наружу.

Сердце ударяло в его кожу, растягивая плоть и кости.

Аэлину передернуло. Эдион выбросил вперед руку, не давая сестре сделать шаг. Надсмотрщик выгнул спину. Его рот застыл в беззвучном крике.

Лисандра опустилась на землю, снова превратилась в призрачного леопарда и с угрожающим рычанием подошла к Аэлине и Эдиону.

Сердце-кулак продолжало ударять изнутри. И вдруг кости хрустнули, прорывая телесную оболочку. Следом начали рваться жилы. Грудная клетка

стала похожа на распускающийся цветок. Внутри «цветка» было пусто. Ни крови, ни внутренностей.

Только тьма. Могущественная тьма, неподвластная времени. И два мерцающих золотистых уголька на поверхности тьмы.

Нет, не угольки. Глаза, сверкающие древней злобой. Они щурились от удовольствия. Они сознавали, что произвели впечатление.

Всю остающуюся силу Аэлина направила на то, чтобы не согнуться, не сникнуть. Она дерзко наклонила голову и, растягивая слова, как то делал Эдион, произнесла:

– Неплохой спектакль, Эраван. Ты умеешь выходить на сцену.

Глава 16

Надсмотрщик заговорил, но это уже был не его голос и не голос Перангтона. Незнакомый для них троих, безмерно древний, принадлежащий иному миру, иной эпохе. Голос, вскормленный криками, кровью и болью. Магия Аэлины ударялась в этот голос, как в щит. Эдион ругался сквозь зубы, пытаясь оттащить сестру подальше.

Но Аэлина словно приросла к месту, вглядываясь во тьму, которая смотрела на них из развороченной человеческой груди. И даже не будь тело надсмотрщика безнадежно покалечено, там все равно не осталось ничего, что стоило бы спасать.

Аэлина шевелила пальцами, собирая магическую силу. Тьма в груди надсмотрщика напоминала свернувшуюся змею, готовую в любой момент напасть.

– Я рассчитывал на слова благодарности, наследница Брэннона, – сказал Эраван.

Теперь во рту Аэлины ощущался привкус дыма.

«Спокойнее», – прикрикнула она на свою магию.

Нужно быть осторожнее, иначе Эраван может увидеть у нее на шее амулет и почувствовать спрятанный внутри последний Ключ. Два других уже у него. Если Эраван почувет, что третий здесь, в древнем храме, и что до его полного владычества над Эрилеей и другими континентами остается всего один шаг... Она должна любым способом отвлечь его внимание.

– С чего это мне тебя благодарить? – насмешливо спросила Аэлина. – И за что?

Угли глаз повернулись вверх, словно оглядывая пустую оболочку, еще недавно бывшую телом надсмотрщика.

– За что? За маленький предостерегающий подарок. За избавление мира еще от одной двуногой гниды.

«И за то, что наглядно тебе показываю всю бесплодность ваших затей сражаться со мною», – прошептал голос у нее в мозгу.

Забыв всякую осторожность, она выплеснула в Эравана столб пламени и качнулась назад. Эдион подхватил сестру. Видя его побледневшее лицо, Аэлина поняла: он тоже слышал этот дьявольски мелодичный голос и, наверное, почувствовал не менее дьявольское прикосновение.

Эраван хохотнул:

– Я удивлен, что поначалу ты пыталась его спасти. Особенно после всех «ласк», которые получила от него в Эндовьере. Мой принц едва вытерпел, пока сидел в его мозгу. Такое отвратительное, порочное существо встретишь нечасто. Тебе доставляет удовольствие решать, кого следует спасать, а кого нет? Ну да, это же простой способ стать маленькой огненной богиней.

Аэлина не чувствовала ничего, кроме холодной тошноты.

Эдион пришел ей на выручку:

– Я думал, что у тебя, Эраван, есть более интересные и важные дела, чем муржиться нас глубокой ночью. Или это способ притушить досаду? Как ты ни расставлял свои сети, а Дорин Хавильяр выскользнул из них.

Тьма зашипела. Эдион сжал плечо Аэлины, передавая молчаливое предостережение. Надо немедленно кончать все разговоры, пока Эраван не почувствовал близость третьего Ключа и не нанес удар.

– Эраван, не лучше ли тебе отдохнуть и набраться сил, – сказала Аэлина, подмигивая янтарным уголькам. – Они тебе понадобятся.

Она тратила последние крупы своей безудержной смелости. Ответом ей был тихий смех Эравана. Аэлине казалось, что тепло углей проникает в нее, такое приятное, согревающее, даже ласковое. Усилием воли она поставила заслон.

– Ты права, силы мне понадобятся. Особенно если учесть мои замыслы по поводу будущего короля Адарлана.

У Аэлины сжалось сердце.

– Напрасно ты не сказала своему возлюбленному, чтобы получше замаскировался, прежде чем вытаскивать Дорина Хавильяра из Рафтхола.

Глаза превратились в щелочки.

– Как его имя?.. Да, верно, – прошептал Эраван, словно кто-то ему подсказал. – Принц Рован из клана Боярышника. Явился сюда из Доранеллы. Ах, каким королем он мог бы стать.

Аэлина нырнула в огонь, во тьму, бешено сопротивляясь окутывающему ее ужасу.

– Мои охотники уже выслеживают их, – вкрадчивым голосом продолжал Эраван. – И я дам им почувствовать боль. Даю тебе слово, Аэлина Галатиния. А потом я сделаю их самыми верными и преданными своими генералами. Начну с твоего фэйского принца.

Таран жаркого голубого пламени ударил в черную яму, в янтарные глаза. Все внимание Аэлины было сосредоточено на развороченной груди надсмотрщика. Она плавала кости и ошметки плоти. Незатронутым оставалось только сердце из железа и Камня Вэрда. Ее магия обтекала его, как поток обтекает валун. Эдион не понимал, почему Аэлина не ударит прямо в железно-каменное сердце.

– Сжигай все дотла, – тихо подсказал сестре Эдион.

Аэлина обернулась. Лисандра в человеческом обличье стояла рядом с Эдионом, скаля зубы на останки надсмотрщика.

Эта оплошность ей дорого стоила.

Она услышала крик Эдиона и тут же почувствовала удар. Тьма ударила ей в грудь, швырнула на пол, сдавила дыхание, угрожая проникнуть внутрь и остановить кровь.

«Поднимайся. Поднимайся. Поднимайся».

Аэлина вновь выбросила столб своей магической силы. Пусть Эдион думает, что служит ей дополнительной опорой, тогда как на самом деле она едва держалась на ногах.

Но рука, простертая ею, не дрогнула.

От выброса магической силы тряслись стены. С потолка сыпался мусор и облака пыли. Даже колонны качались, словно пара захмелевших друзей. Голубой огонь ее пламени высветил лица Эдиона и Лисандры. Оба стояли с распахнутыми глазами, исполненными решимости и гнева. Аэлина оперлась об Эдиона. Рука брата обхватила ее талию. Магия продолжала бушевать у нее внутри, требуя выхода.

Каждый удар сердца длился вечность, каждый вдох и выдох сопровождался болью.

Но изуродованное тело надсмотрщика наконец поддалось ее силе. Щиты тьмы пали под напором магии Аэлины.

Что-то подсказывало ей: это не победа ее силы. Просто Эраван решил оставить их. Глаза-угольки исчезли.

Когда тело надсмотрщика окончательно превратилось в пепел, Аэлина вернула свою магию внутрь, окружив ею, как коконом, свое сердце. Наследница Брэннона крепко держалась за руку Эдиона, боясь дышать глубоко, чтобы он не услышал хрипа в ее истерзанных легких. Только сейчас она по-настоящему поняла, каким мощным был удар тьмы. Всего один удар.

На пол с тяжелым стуком упало сердце из железа и камня Вэрда. Эраван осуществил задуманное до конца. Он показал, чего стоят ее усилия. Лишь одним она могла помочь своему двору – позволить умереть.

Если их вдруг схватят... Эраван сделает ее зрительницей чудовищного спектакля. Заставит наблюдать, как ее придворных, ее соратников потрошат и наполняют его силой. А потом заставит смотреть в их изменившиеся лица и заглядывать внутрь, не обнаруживая никаких следов души. Насладившись вдоволь, темный король примется за нее.

Мысли перенеслись к Ровану и Дорину... Если Эраван уже повел охоту за ними, если узнал, что они держат путь в Бухту Черепов... наконец, если он увидел, как тяжело она перенесла его удар...

Огонь Аэлины опадал, превращаясь в неяркое мерцание. Почувствовав, что к ней возвращаются силы, она шагнула прочь от брата.

– Аэлина, нам нужно как можно раньше отплыть из Илиума, – напомнил ей Эдион. – Угрозы Эравана – не пустой звук...

Аэлина молча кивнула. В Бухту Черепов – и поскорее. И пусть каждый порыв ветра, каждая волна будут их союзниками. Эдион повел ее к зданию архива. Аэлина не знала, удастся ли ей сомкнуть глаза. Она до сих пор удивлялась, как уцелела. Удар Эравана должен был бы пробить ее насквозь, словно копье.

Только чудом удар Эравана не задел амулет. Но он почуял Ключ Вэрда внутри.

У Аэлины и сейчас еще все внутри гудело. Ныли кости и жилы. Напоминание Эравана о том, кто она и кто он. И пока что наследница огня существенно уступала королю тьмы.

Глава 17

Небеса над Моратом начали светлеть, приобретая гнилостно-серый оттенок. Наступало утро – последнее в жизни Астерины.

В эту ночь Манона Черноклювая даже не пыталась уснуть. Она забыла о еде и питье. Поднявшись в насквозь продуваемое драконье гнездо, она снова и снова точила Рассекатель Ветра. Прислонившись к теплому боку Аброхаса,

водила кромкой лезвия по точильному камню, пока ее пальцы окончательно не застыли, перестав сгибаться.

Бабушка приказала запереть Астерину на самом нижнем ярусе подземной моратской тюрьмы. Многочисленная охрана исключала всякую возможность побега и спасения.

Эти мысли Манона крутила в мозгу первые несколько часов после приговора. Но вызволить Астерину означало бы предать бабушку и клан. Это ведь не Астерина, а она допустила ошибку, отвратительную ошибку, расплачиваться за которую теперь предстояло ее заместительнице.

Маноне показали, чем отныне чревато нарушение правил. Если она снова дерзнет переступить черту, это будет стоить жизни еще кому-то из отряда Тринадцати. Повезло, что ее не лишили звания главнокомандующей. Ей по-прежнему доверено вести и защищать ведьм всех трех кланов. Уж лучше она будет командовать воздушной армией, чем такая, как Искара.

Налет на Рафтхол, устроенный наследницей Желтоногих, был осуществлен небрежно, хаотично. Если бы дело поручили Маноне, она бы продумала все до мелочей. Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Город был порядком разрушен, а главное – промахи в овладении Рафтхолом не могли изменить судьбу Астерины.

Маноне не оставалось иного, как точить древний меч и вспоминать слова Прощения. Их надлежало произнести в нужный момент. Последняя милость, которую она сможет оказать двоюродной сестре. Последняя и единственная.

В противном случае Астерину ожидали долгие мучительные пытки и лишь потом – обезглавливание.

Меч Маноны был способен даровать Астерине быструю, милосердную смерть.

За спиной послышались шаги. Гулкие, где сапоги ступали по камню, хрустящие, если под ногами оказывалось сено. Манона знала, кто это. Шаги Соррели она различала на слух, как и шаги Астерины.

– Что тебе? – не оборачиваясь, спросила Манона.

– Светает, – ответила вторая заместительница.

Вскоре Соррель станет первой, а ее титул перейдет к Васте. Быть может, Астерина наконец.. встретится со своим охотником и мертворожденной дочерью.

Трудно сказать. Оттуда еще никто никогда не возвращался. Но в этом мире Астерина никогда уже не полетит наперегонки с ветрами и никто не увидит ее восседающей на небесно-голубой драконихе. Манона повернулась туда, где беспокойно ворочалась эта дракониха. Все остальные драконы спали.

Чует, наверное, что над хозяйкой нависла беда. Кто будет летать на ней, когда Астерины не станет?

Манона встала. Морда Аброхаса уткнулась ей в бок. Манона рассеянно погладила чешуйчатую голову. Она не знала, кто кого утешает. Манона так и не переделалась после Рафтхола. На ее плечах по-прежнему был красный плащ, грязный и заляпанный кровью. Впрочем, и доспехи были не чище.

Сегодня в отряде Тринадцати станет одной ведьмой меньше.

Соррель смотрела не столько на Манону, сколько на Рассекатель Ветра.

– Ты намерена произнести Прощение?

Манона попыталась ответить, но рот не открывался. Она кивнула.

Соррель перевела взгляд на арку, через которую драконы вылетали из гнезда:

– Жаль, что она не увидит Западный край. Хотя бы разочек...

Манона с усилием подняла голову.

– Мы не сожалеем и не надеемся, – сказала она своей будущей первой заместительнице.

В глазах Соррели мелькнула боль. Манона почувствовала, будто ее ударила. Не впервой.

– Мы будем сражаться дальше. Мы приспособимся.

– Она пойдет на смерть, чтобы сохранить твои тайны, – тихо, но с неожиданной силой сказала Соррель.

Никогда еще вторая заместительница не осмеливалась бросать ей вызов. И не только вызов. В словах Соррели улавливалось негодование.

Манона вернула меч в ножны и направилась к лестнице, избегая настороженного взгляда Аброхаса.

– В таком случае она сослужит мне хорошую и верную службу, и я всегда буду это помнить.

Соррель ничего не ответила.

Манона направилась вниз, в сумрак моратских подземелий, чтобы своей рукой оборвать жизнь двоюродной сестры.

Но казни не суждено было совершиться в подземелье.

Местом ее проведения бабушка Маноны избрала широкую площадку возле одного из многочисленных обрывов. Внизу темнело ущелье, окаймлявшее скалу, на которой стояла крепость. Ведьмы столпились на балконе. Чувствовалось, им не терпится увидеть кровавое зрелище.

Впереди стояли предводительницы. Но наследниц было только две. Манона и отряд Тринадцати должны были выйти из крепостных ворот. Сейчас все смотрели в ту сторону.

Манона не слышала ни перешептываний ведьм, ни завываний ветра между высокими башнями, ни даже неумолчного стука кузнечных молотов снизу.

Все внимание Маноны было устремлено на Астерину. Приговоренная стояла на коленях. Ей даже не дали переодеться. Астерина по-прежнему была в пыльных доспехах. Растрепавшиеся золотистые волосы висели слипшимися клоچьями. В них мелькала засохшая кровь. Потом Астерина подняла голову.

– Отмщение должно быть полным, – растягивая слова, произнесла бабушка. – Как известно, по твоему недосмотру, Манона, были убиты четыре ведьмы из другого шабаша Желтоногих. И потому накануне казни Искаре Желтоногой было позволено нанести приговоренной по три удара за каждую.

Всего двенадцать ударов. Но царапины и ссадины на лице Астерины, рассеченная губа и то, как сейчас она придерживала ладонями голову... Нет, Искара не ограничилась двенадцатью ударами.

Манона перевела взгляд на Искарю. У той были в кровь содраны костяшки пальцев. Наглядное доказательство усердия, проявленного наследницей Желтоногих в подземелье.

А Манона в это время находилась в гнезде, предаваясь мрачным раздумьям. Ее захлестнула ярость, воспламенившая кровь. Она уже была готова выразить свое негодование вслух, но Астерина заговорила первой.

– Манона, думаю, тебя обрадует, что я не принимала удары покорно и безропотно, – хрипло проговорила Астерина, улыбаясь одними губами. – Ей вначале пришлось меня приковать.

Глаза Искры вспыхнули.

– Зато как ты кричала, сука, когда я хлестала тебя плетью.

– Молчать! – сердито взмахнула рукой бабушка.

Манона едва слышала бабушкин приказ. Ее непосредственную заместительницу, которая сама ни в чем не провинилась, отхлестали плетью как самую последнюю, никчемную ведьму. Как смертную скотину.

Справа кто-то тихо и злобно зарычал. Повернувшись, Манона увидела Соррель. Соррель, неподвижная и бесчувственная, как скала. Сейчас она стояла, будто зверь, с оскаленными зубами, глядя на Искарю и на ведьм, жаждавших крови.

Бабушка шагнула вперед. Лицо предводительницы Черноклювых было полно недовольства. За спиной Маноны безмолвной стеной замерли ведьмы ее отряда.

Астерина вглядывалась в лица боевых подруг. В последний раз. От этой мысли Маноне стало больно.

– Кровь вызывает к крови, – нараспев затянули предводительницы трех кланов.

Это были слова одного из древнейших ритуалов. Манона внутренне сжалась, ожидая его окончания.

– Пусть каждая ведьма, желающая пролить кровь ради отмщения Зелты Желтоногой, выйдет вперед.

Желали все Желтоногие. Их железные ногти зловеще блестели, готовые впиться в Астерину. Астерина смотрела только на отряд Тринадцати. Ее окровавленное лицо оставалось неподвижным, а глаза – ясными.

– Встаньте в очередь, – потребовала предводительница Желтоногих.

Пора!

– Я заявляю о праве на казнь, – выкрикнула Манона.

Собравшиеся замерли.

Лицо бабушки побелело от гнева. Остальные предводительницы ждали дальнейшего развития событий.

– Я заявляю о своем праве на голову моей первой заместительницы, – продолжала Манона. – Пролитая кровь может быть оплачена только другой кровью, но от моего меча. Астерина – моя, а потому и смерть должна принять от моей руки.

Первой из трех предводительниц заговорила Крессэда:

– За спасение жизни моей дочери твое право, главнокомандующая, должно быть удовлетворено.

Предводительница Желтоногих резко повернулась к Крессэде, собираясь возразить, но было слишком поздно. Слова прозвучали, и попытка что-то изменить означала бы неслыханное нарушение древнего обычая.

Ветер развеивал полы красного крошанского плаща. Манона смотрела на бабушку: глаза той были полны ненависти. Чувствовалось, предводительница Черноклювых довольна, что жизнь Астерины наконец-то оборвется. Не один десяток лет она корила Манону за негодный выбор первой заместительницы.

Главное, ей не отказали в праве самой убить Астерину.

Из-за восточной цепи гор медленно поднималось солнце, похожее на круг расплавленного золота.

Сто лет она сражалась бок о бок с Астериной и всегда думала, что и другую сотню лет они проведут вместе.

– Разверни ее, – тихо сказала Соррели Манона. – Пусть она в последний раз увидит восход.

Соррель послушно развернула Астерину лицом к Верховным ведьмам и толпе зрителей. А главное – к редкостному по красоте восходу, какой нечасто увидишь в Морате.

Доспехи на спине Астерины были мокрыми от крови.

Астерина стояла на коленях, расправив плечи, с поднятой головой. Она смотрела не на восход, а на Манону, которая медленно приближалась, чтобы занять место в нескольких локтях от предводительниц.

– Манона, не тyani, – сказала бабушка. – Нас ждет завтрак.

Манона вытащила из ножен Рассекатель Ветра. Лезвие отозвалось тихим звоном.

Солнце позолотило балкон. И вдруг Астерина совсем тихо прошептала:

– Отнеси мое тело в ту хижину.

У Маноны в груди что-то треснуло. Звук был оглушающим. Странно, что его никто не слышал.

Манона подняла меч.

А ведь стоило Астерине произнести одно слово, и она бы спасла свою жизнь. Достаточно было раскрыть тайны Маноны и предательство, совершенное главнокомандующей в Рафтхоле. Но первая заместительница молчала.

В тот момент Манона вдруг поняла: есть силы, превосходящие послушание, дисциплину и жестокость. Она не родилась бездушной исполнительницей чужой воли. И бессердечной она тоже не родилась.

Не могла она вот так просто убить Астерину.

Манона взглянула на свой отряд. Те полукругом стояли возле них. Одна за одной, ведьмы поднимали два пальца, касаясь лбов. В толпе зашевелились. Это отнюдь не было знаком почтения, обращенным к Верховным ведьмам.

Таким жестом когда-то приветствовали королеву ведьм.

Но за последние пятьсот лет ни у крошанских ведьм, ни у Железнодорожных не было ни одной королевы.

Глядя на лица ведьм своего отряда, Манона видела: они прощали ей случившееся в Рафтхоле. Но там была не только готовность простить. Там было понимание и верность, в основе которой лежало не слепое подчинение, а что-то совсем иное. Это что-то ковалось долго и болезненно, через радость побед и горечь поражений. Здесь же была надежда на лучшую жизнь и мир, устроенный лучше нынешнего.

Манона решилась взглянуть на Астерину. У той по щекам катились слезы. Они не были слезами страха или боли. Астерина прощалась с нею и с жизнью. Сто лет. Как же это мало!

Манона подумала о небесно-голубой драконихе, напрасно ожидавшей свою хозяйку, которая уже не вернется. О зеленой каменистой земле, тянущейся до моря на западе.

Астерина подняла дрожащую руку, прижав два пальца ко лбу.

– Манона, верни наши кланы на родину, – прошептала она.

Манона подняла Рассекатель Ветра, приготовившись ударить.

– Манона, пора заканчивать, – раздраженно бросила ей бабушка.

Манона заглянула в глаза Соррели, потом в глаза Астерины. И отдала своему отряду последний приказ:

– Бегите!

Затем резко повернулась и замахнулась мечом на бабушку.

Глава 18

Заржавленные железные зубы бабушки блеснули на солнце. Следом сверкнули железные ногти. Бабушка подняла руки, заслоняясь от меча, но было поздно.

Манона ударила что есть силы. Любой человек, оказавшийся на месте ее бабушки, был бы рассечен надвое.

Но Верховная ведьма клана Черноклювых оказалась проворнее. Она успела отскочить назад, и лезвие лишь распоролось ей ткань одежды и слегка задело кожу чуть ниже шеи. Хлынула голубая кровь, но бабушка взмахнула руками, отражая новый удар Маноны. Железные ногти ведьмы были настолько крепкими, что Рассекатель Ветра отскочил от них.

Манона не могла себе позволить обернуться и посмотреть, подчинились ли ведьмы ее приказу. Она лишь слышала голос Астерины, требующей прекратить сражение. Крики отдалялись. Теперь их сопровождало эхо, словно Манона с площадки переместилась в коридор.

К ней никто не бежал, не пытался вмешаться. Похоже, ведьмы не могли опомниться от внезапного поворота событий. Это было Маноне только на руку.

Выхватив мечи, Искара и Петара встали между Маноной и своими предводительницами и оттеснили тех подальше.

Бабушкин шабаш бросился вперед, готовый вмешаться, но бабушка, взмахнув рукой, остановила их. Она тяжело дышала, следя за каждым движением внучки. Манона двигалась по кругу. Голубая кровь по-прежнему текла из раны на груди Верховной ведьмы. Придись удар чуть правее, и она была бы мертва.

Мертва.

Бабушка оскалила заржавленные зубы:

- Она моя. Мы будем сражаться по древним правилам.

У Маноны свело живот, но она вернула Рассекатель Ветра в ножны. Потом взмахнула руками, выдвигая железные ногти, и щелкнула челюстью. Появились железные зубы.

- Посмотрим, главнокомандующая, чего ты стоишь, - прошипела бабушка и устремилась в атаку.

Манона никогда не видела бабушку в сражении, никогда не упражнялась с нею. Возможно, бабушка не хотела, чтобы другие, включая и внучку, видели, насколько она проворна и искусна.

Теперь Манона только успевала уворачиваться от железных ногтей, целящихся ей в лицо, шею и живот. Она отступала, даже не думая атаковать. Без меча это было гораздо сложнее. Главное, чтобы ведьмы ее отряда успели подняться в воздух.

Бабушка норовила полоснуть ее по щеке. Манона загородилась локтем и ударила им по бабушкиной руке. Верховная ведьма заверещала от боли. Манона спешно отскочила и возобновила движение по кругу.

- Что, Манона Черноклювая, былой прыти уже нет?

Бабушкина прыть давалась ей с заметным трудом. Она все чаще дышала ртом. Никто не осмеливался приблизиться. Отряд Тринадцати исчез полностью. Чтобы не терять бдительности, Манона не позволяла себе радоваться. Конечно, бабушка могла отправить несколько шабашей в погоню, но, пока длится поединок, ей не до того.

- Куда проще сражаться мечом - этим оружием трусливых людишек, - исходила злобой бабушка. - А ты попробуй-ка зубами и ногтями... Упущение в твоей выучке.

Они делали выпады. Иногда Маноне казалось, что бабушка стремится расколоть ее изнутри, лишиться согласованности движений. Потом Верховная ведьма устроила себе небольшую передышку, отступив на несколько шагов.

- Ты такая же жалкая, как твоя мать. - Бабушка презрительно сплюнула. - И ты подохнешь так же, когда мои зубы вопьются тебе в горло.

У Маноны не было времени обдумывать услышанное. До сих пор ей говорили, что ее мать умерла в родах.

– Я столько лет подряд пыталась выбить из тебя ее слабость. – Бабушка сплевывала на камни. Слюна была голубоватой от крови. – Старалась ради блага клана Железозубых. Я превратила тебя в природную стихию. В воительницу, которой нет равных. И вот как ты платишь мне за все это.

Манона не позволяла бабушкиным словам вывести ее из равновесия. Сделав обманное движение, будто тянется к бабушкиному горлу, она ударила в другое место.

Верховная ведьма застонала от боли – ногти Маноны впились ей в плечо. Чувствовалось, что бабушке по-настоящему больно.

Ладонь Маноны покрылась бабушкиной кровью. На кончиках ногтей остались кусочки кожи.

Манона попятилась. Ее горло горело от желчи.

Она видела очередной удар бабушки, но парировать его не могла. Правой рукой Верховная ведьма полоснула внучке по животу, порвав доспехи, ткань и кожу Маноны. Из раны хлынула горячая голубая кровь. Бабушка даже не успела отступить.

Манона зажала рану. Кровь сочилась между пальцами, разливаясь лужицей по камням.

Сверху донесся рев дракона. Аброхас.

Предводительница Черноклювых засмеялась, стряхивая с ногтей кровь внучки:

– А твоего паршивого драконишку я изрублю на мелкие кусочки и скормлю псам.

Боль в животе не затуманила Маноне ни глаза, ни разум.

– Скорее я тебя убью, прежде чем ты до него доберешься.

Бабушка усмехнулась, продолжая кружить и выискивать уязвимые места внучки.

– Ты лишаешься звания главнокомандующей воздушной армией. И более не являешься моей наследницей.

Шаг за шагом, все ближе и ближе. Гадюка, готовая обвиться вокруг своей жертвы и ужалить.

– Отныне имя тебе Манона Истребительница Ведьм. Манона Убийца Соплеменниц.

Слова били по ней, как камни. Манона пятилась к перилам балкона, зажимая раненый живот. Зрительницы разошлись, чувствуя скорое завершение необычного спектакля. Минута-другая, и все кончится. Исход был ясен.

Бабушка оглянулась на открытые ворота, словно только сейчас заметила исчезновение отряда Тринадцати. Манона атаковала ее, не давая Верховной ведьме отправить погоню.

Удар, выпад, снова удар. Пригнуться, отпрыгнуть, обмануть ложным маневром. Все смешалось в едином вихре: железо, кровь, ткань одежды и кожа доспехов.

Рана в животе болела все сильнее. Манона споткнулась. Бабушка тут же нанесла ей новый удар: уже не ногтями и не зубами. Ногой. И снова в живот.

Манона закричала от нестерпимой боли. Ответом ей был рев Аброхаса, запертого в гнезде. Вскоре и его ждет смерть. Только бы ее ведьмы догадались отвязать и его. Пусть летит с ними.

Манона ударилась спиной о каменные перила и сползла на черные плитки пола. Ее доспехи были густо перепачканы голубой кровью.

Бабушка медленно надвигалась. Сражение утомило и ее, о чем свидетельствовало шумное дыхание.

Схватившись за перила, Манона кое-как поднялась на ноги.

– А хочешь узнать тайну, Убийца Соплеменниц? – вдруг спросила бабушка.

Манона ссутулилась, упираясь спиной в балконные перила. Бездонная пропасть манила к себе, казалась желанным избавлением. Манона чувствовала: бабушка так просто ее не убьет. Ее сделают вместилищем для потомства Эравана и лишь затем будут пытаться, пока она сама не запросит смерти.

Верховная ведьма заговорила шепотом. Дыхание Маноны тоже сделалось шумным, и она едва разобрала слова.

– Когда твоя мать корчилась в родах, она призналась, от кого тебя зачала. Она сказала, что ты... ты сумеешь сломить проклятье и спасти нас. Твоим отцом был... крошанский принц. Редкое явление, поскольку ведьмы почти никогда не сохраняют жизнь мужскому потомству. По словам твоей матери, смешение кровей станет ключом к спасению.

Бабушка слизала с ногтей кровь Маноны.

«Нет! – хотелось крикнуть Маноне. – Нет!»

– Ты всю жизнь была Убийцей Соплеменниц. – Бабушкина речь превратилась в зловещее воркование. – Ты охотилась на крошанских ведьм – свою родню. Когда ты была еще маленькой, твой отец повсюду тебя разыскивал. Он продолжал любить твою мать и после смерти. Такой вот дурак. – Бабушка плюнула. – И тебя он любил, ни разу не видя. Я убила его, чтобы не путался под ногами.

Манона глядела вниз. Смерть была такой желанной, такой манящей.

– Видела бы ты, в какое отчаяние он впал, когда я ему рассказала, как обошлась с твоей матерью и кем намереваюсь сделать тебя. Твоя мать мечтала, что ты будешь дитя мира. Я сделала из тебя дитя войны.

Сделала. Сделала. Сделала...

Железные ногти Маноны царапали темный камень перил. Словесные удары бабушки были еще больнее телесных. Манона думала, что узнала всю тайну. Нет. Ее ждал поистине сокрушительный удар.

– А знаешь, зачем та крошанка весной поперлась в Ферианскую впадину? Ее послали найти тебя. После ста шестнадцати лет поисков они наконец-то узнали, кто является дочерью их убитого принца.

Бабушка торжествующе улыбалась. Манона собирала остатки сил.

– Ее звали Рианнона, как и последнюю крошанскую королеву. Она была твоей сводной сестрой. Она призналась мне в этом под пытками. Думала, что этим спасет себе жизнь. Но когда Рианнона увидела, в кого ты превратилась, она предпочла умереть, не сказав тебе ни слова.

– Я – Черноклювая, – хрипло возразила Манона, сплевывая кровь.

Бабушка шагнула к ней и, продолжая торжествующе улыбаться, вкрадчиво произнесла:

– Нет, внученька. Ты – крошанская ведьма. Убив сестру, ты стала последней в их королевском роду. Ты – крошанская королева.

Никто из ведьм даже не ойкнул, хотя новость была ошеломляющей.

– И умрешь ты, как крошанка, – пообещала бабушка. – Я сама оборву твою нечестивую жизнь.

«Нет, не оборвешь», – подумала Манона.

Поблизости что-то загрохотало.

У Маноны хватило сил перепрыгнуть через перила на карниз. Скотившись оттуда, она очутилась в воздухе.

Воздух и камень, ветер и кровь...

Манона ударилась о теплый чешуйчатый бок. Рана напомнила о себе жгучей болью. Потемнело в глазах.

Сверху доносился сердитый голос бабушки, отдававшей приказы.

Манона впилась ногтями в чешуйчатый бок. Неужели Аброхас? Она держалась цепко, а ее дракон, которому наверняка было больно от впившихся ногтей, торопился улететь подальше от Мората.

Своих ведьм Манона почувствовала раньше, чем сумела открыть глаза. Это были ее Тени – Идда и Бриара. Они летели по бокам. Наверняка прятались где-то поблизости вместе со своими драконами. Значит, они тоже слышали бабушкины слова.

– Остальные улетели вперед! – перекрикивая шум ветра, пояснила Идда, старшая из сестер. – Мы ждали тебя. Ты тяжело ранена?

– Пустяки, – возразила Манона.

Усилием воли она отодвинула боль. Сейчас ее главной заботой было одолеть пару локтей, отделявших ее от седла. Манона осторожно ползла. Дракон развернулся так, чтобы уменьшить напор ветра.

Бабушкины ногти оставили на животе Маноны несколько борозд, и все они продолжали кровоточить. Вскоре седло стало липким от крови.

Сзади послышался драконий рев, от которого задрожали горы. Погоня.

– Нельзя пропустить их к нашим! – крикнула Манона.

К ней подлетела Бриара. Ветер трепал черные волосы ведьмы.

– У нас на хвосте – шесть Желтоногих из шабаша Искры. Быстро летят, паршивки.

Манона не сомневалась: Желтоногим дана полная свобода действий. Это означало – позволение убить ее и всех ведьм отряда Тринадцати, до которых сумеют добраться.

Она обвела взглядом вершины окрестных гор и темные ущелья внизу. Сестры летали на громадных черных драконах, умевших двигаться почти бесшумно и беспощадных в сражении.

– Две цели на каждую, – приказала Манона. – Идда, ты займешься теми, что слева. Бриара возьмет тех, что справа. Остальных я беру на себя.

Десять ведьм отряда Тринадцати словно испарились. Значит, успели отлететь далеко. Это облегчало задачу.

– Расправляемся с шавками Искры, затем летим к нашим, – распорядилась Манона, плотнее зажимая рану.

– Но, главнокомандующая...

Звание, которым еще недавно Манона гордилась, угрожало высосать из нее последние силы.

– Это приказ! – рявкнула она.

Идда и Бриара послушно склонили голову. Затем так же послушно разлетелись каждая в своем направлении. Совсем как черные лепестки цветка.

Желтоногие нарушили строй. С обоих концов отделилось по две всадницы, устремляясь навстречу каждой из Теней. Оставшиеся две полетели быстрее, намереваясь окружить Манону.

В глазах вдруг все расплылось. Скверно, особенно перед боем.

– Дадим последнее сражение, достойное песни, – прошептала она Аброхасу.

Дракон ответил громким ревом.

Желтоногие приблизились настолько, что Манона могла пересчитать арсенал каждой. Та, что летела справа, испустила боевой клич.

Манона впиалась левой шпорой в бок Аброхаса. словно падающая звезда, он понесся к пепельным вершинам гор. Желтоногие устремились следом.

Манона мчалась к узкому ущелью, змеящемуся между горами. В глазах то темнело, то светлело, то их заволакивало туманом. Стены ущелья напоминали пасть громадного зверя. Манона натянула поводья. Аброхас распротер крылья и стал падать, пока не поймал воздушный поток. Поток на громадной скорости пронес его через расщелину. Ее дно было усеяно пиками острых скал.

Желтоногие так увлеклись охотой на Манону, что словно не видели, куда направляют своих больших, неповоротливых драконов. Но сами звери, чуя, что им оттуда будет не выбраться, попытались на полном лету развернуться.

Одному это не удалось. Дракон Желтоногой шумно ударился о каменную глыбу и заверещал от боли, переломав кости. Из нескольких ран хлестала кровь. Все это Манона видела, сама морщась от боли.

Однако второй дракон сумел совершить, казалось бы, немислимый маневр. Каким-то чудом он протиснулся сквозь расщелину и теперь летел к ним. Его крылья имели столь широкий размах, что почти задевали стены ущелья.

– Лети, Аброхас, – прошептала Манона сквозь окровавленные зубы.

И ее маленький, subtilный дракон с сердцем воина полетел дальше.

Главное – удержаться в седле, остановить кровь и не дать холоду распространиться по телу. Только сейчас Манона сообразила, насколько глубокие и опасные раны нанесли бабушкины ногти.

Ущелье резко изогнулось вправо, и сейчас же Аброхас совершил поворот. Манона молила всех богов, чтобы дракон ее преследовательницы ударился о ближайшую стену, но этого не случилось. Погоня продолжалась.

Манона была ранена. Желтоногая – здорова и полна сил. Но у Маноны имелось неоспоримое преимущество: она хорошо знала эти места. Сколько раз их посылали сюда на разведку. Сколько раз она летала сама, чтобы только вырваться из опостылевшей крепости. Желтоногие, явившиеся в Морат из Феррианской впадины, не успели изучить окрестные горы.

– Аброхас, лети до самого конца, – шептала дракону Манона.

Он с пониманием заревел в ответ.

Одно сражение. Последнее. И тогда она спокойно умрет, зная, что ее Тринадцать ускользнули от преследования. По крайней мере, сегодня.

Аброхас неумоимо делал поворот за поворотом, успевая хвостом сшибать мелкие камни и мусор. Громадный дракон Желтоногой сердито урчал, а она сама пригибалась к драконьей спине. Расстояние между ними и Аброхасом неумоимо сокращалось. Манона натянула поводья, требуя лететь быстрее.

И снова – поворот за поворотом. Мелькающие черные стены ущелья. Желтоногая была совсем рядом. Пожалуй, с такого расстояния она может метнуть кинжал. У Маноны предательски слабело зрение, но она все-таки увидела, что преследовательница намерена метнуть в нее не один, а два кинжала. Их лезвия сумрачно поблескивали.

Манона сжалась, представляя, как кинжалы сейчас вонзятся ей в спину. Впереди тянулась черная каменная стена. Но Аброхас в последнюю секунду сумел поймать восходящий поток воздуха и взлететь. Он промчался так близко от стены, что Манона едва не задела ее плечом.

Оба кинжала ударились в камень и свалились вниз. Через мгновение то же произошло с Желтоногой ведьмой и ее драконом. Снова ее подвела кровожадность, теперь уже окончательно. Черная стена задрожала, но осталась стоять. Желтоногая и дракон с раздробленной головой рухнули на дно ущелья.

– Молодец, – хрипло прошептала Манона, потрепав Аброхаса по шее.

Она чувствовала, что теряет силы.

Горы остались позади. Впереди раскинулась громада Задубелого леса. Там можно спрятаться.

– За... – шепнула она.

Но договорить уже не смогла – провалилась во тьму.

Глава 19

Элида Лошэн старалась помалкивать все два дня, что они с Лорканом брели вдоль восточной кромки Задубелого леса к равнинам.

Она не задавала никаких вопросов, хотя те вертелись у нее на языке. Пусть считает ее глупенькой девицей, ослепленной благодарностью к воину – спасителю ее жизни.

Лоркан быстро забыл, что жизнь-то себе спасла она сама. Он лишь вытащил хромоножку из опасных мест, двигаясь с недостижимой для нее скоростью. Элида назвалась материнским именем. Лоркан его принял: Маурина так Маурина. Но если Варнон разыскивает ее... Ну что она за дура? Трудно было придумать другое имя? А теперь поздно что-то менять. Лоркану это может показаться подозрительным.

И потому Элида держала язык за зубами. Но вопросы все равно теснились в голове. Зачем, например, ему понадобилось идти по ее следу? Или кто его госпожа, повелевающая таким сильным воином? И почему он направлялся в Морат? Были и другие вопросы. Элида видела, как Лоркан постоянно трогает какой-то предмет, спрятанный в камзоле. А когда она упомянула имена Селены Сардотин и Аэлины Галатинии, он удивился, хотя и попытался это скрыть.

Элида не сомневалась: у этого воина полно своих секретов. Пусть он и обещал ее оберегать, но, как только выведает все нужное, развернется и исчезнет вместе с обещанием.

Зато две последние ночи она крепко спала, потому что живот не сводило от голода. Спасибо Лоркану. Элида уже забыла, когда в последний раз ела мясо. Лоркан поймал двух кроликов и сам поджарил. Когда она за считанные минуты слопала свою порцию, он отдал ей половину своей. Элида даже не подумала отказаться из вежливости.

А сегодня утром, всего через пару часов ходу, Элида заметила, как лес начал редеть. Посветлело. Воздух посвежел. Вскоре они услышали шум воды – это была река Акант.

Лоркан велел ей оставаться в лесу, а сам отправился на разведку. Когда он знаком приказал не высовываться, Элиде показалось, что даже деревья замерли.

Она послушно ждала в сумраке зарослей, моля богов об одном: только бы не пришлось снова возвращаться в опостылевший Задубелый лес. Так хотелось туда, где светло, много воздуха и видно до самого горизонта...

Лоркан снова махнул рукой, показывая, что опасности нет и она может выходить. Элида молча вышла, щурясь от избытка света. Миновав последние деревья, встала рядом с Лорканом на высоком каменистом берегу.

Река показалась ей громадной. Стремительно несущаяся вода имела серовато-коричневый оттенок. Должно быть, это растаял последний лед в горах. Такую широкую бурную реку не пересечь вплавь. Где-нибудь должен быть мост или переправа. Еще Элиду удивило, что река служила границей двух миров...

На другом берегу тянулись невысокие холмы и луга, покрытые сочной изумрудной зеленью. А над холмами и лугами раскинулось безоблачное синее небо, уходя к далекому горизонту.

– Уже и не помню, когда я в последний раз видела...

Шум реки заглушал слова Элиды. Она хотела сказать, что очень давно не видела широких просторов. В Перранте из башни ей был виден только город, а в ясные дни – кусочек озера. Потом ее везли в тюремной повозке с крошечным окошком. В Морате – сплошные горы, пепел и солдаты. Правда, она могла бы полюбоваться просторами, когда они с Маноной летели на Аброхасе. Но тогда Элида была скована ужасом и переживала гибель Кальтэны. Зато сейчас... Она действительно не помнила, когда в последний раз видела зеленый луг, щедро залитый солнцем, и коричневых птичек, весело порхающих на теплом ветерке.

– Дорога должна быть... – Лоркан задумался, – в трети лиги отсюда, вверх по течению.

Его не волновали ни бурные воды Аканта, ни зелень лугов.

– Если хочешь, чтобы твой замысел удался, готовиться надо уже сейчас.

Элида смерила его взглядом:

– Готовиться надо в основном тебе.

Лоркан недоуменно вскинул густые брови.

– Чтобы замысел удался, тебе нужно... прикинуться человеком.

По мнению Элиды, здесь была важна любая мелочь.

– Все твое оружие надо спрятать, – продолжала она. – Оставь только меч.

Правда, даже этот большой, тяжелый меч наводил на мысль, что Лоркан – не просто путник.

Элида достала из кармана кожаный шнурок:

– Волосы свяжи сзади пучком. Так ты будешь выглядеть менее...

Она видела, как блеснули его глаза, но все же заставила себя произнести конец фразы:

– Менее свирепым.

Лоркан скривил губы, но взял шнурок и связал волосы.

– И камзол расстегни, – добавила Элида.

Она вспоминала, как держали себя мужчины, когда дружески беседовали или что-то обсуждали. Облик Лоркана ни в коем случае не должен быть угрожающим или пугающим. Лоркан подчинился и этому требованию. Под камзолом оказалась темно-серая рубашка. Теперь Лоркан был больше похож на крестьянина или ремесленника, не чуравшегося тяжелой работы, чем на воина, привыкшего убивать.

– А сама? – спросил Лоркан, не переставая удивляться своему изменившемуся облику.

Элида сбросила мешок. Первым делом она сняла кожаную куртку. Ей вдруг показалось, что она сдирает с себя кожу, – настолько она успела сжиться с этой курткой. Потом закатала рукава белой рубашки. Но без куртки сразу становилась заметной ее большая грудь. Теперь ее уже не примут за девчонку-подростка, как бывало не раз. Далее Элида расплела косу и уложила волосы на макушке в пучок. Так носили замужние женщины, которым уже не подобало ходить с девчоночьими локонами или косичками.

Запихнув куртку в мешок, Элида выпрямилась и вопросительно поглядела на Лоркана. Он несколько раз осмотрел ее с головы до пят и нахмурился:

– Хочешь, чтобы все пялились на твои сиськи? Или хуже того, лапать пытались?

Элида густо покраснела:

– Пусть лучше пялятся, чем задают вопросы.

Сказав это, она повернулась и пошла к дороге. Элида старалась не вспоминать караульных, ухмылявшихся и норовящих ее пощупать. Но если такова была плата за переправу через реку, Элида не возражала. От нее не убудет. Мужчины увидят то, что хотят: хорошенькую молодую женщину, которую не пугает их внимание и которая говорит с ними учтиво и смеется их шуткам. Безобидная простушка, и не более того.

Лоркан догнал ее и пошел рядом, как и надлежит спутнику, а не сопровождающему или, хуже того, телохранителю. Перед дорогой река делала поворот. Но еще издали Элида и Лоркан услышали лошадиное ржанье, скрип повозок и крики.

Через Акант был выстроен широкий каменный мост. Чувствовалось, строили его давно, поскольку он успел обветшать. С обеих сторон на подъезде к нему скопились телеги, крытые повозки и всадники. На каждом берегу было не менее двух десятков солдат в адарланских мундирах. Они взимали плату за проезд и... проверяли повозки, приглядываясь к каждому.

Знали о ее хромоте?

На каждом берегу, недалеко от моста, в окружении столь же неприглядных строений стояли покосившиеся двухэтажные казармы. У постоялого двора и таверны толпились люди: пока дожидаясь своей очереди, немудрено и проголодаться. А бывает, погода или просто близость ночи вынудит путников остановиться.

Элида присмотрелась. Настоящие люди. Ни одного испуганного, отрешенного или покалеченного. Да и караульные, хоть и в мундирах, тоже вели себя вполне по-человечески: неторопливо собирали деньги, осматривали повозки.

– Я не знаю, какой магией ты обладаешь, но не можешь ли ты сделать мою хромоту не такой заметной? – попросила Элида, когда они подходили к дороге.

Она не успела договорить, как увечную ногу обдало прохладным ветром. Только этот странный ветер не унесся вдаль, а обернулся вокруг лодыжки и голени наподобие обруча.

Шаг Элиды выровнялся. Она с трудом удержалась от желания поглазеть на собственную походку, ставшую твердой и уверенной. Элида не позволила себе насладиться ощущением. Все равно оно исчезнет, как только они пересекут мост.

В очередь выстроились купеческие крытые повозки, плотно набитые товарами. Многие торговцы не рисковали переправляться через Авери и выбирали этот мост. Кучера сидели с угрюмыми лицами и ждали, когда наступит их черед осмотра. Элида внимательно оглядела всех: кучеров, торговцев и прочих путников... Интуиция кричала: «Не связывайся с ними!» Ее с Лорканом тут же выдадут солдатам. И на деньги не позарятся.

Даже простое разглядывание очереди могло вызвать подозрение. Тогда Элида направилась в конец цепи ожидающих. Но и это не дало результатов.

Лоркан не торопился вставать в очередь. Он кивком указал на таверну. Было видно, стены заведения недавно побелили, чтобы скрыть щербатые, крошащиеся камни.

– Давай-ка вначале перекусим, а то здесь еще стоять и стоять, – нарочито громко произнес Лоркан, чтобы кучер повозки запомнил их и они не потеряли места в очереди.

Элида кивнула. Кролики были вчера. За это время она успела снова проголодаться. Вот только...

– У меня совсем нет денег, – пробормотала она, когда они оказались возле облупившейся двери.

Вранье. У нее были золотые и серебряные монеты, полученные от Маноны. Но она не собиралась показывать деньги Лоркану, даже если он и пообещал ее охранять.

– А у меня их предостаточно, – сухо ответил Лоркан.

Элида кашлянула. Он вопросительно поглядел на нее.

– С таким видом, как у тебя, мы не найдем союзников, – тихо сказала она, при этом кокетливо улыбнувшись Лоркану. – Если ты войдешь в таверну как воин, все сразу это заметят.

– А кто я, по-твоему?

– И оставайся на здоровье воином, но не показывай это всем и каждому. И нечего зыркать на меня глазами.

Лоркан открыл дверь. В зале было довольно сумрачно. Пара чугунных люстр под потолком больше чадили, чем светили. Когда глаза Элиды привыкли к сумраку, она увидела: лицо Лоркана изменилось. На нем появилась туповатая улыбка. Он даже чуть ссутулил плечи. Сейчас он больше напоминал человека,

который устал толкаться в очереди к мосту и был не прочь хорошенько поесть.

Он выглядел почти как человек. Вот только глаза. Вряд ли они когда-нибудь потеплеют.

Зал был полон. Лоркану пришлось почти кричать, чтобы ближайшая подавальщица услышала. Он заказал еду. Пока протискивались между столиками, Элида поймала несколько мужских взглядов. Ее лицо мужчин не очень интересовало; скользнув по нему, мужские глаза опускались ниже и задерживались на груди.

подавляя раздражение, Элида неспешно двигалась к столику у задней стены. Супружеская пара, с усталыми, бесцветными лицами, как раз освободила два места.

А за соседним столом (он был побольше) ухитрились разместиться сразу восемь посетителей. Компания была довольно шумной. Особенно выделялась женщина средних лет. Громкий смех и властный голос безошибочно подсказывали: она здесь главная. Рядом с нею сидела еще одна женщина: миловидная, черноволосая. С другой стороны примостился бородатый мужчина – грудь колесом и ладони величиной с тарелки. В лицах и облике остальных Элида не увидела ничего примечательного. Все внимательно слушали хохотунью, когда та говорила, и тоже смеялись, когда смеялась она.

Элида опустилась на скрипучий стул. Лоркан сел напротив. Бородатый мужчина и хохотунья сразу же обратили на него внимание.

Элида поняла: эти двое оценивали Лоркана. Не потому, что боялись или чувствовали исходящую от него угрозу. Просто они привыкли оценивать тех, кто их окружал. Вероятно, частые путешествия выработали у них такую привычку.

Может, Аннеит надоумила ту супружескую пару уйти пораньше? Уж больно они заторопились.

Элида положила руку на стол и сонно улыбнулась Лоркану. Так улыбалась моратскому повару одна женщина, работавшая на кухне.

– Муж, – негромко произнесла она, шевеля пальцами.

Лоркан поджал губы, однако накрыл ее ладонь своей.

У него были такие же мозолистые пальцы, как у нее. Элиде показалось, что по ладони Лоркан может узнать ее секреты. Она перевернула кисть ладонью вниз.

– Брат, – шепотом поправил ее Лоркан. – Я твой брат.

– Ты – мой муж, – так же шепотом возразила Элида. – Мы поженились три месяца назад. Послушай меня и не возражай.

Лоркан оглянулся по сторонам. Похоже, он не заметил оценивающих взглядов с соседнего стола. Но в глазах у него сквозило сомнение и молчаливый вопрос. Элида объяснила:

– Брат для чужих мужчин – не помеха. Они решат, что со мной можно... заигрывать. Мужчины редко думают, нравится это женщинам или нет. Они привыкли брать то, что приглянется. И потому ты – мой муж... пока это надо.

В глазах Лоркана что-то мелькнуло. Элида прочла в них новый вопрос, на который не хотела и не могла ответить. Пальцы Лоркана сжали ей ладонь, требуя, чтобы она подняла на него глаза. Элида смотрела в стол.

К счастью, подавальщица принесла им еду, и вопрос Лоркана остался незадаанным.

Это было жаркое из кролика с тушеными овощами. Элида жадно впиалась в мясо и едва не обожгла себе губу.

Компания за соседним столом продолжала разговор. Элида ела, прислушиваясь к каждому слову. Жизнь научила ее по отдельным словам и обрывкам фраз узнавать важные вещи.

– Давайте устроим им представление, и тогда они вдвое снизят плату за проезд по мосту, – предложил светловолосый бородач.

– Сомневаюсь, – поморщилась хохотунья. – Знаю я этих молодчиков. Частенько они просто заставляют лицедеев давать им представления бесплатно. И столь же часто наше ремесло им нравится, и они велят, чтобы мы задержались на денек-другой. А нам каждый час дорог. И так столько трупп нас опередили. А если в каком городе одна побывала, посмотреть другую уже не пойдут.

Элида едва не подавилась куском. Она не сомневалась: Аннеит ей помогла. Богиня нарочно спровадила ту пару, чтобы они с Лорканом оказались в нужном месте. Элида как раз и намеревалась отыскать странствующих лицедеев или устроителей карнавалов. Примкнуть к ним, изображая обслугу, а там...

– Уж лучше мы заплатим сполна, – сказала черноволосая. – Пусть потом мы останемся полуголодными и будем валиться с ног от усталости, когда доберемся до ближайшего города. Не впервой.

Элида вопросительно посмотрела на Лоркана. Он кивнул.

Она зачерпнула ложкой подливу. Ела медленно, внутренне подготавливаясь, и думала об Астерине Черноклювой, красивой, уверенной, бесстрашной ведьме. Та всегда насмешливо наклоняла голову. Ни малейшей скованности в движениях, а на губах – легкая улыбка. Элида проглотила остатки подливы и поглубже вздохнула, наполняя воспоминаниями все мускулы и жилы своего тела.

Затем она повернулась к соседнему столу и с улыбкой произнесла:

- Господа, простите, что вклиниваюсь в вашу трапезу, но я невольно уловила пару слов из вашего разговора.

Все повернулись к ней, вопросительно изогнув брови. Элида поймала на себе взгляд хохотуньи. Он тоже был оценивающим: молодая, хорошенькая, не знающая тягот жизни. Элида продолжала любезно улыбаться, придав глазам побольше блеска.

- Я так поняла, вы - странствующие лицедеи? - Кивком Элида указала на Лоркана. - Мы с мужем не первую неделю пытаемся устроиться в какую-нибудь труппу. Но везде людей хватает.

- Это ты верно определила, - ответила хохотунья.

- Замечательно, - радостно подхватила Элида. - Вы правы: плата за проезд по мосту очень высока. Но если бы вы взяли нас к себе в труппу, пусть и временно...

Элида почувствовала, как колено Лоркана предостерегающе уперлось в ее. Но в предостережениях она не нуждалась.

- Мы могли бы внести свою часть уже сейчас. А что касается возмещения... будет видно по доходам труппы.

Оценивающий взгляд хохотуньи стал настороженным.

- Мы не столько лицедеи, сколько устроители карнавалов. Но свободных мест у нас в труппе нет.

Бородатый мужчина и красавица с упрёком посмотрели на хохотунью.

- Я лишь спросила, - спокойно пожала плечами Элида. - Но если вы вдруг передумаете, мой муж, - Элида махнула в сторону Лоркана, который изо всех сил пытался непринужденно улыбнуться, - искусный метатель ножей. В прежней труппе он неплохо зарабатывал. А еще больше ему платили желающие помериться с ним силой.

Хохотунья переместила свои цепкие глаза на Лоркана, оценивая рост, осанку и мускулы. Догадка Элиды была верна: им требовались люди, а слова хохотуньи - обычный трюк для незнакомцев.

- А ты-то сама чем занималась? - спросила женщина.

- Предсказаниями. Меня называли оракулом. - Элида небрежно пожала плечами. - По большей части напускала тумана. Что-то просто угадывала.

Иначе и быть не могло, если учесть, что она не умеет даже читать.

Хозяйка труппы по-прежнему оставалась равнодушной.

- Кстати, как называлась ваша прежняя труппа?

Каверзный вопрос. Хохотунья и ее спутники наверняка знали все трупы, странствующие по равнинам. Элида напрягла память, пытаясь извлечь оттуда хоть что-то полезное...

Как-то раз ведьмы в Морате заговорили про Бэбу Желтоногую. Та ездила с карнавалом, чтобы ее не опознали. Однако зимой в Рафтхоле эту Бэбу убили. Причин и обстоятельств гибели ведьмы не знали... Из потаенных уголков памяти Элиды выплывали подробности подслушанного разговора.

- Мы работали с «Карнавалом зеркал».

В глазах хохотуньи сразу появилось уважение вперемешку с удивлением.

- Хозяйкой там была Бэба Желтоногая. Зимой ее убили в Рафтхоле. Карнавал распался... С тех пор перебиваемся случайной работой.

- А родом откуда? - спросил бородатый.

Элида не ожидала, что Лоркан поддержит разговор.

- Моя семья живет на западном склоне Белоклычьих гор. После Рафтхола вернулись туда. Прожили несколько месяцев. Ждали, пока снег не растает. Весной перевалы очень опасны. А нынче в горах разные странности творятся.

За столом словно холодом повеяло.

- Подумай, Мулли, - заговорила черноволосая, обращаясь к хозяйке. - Они готовы внести часть платы за переезд моста. А с тех пор как ушел Суал... сама знаешь.

Наверное, так звали их метателя ножей.

Элида улыбнулась, подражая улыбке Астерины.

- Мы тут еще немного побудем. Так что если передумаете... дайте нам знать. А если нет... - Она приветственно помахала погнутой ложкой. - Тогда легкого вам пути.

В глазах хохотуньи Мулли что-то вспыхнуло. Она еще раз взглянула на Элиду и Лоркана и пробормотала:

- И вам легкого пути.

Элида и Лоркан вернулись к еде.

Когда подавальщица пришла за деньгами, Элида полезла во внутренний карман и протянула ей серебряную монету.

У подавальщицы округлились глаза, и она ушла за сдачей. Элида заметила, как монета подействовала на Мулли и остальную труппу.

Лоркан видел, что Элида взяла не всю сдачу. Подавальщице досталось более чем щедрое вознаграждение. Потом они встали, еще раз улыбнулись труппе и покинули таверну.

Элида направилась в конец очереди – шла, распрямив плечи, и продолжала улыбаться.

– Ты же говорила, у тебя нет денег, – напомнил Лоркан.

– Оказалось, я ошиблась. – Элида бросила на него косой взгляд.

На этот раз Лоркан улыбнулся по-настоящему, блеснув белыми зубами:

– Тогда, Маурина, будем надеяться, что нам хватит денег и заплатить солдатам. Похоже, Мулли передумала.

Услышав скрип сапог, Элида обернулась. К ним быстро приближалась Мулли – одна. Вероятно, остальные пошли к повозкам.

Лицо Мулли было красным. Наверное, спорила со своими. Хохотунья цокнула языком:

– Беру вас на время. Провалитесь – вытурю и вашей доли за переезд не верну.

Элида лучезарно ей улыбнулась:

– Маурина и Лоркан к вашим услугам, госпожа.

Жена, называется. Боги милосердные!

Ему пятьсот с лишним, а эта... эта девка... пусть не девка, молодая женщина. Главное другое: эта сушая дьяволица напридумала невесть что и втянула его в свое вранье. Его, непревзойденного воина, сделала метателем ножей!

Лоркан стоял вблизи таверны. Маурина – тут же. Труппа устроителей карнавалов оказалась маленькой и бедной. Похоже, они знавали лучшие времена. А сейчас все их имущество состояло из двух крытых повозок с желтыми крашеными стенками. Повозки, везомые каждая двумя клячами, отчаянно скрипели и дребезжали.

Маурина внимательно наблюдала за Мулли. Та уселась на кучерское сиденье рядом с черноволосой красавицей, не обращавшей на Лоркана ни малейшего внимания.

А как же иначе? Раз у него на шее висит «жена», черт бы ее побрал, другие женщины на него не посмотрят. Лоркан едва сдерживался, чтобы не зарычать. Уже много месяцев он не прикасался к женщине. Наверняка они с этой черноволосой недурно бы провели время. Лоркану она сразу приглянулась... Так нет. Он теперь в оковах чужого вранья.

У него вроде как есть жена!

Конечно, привлекательностью Маурина не обижена. Да и не вредная, в общем. Эти мысли бродили в голове Лоркана, пока он смотрел, как Маурина

забирается во вторую повозку. Несколько человек из труппы передвигались верхом, и лошади у них были под стать упряжным клячам.

Бородач протянул Маурине руку, помогая влезть. Лоркан готовился забраться следом, а пока оглядывал новых попутчиков. И мужчины и женщины заметили появление Маурины.

Миловидное личико, соблазнительные округлости, просто, с изяществом убранные волосы.. К тому же она больше не хромала. Маурина знала, что́ делает. Люди – особенно мужчины – будут в первую очередь разглядывать ее лицо и фигуру, думать о запретных удовольствиях и послушно глотать ловкое вранье, которое она им скармливает.

Бородатый протянул руку и ему, но Лоркан легко запрыгнул сам. Теперь нужно пройти в конец повозки, сесть рядом с Мауриной, обнять ее худенькие плечи и изобразить на лице спокойствие и счастье: ведь они нашли себе новую труппу!

В повозку погрузили припасы, потом туда забрались еще пятеро участников труппы. Все они улыбнулись Маурине и тут же отвели глаза.

Маурина коснулась его колена. Лоркан едва не вздрогнул. Трудно представить, какими жесткими были ее тонкие пальчики.

Она была не просто пленницей Мората, а рабыней.

Давние, крепкие мозоли. Такое ощущение, что Маурина годами занималась тяжелой, изнурительной работой. И это – с ее увечной ногой..

Лоркан старался не думать о привкусе страха и боли, которые уловил, слушая признания Маурины. Она почти не верила в мужскую доброту и порядочность. Лоркан не позволил себе задуматься о причинах – а причины наверняка были.

В повозке царила духота: пахло человеческим потом, сеном, конским навозом. Пробивался слабый запах железа: это пахло оружие.

– Вы, никак, странствуете налегке? – спросил бородач, которого звали Нирк.

Лоркан молча выругался. Он забыл, что у людей есть обыкновение тащить с собой кучу ненужного хлама, который в дороге лишь мешает.

– Увы, так сложились обстоятельства, – ответила Маурина. (Порою Лоркана бесил ее мелодичный голос.) – Когда мы спускались с гор, нужно было пересечь быструю речку. Идти до моста далеко. И тогда муж (опять это чертово слово!) сказал, что мы переберемся вброд. Но течение оказалось сильнее, чем выглядело с берега. Это великое счастье, что он успел подхватить меня, а то бы я уплыла вслед за нашими пожитками.

Нирк тихо засмеялся:

– Думаю, он в тот момент вообще забыл о пожитках и спасал тебя.

Маурина закатила глаза и потрепала Лоркана по колену. Он едва не взвыл.

С любовницами Лоркан следовал непреложному правилу: вне постели – никаких ласк и прикосновений. Он терпеть не мог, когда женщины пытались невзначай взять его за руку или положить голову на плечо. Некоторые сердились и обзывали его бесчувственным. Другие не оставляли надежд его приручить, веря, будто ему нужна жена и домашний очаг. А ему нужно было лишь то, что требовала его мужская природа.

– Конечно, жизнь дороже пожитков, – с легким вздохом продолжала Маурина.
– Но в мешках у нас не было ничего лишнего. Метательные ножи мужа, съестные припасы, моя одежда.

Она потрянула головой:

– Все это теперь надо заново покупать.

Нирк посмотрел на Лоркана, выдержав взгляд воина дольше, чем большинство смертных. Лоркан не представлял, в чем ремесло бородатого. Наверное, что-то умеет. Но основную задачу Нирка он уловил сразу: следить за порядком и охранять покой труппы.

– Земли за Белоклычьими горами – суровый край, – Нирк перестал улыбаться.
– Твоя родня – крепкий народ, раз прижился там.

Лоркан кивнул:

– Совсем не такой жизни я хочу для своей жены.

– Жизнь на дороге немногим лучше, – возразил Нирк.

– А вот с этим я не согласна, – опять встряла в разговор Маурина. – Вокруг – такой простор. Небо над головой. И видно далеко-далеко. Мчишься наравне с ветром. Никто и ничто тебе не указ. Жизнь, полная свободы.. – Она потрянула головой. – Никаких рамок, никаких клеток. Разве можно просить о большем?

Лоркан знал: сейчас Маурина говорила сущую правду. Он помнил, какое было у нее лицо, когда она увидела луга и равнины на другом берегу Аканта.

– Ты говоришь, как вечная странница, – усмехнулся Нирк. – Лицедеи, они ведь как? Одни осядут где-нибудь, и их с места не сдвинешь. А других носит из конца в конец, и не остановиться им.

– Я хочу посмотреть жизнь. Мир посмотреть. – Голос Маурины зазвучал мягче. – Словом, хочу увидеть все, что только возможно.

Многое ли она успеет посмотреть, если Лоркан не выполнит свою задачу и Ключ Вэрда, который при нем, попадет в злые руки?

– Нынче опасно странствовать слишком далеко. – Нирк нахмурился. – Про Морат такое рассказывают – волосы дыбом встают. А теперь еще и Рафтхол.

– А что случилось в Рафтхоле? – встрепёнулся Лоркан и снова почувствовал на колене руку Маурины.

Нирк рассеянно теребил пшеничную бороду:

– Да, говорят, город разворотили до неузнаваемости. Налет на него был. Прилетели страшные крылатые твари, а управляли ими демонессы. По слухам, ведьмы. Железнодорожные. Мне в детстве про них страшные сказки рассказывали.

Он передернул плечами.

Лоркан чуть не присвистнул. Он представлял, какая нужна мощь, чтобы разворотить адарланскую столицу. Лоркан заставил себя слушать дальше, хотя ум уже начал подсчитывать число погибших и искать ответ на вопрос, зачем понадобилось крушить Рафтхол.

– Что случилось с молодым королем – неизвестно, – продолжал Нирк. – А город теперь во власти ведьм и их чудовищ. Почему я и сказал: нынче далеко ездить опасно. Поедешь на север – угодишь в западню. И на юг поедешь – там другая западня. Так что мы отправимся на восток. Может, все беды пройдут стороной. А может, война начнется, и нас разметает кого куда. Мужчин в армию позабирают.

Закончив говорить, Нирк выразительно посмотрел на Лоркана. Лоркан удержался, чтобы не рассмеяться вслух. Никакой здешний король не затащит его в свою армию. Он никому не подчиняется, кроме... У него сдавило грудь. Лучше сейчас не думать о его королеве.

– Думаешь, война все-таки начнется? – едва слышно спросила Маурина. – И людей заставят воевать?

– Не знаю, – пожал плечами Нирк.

Внутри повозки запахло речной водой. Они были совсем близко от моста. Лоркан полез за деньгами. Сумма, названная Мулли, заметно превышала «справедливую долю», о которой говорила Маурина. Лоркана это не особо волновало. Главное – отъехать подальше от Аканта, а там...

– Может, мы на войне и не понадобится, раз у герцога Перангтона есть ведьмы и крылатые твари, – сказал Нирк, явно не горящий желанием воевать.

«У него есть кое-кто и похуже, – мысленно добавил Лоркан. – Гончие Вэрда, илки и еще неведомо кто».

– Пока неизвестно, как поведет себя Аэлина Галатиния, – вдруг сказал Нирк.

Ладонь Маурины на колене Лоркана сразу обмякла.

– О помощи она не просила, армию не собирала. Она ведь тоже вторгалась в Рафтхол. Убила прежнего короля. Разрушила его стеклянный замок. Но город не тронула. Потом и вовсе ушла оттуда.

– Что ты знаешь про Аэлину? – быстро спросила Маурина, подаваясь вперед.

- Разное про нее болтают, - пожал плечами Нирк. - Поди догадайся, где правда, а где вымысел. Говорят, она необычайно красивая, но холодная, как глыба льда. Ее называют тиранкой, трусихой и даже шлюхой. Кто твердит, что она отмечена богами. Иные считают, что Аэлина спозналась с темными силами. А кто может сказать правду? Двадцать лет - не такой возраст, чтобы тяготы мира на плечах таскать... Я еще вот чего слышал. Двор у нее пока небольшой, но сильный. Ее охраняет оборотень и двое принцев-воинов. Так что тыл и фланги у нее прикрыты.

Оборотня Лоркан хорошо помнил. Бесцеремонная особа, дважды заблевавшая все вокруг него. Что же касается принцев-воинов... Один из них - сын Гареля.

- Вот только вопрос: спасет ли она нас или бросит на произвол судьбы? - задумчиво произнес Нирк, поглядывая на змеящуюся очередь повозок позади. - Слышал, якобы судьба мира в ее руках. Не знаю, радоваться этому или нет. Но мне почему-то кажется: если Аэлина победит, наш мир и жизнь станут лучше. А если потерпит поражение... возможно, мы и впрямь заслужили такую судьбу.

- Она обязательно победит, - тихо, но с твердой уверенностью сказала Маурина.

Нирк удивленно посмотрел на нее. Остальные зашумели.

- Не в таком мы месте, чтобы говорить о ней, - заметил им Лоркан.

И буквально в ту же секунду заскрипели сапоги. Чья-то рука бесцеремонно откинула полог. Внутри заглянули двое солдат в адарланских мундирах.

- Выходите, - приказал один. - Построиться в одну шеренгу.

Глаза солдата скользнули к Маурине.

Лоркану этот угрюмый, отвратительный взгляд был очень хорошо знаком. Он обнял Маурину за плечи и сказал:

- Идем, жена.

Солдат заметил и его. Отошел, немного побледнев, затем приказал осмотреть весь груз.

Лоркан спрыгнул первым и снял Маурину. Когда она хотела отойти и встать рядом, он прижал ее спиной к себе и для верности положил ей руки на живот. Лоркан спокойно выдерживал взгляд каждого солдата. Интересно, кто позаботится о черноволосой красавице, что сидела на козлах первой повозки?

Вскоре появилась и она вместе с Мулли. Черная шляпа с полями закрывала половину смугловатого лица красавицы. Плотно застегнутый камзол надежно скрывал женские округлости. Рот сморщился в гримасе. Вместо черноволосой красавицы Лоркан увидел мегеру.

Мулли подтолкнула женщину, указав ей место между Лорканом и Нирком. Затем взяла у Лоркана кошелек, даже не поблагодарив.

Черноволосая, чуть наклонившись, прошептала Маурине:

– Не смотри им в глаза и не вступай в разговоры.

Маурина кивнула, уткнувшись взглядом в землю. Лоркан чувствовал, как бешено колотится ее сердце, хотя поза ее выражала спокойную покорность.

Солдаты рылись в их припасах, забирая все, что приглянется.

– А ты, – обратилась черноволосая к Лоркану, – Мулли сказала, чтобы стоял тихо и не распускал руки. Если только схватишься с солдатами, нам тебя из тюрьмы не вытащить. Пусть болтают и хохочут. Стой и не вмешивайся.

Лоркан кивнул. При желании он мог был уложить не только этих солдат, но и весь их гарнизон.

Минут через пять послышался другой приказ. Мулли подала солдатам деньги Лоркана, свои деньги и добавила еще за «ускоренный проезд». После этого им было позволено вернуться в повозки. Никто не решался смотреть, чем именно поживились солдаты в их поклаже. Маурина слегка дрожала, хотя на лице застыло выражение скуки. Лоркан снова обнял ее за плечи.

Солдаты ни о чем их не спрашивали. О хромой женщине даже не заикнулись.

Колеса повозки застучали по камням старинного моста. Внизу с ревом нес свои воды Акант. Дрожь Маурины не проходила. Лоркан взгляделся в ее лицо, заметив слегка порозовевшие скулы и плотно сжатые губы.

Потом он поймал ее запах и понял: Маурину трясло вовсе не от страха. Это был проблеск обжигающего, неистового, бурлящего... гнева. Она ненавидела унижительную, воровскую проверку. Ненавидела сальные взгляды солдат.

Мечтательница. Лоркан понял: Маурина была мечтательницей. Она хотела сражаться за свою королеву. Верила, как и Нирк, в возможность лучшего мира.

На другом берегу солдаты пропустили их повозки беспрепятственно. Мост через Акант и сама река остались позади. Они ехали по равнине, а Лоркан продолжал думать о вспышке гнева Маурины и ее вере в лучший мир.

Он не собирался говорить ни ей, ни Нирку, насколько дурацкой кажется ему их мечта.

Маурина поуспокоилась и теперь смотрела сквозь откинутый полог на широкую грунтовую дорогу и окрестные луга, любовалась синим небом. Даже Задубелый лес издали выглядел красиво. И хотя гнев еще не совсем погас, в ее темных глазах мелькнуло восхищение.

Лоркан не обратил на это внимания. За пятьсот лет он успел повидать немало людей, фэйцев и полукровок. Он знал их лучшие и худшие стороны.

Однако ничего похожего на лучший мир попросту не существовало, как не существовало и счастливого конца.

И уж тем более глупо надеяться на счастливый конец в грядущей войне. Вместо лучшего мира эта беглая рабыня окажется в наспах вырытой могиле.

Глава 20

Ровану из клана Боярышника нужно было всего лишь место для отдыха. Не обязательно кровать. Он согласился бы и на охапку сена. Мог бы лечь в конюшне, под лошадью. Главное, чтобы была тишина и защита от дождя.

Бухта Черепов вполне отвечала его представлениям о пиратской столице. Ветхие домишки, выкрашенные во все мыслимые и немыслимые цвета, что отнюдь не делало их менее ветхими. Сейчас их жители спешно захлопывали ставни и снимали белье с веревок. Надвигалась буря. Достигнув гавани, Рован и Дорин опередили ее на считанные минуты.

Они выбрались на берег, закутанные в плащи с капюшонами. Монета, протянутая Рованом местному начальству, избавила их от вопросов. Денег было достаточно, чтобы начальство держало язык за зубами. Правда, местное ворье могло увидеть, что приплывшие путники при деньгах, и увязаться следом.

Дорин уже дважды признавался, что не представляет, как и за счет чего держится Рован. По правде говоря, Рован и сам этого не знал. За несколько дней их плавания он не проспал и пяти-шести часов. Не за горами полное измождение. Оно неотвратимо подбиралось к фэйскому принцу, ослабляя внимание и, что гораздо хуже, магические способности.

Когда ялик достиг архипелага Мертвых островов, Рован часто поднимался в небо и ястребиным взором окидывал обманчиво спокойные теплые воды. Мертвые острова всегда имели дурную славу. Но Рован не видел ни одного возможного врага. На многие лиги вокруг – бирюзовый океан и островки, некогда образованные выплеском лавы. Темные скалы, окруженные белыми обручами прибрежного песка. На островах покрупнее были настоящие горы и сочная изумрудная зелень.

Над Бухтой Черепов прогремели первые раскаты надвигающейся грозы. Бирюзовая морская вода стала еще ярче, словно где-то в нее ударила молния, осветив изнутри. Невдалеке от гавани стояла таверна. Ее стены были выкрашены в кобальтово-синий цвет. У входа, словно не замечая начавшейся бури, стояло несколько караульных.

Из рассказов Аэлины Рован знал: таверна эта называлась «Морской дракон» и была резиденцией Рульфа. Такое же название носил его корабль. Рован подумывал, не отправиться ли прямо туда? Двое путешественников, впервые в

здешних краях, зашли, ища укрытия от бури. Нет, это было бы опрометчивым шагом.

Пока плыли сюда, Рован, верный обещанию, давал Дорину уроки магии – всего по несколько минут каждый. Рован опасался за их ялик. Магия Дорина, вырвавшись из-под власти молодого короля, могла разнести судно в щепки. Рован придумал ему вполне безопасное упражнение: создавать на ладони ледяной шар, а затем расплавлять лед. И так – раз за разом.

Даже сейчас, словно не замечая бури, Дорин продолжал упражняться. Местные жители бежали по улочкам, торопясь укрыться в своих лачугах, а он стоял и смотрел на подковообразный залив, перегороденный гигантской цепью.

Цепь эту называли Кораблекрушителем. Она успела обрасти ракушками и гирляндами водорослей. Цепь крепилась к сторожевым башенкам, стоящим друг против друга. Нехитрый механизм позволял поднимать и опускать ее. Высота поднятой цепи была такой, что ни один корабль не мог проплыть под нею, не сломав мачт. Кораблекрушитель приносил гавани немалый доход: каждый капитан, желающий выйти из Бухты Черепов, волей-неволей платил высокую «отступную». Ровану и Дорину повезло: из-за надвигавшейся бури цепь опустили.

Рован понял: им ни в коем случае нельзя идти к Рульфу прямо сейчас. Их появление должно быть спокойным и... дипломатичным.

Иначе нельзя, учитывая, что Аэлина, побывавшая здесь два с лишним года назад, вела себя отнюдь не дипломатично. Тогда она повредила Кораблекрушитель, взорвав сторожевую башню. В то время у Рульфа была лишь одна башня. Восстанавливая ее, он вместо простых опор на другом берегу возвел и вторую. Да и пиратской столице тоже досталось. Мало того, Аэлина повредила рули всех крупных кораблей, что стояли в гавани, включая и «Морского дракона», которым Рульф очень дорожил.

Слушая рассказ Аэлины, Рован не особо удивлялся. Но теперь, увидев Бухту Черепов, он по-настоящему понял величину тогдашних разрушений... Это был поистине ад, учитывая, что пострадали и ни в чем не повинные люди. Ну у нее и силища!

Появление Дорина должно стать полной противоположностью тому вторжению. Они наймут комнаты на самом благопристойном из здешних постоялых дворов, а затем испросят аудиенции у Рульфа. Все, как полагается у тех, кто уважает себя и хозяина места, куда они прибыли.

Сверкнула молния. В ее свете Рован успел оглядеть улицу. Порыв ветра норовил отбросить капюшон его плаща. Рован придержал капюшон рукой. Незачем показывать свое фэйское происхождение.

Они находились в паре сотен шагов от постоялого двора. Его стены были изумрудно-зелеными. Ветер раскачивал золоченую вывеску. Заведение называлось «Океанская роза».

Человек в гавани утверждал, что это лучший постоялый двор. Что ж, раз они явились предложить Рульфу солидный куш, надо и вести себя соответствующим образом.

Но вначале – отдохнуть. Поспать хотя бы несколько часов. Остановившись возле двери, Рован испытал облегчение, предвкушая скорый отдых. Он обернулся, потирая плечо молодого короля.

Похоже, боги устроили им новое испытание. В лицо ударило волной прохладного влажного ветра. После него осталось странное ощущение, словно следом движется... оборотень. Это первое, что пришло на ум Ровану, когда он почувствовал ступор магической силы. Ступор затаился где-то совсем близко и манил к себе.

Рован мгновенно выхватил кинжал и стал вглядываться в крыши окрестных домишек. Ничего, кроме дождевых струй. Может, показалось? Или усталость играет с ним шутки?

Налипшие волосы мешали Дорину смотреть. Отбросив их, он увидел кинжал Рована:

– Значит, и ты чувствуешь.

Рован кивнул.

– Какие у тебя ощущения? – спросил он.

Необузданная магическая сила молодого короля могла улавливать самые разные ощущения и подсказки, то, что воспринимала его магия ветра и льда, а также интуиция. Но без надлежащего обучения восприятие не всегда было отчетливым.

– Ощущения? Странные, – поморщился Дорин и добавил, перекрывая шум ветра: – Я почувствовал что-то дикое и безжалостное. Больше ничего сказать не могу.

– Тебе это напоминает валгских демонов?

Кому, как не Дорину, лучше всех знать об ощущениях, вызываемых валгами?

– Нет, – возразил Дорин. – Валгов воротило от моей магии. А здесь... что-то другое. Моя магия отзывается на это с любопытством. Настороженность тоже есть, но больше любопытства. Та сила – она словно где-то прячется.

– Тогда не будем терять бдительности, – сказал Рован, возвращая кинжал в ножны.

Дорин никогда не попадал в места, подобные Бухте Черепов.

Ни проливной дождь, ни столкновение с непонятной магической силой не заслонили его изумления перед этим островным городом. Бухта Черепов являла собой причудливую смесь беззакония и строгого порядка. Здесь не признавали власть королевских династий, зато подчинялись власти капитана Рульфа – пиратского короля. Его путь к владычеству был тяжелым и

кровавым, и помогла ему в этом... карта мировых океанов, вытатуированная на ладонях.

Если верить слухам, карта обладала особым свойством, показывая, где его в тот или иной момент ждут враги, сокровища и штормы. Говорили, будто за эту карту он заплатил своей бессмертной душой.

Аэлина видела карту на ладонях Рульфа и подтвердила: да, он напрочь лишен души. Что же касалось самой карты... Он признался Аэлине, что с подавлением магии карта утратила волшебные свойства. Но теперь, когда магия вернулась в Адарлан, может, Рульф уже знал о появлении в городе двух чужаков? И его карта обозначила их как врагов?

В таком случае Рульф заблаговременно узнает и о прибытии Аэлины.

Их плащи не успели высохнуть. Рован и Дорин снова оказались на улице. Дождь не унимался. По пути к гавани они нарочно сделали широкий круг. Все улочки опустели. Корабли раскачивало на штормовых волнах. Волны заливали причалы и выплескивались на камни набережной. Ветер шелестел в листьях пальм, изгибая стволы. Даже неугомонные чайки куда-то попрятались.

Магия Дорина пока дремала. Чувствовалось, штормы здесь были частым явлением. Под крышами таверн, лавок и жилых домов все продолжалось своим чередом. Дорину очень хотелось побыть в тишине. Взрывы хохота и пьяное пение, доносившиеся из таверн, его раздражали. Он завидовал невозмутимо шагавшему Ровану. Тот словно был частью бури.

У причала раскачивался на вздымающихся волнах любимый корабль Рульфа. Значит, предводитель в городе, и им не придется дожидаться его возвращения.

Дорин засмотрелся на корабль и налетел на остановившегося Рована. Пробормотав извинения, он попятился, но Рован, казалось, этого даже не заметил. Он разглядывал какое-то здание. Дорин посмотрел в ту сторону... Его магия встрепенулась, как испуганный олень.

- Тут нечему удивляться, - пробормотал Рован.

Над дверью, скрипя от ударов ветра, раскачивалась на цепях вывеска. Вот он, «Морской дракон».

На полпути к таверне стояли двое караульных. У них не было мундиров, но никто не станет просто так стоять в шторм, опираясь о тяжелые мечи. Значит, охрана.

Рован наклонил голову, по-птичьему оглядывая караульных. Дорину показалось, что он обдумывает способ заставить их убраться с поста. Но Рован пошел дальше. Караульные даже не посмотрели в их сторону. Предостерегающе взглянув на Дорина, фэйский принц открыл дверь таверны, служащей предводителю резиденцией.

Их встретил мягкий золотистый свет и запах пряностей. Блестели безупречно натертые полы. В зале было совершенно пусто. И это в непогоду, когда заведения битком набиты! Но в «Морском драконе» все столики пустовали.

Рован закрыл дверь. Дорин оглядывал зал, в конце которого была небольшая лестница. Потом заметил, что на каждой столешнице красуются ровные, хотя несколько выцветшие буквы. «Гонец бурь». «Красавица Энна». «Тигровая звезда».

Это же корабельные доски! Когда-то каждая была частью кормы. Отсюда и названия. Корабли, которые не разбились о скалы и не пришли в негодность от старости. Зал таверны одновременно был и залом трофеев. Каждый, кто здесь оказывался, видел своеобразную летопись пути Рульфа к пиратской короне.

В расположении столиков был определенный порядок. Они словно окружали еще один, у стены. Он вдвое, если не втрое превосходил остальные и отличался обилием подпалин и щербин. Но надпись читалась ясно: «Пересмешник». Похоже, Рульф старался не забывать, корма какого корабля служит ему персональным обеденным столом.

Возможно, магия, которую они почуяли возле «Океанской розы», была как-то связана с резиденцией Рульфа. Однако в зале ее не ощущалось.

В стене за стойкой открылась дверь. Оттуда вышла молодая худощавая женщина с каштановыми волосами. Судя по переднику – подавальщица. Вот только держалась она совсем по-иному: плечи расправлены, голова запрокинута. Жесткие серые глаза женщины оглядели неожиданных гостей и остались равнодушными.

– А он думал, когда же вы наконец заявитесь, – сказала она.

Ее голос сразу напомнил Ровану Эдиона. Та же манера говорить.

– Что? – переспросил Рован.

Подавальщица качнула тонким подбородком, указав на лестницу:

– Капитан желает вас видеть. Второй этаж, вторая дверь по коридору.

«Зачем?» – хотелось спросить им обоим, но и Рован, и Дорин понимали: вопросов лучше не задавать. А женщина взяла со стойки бокал, поглядела на свет и начала протирать мягкой белой тряпкой. На ее загорелых мускулистых руках красовалось по серому вытатуированному морскому дракону. Движения рук подавальщицы передавались чудовищам, заставляя двигаться и их.

Драконья чешуя имела тот же цвет, что и глаза женщины. Они снова холодно скользнули по Ровану и Дорину.

– Не заставляйте его ждать.

Лестница освещалась тускло. Ступеньки отчаянно скрипели.

– Нам могли подстроить ловушку, – шепнул Дорин.

– Могли, – шепотом согласился Рован. – Но нас допустили к нему. Если уж устраивать ловушку, куда разумнее было бы захватить нас врасплох.

Дорин кивнул. Ему стало немного легче.

– А твоя магия... Получше стало?

Суровое лицо Рована оставалось непроницаемым.

– Справлюсь.

Дорин хотел посоветовать, что это не ответ, но промолчал.

Коридор второго этажа, куда они поднялись, не был пуст. Его охраняли четверо парней с такими же жесткими глазами, как у подавальщицы. Каждый караульный был вооружен двумя тонкими мечами. Дорин обратил внимание на эфесы мечей, выполненные в виде атакующих морских драконов. Должно быть, отличительный знак пиратского королевства Рульфа. Караульные даже не шелохнулись, когда Рован и Дорин остановились перед указанной дверью.

Фэйский принц постучал. Ответом было негромкое урчание.

Дорин не пытался вообразить себе облик предводителя пиратов. Но он никак не ожидал увидеть темноволосого мужчину тридцати с небольшим лет. Тот полулежал в красном бархатном кресле-качалке, глядя на забрызганные дождем оконные стекла.

Глава 21

Хозяин Бухты Черепов не обернулся на звук открывшейся двери. Он продолжал разглядывать узоры дождевых струй на стеклах. Рядом с ним, на истертом темно-синем ковре, громоздились бумаги и свитки. Войдя, Рован и Дорин остановились возле двери. Судя по аккуратным столбикам цифр, бумаги представляли собой нечто вроде конторских книг, где учитывались доходы и расходы. Дорину показалось, что последних у Рульфа значительно больше.

Проходили минуты. Рульф продолжал смотреть на пляску кораблей в гавани. Молнии выхватывали из сумрака сторожевые башни и верхние части Кораблекрушителя. Ураганный ветер раскачивал и их.

Скорее всего, Рульфу не понадобилось никакой магии, чтобы узнать об их прибытии. Он просто увидел их в окно. На руках у него были темные кожаные перчатки. Далеко не новые, если кожа успела потрескаться. И поди узнай, есть ли на его ладонях татуировка.

Рован как вошел, так и застыл на месте. Дорин с детства был искушен в политических маневрах. Он знал силу молчания и силу молчаливого ожидания.

Иногда было важно, кто кого «перемолчит». Главное, они не нарушали этикета. Их позвали. Теперь они терпеливо ждут, когда хозяин соизволит заговорить.

С их мокрых плащей капало на другой ковер – такой же истертый. Капли падали почти бесшумно, впитываясь в ворс.

Капитанский палец забарабанил по подлокотнику кресла. Еще минуту или две он смотрел на гавань, словно хотел убедиться, что его «Морской дракон» не погублен стихией. Потом повернулся к гостям:

– Откиньте капюшоны. Я хочу видеть тех, с кем говорю.

Дорин невольно сжался, успев отвыкнуть от приказного тона. Рован спокойно ответил:

– Судя по словам твоей подавальщицы, ты прекрасно знаешь, кто мы.

Дорин не помнил, чтобы Рован к кому-нибудь обращался на «вы».

Рульф криво усмехнулся. В левом уголке рта мелькнул шрам.

«Надеюсь, не память об Аэлине», – подумал Рован.

– Моя подавальщица чересчур болтлива.

– Тогда зачем ты ее держишь?

– Приятная мордашка. Мы тут не избалованы обилием красавиц.

Рульф пружинисто встал. Он был примерно одного роста с Дорином. Черный камзол: простой, но искусно пошитый. Элегантная рапира на правом боку. На левом – кинжал с узким лезвием.

К удивлению Дорина, Рован откинул капюшон. Делая это, он слегка хмыкнул.

У Рульфа были глаза цвета морской волны. При виде серебристых волос, заостренных ушей и удлиненных клыков они вспыхнули. Но еще большее впечатление на пиратского капитана произвела татуировка Рована.

– Гляжу, передо мной человек, чья любовь к татуировке совпадает с моей, – удовлетворенно кивнув, произнес Рульф. – Думаю, принц, мы с тобой неплохо поладим.

– Я действительно мужского пола, но я фэец, а не человек, – поправил его Рован.

– Игра слов, – отмахнулся Рульф, переводя внимание на Дорина. – А ты и есть король, из-за которого было столько треволнений?

– И что дальше? – спросил Дорин, откидывая капюшон.

Рука в перчатке указала туда, где стоял письменный стол. На нем, как и на ковре, громоздились кипы бумаг. Перед столом стояли два мягких стула.

Дорин снова задумался о том, зачем Рульф перчатки. Действительно ли он прячет под ними части магической карты? Или его руки изуродованы?

Гости уселись. Рульф, умело обойдя бумажные рифы у стола, тоже сел. Его резной стул с высокой спинкой вполне мог быть тронем, украденным в каком-то далеком королевстве.

– Ты держись на удивление спокойно для короля, которого объявили предателем короны и заочно свергли, – сказал Рульф.

Дорин радовался, что эту весть он услышал в сидячем положении.

– Откуда такие сведения? – невозмутимо спросил Рован.

– От посланцев, приплывших не далее как вчера. – Рульф скрестил руки и откинулся на спинку. – Герцог Перангтон... или теперь его следует называть королем? Словом, он издал указ, собравший подписи большинства адарланской знати. Согласно указу, твое величество объявляется врагом королевства. Далее там сказано, что он освободил Рафтхол, вырвав город из твоих хищных когтей. Тебе припоминается разрушение стеклянного замка, осуществленное вместе с королевой Террасена, что повлекло многочисленные жертвы среди ни в чем не повинных горожан. А еще там говорится, что любой твой союзник... – Рульф кивком указал на Рована, – становится врагом Адарлана. Если ты не прекратишь сопротивление и не сдашься, то будешь раздавлен силами Перангтона.

В голове Дорина установилась странная тишина. Рульф продолжал, несколько смягчив тон:

– Наследным принцем и преемником Перангтона объявлен твой брат.

Боги милосердные! Холлин ведь еще ребенок, но... гнильца успела проникнуть в душу этого капризного, безмерно избалованного мальчишки. Дорин до сих пор не знал, правильно ли он поступил, оставив мать и младшего брата в горной резиденции. В Рафтхале они могли погибнуть при налете ведьм. Но и там они находились в окружении двуногих волков.

Дорин опять почувствовал, как ему остро недостает Шаола. Прежнего. Здорового, полного сил. Временно переложить бы все заботы на плечи капитана, а самому начать собирать себя по кусочкам. То, что можно собрать и привести в подобие порядка.

– По твоему лицу нетрудно догадаться, почему ты оказался здесь, – сказал Рульф. – Рафтхол лежит в развалинах, жители разбегаются кто куда.

Дорин усилием воли оттолкнул все жуткие мысли и с нарочитым спокойствием произнес:

– Я приплыл сюда, чтобы узнать, на чьей стороне ты, капитан.

Рульф подался вперед, уперся локтями в бумаги.

– Должно быть, положение твое отчаянное... А твоя королева тоже жаждет моей помощи? – спросил он у Рована.

- Мы сейчас ведем разговор не о моей королеве.

Рульф насмешливо посмотрел на Дорина:

- Желаете знать, на чьей стороне я? На своей собственной. Мне нет дела до ваших войн. Для меня главное, чтобы никто из вас не лез на мои земли. Вряд ли Мертвые острова - такой уж лакомый кусочек.

- Кому как, - с предельным спокойствием возразил Рован. - Ходят слухи, что восточная оконечность архипелага тебе не принадлежит.

Рульф выдержал взгляд Рована. Прошло полминуты. Минута. И вдруг на подбородке Рульфа дрогнула жилка. Он вдруг сбросил перчатки... Татуировки покрывали не только ладони, но и все пальцы, и часть запястья. Рульф показал им левую ладонь с картой архипелага. Дорин и Рован вытянули шею.

Карта была живой. По ладони текли голубые морские воды, двигались крохотные точки. На востоке архипелаг изгибался, выдаваясь в океан, и там... Воды в тех местах были серого цвета, а острова - рыжевато-коричневого. И никакого движения. Никаких точек, обозначавших корабли. Казалось, в этом месте карта замерзла.

- Они прикрываются магией, сила которой превосходит силу моей карты, - признался Рульф. - Я не знаю, сколько там кораблей, людей и морских чудовищ. Ни один из моих разведчиков оттуда не вернулся. Нынешней зимой с той части доносился не то рев, не то стон. Иногда звуки были почти человеческими, иногда нет. Там на скалах часто видели... странных существ. Похожи на людей, но не люди. Мы слишком долго делали вид, что нас это не касается. Вот и пришлось расплачиваться.

- Чудовища? - переспросил Дорин. - А какие именно?

Рульф мрачно усмехнулся, отчего шрам стал заметнее.

- А такие, что твоему величеству захочется бежать с континента куда глаза глядят.

Этот снисходительный тон... Внутри Дорина что-то надломилось.

- На мою долю, капитан, выпало гораздо больше кошмаров, чем ты думаешь.

Рульф хмыкнул, но его глаза задержались на белой полосе вокруг горла Дорина.

Рован невозмутимо привалился к спинке стула. Прирожденный полководец, успевший пройти сотни сражений.

- Тебя вынудили согласиться на перемирие с весьма жесткими условиями. Кораблей в твоей гавани - раз-два и обчелся. Раньше ты плавал гораздо дальше, а теперь отсиживаешься в своей Бухте Черепов.

Рульф натянул поношенные перчатки.

- Промышляем потихоньку где получается. Надо же добывать средства к существованию.

- Конечно. И платить четверем телохранителям, охраняющим твой коридор.

Дорин поймал нить рассуждений Рована и сказал, обращаясь к нему:

- В городе я не учуял валгского присутствия.

Странный ступок силы... он исчез.

- Потому что большинство из них мы поубивали, - оживился Рульф.

Ветер хлестал в стекла, размазывая по ним дождевую воду.

- Те четверо - не наемные телохранители. Это все, что осталось от моей команды. Прочие погибли в сражении. Ранней весной мы отбили свой остров у перангтоновского генерала.

Дорин злобно, вполголоса, выругался. Капитан кивнул:

- Но я снова у себя дома, в своей столице. Я как был, так и остался предводителем пиратов. Если Морат не сунется дальше восточной части архипелага, пусть Перангтон разводит там своих чудовищ. Нужен им Мертвяк? Пожалуйста. Сплошные скалы и пещеры. Мне они без надобности.

- Что за чудовища? - снова спросил Дорин.

Глаза Рульфа помрачнели.

- Морские драконы. Ведьмы летают на сухопутных, а здешние воды принадлежат другим драконам. Их вывели для сражений на море, попортив древнюю породу. Вы только представьте тварь величиной с половину большого корабля. Плавает быстрее самого резвого дельфина. Их оружие - зубы, когти и длинный хвост с ядовитыми шипами. Таким хвостом мачту перешибить - раз плюнуть. Опаснее всего, если случайно убьешь их прожорливого детеныша. Тогда взрослые драконы тебя из-под земли достанут.

Рульф пожал плечами:

- Как видите, мне незачем соваться на восточные острова, если только они снова не полезут сюда. Достаточно того, что мне не мешают промышлять. Размах, конечно, не тот, - добавил он, ленивым жестом обведя груды бумаг.

Дорин вовремя прикусил язык. Он собирался предложить Рульфу деньги... Какие? Все, чем он располагал, было конфисковано моратским правителем. Вряд ли каперы согласятся рисковать жизнью за щедрые посулы в туманном будущем, до которого могут и не дожить.

По взгляду Рована он понял: фэйского принца одолевают те же мысли. Нужно поискать другой способ склонить Рульфа на свою сторону. Дорин осмотрел со вкусом обставленный кабинет. Почти вся мебель и прочие вещи были старыми и очень старыми. Королевство Рульфа состояло из полуразрушенного города.

Из команды «Морского дракона» уцелели четверо. Дорин вспомнил, как внимательно пиратский капитан смотрел на след от черного ошейника.

Рован собирался заговорить, но Дорин его опередил:

– Команду твоего судна не просто убивали. Некоторых они забирали с собой. Верно?

Глаза цвета морской волны стали холодными, почти ледяными.

– Их брали в плен наряду с другими, – напирал Дорин. – Увозили на Мертвяк и там дознавались, где и как лучше наносить удары по твоему королевству. Потом нескольких вернули, но с демонами внутри. И единственным способом освободить их было отсечь им голову, а тело сжечь.

– Капитан, с чем они возвращались? – резко спросил Рован. – С кольцами или ошейниками?

У Рульфа дергался кадык.

– С кольцами, – не сразу ответил он. – Они утверждали, что их отпустили, не найдя за ними никакой вины. Но они были совсем другими... Демоны, – выдохнул Рульф. – Он загонял в них демонов.

И тогда Рован рассказал ему о валгах, их принцах, и об Эраване – последнем валгском короле. Под конец рассказа спокойствие покинуло Рульфа.

– Ему больше не надо рядиться в обличье Перангтона. Теперь он Эраван. Король Эраван.

Рульф опять смотрел на шею Дорина и, казалось, едва удерживался, чтобы не потрогать шрам.

– А ты как выпутался? Мы даже отрубали пальцы вместе с кольцами, но мои люди... Их было уже не вернуть.

– Не знаю, – покачал головой Дорин.

Его ответ не умалял людей Рульфа, не сумевших освободиться. И Дорин не мог назвать Рулфу имя своей спасительницы. Пусть думает, что ему попался слабый валг.

Рульф взял со стола какую-то бумагу, сделал вид, что вчитывается. На самом деле он искал ответ.

– Даже если их совсем прогнать с Мертвых островов, это будет капля в море. Мощь Мората не уменьшится.

– Ошибаешься, – возразил Рован. – Если весь архипелаг окажется в наших руках, это изменит картину сражений на море и поможет нам наносить удары на суше. Эти острова станут военной гаванью для флотов других королевств и других континентов.

- Шаол, моя правая рука, сейчас в Антике, - добавил Дорин. - Он убедит правителей тех земель послать флот нам на подмогу.

В этом Дорин не сомневался. Шаол не из тех, кто будет думать только о собственном здоровье, забывая о родине и друзьях.

- Никто к нам на подмогу не приплывет, - невесело усмехнулся Рульф. - Десять лет назад они не появились. С какой стати им рисковать своими шкурами сейчас? Особенно если учесть последние новости.

Произнеся эти слова, пиратский капитан выразительно посмотрел на Рована.

- Какие новости? - равнодушно спросил Рован.

Дорин чувствовал: добром это не кончится.

Рульф не ответил и опять перевел взгляд на вздыбленную бухту за окном. Дорин понимал: несколько последних месяцев не прошли для предводителя даром. Рульф держался за свое крошечное государство больше из высокомерия и упрямства. Дорину вспомнились столики с названием кораблей, потопленных или захваченных пиратским главарем... Желание отомстить не угасает десятки лет, а врагов у Рульфа наверняка предостаточно.

Рован хотел напомнить, что ждет ответа на свой вопрос. И вдруг Рульф трижды топнул по скрипучему полу. Почти сразу же прозвучало три ответных удара в стену.

Воцарилась тишина. При ненависти Рульфа к валгам, он вряд ли был ставленником Мората, заманившим их с Рованом в ловушку. И тем не менее... Шаги в коридоре заставили Дорина обратиться к своему магическому чутью. Взглянув на Рована, он понял: фэйский принц сделал то же самое. Магия Дорина потянулась к магии Рована, совсем как в тот день, когда они с Аэлиной оказались на мосту между башнями стеклянного замка.

Шаги достигли двери кабинета и смолкли. Дорина вновь обдало волной незнакомой и очень сильной магии. Рука Рована скользнула к поясу, где висел его охотничий нож.

Дорин сосредоточился на дыхании, пытаясь распознать характер магического присутствия. Его ладони начали покрываться льдом. В этот момент дверь открылась.

На пороге стояли двое мужчин с золотистыми волосами.

Рован зарычал так, что затряслись разошедшие половицы. Дорин смотрел на мускулистые тела, заостренные уши и разинутые рты, из которых торчали клыки, каких не встретишь у людей...

Незнакомцы и были источником странной силы... Фэйцы.

Один, черноглазый, нагло вато посмотрел на Рована и лениво протянул:

- А с длинными волосами ты мне нравился больше.

Единственным ответом Рована был кинжал, влетевший в стену почти рядом с ухом черноглазого.

Глава 22

Дорин не видел, когда Рован успел метнуть кинжал. Лезвие застряло в деревянной стене. Эфес еще дрожал, настолько сильным был бросок.

Фэец, которому предназначался кинжал, был воплощением мужского обаяния. Дорин залюбовался его бронзовой кожей. Бросок его ничуть не испугал.

- И с длинными волосами ты был более метким, - ехидно усмехнулся фэец.

Кожа второго фэйца имела другой оттенок. В его желтовато-рыжих глазах отражалось спокойствие.

- Рован, перестань бросаться в нас кинжалами, - сказал он, поднимая широкие сильные руки, сплошь покрытые татуировкой. - Мы здесь не из-за тебя.

Предупреждение было не напрасным. Рован и впрямь намеревался устроить сражение. Дорин не видел, когда он успел встать. Одна рука фэйского принца сжимала меч, вторая - изящный боевой топор.

Магия продолжала бурлить в жилах Дорина. Он внимательно разглядывал фэйцев. Получалось, Рован их откуда-то знает. И их магия ему тоже знакома.

Дорин далеко не сразу привык к особенности магии Рована. Но когда она усилилась втрое... Пропасть, которую он считал очень глубокой, стала бездонной. Трое фэйцев могли разметать Бухту Черепов похлеще любого урагана. Интересно, признавал ли это Рульф?

- Я так понимаю, вы знакомы, - сухо произнес пиратский король.

Фэец со спокойными глазами кивнул. Присмотревшись, Дорин увидел, что их цвет не рыжий, а золотистый. Одет он был неброско: одежда того же покроя, какой предпочитал Рован. Никаких кружев и украшений. В таком одеянии удобно сражаться. Мускулистую шею фэйца окружала черная узорчатая татуировка. Хорошо, что Дорин видел ее вблизи. Вдали узоры сливались, и их вполне можно было принять за черный ошейник.

- Гарель и Фенрис... прежде занимались со мной одним делом, - нехотя сообщил Рован.

Глаза Рульфа беспокойно перемещались между фэйцами, взвешивая и оценивая возможные последствия.

Фенрис. Гарель. Пока плыли сюда, Рован несколько раз произносил их имена... Двое соратников фэйского принца.

– Они принесли Маэве клятву на крови, – пояснил Рован, обращаясь к Дорину. – Как и я когда-то.

Это означало, что оба фэйца находились здесь по приказанию Маэвы. И если древняя королева отправила сюда сразу двоих... Их трое, если считать Лоркана.

Рован нехотя убрал оружие.

– А какие у вас дела с Рульфом? – сквозь зубы спросил он.

Дорин потихоньку втянул свою магическую силу внутрь:

– Они привезли мне новости, о которых я недавно упоминал.

– А мы спустимся вниз перекусить, – сказал Фенрис, сверкая черными голодными глазами. – Не возражаешь?

Не дожидаясь ответа, он нырнул в коридор и исчез.

– Это долгая история, Рован, – сказал Гарель. – Но ты и король Адарлана должны ее услышать.

Гарель кивнул в сторону полуоткрытой двери:

– Ты же знаешь, каким чокнутым бывает Фенрис, когда голоден.

– Я все слышал! – донеслось из коридора.

Дорин сдержал улыбку, решив подражать поведению Рована. Но фэйский принц лишь слегка кивнул Гарелю, показывая, что готов слушать.

Однако все встали и молча направились вниз. По пути к залу никто, даже Рульф, не проронил ни слова. Подавальщицы за стойкой не было. О ее присутствии напоминала лишь шеренга сверкающих бокалов. На столе, за которым привык обедать Рульф, стояла большая кастрюля. Из-под крышки шел пар. Пахло тушеной рыбой. Фенрис уже сидел за столом, дожидаясь остальных.

Гарель сел рядом с Фенрисом. Рован не торопился усаживаться за стол. Он остановился посередине зала. Кажется, Гарель собирался его о чем-то спросить и подбирал слова. Может, опасался неуместным вопросом вызвать гнев Рована? Через мгновение Дорин понял причину:

– Аэлина Галатиния тоже с вами?

Теперь Дорин не знал, на кого смотреть: на фэйских воинов, готовых взяться за еду, на застывшего Рована или на такого же застывшего Рульфа. Пиратский капитан стоял, прислонившись к перилам лестницы. Он еще не знал, что королева – его давний злейший враг.

- Мы прибыли вдвоем, - коротко ответил Рован, показывая, что сказал все.

Фенрис удивленно вскинул брови, но ничего не ответил и взялся за еду. Его серый камзол был расстегнут. В вырезе белой рубашки виднелась такая же бронзовая мускулистая грудь. Лацканы камзола украшала золотистая вышивка - единственный признак достатка.

О своих соратниках Рован рассказывал скупно, и Дорин всякий раз ощущал, что лучше ни о чем не спрашивать. Чувствовалось, весной между ними что-то произошло и расстались они отнюдь не по-дружески. Похоже, это было связано с самим Рованом.

Гарель встал и принес еще пару стульев, почему-то взяв те, что находились ближе к выходу. Дорину показалось, что из соратников Рована он самый уравновешенный.

Рован не двинулся с места. Даже не верилось, что фэйский принц провел бок о бок с соратниками не одну сотню лет. Они вместе уходили воевать, вместе возвращались. Наверное, это позволяло Ровану обойтись без дипломатии.

- Так я жду обещанные новости.

Фенрис и Гарель переглянулись. Первый выпучил глаза и качнул ложкой, показывая, что его соратник лучше справится с этой задачей.

- К Эрilee плывет армада Маэвы.

Дорин не знал, как бы новость подействовала на его желудок, если бы там уже что-то было.

- Эта сука снюхалась с Моратом? - угрюмо спросил Рован.

Глаза фэйского принца повернулись к Рульффу. Взгляд их был ледяным.

- И ты тоже вошел в союз с нею?

- Нет, - ответил за Рульфу Гарель.

Рульф, надо отдать должное его выдержке, лишь пожал плечами:

- Я же тебе говорил, что вообще не хочу участвовать в этой войне.

- Маэве не свойственно делиться властью, - невозмутимо произнес Гарель. - Но перед нашим отъездом она готовила армаду. Корабли взяли курс на Эйлуэ.

- Почему Эйлуэ? - не удержался от вопроса Дорин. - Может, она решила им помочь?

Судя по выражению лица Рована, фэйский принц уже лихорадочно прокручивал в уме все, что могло иметь отношение к более чем странному шагу его бывшей королевы. Дорин пытался успокоить бешено колотящееся сердце. Фэйцы с их обостренным слухом могли услышать, как оно бьется.

– Сомневаюсь, что она кому-нибудь пошлет помощь, – бросив ложку, сказал Фенрис. – И уж точно не этому континенту. Почему – мы не знаем. Нам Маэва ничего не говорила о своих намерениях.

– Странно, – удивился Рован. – Такие сведения она никогда не утаивала от нас.

Черные глаза Фенриса вспыхнули.

– Это было прежде, пока ты не унижил ее, уйдя вместе с Аэлиной. И пока Лоркан не сбежал. Теперь она никому из нас не доверяет.

Эйлуэ... Маэва наверняка знала, насколько дорого Аэлине это южное королевство. Но отправить туда целую армаду... Причина должна быть иной, куда более серьезной. Дорин стал перебирать в памяти все, что слышал и читал о том королевстве. Никаких догадок у него не появилось.

– Маэве не верится, что она способна завоевать Эйлуэ, – сказал Рован. – Завоевать на длительный срок. Она готова направить туда все свои силы, оголив защиту собственного королевства.

Дорин по-прежнему не понимал маневра Маэвы. Но если армада оттянет на себя часть сил Эравана, в этом есть какой-то смысл, как бы дорого ни стоила королеве ее затея.

– Опять-таки подробностей мы не знаем, – сказал Фенрис. – Ему мы рассказали об этом... – Фэйский воин кивнул в сторону лестницы, где продолжал стоять Рульф. – Из любезности. Предостерегли на всякий случай... среди прочего.

А если бы они с Рованом не приплыли сюда, простерлась бы любезность его соратников до Адарлана и Террасена? И что значит «среди прочего»?

– Я должен немедленно отправить послания, – глядя на Рульфа, сказал Рован.

Рульф лениво рассматривал трещины и потертости на своих перчатках.

– Зачем торопиться? Разве получательница твоих посланий не появится здесь сама?

– Что? – насторожился Рован.

Дорин почувствовал: фэйскому принцу вопрос не понравился. Он даже улавливал гнев Рована.

Рульф улыбнулся:

– По слухам, Аэлина Галатиния на Вендалине уничтожила генерала Наррока и всех солдат, что были с ним. И совершила она этот подвиг не одна, а вместе с неким фэйским принцем. Внушительная победа, ничего не скажешь.

Рован оскалил зубы:

- К чему ты клонишь, капитан?

- Я просто хочу спросить, ожидает ли ее величество королева огня большого парада в честь своего прибытия?

Дорин сомневался, что Рульффу понравится другой ее титул - адарланский ассасин.

Рован глухо зарычал:

- Я же сказал, она не собирается в эти края!

- Да ну? Тогда я чего-то не понимаю. Ее возлюбленный спасает адарланского короля, которого почему-то везет не на север, а сюда. И я должен верить, что мне вскоре не придется принимать и террасенскую королеву?

Услышав слово «возлюбленный», Рован бросил убийственный взгляд на Фенриса. Обаятельный фэец (у Дорина не находилось других слов, хотя он был равнодушен к мужской красоте) невозмутимо пожал плечами.

Рован, совладав с гневом, обратился к Рульффу:

- Аэлина попросила меня привезти сюда короля Дорина, чтобы мы вместе убедили тебя встать на нашу сторону. Но раз ты не собираешься вставать ни на чью сторону, мы лишь напрасно потратили время. Пользы тебе от нас никакой, да и нам от тебя тоже, раз ты даже не в состоянии отправить посланников. Так что не смеем отнимать время.

Это был вызов. Фенрис мрачно засмеялся. Гарель перестал есть. Рульф прошипел:

- Мне наплевать, кто ты и какой силой обладаешь. Никто не смеет мне приказывать на моей земле.

- А я бы посоветовал тебе заранее научиться выполнять чужие приказы, - сказал Рован.

Ледяное спокойствие, которым веяло от Рована, испугало Дорина сильнее, чем если бы фэйский принц дал выход своему гневу. Ему захотелось бежать отсюда.

- Если Морат победит в войне, им быстро надоест, что ты мельтешишь у них перед глазами и разыгрываешь из себя короля Мертвых островов. Твои корабли погонят из каждой гавани. Тебе перекроют торговлю с городами, от которых ты всегда зависел. Ты лишишься покупателей. Никакие торговцы не захотят ссориться с моратскими властями. Сомневаюсь, что Маэва тебе поможет. Вряд ли она вообще вспомнит, кто ты такой.

Рульфу задело за живое.

- Если нас выдавят с этих островов, мы поплывем к другим, третьим, десяткам. Океан - мой дом родной. Среди волн мы всегда будем свободны.

– Едва ли можно назвать свободой твое нынешнее положение. Ты заперся в своей таверне и опасаясь убийц, одержимых валгскими демонами.

Рульф стиснул кулаки. Дорин подумал, не схватится ли предводитель пиратов за рапиру. Обошлось.

– Встретимся здесь завтра, в одиннадцать, – сказал Рульф Фенрису и Гарелю.

Затем он исподлобья посмотрел на Рована и отчеканил:

– Можешь отправлять любое количество своих чертовых посланий. Я согласен терпеть твое присутствие в моем городе, пока не появится твоя королева. В ее появлении я не сомневаюсь. Тогда я послушаю, что легендарная Аэлина Галатиния скажет от себя. А пока... прочь отсюда!

Он снова повернулся к Фенрису и Гарелю:

– С принцами можете общаться там, где они остановились.

Рульф стремительно распахнул дверь. За нею виднелась стена дождя и четверо молодых, но помятых жизнью парней. Они успели промокнуть. Как и в коридоре, их руки замерли на эфесах мечей. Однако Рульф не позвал их. Лишь указал троим фэйцам и Дорину на дверь.

Рован молча взглянул на него, затем коротко бросил бывшим соратникам:

– Идемте.

Обоим хватило ума не спорить.

Дело принимало скверный оборот. На редкость скверный.

Ровану не хватало магических сил, чтобы соорудить над собой и Дорином защитный купол. Но Фенрис и Гарель ничего не должны знать о его изможденном состоянии. То, что обычно он делал не задумываясь, сейчас требовало изрядных усилий. Об этом они тоже не должны знать.

Возможно, Рульф больше не захочет иметь с ними никаких дел. Никакого союза против Эравана и Маэвы. Особенно когда увидит Аэлину. Будь она здесь, после такого разговора и от таверны, и от любимого корабля Рульфа остались бы только горки пепла. Но эти морские драконы.. И армада Маэвы.. О таких вещах надо думать на свежую голову. Сейчас все равно в его голове нет ничего, кроме растерянности и злости.

Хозяйкой «Океанской розы» была серьезная женщина, не задающая лишних вопросов. Рован спросил две самые лучшие комнаты, какие имелись в ее заведении. Золото, выложенное на конторку, впечатлило хозяйку. Этих денег с лихвой хватало на оплату двухнедельного жилья, пищу, места в конюшне для лошадей, если таковые появятся у господ постояльцев, а также на неограниченную стирку белья. Последнее, если учесть их бегство из Рафтхола и плавание сюда, было совсем не лишним.

Хозяйка добавила, что он может принимать любое число гостей. Рован немедленно этим воспользовался, позвав Гареля и Фенриса.

Во внутреннем дворе журчал фонтан. Ветер раскачивал пальмы в кадках и стебли малиново-красных бутенвиллей. Они покрывали белые стены, цепляясь за решетки балкончиков. Ставни на всех окнах были плотно закрыты.

Рован распорядился, чтобы еду им подали в комнату. Поданного четверым хватило бы и на восьмерых. Миновав тускло освещенный столовый зал, они поднялись на второй этаж. Лестница и перила были на удивление чистыми. У Фенриса хватило сообразительности не раскрывать рта, пока не пришли в комнату Рована. Рован зажег несколько свечей, израсходовав последние остатки магической силы.

Фенрис опустился в мягкое кресло возле холодного очага. Его палец скользнул по черному лакированному подлокотнику.

– Какое шикарное пристанище. И кто из особ королевской крови платит за эту роскошь?

Дорин, присмотревший себе место у столика между окнами, сжался. Гарель выразительно посмотрел на Фенриса. «Давай без стычек», – говорил его взгляд.

– Какая разница, кто платит? – равнодушно спросил Рован.

Он тщательно обследовал все стены, приподнял тяжелые рамы картин с изображением сочной растительности. За картинами вполне могли находиться дырки для подслушивания и даже дверцы. Потом он полез под кровать, устланную белоснежными простынями. Кровать имела балдахин, столбики которого были оплетены черной шерстью. В блеске свечей она казалась живой. При мысли, что Аэлина будет делить с ним эту комнату и кровать... Рован запретил себе думать о подобных вещах. Не время.

Комната была вполне безопасной и на удивление спокойной. А по крышам и ставням продолжал барабанить дождь. В воздухе пахло сладкими фруктами. Закончив осмотр, Рован прислонился к невысокому комоду рядом с дверью.

– Мне все равно, кто платит, – промурлыкал Фенрис, продолжая разговор, которого Ровану очень хотелось избежать. – Но война стоит еще дороже. Учитывая вчерашний указ из Мората... наверное, стоило бы перебраться в жильё поскромнее.

Итак, Фенрис и Гарель уже знали, что Эраван сместил Дорина и объявил всех его союзников своими врагами.

– Фенрис, ты бы не совал нос в чужие дела, – урезонил его Гарель.

Фенрис, словно не слыша, хмыкнул и принялся играть локоном.

– Боярьшник, для меня всегда было загадкой, как ты ухитришься таскать на себе столько оружия.

- А для меня всегда было загадкой, почему тебе еще никто не отрезал язык, поскольку иного способа прекратить твою болтовню не существует.

Фенрис натянуто хихикнул:

- Мне говорили, что это мое лучшее качество. Во всяком случае, женщины так думают.

Теперь засмеялся Дорин. До сих пор Рован не слышал его смеха.

- Вы лучше расскажите, как вам удается скрывать ваш запах?

Золотистые глаза Гареля потемнели.

- Новая уловка Маэвы. В краях, где от нас не в восторге, мы теперь можем оставаться почти невидимыми. Правда, не для всех, - добавил он, кивнув в сторону Дорина.

- А теперь я с удовольствием послушаю, почему вы оба оказались здесь и зачем втянули Рульфа в... даже не знаю, как назвать.

Фенрис поморщился:

- Рован, у тебя есть все, что тебе нужно, но ты по-прежнему редкостный придурок. Лоркан бы на твоём месте гордился.

- Кстати, где Коннал? - насмешливо спросил Рован о его брате-близнеце.

- Где ему, по-твоему, быть? - буркнул Фенрис. - Один из нас всегда служит якорем.

- А ты бы поменьше выказывал недовольство. Глядишь, она бы и поменяла свою привычку.

Фенрис всегда досаждал Ровану. Рован и сейчас помнил, как на Вендалине этот болтун добивался, чтобы обучение Аэлины Галатинии поручили ему. Фенрис обожал все красивое и необузданное. Он бы видел в Аэлине совсем не то, что надлежит видеть обучающему... Маэва избавила его от подобной пытки.

Но сейчас Фенрис испытывал другие мучения. Сам он был далеко от Маэвы, недостижимый для ее когтей. Зато в Доранелле оставался его брат. И потому, если вдруг Фенрис не вернется... Коннал понесет невыносимые кары. На этом Маэва когда-то их и поймала. У фэйцев редко рождаются дети, а близнецы - и того реже. И когда близнецы, с детства одаренные силой, достигают зрелости и своим влиянием превосходят опытных воинов, которые на сто-двести лет их старше...

Маэва жаждала заполучить их к себе на службу. Фенрис решительно отверг ее предложение. Тогда она взялась за Коннала, бывшего оборотной стороной своего брата. Если Фенрис был светом, то Коннал - сумраком. Фенрис любил хохотать во все горло. Коннал говорил мало. Фенрис отличался безрассудством, Коннал был рассудителен.

Фенрис легко добивался желаемого, будь то женщины, слава, богатство. Коннал, не уступавший ему ни силой, ни навыками, постоянно находился в тени своего удачливого брата-близнеца. Фенрису, а не Коннала отправили воевать с аркадианцами. Пока он отсутствовал, Маэва убедил Коннала принести ей клятву на крови..

Вернувшись с войны, Фенрис узнал и о кровной клятве, и о том, к чему королева принуждала брата за закрытыми дверями своих покоев. Фенрис сказал Маэве, что сам поклянется на крови в обмен на освобождение Коннала от клятвы. Она согласилась, и Фенрис уже более ста лет прислуживал в королевской спальне. Он сидел возле ее темного трона, скованный невидимыми кандалами.

Рован симпатизировал Фенрису, но относиться к нему с уважением мешала невероятная болтливость последнего.

Понимая, что толком не ответил на вопрос Рована, Фенрис задал новый:

- Скоро мы будем величать тебя королем Рованом?

- Побойся богов, Фенрис, - устало вздохнул Гарель. Эта усталость насчитывала не один десяток лет. И раньше чем неисправимый болтун ляпнет еще что-то, добавил: - Твое появление, Рован, я считаю счастливым поворотом событий.

Рован посмотрел на него. Теперь Гарель являлся непосредственным заместителем Маэвы.

- Где Лоркан? - спросил Гарель.

Едва увидев их с Фенрисом, Рован знал: рано или поздно его обязательно спросят про Лоркана. И вот Гарель спросил.. Но все-таки зачем они здесь, в Бухте Черепов?

- Я не знаю, - сказал Рован.

Это не было ложью. При удачном ходе событий его прежний командир добудет два Ключа Вэрда, поймет, что Аэлина его обманула, и помчится к ней, сознавая необходимость уничтожения всех трех Ключей.

Вот именно, при удачном ходе событий.

- Ты не знаешь, где он, но ты его видел, - уточнил Гарель.

Рован кивнул.

- Может, перестанем играть в недомолвки? - фыркнул Фенрис. - Перестань морочить нам голову и выкладывай, что тебе известно.

Рован выразительно посмотрел на Фенрису, придавив того взглядом. Белый Волк Доранеллы, как называли Фенрису, в долгу не остался. Хорошо еще, что здесь нет Эдиона.

– Надо понимать, вы явились сюда по приказанию Маэвы, упреждая армаду? – спросил он.

– Наше появление никак не связано с армадой, – покачал головой Гарель. – Она послала нас выследить Лоркана. Ты знаешь, какое преступление он совершил.

Сам Лоркан считал это деянием любви. Пусть и извращенной, какой была вся его любовь. Он и Маэву любил извращенным образом.

– Лоркан утверждал, что действует исключительно в интересах Маэвы, – небрежно произнес Рован.

Он ни на мгновение не забывал о присутствии Дорина. Молодой король умел очаровательно улыбаться, но мало кто знал, какой острый ум скрывается за этой очаровательной и порою обезоруживающей улыбкой. Самой сильной стороной Дорина была даже не его поразительная магия, а его ум. Он сразу уловил страх Рульфа перед валгами и понял: Аэлина сможет умело на этом сыграть.

– Лоркан всегда отличался взбалмошностью и своеволием, – зевнул Фенрис. – Но в этот раз он перешел черту.

– Так она вас послала, чтобы вернуть Лоркана?

Рован вдруг вспомнил, как покрывал шею Гареля узорами татуировки. Сейчас они вздрагивали от каждого слова:

– Нас послали выследить его и убить.

Глава 23

Боги милосердные. Рован оцепенел от этих слов.

– Теперь понятно, почему вы тут вдвоем.

Фенрис убрал со лба золотистый локон:

– Нас послали втроем. Ваган вчера улетел на север, а мы отправились на юг, сюда.

Ваган, умевший оборачиваться скопой, больше подходил для разведки в суровых условиях севера.

– В этом вонючем городишке мы пытаемся узнать, не ведет ли Рульф дел с Лорканом. Подкинули пиратскому королю золотишка, чтобы известил нас, если

Лоркан появится. А он непременно появится. Где еще он сумеет беспрепятственно нанять корабль?

Фенрис был прав: Бухта Черепов – одна из немногих гаваней, где можно нанять корабль, не отвечая на лишние вопросы.

– Мы Рульффу сообщили об армаде Маэвы не просто так. Надо же было убедить этого дурня нам помочь. Отсюда легко добраться до южной части континента и начать охоту. А поскольку даже эта часть достаточно велика... – Фенрис хищно улыбнулся, сверкнув белыми зубами. – Любые предположения и намеки относительно местонахождения этого мерзавца будут восприняты с величайшей признательностью. Вот так-то, принц.

Насчет «величайшей признательности» Рован сомневался. Но если они схватят Лоркана и у его бывшего командира окажется хотя бы один Ключ Вэрда... Если они притащат Лоркана вместе с Ключом к Маэве, тем более что она уже плывет с армадой к берегам Эйлуэ – какие бы причины ни подвинули ее на это плавание...

Рован пожал плечами:

– Я всю весну отмывался от бывлой службы у Маэвы. Что там у Лоркана на уме – не знаю и знать не хочу. Это его дело.

– Ну ты и гнусь, – процедил Фенрис.

– Попридержи язык! – перебил его Гарель. – Может, сумеем договориться?

В глазах Гареля мелькали боль и сожаление. Да и Фенрис, как бы ни хорохорился, тоже сожалел. Гарель был его единственным другом.

Рован не знал, стоит ли рассказать Гарелю про его сына, который сейчас тоже держал путь сюда. Интересно, захочет Эдион увидеться с отцом... пока война не оборвала жизни их всех?

Но вслух он сказал другое:

– Маэва что же, позволила вам вести переговоры от ее имени?

– Мы получили от нее лишь приказ выследить Лоркана и убить его любым способом, – нехотя признался Фенрис. – Твою королеву она вообще не упоминала. Так что в какой-то степени да – мы можем вести переговоры.

Рован усмехнулся:

– То есть вы мне предлагаете сделку. Хорошо. Вы мне пришлете сюда целую армию из Доранеллы, и тогда я расскажу, где Лоркан и куда собирается.

– Мамкины титьки, Рован! – громко расхохотался Фенрис. – Даже если бы мы и захотели, армада уже плывет.

– Тогда мне хватит помощи вас двоих.

Дорин изо всех сил старался скрыть свое удивление. Бывшие соратники Рована были ошеломлены.

Фенрис снова засмеялся:

- Что-о? Работать на твою королеву? Участвовать в ее сражениях?

- А не этого ли тебе хотелось? - невозмутимо спросил Рован, буравя его взглядом. - Ты месяцами рвался с поводка, желая служить моей королеве. Теперь у тебя есть такая возможность.

Фенрис перестал улыбаться. Дорину показалось, что он даже побледнел.

- Рован, ты и впрямь мерзавец.

Рован повернулся к Гарелю:

- Полагаю, Маэва не называла сроков выполнения своего приказа.

Гарель слегка кивнул:

- И, помогая мне, никто из вас не нарушит своих обязательств.

Клятва на крови имела целый ряд особенностей. Прежде всего, чтобы повелевать тем, кто принес такую клятву, требовалось его близкое присутствие. А на большом расстоянии... естественно, вассалы Маэвы и там должны были подчиняться ее приказам, но у них появлялась возможность обращать себе на пользу любые лазейки в формулировках.

- К тому времени когда ты решишь, что мы выполнили свою часть сделки, Лоркан может улизнуть неведомо куда, - возразил Фенрис.

Рован улыбнулся одними губами:

- Тут такое дело... Рано или поздно Лоркан обязательно вернется ко мне. К моей королеве. Таков путь, который он избрал. Трудно сказать, сколько времени ему понадобится, но он разыщет нас. И тогда он будет вашим. О грядущей войне говорят очень давно. Тысячу лет, если не больше. А ты никогда не уклонялся от сражений.

- Война хороша, если на ней уцелеешь. Как насчет дара Брэннона? Сколько сможет одно пламя продержаться против стгушающей тьмы? Маэва не сообщила, почему армада плывет именно в Эйлуэ, но она хотя бы рассказала, кто на самом деле правит Моратом.

Еще идя к Рульффу в «Морской дракон», Рован пытался понять, какой бог наслал эту бурю не раньше и не позже, а в день их прибытия сюда.

Ранней весной он с соратниками легко одолели легион адарланских сил. И даже если бы тогда не было Лоркана, Вагана и Коннала... Один фэйский воин стоит сотни человеческих солдат. Может, и больше.

Террасену нужна армия. Трое фэйских воинов – громадная сила. А чтобы воевать против воздушной армии Железнодорожных ведьм, нужна фэйская сила, быстрота и сотни лет боевого опыта.

В прошлом они по приказу Маэвы покоряли королевства и уничтожали города. Начинали и оканчивали войны.

– Десять лет назад мы и не подумали остановить адарланское вторжение. Если бы Маэва тогда послала армию на Эрилею, события приняли бы совсем иной оборот. Но она палец о палец не ударила, и наших собратьев зверски убивали, охотясь на них, как на дичь. Маэва допустила страшную трагедию, разозлившись на мать Аэлины, поскольку та не захотела плясать под ее дудку. Да, моя королева, мое Огненное Сердце, – единственная пламя в море тьмы. Но она, Фенрис, рвется в бой. Она готова сражаться с Эраваном, Маэвой и даже с богами, если это принесет континенту мир.

Дорин сидел, прикрыв глаза, словно дремал. Однако Рован знал: молодой король ловит каждое слово. В грядущей войне его роль будет очень велика. Увы.. Дорин до сих пор не имел надлежащей выучки. Он прошел через ужасные испытания, но они не могли заменить опыта сражений.

– Только не забывайте: Аэлина всего одна, – продолжал Рован. – Ее дара может оказаться недостаточно для победы.

Он взглянул на Фенрису, затем на Гареля:

– Одна, без поддержки, она погибнет. А если ее пламя погаснет, мы обречены. Другого шанса у нас не будет. Аэлина – надежда всех стран и континентов. С ее гибелью погибнет и весь мир.

Ровану казалось, что он не слова произносит, а глотает яд. Мысль о возможной гибели Аэлины отзывалась болью во всем теле. Случись такое, жизнь потеряет для него всякий смысл.

Гарель и Фенрис смотрели друг на друга, переговариваясь мысленно. Ровану не хотелось прислушиваться к их мыслям. У него в запасе была еще одна карта, которая поможет склонить их на свою сторону. На Гареля это должно подействовать.

Пусть Маэва не обозначила им сроки выполнения приказа. Но вольности в его толковании были чреватые суровыми наказаниями. Такое уже случалось, и у каждого из троих остались шрамы «на память». Это знал Рован, это знали и Гарель с Фенрисом. Гарель едва заметно покачал головой. Оставалось лишь вслух произнести «нет». Но Рован его опередил:

– Гарель, если ты откажешься участвовать в войне, то погубишь своего сына.

Гарель застыл с разинутым ртом.

– Ну ты хватил, – пробормотал Фенрис.

Даже Дорин встрепенулся.

Рован представлял, насколько обозлится Эдион.

– Подумай над моим предложением. Но знай: твой сын тоже направляется в Бухту Черепов. Возможно, ты повременишь с решением до тех пор, пока не встретишься с ним.

– Кто...

Ровану показалось, что Гарель перестал дышать. Его руки плотно сомкнулись в кулаки, отчего выступили все шрамы на костяшках пальцев.

– У меня есть сын?

Рован где-то соглашался с Фенрисом. Да, он действительно мерзавец, а не герой, каким его считала Аэлина. Он кивнул.

Рано или поздно эти сведения все равно выплыли бы наружу.

Если бы Маэва узнала об этом первой, она бы послала своих вассалов, приказав им убить или выкрасть Эдиона. Но вместо ловушки для террасенского генерала Рован устроил ловушку его отцу. Все зависело от того, насколько велико желание Гареля увидеться с сыном и.. насколько они с Фенрисом страшатся гнева Маэвы, если не найдут Лоркана.

– Пока они не приплыли, не суйтесь в наши дела, а мы не сунемся в ваши.

Рован понимал: он совершил опасный маневр. После таких слов опасно было даже встать спиной к прежним соратникам. Но Рован немного отдохнул и мог удерживать свою магическую защиту. Она его предупредит о малейшей опасности. Рован молча открыл дверь, показывая, что разговор окончен. Ему надо успеть многое сделать. Прежде всего, отправить предостережения в Эйлуэ и Террасен. А потом думать над тем, как им воевать на два фронта.

Гарель встал. Лицо у него было бледным и осунувшимся, словно после проигранного сражения.

Рован видел: Дорин догадался, о ком шла речь. Правда, молодой король тут же снова прикрыл глаза, но от Рована не укрылся проблеск понимания. Между Аэлиной и Эдионом было немало сходства, однако улыбка Эдиона сразу выдавала его происхождение. Гарель мгновенно узнает сына... если еще раньше не почует его запах.

Фенрис положил Гарелю руку на плечо. Они вместе побрели к двери. Для Рована и Фенриса Гарель был уравнивающей силой. И сдерживающей тоже, иначе они бы не раз вцепились друг другу в горло.

– Если вы хотя бы намекнете Маэве о сыне Гареля, нашей сделке конец, – сказал бывшим соратникам Рован. – Вы никогда не найдете Лоркана. А если он появится... я с радостью помогу ему убить вас.

Рован молил богов, чтобы до этого не дошло. Он знал, каким жестоким и опустошительным было бы такое побоище. Но война есть война, и проигрывать ее фэйский принц не собирался.

На рассвете «Певец ветра» покинул гавань Илиума. Капитан и команда судна не знали, что двое странных пассажиров, лица которых скрывали капюшоны, вовсе не собирались плыть в Лерибу, эйлуэйскую гавань. Они заплатили золотом, а потому ручной ястреб, которого они взяли на борт, тоже не вызвал нареканий. Если кто-то из матросов и догадывался, что эти двое – не кто иные, как генерал и королева, освободившие накануне город от адарланских солдат, все догадки держались при себе.

Плавание считалось легким, поскольку на всем его протяжении кораблю предстояло двигаться вдоль побережья. У Аэлины на этот счет было иное мнение. Раз капитан заикнулся о легкости плавания, жди неприятных сюрпризов. Еще неизвестно, как они пройдут адарланские воды, в особенности близ Рафтхола. Если ведьмы летают в дозор над морем...

Но другого способа перемещения не было. Щупальца Эравана протянулись по всему континенту. В мозгу Аэлины и сейчас звучали угрозы темного бога найти и схватить Дорина и Рована, а глубокая рана над самым сердцем и сейчас отзывалась болью.

Восходящее солнце расцвечивало бирюзовые воды илиумской гавани золотистыми и розовыми красками. Не придется ли ей в следующий раз увидеть их красными, и совсем не от солнца? Аэлина прогнала тревожную мысль. Ее ночная победа была впечатляющей, но надолго ли это удержит адарланских солдат на своей стороне границы?

Подошел Эдион, завершивший третью по счету проверку:

- По-моему, все в лучшем виде.
- Лисандра говорила, что опасностей нет.

Ястребиные глаза Лисандры, устроившейся на грот-мачте, сразу бы заметили угрозу.

Казалось бы, надо радоваться, но Эдион нахмурился:

- Сама знаешь: у женщин есть способность заставлять мужчин делать то, что им надо.
- У глупых женщин, – парировала Аэлина. – А умным что толку от этого?

Чувствовалось, Эдион собирается затеять спор. Она даже знала его главный довод: ей нужно отойти в сторону, позволив другим (в первую очередь Эдиону) сражаться ради нее. Он мог бы ей напомнить, как все обстояло в Рафтхоле. (Скверно обстояло.) Мог бы сказать про кольца и ошейники –

опасность порабощения была вполне реальной. Наконец, все то, что Эраван проделал с надсмотрщиком в качестве... опыта.

Аэлина смотрела на матросов, снующих по палубе. Ей постоянно хотелось крикнуть им, чтобы пошевеливались. Каждая потерянная минута была подарком Эравану. Шагом, приближавшим его к Ровану и Дорину. Если только их заметят, темному королю тут же будет доложено. От бессилия Аэлина топнула ногой.

Ответом ей была легкая качка. Ей всегда нравился запах и ощущение моря. Но сейчас... даже в плеске волн Аэлине слышалось: «Быстрее, быстрее!»

– А ведь я не один год был в досягаемости и адарланского короля, и Перангтона, – сказал Эдион.

Напряженный голос брата заставил Аэлину повернуться к нему. Эдион вцепился в перила палубы так, что на загорелой коже проступили белые полосы шрамов.

– Оба встречались со мной в Террасене и в Адарлане. Если помнишь, король бросил меня в свою гнусную подземную тюрьму. Но почему-то на моей шее не защелкнули черный ошейник. Черное кольцо, подаренное королем, я заменил искусной подделкой, а он даже не заметил. Что ему мешало сделать меня своим послушным орудием? И ведь он наверняка знал, что ты явишься за мной. Не мог не знать.

– Король долгое время не трогал Дорина. Возможно, его доброта... если это слово здесь уместно... распространялась и на тебя. Наверное, король прекрасно сознавал: если тебя убить, я в отместку отправлю весь мир в преисподнюю. А ему туда не хотелось.

– И ты бы это сделала?

Однажды Рован сказал ей: «Те, кого ты любишь, – это оружие, которое будет обращено против тебя».

– Не трать понапрасну силы, думая о том, что могло бы случиться, но не случилось.

Аэлина понимала, что уклонилась от ответа.

– Я знал, какие ужасы творятся в Эндовьере, – продолжал Эдион. – Но когда я увидел надсмотрщика и услышал его слова... – У Эдиона задергался кадык. – А я ведь был совсем близко от соляных копей. В тот год мы с легионом целых три месяца стояли лагерем у самой границы.

– Еще раз тебе говорю: незачем тратить силы на прошлое. Важно другое: надсмотрщик был послан Эраваном с определенной целью. Темный король знает мое прошлое. Эраван хотел, чтобы мне об этом стало известно. Он показывал: в нужный момент он повернет мое прошлое против меня. Против нас. Если ему понадобится, пустит в ход все, что мы знаем.

– А если бы меня там не было, ты бы потом мне рассказала? – вздохнув, спросил Эдион.

- Не знаю. Ты бы и сам наверняка проснулся от выплеска моей магической силы. Я крепко по нему ударила.

- Такое кого хочешь разбудит, - усмехнулся Эдион.

Над кораблем с криками носились чайки. Убедившись, что угощения ждать бесполезно, птицы исчезли, и на палубе вновь стало тихо.

- Дарро говорил, что ты воевал под Фералисом, - сказала Аэлина, будто забыв, как сама же призывала не возвращаться к событиям прошлого.

Аэлина еще тогда хотела расспросить брата, но не могла решиться.

- Это было давно, - ответил Эдион, глядя не на нее, а на игру волн.

- Но тебе тогда едва стукнуло четырнадцать.

- Да, - только и ответил Эдион, сжимая зубы.

Под Фералисом происходило не сражение. Бойня. Каково было подростку убивать? А смотреть, как гибнут те, кого он знал с детства?

- Представляю, сколько всего тебе пришлось выдержать.

Эдион посмотрел на нее. Ни капли привычной задиристости, ни тени высокомерия.

- Фералис снится мне чаще остальных битв, - признался Эдион, царапая ногтем крошечный камешек, приставший к перилам. - Дарро старался не пускать меня в самое пекло, но нас теснили со всех сторон. Я не мог себе позволить отсиживаться в кустах.

Эдион никогда не признается, что Дарро пытался его оградить.

- Напрасно я спросила. Прости, - шепнула Аэлина, стискивая руку брата.

Больше - ни одного вопроса.

- Я с детства готовился к жизни воина, - пожал плечами Эдион. - Моя судьба была предreshена задолго до Фералиса.

Сколько Аэлина помнила, Эдион постоянно ходил с мечом и щитом.

И опять стало тихо, но тишина была тяжелой и какой-то утомительной.

- Я не упрекаю Дарро за то, что он фактически выгнал меня из Террасена, - сказала Аэлина. - На его месте я бы поступила точно так же.

- А я думал, ты собираешься сражаться против его указа.

- Сражаться - да. Однако... я понимаю, почему Дарро так поступил.

Эдион поглядел на сестру и сурово, по-солдатски, кивнул.

Аэлина дотронулась до висевшего на шее амулета, ощутила его силу. «Найди Замок», – вспомнила она слова Брэннона.

Хорошо, что Бухта Черепов находится по пути к эйлуэйским Каменным Болотам. И еще хорошо, что у предводителя пиратов есть магическая карта, начертанная прямо на ладонях. Карта, показывающая врагов, бури и... скрытые сокровища. Словом, все, что не хочет быть найденным.

Аэлина повернула руки ладонями вверх. На каждой – по шраму. Слишком много данных обещаний и принесенных клятв. Слишком много долгов, как не оплаченных ею, так и другими.

Что-то ждет их в Бухте Черепов... если они сумеют попасть туда раньше Эравана.

Глава 25

Манону Черноклювую разбудил шелест листьев, отдаленные крики потревоженных птиц и тяжелый запах перегноя. Пахло еще чем-то вроде очень старых деревьев.

Она со стоном открыла глаза. Сквозь густые кроны деревьев пробивались пятна солнечного света. Она узнала эти деревья. Ее окружал Задубельный лес.

Манона обнаружила, что по-прежнему находится в седле. Под нею распластался Аброхас. Шея дракона была выгнута так, чтобы следить за дыханием хозяйки. Едва Манона попыталась сесть, темные глаза дракона наполнились ужасом. Ведьма огляделась. Бока дракона были густо покрыты ее голубой кровью. Похоже, сознание она потеряла еще в полете и потом так и лежала на драконьей спине. Долго ли – этого она не знала.

Манона попыталась осмотреть раненый живот и тут же закусил губу, чтобы не вскрикнуть. У нее болели все мышцы. Из живота потекла теплая струйка. Выходит, стоило ей шевельнуться, как раны тут же открылись. Она не помнила, чтобы раны на ее теле затягивались так медленно.

В голове стучала тысяча кузнечных молотов, а во рту было настолько сухо, что язык едва двигался. Но она все равно должна действовать. Прежде всего – выбраться из седла. Насколько возможно, осмотреть раны. Потом добраться до воды.

Где-то совсем близко протекал ручей. Манона отчетливо слышала его шум. Может, Аброхас поэтому и приземлился здесь?

Чуя ее состояние, дракон беспокойно пыхтел. Каждое движение отзывалось болью в животе, но Манона все же прошипела сквозь зубы:

– Угомонись. Я в... лучшем виде.

Она понимала, что врет дракону и себе. Какой там «лучший вид»! Ее состояние нельзя было назвать даже приемлемым. Но она осталась в живых, а это уже что-то.

Все остальное: ее бабушка, отряд Тринадцати, крошанское наследие... С этим она разберется потом. Пока что она одной ногой стоит во тьме, и оттуда надо выбирать.

Манона снова легла на спину дракона. Ей было тяжело дышать. Каждый вдох и выдох сопровождался болью.

Нужно промыть раны и поискать способ остановить кровь.

Вся одежда Маноны состояла из кожаных доспехов и рубашки. У нее не хватало сил разорвать рубашку на бинты. Оставалось уповать на свое бессмертие, на способность крови противостоять заражению.

Оказывается, в ее жилах всегда текла крошанская кровь.

От этой мысли Манона резко села, испытав новый всплеск боли. Она до крови закусила губу, почувствовав во рту привкус меди.

Но она уже сидела. И пусть из ее доспехов капала кровь, внимание Маноны было поглощено пряжками и завязками. Не торопиться. Действовать последовательно. Главное, она жива. Значит, она по-прежнему еще нужна Матери всех ведьм.

Расстегнув и развязав все крепления, удерживавшие ее в седле, Манона смотрела на мшистую землю. Спрыгнуть с Аброхаса. В ее нынешнем положении это будет больно.

Ничего. Нужно сосредоточиться на самом действии. Слегка повернуть туловище. Вот так. Теперь перебросить через драконью спину правую ногу. Манона опять стиснула зубы и едва не заревела от пронзительной боли. Ей еще повезло, что бабушкины ногти не были смазаны ядом. Тогда она вряд ли долетела бы сюда живой.

Впрочем, достаточно и того, что ногти бабушки были все в зазубринах и ржавчине.

Большая голова ткнулась ей в колено. Аброхас опустил шею. Дракон понимал состояние хозяйки, предлагая Маноне не спрыгнуть, а соскользнуть по его шее вниз.

Манона тоже понимала: глупо отказываться от помощи, когда она в любое мгновение может снова потерять сознание. Морщась от жгучей боли, ведьма сползла к драконьей голове. Дыхание Аброхаса приятно согревало озябшую кожу. Дракон с величайшей осторожностью опустил ее на мох.

Манона лежала на спине. Аброхас обнюхивал ее и едва слышно поскуливал.

- Я в... лучшем... - выдохнула она.

Она снова очнулась. В лесу вечерело.

Рядом лежал свернувшийся калачиком Аброхас. Одно крыло он выставил, соорудив над Маноной нечто вроде навеса. Это защищало от вечерней прохлады, но не могло защитить от жажды.

Манона застонала. Крыло сейчас же отодвинулось, и она увидела чешуйчатую голову с встревоженными глазами.

- Тоже мне... насадка! - проворчала Манона.

Просунув руки под спину, она попыталась сесть.

Нет, это что-то невообразимое. Или богов вообще нет, или они почему-то крупно на нее рассердились, раз допускают такое.

Главное, уже не лежит, а сидит.

Вода. Добраться до ручья. Аброхас слишком крупный. Ему не протиснуться между деревьями. А ей нужна вода, и как можно скорее. Сколько дней провела она в таком состоянии? Сколько крови потеряла?

- Помоги, - шепнула она дракону.

Сильные челюсти захватили воротник ее доспехов, сделав это с такой умопомрачительной осторожностью, что Манона едва удержалась от слез. Она шаталась, крепко держась за чешуйчатую шею, но стояла на ногах.

Утолить эту дикую жажду, и тогда можно спать дальше.

- Жди здесь, - сказала она дракону и побрела к ближайшему дереву, зажимая раненый живот.

Рассекатель Ветра по-прежнему висел у Маноны на поясе. Меч был лишним грузом, но отстегнуть его, а потом снять... Столько движений, каждое из которых принесет ей новую боль.

И потому Манона, как могла, проталкивалась между деревьями, вонзая ногти в кору стволов. Только бы не упасть. Единственными звуками в сумеречном лесу было ее сбивчивое, хриплое дыхание.

Она - жива. Жива...

Ручей, издали казавшийся Маноне широким, оказался маленьким ручейком, петляющим между замшелыми валунами. Зато вода в нем была чистой и прозрачной. Никогда еще ведьму так не радовала встреча с ручьем.

Она сощурилась, глядя на воду. Чтобы напиться, нужно встать на колени. Но тогда сумеет ли она снова подняться? Можно и уснуть на берегу ручья. Но сначала пить... пить.

Все мышцы Маноны дрожали от напряжения, когда она с величайшей осторожностью встала на колени. Казалось, ее ранили только что – такой отчаянной была боль в животе. Стоило ей склониться над ручьем, как из-под доспехов показалась новая струйка крови. Кусая губы, чтобы не закричать, Манона зачерпнула воды.. Несколько первых горстей она выпила залпом и без передышки, затем стала пить медленнее. Теперь ее живот болел снаружи и изнутри.

Хруст прутика заставил Манону невольно вскочить на ноги. Боль нагнала ее секундой позже. Но глаза Маноны привычно осматривали деревья, камни и холмики.

– Как же далеко унесло тебя от твоего гнезда, Черноклювая, – послышалось с другого берега ручья.

Голос был спокойным, холодным. Манона не представляла, кто из ведьм неожиданно встретился ей в этих глухих местах.

Из-за дерева вышла удивительно красивая молодая женщина. Легкая, гибкая фигура была обнажена, но распущенные темно-рыжие волосы частично прикрывали наготу. Ее кожа отличалась не только безупречной белизной, но и полным отсутствием шрамов. Волосы двигались вместе с нею. Женщина приблизилась.

Она не была ведьмой. А ее голубые глаза...

«Беги! – требовала интуиция Маноны. – Немедленно беги отсюда!»

Маноне был знаком этот оттенок голубого цвета. Так сверху выглядели горные ледники. Красивые глаза незнакомки казались двумя льдинками. Они сверкали даже в сумерках. Яркие полные губы, созданные для любовных утех. Слепительно-белые зубы. Женщина неторопливо разглядывала Манону, ее перепачканные кровью доспехи. Аброхас предостерегающе зарычал. Земля затряслась от его рыка. С деревьев попадали листья.

– Ты кто такая? – хрипло спросила Манона.

Женщина запрокинула голову, совсем как певчая птичка, которая с любопытством разглядывает извивающегося червяка.

– Темный король зовет меня своей Ищейкой.

Манона собрала все оставшиеся силы:

– Никогда про тебя не слышала.

На животе женщины, под белой кожей, что-то мелькнуло и исчезло. Что-то темное и совсем не похожее на кровь. Изящная рука сразу же прикрыла это место.

– А ты никогда бы про меня и не услышала. До твоего предательства меня держали в недрах других гор. Но когда он отточил силу, наполняющую мою кровь...

В холодных голубых глазах, сверливших Манону, мелькнуло безумие.

– С тобой, Черноклювая, он мог бы сделать много чего. Очень много. Он послал меня, приказав вернуть его лучшую наездницу...

Манона попятилась.

– Отсюда не убежишь. Особенно с твоим продырявленным животом.

Ищейка тряхнула рыжей гривой, перебросила волосы через плечо.

– Ох и повеселимся же мы теперь, Черноклювая. Все мы.

Забыв про боль, Манона выхватила Рассекатель Ветра. Фигура женщины засияла, словно черное солнце, затем подернулась рябью и стала расплываться, пока...

Красивое женское тело оказалось всего лишь иллюзией, маскировкой. Теперь перед Маноной стояло существо, рожденное во тьме. Мертвенно-бледная кожа подсказывала, что это исчадие сегодня впервые увидело солнце. Разум, породивший такое чудовище... Он был явно из другого мира, что лишь иногда прорывался сюда через кошмарные сны. Мир, в котором он обитал, был темным, холодным и пустым.

Тело и лицо теперь лишь отдаленно напоминали человеческие. Ищейка. Другого слова не подберешь. Достаточно взглянуть на громадные ноздри, на огромные глаза, лишенные век. Уж не сам ли Эраван вырвал ей веки? А рот... Вместо зубов – почерневшие корни. Язык мясистый и красный, такой, чтобы пробовать ветер на вкус. Из бледной спины гончей выдвинулись крылья. Оставалось лишь захватить Манону и взмыть с нею в небо.

– Видишь? – вкрадчиво спрашивала Ищейка. – Видишь, что он может тебе дать? Я способна чувствовать ветер, проникать в воздушные потоки до самой их сердцевины. Так я учуяла и тебя.

Левая рука Маноны зажимала рану в животе. Правая подняла меч.

– А ты, оказывается, хочешь доставить мне больше удовольствия, чем я думала, – тихо рассмеялась Ищейка.

За словами последовал выпад.

«Я жива, – думала Манона. – И живой останусь».

Манона отскочила назад, проскользнув между двумя деревьями, стоявшими почти вплоты. Но то, что удалось ведьме, не получилось у Ищейки. Та застряла между стволами. Телячьи глаза сощурились от злости. Бледные руки с длинными когтями напрасно царапали кору. Пытаясь вылезти, Ищейка лишь сильнее застревала.

Наверное, Матерь всех ведьм продолжала участвовать в судьбе Маноны.

Крылья только мешали Ищейке. Маноне показалось, что стволы медленно смыкаются. Но проверять ей было некогда. Она побежала туда, где оставила Аброхаса. Боль сопровождала каждый ее шаг. Манона всхлипывала сквозь зубы. Сзади слышался треск, хруст и шелест обрываемых листьев.

До Аброхаса оставалось совсем немного. Манона крепко зажимала кровоточащую рану, боясь остановиться даже на несколько секунд, чтобы убрать в ножны Рассекатель Ветра. Дракон уже ждал ее. Манона никогда не видела Аброхаса таким испуганным. Он хлопал крыльями, готовый взлететь.

– Полетели, – шепнула Манона, пытаясь запрыгнуть на драконью спину.

Сзади с глухим стуком упало поваленное дерево. Ищейка все же выбралась из ловушки.

Нет, в ее состоянии ей не то что запрыгнуть – даже не вскарабкаться на спину Аброхаса. Оставалось забраться ему на лапу и, добавив себе боли, терпеть, пока острые когти не подцепят ее, не оторвут от земли и не перенесут к спине.

Внизу, под сапогами Маноны, затрещал воздух. Она не столько видела (слезы мешали смотреть), сколько чувствовала когти Ищейки, тянущиеся к ней. Но посланница темного короля опоздала.

Воля от ярости, Ищейка отошла к краю полянки, намереваясь с разбегу взлететь. И тут Аброхас взмахнул крыльями. С окрестных деревьев на Ищейку посыпались листья и ветки.

Аброхас поймал восходящий поток и стал набирать высоту. Он словно знал, что нужно лететь на юго-восток, к равнинам...

Манона понимала: Ищейка недолго останется на земле. Аброхас тоже это понимал и приготовился к атаке.

Едва над кронами деревьев мелькнуло белое пятно, дракон камнем упал вниз. От его гневного рыка у Маноны зазвенело в голове. Не дав Ищейке увильнуть, Аброхас ударил ее своим могучим хвостом, железные шипы которого были покрыты ядом. Удар достиг цели.

На белые перепончатые крылья Ищейки хлынула черная гнойная кровь.

После удара Аброхас стал снова набирать высоту. Поверженная Ищейка полетела вниз. Возможно, только раненная. Возможно, умирающая. Маноне сейчас было безразлично.

– Я все равно до тебя доберусь! – донесся снизу скрипучий голос.

Эти слова еще долго звенели у Маноны в ушах.

Аброхас сделал всего одну посадку, чтобы хозяйка перебралась с шеи в седло и снова надежно закрепилась там. Небо оставалось чистым: ни драконов, ни Ищейки. В лучшем случае она уже никуда не полетит, а в худшем – будет долго оправляться от полных яда ран.

За спиной Маноны догорала последняя полоска заката.

– К берегу, – сказала она дракону. – В безопасное место.

У нее между пальцами снова текла кровь: обильнее, чем прежде. Через несколько мгновений Манона опять провалилась в темноту.

Глава 26

Пошла третья неделя их пребывания в Бухте Черепов. Казалось, для Рульфа они просто перестали существовать. Все просьбы о новой встрече оставались без ответа. Дорин так и не сумел приспособиться к здешнему жаркому и влажному климату. Ночь приносила лишь видимость прохлады. Нередко Дорин просыпался в поту. Днем он просто отсиживался в «Океанской розе», не рискуя выходить на улицу.

Поскольку Рульф отказывался их видеть, Дорин пытался наполнить дни более полезными занятиями, чем сетования на жару. Утром он упражнялся в магии, избрав тихую полянку среди буйных зарослей, в полутора лигах от города. Хуже всего, что Рован заставлял его одолевать это расстояние бегом – в оба конца. Когда они возвращались на постоянный двор, Дорину предоставлялся «выбор»: перекусить до или после других упражнений, которыми нагружал его неутомимый и неумолимый Рован.

Молодой король не представлял, как Аэлина выдержала несколько месяцев подобной муштры да еще влюбилась в сурового фэйского воина. Скорее всего, она и Рован обладали схожей чертой: обоим нравилось мучить себя и других.

Иногда к занятиям присоединялись Фенрис и Гарель. Правда, они не столько упражнялись, сколько зубоскалили насчет воинских достижений Дорина. В какие-то дни Рован терпел их присутствие, а бывало – рычал и требовал убраться.

Это имело свою причину. Даже здешняя жара не могла изгнать из снов Дорина кошмары минувших месяцев. Тогда липкий пот казался ему кровью Сорши, а прикосновение воротника камзола к шее было невыносимым. Дорин не знал: благодарить ли ему Рована за наблюдательность или ненавидеть фэйского принца за подобную доброту.

Ближе к вечеру, когда спадала жара, Рован тащил его в город. С одной стороны, это тоже было упражнением. Рован учил Дорина передвигаться, не привлекая к себе внимания. В особенности внимания людей Рульфа. Помимо этого, они узнавали новости (включая сплетни и слухи). Рован собирал сведения об армаде пиратского короля. На острове сейчас находилось семеро капитанов его потрепанного флота. Восемь, считая самого Рульфа. Кораблей в гавани – и того меньше. Кто-то сбежал после вторжения валгов, кто-то покоился на дне гавани вместе со своими потопленными судами.

Доходили вести и из Рафтхола. Большая часть города лежала в развалинах. Власть в адарланской столице нынче принадлежала ведьмам. Знать и богатые торговцы устремились в свои загородные поместья, бросив городскую бедноту на произвол судьбы. Ведьмы держали под наблюдением городские ворота и причалы, что исключало всякую возможность незаметного проникновения в Рафтхол. А по Авери из Ферианской впадины приплывали корабли, везшие солдат и странных существ, которые были не прочь поохотиться на городских улицах.

Затевая войну, Эраван рассуждал как опытный стратег. Старался предусмотреть все для сражений на суше и на море. По мнению Рована, корабли, прибывавшие в Рафтхол по реке, были слишком малы для морских битв. Те, что стояли в бухтах Мертвяка, составляли лишь часть армады Эравана. Где же прочие? Куда вдруг подевался адарланский флот?

Ответ на этот вопрос Рован получил в первую же неделю их «гостевания» в Бухте Черепов: залив Оро. Часть флота стояла вдоль северо-западного побережья Эйлуэ, часть пряталась по гаваням Мелисанды. Судя по слухам, тамошняя королева позволяла моратским солдатам беспрепятственно передвигаться в любом направлении. Эраван умело разделил флот, разместив корабли в ключевых местах. Поэтому, как говорил Дорину Рован, им ради сохранения одних преимуществ придется пожертвовать другими. Это касалось мест и союзников.

Дорину очень не хотелось признаваться Ровану, что за все годы, присутствуя на королевских совещаниях, он ничего не слышал об этих замыслах. Сплошные разговоры о политике, торговле и рабах. Теперь понятно: это делалось для отвлечения советников, а также правителей других королевств континента. Пусть увязают в обсуждении второстепенных дел, чтобы не мешать осуществлению главных. И теперь... если Эраван выведет корабли из залива Оро, они поплывут вдоль южных берегов Эйлуэ и будут захватывать каждый прибрежный город, двигаясь на север. Пока не окажутся в Оринфе.

Возможно, боги окажутся благосклонны, и флот Эравана по пути столкнется с флотом Маэвы. А о ее флоте – никаких известий. Не было даже самых туманных слухов о том, куда они плывут и с какой скоростью. И о том, куда подевалась Азлина Галатиния, – тоже ни гугу. Дорин понимал: Рована прежде всего интересовали сведения о его королеве.

Поэтому Дорин и Рован собирали крупницы сведений и вечером возвращались на постоянный двор, чтобы все это обдумать и обсудить, а заодно поужинать. Угощались они креветками с пряностями и вареным рисом, запивая водой с добавлением апельсинового сока. Стаканы стояли прямо на картах, которые им удалось раздобыть в местных лавках. Полученные сведения были в основном из вторых и третьих рук. Матросы в гавани знали не больше уличных шлюх.

Однако матросы, шлюхи и торговцы ровным счетом ничего не знали о судьбе принца Холлина и королевы Гергины. Надвигалась война, а участь избалованного мальчишки-принца и легкомысленной королевы, даже не попытавшейся заявить о своих правах на власть... участь их обоих не волновала никого, кроме Дорина.

В один из особо знойных и душных дней, когда потемневшие небеса предвещали скорую грозу, Дорин отодвинул тарелку с жареной рыбой и сказал Ровану:

– Я чувствую, что устал дожидаться встречи с Рульфом.

Рован звякнул вилкой и тоже отодвинул тарелку. Потом застыл, как умеют застывать фэйцы. Фенрис и Гарель к обеду так и не появились. Их отсутствие и местонахождение его не волновало. Зато Дорину оно было очень кстати.

– Мне нужна бумага и посланец, – объявил Дорин.

Спустя три часа Рульф позвал их всех к себе в «Морской дракон».

Последние дни Рован учил Дорина выстраивать магическую защиту. Дорин окружил себя куполом, который поддерживал и сейчас, когда они вчетвером поднимались по лестнице таверны. Рульф шел впереди.

Замысел Дорина осуществлялся без сучка и задоринки.

Никто не заметил, что письмо, отправленное Рованом после обеда, и письмо, которое позже принесли Дорину на постоялый двор, было одним и тем же.

Зато шпионы Рульфа видели, как менялось лицо Дорина, пока он читал письмо. Так отражалось презрение, страх и гнев. Рован, участвующий в спектакле, ходил взад-вперед и рычал, выказывая недовольство полученными «известиями». Оба постарались, чтобы служанка, убиравшая в коридоре, подслушала их разговор. А в разговоре промелькнула фраза о каких-то сведениях, способных изменить ход войны. Вскользь была брошена и другая фраза: о том, что Рульф может или здорово выиграть на изменившихся условиях, или потерять все.

Телохранители Рульфа внимательно следили за каждым их шагом и жестом. Зримое подтверждение, что замысел сработал. Но Дорин не знал, доволен он или нет. Спасибо, что Гарель и Фенрис не задавали вопросов.

Предводитель пиратов, в выцветшем голубом камзоле, расшитом золотом, остановился перед дубовой дверью кабинета. На руках красовались знакомые старые перчатки. За это время Рульф несколько осунулся. Вид у него был довольно угрюмый. Возможно, станет еще угрюмее, когда узнает, что никаких новостей нет, а все было устроено ради встречи.

Трое фэйцев тоже следили за каждым жестом Рульфа, одновременно вслушиваясь в громкий разговор, который вели на первом этаже первый помощник и квартирмейстер пиратского короля. Все трое обменялись едва заметными кивками. Союзники... во всяком случае, до тех пор, пока Рульф их не выслушал.

– Надеюсь, это не станет напрасной тратой времени, – пробормотал Рульф, отпирая дверь.

Он шагнул в сумрак кабинета и вдруг замер как вкопанный.

Даже при тусклом пламени единственной свечи Дорин без труда разглядел женщину, рассевшуюся за столом Рульфа. Черная, довольно грязная одежда, поблескивающие ножны, а главное – поза. Женщина сидела, уложив ноги на крышку стола.

Руки Аэлины Галатинии были сцеплены на затылке.

– А знаешь, Рульф, этот кабинет мне нравится гораздо больше, чем твой прежний, – сказала она, улыбаясь вошедшим.

Глава 27

Дорин тоже застыл. Рульф быстро оправился от неожиданности и прорычал:

– У меня, Селена Сардотин, хорошая память. И я помню, как однажды тебя предупреждал: еще раз сунешься в мои владения – расстанешься с жизнью.

– И какая радость была бы тебе от этого? – невозмутимо спросила Аэлина.

Руки она опустила, однако ноги по-прежнему лежали на столе, поверх счетов и прочих бумаг пиратского короля.

Рован превратился в статую. Аэлина продолжала улыбаться, ехидно, по-кошачьи. Она неторопливо убрала ноги со стола и теперь уперлась в крышку руками, внимательно разглядывая древесину, словно перед ней была породистая лошадь.

– Привет, ваше величество! – бросила она Дорину.

– Здравствуй, Селена, – ответил Дорин, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее.

Фэйцы наверняка слышали стук его сердца. Рульф резко повернулся к Дорину. Тот намеренно назвал ее этим именем, ибо в кабинете сейчас действительно была Селена Сардотин.

– Смотрю, у тебя осталось меньше половины прежнего флота, – насмешливо продолжала Аэлина. – Миновали твои золотые деньки. Но ты сохранил пристойный облик. Приятно видеть.

– Убирайся с моего кресла, – совсем тихо потребовал Рульф.

Аэлина и не подумала встать. Рована она оглядела с головы до ног. Взгляд был нескрываемо страстным. Лицо фэйского принца оставалось непроницаемым, зато глаза почти пылали. Тайно улыбнувшись Ровану, Аэлина сказала:

- А вот с тобой я незнакома, но не прочь познакомиться.

- К сожалению, я недоступен для подобных знакомств, - ответил Рован.

- Жаль, - улыбнулась Аэлина.

Ее взгляд упал на вазочку, полную мелких изумрудов. «Не надо, не напоминай», - предостерегала ее интуиция. Аэлина взяла оттуда несколько камешков и разложила на ладони, поглядывая то на них, то на Рована.

- Должно быть, твоя избранница - редкая красавица, если ты столь верен ей.

Боги, помогите им всем. Фенрис, стоявший за спиной Рована, даже кашлянул.

Аэлина пододвинула металлическое блюдо и стала бросать туда по одному изумруду, словно они были обыкновенными медяками.

- Должно быть, она умна, - продолжала Аэлина. - Умна (дзынь)... очаровательна (дзынь) и необыкновенно талантлива (дзынь, дзынь, дзынь).

На ладони осталось четыре изумруда.

- Должно быть, твоя избранница - самая удивительная из всех женщин, когда-либо населявших этот и другие континенты.

За спиной снова кашлянули; на этот раз Гарель. Но Аэлина смотрела только на Рована. Она ждала его ответа.

- Да, она обладает всеми качествами, которые ты назвала. И еще множеством других.

Аэлина хмыкнула, с небрежной легкостью катая изумруды по ладони.

- Что... ты... здесь... делаешь? - с расстановкой спросил Рульф.

Аэлина вернула изумруды в вазочку.

- Неужели тебе больше нечего сказать своей давней приятельнице?

Рульф шагнул к столу. Рован весь напрягся. Пиратский король уперся руками в крышку.

- Последнее, что я о тебе слышал... Твоего хозяина убили, а Гильдию ты продала его, так сказать, соратникам. Ты - свободная женщина. Вот я и хочу узнать, что эта свободная женщина делает в моем городе?

Бирюзовые глаза Рульфа требовали ответа. Но ответный взгляд Аэлины был крайне непочтительным и дерзким.

«Интересно, она такой родилась или это – результат жизненных перипетий и обучения?» – подумал Дорин.

– Как ты знаешь, Рульф, грядет большая война. Разве мне не позволительно оценивать свои возможности? Захотелось взглянуть, а что ты собрался предпринять.

– Если слухи не врут, она имела титул королевской защитницы, – обернувшись к Дорину, сказал Рульф. – И ты по-прежнему доверил бы ей защиту своей персоны?

Вопрос не застал Дорина врасплох.

– Рульф, ты вскоре и сам убедишься, что Селена Сардотин не от хорошей жизни боролась за этот титул. Для нее это был способ остаться в живых.

Аэлина наградила Дорина улыбкой, больше похожей на усмешку.

– И что же ты замышляешь теперь? – спросил Рульф у королевы и ассасина в одном лице. – Тебе понадобилось выбраться из Эндовьера, и ты согласилась на предложенную сделку. Ты обошла соперников и стала королевской защитницей. И теперь, когда прежний король мертв, тебя заботит, из чего еще можно извлечь выгоду?

Как Дорин ни старался, произнесенные слова заставили его вздрогнуть. Да, прежний король, его отец, мертв. Убит собственным сыном.

– Я не привыкла ограничивать свои аппетиты, – сказала Аэлина. – Получив наследство Аробинна и деньги от продажи Гильдии... я не считаю, что этого мне хватит до конца дней. Для людей со сметкой и хваткой война может стать очень прибыльным временем.

– А куда же делась та семнадцатилетняя самонадеянная девчонка, которая ради спасения двух сотен рабов потопила шесть моих кораблей, еще два украла и разрушила мой город?

Глаза Аэлины помрачнели. Дорина пробрала дрожь.

– Рульф, а ты проведи годик в Эндовьере, и тогда быстро научишься играть по-другому.

– Я тебе говорил, что однажды тебе придется расплатиться за все свои пакости, – процедил Рульф, и каждое его слово было полно тихой, ядовитой ненависти.

Улыбка Аэлины превратилась в гримасу зверя перед смертельным прыжком.

– Да, я расплатилась сполна. И Аробинн Хэмел тоже.

Рульф моргнул, затем выпрямился и потребовал:

– Выметайся с моего стула. И верни изумруд, что запихнула себе в рукав.

Аэлина хмыкнула, щелкнула пальцами. На ладони появился изумруд. Дорин не заметил, когда она успела спрятать камень в рукав.

- Что ж, твое зрение с годами не потеряло остроту. Это приятно.

- И второй тоже верни, - едва разжимая губы, потребовал Рульф.

Аэлина снова хмыкнула. Она неторопливо откинулась на спинку стула и выплюнула изумруд, который до сих пор прятала во рту. Камешек прочертил изящную дугу и шлепнулся на металлическое блюдце.

Дорин украдкой посмотрел на Рована. В глазах фэйского принца светилась радость, гордость и... нарастающая похоть. Последнее заставило Дорина отвернуться.

- У меня к тебе два вопроса, - заявила предводителю пиратов Аэлина.

Рука Рульфа потянулась к рапире.

- Опомнись! Не тебе задавать мне вопросы.

- Говоришь, не мне? Два с лишним года назад я тебе кое-что пообещала. И не только на словах. Если помнишь, свое обещание я изложила на пергаменте, а ты его подписал.

Рульф что-то пробурчал.

- Скажи, после того... несчастливого для тебя дня... ты покупал, продавал или перевозил на своих кораблях рабов?

- Нет.

Аэлина сдержанно кивнула. Чувствовалось, ответ ее удовлетворил.

- И ты предоставлял рабам убежище на своих островах?

- Мы сюда никого не зазывали. Но если бы нас попросили, то да.

Каждое слово давалось Рульфу все с большим трудом. Казалось, его внутренняя пружина вот-вот сорвется и он кинется душить королеву. Дорин молил богов, чтобы пиратский капитан не совершил подобной глупости. Или Рульф не видел, что Рован следит за каждым его жестом?

- Рада слышать, - сказала Аэлина. - Ты поступил разумно, обойдясь без вранья. Я прибыла утром, и у меня было время походить по рынкам и заглянуть на твои склады. А когда я пришла сюда... - она махнула в сторону бумаг и расходных книг, захламывших стол, - то не могла отказать себе в удовольствии заглянуть в твои расходные книги.

Раскрыв одну из них, Аэлина провела пальцем по столбцу цифр:

- Ткани, пряности, фарфоровая посуда, рис с южного континента. Контрабанды тоже хватает, но... никаких рабов. Должна признаться, записи меня впечатлили. Ты умеешь держать слово, и цифры это подтверждают.

- А знаешь, сколько мне стоили твои тогдашние штучки-дрючки? - глухо прорычал Рульф.

Аэлина стрельнула глазами в сторону большого куска пергамента на стене. Это была своеобразная мишень, куда пиратский король метал кинжалы, мечи и даже ножницы.

- Да, есть счета, по которым я так и не заплатила, - сказала она, поглядывая в открытую расходную книгу.

Это было скрупулезное перечисление ущерба, нанесенного ею Бухте Черепов и имуществу Рульфа.

- Вам нужна моя помощь в грядущей войне? - спросил он, резко поворачиваясь к Ровану, Фенрису и Гарелю. - Называю свое условие. Убейте ее, причем немедленно, и тогда мои корабли и люди будут на вашей стороне.

Темные глаза Фенриса сверкнули, но смотрел он не на Рульфа, а на вставшую Аэлину. За время дороги ее черная одежда успела истрепаться. Золотистые волосы блестели даже в сумраке кабинета. Самое удивительное, что там, где собрались опытные и безжалостные убийцы, она занимала большую часть пространства.

- Сомневаюсь, что они захотят исполнить твое условие. И вряд ли смогут.

- Ага, струсила? Не настолько ты сильна и умела, чтобы справиться с тремя фэйскими воинами.

- По-моему, тебе сейчас лучше сесть, - невозмутимо сказала Аэлина, указывая на стул.

- Убирайся прочь из...

- Что за манеры, капитан Рульф? - присвистнула она. - Особенно сейчас, когда я хочу тебе представить несравненную, прекрасную и безупречную во всех отношениях королеву Террасена.

Дорин поморщился. Это выглядело дерзкой шуткой, если бы не шаги за спиной. Собравшиеся обернулись. В кабинет действительно вошла Аэлина Галатиния. Она была в темно-зеленом камзоле, довольно поношенном и грязном. Золотистые волосы разметались по плечам. Бирюзовые с золотистыми крапинками глаза смотрели насмешливо. Она прошла мимо обалдевшего Рульфа и уселась на подлокотник кресла.

Дорин, не обладавший фэйским чутьем, не мог понять, какая из Аэлин настоящая.

- Это что за чертовщина? - прошипел Рульф.

Аэлины переглянулись. Та, что была в черном, улыбнулась пришедшей:

- Ты просто бесподобна.

Та, что была в зеленом, тоже улыбнулась, довольная удачным розыгрышем... Ее улыбка была помягче. Ее рот не настолько привык рычать, оскалывать зубы и говорить разные дерзости. Лисандру воспитывали совсем для иных занятий.

Две королевы в упор смотрели на Рульфа.

– У Аэлины Галатинии нет сестры-двойняшки! – рявкнул он, опуская руку на эфес меча.

Аэлина в черном – настоящая Аэлина – выпучила глаза:

– Какой же ты зануда, Рульф. Испортил мне потеху. Успокойся, нет у меня сестры-двойняшки.

Она кивнула Лисандре, и та вернула свой настоящий облик – с черными локонами и пронзительными зелеными глазами.

Заметно испугавшийся Рульф попятился. Фенрис опустил ему руку на плечо:

– Чего струсил? Оборотня не видел, что ли?

Аэлина с Лисандрой равнодушно поглядели на Фенриса. Менее храбрых мужчин их взгляд обратил бы в бегство.

Но на фэйцев это подействовало. Даже у Гареля вытянулось лицо и дернулся кадык. А если бы отец Эдиона увидел рядом с Аэлиной своего сына...

– Никак не ожидала застать здесь цвет фэйского воинства, – сказала Аэлина. – Но это даже к лучшему. Прошу вас, подтвердите его пиратскому величеству, что я та, чьим именем назвалась, и перейдем к более важным вопросам.

Рульф понял: все, кроме него, знали, кто перед ними. Его лицо побелело от ярости.

– Эта женщина действительно Аэлина Галатиния, – сказал Дорин. – И она же – Селена Сардотин.

Рульф, будто не слыша его слов, повернулся к Фенрису и Гарелю. Гарель кивнул.

– Она та, чьим именем назвалась, – сказал Фенрис, не сводивший глаз с королевы.

Лисандра подала королеве свиток с восковой печатью.

– Раньше твои волосы были длиннее, – сказал Аэлине Рульф.

– Длину волос диктуют обстоятельства, – насмешливо ответила Лисандра, поигрывая своим локоном.

Рульф оторопело смотрел на обеих. Аэлина улыбнулась подруге.

– Рульф, давай все-таки говорить о деле, – сказала она, перебрасывая сверток из одной руки в другую. – Точнее, о твоём отказе мне помогать.

Глава 28

Рульф кивнул в сторону большого стола, занимавшего изрядную часть его кабинета. Аэлина Галатиния не могла скрыть самодовольной ухмылки. Во время ее первого визита в Бухту Черепов (ей почти не верилось, что она была здесь с Сазмом) у предводителя пиратов был не кабинет, а зачуханная комнатенка.

Но едва она сделала шаг к столу, как Рован взял ее за локоть. Боги милосердные, как же она соскучилась по его суровому, непреклонному лицу. Наклонившись к ней, Рован едва слышимым шепотом сообщил Аэлине все, что ей полагалось знать до начала разговора:

– Фенрис и Гарель согласились нам помогать при условии, что я выведу их на Лоркана. Мазва послала их с приказом его убить. Пока я не дал им даже намека, где он может быть. Адарлан и Мелисанда заключили отвратительные соглашения, и большая часть адарланского флота находится сейчас в заливе Оро. Армада Мазвы плывет к берегам Эйлуэ, но с какой целью – пока неизвестно.

Значит, древняя королева все-таки двинула свою армаду. Для них это может означать ад кромешный. Но Аэлина тут же забыла про Мазву, услышав:

– Я ужасно по тебе соскучился.

Она улыбнулась, хотя услышанное вовсе не располагало к улыбкам. Главное – на ее Роване не было ни царапинки. Лучший подарок, о каком она не смела и мечтать. А мрачные известия, которые Рован ей сообщил... Потом.

Пусть сейчас они были не одни. Аэлина поднялась на цыпочки и коснулась губами его губ. Ей стоило немалых сил замаскировать свой запах, и Рован ничего не знал, пока не увидел ее здесь. Но неподдельная радость на его лице... затея того стоила.

Рован крепко сжал ее руку. Аэлина отодвинулась.

– Принц, я испытываю те же чувства, – прошептала она.

Лисандра и двое фэйцев старались на них не смотреть. Рульф продолжал кипеть от гнева. Их места были напротив. Аэлина плюхнулась на стул.

– Да будет тебе дуться, капитан, – сказала она. – Ты ненавидишь меня, я – тебя, а мы оба ненавидим, когда чванливые и кичливые империи начинают нам

указывать, как себя вести. А значит, у нас с тобой есть повод для сотрудничества.

Рульф даже плюнул на пол:

– Ты почти погубила плоды моих многолетних усилий. Не думай, что сладкие речи и самоуверенные манеры отобьют у меня память.

Возможно, ей нужно было вести себя посдержаннее, но Аэлина показала Рульфу язык. Не свой, а раздвоенный язык серебристого огня, змейкой извивающийся в воздухе.

Фенрис сумрачно рассмеялся. Аэлина не обратила внимания. Фэйцев она оставила на потом. Успеть бы предупредить Эдиона раньше, чем он нос к носу столкнется с отцом. Со славным воином Гарелем, который сидел совсем близко и смотрел на нее так, будто видел десятиглавое чудовище.

Даже выражение его лица было таким же, как у Эдиона. Почему же на Вендалине она не заметила столь разительного сходства? Да потому, что тогда она еще не видела взрослого Эдиона. А увидев... Бессмертный Гарель и взрослый Эдион казались ровесниками. Во всем остальном они весьма отличались, но этот взгляд. Почти зеркальное отражение.

– Королева, играющая с огнем, вряд ли может быть надежной союзницей, – мрачно изрек Рульф.

– А пират, которому клялись в верности, но которого бросили при первой же серьезной опасности, позабыв про все клятвы? Ты отнюдь не образец надежности. Однако я приплыла сюда, рассчитывая на разговор с тобой.

– Выбирай слова, девочка. Ты куда больше нуждаешься в моей помощи, чем я в твоей.

– Ты так думаешь?

Танец. Затянувшийся танец – вот как это называлось. Ее отношения с Рульфом и начинались, как танец, когда три года назад она впервые приплыла на его жуткий остров. Освобождение рабов было первым движением ее танца. Пора делать второе. Аэлина подвинула на середину стола рекомендательное письмо Муртага.

– Теперь послушай, как это видится мне, – продолжала Аэлина. – У меня есть золото. У меня есть возможность изменить твое положение. Для королевств континента ты – морской разбойник. Преступник не ахти какого высокого разбора. Я могу тебе помочь подняться до уровня уважаемого человека с солидной деловой репутацией. Фенхару может оспаривать твое право на владение Мертвыми островами, но... что, если бы я оказала тебе самую серьезную поддержку? Если бы из предводителя пиратов сделала бы тебя пиратским королем?

– Кто подтвердит слова двадцатилетней принцессы?

Аэлина указала на свиток с восковой печатью:

– Муртаг Ручейник, например. Он написал тебе подробное письмо.

Рульф взял свиток, повертел в руках, затем метко швырнул в мусорную корзину. Эхо упавшего свитка отразилось из всех углов кабинета.

– Я тоже готов подтвердить слова Аэлины, – объявил Дорин. – Мы победим в этой войне. Два крупнейших королевства Эрилеи провозгласят тебя полновластным и неоспоримым королем всех пиратов. Бухта Черепов и Мертвые острова станут для тебя и твоих людей не местом, где вы скрываетесь от возмездия, а вашими законными землями. Новым королевством.

Рульф презрительно хмыкнул:

– Меня не проймешь речами молодых идеалистов и мечтателей.

– Если кто и способен спасти наш мир, так только мечтатели, – подхватила Аэлина. – Спасти и преобразить.

– Ошибаешься. Мир спасают воины, проливающие свою кровь. Пустые обещания и прекраснотушные мечты еще не выиграли ни одной войны.

– Я не говорила, что победа будет бескровной, – пошла на попятную Аэлина. – И к словам Дорина я бы прибавила слово «если», поскольку исход войны пока не ясен никому. Но если мы победим, это будет новый мир. Свободный мир. Такое обещание я даю тебе и каждому, кто встанет под мои знамена. Одно я знаю наверняка: новый мир будет лучше прежнего. И тебе придется решать, какое место в новом мире займешь ты.

– Твое обещание – все равно что обещание ребенка, ничего не понимающего во взрослой жизни, – скривился Рульф. – А во взрослой жизни нужны хозяева, способные поддерживать порядок. Иначе будет хаос почище любой войны. Нынешний порядок, возможно, и не лучший, но он основан на реальном положении вещей. Думаешь, до тебя не было желающих изменить мир? Сколько угодно. Только добром это для них не кончилось.

– Рульф, а ты хочешь золота? – вкрадчиво спросила Аэлина. – Хочешь титул? Славу, внимание женщин, землю? Или тобой движет исключительно жажда крови?

Она выразительно посмотрела на потертую кожу его перчаток:

– Чем ты заплатил за свою карту? Что было конечной целью, если ты принес такую жертву?

Рульф уклонился от ответа:

– Аэлина Галатиния, ты напрасно пытаешься меня впечатлить. Все, что ты мне предлагаешь, я могу добыть и без твоей помощи. – Он лукаво улыбнулся. – Если, конечно, ты не собираешься мне предложить свою руку и обещание сделать меня королем Террасена... Пожалуй, такое предложение еще могло бы меня заинтересовать.

Идиот. Непрошибаемый, своекорыстный идиот. Он ведь видел ее встречу с Рованом. Поди, теперь наслаждается молчанием, в которое погрузил всех, и не замечает глаз Рована, сулящих ему смерть.

- Похоже, ты поставил не на ту лошадь, - усмехнулся Рульф, повернувшись к Дорину. - Кстати, какие известия ты получил?

Вместо Дорина ему ответила «не та лошадь»:

- Никаких известий не было. Но, думаю, тебя обрадует, что твои шпионы в «Океанской розе» работать умеют. А его величество - талантливый лицедей.

Аэлину разбирал смех.

- Рульф, неужели из-за мелочной обиды ты отказываешься от союза с нами? - спросил Дорин.

- Я бы не назвала «мелочной обидой» разрушение его трухлявого города и потопление кораблей, - фыркнув, добавила Аэлина.

Рульф оскалил зубы:

- Даю тебе два дня, чтобы убраться с моего острова. По истечении этого срока я выполняю обещание, которое дал тебе тогда... И заberi с собой весь свой зверинец.

Рот Аэлины наполнился дымом. Она ожидала споров, но такое... Что ж, придется действовать в изменившихся условиях. Узнать, чего успели добиться за это время Рован с Дорином, и обдумать дальнейшие шаги.

Пусть Рульф думает, что ее танец остался незавершенным.

Аэлина шла по узкому коридору, с трех сторон окруженная стенами фэйских мускулов. Она забыла про Рульфа. Сейчас она не думала даже о Роване, поскольку сильнее всего ее заботил Эдион.

Он остался на улице возле «Морского дракона», пообещав наблюдать за обстановкой. Если броситься прямо к нему, Эдион лицом к лицу столкнется со своим отцом, о котором до последнего времени ничего не знал.

Аэлина успела сделать не больше трех шагов, когда сзади послышался голос Гареля:

- Где он?

Она остановилась, неторопливо обернулась. Загорелое лицо Гареля побледнело. Жесткие стальные глаза были полны несвойственной ему печали.

- Если ты имеешь в виду милого шалунишку Лоркана... - усмехнулась Аэлина, пытаясь обратить все в шутку.

- Ты знаешь, кого я имею в виду.

Рован встал между ними. Его лицо оставалось непроницаемым. Последним из кабинета Рульфа вышел Фенрис. Он закрыл дверь и с явным любопытством поглядывал на странную сцену в коридоре. Рован много рассказывал ей о Фенресе. О красоте, о теле, которого в одинаковой степени жаждали женщины и мужчины. О том, на что Фенрис согласился ради брата и что терпел от Маэвы.

- Не проще ли спросить «кто он?».

Гарель не улыбнулся. Он застыл на месте. Аэлина намеренно тянула время, делая это для себя и Эдиона...

- По-моему, не тебе решать, где, когда и как ты с ним встретишься, - сказала Аэлина.

- Он - мой сын, черт побери! Кому еще решать, как не мне?

- Еще неизвестно, имеешь ли ты право называть его своим сыном, - невозмутимо пожала плечами Аэлина.

Темно-желтые глаза вспыхнули. Татуированные пальцы сжались в кулаки.

- Гарель, Аэлина не собирается мешать твоей встрече с ним, - сказал Рован.

- Тогда пусть скажет, где мой сын. И немедленно.

Гарель. Воин с лицом льва. Воин, справлявшийся с целыми армиями. Одно его имя наводило ужас даже на бывалых солдат противника. Все его тело покрывали имена павших соратников.

Но дерзкая девчонка Аэлина смотрела не на него, а на собственные ногти. Затем она обернулась, отглядела пустой коридор и только тогда сказала:

- Сама хотела бы знать, куда он ускакал.

Двинувшись дальше, все только сейчас заметили исчезновение Лисандры. Окно было открыто. Скорее всего, она выпорхнула или выползла оттуда, чтобы поскорее увести Эдиона подальше от таверны.

- И впредь нечего разговаривать со мной приказным тоном, - холодно и спокойно бросила Гарелю Аэлина.

Эдион и Лисандра ждали их в «Океанской розе». Войдя в красивый и ухоженный внутренний двор, Аэлина подколола Рована насчет выбранных апартаментов:

- Я была в полной уверенности, что вы с Дорином обоснуетесь в какой-нибудь крысиной норе.

Дорин, шедший за ними, тихо посмеивался. Хорошо, что он смеется. Когда они виделись в последний раз, он едва улыбался.

Она и сама несколько недель не смеялась. Только сейчас невидимый груз перестал давить ей на плечи.

По взгляду Аэлины Рован понял: ей нужно о чем-то переговорить с Дорином. Без возражений он отправился к лестнице. Дорин, угадав ее намерение, тоже остановился.

Вечерний воздух был густо напоен ароматами сладких фруктов и плюща, увивавшего стены. В центре двора уютно журчал фонтан. Аэлине вдруг подумалось, не из Красной ли пустыни родом хозяйка постоянного двора. Это сочетание цветов, камня и воды напомнило ей крепость Молчаливых ассасинов.

– Представляю, что тебе пришлось пережить, – тихо сказала она Дорину. – И Рафтхолу тоже.

Загорелое лицо молодого короля напряглось. Улыбки – как не бывало.

– Тебе спасибо. За помощь.

– Рован всегда ищет случай произвести впечатление. Бессмертная жизнь монотонна и скучна. А такие вот спасения из-под самого носа противника... они наполняют его жизнь смыслом.

С балкона второго этажа донеслось негромкое покашливание. Конечно же, Рован все слышал и при случае припомнит ей этот разговор.

Аэлина едва удержалась, чтобы не усмехнуться. Больше всего ее радовало, что Рован и Дорин нашли общий язык и спокойный, уважительный уровень отношений.

Теперь можно было подняться наверх. Аэлина прекрасно сознавала, что постоянный двор полон шпионов Рульфа, и потому заговорила совсем тихо:

– Мы с тобой остались без корон. Какие-то жалкие бумажки – и нам отказано в праве на престол.

Аэлина думала, что Дорин воспримет это как шутку, но он даже не улыбнулся. Они молча поднялись по скрипучим ступеням на второй этаж, и только возле самой двери Дорин прошептал:

– Может, это и к лучшему.

Аэлина не нашла возражений и решила промолчать.

Разговор в комнате велся шепотом, поскольку вовсе не предназначался для шпионов Рульфа. Рован и Дорин подробно рассказали обо всем, что с ними происходило, начиная с налета ведьм на Рафтхол. Эдион сразу же принялся забрасывать их вопросами насчет воздушной армии. Генерала интересовала численность ведьм, их доспехи, оружие и даже особенности перемещения. Мелочей здесь не было. Любые сведения позволят укрепить оборону на

севере, кто бы ни командовал легионом Беспощадных. Больше всего Эдиона потрясла легкость, с какой легион Железзубых ведъм овладел городом..

– Если бы нам удалось перетянуть Манону Черноклювую на свою сторону, у нас появился бы ценный союзник, – рассуждал Эдион.

Аэлина невольно взглянула на плечо Рована. Шрам от ведьминых ногтей превратился в едва заметную полоску.

– Если Манона пойдет против соплеменниц, между кланами ведъм начнется война, – сказала Аэлина. – Возможно, они истребят друг друга раньше, чем мы примемся за них.

Дорин выпрямил спину. Когда он заговорил, в его сапфировых глазах светился лишь холодный расчет.

– А что вообще нужно этим ведъмам, кроме наших голов? Ведь они не просто так стали союзницами Эравана. Какой их интерес?

Этот вопрос заставил всех взглянуть на шею Аэлины, где у самого основания тянулась полоса шрамов. «Ожерелье», оставшееся на память о сражении с Бэбой Желтоногой. Остались не только шрамы, остался особый, неистребимый запах, по которому в Аэлине сразу узнавали Истребительницу Ведъм. Минувшей зимой Бэба наведальась в стеклянный замок под прикрытием «Карнавала зеркал». Похоже, с этого и начались переговоры о союзе между кланами Железзубых ведъм и тогдашним королем Адарлана. Обе стороны не отличались бескорыстием. Что же заставило ведъм согласиться на участие в войне людей?

– Все «почему» отложим на потом, – объявила Аэлина. – Если наткнемся на ведъм, захватим пленных. Вот тогда и будем задавать вопросы.

Она рассказала о том, с чем они столкнулись в Илиуме, упомянув и о приказе Брэннона найти Замок. Здесь тоже вопросов было больше, чем ответов.

Аэлина вновь ощутила невидимую тяжесть, сдавившую плечи. Подали обед: вареные крабы, щедро посыпанные перцем, и рис с пряностями. Она ела, продолжая думать об угрозах и грядущей войне.

Эту войну Эраван готовил десятилетиями. Возможно, столетиями, пока длилось его заточение. У него было более чем достаточно времени, чтобы обдумать каждую мелочь. А у нее? Призраки давно умерших королей и королев отдавали ей туманные распоряжения, требуя найти способ обуздать Эравана. И на все это ей отпущено в лучшем случае несколько месяцев.

Брэннон велел ей отправляться на юго-запад, в местность, называемую Каменными Болотами. Вряд ли Маэва случайно выбрала именно это время, чтобы послать свой флот к берегам Эйлуэ. И моратский флот, затаившийся в заливе Оро, – тоже не случайное совпадение.

Ей отчаянно не хватало времени на самые необходимые приготовления. Но как бы то ни было, нужно двигаться последовательно. Маленькими шагами.

Аэлина не стала бы тратить драгоценное время на уламывание Рульфа, если бы не его карта. Карта казалась ей наиболее реальной возможностью установить точное местонахождение Замка. Но вначале нужно убедиться, что карта не утратила своих магических свойств.

Глава 29

Эдион предпочел бы сейчас увидеть Лисандру в обличье ястреба или призрачного леопарда, хотя последнее явно переполошило бы жителей Бухты Черепов. Но это...

И дело было не в ее темно-рыжих волосах и зеленых глазах. Рыжеволосых и зеленоглазых девушек хватало в горных селениях Северного Террасена. Эдиону была невыносима роль, которую играла Лисандра, пока они ждали в переулке. И его собственная – тоже.

Лисандра стояла, прислонившись к кирпичной стене. Одну ногу она выставила так, чтобы была видна ее белая гладкая ляжка. Эдион, чья рука упиралась в ту же стену рядом с головой Лисандры, изображал покупателя любовных утех.

Единственными звуками в этом сонном месте была возня крыс, роющихся в гряде гнилых фруктов. Именно такой и представлял себе Эдион Бухту Черепов – столицу, достойную ее пиратского правителя.

Как назло, у этого спесивого Рульфа имелась единственная карта, позволявшая найти Замок. В любом ином случае они бы карту попросту украли. Но не рубить же Рульфу руки, на которых она была вытатуирована! И когда Эдион посетовал на это обстоятельство, Рован вдруг предложил свой замысел... По сути, ловушку.

Эдион взглянул на тонкую золотую цепочку на шее Лисандры. К цепочке был прикреплен спрятанный под одеждой Амулет Оринфа.

– Любуешься округлостями? – спросила Лисандра.

Облик, созданный ею, дополнялся пышной грудью. Когда-то у нее такая и была.

– Прости, – пробормотал Эдион, поднимая голову.

Но Лисандра каким-то образом прочла его мысли, далекие от женских прелестей:

– Думаешь, уловка не сработает?

– Я думаю, на острове хватает иных ценных штучек. С какой стати Рульф должен клюнуть?

Они знали, что карта Рульфа показывала бури, врагов и сокровища. Они с Лисандрой не были ни бурями, ни врагами (Рульф вообще не знал об их существовании). А вот что касалось амулета, тот вполне мог заявить о себе, подав знак пиратскому капитану.

- Рован утверждал, что Рульф непременно заинтересуется амулетом и захочет его увидеть собственными глазами.

- У Рована с Аэлиной есть общая черта: говорить одно, а подразумевать совсем другое, - тяжело вздохнул Эдион. - Мы уже битый час торчим в этой дыре.

- А у тебя есть дела в других местах? - спросила Лисандра, выгибая рыжую бровь.

- Ты устала.

- Мы все устали, - резко ответила Лисандра.

Эдион закрыл рот. С Лисандрой, как с настоящим призрачным леопардом, нужно держать ухо востро, иначе не заметишь, как останешься без головы.

Любое превращение требовало напряжения ее сил, и чем крупнее зверь, в которого она превращалась, тем дороже плата. Ей не составляло труда превратиться из бабочки в шмеля, колибри или летучую мышь. На это уходили считанные минуты. Но превращение из человека в призрачного леопарда, медведя, лося или лошадь (Лисандра побывала в обличье всех) требовало больше времени и сил. Магия заполняла выбранное тело, как сосуд. Вдобавок превращение в крупных зверей было еще и довольно болезненным.

Послышались легкие шаги и свист, словно идущий приготовился насвистывать песенку. Подбородок Эдиона окутало жарким дыханием Лисандры. Эдион внутренне сжался, поскольку знал, кто к ним направляется. Сын его злейшего врага, ставший теперь королем.

Эдион продолжал ненавидеть это лицо, вызывающее у него презрительную усмешку, и не только. Много лет подряд он мечтал искромсать обладателя лица на мелкие кусочки. Чего только не делал в прошлом Эдион, силясь изгнать из мыслей лицо королевского сына! Напивался до бесчувствия на балах. Обнимал женщин, даже не спрашивая их имен. Это ненавистное лицо преследовало его и в подземной тюрьме, куда его бросил прежний король.

Сейчас Дорин был в плаще с капюшоном. Для окружающего мира он выглядел еще одним покупателем ласк Лисандры.

- Чего тебе? - сквозь зубы спросил генерал.

Дорин оглядел Лисандру, словно она была товаром. Эдион едва сдерживался.

- Меня послал Рован узнать, как ваши успехи.

Фэйский принц и Аэлина сидели в таверне постоялого двора, попивая вино. Это было сделано нарочно, чтобы все шпионы Рульфа их там видели.

- Значит, ты можешь принимать облик любого человека, - с нескрываемым удивлением произнес Дорин.

Лисандра равнодушно пожала плечами. Ни дать ни взять - уличная шлюха, торгующаяся с клиентами.

- Это не так интересно, как ты думаешь. Вот если бы превратиться в дерево. Или в порыв ветра.

- И ты.. действительно можешь превратиться?

- Разумеется, может, - ответил за нее Эдион.

Он тоже прислонился к стене, скрестив руки на груди.

- Нет, этого я не могу, - возразила Лисандра, наградив Эдиона сердитым взглядом. - А успехов у нас никаких. Не было даже намека на Рульфа или его людей.

Дорин кивнул, опуская руки в карман. Лисандра незаметно лягнула Эдиона. Она умела больно лягаться. Эдион и за это решил отыграться на Дорине.

- Значит, вы с Рованом не поубивали друг друга? - пробурчал он.

Дорин удивился нелепому и даже глупому вопросу:

- Начать с того, что он спас мне жизнь и сам едва не погиб. Что я могу к нему испытывать, кроме благодарности?

Лисандра ухмыльнулась. «Что, съел?» - говорила Эдиону ее ухмылка.

- Ты собираешься встречаться со своим отцом? - вдруг спросил молодой король.

Эдион поморщился. Эта «прогулка» с Лисандрой избавляла его от необходимости что-то решать. Аэлина его не спрашивала. Эдион подспудно опасался, что отец может появиться в «Океанской розе», хотя и на улице он не был застрахован от встречи с Гарелем.

- Естественно, собираюсь, - сухо ответил Дорину Эдион.

Лисандра не выказала ни малейшего удивления. В прежней жизни ее долго учили, как надо выслушивать мужчин и прятать все, что у тебя внутри.

Эдион не презирал Лисандру за ее прежнее ремесло, напоминавшее о себе сейчас. Но тех, кто годами растил из нее куртизанку, подсчитывая будущие доходы, он бы и сейчас задушил голыми руками. Аэлина рассказала ему, как Аробинн обошелся с возлюбленным Лисандры. Просто чудо, что эта женщина еще могла улыбаться.

- Передай Аэлине и Ровану, что помощь нам не требуется, - заявил Эдион. - Сами справимся.

Дорин сжался, затем молча повернулся и зашагал прочь. Со стороны он выглядел раздосадованным клиентом, которому не удалось подцепить приглянувшуюся шлюху.

– Эдион, этот человек немало выстрадал, – прошипела Лисандра, пихнув генерала в бок. – Мог бы держать себя с ним подобнее. От тебя бы не убыло.

– Этот человек ударил Аэлину кинжалом. Ты его просто не знаешь, а если бы знала, тебе бы расхотелось лебезить перед ним.

– Тебя никто не просит лебезить. Но доброе слово, крупица уважения...

– Не так громко! – одернул ее Эдион.

Лисандра понизила голос, но не замолчала:

– Он находился в рабстве. Его несколько месяцев подряд мучили и терзали. Отец и тварь, которая жила в нем. Он был марионеткой, вынужденной подчиняться чужой воле. Сам Дорин никогда бы не поднял руку на Аэлину. И если ты не можешь простить ему тот поступок, постарайся хотя бы проявить немного сострадания.

У Эдиона зашло сердце – столько гнева и боли было в речи Лисандры. Надо же, какое слово она произнесла. Сострадание.

Эдион сглотнул. Оглядел улицу за спиной. Никто не охотился за сокровищем, висящим на шее Лисандры.

– Я Дорина знаю не первый год. Ответственности у него было ни на грош, зато высокомерия – через край.

– Я твою королеву тоже знаю не первый год. Цапались мы с нею, как две шальные кошки. Так неужели всю жизнь помнить детские обиды? Покажи Аэлине, что ты тоже вырос и готов по-иному смотреть на своих былых недругов.

– Я не знаю и не хочу знать, как вела себя Аэлина в отрочестве и из-за чего вы ссорились. Мне наплевать, что Дорин был поработан демоном и только чудом не потерял разум. Вот смотрю я на него и вижу моих близких, которых убили по приказу его отца. И слышу, как Кавин – командир королевской гвардии Террасена – говорит мне, что Аэлина упала в реку и утонула. Я видел ее следы, обрывающиеся у моста.

Эдион не замечал, что дышит ртом, а пересохшее горло пылает жаром.

– Аэлина его простила, – сказала Лисандра. – Она ни разу не упрекнула Дорина.

Эдион зарычал. Лисандра ответила ему таким же рычанием. Ее лицо больше не было лицом живой куклы, приученной ублажать мужчин. Порывистая, несломленная, неукротимая. Эдиону показалось, что перед ним высятся Оленьи горы. Он вдруг ощутил себя в самом сердце Задубелого леса.

- Я попытаюсь, - хрипло буркнул он.

- Желательно быстрее и поусерднее.

Эдион снова уперся ладонью в стену и наклонился к Лисандре. Она не сжалась, не отступила.

- При террасенском дворе существует порядок, а придворные различаются по рангам. Если Аэлина сделала тебя придворной дамой, это не значит, что тебе позволено командовать теми, кто по рангу выше тебя.

- Порядок, ранги - это больше похоже на армию. Аэлина не раз говорила, что освободит двор от формальностей. А насчет командования...

Лисандра ткнула его пальцем в грудь. Эдиону показалось, что в этот момент ее рука превратилась в лапу, и коготь царапнул его по коже, пропорвав одежду.

- Не думаю, что ты настолько труслив, чтобы прикрываться рангом, когда не прав.

У Эдиона бурлила кровь. Стучало в висках. Он безотрывно смотрел на губы Лисандры. От чувственного изгиба не осталось и следа. Сейчас они были вытянуты в тонкую полосу.

Гнев в глазах Лисандры погас. Она отдернула руку, словно обожглась. Лицо ее тоже изменилось. Казалось, Лисандра задним числом испугалась своей дерзости.

Потом она попятилась. Движение это только внешне выглядело непринужденным. Похоже, оно тоже было из ее прежнего арсенала куртизанки. А Эдион, как ни старался, не мог выбросить из головы мысли о ее губах.

- Ты действительно хочешь встретиться с отцом? - спокойно спросила Лисандра.

Даже слишком спокойно.

Эдион кивнул, сплывшая. Ему хотелось дотронуться до плеча Лисандры. Нет, это было бы слишком рано. Ее еще долго будет воротить от мужских прикосновений. Возможно, она навсегда вычеркнула мужчин из своей жизни. И будь он проклят, если раньше времени, вопреки ее желанию, толкнет ее к этому. Но боги ему свидетели: был момент, когда Лисандра смотрела на него с чисто женским интересом. Если такое повторится... он будет только рад за нее. Рад ее выбору, даже если избранником Лисандры окажется другой.

- Я... - начал Эдион, стараясь вспомнить ее вопрос. Ах да, она спрашивала об отце. - А он захочет меня видеть?

Лисандра склонила голову набок. Жест был настолько кошачьим, что Эдион невольно подумал, не слишком ли долго пробыла Лисандра в обличье призрачного леопарда.

- Он едва не оторвал Аэлине голову, когда она отказалась назвать ему твое имя и не сказала, где тебя найти.

Отец или не отец, но если он позволил себе грубо обойтись с Аэлиной... Видя состояние Эдиона, Лисандра поспешила добавить:

- Но у меня сложилось впечатление, что он уважает твой выбор и, если ты не захочешь его видеть, настаивать не будет. Правда, в таком городишке, как этот... особо не затеряешься.

- А у тебя не сложилось впечатления, что моя встреча с отцом могла бы убедить его помочь нам?

- Сомневаюсь, что Аэлина решится просить тебя о подобных вещах. - Лисандра коснулась его руки.

- Я даже не знаю, что ему скажу, - признался Эдион. - Я слышал великое множество историй о нем. Его именуют Львом Доранеллы. Он - белый рыцарь. Сомневаюсь, что он признает сына, которого многие и сейчас называют Адарланским Распутником.

Лисандра цокнула языком и тут же осеклась под пристальным взглядом Эдиона.

- А как бы поступила ты? - вдруг спросил он.

- На этот вопрос я не могу ответить. Мой отец...

Аэлина рассказывала ему о Лисандре. Ее отец-оборотень бросил мать, когда узнал, что та беременна. Возможно, даже раньше. Мать Лисандры тоже не отличалась заботливостью. Обнаружив у дочери отцовское наследие, эта женщина вышвырнула маленькую девочку на улицу...

- Эдион, чего ты хочешь? - спросила Лисандра. - Не ради помощи нам, не ради блага Террасена. Чего ты хочешь для самого себя?

Он склонил голову, не забывая следить за переулком:

- Всю жизнь... меня никогда не спрашивали, чего я хочу. По сути, я даже не знаю, как это - выбирать что-то для себя.

Эдиону было пять лет, когда его привезли в Террасен. Из него стали готовить воина, предопределив ему жизненный путь. А когда Террасен запылал от адарланских факелов, поводок его судьбы оказался в другой руке. Даже сейчас, накануне большой и страшной войны... Неужели у него никогда не было собственных желаний? Почему же, он мечтал принести клятву на крови своей королеве. Это было его единственным желанием, однако Аэлина отдала его право Ровану. Эдион больше не сердился на сестру за ее выбор, но... Только сейчас он начинал понимать, как же мало хотел для себя.

- Мне это знакомо, - тихо сказала Лисандра. - Я знаю, каково жить, не имея выбора.

Эдион поднял голову. Зеленые глаза Лисандры сверкали даже во тьме. Порою Эдион сожалел, что не он оборвал жизнь гнусного предводителя ассасинов Аробинна Хэмела.

- Завтра утром, - прошептал он, - я встречу с ним. Ты пойдешь со мной?

- Ты всерьез хочешь, чтобы я пошла с тобой? - удивилась Лисандра.

Да, он этого хотел. Почему - он не мог объяснить, но он хотел, чтобы Лисандра находилась рядом. Как часто он злился на ее словечки и выходки, и в то же время... Лисандра умела его утихомирить. Возможно, все дело было в новизне впечатлений. Ему не встречались женщины, столь переполненные надеждами, болью и желаниями. Возможно, и встречались, но прежде он проводил с каждой из них не больше одной ночи.

- Если ты не против... да. Я хочу, чтобы на встречу с моим отцом мы пошли вместе.

Лисандра молчала. Эдион хотел было спросить о причине молчания, как вдруг вновь послышались шаги.

Легкие. Слишком уж непринужденные.

Эдион и Лисандра углубились в переулок - и обнаружили, что это вовсе не переулок, а тупик. Впереди высилась кирпичная стена. Если события примут нежелательный оборот...

В таком случае Лисандра обернется призрачным леопардом и растерзает в клочья хоть десять противников. Эдион улыбнулся спутнице и вновь склонился над нею, почти касаясь носом ее шеи.

Шаги приближались. Лисандра томно выдохнула, войдя в знакомую роль.

Эдион продолжал следить за проходом, испещренным полосами лунного света. Кто бы сюда ни направлялся, они - просто парочка, неспроста выбравшая этот тупик.

К ним шла женщина. Судя по походке, молодая. Она продолжала делать вид, будто забрела сюда случайно. Но было поздно.

Лицо Эдиона оставалось скрытым капюшоном. Женщина точно соответствовала словесному портрету подавальщицы Рульфа. Рован не напрасно рассказал им, как она выглядит.

- Если хочешь, можешь подождать своей очереди, - промурлыкала ей Лисандра. - Я через пару минут закончу.

Лунного света хватало, чтобы увидеть покрасневшие щеки подавальщицы. Но ее глаза не изменили каменного выражения. Женщина быстро, но внимательно окинула взглядом Эдиона и Лисандру.

- Не туда свернула, - сказала она.

– Ты уверена? – вкрадчиво спросила Лисандра. – Час-то поздний для одиноких прогулок.

Служанка Рульфа наградила их еще одним каменным взглядом и неспешно удалилась.

Они напряженно ждали. Минуту. Пять. Десять. Больше никто не появился.

Эдион выпрямился. Лисандра следила за входом в тупик, крутя рыжий локон.

– На воровку не слишком похожа.

– Про вас с Аэлиной можно сказать то же самое, – усмехнулся Эдион.

Лисандра хмыкнула, соглашаясь с его словами.

– Скорее всего, просто разведчица, – предположил Эдион. – Глаза Рульфа.

– В таком случае, глаза не туда смотрели. Не заметить того, что на виду, – сказала Лисандра, засовывая амулет в вырез платья.

Они вернулись в «Океанскую розу» другим путем, соблюдая все меры предосторожности. Эдион думал не об амулете и не о карте Рульфа, а том, что Лисандра так и не ответила на его вопрос.

Глава 30

Глинистая почва равнин раскисала от каждого дождя, а поскольку дожди шли часто, повозки еле ползли. Через две недели этих странствий Элида устала откликаться на материнское имя.

Она устала постоянно быть наготове, чтобы вовремя отозваться на очередное распоряжение Мулли. Та постоянно заставляла Элиду мыть посуду. И дернуло же ее рассказать, что она прислуживала на кухне и привыкла управляться с большим количеством грязной посуды! Устала Элида и от непрерывных расспросов черноволосой красавицы Омбриелы. Та не была лицедейкой, зато доводилась Мулли племянницей и исполняла обязанности казначея трупы. Омбриела забрасывала Элиду вопросами. Давно ли покалечила ногу и при каких обстоятельствах? Откуда ее семья? Где и у кого училась искусству предсказания?

Хорошо еще, что Лоркан не лез с расспросами. С ним Элида за день перебрасывалась всего несколькими фразами. Когда повозка в очередной раз увязала в глинистой жиже, Лоркан молча вылезал, упирался плечом в борт и помогал клячам стронуть ее с места. Потом так же молча возвращался, садился на скамейку и закрывал глаза. Расстояние, которое они проезжали за день, можно было бы легко пройти пешком. Заметив, что Элида часто

смотрит на север, Омбриела, конечно же, спросила о причине столь пристального внимания к этой стороне света. Элида давала уклончивые ответы и без всяких угрызений совести врала.

Хвала богам, Лоркан не требовал от нее близости на правах «мужа».

В других местах и при другой погоде все спали бы на земле. Но только не здесь. Вопрос с ночлегом решался так: женщины размещались в повозках, а мужчины тянули жребий. Счастливики втискивались в оставшееся пространство повозок. Остальные, соорудив себе подстилки из тростника, веток и иных подручных материалов, укладывались рядом с повозками. Лоркану неизменно доставались короткие соломинки. Возможно, он сам так хотел. Возможно, это были фокусы Нирка, а может, неудачное стечение обстоятельств.

Главное, что Лоркан ночевал порознь с «женой» и не делал попыток заявить о своих «супружеских правах».

Кое-какие разговоры между Элидой и Лорканом все же происходили, но не в повозках и не возле них. Если Элиду посылали за водой к вспученному от дождей ручью или за хворостом, Лоркан отправлялся вместе с нею и там начинал расспрашивать. Естественно, все его вопросы касались Мората: как одеты тамошние солдаты, много ли лагерей вокруг крепости, из кого набраны слуги. Ведьмы его тоже интересовали.

Лоркан требовал последовательности в рассказах. Элида начала с самого верха Моратской крепости. Рассказала о драконьих гнездах, самих драконах и ведьмах. Затем начался спуск с этажа на этаж. За две недели она рассказала про все надземные этажи и добралась до устройства подземелий. Труппа и не догадывалась, о чем разговаривает молодая чета, отправляясь собирать хворост. Мулли и ее спутники изрядно удивились бы, узнав, сколь далеки эти разговоры от обычных «воркований» новобрачных.

В тот вечер караван, как всегда, остановился на ночлег. Элиду послали за хворостом. Лоркан отправился вместе с нею. По обе стороны от дороги тянулись поля. На одном из них, где-то посередине, росла небольшая рощица. Элида в который раз удивлялась умению Лоркана ступать неслышно, не заглушая шагами шелеста трав. Они отходили все дальше и уже не слышали ни голосов, ни лошадиного ржания. Элида не заметила, как ступила в глиняную ямку. Сапог увяз, и все попытки вытащить его приводили к обратному результату. Стиснув зубы, Элида дергала ногу, пока...

Пока магия Лоркана не окутала ее ногу и не вытолкнула сапог из ямы. Потеряв равновесие, Элида буквально упала на Лоркана. Его рука и бок были такими же жесткими, как и его магия. Элиде показалось, что она ударилась о каменную стену. Она торопливо попятилась назад. В сапоге чавкала глинистая жижа.

– Спасибо, что помог, – пробормотала Элида.

Лоркан пошел вперед.

– Вчера вечером ты рассказывала про три подземных тюрьмы и три входа, – не оборачиваясь, заговорил он. – Теперь расскажи, что там внутри.

У Элиды пересохло во рту. Она вспомнила камеру, в которой томилась: темноту, холод, спертый воздух.

– Что внутри, я не знаю, – соврала Элида, двинувшись следом. – Наверное, узники, обреченные на страдания.

Лоркан нагнулся и исчез среди высокой травы. Когда его темноволосая голова появилась снова, в руках он держал две толстые хворостины. Каждую он переломил на три части, делая это легко, словно ломал пруттики.

– До сих пор ты обстоятельно и толково рассказывала мне обо всем и не запинаясь. А сейчас у тебя даже запах изменился. Почему?

Элида прошла мимо и стала собирать сухие ветки потоньше.

– Там творились ужасные вещи, – сказала она. – Возможно, узников пытали. Мы слышали крики.

Она молила богов, чтобы в Террасене нынче все было по-другому. С возвращением королевы власть таких, как ее дядя, должна кончиться.

– Кого держали в тюрьмах? Вражеских солдат?

Элида догадалась: Лоркан выпрашивал о возможных союзниках.

– Нам ведь не сообщали, кого там пытаются, – невесело усмехнулась она.

Ей вспомнились руки тюремщиков, похотливые усмешки.

– Наверное, как только я закончу рассказывать тебе про подземелья Мората, ты сразу же исчезнешь.

Элида неутомимо нагибалась за хворостом. Увечная нога хотя и не болела, как прежде, но отзывалась на каждый наклон.

– А что тебя удивляет? Я помню наш уговор. Я и так задержался дольше, чем рассчитывал.

Элида обернулась и увидела в руках Лоркана целую охапку хвороста. Эту охапку он бесцеремонно передал ей, а сам, сняв с пояса топор, направился к крупной изогнутой ветке.

– Значит, мне придется разыгрывать покинутую жену?

– Ты уже разыгрываешь предсказательницу. Одной ролью больше, какая разница?

Топор со свистом отсек часть ветки. Дерево недовольно заскрипело.

– Я жду подробного рассказа обо всех подземных тюрьмах.

Лоркан имел на это право. Как-никак, между ними действительно существовал уговор: его защита и ограждение от разных неприятностей в обмен на ее

сведения о Морате. Он терпеливо сносил все ее вранье, все небылицы, которые она сочиняла для труппы. Пусть не поддакивал, но и не возражал.

- О них нет смысла рассказывать. Их разрушило взрывом. Если не все, то бóльшую часть. Вместе с катакомбами.

Жжик, жжик, жжик. Лоркан кромсал ветку, равнодушный к жалобам дерева. Затем стал расщеплять куски.

- Говоришь, разрушило взрывом?

Рука с топором взметнулась, под темной тканью рубашки напряглись мускулы. Потом он вдруг опустил топор, словно что-то вспомнив:

- Помнится, ты говорила... Когда случился взрыв, ты находилась вблизи двора. Откуда же ты знаешь о разрушении тюрем и катакомб?

Так. Он поймал ее на вранье. Надо выворачиваться.

- Взрыв раздался со стороны катакомб. Несколько башен тут же обрушились. Тюрьмы находились неподалеку. Вот я и предположила: уж если башни рухнули, внизу наверняка все завалило.

- Я не строю свои замыслы на предположениях.

Лоркан снова взялся рубить ветку. Элида выпучила глаза и едва не показала его спине язык. Но желание проказничать мгновенно пропало, когда она услышала:

- Давай рассказывай про расположение северной тюрьмы.

Элида повернулась лицом к заходящему солнцу, сделавшему все поле оранжевым.

- Сам посмотришь, когда туда попадешь.

Звон топора смолк. Стих даже ветер, шелестевший в траве.

В душе Элиды не было ни капли страха. Она побывала на грани смерти, сполна познала ужас и отчаяние. Она и так слишком много рассказала Лоркану, заглянув в самые мрачные углы ненавистного Мората. Хватит с нее его грубости и высокомерия... Пусть катится ко всем чертям.

Элида побрела к повозкам. Лоркан мгновенно догнал ее и загородил путь. Загородил солнце. Ей показалось, что оранжевые лучи избегают падать на его широкое смуглое лицо. Только ветер отваживался играть завитками шелковисто-черных волос.

- Между прочим, у нас с тобой, девка, уговор.

И опять Элида не испугалась его бездонных глаз:

- Ты ведь не сказал, за какое время я должна все тебе поведать. Что-то успело забыться. А если хочешь выжать из меня побольше сведений, изволь обождать, пока я их не вспомню.

- Не пытайся играть со мной, - оскалил зубы Лоркан.

- А то что?

Элида обошла его, словно Лоркан был всего лишь камнем или лужей. Злость придавала ей сил. Даже некстати разнывшаяся нога не заставила ее опустить голову.

- Убьешь меня? Тогда вообще ничего не узнаешь.

Его рука с невероятной скоростью поймала и крепко сжала ее локоть.

- Маурина, не зли меня! - прорычал Лоркан.

Опять это имя! Лицо Лоркана было неистовым и диким. Из совсем другого времени и мира.

- Убери руку, - сказала она.

К удивлению Элиды, Лоркан подчинился.

- Ты расскажешь мне все, что я хочу знать, - все так же свирепо глядя на нее, заявил он.

Странный камень в ее кармане вдруг ожил и забился, наподобие сердца. Элиде показалось, что от этих биений у нее сотрясаются кости.

Лоркан отстал на шаг. Его ноздри чуть раздулись, словно он почувствовал пробуждение камня.

- Кто ты? - вдруг спросил он.

- Никто, - глухим, опустошенным голосом ответила Элида.

Быть может, когда она разыщет Аэлину и Эдиона, у нее появится цель и жизнь обретет смысл. Пока что она - посланница, которой поручено передать камень Селене Сардотин. Вот только как найти эту Селену в огромном мире? Сколько времени потрачено зря. А ей надо спешить. Нужно попасть на север, и как можно быстрее.

- Зачем тебе понадобилась Аэлина Галатиния?

Вопрос был не из тех, что задают невзначай. Вопрос Лоркан задал с какой-то целью. Вон как напрягся. Совсем как хищник перед прыжком. И злость на нее у него не прошла. Притушил усилием воли.

- Ты знаешь королеву? - удивленно выдохнула Элида.

Лоркан заморгал. Не от удивления, а чтобы выиграть время.

Да, он знал ее королеву. И сейчас раздумывал, какую порцию сведений можно сообщить этой странной девчонке и под каким соусом.

- Селена Сардотин находится на службе у твоей королевы. Так что твоя дорога короче, чем ты думала. Найди одну, найдешь и вторую.

Лоркан умолк, ожидая, как эти слова подействуют на нее.

Изменится ли тогда ее жизнь? Ущербные люди быстро усваивают, что в этом мире они никому не нужны и за каждую крупницу доброты нужно платить. Потеплеют ли глаза королевы при виде Элиды? Вспомнит ли ее Аэлина?

- Маурина, - повторил Лоркан.

Ишь как рычит. Мать. Отец. Единственные люди, по-настоящему любившие Элиду. Даже Финнула, столько лет проведшая с нею в башне, всегда смотрела на нее со смешанным чувством жалости и страха.

Элида не помнила, когда ее в последний раз обнимали. Утешали. Или просто улыбались, любя такой, какая есть.

Ей не хотелось говорить. Сил врать, рассказывая про северную тюрьму, тоже не было. Элида молча побрела в сторону повозок.

Манона не бросила ее в подземелье. Элида снова и снова напоминала себе об этом. Манона пришла за нею. И Астерина с Соррелью тоже. Но даже они оставили ее одну в лесу.

Нельзя себя жалеть. Жалость к себе - злейший ее враг. Особенно когда до севера еще так далеко. А она должна туда попасть ради будущего. Вот только какого? Даже если она доберется до Террасена, найдет Аэлину... что она сможет предложить своей королеве? Ведь она даже читать не умеет. Как объяснить такое Аэлине и придворным?

Главное - добраться туда. Она согласится быть у королевы прачкой. Чтобы стирать белье, грамотность не требуется.

Элида не слышала шагов Лоркана. Даже с грузом дров он шел бесшумно.

- Ты мне все-таки расскажешь про подземелья, - процедил он сквозь зубы.

Элида чуть не застонала.

- Не сейчас, - добавил Лоркан. - Потом, когда тебе станет лучше.

Наверное, для него печаль и отчаяние были чем-то вроде болезни.

- Ладно.

- Договорились, - подытожил Лоркан.

Труппа встретила их улыбками и с радостью сообщила: по другую сторону дороги нашлось высокое место, где сейчас ставят шатры. Элида со вздохом

посмотрела на тот, что поставили для нее и Лоркана. Уж лучше бы сейчас лил дождь.

За свою долгую жизнь Лоркан обучил немало воинов и знал, когда на них можно, а когда нельзя давить. Он пытал немало врагов и тоже знал, когда нужно остановиться, иначе жертва сломается и станет бесполезным куском мяса.

Лоркана насторожило не столько ее упрямство, сколько изменившийся запах. Странная, непонятная сила, таившаяся у нее в крови, вдруг исчезла, уступив место печали. Нет, даже хуже – ощущению безнадежности...

Лоркану хотелось рассказать Маурине о тщетности всяких надежд. Но как скажешь такое девчонке, у которой тело взрослее мозгов? Какими бы глупыми ни были ее надежды, они позволили ей выбраться из Мората. Да и в уме Маурине не откажешь. И врет она не из любви к вранью, а потому, что такова ее стратегия выживания.

У Лоркана был достаточный опыт общения со смертными. Кого-то он убивал, кого-то укладывал в постель, с кем-то даже сражался бок о бок. Характер Маурины не представлял для него особой тайны. Она не была порочной, коварной или своекорыстной. Уж лучше бы была; это бы значительно облегчило ему задачу.

Но если она больше ничего не расскажет ему про Морат, если своими настырными требованиями он что-то в ней сломал... Когда он проникнет в крепость, никакие сведения не будут лишними. И когда настанет время выбраться оттуда. Маурина сумела выбраться. Возможно, она – единственная, кому это удалось.

Лоркан собирался поделиться с нею своими мыслями, как вдруг заметил, что Маурина с тревогой поглядывает на поставленный для них шатер.

Их шатер.

Подошла Омбриела. Настороженно взглянув на Лоркана – по-иному она на него не смотрела, – черноволосая красавица сухо сообщила, что у молодых супругов наконец-то появилась возможность провести ночь вместе.

К удивлению Лоркана, еще не успевшего свалить груз дров, бледное, печальное лицо Маурины вдруг вспыхнуло от радостного предвкушения, словно она сбросила маску. Она наградила «мужа» кокетливым взглядом, потом лучезарно улыбнулась Омбриеле и поспешила свалить хворост возле ямы, приготовленной для костра.

Лоркану хватило здравого смысла улыбнуться «жене». Он тоже пошел к костровой яме, свалил принесенные дрова и поспешил вслед за Мауриной к их шатру, поставленному на приличном расстоянии от остальных.

Шатер был невелик и тесен для двоих. Лоркан не отказался бы и эту ночь провести под открытым небом. Наверное, раньше в нем ночевал прежний

метатель ножей. Маурина откинула полог и вошла почти бесшумно. Лоркан пригнулся и тоже вошел.

Шатер не позволял встать во весь рост. Голова Лоркана упиралась в потолок, угрожая опрокинуть шест. Пол был устлан плетеными ковриками. Маурина опасливо поглядывала на свернутую подстилку – их «супружеское ложе».

Ширины подстилки хватило бы на двоих. Но...

– Ложись на подстилке одна, – без обиняков предложил Лоркан. – Мне достаточно и ковриков.

– А вдруг кто войдет?

– Скажешь, что мы поссорились.

– Каждый раз?

Радость Маурины по поводу шатра была маленьким спектаклем, разыгранным для Омбриелы. Ее лицо вновь стало холодным и напряженным.

– Караван не собирается задерживаться здесь на несколько дней. А тех, кто без разрешения сует нос, я отучаю раз и навсегда.

В военных лагерях он наказывал солдат и за меньшие провинности.

– Ладно, – снова сказала Маурина.

Опять эта маска безразличия, странным образом переплетенного со страхом. Девчонка находилась на грани срыва.

– Может, хочешь вымыться? – спросил Лоркан. – Я нагрее воды, притащу в шатер. Пока моешься, постояю снаружи и посижу, чтобы никто не сунулся.

Он предлагал ей земные радости в обмен на доверие, благодарность и желание ему помочь. Нужно было увести ее от опасной черты.

Слова Лоркана заставили Маурину придирчиво оглядеть себя. Белая рубашка успела запачкаться, не говоря уже о коричневых кожаных штанах и сапогах...

– Я предложу Омбриеле деньги, и она сегодня же выстирает твою одежду.

– Мне нечего надеть на смену.

– Поспишь голой.

Настороженность на ее лице сменилась вспышкой неприязни.

– У тебя на виду?

Лоркан удержался от желания выпучить глаза и усмехнуться.

– Что скажешь про свою одежду? – вдруг спросила Маурина.

- А что я должен сказать?

- Она у тебя тоже не блещет чистотой.

- Потерплю еще денек. Не впервой.

Если он разденется, Маурина, скорее всего, убежит спать в повозку.

- Почему только я должна оставаться голой? Труппа может заподозрить, что мы никакие не муж и жена. Тебе тогда тоже нужно спать голым.

- Ты слишком молода, - тщательно выбирая слова, сказал Лоркан. - А я очень стар.

- Сколько тебе?

Раньше она не спрашивала про его возраст.

- Достаточно.

- Тело есть тело, - пожала плечами Маурина. - По правде говоря, ты тоже не благоухаешь. Если не хочешь мыться, тогда спи в другом месте.

Никакого смысла в ее заявлении не было. Маурине просто захотелось узнать, послушается ли он ее. Проверить, кто кем повелевает. Нагреть ей воды для мытья, исполнить то, о чем просит... Пусть почувствует свое главенство.

- Договорились, - усмехнулся Лоркан.

Когда он вернулся в шатер с лоханью горячей воды, Маурина сидела на спальной подстилке. Она успела снять сапоги и теперь растирала увечную ногу. Маленькие руки терли бледную кожу, словно этими движениями можно было убрать оттуда и боль, и само увечье.

- Очень болит?

Иногда Лоркан своей магией уменьшал боль. Когда вспоминал. Сама Маурина ни разу ему не напомнила.

Забыв о ноге, Маурина смотрела на лохань с горячей, очень горячей водой. На плече Лоркана висело ведро, которое он принес на всякий случай.

- У меня это с детства, - отрешенно сказала она, будто замороженная большой лоханью, полной чистой воды.

Маурина встала и, хмуро глянув на покалеченную ногу, добавила:

- Я привыкла. Научилась жить с такой ногой.

- Это не ответ.

- Тебе-то что? - удивилась Маурина, расплетая свою толстую косу.

Она продолжала смотреть только на воду.

Лоркану вдруг стало интересно. Захотелось узнать, где, как и почему этой девчонке покалечили ногу. Наверное, она и в детстве была красивым ребенком. Он почти не сомневался: ногу она покалечила отнюдь не случайно. Кто-то ей в этом «помог». Но зачем? Может, чтобы уберечь от чего-то более страшного?

- Помнится, ты говорил, что постоишь снаружи, - бросила ему Маурина.

Лоркан усмехнулся. Он помнил свои слова и потому, пожелав Маурине приятного мытья, вышел из шатра.

Он стоял в траве, поглядывая то на суету трупы вокруг костра, то на стремительно темнеющий купол неба. Лоркан терпеть не мог равнин. Слишком много открытого пространства, где ты - как на ладони.

Он не видел, как Маурина раздевается, зато острый фэйский слух ловил все звуки снимаемой одежды. Шелест, похожий на шипение, - Маурина вылезла из кожаных штанов. Другой шелест, напоминающий хруст, - стянула грубую рубашку. Нижнее белье она снимала почти бесшумно, однако Лоркан услышал и эти звуки. Потом стало совсем тихо, а через несколько секунд раздался едва различимый шелест. Наверное, Маурина не хотела, чтобы даже боги это слышали. Хрустнуло сено. Стукнула приподнятая и снова опущенная подстилка.

Маленькая ведьма что-то спрятала. Опять захрустело сено. Маурина вернулась в лохань.

Что же она может прятать? А он за все это время даже не догадался. Из шатра донесся плеск воды. Маурина кряхтела от удовольствия. Эти звуки уже ничего не говорили Лоркану. Он опять стал прислушиваться к шуму вокруг костра и вдруг подумал о Роване и Аэлине, которую мысленно называл не иначе как сукой-королевой.

Маурина с королевой были почти одного возраста. По меркам Лоркана обе совсем девчонки. Маурина, конечно же, рисовала себе яркие картины встречи с королевой. Но какой эта встреча будет в действительности, если произойдет? Найдется ли у Аэлины время поговорить с хромоножкой? Возможно, будет любопытно узнать, откуда той известно про Селену Сардотин. А потом?

Лоркана это не касалось. Такие вопросы имели отношение к совести, с которой он распрощался еще пятьсот лет назад, бросив ее на задворках Доранеллы. Потом он убивал врагов, не слушая их мольбы о пощаде, сжигал дотла целые города, даже не оглядываясь на дымящиеся развалины.

И не он один. Рован делал то же самое. Этот проклятый выскочка из клана Боярьшника был талантливым военачальником, умелым убийцей и палачом. Так продолжалось веками. Уничтожив очередное королевство, они потом много дней пили и развлекались с женщинами, празднуя победу.

Еще совсем недавно рядом с Лорканом находился превосходный воин: жестокий, беспощадный, готовый беспрекословно выполнять любые приказы своего командира.

А потом Рована словно подменили. Он был готов убить Лоркана, нырнуть в смертельно опасную бездну, только бы спасти принцессу, не имевшую ни трона, ни даже прав на трон.

Помнится, они с Рованом тогда сцепились невдалеке от крепости Страж Тумана. Принц извивался как угорь, выкрикивал имя Аэлины Галатинии и утверждал, что все должно измениться. Лоркан понял: прежнего Рована он потерял навсегда. Никогда уже им вместе не бражничать и не охотиться за красивыми женщинами. Теперь Рован всегда будет смотреть на морскую даль с тоской и непонятным Лоркану блеском в глазах.

Любовь сломала безупречное живое орудие убийства. Сколько же веков понадобится Лоркану, чтобы перестать злиться по этому поводу?

А эта Аэлина... принцесса или королева, как бы она себя ни называла... Она оказалась просто дурой. За кольцо Атрила Маэва дала бы ей мощную армию. Возможно, поддержала бы, дабы стереть Морат с лица земли. Даже не зная, чем является это кольцо, Аэлина могла бы использовать его с большой выгодой для себя.

Но она выбрала Рована. Принца, у которого ни короны, ни армии, ни союзников.

Оба не заслуживали ничего, кроме гибели.

Из шатра высунулась мокрая голова Маурины. Все остальное скрывало толстое шерстяное одеяло, из которого она соорудила себе нечто вроде халата.

- Отнеси это в стирку, - сказала Маурина, бросив ему сверток.

В рубашку она натолкала кожаные штаны и нижнее белье. А сушить где прикажешь? До утра это явно не высохнет. И стирать нужно бережно, иначе одежда сядет так, что не натянешь.

Лоркан нагнулся за свертком. Ему очень хотелось заглянуть в шатер и узнать, что же Маурина спрятала под подстилку.

- А кто будет тебя караулить? - усмехнулся он.

Мокрые волосы, прилипшие к лицу, только подчеркивали скулы Маурины и ее изящный носик. Но после мытья в горячей воде в глазах снова появился блеск и губы опять стали похожи на розовый бутон.

- Пожалуйста, поторопись, не то там разберут всю горячую воду.

Лоркан не стал напоминать Маурине, что она остается одна и в полуголом виде. Послушно взял белье и пошел к костру. Омбриеле было не до стирки. Черноволосая красавица готовила ужин и усердно мешала в котле. Похоже, опять кроличье жаркое. Лоркан покосился на узел и...

Через полчаса он вернулся в шатер, принес тарелку с большой порцией жаркого. Маурина сидела на подстилке, завернувшись в одеяло и вытянув ноги. Ее кожа была неестественно бледной. Не белой, а именно бледной. Казалось, ее постоянно держали взаперти, не выпуская на солнце.

Глаза Маурины скользнули по тарелке, затем по свертку у него под мышкой.

– Омбриеле было некогда. Я сам выстирал твою одежду.

Маурина покраснела.

– Тело есть тело, – повторил Лоркан ее слова. – И нижнее белье – всего лишь одежда.

Маурина нахмурилась и опять перевела взгляд на тарелку.

– Я принес тебе ужин. Вряд ли ты пойдешь туда, завернувшись в одеяло.

Лоркан опустил тарелку, затем бросил на подстилку сверток:

– Это я раздобыл у Мулли. Само собой, она потом вычтет за тряпки, но не спать же тебе голой.

Даже не поблагодарив Лоркана, Маурина набросилась на еду.

Лоркан уже хотел отправиться на ужин, когда вдруг услышал:

– Мой дядя... Он был в Морате командиром.

Эти слова заставили Лоркана остановиться. Он вперился глазами в подстилку. Маурина продолжала, жадно глотая крольчатину:

– Однажды он... запер меня в подземную тюрьму.

Стих ветер, шелестящий в траве. Отодвинулись куда-то далеко костер и труппа, собравшаяся на ужин. Замерли докучливые насекомые. Мелкое зверье, обитавшее вокруг, поспешило спрятаться в норах.

Маурина не заметила всплеска его магии – темной силы, отмеченной печатью смерти. А может, это сейчас ее не волновало.

– Его зовут Варнон. Он умен и очень жесток. Если он тебя поймает, то не убьет, а постарается подчинить своей воле. Так он поступает с каждым. У него нет души, и потому он неумолим. И совести у него тоже нет.

Маурина продолжила есть, решив, что сказала достаточно.

– Ты хочешь, чтобы я его убил? – тихо спросил Лоркан.

Маурина посмотрела на него. Взгляд ее темных глаз был ясным и чистым. На мгновение Лоркан увидел женщину, в какую превратится... в какую уже превращалась эта девчонка. Каким бы ни было ее происхождение, такая придворная дама украсила бы свиту любой королевы.

- Твое предложение имеет цену?

Смышленная ведьмочка. Лоркан едва удержался, чтобы не усмехнуться:

- Нет. Я готов укокошить его бесплатно. Тебя можно было просто запереть в комнате. Почему же он упрятал тебя в подземелье?

У Маурины дернулась шея. Один раз, второй. Чувствовалось, ей тяжело говорить, будто даже на расстоянии она боялась своего дядю-изувера.

- Он хотел проверить, можно ли скрестить его род с валгскими демонами. Потому он и привез меня в Морат. Использовать как племенную кобылу.

В голове Лоркана стало пусто. Услышанное выгнало оттуда все мысли. Он повидал немало чудовищного. Он и сам творил такое, отчего у Маурины волосы стали бы дыбом. Но это...

- У него получилось? - глухо спросил Лоркан.

- Со мною нет. Но до меня были другие, и они... Помочь им не успели.

- Значит, взрыв в Морате не был случайным?

Маурина покачала головой.

- Его устроила ты?

Что же она все-таки прятала под подстилкой?

И снова Маурина покачала головой:

- Кто это сделал и как - я не скажу. Не смею подводить тех, кто меня спас.

- Тогда получается, что илки...

- Нет. Илков выводили в катакомбах. Не в самом Морате, а в подземельях окрестных гор. Способы их выведения еще страшнее.

Маэва должна была знать об этом. Она наверняка знала, что творится в Морате. Перед армией демонов и чудовищ меркли все легенды прошлого. Маэва никогда бы не пошла на союз с валгами. Много тысячелетий назад она уже воевала с этим отродьем. А если не воевала?.. Сколько времени понадобится этим тварям, чтобы Доранелла услышала их вой? Глупо надеяться, что Вендалин спасет удаленность. Моратские правители не удовлетворятся властью над одной лишь Эрилеей.

Допустим, какое-то время Доранелла еще сможет продержаться. Но он к тому времени будет мертв. Маэва не простит ему уничтожение Ключей. А когда не станет ни его, ни Рована... долго ли продержится Доранелла? Десятки лет? Или считанные годы?

Вопрос, мелькнувший в мозгу Лоркана, вернул его в настоящее.

– Несчастье с твоей ногой случилось еще в детстве. Получается, твой дядя годами держал тебя в тюрьме?

– Нет, – возразила Маурина, даже не вздрогнув от его вопроса. – В подземелье я провела всего неделю. А нога и цепь... Это случилось гораздо раньше.

– Какая цепь?

Маурина заморгала. Слова о цепи вырвались у нее, и ей очень не хотелось рассказывать об этом.

Но кое-что Лоркан понял и сам. Среди давних шрамов на изуродованной ноге Маурины виднелся белый след от кандалов. На здоровой ноге был такой же. Кандалы скреплялись цепью.

Лоркану показалось, что ветер, промчавшийся по полю, нес пыль и холод подземелий.

– Спросишь у моего дяди, когда будешь его убивать, – только и ответила Маурина.

Глава 31

Во всяком случае, они убедились, что карта Рульфа сохраняет свои магические свойства.

Затея принадлежала Ровану. Аэлину немного мучила совесть: это ведь она убедила Эдиона и Лисандру, что предводитель пиратов может позариться на Амулет Оринфа. Зато теперь они знают: магия карты не утрачена, а Рульф живет в постоянном страхе, боясь возвращения валгов.

Если бы карта показала ему Ключ Вэрда, как бы повел себя пиратский король? Если бы он узнал разницу между Ключом и каменными кольцами, делавшими из его людей послушные орудия? Как бы то ни было, но Рульф отправил свою подавальщицу на разведку. Опять-таки не из-за амулета, а из-за боязни валгов. Рован не напрасно выбрал закоулок, оканчивающийся тупиком: туда мог забрести только человек, посланный Рульфom. Аэлина не сомневалась, что Эдиону и Лисандре удалось вернуться незамеченными... Что ж, эта часть вечера прошла с пользой.

Время перевалило за полночь. Если они уцелеют в грядущей войне, насладятся ли она и Рован тем, что называется обыденной жизнью? Наступят ли такие дни, когда не понадобится перепрыгивать с крыши на крышу и врываться в чужие жилища, чтобы приставить кинжал к горлу того, на кого там наткнешься?

Пока что за какие-то пятнадцать минут они проделали то и другое.

Выяснились и некоторые интересные подробности. Гарель и Фенрис, оказывается, поджидали их в комнате, нанятой ими в «Морском драконе». После этого Аэлине как-то не захотелось новых сюрпризов. В комнату они проникли достаточно просто – через окно. Магия ветра помогла его открыть. Оно чуть приоткрылось и вдруг распахнулось настежь. Лица фэйских воинов были каменными. Гарель и Фенрис словно ждали гостей, приготовившись к встрече.

– Через дверь входить удобнее, – заметил Фенрис.

Он стоял, скрестив руки. Поза была нарочито непринужденной.

– Почему бы малость не поразвлечься? – бросила ему Аэлина. – Через дверь каждый может.

Ответ несколько удивил Фенриса, но черные глаза остались внимательно-холодными.

– Странно, если бы ты упустила такую возможность.

Аэлина улыбнулась во весь рот. Фенрис ответил такой же улыбкой. Пожалуй, они оба не столько улыбались, сколько... показывали зубы.

– Смотрю, вы двое неплохо провели лето в Доранелле, – заметила Аэлина. – Как поживает милая тетушка Маэва?

Татуированные пальцы Гареля сжались в кулаки.

– Ты отказываешь мне в праве увидеться с сыном, однако сама глухой ночью вламываешься к нам и требуешь рассказа о нашей королеве.

– Во-первых, котенок, я не отказываю тебе ни в чем.

Фенрис издал странный звук, чем-то похожий на кашель.

– Решение принимает твой сын, а не я, – продолжала Аэлина. – У меня нет ни времени, ни желания соваться в чужие дела.

А вот это было враньем.

– Конечно, где тебе найти время, – хмыкнул Фенрис. – Смертным отпущено так мало лет, но им хочется успеть слишком многое.

Он повернулся к Ровану и, лукаво сощурившись, спросил:

– Или ее вскоре ожидает Преображение?

Какой же он мерзавец, этот Фенрис! Ехидный, готовый задеть побольнее. В этом он схож с Лорканом. Две стороны одной монеты: насмешливая и угрюмая. Маэва явно подбирала вассалов под свой характер.

В лице Рована не дрогнул ни один мускул.

- Вас Преображение Аэлины никоим образом не касается.

- Да так ли уж не касается? - не унимался Фенрис. - Если она достигла бессмертия, это многое меняет. Очень многое.

- Фенрис! - предостерегающе рявкнул Гарель.

Аэлина достаточно знала о Преображении - особом пути, который преодолевали тела чистокровных фэйцев и полукровок, входя в состояние вечной молодости. Переход был достаточно тяжелым и продолжался месяцами. Преображение сказывалось и на теле, и на магии, которой обладал преобразующийся. Некоторые фэйцы не могли управлять своей магической силой, а кто-то даже терял ее на время Преображения.

Что касалось полуфэйцев... Кто-то получал лишь долгую по меркам смертных жизнь. Бессмертие обретали не все. Лоркану повезло. Возможно, повезет и Эдиону. В ближайшие годы станет ясно, пошел ли он в мать или... в фэйского воина, сидящего напротив Аэлины. Но и здесь нужно сделать оговорку: если они уцелеют в грядущей войне.

В кого пошла она сама... Аэлина гнала от себя подобные мысли по причине, названной Фенрисом.

- Сомневаюсь, что это многое изменит, - сказала она Фенрису. - Одна бессмертная королева уже есть. Неудивительно, если появится вторая.

- И ты позволишь всем приглянувшимся мужчинам приносить тебе клятвы на крови? Или такой чести удостоился один лишь Рован?

Рован закипал от гнева. Аэлина уже ловила эти волны. Ей очень хотелось сказать Ровану: «Это же твои друзья. Сам с ними и объясняйся». Но она сдержалась и с нарочитым спокойствием бросила Фенрису:

- Помнится, пока я гостила в Страже Тумана, я ни у кого из вас не вызывала интереса.

- У меня нет, зато Фенрис... - пробормотал Гарель.

Аэлина повернулась к Фенрису. Тот смотрел не на нее, а на Гареля, и взгляд обещал медленную смерть.

- Когда Маэва сообщила о твоём прибытии на Вендалин, Фенрис... добровольно вызвался тебя обучать, - пояснил Рован.

А она и не знала.

- Почему?

Рован собрался ответить и на этот вопрос, однако Фенрис его опередил:

- Это давало возможность на время убраться из Доранеллы. И со мной учеба была бы намного легче и увлекательнее. Я видел, как Боярышник обучает. Волосы дыбом встают.

- Вы бы оба пьянствовали на крышах Варэса, вот и все твоё обучение, - сказал Рован. - А что касается моих методов... Вспомни-ка, парнишка, сколько раз они спасали тебе жизнь.

Фенрис выпучил глаза. Значит, он моложе Рована. По человеческим меркам - все равно очень старый, но по меркам бессмертных он был моложе. И вел себя соответствующим образом.

- Варэс меня мало занимает, - сказала Аэлина. - Мы же говорили про Доранеллу.

- Пора бы понять: мы почти ничего не знаем о замыслах Маэвы. - Слова Гареля звучали как предостережение. - И потом... клятва, принесенная на крови. Уж такие вещи ты должна понимать.

- Я только не понимаю, как ей удастся настолько держать вас в узде, - без обиняков призналась Аэлина. - У Рована не так. Если я отдаю ему распоряжения, они не требуют беспрекословного исполнения и только так, как я сказала. Нужно очень туго натянуть связующие нити, чтобы он... подчинился. Но даже тогда я скорее прошу, чем приказываю.

- У тебя так, у Маэвы по-другому, - сказал Гарель. - Многое зависит от личности того, кому приносят клятву. Вы оба приносили клятву на основе любви, живущей в ваших сердцах. Ты не ставила перед собой цель владеть Рованом и помыкать им.

Услышав слово «любовь», Аэлина едва не вздрогнула. В тот день... когда Рован пил её кровь, глядя ей в глаза... до неё начал доходить смысл происходящего. Чувство, связавшее их, было могущественным и неизъяснимым. Ни в каком языке не нашлось бы слов, чтобы рассказать об этом чувстве... Оно родилось на основе их дружбы, и дружба дала ему силу.

- Маэва настроена на власть и управление теми, кто приносит ей клятву, - добавил Фенрис. - Связующие нити скручены из подчинения ей в большом и малом. Она приказывает, мы повинемся. Выполняем все, что она пожелает.

Глаза Фенриса помрачнели. Аэлина инстинктивно сжала кулаки. Маэва только силой могла заставить этих воинов делить с нею ложе... Рован состоял с Маэвой в дальнем родстве, что отчасти удерживало её от поползновений. Зато с другими она не церемонилась.

- И вы никогда бы не смогли самостоятельно порвать эти узы?

- Никогда. Если бы мы решились на такое, магия Маэвы попросту убила бы нас.

А он пытался? Если да, то сколько раз?

- Почему ты спрашиваешь? - поинтересовался Фенрис, совсем по-волчьему склонив голову набок.

«Потому что, если Маэва однажды заявит о своих притязаниях на жизнь Эдиона, я должна знать, как и чем ему помочь».

– Потому что я не люблю уклончивые ответы, – сказала она вслух и слегка улыбнулась.

Такая улыбка была способна свести с ума Рована и Эдиона. Такой улыбкой можно было быстро разозлить любого фэйского мужчину. Вскоре по красивому лицу Фенриса стало заметно: улыбка достигла цели. Аэлина занялась разглядыванием ногтей и продолжала:

– Вы оба уже достаточно почтенного возраста и в это время привыкли спать. Поэтому не стану отнимать ваше драгоценное время и сразу перейду к делу. Армада Маэвы плывет к берегам Эйлуэ. Мы с вами – временные союзники. Но не исключено, что путь, избранный мною, может втянуть меня в конфликт с флотом и даже с самой Маэвой. Причем такое может случиться независимо от моего желания.

Рован немного напрягся. Аэлина мельком взглянула на него. Ей нужно было проверить, как ее слова отзываются у фэйцев.

Фенрис повернулся к Ровану:

– По-моему, важнее всего узнать, кому намерена помогать Маэва. Не исключено, что Эравану.

– У нас... у Маэвы обширнейшая сеть осведомителей, – возразил Рован. – Она наверняка уже знает, что имперский флот сосредоточен в гаванях залива Оро.

Долго ли ее принц, говоря о Маэве, будет по привычке говорить «наш», «наши»? И скучает ли он по бывшим соратникам? А вот они, судя по хмурым взглядам, не очень.

– Быть может, Маэва вознамерилась перехватить имперский флот, – рассуждал вслух Гарель. – Ты расценила бы это как ее намерение тебе помочь, а потом... она втянула бы тебя в свои замыслы.

Аэлина насмешливо щелкнула языком:

– Столкновение флотов обернулось бы громадными потерями. Сомневаюсь, что Маэва согласится пожертвовать своими воинами ради возвращения моей благосклонности.

А ведь она приняла бы любую помощь Маэвы, сознавая, что идет на риск.

– Маэву мало заботят потери в рядах фэйских воинов, – криво усмехнулся Фенрис. – Ее бы это лишь взбудоражило.

– Болтаешь много, – буркнул Гарель.

Боги милосердные, у них с Эдионом даже голоса похожи.

– Вы оба знаете, насколько опасен Эраван и что нам угрожает при столкновении с ним, – продолжала Аэлина. – Знаете вы и то, чего

добивалась от меня Маэва в Доранелле. И цель самовольного отъезда Лоркана вы тоже знаете.

При упоминании о Лоркане их лица вновь стали каменными.

– Маэва приказала вам забрать у Лоркана Ключи и кольцо? Или ограничилась приказом его убить?

– Если мы скажем, что нам приказано забрать все, ты нас убьешь, Наследница огня? – зевая, спросил Фенрис.

– Все зависит от вашей полезности в качестве союзников, – искренне ответила Аэлина.

Амулет у нее под рубашкой слегка загудел.

– У Рульфа есть оружие, – сообщил Гарель. – Или появится в ближайшее время.

– Мне за сведения надо будет заплатить? – деловито спросила Аэлина.

Гарель был не настолько глуп, чтобы спросить об Эдионе.

– Оружие называется огненными копьями. Его придумали алхимики южного континента для своих войн. Это все, что пока нам известно. Слышали только, что управляться с ним может один человек, а разрушения от него большие.

Ценное подспорье, если учесть, что уцелевшие маги еще не освоились с вернувшимися способностями. Да и много ли их уцелело стараниями Адарлана?

Главное, она не будет одинока. Не окажется единственной Огненицей на поле боя.

Но вначале Рульф должен предоставить им свои корабли и согласиться на то, к чему она осторожно (даже очень осторожно) его подталкивает. Путь к южному континенту занял бы несколько месяцев, которых у нее не было. Но если Рульф уже заказал огненные копья... Теперь можно и уходить. Аэлина кивнула Ровану, поймав его взгляд.

– Это все? – удивился Фенрис. – Нам позволено узнать, как ты обойдешься с полученными сведениями? Или мы для тебя не более чем прислужники?

– Вы не доверяете мне. Я не доверяю вам, – сказала Аэлина. – Так легче.

Она локтем открыла окно.

– Но большое спасибо за сведения.

Фенрис несколько оторопел. Наверное, от Маэвы он никогда не слышал слов благодарности. Аэлина вдруг пожалела, что тогда, в Доранелле, не расплавила тетку или не сожгла дотла.

Их обратный путь тоже пролегал по крышам, по скользкой после очередного дождя черепице. Когда впереди показались очертания «Океанской розы», Аэлина остановилась в тени дымовой трубы.

– Мы не имеем права на ошибку.

– Знаю, – прошептал Рован, кладя руку ей на плечо. – Постараемся учесть каждую мелочь.

Глаза Аэлины вспыхнули.

– Мы затеяли игру против двоих властителей, настолько древних, что время их правления превосходит возраст большинства королевств. У них богатейший опыт по части интриг и уловок.

Даже с ее способностями шансы обмануть и переиграть их...

– Я видела, в каком подчинении у Маэвы твои прежние соратники. Даже на расстоянии... Весной она чуть не разлучила нас.

– Даже если бы Маэва поработила меня, я бы сражался с нею. Каждый день, каждый час. Я бы ни на мгновение не оставил борьбы.

Рован нежно поцеловал Аэлину:

– Я бы обязательно нашел способ вернуться к тебе. Я понял это после твоего сражения с валгами, когда ты вышла из их тьмы и улыбнулась мне сквозь языки пламени.

У Аэлины сдавило горло, но она все-таки сказала:

– Те битвы остались в прошлом. Скоро они покажутся нам детской забавой.

– Мои чувства к тебе не изменились. Я еще больше, чем тогда, готов показать тебе, что ты во мне не ошиблась.

Они оба знали, как ей нужны эти слова. В голове Аэлины звучали голоса Дарро и Рульфа, сыпавшие упреками и угрозами.

– Тогда действуй, принц.

Рован негромко засмеялся. Он прижал Аэлину к старой трубе. Пространство их ртов почти мгновенно стало общим. Язык Рована двигался неспешно, даже лениво. Но Аэлина теряла рассудок. От поцелуев. От невидимого огня, охватившего их обоих.

Пожалуй, они бы сейчас могли сжечь весь мир, а уж этот захудалый городишко – непременно. Они принадлежали друг другу. Их любовь бросала вызов кровавым столетиям, знавшим лишь войны, разрушения и потери. Их любовь была сильнее времени и расстояний.

Поцелуй утомил их.

– Знаешь, Аэлина, я вдруг понял, что даже вдали от тебя моя кровь полна твоего огня. Я ощущаю его вкус у себя во рту.

Аэлина с тихим стоном прижалась к нему. Возможно, их видели снизу. Их это ничуть не заботило.

– Помнится, ты говорил, что первый раз у нас с тобой это будет в постели, а не возле дерева, – сказала Аэлина, не уставая водить руками по плечам и груди Рована. – А как насчет трубы?

Рован снова засмеялся и слегка закусил ей верхнюю губу.

– Напомни мне снова, почему я по тебе скучал.

Смех Аэлины быстро стих. Их поцелуй продолжался, делаясь все крепче. Им не мешала ни щербатая труба, ни яркая луна.

Глава 32

Эдиону не спалось. Он мысленно выбирал место встречи с отцом, оценивая преимущества и недостатки каждого варианта. Может, на берегу? Получалось, что он стремится к разговору наедине. Эдион сомневался, действительно ли он хочет такого разговора. Если встречаться у Рульфа – там слишком шумно и много посторонних глаз и ушей. Постоялый двор «Океанская роза» казался ему слишком официальным... Эдион вертелся на койке и уже начал засыпать, когда услышал шаги Аэлины и Рована. Они вернулись в середине ночи. Никто не видел, как они уходили. Успокаивало лишь то, что Аэлина ушла не одна, а с фэйским принцем.

Лисандра спала как убитая. Ее не могли разбудить ничьи шаги. Она очень устала и заснула почти сразу после возвращения. Дорин к тому времени уже спал. Лисандра вернулась в свое тело. Превращение лишило ее равновесия. Она покачнулась. Эдион успел ее подхватить. Наготы Лисандры он даже не заметил. Лисандра сонно моргала. Эдион уложил ее на кровать и прикрыл одеялом.

Однако разгоряченная Лисандра тут же сбросила одеяло:

– Тут и так жарко. А ты, думаю, видел немало голых женщин.

Она села на кровати, уперев руки в колени:

– Надо же, как голова кружится.

Эдион осторожно погладил ей голую спину. Лисандра несколько оторопела, но он продолжал гладить ее бархатистую кожу. Через какое-то время Лисандра

издала звук, похожий на мурлыканье. Теперь уже оторопел Эдион, испугавшись, не превратится ли она в призрачного леопарда.

Потом Лисандра растянулась на кровати и, как показалось Эдиону, уснула. Только это был особый сон. В такой сон впадали Аэлина и Рован для восстановления магических сил. Он требовал безопасной обстановки, поскольку тело переставало откликаться на опасность извне.

Эдион несколько раз переворачивал спящую Лисандру, чтобы ей было удобнее спать. Наконец, убедившись, что она больше не будет метаться, взял простыню, намереваясь ее прикрыть, но перед этим не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться ее маленькой крепкой грудью. Ему не верилось, что не так давно рядом с ним была знойная пышногрудая красотка. Затем Эдион поймал себя на странной мысли: Лисандра нравилась ему в любом человеческом облике.

Сам он заснул лишь под утро и вскочил перед восходом. По опыту своей военной жизни Эдион знал: бессонная ночь лучше тяжелой дремы. Ничего, выпится потом. Нужно лишь пережить встречу с отцом.

Он умылся, оделся и пытался решить, стоит ли причесываться.

Лисандра тем временем тоже проснулась. Ночная бледность исчезла. На щеках снова играл румянец. Молодой адарланский король продолжал храпеть.

– И в таком виде ты собираешься пойти на встречу с отцом? – удивилась Лисандра, придиричиво оглядев Эдиона.

Лисандра заставила его снять грязную дорожную одежду. Когда Эдион посетовал, что другой у него нет, Лисандра завернулась в простыню и отправилась шарить в гардеробе фэйского принца. Естественно, Аэлина встретила ее громким «Брысь!», которое, наверное, было слышно и на другом краю залива. Лисандра наградила королеву дерзкой кошачьей улыбкой и ушла, унося зеленый камзол и такие же штаны.

Мало того, Лисандра заставила его еще раз вымыться. Когда Эдион переоделся в наряд Рована и вернулся в комнату, его спутница тоже принарядилась. Где она раздобыла одежду, он спрашивать не стал. Наряд Лисандры был простым, но не лишенным изящества: облегающие штаны, высокие сапоги и белая рубашка. Она наполовину распустила волосы, перебросив шелковистые пряди через плечо.

– Гораздо лучше, – сказала она, оглядев Эдиона. – Сейчас ты больше похож на принца и меньше... на бродягу.

Эдион отвесил Лисандре шутовской поклон.

Проснулся Дорин. Щурясь, посмотрел на обоих, потом на раннее утро за окном, после чего решил, что королям позволительно спать дольше.

– Приятных сновидений, ваше величество, – сказал ему Эдион.

Дорин что-то буркнул в ответ. Эдион сделал вид, что не услышал.

Они быстро позавтракали в пустом зале таверны. Эдион с трудом проталкивал куски в горло. Понимая его состояние, Лисандра не задавала вопросов. Она отсутствием аппетита не страдала.

«Ну и прожорливые же у нас придворные дамы», – подумал Эдион.

Впрочем, и его королева ела не меньше. Магические силы не восполнялись сами собой.

К «Морскому дракону» шли молча. Караульные тоже молча расступились. Эдион потянулся к дверной ручке.

– Ты уверен? – спросила Лисандра.

Эдион кивнул. Уверен или не уверен – какое это теперь имело значение?

Как он и предполагал, бывшие соратники Рована завтракали в таком же пустом зале. Услышав скрип двери, оба прекратили есть. Взгляд Эдиона сразу же остановился на золотоволосом воине... Ему не требовалось иных указаний, кто из двоих – его отец.

Гарель опустил вилку, забыв о еде.

Он был одет, как Рован. И, подобно фэйскому принцу, был вооружен до зубов даже сейчас, во время завтрака.

Эдион вдруг понял: их похожесть с Азлиной напоминала две стороны одной монеты. Сейчас он смотрелся в зеркало, дававшее не слишком яркое отражение. Широкие плечи, жесткий рот – наследство Гареля. А вот волосы у них отличались. Волосы фэйского воина были короткими и более светлыми. Длинные, до плеч, волосы Эдиона имели золотисто-медовый оттенок. Да и кожа Эдиона была такой, как у всех Ашериров: золотистой, а не бронзовой. Возможно, Гарель много времени проводил на жгучем солнце.

Гарель медленно встал. Возможно, изящество движений, умение замирать, как хищник, непроницаемость лица – это тоже досталось Эдиону от отца. А может, они проходили схожее обучение.

Если Эдион был Волком, сейчас он смотрел на воплощенного Льва.

Перебрав разные варианты встречи, Эдион остановился на этом. Пусть рядом будут чужие глаза и уши. Пусть будет внезапность. При иных обстоятельствах отец, чего доброго, сочинил бы речь. Нет. Пусть видит своего взрослого сына. Как-то себя поведет прославленный фэйский воин?

Второй воин, которого звали Фенрис, попеременно глядел на них. Рука с вилкой застыла возле открытого рта.

Эдион заставил себя сделать несколько шагов. Удивительно, но колени у него не подгибались, хотя тело казалось чужим. Лисандра неслышно шла рядом: спокойная и собранная. Пока что отец только смотрел, ничем не выдавая своих чувств. И вдруг...

- А ты похож.. - прошептал Гарель, опускаясь на стул. - Очень похож на нее.

Эдион понимал: речь не об Аэлине. Даже Фенрис заметил боль, наполнившую желтые глаза Льва.

Но Эдион почти не помнил матери. Только расплывчатые картины последних дней ее жизни, когда лицо превратилось в предсмертную маску.

- Она умерла ради того, чтобы когти твоей королевы не дотянулись до меня.

Отец замер, даже дышать перестал. Лисандра приблизилась к Эдиону - твердая скала в бушующем море его гнева.

Эдион буквально пригвоздил отца взглядом. Он и сам не знал, откуда берутся гневные слова. Но они появлялись, срываясь с его губ, и их звук напоминал свист плетей.

- Скажешь, в фэйских поселениях ее могли бы вылечить? Могли бы, но мать обходила их стороной и фэйских лекарей к себе не звала, поскольку боялась, что Мазва узнает о моем существовании и поработит меня, как поработила тебя.

Эдион не произнес, а выплюнул имя ненавистной королевы.

Смуглое лицо отца побледнело. Эдиона не волновало, какие догадки и подозрения мелькали до этого в мозгу Гареля. Волк Севера рычал на Льва Доранеллы.

- Ей было всего двадцать три года. Замуж она так и не вышла. Родня от нее отказалась. Мать никому не рассказывала, от кого меня зачала. Она стойко сносила все попреки и унижения без малейшей жалости к себе. И делала она это потому, что любила меня, а не тебя.

Эдион вдруг пожалел, что не позвал с собой Аэлину. Пусть бы испепелила Гареля, как того адарланского командира в Илиуме. Эдиону было ненавистно смотреть в отцовское лицо. Он ненавидел отца за раннюю смерть матери и за отвратительную предшествующую жизнь. Ему сейчас больше, чем было ей, когда она покинула этот мир.

- Если твоя сука-королева попытается меня захватить, я перережу ей глотку. А если она посмеет причинить моим близким новые страдания, я перережу и твою.

- Эдион, - хрипло выдохнул Гарель.

Эдиону было странно слышать собственное имя из уст отца..

- Мне от тебя ничего не надо.. если только ты не собираешься нам помочь. Возражать против помощи я не стану. А мне, повторяю, не надо ничего.

- Прости меня, - прошептал отец.

В глазах Льва было столько страдания, что у Эдиона мелькнула странная мысль: он добывает поверженного.

- Не у меня тебе надо просить прощения, - сказал Эдион, поворачиваясь к двери.

- Эдион, постой.

Стул под Гарелем скрипнул. Эдиону подумалось, что отец собрался его догнать. Но он не обернулся. Лисандра шла рядом.

- Выслушай меня...

- Убирайся в преисподнюю! - огрызнулся Эдион, толкнув дверь.

Ему было невыносимо возвращаться в «Океанскую розу». Люди, звуки, запахи - все это было сродни пытке. Эдион направился к лесистой горе, высившейся над заливом. Туда, где полумрак, где пахнет сырой землей. Лисандра молча шла следом.

Эдион нашел каменистую площадку, с которой открывался вид на бирюзовые воды залива и разноцветные крыши города. Там он сел и шумно выдохнул. Лисандра села рядом, подобрал ноги под себя.

- Я вовсе не собирался этого говорить, - признался Эдион.

Лисандра разглядывала сторожевую башню, выстроенную у подножия горы. Зеленые глаза округлились при виде громадного колеса, на которое была намотана часть Кораблекрушителя. Башенная винтовая лестница почему-то находилась не внутри, а снаружи, опоясывая этаж за этажом. На самом последнем располагалась катапульта и еще одно, не совсем понятное устройство, напоминающее не то огромный гарпун, не то огромный арбалет. Возле него на высоком табурете застыл солдат. Стрела была направлена вниз. Сейчас она бы полетела в воду, а оказалась на том месте корабль, пробоина быстро бы отправила судно ко дну. Пожалуй, такой стрелой можно было пронзить навывлет сразу троих.

- Ты высказал все, что было у тебя на сердце, и не слукавил. Вряд ли он ждал, что ты бросишься к нему на шею.

- Нам нужна их помощь. А теперь... возможно, я сделал Гареля нашим врагом.

Лисандра тряхнула головой, откидывая волосы:

- Нет, Эдион, не сделал. Гарель сознает свою вину перед тобой. Если бы ты велел ему ползать по горячим углям, он бы безропотно починился.

- Вскоре ему доподлинно станет известно, кто я. Это поуменшит в нем чувство вины передо мной.

- И кто же ты? - хмуро спросила Лисандра. - Адарланский Распутник? Неужели ты до сих пор не сорвал с себя этот ярлык? А как насчет генерала, уберегшего родное королевство от распада? Кто спасал жизни террасенцев,

когда до них никому не было дела? Даже их королеве? Вот кем ты мне видишься.

Лисандра тихо зарычала, но не на Эдиона:

- А если он посмеет хоть в чем-то тебя упрекнуть, я ему напомню, как он веками покорно служил этой доранелльской шлюхе.

Эдион хмыкнул:

- Я бы не пожалел денег, чтобы увидеть, как ты схлестнешься с моим папашей и с Фенрисом.

Лисандра пихнула его локтем:

- Одно твое слово, генерал, и они увидят чудовище, которое потом долго будет приходить к ним в кошмарных снах.

- Разве призрачного леопарда недостаточно?

- Я же говорю про чудовище. Как раз додумываю его облик.

- Мне, наверное, лучше об этом не знать.

- Да, лучше не знать, - сверкнула зубами Лисандра. - Для твоего же спокойствия.

Эдион засмеялся, удивляясь, что еще способен на это:

- А в обаянии Гарелю не откажешь.

- Думаю, Маэве нравится окружать себя красивыми мужчинами.

- Почему бы нет? Она же выбирает их на целую вечность. Вот и заботится об услуге для глаз... в числе прочих услад.

Лисандра засмеялась, и ее смех снял тяжесть, давившую на плечи Эдиона.

Спустя два часа в «Морской дракон» явилась Аэлина, вооруженная Дамарисом и Златинцем. Она с тоской вспоминала времена, когда жила, не ощущая ужаса или неведомой силы, тянущей ее куда-то.

Были времена, когда ей не требовалось выбирать между близостью с любимым и несколькими часами сна.

Минувшей ночью она сделала такой выбор. Они вернулись поздно. Аэлина торопливо вымылась, а когда пришла в их комнату... ее фэйский принц спал, распластавшись на безупречно-белых простынях. Он даже не разделся. Наверное, решил «немного полежать», пока она моется.

Аэлина ощущала чудовищную усталость Рована и не стала его будить. Как и была, голой легла рядом и провалилась в сон раньше, чем голова коснулась его груди. Вскоре могут наступить времена, когда спать придется урывками.

Ровно за пять минут до вторжения Лисандры Рован проснулся и стал осторожно будить Аэлину. Он делал это медленно. Эти дразнящие, властные поглаживания по всему телу, эти поцелуи в губы, шею и мочку уха. Тут бы и мертвый проснулся.

И надо же было этой чертовой Лисандре все испортить! Она ворвалась и принялась шарить в шкафу, едва удостоив Аэлину объяснением, что Эдиону нечего надеть, а он собирается на встречу с отцом. Аэлина не могла отказать себе в удовольствии рывкнуть «Брысь!», но этим все удовольствия и кончились. Она быстро вспомнила, что ждет ее сегодня. Рульф не бросил замыслы расправиться с нею. От него можно ждать чего угодно, но только не сотрудничества.

Рульфа она нашла в углу зала его собственной таверны. Рядом сидели Гарель и Фенрис. И никаких признаков Эдиона. Все трое ошалело смотрели на нее.

Пожалуй, она бы наградила их кокетливым взглядом, но сзади, дыша ей в затылок, стоял Рован, явно настроенный резать глотки бывшим соратникам.

– Чего приперлась? – Рульф вскочил на ноги.

– Капитан, я бы посоветовал тебе быть с нею сегодня очень и очень осторожным, – сказал Фенрис.

Надо же! Усвоил вчерашний урок. Глаза Фенриса остановились на Роване. Фэйский принц смотрел на Рульфа так, словно собирался пообедать капитаном.

– И думай над каждым словом, – добавил Фенрис.

Рульф мельком взглянул на Рована и, кажется, понял.

Быть может, предостережения сделают Рульфа стоворчивее. Но для этого ей надо правильно выстроить игру, и не только с пиратским капитаном.

Аэлина сдержанно улыбнулась Рульфу и уселась на свободный стул. Облупившаяся позолота букв не мешала прочитать название корабля, которому эта часть стола когда-то служила кормой: «Туманогон». Рован сел рядом. Их колени соединились, словно он боялся отпустить Аэлину хотя бы на шаг.

– Я пришла узнать, не передумал ли ты отказываться от союза с нами, – сказала она, улыбнувшись шире.

Татуированные пальцы Рульфа барабанили по золотистым буквам названия другого корабля – тот когда-то назывался «Пересмешник». А между пиратским капитаном и фэйцами была развернута карта континента. Не та, что требовалась Аэлине, однако увиденное заставило ее замереть.

– Что это такое? – пробормотала она.

Вдоль Ферианской впадины и до самого устья Авери тянулась цепочка серебристых фигурок, создавая ощущение непреодолимого заслона. Такие же фигурки окружали берега залива Оро. Их хватало в пределах Мелисанды и Фенхару, вблизи северной границы Эйлуэ.

У Гареля был такой вид, словно его огрели по голове.

«Боги милосердные, неужели на него так подействовала встреча с сыном?» – подумала Аэлина.

Однако Гарель не утратил способности говорить. Чувствуя, что Рован вот-вот вцепится Рульфу в глотку и потребует ответа на вопрос своей королевы, Гарель пояснил:

– Утром капитан Рульф получил кое-какие известия. Ему понадобился наш совет.

– Я спрашиваю, это вот что?

Палец Аэлины застыл возле цепи фигурок в средней части континента.

– Это последнее сообщение о местонахождении моратских войск, – нехотя ответил Рульф. – Они занимают боевые рубежи. Теперь северу уже никак не помочь. А они готовятся к удару по Эйлуэ.

Глава 33

– У Эйлуэ нет боеспособной армии, – сказала Аэлина, чувствуя, как бледнеет ее лицо. – После нынешней весны там некому воевать, за исключением уцелевших мятежников.

– Известна точная численность войск? – спросил у Рульфа Рован.

– Нет. Мне это сообщили лишь как предупреждение, чтобы держался подальше от устья Авери. Я решил посоветоваться с ними. – Он кивнул на Гареля и Фенриса. – Наверное, стоило позвать и тебя, поскольку они все равно бы тебе рассказали.

Гарель и Фенрис молчали. Аэлина всматривалась в расположение моратских войск.

– С какой скоростью они перемещаются? – задал новый вопрос Рован.

– Легионы покинули Морат почти три недели назад, – ответил ему Гарель. – И перемещаются они очень быстро. Такое я вижу впервые.

Расклад времени...

Нет. Илиум здесь ни при чем. Не ее дерзкий разговор с Эраваном сдвинул их с места.

– Это неприкрытое истребление, – сказал Рульф.

Аэлина закрыла глаза, нервно сглатывая. Все молчали. Рован незаметно погладил ей спину. Утешение. Подтверждение того, что они думают одинаково.

Потом она открыла глаза. Линия расположения войск превратилась в огненную черту, проходившую не только по карте. Эта линия прорезала сердце Аэлины.

– Это послание, адресованное... мне, – сказала Аэлина, разглядывая шрам на ладони.

– Не понимаю, с какой стати им нападать на Эйлуэ? – удивился Фенрис. – А если уж решили напасть, почему вдруг остановились на границах?

Аэлина знала ответ, однако не решалась произносить его вслух. Это она навлекла беду на Эйлуэ, позволив себе надерзить Эравану. Ему известны давние привязанности Селены Сардотин. Вот он и решил сломить ее дух и сердце, показав, на что способны его войска. А время он выберет сам, какое пожелает. И дело не в том, что Террасен дальше. Это удар по королевству ее подруги, которая так много значила в жизни Аэлины.

Когда-то она поклялась спасти и сохранить Эйлуэ.

– У Аэлины есть личные связи с Эйлуэ, – пояснил Рован. – Эраван знает, как ей дорого это королевство.

Фенрис смотрел на Аэлину. Вероятно, пытался угадать, что это за связи.

– Получается, все земли к югу от Авери теперь под властью Эравана, – сказал Гарель. – И даже здесь, на Мертвяке, у него есть зацепка.

От Авери до границ Террасена не так уж далеко. Взгляд Аэлины переместился на запад, туда, где за горами находились обширные земли, именуемые Западным краем. А в том краю...

Маленькая точка на карте. Городишко со странным названием Вересковый Утес.

Название города колоколом прозвучало в мозгу Аэлины, выбив ее из ступора. Она вспомнила, что они обсуждают перемещение моратских войск, удивляясь необычайно высокой скорости этого перемещения.

Аэлина потеряла висок, продолжая смотреть на точку, обозначающую Вересковый Утес. Кое-кто, живущий в тех местах, обязан ей жизнью. И она может напомнить о долге.

Ее взгляд скользнул южнее. Вот и Красная пустыня. Там тоже ей обязаны жизнью.

Кажется, ее о чем-то спрашивали. Не пытаюсь понять смысл вопроса, она сказала Рульфу:

– Ты предоставишь мне все свои корабли. Вооружишь их огненными копьями, которые заказал на южном континенте. Остатки этого оружия передашь микенианскому флоту, когда он подойдет.

За столом воцарилось молчание. Потом Рульф грубо засмеялся и снова сел.

– Черта с два.

Он взмахнул татуированной рукой. Вода на его магической карте вспенилась и изменила узор. Аэлине этот узор ничего не говорил, а вот Рульфу.. Он должен разбираться в рисунках узоров, поскольку без его помощи ей не найти Замбк.

– Не понимаю твоего упрямства, – сказала Аэлина. – Особенно когда у противников такое осязаемое превосходство над тобой.

Рульф задумался.

– Микенианский флот – это всего лишь миф. Детская сказочка на сон грядущий.

Аэлина выразительно посмотрела на эфес его меча, обвела глазами зал таверны и бросила взгляд за окно – туда, где в гавани стоял корабль пиратского короля.

– Ты, Рульф, – наследник микенианцев. Я пришла не только предложить тебе союз, но и потребовать долг. Ты задолжал моей династии и знаешь об этом.

Рульф замер, перестав моргать.

– Неужто все упоминания про морского дракона – просто твоя блажь и прихоть? – спросила Аэлина.

– Микенианцы исчезли.

– Я так не думаю. По-моему, они с давних пор прячутся где-то на Мертвых островах. Оттого-то ты и сумел вернуть себе власть.

Фэйцы молча переглядывались.

– Я освободила Илиум от адарланских солдат, – продолжала Аэлина. – Освободила этот город – твою древнюю родину – для тебя. Для микенианцев. Он твой, если ты вслух заявишь о своем наследии.

Рульф торопливо спрятал под стол задрожавшую руку.

Аэлина позволила частице своей магии выплеснуться наружу. Золотистые крапинки в глазах вспыхнули ярким пламенем. Гарель и Фенрис вытянули шею. Магическая сила Аэлины наполнила зал таверны и выплеснулась в город. Ключ Вэрда у нее на груди загудел и зашептал.

Сейчас в ее лице не было ничего человеческого, ничего принадлежащего смертной природе. Аэлина поняла это, видя, как побледнело лицо Рульфа. Теперь оно отливало призрачным сиянием.

Аэлина закрыла глаза и выдохнула.

Ее магическая сила, перекрученная, словно жгутом, распрямилась, образовав невидимую линию. Мир задрожал от прохождения силы. Громко ударил городской колокол. Удар повторился. Всколыхнулась вода в гавани. А сила понеслась дальше, к другим островам архипелага.

Потом мир вернулся в прежнее состояние.

– Что это была за чертовщина? – сердито спросил Рульф.

Фенрис и Гарель уткнулись в карту, неожиданно проявив большой интерес к позициям моратских войск.

– Госпоже необходимо ежедневно высвобождать немного своей силы, дабы эта сила не поглотила ее, – невозмутимо пояснил Рован.

Понимая всю неуместность и несвоевременность желания, Аэлина вдруг захотела, чтобы Рован каждый день называл ее госпожой. Всего один раз в день.

Микенианское наследие Рульфа стало известно Аэлине благодаря Лисандре. Аробинн Хэмел имел обыкновение шпионить за теми, с кем вел дела. Сведения, которые в свое время показались Лисандре забавным пустяком, вдруг стали необычайно ценными.

Рован считал, что Рульф знает больше о перемещении моратской армии, и он неутомимо пытался их выудить. Пиратский король еще не опомнился от предложения, сделанного ему Аэлиной. Он бормотал что-то себе под нос. Аэлина терпеливо ждала.

Через какое-то время пришли Эдион с Лисандрой. Едва взглянув на отца, Эдион мгновенно приклеился к карте и впал в привычное «генеральское» состояние, требуя сообщить ему все имеющиеся сведения.

Гарель зачарованно смотрел на сына, следил за движением его глаз и вслушивался в звук голоса, как в песню, которую стремятся запомнить.

Лисандра отошла к окну. Она смотрела на залив, словно могла увидеть магическую волну, поднятую Аэлиной.

На обратном пути с горы Лисандра назвала Эдиону истинную причину их появления в Илиуме: встреча с Брэнноном и освобождение жителей были лишь частями замысла. Основной упор Аэлина делала на микенианское наследие Рульфа. Замысел возник в дороге и обсуждался ночами. Скрупулезно, с учетом всех выгод и возможных ловушек.

Еще через десять минут пришел Дорин и сразу же взглянул на Аэлину. Он тоже почувствовал магическую волну.

Молодой король вежливо поздоровался с Рульфом, затем внимательно выслушал краткий рассказ о маневрах войск Эравана. После этого Дорин сел. Фэйцы, Рульф и Эдион продолжали обсуждать пути снабжения армии и ее вооружение. Рован умело направлял разговор в нужное русло.

Дорин сидел, закинув ногу на ногу. Похоже, за время плавания с Рованом он научился придавать лицу непроницаемое выражение.

Часы пробили одиннадцать. Аэлина встала. Фенрис еще продолжал рассуждать о доспехах. Рульфа интересовали поставки руды, за счет которой он рассчитывал поправить свои финансовые дела.

Увидев вставшую Аэлину, все снова умолкли.

– Благодарю за гостеприимство, – сказала она Рульфу.

Аэлина повернулась с явным намерением уйти, но успела сделать не более шага.

– Как, это все? – недоуменно спросил Рульф.

Она обернулась. Рован шел к ней. Аэлина решила выпустить наружу еще частицу своей магической силы:

– Да. Если ты не дашь мне кораблей, если не объединишь остатки микенианцев и не вернешь их в Террасен, я найду того, кто это сделает.

– Больше никому.

Аэлина смотрела не на Рульфа, а на карту:

– Помнится, ты говорил, что однажды я поплачусь за свою самоуверенность. Так оно и было, причем не один раз. Но мы с Саэмом сумели изрядно потрепать и твою столицу, и твой флот. И все ради двухсот жизней тех, кого ты считал двуногим товаром. Возможно, я просто недооценивала свои возможности. Наверное, я смогу обойтись и без твоей помощи.

Она снова повернулась к двери. Вдогонку полетел язвительный вопрос Рульфа:

– Интересно, Саэм до самой смерти вздыхал по тебе? Может, ты наконец перестала относиться к нему как к грязи под ногами?

Раздался хрип, стук и звон стекла. Аэлина примерно знала, что она увидит. Так и есть: рука Рована сомкнулась вокруг шеи Рульфа, вдавив капитана лицом в карту. Фигурки солдат разлетелись по столу и упали на пол. Ей показалось, что Рован собирается откусить Рульфу ухо.

– Рульф, я же тебя предупреждал: думай над каждым словом, – усмехнулся Фенрис.

Эдион, изо всех сил стараясь не замечать отца, сказал капитану:

- Рад был познакомиться, - после чего быстро прошел к двери, где уже стояли Аэлина, Дорин и Лисандра.

Рован что-то шепнул Рульфу на ухо, отчего пиратский король побледнел. Затем, посильнее ткнув потомка микенианцев физиономией в стол, разжал руку и поспешил к Аэлине.

Рульф был сейчас похож на мальчишку, которому досталось от ребят постарше. Он уперся в стол, приготовившись прокричать какую-нибудь явную глупость, как вдруг по его телу пробежала судорога. Тогда Рульф перевернул руки ладонями вверх, сведя их вместе. Очумелые глаза смотрели не на Аэлину, а в окно.

На обеих сторожевых башнях зазвонили колокола. Окружающие улицы мгновенно затихли. Сигналы не нуждались в объяснениях. Бледное лицо Рульфа стало мертвенно-бледным. Аэлина заметила, как густо почернели его ладони. Такую черноту могли вызвать только валгские демоны.

Магическая карта показывала надвигающуюся опасность.

- Идемте, - сказала спутникам Аэлина.

Забыв об их существовании, Рульф побежал к двери, выскочил на улицу и понесся к гавани. Оттуда ему навстречу мчались первый помощник и квартирмейстер.

Аэлина закрыла дверь, поочередно взглянув на друзей и бывших соратников Рована.

- Вот уж не думал, как опасно бывает вставать у тебя на дороге, - усмехнулся Фенрис.

Фенрис подошел к другому окну, выходившему на улицу. Рульф и его люди о чем-то ожесточенно спорили, размахивая руками.

- Если эта сила достигнет города, жителям...

Дорин умолк, не договорив.

- Не достигнет, - возразила Аэлина.

Зеленые глаза Рована внимательно следили за нею.

«Покажи им, почему не кто-нибудь, а ты принес мне клятву на крови», - мысленно попросила она.

Рован улыбнулся одними губами. Он понял намек.

- Идемте, - сказал он собравшимся.

- Идти? - удивился Фенрис, указывая на окно. - Куда?

– С другой стороны острова спрятана лодка, – пояснил Эдион и кивком указал на Лисандру. – Вряд ли вчера вечером кто-то видел, как акула умыкнула из гавани ялик и потащила в море. Но...

Дверь шумно распахнулась. На пороге вырос Рульф.

– Ты! – заорал он.

– Я? – искренне удивилась Аэлина.

– Ты сделала это своей магией. Ты их вызвала.

Обвинение было таким нелепым, что Аэлина расхохоталась:

– Если бы я обладала столь полезным талантом, я бы употребила его, чтобы собрать союзников. Или призвать микенианцев, поскольку ты упрямо отказываешься верить в их существование.

За окнами по-прежнему синело небо.

– Удачи, – бросила она Рульфу.

– Я ничего не понимаю, – признался Дорин.

– Это не наше сражение, – сказала она молодому адарланскому королю. – Я не собираюсь рисковать судьбой моего королевства из-за каких-то стычек с валгами. Если у тебя хватает здравого смысла, ты тоже не станешь в это вступать.

Лицо Рульфа было искажено гневом, но в глазах отчетливо читался неподдельный страх. С улиц доносились испуганные голоса горожан. Башенных колоколов здесь боялись больше, чем грома небесного.

– Полагаю, что доблестные фэйские воины тоже отправятся со мной. Они ведь теперь мои союзники.

Фенрис и Гарель молча подошли к ней. Какое счастье, что они не задавали вопросов. Чувствовалось, Гарель готов был делать что угодно, только бы находиться рядом с сыном.

– Думаешь своими ухищрениями заставить меня тебе помогать? – прошипел Рульф.

А вдалеке, над горбатыми островами, стучалось облако тьмы.

– По-моему, Рульф, я высказалась достаточно ясно. Я могу обойтись без тебя и твоих кораблей. И без микенианцев я тоже могу обойтись. Но твой остров становится опасным для моих замыслов. – Аэлина кивнула в сторону моря. – Я вознесу молитвы Мэле и попрошу ее помочь тебе. И прими совет, который один опытный головорез дает другому. – Ее пальцы легли на эфес Златинца. – Всех противников непременно обезглавливай. Это единственный способ по-настоящему их убить. Можно, конечно, заживо их сжечь, но, боюсь, многие успеют покинуть корабли и доплыть до берега раньше, чем их настигнут твои пламенные стрелы.

- А как же твои представления о свободе и справедливости? Не твои - той девчонки, что почти три года назад украла у меня двести рабов? Теперь ты готова обречь население города на гибель?

- Да, - не моргнув глазом, ответила Аэлина. - Кажется, я тебе говорила, что Эндовьер изменил мои взгляды на жизнь.

- Думаешь, Саэму бы это понравилось? - спросил Рульф, сопроводив вопрос ругательством.

- Саэм мертв, потому что такие, как ты и Аробинн, имеют власть. Но владычество Аробинна закончилось. Скоро и твоей власти может настать конец.

Аэлина посмотрела на темнеющий горизонт и улыбнулась.

- Ну ты и сука...

Рован с рычанием устремился к нему. Рульф увернулся, а через мгновение на пороге таверны возник запыхавшийся квартирмейстер пиратского короля. Одна рука упиралась в дверной косяк, другая сжимала эфес меча в виде морского дракона.

- Мы по колено в дерьме, - выдохнул квартирмейстер.

Аэлина повернулась к нему. У Рульфа вытянулось лицо.

- Говори яснее, - потребовал он.

- Восемь военных кораблей, - сказал квартирмейстер, рукавом вытирая потный лоб. - На палубе каждого - не менее сотни солдат. Думаю, их еще больше, если взять в расчет нижние палубы. Эскадру сопровождают два морских дракона. Они плывут с такой скоростью, словно их сюда несет штормовой ветер.

- Как быстро мы сможем добраться до ялика? - спросила у Рована Аэлина.

Бледный Рульф глядел на немногочисленные корабли в гавани. На опущенную цепь Кораблекрушителя. Вода в заливе пока еще оставалась спокойной.

- Морские драконы перекусят твою цепь, - заметил ему Фенрис. - Убирай своих людей с острова. Сажай их во все мелкие суденышки, какие есть, и пусть плывут подальше отсюда.

Рульф медленно повернулся к Аэлине. Его глаза цвета морской волны еще были полны ненависти, но в них просматривалась и готовность повернуть штурвал в другую сторону.

- Это попытка склонить меня к союзу?

- Нет, - ответила Аэлина, теребя косу. - Совпадение.

Рульф оглядел собравшихся. При желании они могли сделать его остров необитаемым, уничтожив город и корабли в гавани. Когда он заговорил, голос его был хриплым от напряжения:

– Я хочу быть адмиралом. Хочу владеть всем архипелагом и Илиумом тоже. А когда эта война окончится, я хочу, чтобы перед моим именем писали «правитель», как когда-то перед именами предков. И каким будет мое вознаграждение?

Зал таверны был островком спокойствия среди хаоса, охватившего Бухту Черепов. словно забыв о приближающейся вражеской эскадре, все смотрели на Аэлину.

– Все золото и прочие сокровища каждого захваченного тобой моратского корабля будут твоими. Оружие и амуницию мы используем для войны с Моратом. Я дам тебе землю. У тебя будет титул правителя Илиума и короля архипелага Мертвые острова, но более – никаких титулов. Если у тебя появятся дети, они будут считаться твоими законными наследниками. Точно так же я признаю за наследниками Дорина право на власть в Адарлане.

Дорин почтительно кивнул.

– В свою очередь Адарлан признаёт твое неоспоримое право и право твоих наследников на власть в Террасене.

– Отправь этих паршивцев рыбам на корм, и мой флот – в твоём распоряжении! – рявкнул Рульф. – А вот помощь микенианцев я тебе обещать не могу. Слишком далеко разметало нас по белу свету, и слишком давно мы живем в таком состоянии. Здесь их совсем немного, но и они не поднимутся без надлежащих... увещеваний.

Рульф глянул в сторону пустой стойки.

– Увещевания оставь мне, – сказала Аэлина, с улыбкой протянув ему руку.

Рульф пожал ее руку, закрыв татуированными пальцами покрытые шрамами пальцы Аэлины. Его рукопожатие могло бы сломать ей кости, но Аэлина не осталась в долгу и магическим огнем слегка опалила руку пиратского короля.

Он затряс кистью. Аэлина улыбнулась во весь рот:

– Добро пожаловать в армию ее величества, капер Рульф... Ну что, пошли? – Она кивнула на дверь.

Дорина вдруг ударила мысль о безумии Аэлины. О странном безумии, великолепно сочетавшемся с ее находчивостью и авантюрным характером.

Помимо этого, она была непревзойденной вруньей, способной врать не краснея и без сожалений.

Дорин на себе ощутил ее магические призывы, разнесшиеся по миру. Его кожу опалило огнем, который не спутаешь ни с каким другим. Ничего удивительного, что эти волны достигли и Мертвяка, где находились вражеские силы. Там их восприняли как вызов и двинулись по оставленному магическому следу.

Разве не безумием было показывать свою силу и вообще обнаруживать себя здесь, вблизи морских сил Мората? Неужели это и в самом деле был единственный способ сломить упрямство Рульфа?

От Рована Аэлина знала о страхе Рульфа перед валгами. Боясь их возвращения, пиратский король установил круглосуточное наблюдение за бухтой. Этим обстоятельством и воспользовалась Аэлина. Но живые микенианцы! Боги милосердные, о них давно рассказывали лишь сказки. Иногда матери пугали микенианцами подросших сыновей, мечтающих плавать по далеким морям. Оказывается, микенианцы не исчезли, а лишь попрятались по островам. И теперь Аэлина решила выманить их и поставить под свои знамена.

Предводитель пиратов и королева Террасена пожали друг другу руки. Аэлина улыбалась своему недавнему заклятому врагу. Дорин подумал, что вполне обошелся бы без лицемерия подобных сцен, где тесно переплелись коварство и безумие.

В грядущей войне не победишь одними улыбками и манерами.

Пока что Аэлина намеревалась выиграть сражение за этот остров и спасти все его население. Ее друзья были настроены на то же, готовые играть, не щадя себя. Каждый сознавал, что их ждет, если игра примет иной оборот. И Аэлине тогда придется расплачиваться дороже всех.

Аэлина вышла вместе с Рульфом.

– Да помогут тебе боги, Рован, – присвистнул Фенрис. – Эта женщина просто...

Дорину не хотелось слышать остальное, и он поспешил вслед за главным пиратом и террасенской королевой. За ним шли Лисандра и Эдион. Фенрис замыкал процессию, однако Гарель старался держаться поближе к сыну. Как же они с Эдионом были похожи. Они даже двигались одинаково: Лев и Волк.

Люди Рульфа ждали приказаний.

– Плыть на всех судах и суденышках, способных держаться на воде.

Таков был его главный приказ. Затем последовали другие: кому куда. Многие корабли давно не видели матросов. Аэлина стояла поодаль, уперев руки в боки, и наблюдала за приготовлениями.

– Какой из кораблей самый быстроходный? – спросила она.

Рульф молча указал на свой. Дорин чувствовал, что сейчас услышит продолжение безумных замыслов Аэлины.

– Рован, Лисандра, Фенрис и Гарель пойдут со мной. Эдион отправится на северную сторожевую башню. Стрелять из громадного арбалета по любому вражескому кораблю, который приблизится к цепи. Целься так, чтобы пробить корпус.

Дорин внутренне сжался. Он уже знал, какой приказ услышит от Аэлины. Если бы не тяжесть положения, он бы посмеялся над комичностью ситуации: королева приказывает королю. Дорин уже хотел заявить, что отсиживаться в «Океанской розе» не намерен.

– В этом сражении нет места королю, – сказала Аэлина.

– А королеве?

Аэлина с ледяным спокойствием протянула ему меч. То был Дамарис. Златинец остался у нее за спиной. Рубин на конце эфеса светился тревожным красным пламенем.

– Дорин, один из нас должен остаться в живых. Ты пойдешь к южной башне. Наверх забираться не надо. Стой внизу и держи свою магию наготове. Бей по любым вражеским силам, которые попытаются преодолеть цепь.

Не силой оружия. Силой магии. Дорин прицепил Дамарис к поясу, удивившись непривычной тяжести меча.

– А что собираешься делать ты? – спросил он Аэлину.

Она пока молчала, зато у Дорина внутри шевельнулась его собственная магическая сила, похожая на змею, приготовившуюся ударить.

– Рульф, пусть сюда притащат железные цепи, что у тебя остались от времен работорговли, – сказала Аэлина. – Нам они понадобятся.

Ей. Ровану. Проверка их магии, если та вдруг станет необузданной.

Дорин вдруг понял ее замысел: отправиться в самую гущу вражеского флота и вытряхнуть их всех из воды.

Глава 34

Она была врунлей, воровкой и убийцей. Аэлине думалось, что под конец войны к этим ярлыкам добавятся новые, более жесткие и отвратительные. Но до конца войны еще нужно дожить. Сейчас, глядя на неестественно темный горизонт, Аэлина задавалась более насущным вопросом: не откусила ли она больше, чем сумеет разжевать?

Но на поверхность не просочилось ни капли страха.

Она должна устоять под напором черного огня.

Союз с Рульфом был лишь частью ее замысла. Другой частью, значительно превосходящей эту, было... послание.

Не только Морату. Всему миру. Возможным союзникам, опасливо поглядывающим на Эрилею и считающим ее потерянным континентом.

Сегодня послание Аэлины прогремит повсюду. Пусть знают: она – не принцесса-мятежница, сокрушающая вражеские замки и убивающая королей.

Она была силой природы. Источником бедствий и командиром бессмертных воинов, овеянных легендами. И, если возможные союзники к ней не примкнут... пусть вспомнят сегодняшний день и ее действия. Ведь может так случиться, что однажды она появится на их берегах, в их гаванях.

Десять лет назад они не пришли. Пусть знают: у нее хорошая память.

Отдав все мыслимые приказы, Рульф поспешил к борту «Морского дракона». Эдион и Дорин отправились искать лошадей: сейчас не время для пеших переходов. Аэлина повернулась к Лисандре. Женщина-оборотень спокойно наблюдала за приготовлениями.

– Ты знаешь, какая помощь мне нужна от тебя? – негромко спросила Аэлина.

Зеленые глаза Лисандры вспыхнули. Она молча кивнула.

Аэлина коснулась ее руки. Хотелось обнять Лисандру, но не на виду у Рульфа и глазющих жителей, среди которых были и потомки микенианцев.

– Удачной охоты, – сказала Аэлина.

Фенрис кашлянул. Наверное, догадался, на какую охоту отправлялась Лисандра. Гарель пристально следил за каждым движением Эдиона. Тот, едва взглянув на отца, пристегнул к поясу меч, повесил за спину щит и, усевшись на тощую кобылку, погнал к сторожевой башне.

А в серебристых волосах фэйского принца уже играл ветер.

– Отплываем, – шепнула ему Аэлина.

«Морской дракон» поднял якорь.

Население пиратской столицы охватила паника. Темная сила на горизонте, еще недавно казавшаяся просто скоплением грозовых туч, обрела иные очертания. В сторону Бухты Черепов двигались большие корабли с черными парусами. Вокруг – ни ветерка, но они неслись так, словно в их паруса ударял штормовой ветер.

Аэлина и Лисандра первыми поднялись на борт «Морского дракона». За ними шел Рован и двое его бывших соратников.

Поднимались неспешно, на ходу проверяя свой арсенал. Кинжалы, мечи. У Рована на боку поблескивал боевой топор. Колчан Фенриса был полон стрел с черным оперением. Аэлине хотелось думать, что каждая из этих стрел попадет точно в цель. Когда все оказались на слегка покачивающейся, безупречно отдраенной палубе «Морского дракона», это напоминало передвижной арсенал.

Гарель поднимался последним. Люди Рульфа заняли места на веслах: по двое на каждое весло. Рован едва заметно кивнул. Фенрис с Гарелем молча присоединились к гребцам.

Рульф открыл дверь в капитанские покои. Двое его подручных держали громадные железные цепи.

– Что дальше? – спросил он Аэлину.

– Теперь цепи нужно прикрепить к грот-мачте. Их длины должно хватить до места, где я сейчас стою.

Она стояла посреди палубы. Остальное было понятно без слов: эта часть корабля на время становилась их с Рованом рабочей площадкой.

Рульф приказал отчаливать. От него не укрылось, что Фенрис и Гарель сели за разные весла. Каждому хватало силы заменить двух обычных гребцов.

«Морской дракон» удалялся от берега. Остальные корабли готовились сняться с якоря.

Сейчас главным было выйти из обманчиво спокойных вод залива, миновав Кораблекрушитель.

Люди Рульфа прикрепили цепи к мачте и протянули туда, где стояла Аэлина. Железо должно было послужить ей уздой. Якорем. Напоминанием о том, кто она и зачем все это затеяно. Железо удержит ее, не дав стинуть в безднах их общей магической силы.

Гребцы неумоимо работали веслами. Шум толпы на причале отдалялся.

Аэлина мельком взглянула на башни. Дорин уже был на месте. Эдион спешил по винтовой лестнице наверх. У Аэлины кольнуло сердце. Она вспомнила, как на единственную тогда башню поднимался Саэм, но задача у него была другая: не защитить, а разрушить этот город.

Она стряхнула ледяную хватку воспоминаний и повернулась к Лисандре. Та стояла у палубных перил и тоже следила за Эдионом.

– Пора.

Рульф умолк, не докончив очередного распоряжения. Лисандра изящно уселась на перила, перебросила ноги и... прыгнула в воду. Люди Рульфа подбежали к перилам. На других кораблях тоже заметили прыжок Лисандры, посчитав его несчастным случаем.

Но женщина, прыгнувшая в голубизну вод, не утонула, а лишь сменила обличье.

Аэлина увидела свечение и стремительное разрастание тела Лисандры. Люди Рульфа, не обладавшие магическим чутьем, бормотали ругательства.

Тело Лисандры продолжало разрастаться. Гребцы приналегли на весла, но скорость корабля не могла сравниться со стремительным движением существа, появившегося из глубины.

Вначале высунулась широкая морда цвета зеленой яшмы. Открылась громадная пасть, усеянная острыми белыми зубами. Потом существо вновь ушло под воду, блеснув холодными умными глазами.

Кто-то закричал. Рульф вцепился в штурвал. Первый помощник отупело глядел на эфес меча, который он успел начистить до блеска. Стальной морской дракон был точной копией существа, появившегося в заливе.

Лисандра вынырнула, позволив полюбоваться своим длинным сильным телом, и снова начала погружаться. Яркое полуденное солнце делало зеленые чешуйки похожими на сверкающие драгоценные камни. Осуществлялось древнее пророчество, запечатленное в легендах: микенианцы вернутся, когда в водах Эрилеи снова появятся морские драконы.

Аэлина несколько приблизила эту дату.

- Боги милосердные, - пробормотал Фенрис.

Аэлина могла бы повторить эти слова, глядя, как морской дракон погрузился на глубину и стремительно поплыл вперед. Широкие плавники Лисандры казались крыльями, а усеянный шипами хвост - рулем.

- Морской дракон, - шептали люди Рульфа. - Он явился защитить наш корабль... Старые легенды - не выдумка...

Бледный Рульф смотрел туда, где Лисандра окончательно ушла на глубину. Его пальцы по-прежнему сжимали штурвал. Наверное, он чувствовал слабость в ногах.

Враги именовали выведенных ими тварей морскими драконами. Нет, настоящих морских драконов они не вывели, а сотворили что-то вроде морских ящериц. Однако тех было двое... против одного морского дракона.

Любой магический огонь хорош лишь на поверхности и совершенно бесполезен под водой. Но чтобы уничтожить вражеские корабли, нужно лишить их всяческой поддержки из-под воды.

- Плыви, Лисандра, - шептала Аэлина.

Она мысленно вознесла молитву богине диких зверей Темизии, чтобы та помогла оборотню вернуться на сушу.

Эдион сбросил щит и плюхнулся на сиденье перед метательным устройством, являвшим собой смесь арбалета и гарпуна. Длина орудия превосходила рост Эдиона, а ширина жерла была больше его головы. Стрел было всего три, а потому нужно целиться с особой тщательностью.

Возле другой башни замер адарланский король. По заливу на веслах шел корабль Рульфа, приближаясь к опущенному Кораблекрушителю.

Несколько рычагов позволяли разворачивать метательное орудие в нужном направлении, а также поднимать и опускать ложе стрелы. Эдион поместил туда тяжелую стрелу и навел орудие на узкий проход из залива в открытое море.

Недалеке пенные гребни волн указывали на зигзаги рифов. Еще одна защита Бухты Черепов. Скорее всего, Рульф начнет маневрировать, заманивая вражеские корабли на рифы.

Сзади послышались шаги. Наверх выбрался один из караульных, охранявших башню.

- Снизу плохо видеть, - пояснил он. - Я какую-то тень видел. Не разберу, откуда она взялась.

Эдион присмотрелся. Впереди корабля двигалась громадная тень - быстрее, чем сам корабль. Быстрее дельфинов. В прозрачной воде просматривалось длинное змеевидное тело с крыльями, которые вполне могли оказаться и плавниками.

У Эдиона зашло сердце.

- Это же морской дракон, - пробормотал он.

Теперь понятно, над каким обличьем трудилась Лисандра и почему Аэлина так стремилась в илиумский храм Брэннона. Не столько ради встречи с призраком древнего короля и возвращения города микенианцам и Террасену... Только там Лисандра могла увидеть большие резные изображения морских драконов. Впитать их облик, чтобы затем самой стать ожившим мифом.

Странно, что в отроческие годы эти подружки враждовали. Ну где еще найдешь такую пару неистощимых на выдумки дьяволиц? Королева из легенд. И кто бы мог подумать, что ею окажется его двоюродная сестра?

Наверх поднялись еще двое караульных. Все они бормотали что-то бессвязное.

- Он будет нас защищать? - спросил кто-то.

Лисандра приближалась к Кораблекрушителю. Она играла своим могучим телом, осваиваясь с ощущениями и участь ими управлять. А времени на обучение - считанные минуты.

Эдион почувствовал, как его охватывает ужас.

- Да, - прошептал он. - Она будет нас защищать.

Вода была теплой, спокойной и не имеющей возраста. А сама она – чешуйчатой тенью, заставляющей разноцветных рыбешек прятаться в коралловые домики. Ее боялись не только рыбы, но и птицы, отдыхавшие на поверхности воды. Едва почуяв ее приближение, они вспархивали, торопясь к лесным зарослям.

Под водой солнечные лучи превращались в световые столбы. Часть разума Лисандры осталась человеческой, и этой части казалось, что она попала в храм, построенный из света и тени.

Но другая ее часть – драконья – воспринимала звуки и завихрения, свидетельствующие о приближении чего-то очень опасного. Недаром все сравнительно крупные водные хищники спешили убраться подальше от островов. Их не удерживала даже возможность попить в воде, которая вскоре из лазурной может стать кроваво-красной. Они чуяли грядущее столкновение иных сил.

Впереди показались темные, густо обросшие ракушками звенья гигантской цепи, прозванной Кораблекрушителем. Издали она напоминала ожерелье богини-великанши, которая нагнулась, чтобы напиться из моря.

По настоянию Аэлины Лисандра прочла все, что сумела найти о морских драконах. Их считали давно вымершими созданиями. Аэлина знала: мифы можно оживить и извлечь из них пользу. Но для этого миф должен быть подкреплён силой, иначе ни Рульф, ни затаившиеся остатки микенианцев не сдвинутся с места. А показав силу и одновременно посулив нечто осязаемое...

Огонь Аэлины очистил резные изображения от многолетней грязи. И тогда Лисандра пропитала их своей магией, проникнув в мельчайшие, невидимые глазу поры дерева. Ее ноздри впитывали пробуждавшиеся запахи, а уши ловили целые слои звуков.

Миновав цепь, Лисандра направилась к выходу из залива, к рифам. Крылья придется убрать и, пока есть время, изучить возможное место битвы.

Здесь ей нужно заглушить все остатки человеческого разума и пробудить все звериные инстинкты. Она еще раз напомнила себе: ее ждет сражение со зверями, пусть и выведенными чьей-то злой волей, но не умеющими рассуждать.

Более того, у этих зверей нет никаких принципов или моральных соображений. Они будут сражаться насмерть ради собственного выживания. Пощада и милосердие им попросту неведомы.

Значит, ей нужно превратиться в такого же зверя. Это состояние было ей знакомо. Лисандре вспомнился день разрушения стеклянного замка, потом ночь, когда ее схватили и пытались забрать Венгу. Теперь она покажет зубы под водой.

Достигнув рифов, Лисандра залегла на покато́м донном откосе, вонзив острые когти в песок. Течение быстро оставило попытки сдвинуть ее с места. Лисандра вглядывалась в молчаливый голубой простор.

Потянулись минуты ее подводного дозора.

Глава 35

Аэлина сидела на перилах палубы «Морского дракона». Одной рукой она держалась за веревочную лестницу, свисавшую с мачты. Брызги и клочья пены, долетавшие снизу, приятно охладили лицо. Половина людей Рульфа покинула корабль, перебравшись на лодки. Весла замерли. И тогда паруса наполнились магическим ветром Рована, и «Морской дракон» понесся к гигантской цепи.

Когда судно миновало Кораблекрушитель, Аэлина не устояла перед искушением и отглянулась назад. Цепь медленно поднималась над водой, замыкая бухту. Все прочие корабли Рульфа оставались в относительной безопасности. На них возлагалась задача оборонять притихший город.

Если все пройдет удачно, им вполне хватит одного корабля. Так Аэлина сказала Рульфу. А если неудачно... несколько его судов не повлияют на исход сражения.

Крепко держась за веревку, Аэлина склонилась над потоками голубой воды и белыми островками пены. Все это стремительно проносилось мимо.

«Ослабь ветер, – мысленно сказала она Ровану. – Не трать понапрасну силы – ты ведь почти не спал».

Рован быстро чмокнул ее в ухо и уселся на скамейку Гареля. С тех пор все внимание фэйского принца было сосредоточено на магическом ветре.

Черные паруса вражеских кораблей заполнили горизонт. Ключ Вэрда, спрятанный в амулете, гудел, чуя эскадру нелюдей.

Аэлина чувствовала их. Ее магия улавливала отвратительный запах, принадлежащий совсем другому миру. Где-то поблизости затаилась Лисандра.

На воде танцевали сотни ослепительных бликов. Магический ветер Рована поутих. «Морской дракон» плавно скользил к острову, две горы которого изгибались навстречу друг другу.

Пора.

Аэлина прыгнула на мокрую палубу. Много, слишком много глаз смотрели на террасенскую королеву и замершую железную цепь. Рульф, все это время

стоявший за штурвалом, спустился с юта. Аэлина приподняла тяжелую цепь, невольно подумав об узниках этой и иных цепей. Рован встал. К Аэлине они с Рульфом подошли одновременно.

- Что теперь? - спросил пиратский капитан.

Аэлина кивнула в сторону вражеских кораблей. Палубы были усеяны солдатами. На каждом - по несколько палуб. Если все сложить, цифра получится очень внушительная.

- Мы подпустим их как можно ближе. Когда начнешь различать белки их глаз, крикнешь нам.

- Якорь бросишь с правого борта, - добавил Рован. - Это развернет корабль.

Рован помог Аэлине защелкнуть скобы кандалов на запястье.

- А это еще зачем? - удивился Рульф.

Аэлина хмуро глядела на цепь. Ее магическая сила возмущенно извивалась внутри. Зажав цепь между большим и указательным пальцем, Рован заставил Аэлину смотреть только на него, одновременно поясняя Рульфу:

- Хотим уберечь твои мачты, когда откроем огонь. Ты лучше нас знаешь, как они важны для корабля.

Рульф что-то буркнул и отошел.

Пальцы Рована скользнули по подбородку Аэлины и нежно погладили ее щеку.

- Силу черпаем медленно и последовательно.

- Помню.

Рован улыбнулся одними губами:

- Ты ведь уже который день все глубже погружаешься в свою силу.

Аэлина кивнула. Ее внимание почти целиком было сосредоточено на этом погружении. Отсюда ее рассеянность и ответы невпопад. Аэлина наполнялась магической силой, стараясь, чтобы внешне это было незаметно.

- Мне хотелось исключить любую случайность. Спасение Дорина отняло у тебя много сил.

- Я их восстановил, и скоро ты в этом убедишься. А твой маленький утренний спектакль...

- Был всего лишь способом сбросить излишек силы. Это ты верно объяснил, - лукаво улыбнулась Аэлина. - И еще хотелось позлить Рульфа.

Рован усмехнулся. Аэлина сковала и его запястье. Им обоим было ненавистно прикосновение заржавленного железа.

– Поторопитесь! – крикнул им Рульф, вернувшийся за штурвал.

Вражеские корабли заметно приблизились. Драконов, сопровождавших их, не было видно, хотя и Лисандра тоже не показывалась.

В руке Рована блеснул охотничий нож. Солнце висело в самой высокой точке. Полдень. Время было выбрано идеально. То, что произойдет, станет впечатляющим сигналом для всего отродья, засевшего на Мертвяке. Аэлина поняла: эти посланцы Эравана не станут дожидаться, пока стемнеет, хотя действовать во тьме им было бы куда легче. Но гнева своего хозяина они боялись сильнее, чем света. Или по глупости своей забыли: для наследницы Мэлы полуденное время – время наивысшей силы.

– Ты первая? – спросил Рован. – Или мне начать?

Фенрис и Гарель поднялись со скамейки, но не сделали ни шагу, издали наблюдая за происходящим. Аэлина взяла у Рована нож, полоснула по руке. Показалась струйка крови. Если бы не мокрая от соленой воды кожа, она бы вообще не почувствовала боли. Морская соль добавляла жжения.

Рован сделал то же самое. Запах его крови наполнил ноздри Аэлины, обострив все чувства. Она протянула ему окровавленную ладонь.

Магическая сила с легким треском неслась по ее жилам, отдавалась звоном в ушах и выплескивалась в окружающий мир. Аэлина ловила себя на глупых желаниях: ей хотелось громко топнуть ногой и расправить плечи.

– Медленно и последовательно, – повторил Рован, словно почувствовав, насколько тонка стена, сдерживающая ее магическую силу.

Закованной рукой он обнял Аэлину за талию, притянув к себе:

– Я буду сопровождать каждый твой шаг.

Аэлина подняла голову, вглядываясь в суровые черты знакомого лица и изгибы узоров татуировки. Рован наклонился и поцеловал ее в губы. Их кровоточащие ладони соединились.

В нее хлынула магическая сила Рована – древняя, мудрая, безжалостная. У Аэлины подгибались колени. Чем-то это напоминало любовное слияние. Всем, кто их сейчас видел, они казались лишь парой влюбленных, целующихся перед опасным сражением.

Но Аэлина, далекая от любовных страстей, все глубже погружалась в свою силу. Она чувствовала, как Рован делает то же самое. Его лед, ветер и молнии втекали в нее. Потом их силы сплелись воедино, превратившись в неукротимый лесной пожар, оставляющий оранжево-красные угли. Их общая сила стала расплавленным сердцем земли; она создавала мир, порождая новые земли.

Аэлина уходила все глубже.

Она едва ощущала корабельную качку и слабые укусы железа, отвергавшего ее магию. Фенрис и Гарель виделись ей мерцающими свечками.

Последнее такое погружение было у нее еще на Вендалине.

Пока она обучалась у Рована, собственный уровень магической силы казался ей достаточно ограниченным. Как потом выяснилось, это ограничение создала она сама. Сражение с валгами пробило барьер, и Аэлина впервые узнала о своих истинных глубинах. Это пригодилось ей потом, когда ее магия окружила Доранеллу. Помнится, она целый день черпала силу, готовясь к поединку с Маэвой.

Нынешнее погружение она начала три дня назад.

Аэлине казалось, что первым днем все и кончится. Она достигнет знакомого дна и... Дна она так и не достигла. А теперь, когда ее глубины соединились с глубинами Рована...

Рован по-прежнему обнимал ее за талию. Где-то далеко ткань его камзола слегка задевала ей лицо. Где-то далеко ее тело ощущало тяжесть оружия, которым она была обвешана. Оттуда доносился запах Рована – ободряющий, успокаивающий.

Аэлина была камнем, брошенным в море своей силы.. их силы.

Ниже... ниже... ниже.

Она достигла дна, устланного пеплом. Дно оказалось кратером спящего вулкана.

Но ее ноги упирались в палубу. Это ощущение уберегло Аэлину от погружения в пепел и путешествия к вулкану. Магия требовала не останавливаться. Но Рован крепко держал ее за талию, постоянно шепча:

– Легче. Спокойнее.

Хорошо ему говорить, когда его сила продолжала втекать в нее. Ветер и лед перемешивались, образуя неукротимый вихрь.

– Они совсем близко.

Предостережение Рульфа донеслось как из другого мира.

– Целься в самую середину их флотилии, – велел ей Рован. – Удар должен разметать боковые корабли и погнать их прямо на рифы.

Дальнейшая стратегия была ей понятна: корабли затонут, а уцелевших солдат будут ждать меткие стрелы Фенриса и людей Рульфа. И конечно же, сокрушительная магия Рована.

Магия Аэлины ошетилилась, чуя близкое соседство с надвигающейся тьмой. Но все это происходило где-то за горизонтом ее сознания.

– Почти в пределах досягаемости! – крикнул Рульф.

Аэлина начала подниматься к поверхности, таща за собой огненную бездну.

– Спокойнее, – напомнил Рован.

Выше, еще выше. Аэлина поднималась вверх, к морю и солнцу.

«Сюда, – манило ее солнце. – Ко мне».

И ее магия шла на голос.

– Пора! – рявкнул Рульф.

Ее магия, подобно яростному зверю, сорвалась с поводка и выплеснулась в окружающий мир.

Сознание подсказывало: она действует успешно, направляя свою силу и силу Рована туда, куда надо.

Какими бы манящими ни были глубины ее магии, Аэлина обуздала искушение туда отправиться. Пусть колодец оказался глубже, чем прежде, не стоит забывать: сила продолжала расти. Магическая сила росла и достигала зрелости вместе с нею.

Но магия чуть не сыграла с ними злую шутку. Рован вдруг понял: если бы Рульф не прокричал: «Пора!» – момент был бы упущен.

Из-под пальцев Аэлины вырвался столб огня, который не обжигал, и взмыл в небо, окрасив мир в красные, оранжевые и золотистые тона.

Аэлина попыталась вырваться из рук Рована, но он поймал ее, словно опасался, что даже на расстоянии нескольких шагов их объединенная магическая сила может распасться на отдельные потоки. Все, кто был на палубе, опасливо пятились и падали, натываясь на скамейки.

А огненный столб поднимался все выше – вихрь смерти, жизни и возрождения.

Фенрис что-то бормотал сквозь зубы.

Магия Аэлины продолжала изливаться в мир, становясь горячее и необузданнее.

Кажется, Аэлина скрежетала зубами. Ее голова запрокинулась. Глаза были закрыты. Она дышала ртом.

– Аэлина, осторожнее, – предостерег Рован.

Столб пламени расширялся, становясь по краям голубым и бирюзовым. Это пламя могло плавить кости и раскалывать камни.

«Я дал ей слишком много своей силы, – запоздало спохватился Рован. – И в свою она проникла слишком глубоко».

Вражеские корабли, охваченные пламенем, лихорадочно пытались потушить огонь. Забыв об атаке, они разворачивались, еще надеясь убраться подальше от опасного места.

Все, что должно было произойти потом, предназначалось уже не им. Они были обречены, поскольку не имели сил прорвать огненную стену.

Завершающая часть этого «представления на воде» предназначалась жителям пиратской столицы и остальному миру. Пусть знают: Аэлина – уже не малолетняя принцесса, играющая с угольками.

– Аэлина, – позвал Рован.

Он потянул за связующую нить. Но на другом конце была разверстая пасть бессмертного древнего зверя. Зверя, приоткрывшего один глаз. Зверя, способного говорить на языке тысячи миров.

Жилы Рована наполнились льдом.

«Ключ Вэрда, – пронеслось у него в мозгу. – При ней – Ключ Вэрда».

Рован снова прошептал ее имя. Он почувствовал, как дно ее магической силы треснуло, словно древний зверь, обитавший внутри Ключа, вдруг ударил лапой, разгоняя пепел и круша камень.

А внизу, подобно вулканической лаве, бушевала сердцевина магии. Возможно, то было огненное сердце Мэлы. Аэлина нырнула в эту силу и теперь купалась в ней.

Рован попытался шевельнуться. Он хотел крикнуть, что нужно немедленно прекратить это опасное занятие.

Но крикнул не он, а Рульф. Ошалевший от ужаса, зачарованный происходящим, пиратский капитан помнил и о насущных делах.

– Открывай огонь! – заорал он Аэлине.

Она услышала, однако повела себя более чем странно. Огненный столб вдруг стал оседать, втягиваться в нее и сворачиваться внутри. Крупицы магической силы, словно капельки раскаленного металла, проникли и внутрь Рована, с шипением вонзаясь в его душу и больно обжигая.

Языки пламени потухли. Руки Аэлины потянулись к Ровану и вытащили из него последние остатки силы.

Потом она отдернула руки, а ее магическая сила и сила Ключа Вэрда слились.

Ноги Рована подкосились. Он упал на колени. В голове что-то затрещало, будто внутри прогремел гром.

Когда Аэлина открыла глаза, он понял: это был вовсе не гром, а стук настежь распахнутой двери. Ее лицо стало отрешенным. Холодным, как межзвездное пространство. А глаза...

Они сохранили яркий бирюзовый цвет... но вместо золотых крапинок у них появились серебристые ободки. Все золото исчезло.

- Это не Аэлина, - прошептал Фенрис.

Чувственные губы тронула улыбка, жестокая, высокомерная. Глаза с удивлением смотрели на железную цепь вокруг запястья.

Железо мгновенно расплавилось и прожгло доски палубы насквозь. Неведомое создание, смотревшее на мир глазами Аэлины, сжало пальцы Аэлины в кулак. Оттуда хлынул свет.

Холодный белый свет. Щупальца серебристого пламени...

- Уходи поскорее, - предостерег Рована Гарель. - Уходи и не смотри на нее.

Гарель и Фенрис - оба стояли на коленях, опустив голову.

Кто-то овладел телом его любимой и теперь равнодушно взирал на вражеский флот... И вдруг Рован понял, кто перед ним. Интуиция, некое первозданное чутье подсказали ему.

- Денна, - прошептал Рован.

Она сверкнула глазами. Знак подтверждения.

Потом она заговорила. Голос у нее был одновременно глубоким и каким-то «замогильным», юным и старым.

- У каждого Ключа есть Замок. Передай Обетованной королеве, чтобы как можно быстрее нашла Замок. Если она этого не сделает, если не вернет Замку Ключи, ей не помогут никакие союзники. Скажи ей: пламя и железо, соединенные вместе, превращаются в серебро и помогают узнать, что надлежит искать. Нужен всего один шаг.

Произнеся эти слова, Денна отвернулась.

Рован понял природу силы в ее руке. Пламя, струящееся из пальцев, будет обжигать холодным. Это холод звезд, холод украденного света.

Вместо горячего огня - огонь лунного света.

Только что она была на палубе корабля. И вдруг... случилось непонятное.

Ее оттеснили, заперли в клетку, не дав ключа. Сила, тело и даже имя - все было чужим.

Она почувствовала, что ее телом завладела Другая, которая сейчас восхищалась солнцем, обжигающим щеки, влажным соленым морским ветром на губах и болью в руке, где затягивалась недавняя рана.

Как давно, как неимоверно давно Другая испытывала подобные ощущения. Тогда они были ее собственными, а не воспринимаемыми через кого-то. Эти яркие сочные краски вместо размытых образов.

Ее пламя, ее любимая магия – и они тоже принадлежали теперь Другой. Богине, вошедшей через Врата времени и захватившей ее тело, словно оно было карнавальным костюмом. Кто бы мог подумать, что Камень Вэрда, спрятанный в амулете, превратится в портал?

У нее самой не было слов, поскольку не было голоса. Исчезла ее личность. Исчезло все. Ей оставили маленькое окошко, чтобы наблюдать за богиней. Эта богиня не была ее защитницей. Скорее охотилась за нею чуть ли не с рождения. Сейчас богиня с любопытством разглядывала вражеский флот, который с легкостью могла бы уничтожить.

Но зачем? Куда интереснее лишиться жизни тех, кто рядом. Слушать их предсмертные крики, смотреть на предсмертные муки, впитывая впечатления всего, что недоступно бессмертной богине. А на берегу безмятежного залива еще больше возможностей для развлечения.

Она смотрела, как ее рука, объятая дрожащим белым пламенем, стала поворачиваться от вражеского флота к... беззащитному городу на берегу бухты.

Время замедлилось и растянулось. Ее тело повернулось в сторону города. Рука нацелилась в самое его сердце. На причалах толпились люди, потомки исчезнувшего народа. Кто-то, напуганный ее огненным ударом по вражескому флоту, спешил укрыться в своих ветхих домах. Ее пальцы начали раскрываться.

– Нет!

Это слово было грохотом, мольбой. Перед нею мелькнуло что-то серебристое, потом зеленое.

Имя. Внутри ее всколыхнулось имя, когда он оказался на пути ее кулака, на пути лунного огня. Он делал это не только ради спасения ни в чем не повинных жителей города, но и ради спасения ее души от ужасающих мучений. Ведь если она уничтожит весь город...

Рован. Черты его лица обрели ясность. Темно-синие узоры татуировки казались почти черными. На пути ее кулака, заключавшего немислимую силу, оказалось его сердце.

Ни в каком из миров не было иной силы, способной ее удержать.

Аэлина Галатиния вспомнила собственное имя и разнесла клетку, в которую запихнула ее богиня. Потом, схватив нечестивую богиню за горло, стала заталкивать незваную гостью обратно в портал, после чего накрепко запечатала его своей магической силой.

Аэлина вернулась в свое тело. Вернула свою силу.

Огонь, подобный льду. Огонь, украденный со звезд..

Тело Рована замерло на пути ее кулака. Ветер шевелил его волосы.

Время вновь обрело прежний ход и прежнюю неумолимость. У Аэлины были в запасе считанные секунды, чтобы отвести раскрытую ладонь от Рована и направить в сторону.

Корабль, на котором они плыли, срединную часть и левый край вражеского флота, а также внешнюю оконечность острова разнесло под напором невиданной огненно-ледяной бури.

Глава 36

Под водой была удивительная тишина. Все звуки с поверхности доходили приглушенно: крики, удары, скрежет. Песнь битвы и смерти.

Аэлина погружалась вниз, в глубины своей магической силы. Амулет со спрятанным Ключом Вэрда вдруг показался ей жерновом на шее.

Денна. Аэлина не понимала, как и почему древняя богиня вдруг появилась в их мире.

«Обетованная королева».

Легкие отчаянно жгло. Наверное, от потрясения.

Аэлина погружалась, стараясь почувствовать путь назад, в тело и разум.

Соленая вода кусала глаза.

Потом чья-то крупная, сильная рука схватила ее за воротник и упрямо потащила вверх.

Что она наделала? Что она наделала? Что она наделала?

Вокруг появились свет и воздух. Та же рука обвила ей грудь и прижала к мускулисту мужскому телу, не дав снова уйти под воду.

– Слава богам, поймал тебя, – послышался мужской голос.

Это не Рован. Аэлина вспомнила: на корабле были и другие. Наверное, она убила их своей магией.

- Не дергайся... ваше величество.

Фенрис. Она вспомнила его имя.

Аэлина моргнула, стряхивая воду с ресниц. К ней вернулось имя, титул и остатки магической силы. Они вышли в море, чтобы сразиться с вражеской эскадрой. Морат показывал им свою мощь.

Сражение – главное. А с дерзкой богиней она разберется потом. Надо же, обойтись с королевой, как с храмовой жрицей. Ничего, она обшарит миры, разыщет эту Денну и заставит платить.

- Держись, – сказал ей Фенрис, перекрывая треск пламени, шум и крики. – Руку мою не отпускай.

Аэлина не успела ответить, как они оба оказались в темном пространстве, одновременно плотном и невесомом. Пространство сжимало ее со всех сторон.

Потом они опять попали в воду и плыли возле самой поверхности. Аэлина едва успевала высовывать голову и глотать воздух. И снова переброс. Теперь вокруг плавали совсем другие обломки.

Фенрис держал ее крепко. Его дыхание становилось все более шумным. Видимо, на эти прыжки он тратил всю магическую силу, какой обладал.

И опять темнота, сдавливающая со всех сторон. Через несколько секунд вода и небо появились снова.

Фенрис направлялся к берегу. Одной рукой он держал Аэлину, а другой греб и расталкивал обломки. Чувствовалось, он очень устал. Запас магической силы был израсходован им полностью.

Но где же Рован? Должно быть, Аэлина произнесла его имя вслух, сопроводив всхлипыванием.

- Да живой он. На рифе стоит.

Аэлина не поверила словам Фенриса. Она забилась в руках фэйского воина, и наконец тот выпустил ее. Вскоре она увидела Рована. Тот стоял по колена в воде. Аэлина снова всхлипнула. Заметив ее, Рован протянул руку, хотя до нее было еще локтей тридцать.

Фенрис сказал правду. Рован был цел и невредим, только весь мокрый. Рядом стоял такой же мокрый Гарель и смотрел...

Боги милосердные, он смотрел на воду, густо окрашенную кровью. Взгляд повсюду наткнулся на мертвые тела. А вражеский флот...

Пять кораблей превратились в обугленные и тлеющие обломки, что плавали по всему пространству между островами и островками. В воздухе носились дымящиеся обрывки корабельных канатов и снастей. Однако три вражеских корабля уцелели и сейчас приближались к обломкам «Морского дракона».

- Плыви, - сказал ей Фенрис. - Тут особо раздумывать некогда. Давай, и чем быстрее, тем лучше.

Аэлина повернулась к нему. Золотистые волосы фэйского воина облепили мокрый лоб.

- Ты меня слышала? - рявкнул он, обнажая клыки.

Фенрис снова схватил ее за воротник и с силой оттолкнул. Стараясь не думать о том, что может скрываться на глубине, Аэлина поплыла к рифу. Вода вдруг показалась ей на удивление холодной. Она старалась смотреть только на протянутую руку Рована. Его лицо было спокойным. Настоящий полководец на поле битвы. Аэлина чувствовала, что исчерпала свою магическую силу. Но самое скверное - она растратила и магическую силу Рована, которую он так щедро перелил в нее.

Сейчас не время об этом думать. Надо плыть. На пути ей попался крупный обломок непонятно какого корабля. Проще было проплыть под ним. Аэлина нырнула и увидела нескольких мертвецов. Она узнала их: то были люди Рульфа. Неужели пиратского капитана постигла та же участь?

Могло случиться, что она погубила своего первого и пока единственного союзника в этой войне. Кто, кроме Рульфа, укажет ей путь к Замку? А если станет известно, что Рульф убит ее магией...

- Шевели руками! - послышался сердитый голос Фенриса.

Рован убрал меч и поплыл ей навстречу. Он двигался быстро и ровно, лавируя между волнами и ненадолго скрываясь под ними. Аэлине хотелось крикнуть, чтобы он берег силы, что она и сама доберется, однако...

Рован подхватил ее и замер, переводя дыхание. Растратив магическую силу и немалую часть телесной, он сейчас мало чем отличался от смертного человека. Аэлина запретила себе думать о вражеских морских драконах.

Убедившись, что Аэлина может добраться до рифа, Рован поспешил на помощь теряющему силы Фенрису. Теперь на его месте стоял Гарель. Ноги Аэлины уперлись в дно. У нее саднило все тело. Пройдя несколько шагов, она ухватилась за протянутую руку Гареля. Лев легко вытащил ее из воды. Видя, что она плохо держится на ногах, Гарель не отпускал ее руку, пока Рован с Фенрисом не выбрались на кромку рифа. Рован сжал ее лицо в ладонях и стал всматриваться в глаза.

- Это я, - успокоила его Аэлина.

Голос ее звучал хрипло, возможно от собственной магии или от столкновения с богиней. Или просто от соленой воды.

- Я настоящая.

Рован облегченно вздохнул. Аэлина была настоящей. Но и три вражеских корабля - тоже.

Фенрис скрючился и тяжело дышал.

– Я на пределе, – признался он Ровану. – Думаю, и ты в не лучшем состоянии. Выбор невелик: или торчать здесь и ждать, когда вернутся силы, или плыть к берегу.

Рован резко кивнул в знак согласия. Аэлина обернулась. Похоже, риф был продолжением черного каменистого берега. Но даже сейчас, во время отлива, кое-где им придется плыть. Рискую столкнуться с морскими драконами.

Пока что их нигде не было видно. Лисандры тоже. Аэлина не знала, хорошо это или плохо.

Аэлина и трое фэйцев стояли по колена в воде. Вершина рифа не поднималась над поверхностью.

События развивались совсем не так, как должны бы, и совершенно не в ту сторону. Лисандра могла поклясться, что звериная часть ее личности, которая всегда присутствовала в ней, сейчас «поджала хвост» и спряталась внутри драконьего тела.

Мир взорвался. Вокруг нее образовались десятки водоворотов и завихрений, и в них кружились обломки кораллов, куски обгоревшего дерева, лоскуты парусины. Большинство плавало на поверхности, иные затаивало глубже. Потом Лисандре стали попадаться тела и части тел.

Она заметила среди обломков живых и невредимых Рульфа и его первого помощника, запутавшихся в остатках парусной оснастки. Преодолев оцепенение, Лисандра поплыла к ним.

Ее появление не вызвало у них радости. Наоборот, оба потянулись к оружию. Лисандра невозмутимо разорвала веревки и замерла. Сообразив, кто перед ними, Рульф и его первый помощник уцепились за ее лапы.

Перебросить их на каменистую отмель было делом минуты. Лисандра снова погрузилась в воду. Там барахтались и другие уцелевшие. Она стала помогать и им, расталкивая обломки, пока... вода не стала окрашиваться кровью. Это не были сгустки или «лужицы» внутри воды. Целые красные облака, словно чьи-то громадные челюсти выдавливали кровь из тел. Лисандра поняла чьи.

Ее длинный хвост извивался, расталкивая водяную стихию. Лисандра спешила навстречу трем уцелевшим вражеским кораблям. Те двигались к месту, где сосредоточилось большинство обломков судна Рульфа. На них взгромоздились уцелевшие люди пиратского короля. Времени у Лисандры было в обрез: нужно успеть, пока вражеские драконы заняты едой.

Зловоние от ближайшего черного корабля распространялось даже под водой. Казалось, его древесина успела пропитаться гнилой кровью.

Едва Лисандра приблизилась к широкому подбрюшью ближайшего корабля, неведь откуда появились силуэты обоих драконов. Это не помешало ей ударить хвостом по борту корабля.

За первым ударом последовал второй. Затрещали переборки. До ушей Лисандры донеслись приглушенные крики. Лисандра отплыла, свернула хвост пружиной и нанесла третий удар по кораблю.

Ломающаяся древесина содрала ей чешую на хвосте, но цель была достигнута. Вода хлынула в темную пробоину, делая ее все шире. Рана, нанесенная кораблю, была смертельной. Лисандра ушла на глубину. Вражеские драконы прекратили пир. Они еще не понимали случившегося.

Лисандра поплыла ко второму кораблю. Потопить и его. Кто-то из солдат потонет. Тех же, кто доберется до берега, встретят люди Рульфа.

На втором корабле не собирались сдаваться без борьбы. В воду полетели копья и стрелы. Лисандра опустилась на песчаное дно, замерла и стала быстро подниматься, метя в корабельное днище – самую уязвимую часть любого судна. Оставалось лишь ударить.

Ее опередили. Вместо удара по днищу Лисандра сама получила удар от одного из драконов. Обогнув корабль, он атаковал Лисандру.

По ней полоснули когти. Лисандра инстинктивно перекувырнулась в воде и мощным ударом хвоста отшвырнула врага подальше.

Потом она воочию увидела противника, и человеческая часть ее сознания ужаснулась.

Вражеский дракон был почти вдвое больше ее. Темно-синяя шкура, белое брюхо с голубоватыми пятнами. Тело скорее напоминало змеиное, с короткими плавниками. Выведенные твари не отличались скоростью и способностью преодолевать океанские расстояния. Их готовили для нападения и убийства. Об этом свидетельствовали искривленные когти, пасть, усеянная узкими острыми зубами. Эта пасть уже почуяла запах Лисандры и вкус ее крови.

Крючковатые зубы, чтобы было легче вгрызаться и разрывать плоть жертвы.

Недалеке от вражеского дракона виднелся силуэт второго.

С поверхности доносились крики и плеск воды. Лисандра сложила крылья. Напрасно она не заполнила воздухом все пространство легких. Обломок корабельного дерева до крови расцарапал ей бок. Она вильнула хвостом, направляя струйку крови в сторону драконов. Лисандра примерно знала, когда ее кровь достигнет их.

Пусть полакомятся и поймут, что она лишь внешне похожа на них.

Быстро и плавно Лисандра стала погружаться. Если этих драконов выводили ради жестоких убийств, она воспользуется своим преимуществом – быстротой.

Лисандра проплыла под ними, направляясь в сторону океана. Драконы поняли это не сразу. Они теряли время, разворачиваясь для погони.

«Ну давайте, гнусные твари. Ловите меня. Вас двое, я одна».

Они напоминали тупых гончих, способных преследовать зайца только по прямой.

К северу от этого места была отмель, окруженная рифами. Лисандра понеслась туда.

Один из драконов был проворнее сородича. Он гнался за Лисандрой, норовя ухватить ее хвост.

Стало светлее. Лисандра плыла к рифу, поднимавшемуся из глубин. До отмели было совсем недалеко. И вдруг перед нею мелькнуло тело второго дракона, которого она посчитала медлительным. А первый по-прежнему висел у нее на хвосте.

Оказывается, эти твари были способны на маневры.

Лисандра свернула вбок, к мелководу. Подчинившись силе рывка, она кувыркалась в воде, стремясь поскорее достичь узкой песчаной отмели. Там она глубоко впилась когтями в дно и остановилась, слушая скрип песка под собой. Хвост она выставила. В воздухе его удар был куда ощутимее, чем в воде.

Дракон, рассчитывавший обманым маневром застичь Лисандру врасплох, вынырнул на отмель. И тогда Лисандра с быстротой змеи нанесла удар, впившись ему в шею. Противник дернулся, молотя по песку хвостом. Но хвост Лисандры ударил его по спине, раскрыв ее вместе с шейей.

Рот Лисандры наполнился черной кровью с отвратительным привкусом тухлого мяса.

Отбросив мертвого дракона, она вглядывалась в бирюзовые воды, где все так же плавали обломки. На вражеских кораблях готовились к какому-то маневру... Но где же второй дракон? Никак струсил и уплыл?

Пожалуй, она недооценила своих противников. Сообразив, что его может постигнуть участь сородича, второй дракон отправился искать себе добычу полегче.

Вскоре над водой появился белый плавник. Дракон плыл к другому рифу, где с мечами наготове стояли Аэлина, Рован, Гарель и Фенрис. Их со всех сторон окружала вода.

Лисандра поспешила туда. У нее оставался всего один противник. Разделаться с ним, а потом она спокойно потопит оставшиеся корабли...

Вражеский дракон неумолимо приближался к коралловому рифу. Он плыл все быстрее, словно намеревался выскочить из воды и проглотить террасенскую королеву. До цели оставалось каких-нибудь двадцать локтей.

Лисандра бросилась дракону наперерез. Они оба ударились о риф, отчего тот задрожал. Но ее когти уже впелись дракону в спину, ее пасть сомкнулась на его загривке. Лисандра трепала противника, вдвое превосходящего ее, и все в ней пело торжествующую звериную песнь, где было только одно слово: «Убить, убить, убить».

Их отнесло прочь от рифа. Дракон продолжал сопротивляться. Лисандре становилось все труднее удерживать его за гривок. В какой-то момент она увидела громаду вражеского корабля. Собрав остатки сил, она еще раз взмахнула крыльями, ударив дракона об остов корабля. Противник яростно верещал. Лисандра продолжала лупить им по корабельному борту. Днище корабля треснуло, а с ним и позвоночник дракона.

Громадное тело обмякло. В пробоину с шумом устремилась вода. Над палубой взмыли крики солдат.

Лисандра разжала когти, и мертвый дракон начал медленно погружаться на дно.

Остался последний корабль. Всего один...

Лисандра безумно устала. После таких кувырканий в море пройдет несколько часов, прежде чем она вернется в человеческое тело.

Она вынырнула на поверхность, глотая воздух и готовясь к завершающей атаке.

Аэлина что-то кричала. Лисандра замерла, прислушиваясь. То не был крик боли. Аэлина выкрикивала... предостережение. Одно слово, раз за разом. Одно слово, предназначенное ей:

– Уплывай!

Лисандра вытянула шею, стремясь понять, почему Аэлина ее предостерегает. С оставшимся кораблем она легко справится. Но рука королевы указывала не на корабль.

На силуэты трех громадных морских чудовищ, несущихся к Лисандре.

Глава 37

Королева находилась на рифе вместе с Рованом, Гарелем и Фенрисом. Рульф и остатки его команды собрались на противоположном рифе. А в проливе между рифами...

Там был один вражеский корабль, один морской дракон по имени Лисандра и еще трое невесть откуда взявшихся морских драконов.

Эти трое были взрослыми тварями. А те двое... получалось, то были детеныши.

– Пиши пропало, – заголосил караульный рядом с Эдионом.

Рульф утверждал, что морские драконы очень дорожат своим потомством и ни одно убийство их детеныша не останется неотомщенным. Укрыться от их возмездия можно лишь в глубине континента, но и там реки всегда будут таить опасность.

Лисандра убила не одного, а сразу двух детенышей.

Значит, на расправу с пиратским королевством послали не двух морских драконов. С палуб последнего корабля доносился торжествующий гогот солдат... Ловушка! Детеныши служили приманкой.

Они были лишь немногим крупнее Лисандры. Зато взрослые самцы превосходили ее втрое.

Взрослые драконы были длиннее военного корабля. Оттуда сейчас стреляли по людям Рульфа, пытавшимся перебраться на сушу. А пролив стал западней для зеленого морского дракона.

Со стороны океана зеленому морскому дракону угрожали три громадных чудовища. С другой стороны, на рифе, стояла королева, полностью израсходовавшая свою магическую силу. Королева кричала, требуя, чтобы Лисандра поскорее уплыла отсюда и вернулась в человеческое обличье. С рифа Аэлине было трудно оценить, в каком состоянии находилась сейчас ее подруга.

Зато это хорошо видел Эдион. Расправляясь со вторым детенышем, она почти исчерпала свои силы. Эдион повидал немало превращений Лисандры и знал, каких сил требует обратное превращение в человека. Ей вообще могло не хватить сил избавиться от обличья морского дракона.

Лисандра была заперта в драконьем теле. Если она попытается выбраться на берег... Самцы расправятся с нею раньше, чем она достигнет отмели.

Самцы стремительно приближались. Лисандра замерла в устье залива. Она держала оборону. У Эдиона замерло сердце.

– Мертвая она, – прошептал кто-то из караульных. – Точно, мертвая. Потому и не шевелится.

– Рот свой поганый закрой! – рявкнул на караульного Эдион.

Он пристально наблюдал за заливом, переходя в состояние холодной расчетливости полководца. На полях сражений оно не раз выручало Эдиона, позволяя взвешивать, оценивать и принимать решения.

Но первым решение пришло к Дорину. Молодой король поднял руку. Ладонь Дорина вспыхивала, как звезда. Своей магической силой он подавал Лисандре сигнал: «Плыви ко мне, плыви ко мне, плыви ко мне».

Три драконьих самца погрузились под воду.

Лисандра повернулась, но не в сторону Дорина. Аэлина перестала кричать. Магия Дорина погасла.

Эдион мог лишь в немом изумлении смотреть, как бесшабашный зеленый дракон поплыл навстречу трем грозным противникам. Лобовое столкновение с ними означало почти мгновенную гибель Лисандры.

Самцы образовали цепь. При виде их исполинских тел у Эдиона пересохло во рту.

Его впервые захлестнула ненависть к двоюродной сестре.

Он ненавидел Аэлину за то, что она вовлекла Лисандру в свои замыслы. Слишком дорогая плата за то, чтобы расшевелить микенианцев и убедить их сражаться за Террасен. Он ненавидел тех, кто покрыл душу Лисандры множеством рубцов, из-за чего жизнь потеряла для нее ценность. Он ненавидел... себя за то, что торчит на этой дурацкой башне, возле дурацкого арбалета, для которого даже стрел не наготовили в достаточном количестве.

Лисандра мчалась прямо на среднего самца, но, когда до него оставалось не более двухсот локтей, вдруг резко свернула влево.

Самцы разорвали цепь: один нырнул, второй остался на месте, а третий подался назад. Их замысел был понятен. Самцы намеревались загнать Лисандру туда, где можно будет наброситься на нее со всех сторон и растерзать на куски. Наверное, они уже предвкушали этот зловещий пир.

Но Лисандра метнулась через пролив, прямо к оставшемуся вражескому кораблю.

В нее полетели стрелы. Некоторые попали в цель, и из-под зеленых чешуек проступила кровь.

Лисандра продолжала плыть. Ее кровь привела ближайшего самца в полное неистовство. Он понесся к Лисандре, рассчитывая впиться зубами ей в бок.

Лисандра приблизилась к кораблю. Не обращая внимания на стрелы, она стремительно выпрыгнула из воды, давя солдат и ударяя хвостом по мачтам. Обе мачты треснули и начали крениться.

Лисандра ударила по другому борту и снова прыгнула в воду. Вся ее чешуйчатая шкура блестела от крови.

Самец тоже выпрыгнул из воды, рассчитывая прижать Лисандру к борту корабля. Эдион затаил дыхание... Самец упал прямо на острые обломки мачт, и те, словно колья, пропороли ему брюхо. Грохот от его падения был слышен по всему острову. Самец еще дергался, но он насадил себя на два кола сразу. Сил приподняться не было. Под тяжестью его веса корабль трещал, неумолимо погружаясь в воду.

Не теряя времени, Лисандра поплыла в обратном направлении. Двое самцов устремились за ней, двигаясь впритык. Потом один нырнул. Второй плыл по поверхности, буквально хватая Лисандру за хвост.

Лисандра вела его прямо к Дорину.

Ближе, еще ближе. И тогда Дорин протянул обе руки. Самец с размаху ударился о ледяную корку, которой мгновение назад не было. Вряд ли здешние края когда-нибудь видели воду, превратившуюся в лед.

Караульные за спиной Эдиона что-то бормотали. Самец ревел, пытаясь вырваться из плена, но лед становился все крепче. Самец вмерз в лед и весь покрылся инеем.

Дорин испустил боевой клич.

Эдион невольно признался себе, что молодой король не настолько бесполезен, как ему думалось. Катапульта за спиной Дорина ожила и метнула камень размером с повозку. Камень упал прямо на замерзшего самца, раздробив его тело на тысячи кусков.

Рульф и его люди радостно кричали. Им вторили те, кто наблюдал за сражением с городских причалов. Все будто забыли, что оставался еще один противник. А Лисандра не знала, где он прячется.

Зеленое тело металось в воде, то погружаясь, то снова появляясь на поверхности.

Эдион до боли в глазах обшаривал водную поверхность, не мелькнет ли где зловещая серая тень.

– Он слева! – крикнул Гарель, голос которого явно был усилен магией.

Лисандра дернулась, и сейчас же на поверхности появился ее враг. У него были повадки акулы, подстерегающей добычу.

Лисандра заметалась. Воды вокруг нее были полны обломков. Тонушие вражеские корабли казались островами смерти. А впереди замер Кораблекрушитель... У Эдиона мелькнула безумная мысль: надо чуть опустить цепь, чтобы Лисандра влезла на нее, а потом поднять как можно выше. Мысль и впрямь была безумной. Во-первых, под тяжестью Лисандры цепь могла оборваться. И потом, вне воды Лисандра становилась медлительной.

Она хотела повторить маневр и заманить оставшегося самца поближе к башне Дорина, но тот разгадал ее замысел. Он не пропускал Лисандру к башне, оттесняя в хаос обломков и дальше, в открытое море.

Аэлина и ее спутники могли лишь наблюдать с рифа за смертельной схваткой двух драконов. Самец бросался в Лисандру обломками. Один ударил ее сбоку, и она скрылась под водой.

Эдион вскочил с табурета, готовый взреветь. Но Лисандра вынырнула. Из раны вовсю лилась кровь. Лисандра продолжала двигаться. Она увлекала самца в самую гущу обломков, иногда поворачивая назад. Самец плыл напролом, возбужденный вкусом и запахом ее крови. Казалось, Лисандра методично сводит противника с ума.

Вдруг она направилась к почти затонувшим вражеским кораблям. Солдаты (а точнее, марионетки, управляемые валгскими демонами) еще пытались спастись. Как и прежде, Лисандра сделала резкий поворот в сторону. Самец

промчался сквозь эти островки, словно солдаты и покоренные части кораблей были легким занавесом.

Лисандра кружилась среди обломков кораблей и рифов. Солнечный свет плясал на зеленых чешуйках, густо покрытых рубиновой кровью. Танец, устроенный ею для самца, был танцем смерти.

И он все замедлялся. Лисандра теряла кровь.

Неожиданно она развернулась и поплыла в сторону залива. К цепи. К башне, на которой находился Эдион.

Он прикинул расстояние: локтей шестьсот, не меньше. Столько нужно было проплыть Лисандре, чтобы ее противник оказался в пределах досягаемости башенного арбалета.

– Плыви! – во всю мощь легких закричал Эдион, не зная, слышит она или нет. – Плыви, Лисандра!

Население Бухты Черепов замерло в ожидании. Зеленый морской дракон боролся за свою жизнь. Самец его нагонял. Вскоре он скрылся на глубине.

Лисандра проплыла под звеньями Кораблекрушителя. Самец двигался возле самого дна. Какой же маленькой казалась она в сравнении с этой громадиной. Одно движение челюстей – и Лисандры не станет.

Эдион взобрался на табурет и стал разворачивать оружие. Он должен попасть в самца с первого выстрела. Иначе...

Лисандра выбивалась из сил. Сердце зеленого дракона просто могло не выдержать. Наверное, она догадывалась о маневре самца: стремительно подняться с глубины и ударить ее в подбрюшье – самую уязвимую часть драконьего тела.

Расстояние сократилось до десяти локтей. Еще чуть-чуть.

Пот заливал Эдиону глаза. Сердце громыхало, норовя выскочить наружу. Он проверил положение стрелы и немного изменил наклон.

Самец всплыл с разинутой пастью, готовый одним движением перекусить Лисандру пополам. Она взмыла в воздух, уже не столько зеленая, сколько красная от крови. Самец выпрыгнул следом. Его пасть оставалась разинутой.

Потная ладонь Эдиона нажала на спусковой рычаг арбалета.

Возможно, самец и осуществил бы свой маневр, если бы в его разинутую белую пасть не влетела стрела, пробив ее насквозь.

Хлынула черная кровь. Округлив глаза, самец отпрянул.

Лисандра шумно плюхнулась в море; взметнулся огромный столб воды и скрыл ее и раненого самца.

Когда вода успокоилась, на глубине просматривалась одна громадная тень, а по поверхности растекалась лужа черной крови.

- Ты.. ты.. - бормотал очумевший караульный.

- Заряжай вторую стрелу, - приказал Эдион, продолжая вглядываться в пузырящуюся воду.

Где же она? Где Лисандра?

Тот же вопрос задавала себе Аэлина, сидя у Рована на плечах.

Затем из воды появилась зеленая голова, густо перемазанная черной кровью. В зубах Лисандра держала откушенную голову самца, которую тут же отшвырнула подальше.

Город и рифы взорвались оглушительными приветственными криками.

Эдион уже несся по лестнице вниз - к берегу, куда теперь плыла Лисандра. И опять за нею тянулась красная кровавая полоса.

Ее движения были медленными. Чувствовалось, каждое причиняет ей боль.

Башню отделяла от берега небольшая рожица, мешавшая Эдиону видеть Лисандру. Он побежал, перепрыгивая через корни и валуны. Фэйское чутье позволяло не глядеть под ноги. Вскоре суглинок сменился песком, деревья расступились, и Эдион увидел выбравшуюся на берег Лисандру. Она распласталась на песке. Ран на ее драконьем теле было столько, что песок быстро краснел.

Караульные опустили цепь. Корабли спешили выйти из залива: подобрать своих и добить чужих.

Краешком глаза Эдион видел, как Аэлина и фэйцы попрыгали в воду и теперь изо всех сил плыли к берегу.

Эдион опустился на колени. Влажный от крови песок заставил его содрогнуться. Чешуйчатая голова зеленого дракона величиной была почти с него, но ее глаза... эти зеленые глаза такого же цвета, как чешуя...

Усталые. Полные боли.

Эдион протянул руку. Лисандра оскалила зубы и тихо зарычала. Тогда он поднял обе руки и отступил.

Сейчас на него смотрела не женщина, а морской дракон, сущность которого почти поглотила человеческую. Останься она человеком в зверином теле, ей было бы не уцелеть.

Драконье тело сплошь покрывали раны, ранки и царапины. И отовсюду капала кровь, уничтожая белизну песка.

Рован или Аэлина могли бы ей помочь. Если, конечно, у них остались магические силы после огненного вихря, устроенного Аэлиной. Лисандра закрыла глаза. Дышала она сбивчиво.

- Да открой ты глаза! - прорычал Эдион. - Спать потом будешь.

Лисандра тоже зарычала, но приоткрыла один глаз.

- За то, что ты сделала, тебя здесь должны на руках носить... конечно, если поднимут. После таких подвигов глупо помирать на берегу.

Глаз сощурился, что Эдион расценил как проявление женской натуры. Нужно поскорее вернуть Лисандру-женщину, вернуть ей власть. Иначе Лисандра-дракон не подпустит их к себе и не даст оказать помощь.

- Благодарить меня будешь позже, когда заживет твоя несчастная задница.

Глаз продолжал следить за ним настороженно и с явным раздражением. Но пока в Лисандре главенствовал зверь.

Свое истинное состояние Эдион прятал за маской высокомерного спокойствия, и, хотя эта маска в любой момент могла развалиться, он продолжал в той же развязной манере.

- Кстати, эти дурни-караульные на башне успели в тебя влюбиться, - врал он Лисандре. - А один сказал, что хочет на тебе жениться.

В ответ раздалось тихое рычание. Не сводя с Лисандры глаз, Эдион сделал шаг вперед и, улыбаясь, продолжал:

- Знаешь, что я им сказал. Я им сказал: «У вас нет ни малейшего шанса». А хочешь узнать, почему я им так сказал?

Эдион понизил голос и, по-прежнему выдерживая ее настороженный, измученный взгляд, сказал:

- Потому что я сам на тебе женюсь. Да, наступит такой день. Я буду великодушен и позволю тебе самой выбрать дату. Возможно, пройдет еще лет десять. Или двадцать. Но однажды ты станешь моей женой.

Теперь на него смотрели оба сощуренных драконьих глаза. Усталые и по-женски сердитые.

- Принцесса Лисандра Ашерир. Правда, красиво звучит?

Дракон изумленно фыркнул. Эдион не мог ошибиться. Это было настоящее изумление.

Лисандра разинула пасть, будто собиралась что-то сказать. Потом сообразила: драконья глотка способна только рычать. Из рта, пачкая зубы, потекла кровь. Лисандра содрогнулась всем своим могучим телом.

Зашелестели прибрежные кусты. Оттуда вышли Аэлина с Рованом, а следом - Гарель и Фенрис. Промокшие, перепачканные в песке, с посеревшими лицами.

Раньше чем Эдион успел предупредить сестру, Аэлина наклонилась к Лисандре и провела рукой по израненной чешуе. Лисандра лишь дернулась.

- Прости меня, - бормотала Аэлина, глотая слезы. - Прости.

Фенрис и Гарель, чья подсказка, возможно, спасла Лисандре жизнь, остались стоять возле деревьев. Рован подошел к Лисандре и опустился на корточки, осматривая раны. Фенрис поймал недовольный взгляд Эдиона, говорящий: «А вам двоим тут вообще делать нечего».

- Надо же, с одного выстрела, - пробормотал Фенрис.

Гарель молча кивнул.

Эдиону было не до них. Аэлина и Рован сумели частично восполнить истраченную магическую силу. Раны Лисандры начали медленно затягиваться. Кровотечение прекратилось.

- Она потеряла много крови, - произнес Рован, словно рассуждая вслух. - Очень много.

- Сколько живу - ничего подобного не видел, - признался Фенрис.

Такое же признание мог сделать каждый из них.

Аэлину трясло. Ее рука лежала на чешуйчатой шее Лисандры. Лицо было настолько бледным, что все жесткие слова, припасенные Эдином, оказались ненужными. Его сестра и королева знала, какая цена уплачена за эту победу. Ей понадобилось столько времени, чтобы научиться доверять им и поручать часть своих дел. Если сейчас высказать Аэлине все, что скопилось у него в душе, если дать волю раздражению... она снова взвалит весь груз на свои плечи. Но каким бы ни был ее удивительный магический дар, ей одной не справиться. Не превратись сегодня Лисандра в морского дракона и не вступи в бой... еще неизвестно, каким бы оказался исход сражения...

И все же Эдион не удержался от главного вопроса, не дававшего ему покоя:

- Что с тобой произошло?

- Магическая сила вырвалась из-под моей власти, - хрипло ответила Аэлина.

Ее рука сама собой коснулась груди, где под белой рубашкой Эдион разглядел очертания Амулета Оринфа.

Это объясняло очень многое, в том числе интерес Рульфа и сегодняшнее вторжение. Аэлина сильно рисковала, забирая амулет у Аробинна, поскольку он был не просто династической реликвией, а хранилищем Ключа Вэрда. И сегодня магическая сила Аэлины непонятным образом пробудила Ключ, что едва не погубило их всех.

Однако понимание не погасило гнев Эдиона. Наоборот, тот вспыхнул с новой силой. Что за беспечность? Рован заметил его состояние.

– Эмоции побереги для другого времени, – угрожающе произнес фэйский принц.

Фенрис и Гарель напряглись, не понимая сути происходящего.

Эдион что-то прорычал сквозь зубы. Рован холодно посмотрел на него. Взгляд был достаточно красноречивым, обещавшим даже в случае легкого намека о сокровище Аэлины вырвать Эдиону язык. В самом буквальном смысле.

Эдиона бесило, что Рован и на этот раз был совершенно прав. Заглушая гнев, он сказал:

– Нам не унести Лисандру... в таком виде. А у нее сейчас нет сил для обратного превращения.

– Тогда подождем, пока она не восстановит силы, – сказала Аэлина.

Но королева уже смотрела не столько на Лисандру, сколько в сторону залива. Рульфю помогали перебраться с рифа на корабль. Город гудел, празднуя победу.

Победу, граничащую с поражением. Слишком дорого заплатили Лисандра и Аэлина, чтобы расшевелить потомков микенианцев, показав им осуществленное древнее пророчество.

– Я останусь здесь, – сказал Эдион. – Думаю, Рульф ждет твоих объяснений.

– Эдион, я могу сходить в башню и принести тебе еды, – предложил Гарель.

– Не мешает, – ответил Эдион, не поворачиваясь к отцу.

Аэлина поднялась на ноги. Все это время она смотрела на Эдиона, затем тихо сказала:

– Прости.

Эдион чувствовал ее искренность, но промолчал.

Лисандра застонала, и стон пробрал его до костей. Все остальные перестали для него существовать.

Аэлина ушла, не сказав больше ни слова.

Лев оставался в кустах, невидимый и неслышимый для Волка, который безотрывно следил за своей Лисандрой.

Шел час за часом. Отлив унес с собой всю кровь, очистив воды бухты. Люди Рульфа собрали и отправили на дно останки врагов. Всколыхнуло ли увиденное микенианцев? Пусть с этим разбирается королева. Волка сейчас волновало только состояние Лисандры.

Когда солнце начало клониться к закату, зеленый дракон шевельнулся. Тело наполнилось сиянием и стало уменьшаться в размерах. Исчезали чешуйки, превращаясь в гладкую кожу. Драконья морда сменилась красивым человеческим лицом. Неуклюжие задние конечности вытянулись и стали длинными загорелыми ногами. Лисандра вернула себе человеческий облик, но не могла вернуть одежду и лежала совершенно голая. Едва попытавшись встать, она снова рухнула на песок. Тогда Волк завернул ее в свой плащ и подхватил на руки.

Лисандра не возражала. Вскоре ее глаза опять закрылись, а голова опустилась Волку на грудь. Он медленно двинулся в сторону деревьев.

Лев по-прежнему не показывался. Он не смел предложить сыну помощь и сказать то, что намеревался. В свои двадцать пять его сын уже сделался легендой, которую станут рассказывать на привалах.

А легенд о событиях этого дня появится немало, и они достигнут таких уголков, где Лев еще не бывал, хотя прожил не одну сотню лет.

Лев молча смотрел, как Волк скрылся за деревьями, унося бездыханную женщину-оборотня.

Ему вдруг подумалось: а будет ли во всех этих легендах сказано хоть одно слово о нем? Захочется ли сыну, чтобы мир узнал, кто его отец? И сочтет он это нужным?

Глава 38

Разговор с Рульфом был недолгим и откровенным.

Аэлина испытывала неодолимое желание хотя бы на пару часов вырваться из этого города, иначе... Она боялась нового взрыва.

«У каждого Ключа есть Замок», – говорила Денна, напоминая о приказе Брэннона. Говорила ее, Аэлины, голосом. И назвала странный титул, отозвавшийся в глубинах души ужасом и пониманием. Однако до полного понимания было далеко. Аэлина продолжала раздумывать над смыслом слов «Обетованная королева».

Аэлина стремительно шла по береговой полосе. Она почти бежала сюда. Ей требовалось успокоить бурление крови, утихомирить лавину мыслей. Рован неслышно двигался следом.

Они оба были на встрече с Рульфом. Больше пиратский король не позвал никого. Встреча происходила все в том же зале таверны, ставшей постоянным напоминанием о погубленном Аэлиной корабле.

- Ты что вообще натворила? - спросил Рульф, едва они вошли.

Аэлина была слишком усталой и слишком раздосадованной своими промахами. Вместо радости победы ею владело отчаяние. Сил на браваду не осталось, и потому она ответила просто и честно:

- Когда ты отмечен Мэлой, бывает, что магическая сила выскальзывает из-под твоей власти.

- Выскальзывает? Мне ваши бредовые разговоры непонятны. А что я видел собственными глазами... Ты как будто рехнулась и вместо вражеских кораблей собиралась спалить мой город.

У Рована хватило выдержки объяснить Рульфу:

- Магия - не меч и не арбалетная стрела. Она - живая стихия. Когда в нее погружаешься, нужно немало усилий, чтобы не забыть, кто ты и что собирался сделать. Моя королева совершила настоящий подвиг, успев совладать с магической силой.

Его слова не произвели на Рульфа никакого впечатления.

- А мне показалось, будто маленькая девчонка взялась играть с силой, которая ей не по зубам. Скажи спасибо принцу: это он выпрыгнул перед тобой и уберег население Бухты Черепов от бойни.

Аэлина закрыла глаза. Она вспомнила кулак, полный лунного огня, и Рована, не позволившего ей разжать пальцы. Когда она открыла глаза, ее шаткая уверенность в правильности своих действий укрепилась и стала похожей на глыбу льда.

- Теперь я расскажу, как все это видится мне. Пиратский король, обитающий в Бухте Черепов, он же потомок давно исчезнувших микенианцев, вошел в союз с молодой и очень могущественной королевой. Настолько могущественной, что она способна уничтожать целые города, если того пожелает. И этот союз сделал тебя неприкосновенным, ибо любой глупец, вздумавший тебе вредить или лишиться власти, будет иметь дело со мной. Поэтому я предлагаю бережно сохранить все, что осталось от твоего драгоценного корабля. Твоих людей погибло не так уж много - около десятка. Я не отрицаю своей вины. Их семьи получают от меня щедрую выплату. А дальше... можешь закрыть рот. Я больше не намерена выслушивать твои сетования.

Аэлина повернулась и пошла к двери, уставшая и безмерно злая.

- А хочешь узнать, чем мне пришлось заплатить за магическую карту на ладонях? - вдруг спросил Рульф.

Аэлина остановилась. Рован с непроницаемым лицом смотрел то на нее, то на Рульфа.

- Я и так знаю, - насмешливо ответила Аэлина. - Ты продал душу. Что, угадала?

– Отчасти, – хрипло засмеялся Рульф. – Когда мне было шестнадцать, я плавал на одном из вонючих кораблей. О своем микенианском наследии я и не заикался, иначе стал бы предметом вечных насмешек и издевательств. Еще и поколотить могли.

Рульф провел татуированными пальцами по облезшей позолоте букв. «Пересмешник». Вероятно, так назывался первый в его жизни корабль.

– Все деньги, какие удавалось заработать, я отправлял матери и сестре. Однажды наш корабль попал в сильный шторм. Мы видели его приближение. У нас было время отыскать тихую гавань и переждать бурю. Но капитан был до чертиков самонадеян. Он считал себя непревзойденным мореплавателем.. Корабль размоловило в щепки. Почти все матросы утонули. Я уцепился за обломок корабля и на нем плыл целый день, пока меня не вынесло на остров. Это был самый край архипелага. Я сразу же уснул, а когда проснулся, увидел человека. Он пристально смотрел на меня. Может, я тоже утонул и теперь на том свете? Я спросил у этого человека. Он засмеялся, покачал головой и вдруг сам задал мне вопрос: чего я хочу для себя. Не особо задумываясь, я ответил: хочу быть капитаном, и не просто капитаном, а главой пиратов Бухты Черепов. И пусть разные придурки, вроде нашего капитана, ни за что погубившего команду, кланяются мне. Я думал, незнакомец высмеет меня, однако человек на полном серьезе сказал: он готов мне это дать за определенную плату. Я должен буду отдать ему то, что мне всего дороже. Я тут же согласился. Иущества у меня не было, богатства – тем более, а несколько жалких медяков – не ахти какая плата. Человек улыбнулся и скрылся за стеной тумана. Меня снова потянуло в сон. Когда я проснулся, на моих ладонях появилась эта карта.

Аэлина молчала, ожидая продолжения рассказа.

– Карта помогла мне найти попутные корабли, и я вернулся сюда. Я искренне думал, что кто-то из богов сделал мне подарок. Весело напевая, я шагал к нашему домишке, как вдруг увидел черные тряпки на окнах. Почувяв неладное, постучался к соседям. Оказалось, что мать и сестра, обеспокоенные моим долгим отсутствием, собрали все деньги, какие у них были, наняли парусное суденышко и отправились меня искать. Судно вернулось, но без них. Только тогда я понял, какую плату потребовали от меня море и странный незнакомец. Можно сказать, я лишился души. Меня перестало интересовать что-либо, кроме власти над этим городом и над всем архипелагом.

Бирюзовые глаза Рульфа были такими же безжалостными, как бог морей, сделавший ему зловещий подарок.

– Вот такую цену я заплатил за свою силу и власть. А ты чем расплатилась, Аэлина Галатиния?

Аэлина молча выбежала на улицу. В голове звучали слова Денны: «Обетованная королева».

Берег был пуст. Над морем меркли последние полосы заката. Потом наступят недолгие сумерки и совсем стемнеет.

- Ты решила проверить силу Ключа? - спросил Рован.

Спросил без упрека и осуждения. Аэлина уловила в его вопросе любопытство и тревогу:

- Нет. Я до сих пор не понимаю, как это получилось. Я ощущала нашу совместную силу... и потом явилась она.

Аэлина коснулась шеи, стараясь не дотрагиваться до золотой цепочки с амулетом. Потом вспомнила еще один страшный момент: ее кулак, наполненный чужим огнем, был направлен прямо в грудь Рована.

- Как ты сумел? - с дрожью в голосе спросила она. - Как у тебя хватило сил встать передо мной?

Рован приблизился к ней всего на один шаг. Пространство между ними заполняла сгущающаяся темнота. Шелестели волны. Кричали чайки, возвращаясь на ночлег.

- Если бы ты разрушила город, это разрушило бы тебя и все надежды на союз.

У Аэлины задрожали ладони, потом руки, туловище и колени. На языке ощущался вкус пламени и пепла.

- Если бы я тебя убила...

Она тут же замолчала, не смея докончить страшную фразу. У нее жгло горло. Аэлина крепко зажмурилась, чувствуя, как вокруг век пляшут языки пламени.

- Я думала, что достигла дна своей силы...

Там, на рифе, ей казалось, что на восстановление магической силы понадобится не один день. А сейчас... сила опять переполняла ее, требуя выхода.

- Вендалин показал мне дно моей силы... Так мне казалось. Я и представить не могла, что попала лишь... в переднюю.

Аэлина подняла руки, открыла глаза. Вокруг пальцев вились язычки пламени. Она смотрела на своего принца. Рован молчал.

- Денна похитила меня. Овладела мною. Я ощущала ее. Чувствовала ее сознание. Она была как паучиха, терпеливо ждущая десятки лет. Она знала: однажды у меня будет много силы и столько же глупости. Наступит благодатный момент, когда Ключ окажется рядом с громадным потоком силы... Только не понимаю, зачем все это Денне.

Пламя на пальцах Аэлины делалось все ярче и жарче.

- Кажется, она хочет, чтобы поиски Замка стали нашей главной задачей, - криво усмехнулся Рован. - Недаром она повторила слова Брэннона.

Аэлина фыркнула:

- Нам что, мало сражаться с Эраваном и Маэвой и выполнять повеления Брэннона и Элианы? Теперь боги решили дышать мне в затылок?

- Возможно, Денна решила тебя предостеречь. Показала, что может случиться, если ты будешь недостаточно осторожной. Ведь далеко не все боги настроены к тебе дружелюбно. Кто-то из них может сделать тебя своим орудием.

- Пойми, она наслаждалась каждой секундой пребывания в моем теле. Ей хотелось понять, на что способна моя сила. Денна проверяла, насколько ей подвластно мое тело и доступен Ключ.

Языки пламени стали еще жарче. Они принялись лизать одежду Аэлины, пока не сожгли дотла. Теперь одеянием ей служил магический огонь.

- И почему она назвала меня Обетованной королевой? Когда обетованной? Кем? Для каких дел? Я ни разу не слышала этого словосочетания. Даже в детстве, пока Террасен был в полном расцвете.

- Мы это выясним, - невозмутимо произнес Рован.

- Как тебе удается быть таким.. спокойным?

Искры разлетались от нее, словно вереница светлячков.

- Аэлина, я живу дольше тебя и успел многократно убедиться: выплесками гнева ничего не решить. Я спокоен, но мне совсем не нравится, что эти бессмертные мерзавцы пытаются сделать тебя своей игрушкой. И мне совсем не нравится, что тебя могут вот так просто взять и забрать у меня. Если смогу, я выслежу эту Денну и заставлю заплатить за вторжение.

- Если не забыл, Денна - богиня охоты. Она способна тебя переиграть.

Языки пламени немного ослабли.

- Денна - наглая особа. Это тоже отличительная черта некоторых бессмертных. Нашкодила и сбежала. - Рован пожал плечами и усмехнулся. - Зато ее сестра - на моей стороне.

Он вертел головой, разглядывая Аэлину, ее огонь, ее лицо.

- Наверное, потому Мэла и предстала передо мной в то утро, и благословила меня.

- А может, потому, что ты - единственный самоуверенный безумец, готовый охотиться на богиню?

Рован сбросил сапоги.

- Я - единственный самоуверенный безумец, который просил у Мэлы Огненосицы позволения быть рядом с любимой женщиной.

От этих слов огонь Аэлины приобрел золотистый оттенок.

- Возможно, ты - единственный самоуверенный безумец, способный меня полюбить.

Маска бесстрастия на лице Рована дала трещины.

- Пойми, Аэлина: новая глубина твоей силы ничего не меняет. И поползновения Денны управлять тобой тоже ничего не изменили. Ты по-прежнему еще слишком молода. Твоя магическая сила продолжает возрастать. И если новый уровень силы даст нам хотя бы незначительное преимущество перед Эраваном, поблагодари всю эту отвратную тьму за подсказку. Но мы научимся сообща управлять твоей силой. Ты ведь не одна. И глупо считать, что тебя нельзя полюбить из-за твоей силы, которая умеет спасать и разрушать. Если ты начнешь ненавидеть свою магическую силу...

Рован покачал головой:

- Если ты двинешься по этой дорожке, мы вряд ли выиграем войну.

Аэлина вошла в волны прилива, встала на колени. Ее окружали густые облака пара.

- Иногда мне хочется, чтобы воевали другие, а не я, - призналась она.

Рован тоже вошел в бурлящую воду, прикрывшись магическим щитом от жара Аэлины. Она смотрела в темную морскую даль.

- Кто, кроме тебя, способен досадить Эравану? Твоя несносная бравада тоже имеет силу, и не надо ее недооценивать.

Аэлина хмыкнула. Вода вокруг нее сделалась прохладнее.

- Если мне не изменяет память, то моя несносная бравада как раз и завоевала твое истерзанное бессмертное сердце. Помнишь, принц?

Рован наклонился к тонкой завесе пламени, таявшей в терпком вечернем воздухе, и закусил Аэлине нижнюю губу. Ощутимо и довольно больно.

- Я помню все, мое Огненное Сердце.

Рован повернул ее лицом к себе. Аэлина не сопротивилась. Его губы скользнули по ее подбородку, поднялись вверх по скуле к остроконечному фэйскому уху.

- Твои уши не один месяц сводили меня с ума, - признался он, покусывая ей мочку.

Когда язык Рована достиг ее ушной раковины, Аэлина выгнула спину. Сильные руки принца сдавили ей бедра.

- А в Страже Тумана, когда мы спали вместе, я едва удерживался, чтобы не склониться и не покусать твои уши. И вообще всю тебя.

Аэлина издала неопределенный звук и запрокинула голову, открывая шею для его ласк.

Рован подчинился ее молчаливому приказу и стал нежно целовать шею Аэлины.

– Я еще никогда не сливался с женщиной на берегу, – бормотал он, двигаясь к ложбинке между ее шеей и плечом. – И смотри: ничто вокруг нам сейчас не помешает.

Одной рукой он гладил шрамы на ее спине, другая направлялась к ягодицам, стремясь покрепче прижать.

Аэлина расстегнула на нем рубашку и вскоре совсем сняла. В них ударились теплые приливные волны, совсем безвредные здесь, рядом с берегом. Однако Рован все равно крепко держал свою любимую.

Аэлина еще помнила о существовании окружающего мира:

– А ведь кто-то может пойти меня искать.

Рован рассмеялся, утыкаясь губами в ее шею.

– Что-то мне подсказывает, – начал он, сопровождая каждое слово жарким дыханием, – что ты не слишком-то и возражала бы, если бы нас увидели. Если бы кто-то увидел весь мой длинный ритуал поклонения тебе.

Аэлина вдруг почувствовала себя на краю пропасти. Сглотнула. Но Рован успевал ее поймать при каждом падении. Первый раз это было, когда она стремительно неслась в бездну отчаяния и горя. Во второй – когда рушился стеклянный замок и она летела вниз с громадной высоты. А сейчас, в третий раз... Ей не было страшно.

Аэлина выдержала его взгляд. Когда она заговорила, ее слова были простыми, искренними и без тени сомнения.

– Я люблю тебя, Рован. Не думай, что я полюбила тебя с первого взгляда. Но это произошло достаточно скоро после нашей встречи на Вендалине. И я знаю: есть предел того, что ты можешь мне дать. Возможно, тебе понадобится время...

Он закрыл ее губы своими. Его слова, проникавшие к ней в душу и сердце, были драгоценнее рубинов, сапфиров и изумрудов.

– Я люблю тебя, Аэлина. Не существует ни пределов для моей любви к тебе, ни времени ее продолжительности. Даже когда этот мир станет забытой горсткой праха между звездами, я по-прежнему буду тебя любить.

Аэлина заплакала. Ее тело сотрясилось от силы услышанных слов. Сама она никогда не произносила таких. Никогда не позволяла себе быть настолько незащищенной перед бесконечной, всепоглощающей силой любви, способной забрать ее жизнь.

Рован осторожно вытер ей каждую слезинку.

– Огненное Сердце, – прошептал он, и эти слова были едва слышны в плеске приливных волн.

– Зануда, – ответила Аэлина, всхлипывая и шмыгая носом.

Рован расхохотался. Аэлина позволила ему уложить себя на песок. Каждое движение Рована было торжественным и почти благоговейным. Он навис над Аэлиной, любуясь ее нагим телом:

– Ты.. так прекрасна.

Она понимала: сказанное относится не только к ее телу.

– Я давно знаю, – усмехнулась она.

Аэлина сняла Амулет Оринфа, положив туда, где до него не могли дотянуться волны. Ее пальцы зарылись в мягкий песок. Она выгнула спину.

Рован любовался каждой линией и изгибом ее тела. При виде ее мокрых грудей его взгляд стал откровенно голодным. Глаза Рована опустились ниже. Еще ниже. Добравшись до лобка Аэлины, они остекленели.

– Ты так и будешь пялиться на меня весь вечер? – не выдержала Аэлина.

Его рот приоткрылся, дыхание сделалось прерывистым. Отдельные части тела Рована показывали: только любованием дело не кончится.

Между пальцами Рована прошелестел легкий ветер. Магия Аэлины отозвалась, а сама она почувствовала больше, чем увидела. Рован окружил их магическим щитом. Аэлина проверила крепость щита, чиркнув по невидимому куполу огненными полосками. Посыпались искры.

– Никто и ничто не сможет проникнуть через этот щит, – сказал Рован. – Он оберегает нас обоих, но в первую очередь – меня самого.

Аэлине почему-то стало легче.

– Скажи, а есть разница, когда ты.. с такой, как я?

– Не знаю.

Аэлине казалось, что он старается проникнуть взглядом глубже и увидеть ее пылающее сердце.

– Я никогда не был с женщиной.. равной себе. И никогда не снимал.. всех доспехов.

Аэлина не стала вдаваться в подробности. Она приподнялась на локтях и потянулась губами к недавнему шраму на плече Рована. Затянувшаяся рана была круглой, с зубчатыми краями. Аэлина несколько раз поцеловала шрам.

Тело Рована напряглось до предела. Казалось, еще немного, и затрещат и порвутся мускулы. Но его руки нежно коснулись ее спины, глядя отметины Эндовьера и узоры татуировки, нанесенные им же.

Волны щекотали ей пятки, гладили лодыжки. Рован застыл над нею, словно не зная, как быть дальше.

- Если мы равны, тогда непонятно, почему я голая, а ты по-прежнему полуодет.

Раньше чем Рован успел ответить, Аэлина провела языком по его губам. Ее пальцы быстро разомкнули пряжку его потертого оружейного пояса. Аэлине показалось, что Рован перестал дышать.

Желая посмотреть, как он поведет себя дальше, Аэлина провела ладонью по бугру под штанами. Рован выругался сквозь зубы. Аэлина тихо засмеялась, снова поцеловала шрам на его плече, а затем самым бесстыжим образом повторила свой маневр, ни на мгновение не отводя глаз.

- Ты - мой, - сказала она.

Рован вновь задышал хрипло, неистово. Аэлина расстегнула верхнюю пуговицу.

- Я - твой, - пробормотал Рован.

- И ты любишь меня, - продолжала Аэлина, расстегивая вторую пуговицу.

Это не был вопрос, а утверждение непреложного факта.

- Люблю до бесконечности.

Аэлина расстегнула последнюю пуговицу. Штаны Рована вместе с нижним бельем полетели на песок. У Рована пересохло во рту.

Его растили и воспитывали как воина. Каждый уголок его тела подтверждал это. Перед нею был чистокровный воин. И бесподобно красивый мужчина, принадлежащий ей. И...

- Ты - моя, - выдохнул Рован, и эти слова отозвались у нее в душе и во всем теле.

- Я - твоя.

- И ты любишь меня.

Сколько надежды и тихой радости было в его глазах. Куда только делась всегдашняя свирепость?

- До бесконечности.

Он слишком долго был один. Настал конец его одиноким странствиям.

Рован опять поцеловал ее. Медленно. Нежно. Его рука медленно двигалась вверх по ее телу. Их бедра соприкасались. Костяшки пальцев Рована уперлись в бугорок ее левой груди, чуть отяжелевшей и побаливающей от

ласк. Его губы уже склонились над правой. Когда сосок оказался в его зубах, Аэлина закрыла глаза и тихо застонала.

Боги милосердные и не очень. Наглые, самодовольные боги. Рован прекрасно знал, что делает.

Его язык играл с ее соском. Аэлина запрокинула голову, пальцы впились ему в плечи, требуя продолжать и не особо нежничать.

Рован одобрительно заурчал. Ее сосок так и оставался у него во рту. Его рука неспешно поползла вниз, к талии, затем столь же неспешно поднялась выше. Аэлина выгнула спину, молчаливо требуя продолжения.

Ее грудь вдруг обдало легким северным ветром. Аэлина ответила вспышкой пламени. Рован глухо засмеялся. Вокруг них плясали красные, голубые и золотистые языки магического огня, освещая берег и волны. Невидимые руки, ледяным прикосновением ласкающие ей грудь, наверняка испугали бы Аэлину, если бы зримые и осязаемые руки Рована не продолжали ласкать ее бедра.

- Ты великолепна, - шептал Рован, объединив пространство их ртов.

Его член, твердый, как кусок стали, упирался ей в лобок. Аэлине захотелось о него потереться. Она качнула бедрами, сбрасывая боль между ногами. Рован застонал. Такое могло происходить только между ними. Голый мужчина ласкает голую женщину, охваченную разноцветными языками пламени, и не испытывает ни малейшего страха.

Аэлина просунула руку между их телами и обхватила пальцами его достоинство. Казалось, она держит толстый стальной прут, покрытый бархатом. Рован опять застонал. Аэлина смотрела в его глаза цвета сосновой хвои. Рован опустил голову, на этот раз не для поцелуя, а чтобы посмотреть на ее ласки.

Вокруг них заметался и завыл ветер, принесший снег и лед. Аэлину это ничуть не испугало. Она лишь усмехнулась. Рован мягко, но настойчиво отвел ее руку от своего мужского достоинства. Аэлине хотелось продолжать ласки, одновременно познавая любимого.

- Позволь мне, - сказал Рован, припав губами к ложбинке между грудями. - Я хочу тебя ощутить.

У него дрожал голос. Аэлина приподняла ему подбородок и заглянула в глаза.

Желание никуда не пропало, но глубже, как под поверхностью льда, находилось что-то еще. Облегчение вперемешку со страхом. Желание трогать ее было для Рована напоминанием обо всем, что Аэлина совершила в этот странный и страшный день; напоминанием о том, что она цела и невредима.

- Давай, принц, ощущай, - сказала она, приподнимаясь на локтях. - Ощущай меня везде и повсюду.

Рован хищно улыбнулся, и его широкая ладонь поползла от шеи Аэлины до самого лобка. Это была не столько ласка, сколько ритуал мужчины, властно

трогающего свою женщину. Аэлина вздрагивала от каждого движения ладони. Ей стало трудно дышать. Она чуть не вскрикнула, когда Рован раздвинул ей ноги, обнажив ее естество.

Их обдало прохладной водой. Рован поцеловал ей пупок, затем бедра.

Аэлина, как зачарованная, смотрела на его серебристые волосы, блестящие под лунным светом, на его руки и голову, что застыла у нее между ногами.

Рован лакомился ею. Он смеялся, утыкаясь в ее влажную кожу. Аэлина выкрикивала его имя. На песчаном берегу, где шелестели пальмы и плескались волны, она позволила себе временно забыть о разуме.

Ее бедра вздымались, требуя продолжать, продолжать, продолжать. Умелый язык Рована уступил место умелому пальцу. Тот скользнул в ее лоно и коснулся бугорочка, вызвав настоящий взрыв звездного огня.

- Аэлина, - простонал Рован.

- Продолжай, - ответила она. - Не останавливайся.

Это слово сломало последний защитный барьер. Рован навис над нею. Аэлина шумно вздохнула. Одна рука Рована уперлась в песок, другой он помогал себе осторожно входить в ее лоно. Едва ощутив его в себе, Аэлина забыла собственное имя. Его первые толчки были совсем медленными и легкими. К этому времени она забыла про собственное тело, королевство Террасен и необходимость спасать мир.

Войдя в нее целиком, Рован дал стенкам ее лона свыкнуться с его присутствием. Аэлина чувствовала: ему все тяжелее сдерживаться. Она протянула пылающие руки к его лицу. Вокруг них снова заметался ветер, закружился лед, тая в лентах пламени. Глаза их ничего не выражали.

Происходящее между ними не переводилось в слова, ибо нигде в мире не было языка, способного выразить это.

Рован склонился к ней, одновременно начав двигаться внутри ее. Они забыли обо всем.

Кажется, она плакала. А может, это были его слезы у нее на щеках, быстро превращающиеся в пар.

Руки Аэлины обнимали его сильную, мускулистую спину, покрытую шрамами давних сражений. Его толчки становились все быстрее и неистовей. Ее ногти впились ему в кожу. Проступила кровь. Вряд ли сейчас Аэлина думала, что странным образом метит Рована, объявляя его своим. Кровь стекала ему на бедра. Аэлина запрокинула голову, подставляя ему горло. Ему, только ему.

Магия Рована неистовствовала, но его рот, прикипший к шее Аэлины, был сама нежность и внимательность. Даже клыки, касавшиеся ее кожи и способные прокусить ей шею насквозь. Но напрасно смерть парила над берегом, рассчитывая перетянуть страсть Рована на свою сторону. Его руки всегда были нежны с Аэлиной. Особенно сегодня.

Ее оргазм наступил неожиданно, как пожар, обрушившийся на лес. Она забыла собственное имя, зато помнила имя Рована, которое выкрикивала снова и снова. А он продолжал свои толчки, выжимая из нее последние крупицы наслаждения. От ее огня весь песок вокруг расплавился, превратившись в стекло.

Через мгновение в ее лоно ударили горячие струи семени. Рован повторял ее имя, и Аэлина наконец вспомнила, как ее зовут. В воду ударила молния, сопровождаемая ледяным ветром.

Аэлина поддержала любимого, добавляя вспышки своего пламени к его молниям. Пока Рован исторгал семя, над морем метались огненные сполохи и били молнии.

Молнии продолжали сверкать и потом, когда Рован затих. Под щит проникли звуки окружающего мира. Шум волн, хрипкое дыхание Рована. Он лениво целовал Аэлину, касаясь губами виска, носа, рта. При всей красоте этого вечера и их магии самым красивым для нее было лицо Рована.

Он и сейчас еще оставался в ней. Их обоих пробирала дрожь. Рован уткнулся ей в плечо, сбивчивое дыхание согревало кожу.

- Я... - хриплым шепотом произнес он. - Я и не знал, что это может быть таким..

- А я знала, - ответила Аэлина, водя по его испещренной шрамами спине. - Знала.

Ей уже хотелось повторения, и она прикидывала, долго ли придется ждать.

- Однажды ты сказал, что не кусаешь женщин, принадлежащих другим мужчинам.

Рован несколько напрягся.

- А свою женщину ты можешь кусать?

В зеленых глазах вспыхнуло понимание. Он нашел на шее Аэлины следы, некогда оставленные его зубами.

- Тогда я в первый раз потерял власть над тобой. Мне хотелось сбросить тебя со скалы. Я укусил тебя, не соображая, что делаю. Наверное, тело и моя магия знали. Но ты была... такая вкусная.

Рован тяжело вздохнул:

- Потрясающе вкусная. Я ненавижу тебя за это. Меня обуревали мысли о тебе. Ночами я просыпался, ощущая на языке твой вкус. Я думал о твоём дерзком, прекрасном рте.

Он провел пальцем по ее губам:

- Тебе лучше не знать, какие нечестивые мысли я связывал с твоим ртом.

- Признания, конечно, интересные, но ты не ответил на мой вопрос, - сказала Аэлина, которую вновь затрясло от услышанного.

- Да. Некоторые мужчины так делают, - нехотя произнес Рован. - Чтобы пометить свою собственность. Для удовольствия.

- А женщины кусают мужчин?

От этого вопроса задремавший член Рована стал вновь твердеть. Фэйцев редко соединяла любовь. Чтобы обрести такую пару, нужно быть редким счастливым.

- Ты хочешь меня укунить?

Аэлина смотрела на его горло, на прекрасное тело и лицо, которое она когда-то так отчаянно ненавидела. Интересно, можно ли полюбить кого-то настолько, чтобы умереть от любви? А можно ли полюбить кого-то так, что время, пространство и сама смерть уже не будут иметь никакого значения?

- Мне позволено кусать только твою шею? - спросила Аэлина.

Глаза Рована вспыхнули. Толчок внутри ее лона был достаточным ответом.

Они вновь принялись вздыматься и опадать, подражая волнам. Когда Рован запрокинул голову к звездному небу и вновь прокричал ее имя, Аэлина с надеждой подумала, что боги, должно быть, слышали это и поняли: дни их владычества сочтены.

Глава 39

Его королева и возлюбленная очень мало заботилась о приличиях. Рован не знал, как к этому относиться: удивляться, испытывать возбуждение или, наоборот, легкий ужас. У них было целых три слияния: два на берегу и одно в теплой воде. Но кровь Рована и сейчас была взбудоражена. Ему хотелось продолжения.

Третий раз они вроде и не собирались. Просто зашли в воду, чтобы смыть песок. Аэлина обвила ноги вокруг его талии, поцеловала его в шею, потом стала облизывать ему ухо. Рован и не заметил, как снова оказался внутри ее. Аэлина знала, почему ему это так надо: ощутить ее вкус на языке, а потом и в других частях тела. Ей требовалось то же самое.

Он и сейчас хотел Аэлину. После первого раза он злился на себя, пытался снова все поставить под власть разума. Это обнажение души, слом всех защитных преград... Случившееся сломало его и возродило заново. Его магия была песней, а Аэлина...

Он никогда не испытывал ничего подобного. Все, что он давал ей, она возвращала. Когда во время их второго слияния она укусила его... Его магия разнесла в щепки пять-шесть окрестных пальм. Рован боялся, что выплески семени разнесут и его самого.

Аэлина собралась вернуться в Бухту Черепов в одеянии из собственного огня. Чтобы не смущать и без того натерпевшихся страху жителей, Рован отдал ей рубашку и пояс. Это лишь отчасти прикрывало ее, оставив почти на виду потрясающие длинные ноги. Но опасность свести городишко с ума все-таки уменьшилась.

Меж тем, если в городе есть люди с зачатками магических способностей, они легко поймут, чем эта парочка занималась на берегу.

Рован пометил Аэлину. Сильнее, чем его прежние отметины. Пометил искренне, и это теперь ничем не отмоешь. Каждый из них объявил другого своей собственностью. Оба прекрасно понимали, что за этим стоит... Аэлина сделала выбор. Приняла окончательное решение о том, кто будет делить с нею королевское ложе.

Он постарается оправдать эту честь. Найдет способ доказать, что заслуживает Аэлины и она не ошиблась в выборе. Он заслужит ее любовь, даже если пока ему нечего ей предложить, кроме сердца и магии.

Но Рован успел изучить характер своей королевы. Он знал: их восхитительная близость была не единственной причиной, заставившей Аэлину удалиться из города. Она убежала от вопросов их соратников... Получилось, что лишь на время. Войдя во двор «Океанской розы», Рован сразу увидел освещенное окно комнаты Эдиона. Друзья ждали их возвращения.

Аэлина хмуро покосилась на освещенное окно, но тут же вспомнила про Лисандру. Это заставило ее взлететь по лестнице и распахнуть дверь, даже не постучавшись.

Рован пытался силой магии притушить огонь, продолжавший полыхать в его крови. Со своим желанием он как-нибудь совладеет. Рован старался взять себя в руки, чтобы предотвратить иные угрозы.

Когда у фэйского мужчины появляется возлюбленная и между ними происходит первая близость, он становится опасным и непредсказуемым. А если это не просто возлюбленная... опасность только усугубляется.

Дорин и Эдион сидели в креслах перед погасшим очагом.

Лицо Эдиона мгновенно побледнело. Он обладал достаточным чутьем, чтобы обо всем догадаться.

Измощенная Лисандра сидела на постели. Увидев Аэлину, она сощурилась и промурлыкала:

– Хорошо погуляли?

Эдион не решался встать. Он предостерегающе посмотрел на Дорина. Тот понял. Рована захлестнул гнев: почему рядом с его королевой – другие мужчины? Разум напомнил ему: эти мужчины – их друзья. И все же...

Аэлина убедилась, что почти все раны на теле Лисандры затянулись. Шрамов не останется. Она с облегчением вздохнула. Потом, вспомнив вопрос подруги, сказала:

– Фэйские мужчины – замечательные спутники для прогулок. И не только для прогулок.

Откуда эта надменность? Ровану вдруг захотелось напомнить Аэлине, о чем она совсем недавно просила и даже умоляла его. На Вендалине он начал учить ее манерам. Похоже, уроки придется продолжить.

Аэлина насмешливо посмотрела на него, словно подзадоривая высказать свои мысли вслух. И хотя он помнил каждое мгновение их близости, хотя ее вкус до сих пор сохранялся у него на языке, Рован твердо решил: как только они окажутся в постели, Аэлина не получит того, на что рассчитывала.

Щеки Аэлины вспыхнули, словно она прочитала его мысли. Она вдруг сняла с шеи амулет и бросила на столик между креслами Эдиона и Дорина.

– Еще на Вендалине я догадалась: третий Ключ Вэрда скрыт в этом амулете.

В комнате стало тихо.

Затем, продолжая крушить хрупкую безопасность, которая у них была до этого момента, она достала из мешка покореженный Глаз Элианы, подбросила в воздух и сказала молодому адарланскому королю:

– Думаю, тебе пора познакомиться с предками.

Дорин слушал рассказ Аэлины. О Ключе Вэрда, который она тайно носила с собой. О сегодняшних событиях. О том, как она обманула Лоркана, который рано или поздно к ним вернется и, будем надеяться, принесет два других Ключа. Если повезет, к тому времени они уже отыщут Замок в Каменных Болотах. Аэлина сказала и о том, что ей дважды было приказано искать этот Замок. Тогда Ключи Вэрда займут свои места в выемках Ворот – и угроза, именуемая Эраваном, исчезнет навсегда.

Если же к Эравану попадет и третий Ключ, валгским ордам откроется свободный доступ на Эрилею. Тогда никакая помощь союзников не даст перевеса в борьбе с темным королем. Два Ключа, которыми он владел, уже привели к ступению тьмы над континентом. А если у Эравана окажутся все три Ключа, он получит власть над Вратами Вэрда, и тогда у него не будет недостатка в завоевателях из нижних миров... Вот почему нужно обязательно найти Замок и обуздать действие Ключей.

К концу рассказа все внутри Эдиона клокотало. Лисандра молча хмурилась. Легким движением руки Аэлина погасила все свечи в комнате. На столе лежали две старинные книги, которые она вынула из потертой седельной

сумки. Дорин узнал эти книги. Он и не догадывался, что Аэлина забрала их из Рафтхола. Поверх одной она положила Глаз Элианы с погнутым ободом. Полистав вторую книгу, Аэлина нашла нужную страницу.

Те же знаки она начертала кровью на полу.

– Продолжаем множить ущерб, причиненный этому несчастному городишке, – пробормотала Лисандра.

– Ковром прикроем, никто и не заметит, – отмахнулась Аэлина.

Она дорисовала последний символ, в котором Дорин не без внутренней дрожи узнал Знак Вэрда, и отошла. В руке у нее был зажат Глаз Элианы.

– И что теперь? – спросил Эдион.

– А теперь мы закроем ротки, – почти ласково ответила брату Аэлина.

Знаки, нарисованные кровью, казались черными. Они вбирали в себя лунный свет. Аэлина присела на кровать рядом с Рованом, положила руку ему на колено.

Знаки начали мерцать. Лисандра, первой это заметив, вытянула шею. Зеленые глаза вспыхнули, как у призрачного леопарда. Мерцание усиливалось. Аэлина и Рован вскочили на ноги. Дорин смотрел на знаки, на полосу лунного света, протянувшуюся со стороны открытого балкона.

Полоса превратилась в проход, а из луча появилась человеческая фигура с размытыми краями. Она казалась видением из сна.

Волосы на руках Дорина зашевелились. Он встал на колено и склонил голову. Остальные не считали необходимым выказывать призраку уважение. Но Дорин однажды говорил в подzemелье замка с Гавином, мужем Элианы. Событие это показалось ему необычайно далеким. Он старался не думать о том, что Дамарис – древний меч Гавина – теперь у него. Днем Аэлина отдала ему меч и, похоже, не собиралась забирать назад.

Однако сейчас к ним явился не Гавин.

– Очень... далеко, – произнес негромкий женский голос.

Казалось, говорившая действительно находилась очень далеко отсюда.

Аэлина подошла к столу, шумно закрыла древние книги заклинаний и сложила в стопку.

– Мы сейчас далеко от Рафтхола, да и твоя гробница изрядно завалена. Сочувствуем тебе.

Дорин смотрел то на призрачную фигуру, то на вполне осязаемую террасенскую королеву. Очертания Элианы исчезли, затем появились снова, будто ветер мешал ей удержаться на месте.

– Мне... трудно стоять.

– Тогда не будем терять время. – Голос Аэлины напоминал лезвие меча. – Никаких игр. Никакой полуправды. Зачем Денна явилась ко мне сегодня? Я так поняла, что отыскание Замка крайне важно. Но что из себя представляет Замок? И почему она назвала меня Обетованной королевой?

Эти слова как молнией ударили древнюю владычицу. Размытые черты приобрели четкость.

Юное, но очень серьезное лицо. Длинные серебристо-белые волосы (Дорину сразу вспомнилась Манона). А глаза... ослепительно-синие. Они остановились на Дорине. Светлое платье Элианы трепетало на легком ветру.

– Поднимись, молодой король.

– Может, обойдемся без придворных церемоний? – дерзко спросила Аэлина. – Как-никак, здесь не дворец.

Элиана внимательно оглядела Рована, затем Эдиона. Ее изящная шея вздрагивала.

Аэлина, не боясь гнева богов, громко щелкнула пальцами перед самым носом древней королевы.

– Здравствуй, Элиана, – развязно произнесла она. – Давно не виделись. Здесь есть на кого посмотреть. Но я жду ответов на вопросы.

В глазах древней королевы мелькнуло раздражение, но ее облик сохранял невозмутимость.

– У меня мало времени. На большом удалении от Рафтхола мне трудно находиться в вашем мире.

– Удивила! – фыркнула Аэлина.

Обе королевы смотрели друг на друга.

Первой заговорила Элиана:

– Денна – богиня. У нее нет правил, принципов и запретов, которыми привыкли руководствоваться мы. И время течет для нее совсем не так, как для нас. Ты позволила своей магии прикоснуться к Ключу, Ключ открыл дверь, и это привлекло внимание Денны. То, что она вообще удостоила тебя разговором, надо расценивать как дар. Однако ты сумела выпихнуть ее из вашего мира раньше, чем она была готова уйти... Это оскорбление она нескоро забудет... королева Террасена.

– У меня набралось достаточно тех, кто нескоро забудет мои оскорбления. Пусть становится в очередь.

Элиана покачала головой:

– Я действительно... многого тебе не говорила.

- Например, о том, что вы с Гавином не убили Эравана, но всем наврали о своей победе. Получилось, расхлебывать ваши... недоделки досталось нам.

Дорин отважился взглянуть на Эдиона. Лицо генерала было суровым, почти каменным. Он внимательно смотрел на древнюю королеву и оценивал обстановку. Лисандра куда-то исчезла.

Нет, не исчезла. Вскоре Дорин увидел призрачного леопарда, притаившегося в тени. Рука Рована, как бы невзначай, лежала на эфесе меча. Магическим чутьем Дорин понял: меч был лишь внешним проявлением силы. Если бы Элиана позволила себе хотя бы недовольный взгляд в сторону террасенской королевы, Рован нанес бы ей магический удар. Фэйский принц уже воздвиг между королевами воздушный щит и запечатал пространство комнаты.

Элиана покачала головой. Серебристые волосы затрепетали на ветру.

- От тебя ждали, что ты завладеешь Ключами Вэрда раньше Эравана.

- Как видишь, не завладела, - огрызнулась Аэлина. - Прошу прощения, если не поняла твоих туманных указаний.

- У меня нет времени на объяснения, но знай: это был единственный выбор. Единственный выбор, какой я могла сделать ради нашего спасения и спасения Эрилеи.

Словно не замечая дерзости Аэлины, древняя королева простерла к ней руки:

- Денна и мой отец сказали тебе правду. Я думала... я думала, что Замок сломан, но раз они велели тебе его найти...

Элиана вдруг умолкла, закусив губу.

- Брэннон сказал, чтобы я отправлялась в Эйлуэ, в Каменные Болота. Вроде бы Замок находится там. А где находятся сами болота?

- В самой середине болот когда-то стоял большой город. Сейчас он наполовину поглощен равниной. Обломки Замка мы спрятали в городском храме. Я не... Отец заплатил за этот Замок ужасающе дорогую цену. Платой было... тело моей матери, ее смертная жизнь. Замок предназначался для Ключей Вэрда, чтобы навсегда запечатать Врата Вэрда вместе с Ключами. Я не понимала, для чего нужен Замок. Отец не рассказывал, а потом уже... стало слишком поздно. Я лишь знала, что Замком можно воспользоваться только один раз. Он был способен запечатать все что угодно. И тогда я украли Замок. Для себя, для своего народа. С тех пор я расплачиваюсь за совершенное преступление.

- Значит, ты запечатала Эравана в той гробнице, - тихо произнесла Аэлина.

Лицо Элианы посуровело.

- В тот день погибло много моих друзей. Они пали в долине, между Черными горами, отвлекая вражеские силы на себя, чтобы я могла осуществить задуманное. Даже в самом сердце лагеря Эравана я слышала их крики. Я не

стану просить прощения за попытку прекратить бойню. Я делала это, сохраняя будущее тем, кто остался в живых. Их потомкам... включая и тебя.

- Ты запечатала Эравана и потом бросила Замок среди развалин?

- Тогда это был священный город на равнине. Мы поместили Замок в храм, сделав памятником погибшим. А через несколько десятилетий в тех местах произошло мощное землетрясение... Священный город провалился. Местность, где он стоял, превратилась в болото. Про Замок забыли. Никто и никогда не пытался его искать. Считалось, что он исчерпал свою силу, превратившись в кусок металла и стекла.

- Тогда зачем его искать?

- Если мой отец и Денна настаивали на поиске Замка, значит он по-прежнему способен остановить Эравана.

- Быть может, мой умишко не дотягивает до понимания замыслов богов, но мне как-то не хочется верить Денне после такого обращения со мной. Она едва не превратила меня в марионетку, из-за чего я чуть не разнесла этот город.

- Денна не всегда избирает прямые пути, но она вряд ли хотела причинить тебе вред.

- Чуть собачья!

Фигура Элианы снова дрогнула и закачалась.

- Отправляйся в Каменные Болота. Найди Замок.

- Я говорила Брэннону и тебе скажу: у нас есть заботы поважнее.

- Моя мать умерла ради этого Замка! - почти крикнула Элиана. Ее глаза гневно вспыхнули. - Она пожертвовала своим смертным телом, чтобы изготовить отцу этот Замок. Его нельзя было пустить в дело просто так. Существовали условия, и отец обещал, что выполнит их. А я, его дочь, их своевольно нарушила.

Аэлина молча моргала. Дорин не знал, тревожный ли это знак, поскольку Аэлина редко замолкала.

- Кто была твоя мать? - шепотом спросила Аэлина.

Дорин принялся лихорадочно перебирать в памяти давние уроки истории, но так и не мог вспомнить.

Элиана издала странный звук, словно всхлипнула. Ее облик стал бледнеть, превращаясь в паутину, пронизанную лунным светом.

- Моя мать была та, кто любила моего отца больше жизни. Та, кто наделила его многими дарами, а затем вошла в смертное тело и подарила ему свое сердце.

Аэлина опустила руки. Эдион едва слышно выругался.

Элиана невесело рассмеялась и спросила Аэлину:

– Как по-твоему, почему твой огонь столь ярок и жарок? В твоих жилах течет не только кровь Брэннона, но и кровь Мэлы.

– Твой матерью была Мэла Огненица! – выдохнула потрясенная Аэлина.

Элиана исчезла.

– Просто чудо, что вы не убили друг друга, – сказал Эдион.

Как можно убить призрака давным-давно умершей королевы? Дорин не рискнул поправлять Эдиона. Он вспоминал все, что говорила Элиана, все ее требования. Рован молчал. Наверное, тоже думал о сказанном. Лисандра приюхивалась к Знакам Вэрда на полу, будто проверяла, не осталось ли в комнате чего от древней королевы.

Аэлина смотрела на лунную дорожку и открытые двери балкона. Потом разжала ладонь и стала внимательно разглядывать Глаз Элианы.

Часы на городской башне пробили час ночи.

– В наших жилах течет кровь Мэлы, – сказала Аэлина, обращаясь к Дорину.

Дорин понимал, что это так, но не мог поверить. Вот откуда столь щедрые магические дарования у него и Аэлины. Вопрос, который вертелся у него на языке, он мог задать только Ровану, памятуя о многовековом опыте фэйского принца.

– Неужели бог способен воплотиться в смертного человека?

Рован, с некоторым беспокойством наблюдавший за Аэлиной, повернулся к адарланскому королю:

– Я о подобном не слышал. Но... фэйцы иногда расставались с бессмертием, чтобы связать свою жизнь со своими смертными спутниками.

Аэлина внимательно разглядывала пятно на рубашке.

– Не исключено, что Мэла нашла способ расстаться со своей божественной бессмертной природой.

– Что значит «не исключено»? – встрепелась Аэлина. – Она это сделала. Бездонный колодец магической силы, который я обнаружила вчера днем... Это от Мэлы. Если Элиана и подвирала мне раньше, сегодня она сказала правду.

Лисандра вернулась в человеческое обличье и устало грохнулась на кровать.

– И что нам делать теперь? – таким же усталым голосом спросила она. – Флот Эравана прячется по гаваням залива Оро. Маэва плывет к берегам Эйлуэ. И ни тот ни другая не знают, что третий Ключ Вэрда – у нас. И о

Замке они тоже не знают. Самое смешное, что Замок находится где-то посередине между ними.

Дорин вдруг почувствовал себя полнейшим дураком. Наверное, не он один. Все смотрели на Аэлину, ожидая ее решения. Но ведь он – король Адарлана, равный Аэлине. И даже если его земли захвачены, а столица лежит в развалинах, никакой Эраван не может лишить его королевского титула.

Аэлина протерла глаза. Выдохнула.

– Как же мне надоела эта древняя болтунья.

Она подняла голову, оглядела соратников и объявила:

– Утром мы отплываем в сторону Каменных Болот и будем искать этот проклятый Замок.

– А что с Рульфом и микенианцами?

– Он возьмет половину своих кораблей и поплывет искать оставшихся микенианцев по их укромным дырам. Потом все отправятся в Террасен.

– Но путь к Террасену пролегает вблизи устья Авери. Ведьмы на драконах несут дозор не только над сушей, но и над окрестными водами, – возразил Эдион. – Весь вопрос: можем ли мы доверять Рульфу? Исполнит ли все обещания, какие давал?

– Рульф – опытный мореплаватель. Ему не надо жаться к берегам, – сказал Рован. – А нам придется ему поверить. Иного выбора у нас нет. Во всяком случае, свое прежнее обещание Аэлине – покончить с работорговлей – он сдержал.

– А вторая половина его флота? – не унимался Эдион.

– Часть кораблей останется здесь для защиты архипелага, – ответила Аэлина. – Остальные поплывут с нами в Эйлуэ.

– Нельзя воевать с армадой Маэвы, имея горстку кораблей Рульфа, – заявил ей Эдион.

Дорин был целиком согласен с генералом, но решил промолчать.

– Я уже не говорю о силах Мората, – с плохо скрываемым раздражением добавил Эдион.

– А мы туда поплывем не для сражений, – только и ответила Аэлина.

Ее слова означали конец обсуждений. К тому же всем нужно было немного отдохнуть перед ранним отплытием.

Аэлина и Рован ушли к себе в комнату. Спутники Дорина уже посапывали, но ему не спалось. Он вспоминал каждое слово Элианы. Вспоминал свою встречу с Гавином в замке. Помнится, тогда Гавин его разбудил, чтобы уберечь Аэлину от открытия портала. Возможно, древний король думал не столько о

ее репутации, сколько хотел уберечь от участи живой игрушки равнодушных богов. Вчерашняя «игра» Денны едва не кончилась большой бедой.

Мысли кружились и кружились. Дорин отгонял их, понимая, что устал. О таких вещах нужно думать на свежую голову, воздерживаясь от поспешных выводов. Он приказал себе спать. Но ниточки мыслей продолжали виться, складываясь в разноцветные узоры, где красный цвет чередовался с зеленым, золотистым и голубым. Они вспыхивали, мерцали и рассказывали королю свои тайны на языках, неведомых этому миру.

Бухту Черепов они покидали ранним утром. Рульф дал им самый быстрый корабль. Он не пришел проститься, вплотную занявшись подготовкой кораблей к поискам микенианцев. Впрочем, ни Аэлина, ни ее соратники не печалились из-за отсутствия провожатых. Рульф сделал ей прощальный подарок, назвав примерное местонахождение Замка. Назвать точное он не мог – мешал магический барьер. В существовании барьера Рульф не сомневался, иначе место отобразилось бы на его карте. «Спасибо и на этом», – подумал Дорин. Аэлина была того же мнения.

Обернувшись ястребом, Рован кружил над кораблем, осматривая воздушные и водные просторы. Фенрис и Гарель сидели на веслах, выгребая из гавани. Эдион тоже греб, устроившись на некотором расстоянии от отца.

Дорин стоял за штурвалом, рядом с угрюмой коренистой женщиной-капитаном, годящейся ему в матери. Склонности к беседе она не проявляла. Возможно, она даже не знала о его королевском титуле или ей было все равно. Лисандра плыла рядом с кораблем, превращаясь то в акулу, то в дельфина, и отслеживала возможные угрозы с глубины.

Аэлина стояла одна на носу судна. Ветер играл ее распущенными волосами. По неподвижности она могла состязаться с деревянной фигуркой, которой оканчивался нос. Ее золотистые волосы мерцали под восходящим солнцем. Ни малейшего намека на лунный огонь, угрожавший вчера уничтожить их всех.

Дорин не знал, почему от столь безмятежного зрелища сердце пронизывал холод. Уж очень странно Аэлина смотрела на острова архипелага, воду и небеса, будто не знала, увидит ли их снова.

Спустя три дня архипелаг с его извилистыми проходами между островами остался позади. Дорин все так же стоял у штурвала, Аэлина – на носу. Остальные занимались своими делами или отдыхали.

Первый сигнал Дорин получил от своей магии. Это напоминало проблеск сознания, пробуждение чего-то неясного, предостережение. Дорин внимательно оглядел горизонт. Фэйские воины замерли – вероятно, тоже что-то почувствовали.

Вначале это было похоже на облачко, несомое ветром. Потом на большую птицу.

Когда матросы схватились за оружие, разум Дорина подсказал, что за существо несется к кораблю на широких сверкающих крыльях. Это был дракон.

Всего один дракон. И всего одна всадница в седле, которая почему-то не шевелилась. Растрепанные белые волосы клонились вбок, как и тело всадницы.

Дракон опустился ниже, летя над водой. Лисандра ожидала приказа Аэлины, готовая принять любое обличье для сражения с драконом.

– Нет!

Слово сорвалось с губ Дорина раньше, чем он успел подумать. Дорин не уставал повторять свое «нет», следя за приближением дракона.

Ведьма находилась без сознания. Отсюда и странность ее позы. Она была густо покрыта засохшей голубой кровью.

– Не стреляйте! – закричал Дорин. – Не стреляйте.

Увидев в руках Фенриса арбалет, Дорин бросился к фэйцу. Черная головка стрелы была нацелена прямо в шею ведьмы. Предостережение Дорина тонуло в криках матросов и капитанши. Он почувствовал поднимающуюся волну магии. Рука потянулась к Дамарису.

– Не стрелять! – Звонкий голос Аэлины перекрыл палубный гвалт.

Стало тихо. Дракон приблизился и заложил круг над кораблем.

Израженные бока дракона тоже были покрыты коркой голубой крови. Сколько же крови потеряла эта ведьма? Она едва держалась в седле. На бледном лице белели губы.

Дракон завершил круг, еще снизился, будто хотел опуститься рядом с кораблем. Он не собирался нападать. Дракон... просил помощи.

Он плавно скользил над кобальтовыми волнами. Ведьма наклонилась еще сильнее. Теперь, когда помощь была совсем рядом, удача, неизвестно сколько времени сопровождавшая ее, вдруг исчезла.

Все, кто был на палубе, в немом изумлении смотрели, как Манона Черноклювая выпала из седла и ударилась о воду.

Часть вторая

Огненное сердце

Утро выдалось пасмурным, теплым и сырым. В воздухе густо пахло дымом, и этот дым жег Элиде глаза.

Она встревожилась, не пожар ли. Но Мулли ее успокоила: это крестьяне жгут траву на залежных полях, удобряя землю под урожай будущего года. Поля находились за несколько лиг отсюда, однако ветер быстро разносил дым и пепел. Ветер дул в северном направлении, мчась к ее родному Террасену.

Вот только карнавальная труппа держала путь вовсе не в Террасен. Они ехали на восток, к побережью.

Вскоре ей придется оставить труппу и одной идти на север. За это время на их пути встретился всего один городок, жители которого были по горло сыты странствующими лицедеями. Элида заранее знала: здесь они заработают совсем немного, и денег едва хватит, чтобы расплатиться с Мулли за еду и крышу над головой.

Для Элиды поставили маленький шатер. Там побывало четверо местных парней, желавших знать, к которой из приглянувшихся им девушек стоит свататься. Омбриела загримировала Элиду, чтобы та выглядела постарше. Но парней интересовали предсказания, а не внешность предсказательницы. Элида едва успела расспросить их про всех девушек, как в шатер вбежали дружки парней и сказали, что они зря тратят время. На открытой площадке выступает потрясающий метатель ножей: сам рослый, сильный, а ручки – толщиной с древесный ствол.

Элида сердито сверкнула глазами. Мало того что парни удрали, не заплатив ей ни гроша, ее злило, что Лоркан переманивает у нее посетителей.

Она подождала еще несколько минут. Никого. Тогда Элида побрела к выходу. Мулли повязала ей голову нелепым красным платком, к которому были пришиты бусины и мелкие побрякушки, мешавшие смотреть. Длиннополое платье такого же цвета путалось в ногах. Элида едва не споткнулась о подол, прежде чем выбралась наружу.

Уж если мускулы Лоркана потрясали воображение парней, нетрудно догадаться, какое впечатление они производили на здешних девиц.

И не только на девиц. Женщины постарше тоже проталкивались сквозь толпу, окружившую наспех сколоченный помост, где Лоркан то жонглировал кинжалами, то метал ножи в мишень.

Лоркан был прирожденным воином, но никак не прирожденным лицедеем. Ему хватало наглости проделывать свои трюки со скупающе-угрюмым выражением лица.

Пусть он не был учтивым и не отпускал комплименты. Женщины глазели даже не на его трюки, а на могучее, голое по пояс тело, лоснящееся от масла.

Боги милосердные! По сравнению с ним парни, что приходили в шатер Элиды, выглядели малолетними детьми.

Похоже, Лоркан показывал толпе даже не трюки, а свои обычные воинские упражнения с оружием. Но это не мешало зрителям (и в особенности зрительницам) охать и ахать при каждом движении его ловких рук и каждом повороте могучего торса. Большое жестяное блюдо, поставленное на края помоста, быстро наполнялось монетами.

Помост освещали несколько чадящих факелов. Казалось, темные волосы Лоркана втягивают в себя их свет. Его черные глаза оставались тусклыми и равнодушными. Наверное, ему хотелось перерезать глотки всем, кто пялился на него, пуская слюни, словно псы на сочную кость. Элида вполне понимала его чувства.

И все же Лоркан немного устал. Сначала по лбу, а затем по его рельефной груди потекла струйка пота. Она достигла такого же рельефного живота и потекла еще ниже.

«Ты ничем не лучше этих глазееющих теток», – отчитала себя Элида. Она уже собиралась вернуться в шатер, как увидела рядом Мулли.

– А знаешь, твой муж мог бы и не устраивать представления с ножами, – сказала хозяйка труппы. – Он мог бы просто сидеть рядом с тобой, поправлять тебе чулки, и женщины охотно выворачивали бы карманы за одну только возможность посмотреть на него.

– Такое бывало у нас в каждом городе, – соврала Элида. – Я уже привыкла.

Мулли прищелкнула языком.

В этот момент Лоркан высоко подбросил тяжелый меч, что вызвало новый всплеск охов и ахов.

– Тебе повезло, что он по-прежнему смотрит на тебя с интересом, – заметила Мулли.

Каким был бы его взгляд, узнай он ее настоящее имя, кто она такая и что несет с собой? Когда они ночевали в шатре, Лоркан спал на полу. Элида ни разу не предложила ему лечь рядом. Обычно она засыпала раньше, чем он приходил, а уходил он раньше ее пробуждения. Чем он занимался? Наверное, упражнялся, чтобы поддерживать форму.

Очередной трюк Лоркана был довольно опасным. Он подбросил в воздух сразу три ножа и все так же равнодушно поклонился зрителям. Толпа замерла: ножи неминуемо должны были вонзиться в его голую спину. Но Лоркан легко увернулся от острых лезвий, поочередно поймав каждый нож.

Толпа восхищенно завопила. Лоркан мельком, холодно взглянул на блюдо с деньгами.

Монеты сыпались туда дождем. В основном медные, но были и серебряные.

– Желание и страх развязывают любые кошельки, – тихо засмеялась Мулли. – А почему это ты не у себя в шатре? – спохватилась она.

Элида молча пошла в шатер, поймав на себе взгляд Лоркана. Возможно, он просто смотрел на ее нелепое платье и еще более нелепый платок с бусинами и погремушками. А может..

В шатре побывало еще несколько парней. Затем пришли девушки и несколько молодых женщин. И опять спрашивали, на ком жениться, за кого выходить. Женщин интересовало, не узнают ли мужа про их любовников. Наконец Элида снова осталась одна. Шатер освещался хрустальными шарами, куда были вставлены маленькие свечи.

Она ждала, когда Мулли зычным голосом объявит об окончании представления. Но еще раньше в шатре появился Лоркан, вытирая тряпкой вспотевшее лицо. Рубашки при нем не было.

– Теперь Мулли будет спрашивать тебя остаться, – сказала Элида.

Лоркан уселся на складной стул возле ее круглого столика.

– Это предсказание? – с усмешкой спросил Лоркан.

Проклятые бусины опять лезли ей в глаза.

– Ты, никак, и рубашку продал? – спросила Элида, не ответив на его вопрос.

Лоркан хищно улыбнулся:

– Одна женщина заплатила мне целых десять медяков.

– Фу, как противно, – поморщилась Элида.

– Деньги есть деньги. Конечно, имея золото, тебе не нужно беспокоиться об этом.

Элида выдержала его взгляд, не считая нужным улыбаться или говорить учтивее.

– Давно не видела тебя в таком хорошем настроении.

– Когда две женщины и один мужчина предлагают тебе разделить с ними постель, это повышает настроение.

– Тогда почему ты здесь? – спросила Элида.

Вопрос прозвучал резче, чем ей хотелось бы.

Лоркан неторопливо оглядел хрустальные шары, тканый ковер, черную скатерть и маленькие руки Элиды, сжимавшие край стола. Мозолистые, покрытые шрамами.

- А как насчет последствий? Уйди я на ночь в другое место, твоя придумка насчет супружеской пары разлетится в пух и прах. Тебе нужно будет со скандалом прогнать меня, чтобы потом до конца жизни злиться и страдать.

- Тебе-то какое дело до меня? Ты все равно скоро уйдешь.

- И ты тоже, - напомнил ей Лоркан.

Элида водила пальцем по скатерти. Звук был неприятный, скребущий.

- Ты чего? - сердито спросил Лоркан.

- Ничего.

Однако причина была. Элида знала, почему она оттягивает прощание с трупной, почему не торопится возобновлять свой одинокий поход на север.

Если здесь, среди заурядной трупы бродячих лицедеев, она - почти пустое место, кем она будет при дворе своей королевы? Как на нее посмотрят придворные Аэлины, если она даже читать не умеет? Аэлина свергает королей и спасает города. Спрашивается, что такой, как Элида, делать рядом с могущественной королевой? Стирать белье? Мыть посуду?

- Маурина, - хмуро произнес Лоркан.

Элида подняла голову, удивляясь, что он еще не ушел. Свечи в шарах почти догорели, и в сумраке глаза Лоркана показались ей совсем непроницаемыми.

- Здесь полно молодых парней, - продолжал он. - Кое-кто заглядывался на тебя. Почему бы тебе не поразвлечься с ними?

- Зачем? - огрызнулась она.

Чужие руки будут трогать ее. Кто-то, чье имя и лицо она забудет на следующий же день, овладеет ею в темноте... Элида внутренне содрогнулась.

- А когда ты была в Морате, неужели никто...

- Нет, - порывисто ответила Элида, поняв суть вопроса. - До этого не доходило.

Ей вспомнились караульные, лапавшие ее и потешавшиеся над ее наготой... Элида отшвырнула воспоминания:

- Я никогда не была с мужчиной. Не складывалось, да и интереса не было.

Лоркан запрокинул голову, отбросил с лица шелковистые волосы:

- Значит, тебе больше по вкусу женщины?

- Нет, - заморгала Элида. - Не думаю. Я сама не знаю, кто мне по вкусу. Говорю тебе... у меня не было возможности... прочувствовать это.

Желание, страсть, похоть. Для нее это были только слова. Она не понимала, как вдруг их разговор свернул в это русло?

- А почему? - спросил Лоркан.

Ей показалось, что им движет не праздный интерес. Видя, как он смотрит на ее безобразно яркие губы (Омбриела постаралась), Элида вдруг почувствовала желание... рассказать ему обо всем. О башне, Варноне, родителях. Чтобы появилось желание, она вначале должна проникнуться доверием. Убедиться, что человек готов сражаться за ее свободу и что сам он никогда не причинит ей зла и не посадит под замок.

Элида не успела произнести ни слова. Снаружи послышались крики.

Лоркан сам не понимал, почему его занесло в этот дурацкий шатер предсказательницы, где сидела Маурина. Ему хотелось поскорее добраться до горячей воды и смыть с себя масло, пот и липкие взгляды толпы.

По меркам циркачей его выступление, наверное, никуда не годилось. Но раз взялся, доведи до конца. И вот где-то под конец Лоркан заметил в толпе Маурину. Он не знал, кто трудился над ее нарядом и разрисовывал ей лицо. Наверное, Омбриела. Но эти густо подведенные глаза, эти ярко-красные губы, делавшие ее рот похожим на сочный свежий фрукт... Словом, Лоркан ее заметил.

Ее заметили и несколько местных парней. Некоторые пялились на нее. Лоркан ловил их восхищение вперемешку с желанием затащить Маурину в постель. Она же, равнодушная к чужому вниманию, остановилась невдалеке от толпы и смотрела на его выступление.

Просто красавица. Несколько недель сытой и безопасной жизни превратили отощавшую хорошенькую девчонку в красивую молодую женщину. Лоркан окончил представление раньше, чем собирался, однако Маурина уже ушла.

Словно пес, он учуял ее запах среди десятков других и поспешил в этот шатер.

В сумраке, в мерцании хрустальных шаров, в этом дурацком платке с бубенчиками и темно-красном платье... Маурина выглядела настоящей предсказательницей. Спокойной, уверенной в себе и... недосыгаемой.

Лоркан ругал себя, что приклеился глазами к этому сочному, грешному рту... Почему же грешному? Она же призналась в своей невинности. Словом, он глазел на Маурину и ничего не почувствовал. Лоркан представлял, какие звуки издавал бы ее чувственный ротик, если бы он медленно и осторожно стал учить ее искусству телесных утех. Спихватился он, лишь когда услышал крики.

Нападение Лоркан расценил как напоминание Хелласа, чтобы держал свою мужскую снасть в штанах, но не позволял разуму оказываться там же.

- Лезь под повозку и сиди тихо! - распорядился он, выскакивая из шатра.

Лоркану было некогда проверять, послушалась ли Маурина. Девчонка не дура и давно поняла: в такие моменты лучше делать то, что он говорит. Больше шансов уцелеть.

Волна магической силы Лоркана взметнулась над испуганной толпой зрителей. Она разделилась на потоки и вскоре вернулась, чтобы поведать ему об ощущениях. Его сила умела чутя смерть.

Представление давалось на краю поля, на окраине городишки. На другом краю темнела роща. Оттуда веяло вечной ночью и слышался шелест крыльев.

Илков было четверо. Так подсказывала магия Лоркана. Рослых, жилистых. Они опустили, растопырив когти и раскрыв пасти, полные острых зубов. Судя по перепончатым крыльям, эта порода отличалась от илков, атаковавших их в Задубелом лесу. Порода отличалась, а цель оставалась прежней – охотиться, на кого прикажут.

Перепуганные зрители бежали в город. Кто-то, обезумев от страха, неся навстречу илкам, рассчитывая затеряться среди полей.

Мулли ошиблась: это вовсе не крестьяне жгли траву. Пожары на полях были устроены намеренно, чтобы скрыть запах крылатых тварей от таких, как он, и подобных ему.

Илки охотились за Мауриной.

Лошади отчаянно ржали и становились на дыбы. Илки приземлились там, где совсем недавно выступал Лоркан. Сейчас здесь готовилось иное представление. Один илк догнал убежавшего парня и легким ударом лапы свалил на землю. Несчастный орал во все горло, призывая богов, до которых не докричишься. Илк распорол парню живот. Крики еще продолжались, когда тварь начала пировать.

– Из какой преисподней вылезли эти отродья? – послышался голос Омбриелы.

Лоркан обернулся. Черноволосая красавица сжимала меч. Чувствовалось, ей уже приходилось пускать это оружие в ход. Подбежал бледный Нирк. В его мясистых руках тоже было по мечу, но довольно заржавленных.

– Солдаты Мората, – коротко ответил Лоркан.

Нирк внимательно глядел на меч и топор Лоркана. Лоркан решил больше не разыгрывать балаганного лицедея, умеющего лишь метать ножи на помосте.

– Солдаты непростые. Магия для них – по большей части не преграда. Единственный надежный способ расправиться с ними – рубить головы.

– Но они чуть ли не в полтора раза выше тебя, – пробормотала заметно испугавшаяся Омбриела.

Лоркан оставил обоих наедине с их предположениями и страхами и прошел на освещенный пятачок. К его удивлению, бедняга-парень был еще жив. Илки вначале решили насладиться его страданиями, а затем приняться за мясо.

Лоркан метнул в жертву волну смертоносной силы и ощутил благодарность. Через мгновение парень уже не дышал.

Илки переглядывались, негромко шипя. С зубов капала кровь.

Лоркан нырнул в свою магическую силу. Если их устойчивость перед магией окажется правдой, нужно будет их отвлечь и сбить с толку. Может, Маурине хватит времени убежать.

Илки заметили его присутствие.

– Ты здесь главный будешь? – с издевкой спросил илк-потрошитель.

– Он самый, – ответил Лоркан.

Вопрос дал ему важные сведения: илки не знали, кто он такой и какова его роль в бегстве Маурины.

Илки заулыбались.

– Мы ищем одну девчонку. Она убила нашего сородича и еще нескольких.

Ее обвиняли в гибели илка около трех недель назад? Или это только предлог и у них есть еще какие-то цели?

– Мы шли по ее следам до самого моста через Акант... Может статься, она затесалась среди твоих людей.

И снова – эта отвратительная ухмылка.

Лоркан рассчитывал, что Нирку и Омбриеле хватит мозгов помалкивать. Если они разинут рот... у его топора может появиться дополнительная работа.

– По этим дорогам странствует много лицедеев. Ищите среди других труп. Мы давно сработались и никого к себе не берем.

– Росту она небольшого, – продолжал илк, и его почти человеческие глаза сверкнули. – Хромает на одну ногу.

– Нет у нас никаких девчонок, – ответил Лоркан. – Тем более хромоногих.

Они хоть на край света пойдут, только бы ее найти.

– Собери своих людей. Мы на них... посмотрим.

Понятно. Илки заставят их ходить взад-вперед, высматривая темноволосую хромоножку. Возможно, дядя наградил Маурину и другими отметинами.

– Как я их соберу, когда вы всех распугали? – ворчливо спросил Лоркан. – Я еще не знаю, вернутся ли они назад. И потом... – Лоркан чуть передвинул топор, и теперь пламя факелов играло на стальной поверхности. – Я вам сказал: в моем караване нет никаких хромых девчонок.

Нирк и Омбриела молчали. Ноздри Лоркана ловили зловоние их страха, и он сделал над собой усилие, чтобы не поморщиться.

Илки снова заулыбались. Такой отвратительной улыбки он не видел уже давно – лет двести, если не больше.

– У нас есть золото.

Наверное, в сумке, что болталась у одного на поясе.

– Девчонку зовут Элида Лошэн. Ее дядя – правитель Перранта. Он бы щедро вознаградил вас за возвращение племянницы.

Слова ударили по Лоркану, как камни. Маурина... Элида ему соврала и очень ловко скрыла вранье. Окутала таким густым облаком страха, что он ничего не учуял.

– Говорю вам, нет у нас никакой Элиды.

– Жаль, – вкрадчиво произнес илк, бывший у них главным. – Мы бы просто забрали ее и улетели. А так...

Все снова заулыбались, похрустывая крыльями.

– Получается, мы проделали очень долгий путь впустую. И сильно проголодались.

Глава 41

Элида спряталась в потайном ящике под полом самой большой повозки. Снаружи этот ящик был незаметен. Она молила всех богов, чтобы илки ее не нашли. Еще она боялась, что они могут поджечь повозки. В темном пространстве звучало лишь ее сбивчивое дыхание. Воздух в ящике быстро сделался жарким и спертым. Элида свернулась клубочком, отчего у нее затекли ноги. Но она продолжала ждать, не рискуя высунуть носа.

Лоркан куда-то побежал. Куда – она не видела. Достаточно того, что она видела четырех прилетевших илков, после чего, не мешкая, залезла в ящик.

Она не знала, давно ли сидит в своем укрытии. Может, считанные минуты. А может, прошло уже несколько часов.

И все это – из-за нее. Она навлекла беду на караван лицедеев и на городок...

Крики становились все громче, потом начали стихать и вскоре стихли совсем.

Возможно, Лоркана убили. И остальных – тоже.

Элида напрягала слух, пытаясь уловить хоть какие-то звуки за пределами ее жаркой, тесной норы. Ящик предназначался для контрабандных товаров, но никак не для людей.

Она чувствовала, что дальше сидеть здесь нельзя. Если илки убили всех, кто попался им на глаза, то теперь начнут обшаривать все укромные уголки. Возможно, просто учуют ее.

Нужно выбираться отсюда и бежать. Осторожно вылезти наружу и как можно быстрее бежать вглубь полей, моля богов, чтобы не нарваться на сородичей илков. Легко сказать – бежать. Элида шевельнула ногами, и в них впилась сотни крошечных иголок. И как она побежит со своей хромой ногой?

Она снова прислушалась, моля Аннеит, чтобы отвела внимание илков от этой повозки.

Вокруг – тишина. Ни единого звука.

Уходить надо сейчас, под покровом темноты.

Нет, она не позволит страху отравлять ей кровь. Она пережила Морат, пережила недели одинокого блуждания в лесу. Переживет и это. Должна пережить. И пусть она будет прачкой и посудомойкой у своей королевы – такая жизнь несравненно лучше, чем ее нынешняя. Главное – дотянуть до той жизни.

Элида расправила саднящие плечи и осторожно приподняла дверцу, сдвинув коврик. Повозка внутри была пуста. Темнота показалась ей такой манящей. Факелы еще горели, но туда она не пойдет. Отправится прямо в поле, это совсем недалеко – каких-нибудь десять локтей.

Дверца скрипнула. Элида замерла, потом стала выбираться наружу. Новое препятствие: подол ее платья зацепился за что-то внутри ящика. Стиснув зубы, Элида дернула со всей силой. Платье держало ее, как в капкане. «Аннеит, помоги мне».

– А что бы ты сейчас делала, если вместо меня здесь оказался илк? – послышался знакомый мужской голос.

Элида чуть не заревела от облегчения. Кое-как повернувшись, она увидела Лоркана. Весь забрызганный черной кровью, он сидел на скамейке позади кучерского места, вытянув ноги. Рядом валялись его меч и боевой топор, тоже черные от крови. Лоркан лениво жевал пшеничный стебель, скользя глазами по полотняным стенкам повозки.

– На твоём месте я бы прежде всего сделал вот что, – продолжал Лоркан, по-прежнему не глядя на нее. – Снял бы это дурацкое платье и закинул подальше. В нём можно только спотыкаться на каждом шагу. И потом, красный цвет делает тебя заметной даже в темноте.

Элида снова дернулась. Ткань с треском поддалась. Сунув руку, она нащупала сучок, за который и зацепился ее балаганный наряд.

- А потом, - продолжал Лоркан, даже не потрудившись стереть с лица чужую кровь, - не мешало бы рассказать мне правду. Ты знала, что эти твари илки порою бывают очень разговорчивыми? Им очень хотелось добраться до тебя, и потому они рассказали мне кое-что очень интересное.

Наконец он повернулся к ней. В темных глазах не было ничего, кроме злости.

- Получается, до сих пор ты кормила меня байками.. Элида?

У нее округлились глаза. Даже сквозь густой слой румян было видно, насколько она бледна. Платок с бусами и бубенчиками где-то потерялся. Волосы, над которыми трудилась Омбриела, торчали во все стороны. Элида вылезла из ящика, вытянув оттуда полуоторванный подол, потом захлопнула дверцу. Лоркан следил за каждым ее движением, решая, как ему поступить с нею.

Врунья. Маленькая изворотливая врунья.

Элида Лошэн, племянница правителя Перранта, уселась на пол. Страха в ее глазах не было. Только досада, что ее разоблачили.

- С какой стати я должна была довериться тебе? - холодно спросила она, удивив Лоркана самообладанием. - Забыл, как несколько дней подряд ты выслеживал меня в лесу? Рассказывать правду тому, кто был готов продать меня, если заплатят подороже?

У Лоркана саднило все тело. В голове гудело. Победа над илками далась ему нелегко. Эти твари вовсе не хотели умирать. Главаря он оставил напоследок. Нирк и Омбриела умоляли Лоркана поскорее убить и этого, но ему хотелось выудить хоть какие-то сведения. «Улов» оказался скудным.

Но Лоркан решил, что его «жене» незачем это знать. Пора проверить, какие сведения выдаст она, если он попотчует ее враньем собственного приготовления.

- Ты их всех убил? - спросила Элида, оглядывая его оружие и морща нос от зловония валгской крови.

Лоркан перестал жевать пшеничный стебель:

- Иначе я бы здесь не сидел.

Элида Лошэн оказалась хитрой штучкой. Ишь разыгрывала простушку, которой хочется вернуться в родные края и служить королеве. На самом деле в ней самой текла королевская кровь, и ее желание вернуться на север, к этой огнедышащей суке, было не случайным. Они с Аэлиной великолепно дополняли бы друг друга: миловидная врунья и высокомерная принцесса.

Элида тяжело опустилась на скамейку и стала растирать ноги.

– Я ведь из-за тебя рисковал своей шкурой, – совсем тихо произнес Лоркан.
– А ты сказала мне лишь часть правды. Твой дядя – не какой-то там заурядный командир в Морате, а правая рука Эравана. Ты – его козырная карта.

– Я тебе сказала достаточно правды. Кто я – значения не имеет. И ничьей козырной картой я не являюсь.

Гнев, владевший Лорканом, дернул за невидимый поводок. Поводок этот Лоркан старался держать на коротке с того самого момента, когда учуял запах Элиды и понял, где она прячется. Снаружи доносились возбужденные голоса лицедеев. Труппа готовилась спешно покинуть эти места, пока очухавшиеся жители городишки не явились требовать объяснений.

– Нет, Элида, это имеет большое значение. Твоя королева не питает нежных чувств ни к Морату, ни к Эравану. И твой дядюшка знает: она не постоит за тобой, чтобы ты оказалась в ее свите. Ты не просто самка для спаривания с демонами. Ты – орудие, помогающее направить переговоры с Аэлиной в нужное Морату русло. Средство, чтобы поставить эту суку на колени.

У гнева Элиды не было поводка. Ее лицо вспыхнуло, словно ей вlepили пощечину.

– И у тебя хватает тайн, Лоркан. – В ее устах имя фэйского воина прозвучало как проклятие. – Ты думал, что я слишком глупа и ничего не замечаю. Я так и не решила: удивляться мне или сердиться по этому поводу. Ты считал меня до смерти перепуганной девчонкой, которая так благодарна за свое спасение, что благодарность выбила у нее из головы все вопросы, касающиеся ее спасителя. Например, с чего это вдруг сильный, мужественный воин оказался в этих краях? Что ему понадобилось в Морате? Наконец, по чьей воле он туда направлялся? Я показала себя такой, какой ты хотел меня видеть: глупенькой заблудившейся девицей, нуждавшейся в помощи. Что касается умения обмануть и приврать – ты отнес это на счет моих природных качеств и не особо раздумывал. Зачем высокомерному бессмертному существу обременять себя раздумьями? Ты ведь давно убедился в никчемности людей. И зачем вообще во что-то вникать, если ты собирался вытянуть из меня все необходимые сведения и исчезнуть?

Лоркан даже заморгал. Он упер ноги в пол, рискуя продавить доски. Элида сидела, не шевелясь. Лоркан не помнил, когда с ним в последний раз говорили в таком тоне. Маэва не в счет.

– На твоём месте я бы выбирал выражения, – буркнул он.

– А то что? – презрительно улыбнулась Элида. – Продашь меня Морату? Сделаешь своим пропуском в крепость?

– Я как-то об этом не думал, но спасибо за подсказку.

У Элиды дернулась шея. То был единственный признак ее страха. Но ее слова звучали спокойно и уверенно:

- Если ты попытаешься вернуть меня в Морат, я оборву свою жизнь раньше, чем мы пересечем крепостной мост.

Это обещание, похожее скорее на угрозу, снизило накал его гнева. А Лоркан был очень зол: насчет его предрассудков Элида сказала правду. Он попробовал зайти с другого бока:

- Эти твари неустанно охотятся за тобой. Как ты думаешь, почему? Им ведь нет особого дела до твоей королевской крови. И ты - не единственная, кто может плодить демонов. Сдается мне, причина в какой-то вещице, которую ты прячешь у себя. Что это за вещь?

Быть может, эта ночь располагала к откровениям. Или смерть, что парила неподалеку, сделала Элиду чуть менее бдительной.

- Это подарок... для Селены Сардотин. От одной женщины, узницы Мората. Когда-то Селена ей помогла, и она долго ждала возможности отблагодарить за добро. Это все, что я знаю.

Подарок для ассасина, но не для королевы. Возможно, какой-нибудь пустяк. И все же...

- Покажи мне этот подарок.

- Нет.

Лоркан пристально смотрел на Элиду. Она выдерживала его взгляд. Можно было пуститься на хитрость: дожидаться, пока она не уснет, забрать подарок для Селены и раствориться в ночной темноте. Забавно будет взглянуть, что же она так ревностно оберегала.

Но Лоркан знал... точнее, знала небольшая часть его разума, которую он всегда считал глупой. Если он силой или обманом заберет у Элиды чужой подарок... у хромой девчонки, и так лишенной почти всего... Словом, он перейдет какую-то черту без возможности вернуться обратно. Лоркан удивился себе. Он десятки лет совершал куда более страшные, жестокие и грязные поступки и не задумывался о последствиях. Наоборот, гордился собой. А что касается жестокости... воин и должен быть жестоким.

Но здесь он чувствовал черту. Кто и как ее провел - неизвестно, однако эта черта существовала.

Неизвестно и то, обладала ли Элида магическим чутьем, но она догадывалась о мыслях Лоркана. Ссутулившись, она безучастно смотрела на стенки повозки. Голоса снаружи звучали все громче. Мулли подгоняла своих людей, требуя поскорее убираться отсюда.

- Я назвалась именем своей матери. Она погибла, защищая Аэлину Галатинию от подосланного убийцы. Мать задержала его, позволив Аэлине убежать. Она верила, что однажды Аэлина вернется и спасет нас всех. Потом перед нашим замком казнили моего отца - правителя Перранта. Варнон с улыбкой смотрел, как убивают его брата. Он забрал себе титул, земли и имущество. Меня же дядя на целых десять лет запер в самой высокой башне Перрантского замка. Вместе со мною туда заточили мою няньку. Когда я покалечила ногу, Варнон

не допустил ко мне лекарей. Он приказал поставить решетки на башенные окна, чтобы я не выбросилась. Даже там мои ноги были скованы кандалами. А через десять лет он посадил меня в тюремную повозку и повез в Морат. Там он сделал из меня служанку. Ему нравилось меня унижать, а мой ужас доставлял ему удовольствие. Каждый день я мечтала о побеге и готовилась. Когда случился взрыв... я усмотрела в этом шанс и сбежала. Я ничего не знала об илках. Только слышала страшные рассказы о чудовищах, которых выводят в подземельях окрестных гор. Мне нечего предложить Аэлине Галатинии. У меня нет ни земель, ни денег, ни солдат. Но я найду ее и буду помогать всем, чем смогу. Даже если я сумею уберечь хотя бы одну девушку от повторения своей участи, это уже много.

Элида сказала ему правду, и эта правда должна была осесть в разуме Лоркана. Сказанное меняло его взгляд на нее и отчасти – его... замыслы.

– Теперь послушай обо мне, – с нарочитой грубостью произнес Лоркан. – Я живу на свете уже более пятисот лет. Я принес клятву на крови фэйской королеве Маэве и являюсь ее правой рукой. Во имя королевы я творил великие и страшные дела и буду творить их дальше, пока смерть не затребует меня к себе. Родителей своих я не помню. Раннее детство прошло на улицах Доранеллы, с ватагой таких же бездомных оборвышей. Я достаточно быстро начал понимать, что мои способности не такие, как у сверстников. Маэва это тоже заметила. Я могу убивать быстрее других. Способен чувствовать смерть, когда она где-то поблизости. Похоже, смертоносную магию подарил мне сам Хеллас. На ваш континент меня занесло в интересах моей королевы, хотя я отправился без ее разрешения. За это она вполне может приказать выследить меня и убить. Если ее посланцы будут меня разыскивать, тебе спокойнее всего делать вид, что ты ничего обо мне не знаешь.

Лоркан мог бы рассказать еще, но... Элида тоже не раскрыла ему всех своих тайн. А правда в больших порциях бывает вредна.

Удивительно, но его слова не вызвали у Элиды даже тени страха. Ее запах не изменился.

– А семья у тебя есть?

– Нет.

– Друзья?

– Тоже нет.

Соратники не в счет. Они ведь тоже не знали, что такое дружба. Этот чертов Рован плюнул на все и ушел служить своей Аэлине. Фенрис не скрывал, что тяготится узами. Ваган почти всегда отсутствовал, выполняя очередное поручение Маэвы. Гарель держался особняком, а Коннал не вылезал из спальни королевы, удовлетворяя ее ненасытные потребности.

Элида наклонила голову. Волосы закрыли ей лицо. Лоркану вдруг захотелось откинуть прядь и заглянуть в ее темные глаза. Но его руки были перепачканы вонючей кровью илков. И еще он чувствовал: Элида Лошэн не хотела, чтобы к ней прикасались без ее желания.

- В таком случае, у нас с тобой есть что-то общее, - сказала она.

Ни семьи, ни друзей. Все это не казалось Лоркану таким уж печальным, пока он не услышал ее слов. Он вдруг увидел себя глазами Элиды.

Элида лишь пожала плечами и встала.

- А тебе обязательно нужно вымыться, - услышал он голос Мулли. - Ты стал снова похож на воина.

Лоркан не знал, считать ли ее слова комплиментом.

- Нирк и Омбриела... словом, они догадались, что мы вовсе не супружеская пара, - сказал он Элиде.

- Тогда нам надо бежать из трупы, - мигом встревожилась Элида.

- Нет. Они не проболтаются, - уверил ее Лоркан.

Хотя бы потому, что видели, как он расправлялся с илками. Поди сообразили, что их ждет, если они поведут себя не так.

- Мы останемся с группой, пока не решим, что к чему.

Элида кивнула и, сильно припадая на увечную ногу, направилась к выходу. Там она села на край повозки и только после этого неуклюже слезла. Нога не позволяла спрыгнуть. Но двигалась Элида с большим достоинством и лишь слегка застонала, очутившись на земле.

Лоркан смотрел ей вслед. Она ни разу не оглянулась.

Он не переставал удивляться себе.

Глава 42

Смерть пахла солью, кровью, древесиной и гнилью.

Смерть вызывала боль.

Поглоти ее Тьма, боль была просто адской. Древние ввали насчет того, что смерть гасит всякую боль. Тогда почему у нее по-прежнему болит рана в животе? А еще - боль в голове, словно внутри стучит молот? Мертвые не должны ничего ощущать, но она почему-то ощущала жуткую сухость во рту и жжение в раненой руке.

Наверное, Тьма была иным миром, иной реальностью. Похоже, она угодила прямо в ад, которого так боялись смертные.

Она ненавидела смерть.

Пусть эта смерть тоже убирается в ад.

Манона Черноклювая приоткрыла тяжелые, воспаленные веки и увидела колеблющийся свет. Он исходил от масляной лампы, что висела на стене комнаты.

Нет, это не комната, иначе здесь не пахло бы солью, а стены не раскачивались бы. И скрипа тоже не было бы. Это каюта на корабле.

Маленькая, грязная. Места едва хватило, чтобы втиснуть ее койку. И окошечко такое, что с ее плечами не пролезть.

Новая мысль заставила ее резко сесть на постели. Аброхас! Где Аброхас?

– Успокойся, – лениво произнес слишком знакомый женский голос из затемненного угла каюты.

Резкое движение запоздало отозвалось болью в животе. Манона мельком взглянула на свои перебинтованные пальцы, потом на молодую королеву. Та расположилась на стуле, возле двери. Далее Манона обнаружила, что скована по рукам и ногам. Цепи от ее кандалов крепились к стенкам. Дырки для них провертели совсем недавно.

– Ну что, Черноклювая? – сказала Аэлина Галатиния. – Похоже, ты опять обязана мне спасением.

Ее бирюзовые глаза были холодными и насмешливыми.

«Элида, – подумала Манона. – Значит, Элида сумела...»

– Кстати, твой дракончик прекрасно себя чувствует. Настоящая нянька. Уж не знаю, как тебе удалось превратить его в крылатого коня. Сейчас он разлегся на баке и урчит от удовольствия. Не скажу, чтобы матросы были в восторге от его присутствия. Особенно когда им приходится за ним убирать.

Манона вспомнила, как говорила Аброхасу: «Найди безопасное место». Каким же чудом он разыскал террасенскую королеву? Или знал, что этот корабль – единственное место, где у хозяйки есть шанс выжить?

Аэлина уперла ноги в пол. Каблуки сапог негромко скрипнули. Казалось, она дорожит временем и не собирается тратить его на пустые разговоры. Королева изменилась. Манона помнила ее другой. Воительница, смеявшаяся над ней во время их поединка в развалинах храма Темизии, несколько утратила задиристое любопытство. Теперь в ней ощущалось больше сметливой жестокости.

Живот Маноны снова отозвался болью. Ведьма закусил губу, чтобы не зашипеть.

– Уж не знаю, кто тебя так погладил, но рана нешуточная, – сказала королева. – Власть делили?

Кто нанес ей эту рану и почему, королеве незачем знать. И остальным тоже.

– Дай мне отлежаться и выздороветь, и я тихо уберусь с вашего корабля, – прохрипела Манона.

Отяжелевший язык показался ей куском высохшей кожи.

– Нет, Черноклювая, – ехидно промурлыкала Аэлина. – Никуда ты не уберешься. Твой дракон может лететь куда пожелает или валяться на палубе. А ты – наша официальная пленница.

У Маноны закружилась голова, но ей хватило силы тем же ехидным тоном спросить:

– Наша?

Королева понимающе улыбнулась, затем изящно встала. Волосы Аэлины отросли, лицо осунулось, а в бирюзовых глазах прибавилось жесткости. Там было еще что-то... словно королеве постоянно грозила опасность.

– Есть правила, которые я тебе не советую нарушать, – сказала Аэлина. – Попытаешься сбежать – смерть. Причинишь кому-нибудь вред – смерть. Втянешь кого-то в беду... Думаю, ты поняла, чего от меня ждать. Шаг в сторону – и я закончу то, что мы тогда начали в лесу. И о том, кто кому обязан жизнью, не вспомню. На этот раз мне и кинжала не понадобится.

Пока Аэлина говорила, в ее глазах вспыхивали язычки золотистого пламени. Даже боль не оттянула на себя ужас, испытанный Маноной. Ведьма вдруг поняла: слова королевы – не бравада. Аэлина сумеет расправиться с нею раньше, чем она успеет схватиться за меч.

Королева повернулась к двери. Ее рука, покрытая шрамами, застыла на дверной ручке.

– Прежде чем врачевать твой живот, я осмотрела рану и вытащила железные занозы. Не знаю, у кого из наших хватит терпения долго находиться рядом с тобой, но я тебе настоятельно советую не врать и рассказать все без утайки.

Аэлина подбородком указала на кувшин и чашку. Они стояли на полу, у койки.

– Это вода... если сумеешь до нее дотянуться.

Королева ушла.

Манона слушала, как затихают ее шаги. Больше – никаких голосов и звуков, кроме плеска волн, скрипа снастей и крика чаек. Похоже, корабль плыл не

слишком далеко от берега. Куда же они направляются? Это ей обязательно надо выведать.

Выздороветь бы поскорее. Выбраться из этих кандалов. Снова оказаться в седле, и тогда они с Аброхасом полетят...

Куда? К кому?

Не было гнезда, где мог бы опуститься Аброхас. Ни один клан не рискнет защитить ее от бабушки. А отряд Тринадцати... Где они теперь? И живы ли?

В животе снова вспыхнул огонь, но Манона потянулась к воде. Резкая боль тут же заставила ее прекратить всякие попытки напиться.

Они, конечно же, слышали, кто она на самом деле. Ведьмы ее отряда слышали.

Не просто крошанская полукровка... последняя крошанская королева.

А ее сестра... ее сводная сестра...

Манона утонула в темный потолок.

Опять то же ощущение крошанской крови на руках. Ее плащ... ее красный плащ не утонул в море. Он лежал у нее в ногах. Плащ ее сестры. Бабушка заставила ее надеть этот плащ, зная, кому он принадлежал. Зная, чье горло Манона тогда перерезала.

Она больше не была наследницей клана Черноклювых.

Отчаяние, словно кошка, свернулось вокруг боли в животе Маноны. Она теперь была никем и ничем.

Она не помнила, как провалилась в сон.

После прихода Аэлины ведьма проспала три дня подряд. Дорин приходил в ее тесную каюту вместе с Рованом и королевой. Они смотрели, как заживают раны Маноны. Исцеление можно было бы ускорить, но они не решались применять свои магические силы. Даже в таком состоянии Черноклювая была опасна.

Малейшие движения рук и ног Маноны и даже ее дыхание напоминали: перед ними прирожденная хищница. Ее бесподобно красивое лицо было всего лишь маской, чтобы заманивать беспечных, а потом губить их.

Похоже, ведьма попала в подходящую компанию, поскольку они, скорее всего, плыли навстречу своей гибели.

Рульф дал им еще два корабля, чтобы сопровождали к берегам Эйлуэ. Они старались держаться на безопасном расстоянии от берегов. Налетевший шторм запер их среди мелких островов к западу от Лерибы. Кораблям пришлось бы

туго, если бы не магия Рована. Он окружил все суда ветровым щитом. И все равно, пока длился шторм, их без конца тошнило.

Сейчас они приближались к Банджали. Как ни старался Дорин, его мысли постоянно возвращались к погибшей Нехемии. Если бы не жуткие события той ночи, Нехемия сейчас плыла бы вместе с ними. А как забыть Знак Вэрда, который эйлуэйская принцесса начертила у него на груди. Может, этот знак.. пробудил его магическую силу. Магия была для Дорина одновременно благословением и проклятием.

У него не хватало смелости спросить, какие чувства испытывала Аэлина. Он видел, как она постоянно смотрела в сторону берега, хотя сам берег был невидим и они не собирались подходить ближе.

Еще неделя (возможно, даже меньше, если поможет магия Рована), и они достигнут восточного края Каменных Болот. А там.. им придется довериться туманным ориентирам Рульфа и искать древний город.

Главное – не столкнуться с армадой Эравана, стоящей в гаванях вокруг полуострова в заливе Оро.

А пока что.. Дорин нес караул в каюте Маноны. Наследницу Черноклювых нельзя было оставлять без присмотра даже в ее нынешнем, далеко не блестящем состоянии.

Дорин кашлянул. Веки Маноны дрогнули. Она захлопала длинными ресницами, затем открыла глаза. Золотистые, сонные глаза.

– Здравствуй, ведьмочка, – сказал Дорин.

Ее пухлые чувственные губы слегка напряглись. Дорин не понял, то ли она скорчила гримасу, то ли улыбнулась. Но она села на постели, тряхнула своими лунно-белыми волосами. Звякнули цепи.

– Здравствуй, короленок, – ответила Манона, ужасаясь своему голосу.

Казалось, ей в рот натолкали песка.

– Пить хочешь? – спросил Дорин, глядя на кувшин.

Наверное, у нее внутри все пересохло. Им едва удалось влить ей в горло полкружки воды. Больше было нельзя: она могла поперхнуться или, хуже того, выдвинуть свои железные зубы. (И где только ведьмы прячут эти зубы?)

Манона посмотрела на кувшин, потом на Дорина:

– Я и твоя узница тоже?

– Мой долг перед тобой выплачен. В плен я тебя не брал, но здесь не я распоряжаюсь.

– Как я попала на ваш корабль?

Это был вопрос-приказ, но Дорин вполне благосклонно к нему отнесся.

Молодой король наполнил кружку и протянул ведьме, стараясь не думать о том, позволят ли ей цепи дотянуться до его горла. Тонкие пальцы Маноны (никакого намека на железные ногти) обхватили чашку. Ведьма слегка вздрогнула, потом еще раз, когда подносила чашку к губам (все еще бледным), и начала жадно пить.

Первую кружку она выпила залпом. Дорин молча налил ей снова. Потом еще несколько раз.

Когда Манона окончательно утолила жажду, он начал рассказывать:

- Твой дракон летел на нас, как стрела. Мы думали, опустится на палубу. Но когда до корабля оставалось не больше сотни локтей, ты вывалилась из седла в воду. Как Аброхас нашел нас, мы не знаем. А дальше... мы достали тебя из воды. Ровану пришлось прямо на палубе сделать тебе перевязку, иначе тебя невозможно было перенести сюда. Просто чудо, как ты не умерла от такой потери крови. Я уже не говорю про воспаление. Ты у нас почти неделю. Аэлина и Рован постоянно возятся с тобой. Им даже пришлось резать тебя в нескольких местах, чтобы удалить омертвевшую плоть. Почти все это время ты либо спала, либо находилась без сознания.

Дорину не хотелось говорить, что это он прыгнул за нею в воду. Он просто... действовал, как действовала тогда Манона, спасая его от Желтоногой ведьмы. Да, его долг был выплачен. Не стал он рассказывать и про то, как Лисандра превратилась в морского дракона, подплыла к ним и он, держа на руках отяжелевшую от воды Манону, уселся на чешуйчатую спину оборотня. Ведьма была совсем бледная, а рана на ее животе... Едва взглянув на рану, Дорин чуть не исторг из себя весь завтрак. Манона была похожа на рыбу, которой грубо вспороли брюхо.

Брюхо ей действительно вспороли. Спустя час Аэлина это подтвердила, достав кусочек металла. Это был обломок чье-то необычайно острого железного ногтя.

Никто не высказал вслух догадку, что ведьму могли наказать за спасение Дорина.

Взгляд Маноны оживился. Она осматривала каюту:

- Где мы?

- В море.

Аэлина велела ему ни в коем случае не рассказывать ведьме, куда они плывут и что собираются делать.

- Есть хочешь? - спросил Дорин, не очень представляя, чем питаются ведьмы.

Золотистые глаза выразительно посмотрели на его горло.

- Ты что, пьешь кровь? - удивился он.

- Только для развлечения. - Манона слегка фыркнула.
- Разве в вашей породе... нет никаких человеческих черт?
- Тех, что были бы полезны людям, нет.

Она сказала правду, поскольку другие черты достались ведьмам от фэйцев и валгов. Валгская кровь и сделала их ведьмами. Демон-принц, владевший телом Дорина, имел общую с Маноной кровь. Из глубокой ямы памяти выпорхнули образы и слова. Он помнил того принца с золотистыми глазами. Помнил скрипучий голос и требования окончательно покориться неизбежному... Такие же глаза были у валгских королей.

- Значит, ведьмы считают себя в большей степени валгами, чем людьми? - осторожно спросил Дорин.
- Валги - мои враги. Эраван - мой враг.
- И это делает нас союзниками?

Манона не сказала ни «да», ни «нет» и задала свой вопрос:

- На корабле есть молодая женщина... почти девчонка... по имени Элида?
- Нет. А кто она такая? Нам вообще не встречались женщины с таким именем.

Манона прикрыла глаза. Ее горло дернулось.

- Вы что-нибудь слышали о моем отряде Тринадцати?
- Ты - первая ведьма на драконе, которую мы видели за минувшие недели.

Дорин не понимал, почему она спросила про отряд и почему вдруг затихла.

- Ты не знаешь, живы ли они, - догадался он.

И эти обломки железных ногтей в ее животе...

Когда Манона заговорила снова, ее голос был холодным и безжизненным:

- Передай Аэлине Галатинии: пусть в переговорах на меня не рассчитывает. Верховная ведьма Черноклювых не признает меня не только своей наследницей, но даже ведьмой ее клана. Вы ничего не добьетесь, зато они узнают ваше точное местонахождение.
- Что произошло с тобой после Рафтхола? - спросил Дорин, ощущая мерцающие потоки своей магической силы.

Манона отвернулась. Ветер, струящийся из окошка, играл ее волосами, и они тоже казались мерцающими в сумраке каюты.

- За все приходится платить, - сказала она.

Странные слова. Странная поза, будто Манона ждала, когда смерть ее заберет. Наверное, все это вместе заставило Дорина вкрадчиво произнести:

- Помнится, я предлагал тебе разыскать меня. Не думал, что это будет так скоро. Представляю, как ты по мне соскучилась.

Ее плечи вздрогнули.

- Вообще-то, я голодна.

Дорин улыбался.

- Есть хочу! - то ли услышав, то ли почуяв его улыбку, рявкнула Манона.

И все равно в ее облике сейчас было что-то очень хрупкое. После возвращения в Морат ее явно наказали, и жестоко...

- Еду тебе скоро принесут, - пообещал Дорин, обхватывая спинку стула, на котором сидел. - Как можно допустить, чтобы ты умерла от голода? Самая красивая женщина в мире, еще не успевшая насладиться своей бессмертной грешной жизнью...

- Я не женщина, - только и ответила Манона.

Но глаза цвета расплавленного золота блеснули. Слова Дорина что-то в ней задело.

Дорин небрежно пожал плечами. Он знал, что цепи не дадут ведьме броситься на него. Или смертельная опасность, таящаяся в Маноне, возбуждала его. Во всяком случае, страха он не испытывал.

- Ведьма, женщина... По мне, так я особой разницы не вижу.

Манона снова села. Чувствовалось, с нею еще никто так не разговаривал. Она не верила, что Дорин мог сказать такое, и одновременно злилась на него за дерзость. Не удостоив его ответом, она оскалила зубы.

Дорин лениво улыбнулся:

- Хочешь верь, а хочешь - нет, но на корабле удивительно много привлекательных мужчин и женщин. Ты попала в самую точку. А знала бы ты, сколько здесь чокнутых бессмертных!

Манона посмотрела на дверь раньше, чем он услышал шаги. Оба молча ждали. Дверь открылась. На пороге стоял Эдион.

- О, да ты очнулась и готова разрывать нам глотки, - вместо приветствия бросил генерал.

Дорин встал и взял у него поднос с миской тушеной рыбы. Эдион смотрел на Манону так, что молодой король подумал, не отравлена ли пища. Ведьма хищно улыбнулась, и это еще сильнее задело Эдиона.

– Будь моя воля, я бы прикончил тебя и твою крылатую клячу. Скажи спасибо моей королеве. Она считает, что живая ты нам полезнее.

Эдион ушел.

Дорин придвинул поднос к Маноне. Ведьма принюхалась, потом медленно, осторожно проплотила кусочек. Казалось, она проверяет, способен ли ее раненый живот принимать пищу. А может, действительно проверяла, не добавлено ли туда отравы.

– Значит, ты на этом корабле не главный?

Вопрос задел Дорина, и он сделал над собой усилие, чтобы не поддаваться раздражению.

– Тебе известно мое положение. Сейчас я целиком зависим от своих друзей.

– А королева Террасена – тебе друг?

– Прикрывать свою спину я бы доверил только ей.

«И еще Шаолу», – подумал Дорин, но тут же оборвал эту мысль. Сейчас не время тосковать по Шаолу.

Наконец Манона снова ковырнула ложкой в миске. Потом еще несколько раз. Дорин понимал, насколько ведьма голодна. Но еда была еще и удобным предлогом, чтобы не говорить с ним. Тогда Дорин спросил напрямую:

– Эти раны нанесла тебе бабушка?

Ложка глухо звякнула о край шерботой деревянной миски. Манона повернулась к нему. Ее лицо казалось пришедшим из кошмарных снов и мрачных фантазий.

– Прости меня, – торопливо добавил Дорин. – Я не думал, что мое спасение кончится... вот так.

– Если ты, короленок, отыщешь ведьм моего отряда живыми и невредимыми, я пойду к тебе на службу.

– Где ты их видела в последний раз?

Молчание. Манона снова взялась за еду.

– Они присутствовали, когда бабушка расправлялась с тобой?

Манона понурила плечи, зачерпнула ложкой остывшую подливу, но не проглотила.

– За Рафтхол решили наказать не меня, а мою первую заместительницу. Ее должны были казнить. Я отказалась повиноваться решению Верховных ведьм. Я стянула все внимание на себя, и отряд сумел покинуть Морат. Но едва я обнажила меч против бабушки, я лишилась всего, что имела. Дальнейшая судьба отряда Тринадцати мне неизвестна. Я не знаю, куда они улетели, живы ли сейчас, или с ними расправились.

Дорину показалось, что в глазах ведьмы блеснули слезы.

- Найди их мне. Узнай, живы ли они или обитают в мире Тьмы.

- Мы сейчас в открытом море и ничего не знаем о событиях на суше.

- Они - это все, что у меня осталось, - тихо сказала Манона, берясь за ложку.

- В таком случае мы с тобой оба наследники без короны.

Ведьма невесело усмехнулась. Ветер теребил ее белые локоны.

- Я сделаю то, что смогу, - пообещал Дорин, собравшись уйти.

- И еще Элида.

Опять это имя.

- Да кто она такая?

- Просто скажи Аэлине Галатинии, что Элида Лошэн жива и разыскивает ее, - склонившись над миской, ответила Манона.

Разговор с адарланским королем стоил ей немало сил. Наполнив живот пищей, выпив еще несколько кружек воды, Манона улеглась и заснула.

Она спала... спала... спала...

Манона смутно помнила, как к ней приходили. Сначала террасенская королева, потом этот сердитый генерал. Они ее о чем-то расспрашивали. Кажется, об Элиде.

Но Маноне было не вырваться из забвения. Не хотелось ни думать, ни говорить. Хорошо еще, что ее тело могло дышать без усилий воли.

И тем не менее мысли иногда ее посещали. Прежде всего, о ее Тринадцати. Если они живы... Манона вдруг поняла, что сомневается в этом. Иначе она бы не умоляла Дорина Хавильера разыскать ее отряд. Она бы охотно отдала свой меч за любые сведения об отряде.

Вот только захотят ли они служить ей после всего, что узнали? Ей, крошанской полукровке.

А ее родители... оба убиты бабушкой. Они обещали подарить миру «дитя мира». Но бабушка сделала из нее исчадие войны.

Водоворот мыслей отнимал ее силы, приглушал звуки и краски. Манона просыпалась, когда тело напоминало о своих потребностях. Ела, когда видела оставленную еду. А потом снова погружалась в тяжелый, бессмысленный сон.

Иногда ей снилась трапезная на Омаге. Манона ощущала на руках и во рту кровь своей сводной сестры. В другом сне она видела себя взрослой ведьмой, а не девчонкой, какой была в то время. Она помогала бабушке издеваться над красивым бородатым мужчиной, умолявшим отдать ему дочь. Отдать ее. Приятнее всего были сны о просторах, покрытых сочной растительностью. Западный ветер пел ей песни о древней родине.

Порою ей снилось, что в каюте, поигрывая хвостом, сидит громадный пыльно-серый кот. В другом сне она видела белого, ехидно скалящегося волка. Появлялся и золотистый горный лев с удивительно спокойными глазами.

Манона думала, что кто-то из них перекусит ей глотку. Она даже хотела этого. Но звери лишь наблюдали за нею.

А Манона Черноклювая спала и продолжала видеть свои странные сны.

Глава 43

Спустя три дня после нападения илков Лоркан продолжал удивляться себе. Тот городишко остался далеко позади, но страх, повисший над трупной лицеведе, не исчезал. Он висел невидимым, но вполне осязаемым покрывалом, сопровождаая повозки.

Свидетелями побоища были только Нирк и Омбриела. Остальные или не особо раздумывали над случившимся, или просто не понимали, как уцелели. Илки – не свора бешеных псов. Смертным было почти невозможно убить даже одного, не говоря уже о четырех. Нирк и Омбриела старались не попадаться на глаза Лоркану и Элиде. Только вечером, у костра, Лоркан ловил на себе их настороженные взгляды. Они все еще пытались понять, кто же он такой.

Элида тоже сторонилась Лоркана. Все эти ночи шатров не ставили, да и время ночлега было короче обычного. Видимо, стремились уехать как можно дальше от места нападения. К исходу четвертого дня на их пути встретился другой городишко. Мулли объявила, что ночь они проведут на постоялом дворе. Лоркану и Элиде она наняла отдельную комнату, не преминув сообщить о дополнительных расходах.

Лоркан исподволь наблюдал за Элидой. Она глазела на заурядный городишко, замечая каждую мелочь. Что-то вызывало у нее любопытство, что-то смущало и настораживало.

Лоркан окутал магией ее увечную ногу, сделав хромоту почти незаметной. Элида по этому поводу ничего не сказала. Порою его темная, жесткая магия натывалась на ее тайну – подарок умирающей женщины, предназначенный горячей, необузданной Селене Сардотин. Натывалась и... была вынуждена отступить.

Лоркан больше не приставал к Элиде с расспросами, однако сам немало раздумывал над моратским подарком. Он знал о других «подарках» Мората: черных каменных кольцах и каменных ошейниках. Похоже, это только начало.

Рован и сука-королева даже понятия не имели об илках и о прочих моратских ужасах, о которых ему рассказала Элида. Интересно, подействовала бы на этих тварей стена магического огня? Есть ли у них защита против арсенала Аэлины Галатинии? Если Эраван умен и предусмотрителен, он учел и это.

Постоялый двор был больше похож на обветшалый сарай. Пока лицедеи устраивались и гадали, чем можно закусить в таверне, Элида сказала Мулли, что пойдет прогуляться вдоль реки. Желудок Лоркана урчал от голода, но он двинулся следом. Так и полагалось вести себя мужу, оберегающему свою красивую жену в незнакомом месте.

Городишко этот знавал лучшие времена. Но потом Адарланская империя начала лихорадочно строить дороги, пересекающие континент, и город оказался вдали от новых путей.

Меж тем на горизонте уже сверкали молнии и грохотал гром. Гроза стремительно приближалась. Золотистый предзакатный свет сменился серебристым, а влажная духота – желанной прохладой.

– Скоро начнется ливень, – сказал Лоркан, нагнав Элиду.

– Я не впервые вижу грозу, – равнодушно ответила она, едва взглянув на «мужа».

Городишко был каменным, выстроенным на старинный манер – с общей городской стеной. Но стоял он на обоих берегах неширокой реки, название которой ничего не говорило Лоркану. На каждом берегу сохранились ворота. От проплывающих по реке взимали плату за вход в город и провоз товаров. Возможно, когда-то река была поглубже. Ноздри Лоркана уловили запах стоячей воды, рыбы и гнилого дерева раньше, чем он увидел сонную мутную реку. Возле речных причалов Элида остановилась.

– Что ты высматриваешь? – спросил Лоркан.

Небо быстро темнело. Грузчики, матросы и торговцы – словом, все, кто был на причалах, следили за быстро несущимися грозовыми облаками. Кто-то спешил понадежнее привязать длинные плоскодонные барки и закрепить гладкие шести, с помощью которых плавали по этой реке. Лоркану вспомнилось королевство, где он был лет триста назад. Там дорогами служили многочисленные реки, по которым ходили похожие барки. На них перевозили товары и людей. Название королевства затерялось в катакомбах его памяти. Другой континент, очень далеко отсюда. Живо ли еще то королевство, зажатое между двумя горными цепями?

Элида заприметила нескольких хорошо одетых людей, направлявшихся в прибрежную таверну.

– Непогода заставляет искать укрытие, – тихо сказала она, будто рассуждая вслух. – А что делать нашедшим укрытие? Пить, есть и, конечно же,

болтать. Из разговоров матросов и торговцев можно узнать новости из других мест... Так что грозы бывают очень полезными, – заключила она, насмешливо поглядев на Лоркана.

Элида направилась к таверне. Лоркан оторопело смотрел ей вслед. В это время на замшелые булыжники мостовой упали первые тяжелые капли дождя.

Лоркан поспешил следом. Он не переставал удивляться этой девчонке. За пятьсот лет своей бурной жизни, где было всякое, он всегда и на всех производил какое-то впечатление. Элида оказалась первой, кто не испытывал ни восхищения, ни страха. Даже эта чертова Аэлина ощущала угрозу, исходившую от него. Быть может, жизнь среди чудовищ подавила в ней здоровое чувство страха. И как только Элида сама не стала таким же чудовищем?

Лоркан привычно оценил обстановку. Ничего примечательного. Задрипанная таверна, в зале пахнет немытыми телами, мочой, плесенью и мокрой древесиной. Даже проливной дождь был лучше этого густого зловония. Но Элида уже уселась вблизи торговцев, которых «пасла» с самого причала. Заказала две кружки эля и что-то из еды.

Лоркан опустился на соседний расшатанный стул. Тот жалобно заскрипел, угрожая рухнуть. Очередные раскаты грома заглушили все звуки. Посетители повернулись к окнам, выходящим на набережную. Ветер раскачивал барки и лодки, а сверху по ним хлестали упругие струи дождя.

Принесли еду. Подавальщик почти швырнул щербатые миски на стол, выплеснув лужицы коричневой вязкой подливки. Элида даже не взглянула на это варево. Следом в той же манере на столе появились две кружки с элем. Подавальщик явно не рассчитывал на чаевые. Элида тем временем внимательно рассматривала посетителей.

– Пей, – велела она Лоркану.

Он хотел было огрызнуться и потребовать, чтобы она им не командовала, но... ему нравилось следить за действиями этой пигалицы. Как деловито она оглядывала зал, полный незнакомых людей, и выбирала себе добычу. Именно добычу, поскольку Элида занималась охотой на самый лучший и безопасный источник сведений. Она искала того, кто не донесет городскому гарнизону, все еще находившемуся под властью Адарлана, что некая молодая темноволосая особа расспрашивала о вражеских силах.

И потому Лоркан потягивал эль и наблюдал за Элидой, а она наблюдала за собравшимися. Бледное, внешне такое невинное личико производило обманчивое впечатление. В голове этой особы всюду крутились мысли. Ее мозг перебирал замыслы, выискивая лучший. С розовых губок были готовы слететь слова хитро сплетенной лжи. Лоркан вдруг подумал, что такая ушлая девчонка могла бы пригодиться Маэве. Не иначе как сама Аннеит научила Элиду наблюдать, прислушиваться и врать.

Представив Элиду в руках Маэвы, Лоркан ужаснулся. Тогда хромая девчонка стала бы настоящим чудовищем. Маэва сделала бы ее своей шпионкой. Пожалуй, это даже хорошо, что Элида – из смертных. Ее жизнь слишком

коротка, и Маэва попросту не стала бы тратить силы. А так... его королева могла бы приобрести необычайно коварную и опасную шпионку.

Эти мысли настолько завладели Лорканом, что он перестал следить за Элидой. А она, небрежно развалясь на стуле, вклинилась в разговор за соседним столом.

- Что значит «Рафтхола больше нет»? - спросила она.

Лоркан встрепенулся. Потом напомнил себе: всем этим новостям - почти месяц.

Женщина лет тридцати, сидевшая ближе всех к Элиде, смерила взглядом ее, затем Лоркана и лишь после этого ответила:

- Прежнего Рафтхола... его действительно больше нет. Город сильно разрушен. Им сейчас управляют ведьмы, подчиняющиеся герцогу Перангтону. Дорин Хавильяр смещен.

Элида - эта хитроумная маленькая врунья - изобразила глубокое потрясение:

- Мы несколько недель провели в глуши и ничего не знали. Неужто Дорин Хавильяр мертв?

Последнюю фразу она произнесла почти шепотом, будто ужас повлиял на ее голос. Еще один трюк: она просто не хотела, чтобы вопрос слышали за другими столами.

Элиде ответил бородатый мужчина лет пятидесяти:

- Его тело не нашли, но если герцог объявил о смещении Дорина с королевского трона, значит он жив. Мертвецов с трона не смещают.

Следующий вопрос Элиды был почти не слышен из-за новых раскатов грома:

- Быть может, он отправился на север? К... ней?

Люди за соседним столом прекрасно понимали, о ком спрашивала Элида. «Так вот почему ее потянуло сюда», - подумал Лоркан.

Девчонка готовилась расстаться с трупной. Возможно, завтра, после представления. Найдет судно, которое плывет на север, попросится на борт. Что ж, пора. Она на север, а он - на юг. В Морат.

За столом переглядывались, поглядывая на любопытную молодую женщину и ее спутника. Лоркан пытался улыбаться, стараясь выглядеть вполне дружелюбным. Правда, никто не улыбнулся ему в ответ, но разговор продолжился.

- Она сейчас не на севере, - сказал Элиде бородатый.

Теперь Элида замерла по-настоящему.

- Она была на севере. Вроде бы в Илиуме, где у нее произошла изрядная стычка с солдатами. А на прошлой неделе она вроде бы находилась уже в Бухте Черепов, где тоже устроила ад крошечный. Хочешь знать, куда она теперь держит путь? Кто говорит - на Вендалин, кто - к берегам Эйлуэ. Некоторые считают, что она вообще сбежала на другой край света. Но на севере ее сейчас нет и в ближайшее время не будет. Мое мнение такое: негоже оставлять родные края незащищенными. Только что с нее возьмешь? Двадцать лет. Девчонка еще. Откуда ей знать, как ведутся войны?

Лоркан очень сомневался, что эта сука принимала решение единолично. Наверняка советовалась с Рованом и с сыном Гареля. Но Элиду услышанное насторожило и даже испугало.

- Зачем вообще было покидать Террасен? - спросила она.

- Кто знает? - вздохнула женщина. - У королевы странная привычка: появляться там, где ее меньше всего ждут, устраивать хаос и снова исчезать. Мы уже ставки делаем насчет того, в каком месте она теперь объявится. Я говорю, где-нибудь в Эйлуэ. Например, в Банджали. А вот Фросс считает, что в вендалинском Варесе.

- Почему в Эйлуэ? - не унималась Элида.

- Кто знает? - повторила женщина. - Вроде умом не обижена, а трезвонит о своих замыслах как дура.

Женщина выразительно посмотрела на Элиду. «Хватит с меня твоих вопросов, красавица», - говорил ее взгляд.

Элида принялась за еду и эль. Дождь не унимался. Гроза продолжалась, и всплески грома почти через равные промежутки заглушали все разговоры в таверне.

Она молча выпила всю кружку. Убедившись, что за соседним столом уже забыли про нее, встала и пошла к выходу.

Элида зашла еще в две городские таверны, где следовала той же линии поведения. Услышанное несколько отличалось в мелочах, но все сходилось во мнении, что Аэлина куда-то отправилась. Может, на юг. Или на восток. Никто не знал, где ожидать ее появления.

Элида покинула третью таверну. Лоркан шел следом. За все это время они не сказали ни слова. Он думал о том, каково будет вдруг снова оказаться в пути одному. Расстаться с этой девчонкой... и больше никогда ее не видеть.

- А я-то собиралась на север, - растерянно произнесла Элида, смахивая с волос дождевые капли.

Лоркану вдруг не захотелось ни подтверждать, ни оспаривать ее решение. Словно последний дурак, он мог ей сказать, чтобы продолжала двигаться в выбранном направлении.

Очередная вспышка молнии осветила мокрые скулы Элиды.

- Куда мне теперь идти? Где я ее найду?

- Что ты усвоила из всех этих слухов? - спросил Лоркан.

Сам он обдумывал каждую крупницу услышанного, но хотел проверить сметливость Элиды. И еще ему хотелось узнать, где, по ее мнению, их пути разойдутся.

- Я почему-то думаю, что Аэлина отправилась в Банджали.

Лоркан старался не выказывать своего облегчения. Он пришел к такому же выводу, поскольку Рован отправился бы именно туда. Лоркан это знал наверняка, ибо не один десяток лет обучал фэйского принца.

- А это... далеко? - почесывая мокрую щеку, спросила Элида.

- Далеко.

Она опустила руки. Лицо ее стало совсем бледным.

- Как же я туда доберусь? Как...

Элида вздохнула.

«Ты еще зареви», - хмуро подумал Лоркан.

- Могу достать тебе карту.

Лоркан предложил это лишь затем, чтобы узнать, попросит ли она его остаться.

Элида покачала головой. С темных волос полетели брызги.

- Бесполезно.

- Почему же? Карты всегда полезны.

- Наверное, когда... умеешь читать.

Лоркан удивленно заморгал. Он не ослышался? Но бледные щеки Элиды вдруг покраснели. Она опустила глаза, словно только что призналась в чем-то очень постыдном.

- Неужели ты... - начал Лоркан и замолчал.

За все недели, проведенные вместе, ему и в голову не приходило, что Элида неграмотна. А у нее не было подходящего случая в этом признаться.

- Я только-только учила буквы, когда... все случилось. Потом меня посадили в башню. Нянька была неграмотной. Никто меня не учил. Постепенно я забыла и то, что знала.

Интересно, а он бы догадался об этом, если бы Элида ему не сказала?

- Но ты сумела выжить в таких условиях, в которых немало грамотеев загнулись бы в первый же месяц.

Он не особо задумывался над сказанным, однако для Элиды это были именно те слова, какие она хотела от него услышать.

- Сумела, - подтвердила она и слегка улыбнулась.

Магия Лоркана учуяла солдат местного гарнизона раньше, чем он их услышал или поймал запах. Магические струйки скользнули по старым, полужаржавленным мечам, выявили нарастающий страх, потом возбуждение и даже некоторую примесь кровожадности.

Плохо дело. Солдатики ведь направлялись напрямиком к ним.

- Похоже, наши друзья-лицедеи решили подзаработать на нас иным способом.
- Лоркан придвинулся к Элиде вплотную.

Недавнее отчаяние и беспомощность на ее лице сменились обостренным вниманием.

- Сюда идут солдаты? - догадалась она.

Лоркан кивнул. Его острый фэйский слух уже различал шаги. Лоркан мог прикинуть, сколько солдат отрядили для их поимки. Казармы гарнизона находились в центре города. Скорее всего, их с Элидой собирались загнать в ловушку, зажав между рекой и цепью солдат. В городе было два моста через реку. Лоркан мог побиться об заклад, что на каждом из них уже полно солдат.

- Выбирай, - сказал он Элиде. - Я могу разобраться с этими молодцами здесь, а потом мы вернемся на постоянный двор и спросим, сколько Нирк и Омбриела хотели заработать на нас...

Элида поджала губы. Лоркан уже знал, каким будет ее ответ.

- Или мы проберемся на какую-нибудь баржу и покинем этот проклятый город.

- Я выбираю второе, - тихо ответила она.

- Отлично.

Схватив Элиду за руку, Лоркан потащил ее к реке. Но даже его магия не позволяла ей идти быстро.

- Ну помоги же мне! - потребовала она.

Лоркан усадил ее к себе на плечо и побежал дальше, на бегу доставая топор.

Элида раскачивалась на широком плече Лоркана. Она постоянно оглядывалась и, вытянув шею, осматривала улицу. Ни одного солдата. Однако... голосок,

часто нашептывавший ей подсказки, буквально умолял как можно быстрее покинуть этот город.

– Ворота на выходе из города, – выдохнула она, подскакивая на жестком плече. – Там тоже будут солдаты.

– Их оставь мне.

Элида старалась не задумываться, как это может выглядеть. Лоркан был уже на пристани. Быстро сбежав по ступенькам, он оказался на одном из длинных дощатых причалов. Барка, выбранная им, была меньше остальных и имела всего одну каюту – посередине, выкрашенную в ярко-зеленый цвет. Барка пустовала, если не считать нескольких ящиков с грузом на носу.

Топор Лоркан спрятал, потом снял Элиду с плеча, перенес через высокую кромку барки и поставил на палубу. Барку раскачивало, и Элиде стоило немалых усилий удержаться на ногах. И вдруг...

Лоркан в этот раз учуял опасность раньше. Он повернулся к необычайно тощему человеку, невесть откуда выскочившему на него с ножом.

– Это мое судно, – срывающимся голосом заявил человек.

Но очень скоро он понял, с противником какого роста и силы ему предстоит сражаться. Топор и меч в мускулистых руках Лоркана не шли ни в какое сравнение с жалким ножом. Человек явно почувствовал витающую над ним смерть.

– Теперь это наше судно, – объявил Лоркан.

Человек смотрел то на него, то на Элиду:

– Вам все равно не пройти под мостами. И из восточных ворот не выбраться.

Еще минута-другая, и солдаты будут здесь.

– Забирайся на барку, – скомандовал Лоркан. – Живо.

Бывший владелец барки попятился к сходням.

Элида уперлась в широкую кромку, служившую перилами, и с удивительным спокойствием сказала:

– Он убьет тебя раньше, чем ты выберешься на причал. Вывези нас из города, и ни один волос не упадет с твоей головы. Обещаю.

– Знаю я вас. Выплывете за пределы города, а там – чик мне по горлу, – возразил бывший владелец, глотая воздух.

Лоркан нетерпеливо поигрывал топором. Элида опасалась, что он порешит тощего, который для него был не более чем досадной помехой.

– Нас ты не знаешь, – сказала она тощему. – И мы не головорезы.

Лоркан недовольно засопел. Бывший владелец барки опустил нож, потом и вовсе убрал в ножны.

- За городом река делает изгиб. Высадите меня там.

Этого Элиде было достаточно. Прежний владелец барки проворно отвязал канаты и легко прыгнул на палубу, как делал это всегда. Взяв по шесту, они с Лорканом стали выталкивать барку на середину реки. Затем фэйский воин бросил шест на палубу и угрожающе прошипел:

- Учти: если выдашь нас, лишишься головы раньше, чем здесь окажется первый солдат.

Тощий молча кивал, направляя барку к восточным воротам. Лоркан повел Элиду в каюту.

Все четыре стены каюты имели окна. Внутри было довольно чисто - наверное, владелец берег свое судно. Посредине стоял стол, накрытый широкой вышитой скатертью. Лоркан почти что запихнул Элиду под стол и сдвинул скатерть на край, целиком закрыв «жену» от чужих глаз. Сам он тоже спрятался, но так, чтобы ему был виден тощий с шестом. Дождь барабанил по плоской крыше. Мерно поскрипывал шест, иногда ударяясь о борт.

От скрюченной позы и полной неподвижности у Элиды болело все тело. Неужели ей так и придется постоянно убегать и прятаться? Поиски Аэлины оказались гораздо труднее, чем она себе представляла... Найдет ли она когда-нибудь свою королеву? Можно было бы никого не слушать и продолжить путь в Террасен, но Элида не знала, кто сейчас правит в Оринфе. Если Аэлина не сумела вернуть трон... Возможно, люди в первой таверне старались ее предупредить, не говоря прямо, а намекая: «В Террасене сейчас не лучшие времена, и тебе там нечего делать».

А отправиться в Эйлуэ, приняв чьи-то предположения за истину?.. Элида перебрала в памяти все разговоры, услышанные за последние два часа. Доводы той женщины казались ей самыми убедительными.

Континент жил в каком-то напряжении, подернутом невидимой рябью страха.

Снова послышался голос владельца барки. Его сменил металлический скрежет. Восточные ворота.

Элида не отваживалась вылезти без разрешения Лоркана. За время странствия с трупой она ни с кем не сдружилась. Но ей казалось, что к ней и Лоркану относятся вполне терпимо. И вдруг - такое предательство. Элида не сомневалась, что это Нирк и Омбриела донесли на них гарнизону. Быстро же они забыли, как Лоркан спас всю трупку от нападения илков. А может, это и послужило причиной? Испугались, что илки могут напасть снова. Но что, если и без илков Мулли с самого начала раскусила их вранье и просто выжидала удобного момента? Вознаграждение было слишком щедрым, а их с Лорканом присутствие в трупке становилось все опаснее. Вот Мулли и дала добро своей племяннице и Нирку, и те их продали.

Элида шумно вздохнула. Через несколько секунд послышался громкий плеск, однако барка продолжала плыть.

Ей было немного жаль мешковатой одежды, оставленной на постоялом дворе. Главное, камень при ней. Потертые кожаные доспехи не годились для сильной жары. А в Эйлуэ, наверное, еще жарче.

Скрипнула дверь каюты. Вошел Лоркан:

- Вылезай.

Элида не слышала, как он выходил.

Она выползла из-под стола, морщась от боли в увечной ноге.

- Все спокойно? - спросила она.

Лоркан молча кивнул. Он был мокрый от дождя или от речной воды. Элида вытянула шею, ища глазами прежнего владельца барки. Того не было ни на корме, ни на носу.

- Я не стал приставать к берегу, - пояснил Лоркан. - Ничего, вплавь доберется.

Элида сжалась:

- А вдруг он побежит в город и расскажет про нас? Солдаты быстро нас догонят.

- Если догонят, тогда и разбираться будем, - угрюмо произнес Лоркан и отвернулся.

Он слишком быстро отвернулся, слишком быстро отвел глаза.

Элида присмотрелась к рукам Лоркана. Такое ощущение, что он их наспех отмывал. А лезвие топора лишь слегка ополоснул.

- Ты, никак, убил этого человека?

Вот что означал недавний плеск! Лоркан сбросил мертвое тело в воду.

Лоркан остановился. Обернулся. В его темных глазах не было ничего человеческого.

- Если хочешь уцелеть, придется научиться делать то, что необходимо.

- У него осталась семья.

Правда, она не видела у него обручального кольца, но это ничего не значило. Если не жена и дети, то престарелые родители, младшие братья и сестры.

- Нирк и Омбриела не терзались угрызениями совести, когда доносили на нас команду гарнизона.

Лоркан вышел на палубу. Элида двинулась следом. По берегам густо росли деревья, ограждая реку живым щитом.

На палубных досках темнело большое пятно. Элиде показалось, что оно мерцает в сумраке.

- Ты рассчитывал, что я поверю твоему вранью, - сердито заговорила она. - А как ты объяснишь вот это?

Лоркан лишь пожал плечами. Барку сносило к песчаному берегу. Лоркан перескочил к другому борту, схватил шест и оттолкнулся. Он убил человека, словно докучливого комара.

- Я же пообещала ему, что мы его отпустим.

- А я ему ничего не обещал. Советую впредь давать обещания только от своего имени.

Пальцы Элиды сжались в кулаки. В довершение ко всему, камень у нее во внутреннем кармане ожил и зашевелился.

Лоркан замер. Его руки впились в шест.

- Что это у тебя? - угрожающе тихим голосом спросил он.

Элида молчала. Черта с два она ему уступит. Черта с два позволит пугать себя и командовать собой. Скрываться от опасностей еще не значит убивать всех, кто окажется на пути.

- Я спрашиваю: что это у тебя?

Элида отказывалась говорить и даже прикасаться к камню. Он гудел и ворчал, словно зверь, приоткрывший глаз. Но она не решалась протянуть к нему руку. Камень ожил, однако Элида упорно не желала признавать очевидное.

У Лоркана слегка округлились глаза. Он положил шест и направился в каюту. Элида схватилась за кромку, не зная, пойти за ним или прыгнуть в воду и плыть к берегу.

В каюте Лоркан пытался открыть какую-то металлическую коробку, которая поддавалась с трудом. А затем...

От его гневного рева задрожали барка, река, деревья. Испуганно вспархивали длинноногие речные птицы. Потом он распахнул дверь, едва не сорвав ее с петель, и швырнул в воду куски сломанного амулета. Точнее, попытался. Бросок был настолько сильным, что обломки достигли берега и ударились в дерево, содрав большой кусок коры.

Лоркан был сильно взбешен. Таким Элида его еще не видела. Лицо превратилось в сплошную гримасу злости. Схватив шест (вероятно, чтобы не дать рукам задушить Элиду), он приблизился к ней и спросил:

- Что за вещь ты носишь с собой?

Вся его злость, требовательный тон и презрительное отношение произвели обратное действие. Элида не сжалась от страха. Ярость, охватившая ее, была холодной. Таким же холодным и ядовитым был ее вопрос:

- Почему бы тебе не перерезать мне горло и не посмотреть?

Ноздри Лоркана раздулись.

- Я не требую, чтобы ты мне верила. Но от этого поганого лодочника так и разило намерением предать нас при первой же возможности. Я это учуял еще на причале. Ты верно угадала: он бы опрометью бросился в город.

- Зачем ты мне это говоришь?

- Если тебя так взбудоражило, что я убил этого вонючего предателя, не представляю, как ты сумеешь полюбить свою королеву.

Элида растерялась. Как это понимать? Лоркан намекал, что Аэлина – еще большее чудовище, чем он?

- Ты про что говоришь? – не выдержала Элида.

Приступ его гнева ослаб, или же Лоркан посадил свою злость на цепь.

- Я тебе кое-что расскажу... Селена Сардотин – двадцатилетняя женщина, именующая себя самым лучшим в мире ассасином.

Лоркан презрительно фыркнул:

- Она убивала, наслаждалась своим ремеслом и двигалась по жизни, не испытывая ни раскаяний, ни угрызений совести. Она купалась в своей славе. А ранней весной ее неизвестно каким ветром занесло к нам на Вендалин. Одному из моих подчиненных – принцу Ровану из клана Боярышников – было приказано разобраться с нею. Но вместо этого Рован в нее влюбился, а она – в него. И после всего, чем они занимались в Камбрианских горах, она перестала называть себя Селеной, вернув прежнее имя.

Он хищно улыбнулся:

- Она вновь стала Аэлиной Галатинией.

Элида обмерла.

- Что? – только и могла произнести она.

- А то, что твоя огнедышащая королева одновременно является и непревзойденной убийцей. Ее этому начали обучать вскоре после того, как твоя мать погибла, защищая вашу королеву. Аэлину... или Селену... обучали тому же отвратительному ремеслу, каким владели убийца твоей матери и убийцы вашей королевской семьи.

Элида замотала головой. У нее тряслись руки.

- Что? - снова спросила она.

Лоркан невесело рассмеялся:

- А то, госпожа Лошэн, что, пока ты десять лет томилась в башне, она жила в Рафтхоле, не отказывая себе ни в чем. Ее хозяин - предводитель ассасинов - баловал ее и буквально пылинки с нее сдувал. Нынешней весной, ближе к лету, она хладнокровно его убила. Можешь мне не верить. Ты и сама убедишься, что эта спасительница мира, вдруг объявившаяся после долгого отсутствия, немногим лучше меня. И этого лодочника она бы тоже убила, не задумываясь, а твой жалостливый скулеж оборвала бы звонкой пощечиной.

Аэлина... ассасин. Аэлине она должна передать камень...

- Ты знал, - сказала Элида, не узнавая своего голоса. - За все время, что мы вместе, ты мне не сказал правду. Вместо этого ты врал, что Селена служит у Аэлины.

- Ошибаешься. Я сказал тебе правду. Селена действительно служит у Аэлины, поскольку и потом твоя королева не раз превращалась в Селену. Это ее вторая личность. Так что найдя одну, найдешь и вторую.

- Почему ты не сказал мне правду без всяких уверток?

- Ты ведь тоже не раскрыла всех своих тайн. Зачем же мне было раскрывать свои?

Элида зажмурилась. Ей не хотелось видеть темное пятно на палубе. Она пыталась унять жгучую боль от слов Лоркана и закрыть дыру, которая разверзалась у нее под ногами. Что же было в сломанном амулете? Что привело Лоркана в такое бешенство?

- Твоя дражайшая королева - убийца, воровка и врунья, - усмехнулся Лоркан. - И если ты намерена обвинять меня в подобных вещах, не забудь швырнуть обвинения и в нее.

Элиде казалось, что она вот-вот лопнет от гнева. Ее кости были слишком хрупкими, чтобы выдержать такой напор чувств. Она подыскивала слова, собираясь побольнее ударить ими Лоркана и даже ранить его. Каждое слово представлялось ей камнем, брошенным ему в голову.

- Я ошибалась, - прошипела она. - Я говорила, что мы с тобой похожи: ни семьи, ни друзей. У меня их нет, потому что меня десять лет томили взаперти. У тебя - по другой причине: никто не выдержит рядом с тобой.

Словесные удары достигли цели. Глаза Лоркана подернулись гневом. И пусть он был почти вдвое выше ее и бесконечно сильнее, Элида стояла, дерзко задрал голову.

- А знаешь, Лоркан, какая самая большая ложь, которую ты внушаешь другим? Ты утверждаешь, что тебе нравится так жить. Хочешь знать, что я слышу, когда ты говоришь гадости о моей королеве, называя ее сукой? Я слышу слова одинокого, жалкого завистника. Ты видел, как Аэлина и принц Рован

полюбили друг друга, и стал презрительно осмеивать их счастье, поскольку глубоко несчастен сам.

Элиде было не остановиться. Гневные слова сами вылетали из нее:

– Можешь называть Аэлину убийцей, воровкой и врунней. Можешь называть ее сукой-королевой и огнедышащей. Но я составлю о ней собственное мнение, когда мы встретимся. Не обессудь, если оно значительно разойдется с твоим. А я обязательно с нею встречу.

Кивком головы Элида указала на серые глинистые воды реки:

– Я отправляюсь в Эйлуэ. Высади меня на берег. Я хочу отмыться от тебя, и поскорее... как ты отмывался от крови убитого лодочника.

Лоркан смотрел на нее, оскалив зубы. Клыки у него были длиннее, чем у людей. Однако Элиду сейчас не волновало ни его фэйское наследие, ни солидный возраст, ни даже его способность убивать.

Лоркан снова взялся за шест, но приставать к берегу не собирался. Наоборот, он выталкивал барку на середину реки.

– Ты слышал, что я сказала? Высади меня на берег.

– Нет.

Злость Элиды превосходила всякий здравый смысл. Любые предостережения Аннеит оказались бы сейчас бесполезны.

– Как это «нет»? – спросила она, стремительно подойдя к Лоркану.

Не вынимая шеста из воды, Лоркан повернулся к Элиде. Его лицо было совершенно бесстрастным. Недавний гнев бесследно исчез.

– Мы сейчас плывем на юг. Сразу за городом река сделала поворот. В каюте нашлась карта. Я проверял. Будем плыть, пока нам с рекой по пути, а дальше найдем кратчайшую дорогу до Банджали.

Элида вытерла мокрое лицо. Лоркан наклонился к ней:

– Я очень рассчитывал, что больше не увижусь с Аэлиной Галатинией. Но оказывается, и у меня к ней есть дело. Так что поздравляю, госпожа Лошэн. У тебя есть провожатый до самого Эйлуэ.

Его глаза холодно светились. Элида не понимала, о чем он говорит. Потом Лоркан наклонился к ней. Их глаза встретились. Элида замерла, хотя и сейчас не испытывала страха.

– И пока мы туда добираемся, для всех ты по-прежнему остаешься моей женою.

Элида не стала возражать. Она ушла в каюту и захлопнула дверь так, что во всех окошках задрожали стекла.

Грозовые тучи рассеялись. Открылось звездное небо. Яркая луна помогала Лоркану плыть по узкой сонной реке.

Час за часом он неумолимо орудовал шестом, удерживая барку на середине реки. Он думал о том, как втайне от Элиды и Рована убьет Аэлину Галатинию, затем разрежет на мелкие кусочки и скормит воронью.

Она ему наврала. Они с Рованом обманули его, вручив «амулет», в котором якобы был Ключ Вэрда.

Внутри оказался не ключ, а черное кольцо из Камня Вэрда, завернутое в кусочек пергамента. На пергаменте размашистым женским почерком было написано:

Когда ты развернешь этот пергамент, надеюсь, у тебя найдутся более красочные слова, чем «сука».

Со всей моей любовью,

А. А.-Г.

Он бы еще тогда убил ее. Медленно. Красочно. И ведь она заставила поклясться на крови, что кольцо Мэлы дает защиту от валгских демонов. А у него даже мысли не возникло проверить внутренность красивой безделушки. Поверил, что там действительно лежит Ключ Вэрда.

Тогда какую же штучку несет Элида и почему от этого «подарка» шли странные волны? Не всё сразу. Эти мысли он оставит на потом. У него еще будет время решить, как поступить с госпожой Лошэн.

Хорошо еще, что он сумел вернуть кольцо Мэлы. А настоящий Ключ остался у этой суки. А поскольку Элиде обязательно нужно добраться до Аэлины.. Что ж, он устроит им встречу.

И перед своей кончиной королева Террасена еще поползает перед ним.

Глава 44

Мир начинался огнем и им же заканчивался.

Целое море огня, где не было места ни воздуху, ни звукам. Только потоки расплавленной земли. Истинное сердце огня – орудия созидания и разрушения. И она тонула в этом море.

Она не ощущала собственного веса. Ее кружило, швыряло из стороны в сторону. Она пыталась достичь дна или выбраться на поверхность, но ни дна, ни поверхности не было.

Огонь наполнял ей горло, проникал внутрь, расплавляя все, из чего она состояла. Она беззвучно закричала, умоляя пламя остановиться.

– Аэлина!

Имя прогремело в самой сердцевине пламени, сокрытой в самом сердце мира. Имя было маяком, призывом. Она родилась и долго ждала, чтобы услышать этот голос. Она вслепую искала его всю жизнь и была готова идти на зов до самого конца.

– Аэлина!

Она свесилась с кровати. Огонь пылал у нее во рту, в горле, в глазах. Настоящий огонь.

В мерцающие красные пятна стали вплетаться золотистые и голубые нити. Настоящий огонь успел сжечь постельное белье и частично опалить кровать. Но какхта и корабль, находящийся в открытом море, не пострадали. Их уберегла прочная, неподвластная разрушению стена воздуха.

Руки, покрытые льдом, стиснули ее плечи. За танцующими языками пламени она увидела сердитое лицо Рована. Он требовал, чтобы она дышала.

Она вдохнула, но вместо воздуха в горло снова попало пламя.

Не было таких вожжей и цепей, позволяющих обуздать ее магию. Боги милосердные, она обжигалась и даже не чувствовала боли. Не было ничего, кроме пламени.

Рован обхватил ее лицо. Там, где лед соприкасался с огнем, поднимались струи шипящего пара.

– Ты – Повелительница огня. Ты им управляешь. А страх позволяет ему взять верх над тобой.

Аэлина еще больше изогнулась, почти падая с кровати. Она была совсем голой. Одежду на себе она попросту сожгла, в том числе и любимую рубашку Рована. Ее пламя не уменьшилось, а вспыхнуло еще сильнее.

Рован схватил ее за руку, заставив смотреть в глаза.

– Я тебя вижу. Вижу каждый уголок твоего тела. И не боюсь! – не произнес, а прорычал он.

«Я не буду бояться».

Черта, проведенная посреди ярко пылающего огня.

«Меня зовут Аэлина Галатиния... И я не буду бояться».

И вдруг, неведомо откуда, у нее в руке появились поводья для обуздания магии.

Внутрь хлынула темнота, спокойная и желанная. Темнота гасила очаг яростного пламени.

- Рован, - прошептала Аэлина, пытаясь сглотнуть.

Его глаза с почти звериным блеском внимательно оглядывали ее с головы до пят.

Он дышал шумно и сбивчиво, как дышат пережившие сильный страх.

- Рован, - повторила она.

Он не шевелился, а продолжал осматривать ее тело, ища следы ожогов. От этого Аэлине тоже стало страшно.

Она схватила Рована за плечо, впилась ногтями, ощущая его переполненность злой, жесткой силой. Он будто отпустил свои поводья, предчувствуя, что ему придется вести сражение за ее тело, за то, чтобы этом теле осталась она, а не какая-то богиня или хуже того.

- Рован, успокойся.

Никакого внимания. Аэлина убрала с лица его руки, затем наклонилась, сбросив на пол обгоревшие лоскуты простыней.

- Я прекрасно себя чувствую, - сказала она, тщательно выговаривая каждое слово. - Спасибо тебе за это. А теперь принеси мне воды. Ужасно хочется пить.

Простое и такое понятное распоряжение. Когда-то он сам ей говорил, что фэйские мужчины любят ощущать свою нужность. В них есть что-то от заботливых нянек, готовых хлопотать и улаживать своих чад. Вот и пускай хлопочет вокруг нее. Заодно вернется к привычному хладнокровию и рассудительности.

Однако лицо Рована и сейчас было искажено звериным гневом, сквозь который проглядывал страх за нее.

Тогда Аэлина наклонилась и слегка укусила его за подбородок:

- Если не начнешь вести себя как принц, можешь спать на полу.

Рован отпрянул. Не сразу, но его лицо приобрело знакомое ей выражение. Свиристость исчезала. Он и сейчас еще был зол и готов расправиться с невидимыми угрозами, что совсем недавно витали над Аэлиной. Потом, внутренне себя взнуздав, он тоже слегка укусил ее за подбородок и сказал на ухо:

- Я заставлю тебя, принцесса, пожалеть о твоих угрозах.

Аэлина почти дрожала, но все же сумела улыбнуться. Рован встал. Все его мускулы были напряжены, что не мешало ему с кошачьим изяществом подойти к столику, где стоял кувшин.

У Рована еще хватило наглости оглянуться и наградить ее довольной мужской улыбкой. Кружку он наполнил почти до края, не пролив ни капли.

Кувшин вернулся на место. Аэлине захотелось послать язычок пламени и подпалить Ровану голую задницу за этот спектакль с наливанием воды. Но он уже шел обратно, не сводя с нее глаз и ухитряясь не давать воде вылиться.

Аэлина поднялась и потянулась к кружке. Удивительно, но колени у нее не дрожали.

За бортом плескались волны. Скрипели снасти.

– Что это было? – тихо спросила она.

Рован сощурился:

– Я... начал терять самообладание.

– Почему?

Он смотрел не на Аэлину, а на морскую гладь, по которой был разлит лунный свет.

– Я все-таки хочу знать.

Рован заставил себя повернуться к ней:

– Я боялся... вдруг она снова тебя заберет.

То, что Ключ Вэрда лежал на столике, а не висел на шее Аэлины, значения не имело.

– Даже когда я понял, что это всего лишь сила твоей магии... Но и она тебя забирала. Прежде я не знал, как тебя вернуть. Те времена давно прошли.

Рован оскалил зубы, шумно вздохнул. Его гнев теперь был направлен внутрь.

– Раньше чем ты назовешь меня фэйским придурком с обостренным чувством собственности, хочу извиниться перед тобой и сказать, что мне было очень трудно удержаться.

– Рован.

Он замер. Аэлина подошла к нему вплотную. Каждый шаг казался ей ответом на вопрос, который она задавала с давних, очень давних пор.

– Ты ведь не человек. Я и не жду, что ты изменишься.

Эти слова заставили его отпрянуть. Но Аэлина приложила ладонь к его груди. Сердце Рована все еще громко стучало.

- Ты меня не так понял. Не имеет значения, кто ты: фэец, человек, валг или вендалинский оборотень. Ты такой, какой есть. А я хочу... точнее, мне нужен тот, кто не извиняется за это. За свою природу. Раньше ты никогда этого не делал.

Аэлина наклонилась, поцеловав его возле сердца:

- Не меняй своих привычек. Порою ты меня сильно злишь этими фэйскими собственническими притязаниями, но... я слышала твой голос. Он меня разбудил. Он вывел меня из того... места.

Рован наклонился, прижавшись лбом к ее лбу:

- Жаль, что я так мало могу тебе предложить. И во время этой войны, и после нее.

Аэлина обвила руками его талию:

- Ты предлагаешь мне больше, чем я отваживалась надеяться.

Рован попытался возразить, но она сказала:

- Сначала Дарро, потом Рульф сказали мне, что ради победы в войне я должна выйти замуж по расчету. Иными словами, продать свою руку за армию. Но я сделаю прямо противоположное.

- Очень на тебя похоже, - усмехнулся Рован. - Но если Террасену понадобится...

- Послушай меня. - Аэлина отодвинулась, разглядывая суровые черты его лица. - Время поджимает. Брак с иноземным королем, все эти церемонии, расстояния... На подготовку и отправку армии понадобились бы месяцы... У нас такого времени нет. Мы живем сегодняшним днем. В лучшем случае, парой ближайших недель. Мне совсем не нужен муж, который еще начнет обижаться и отстаивать свое первенство или которого мне придется для его же безопасности запереть в укромное местечко. Я уж не говорю про труса, готового убежать сломя голову, когда я проснусь вся в языках пламени.

Аэлина поцеловала узоры татуировки на груди Рована. Ее губы подрагивали в такт биению его сильного сердца.

- Вот что мне нужно, Рован. И больше ничего.

Рован громко выдохнул, обдав жаром ее щеку. Рука потянулась к ее волосам, опустившись к спине и ниже.

- Двор, способный изменить мир.

Аэлина поцеловала уголок его рта:

- Мы найдем выход. Вместе.

Она повторила слова, которые когда-то говорил ей Рован. Слова, начавшие врачевание ее истерзанного сердца. И его тоже.

- Я тебе..

- Нет. - Палец Рована кружил по ее щеке. - Ты не сделала мне больно. И ничем не обидела.

Тяжесть, сжимавшая ей грудь, уходила. Рован подхватил ее на руки. Аэлина уткнулась в его шею. Мозолистые руки Рована гладили ей спину, обводя каждый шрам, покрытый узорами татуировки.

- Если мы уцелеем в войне, мы с тобой обязательно научимся выбрасывать из головы все заботы, - сказала Аэлина. - Научимся спать всю ночь, не просыпаясь.

- Если мы уцелеем в войне, принцесса, я с радостью сделаю все, что ни пожелаешь, - пообещал Рован, продолжая гладить ей спину. - Даже научусь выбрасывать из головы все заботы.

- А вдруг настоящего мира так и не наступит? Даже после того, как мы найдем Замок, Ключи и изгоним Эравана?

Рован перестал улыбаться. Пальцы застыли на спине Аэлины.

- Даже если и после этого останется угроза других войн и мы будем вынуждены принимать толпы суетливых посланников других королевств и сами ездить туда, я буду счастлив это делать, пока ты рядом.

- Боги милосердные. - У нее задрожали губы. - И когда ты научился произносить столь красивые речи?

- Мне был нужен лишь повод, чтобы научиться, - ответил Рован, целуя ее щеку.

Тело Аэлины напрягалось и тут же таяло везде, где Рован оставлял свои нежные поцелуи. Она выгнула спину, подставив ему шею. Зубы Рована осторожно коснулись ее кожи.

- Я люблю тебя, - выдохнул Рован, проводя языком по месту прикуса. - Я бы без колебаний отправился в пылающее сердце ада, чтобы тебя найти.

Аэлине хотелось напомнить ему, что совсем недавно он уже там был. Но она лишь сильнее выгнула спину, издав легкий стон.. Угаснет ли когда-нибудь ее желание? Потребность не только быть рядом с ним, но и ощущать его в себе настолько глубоко, чтобы сплелись их души и магия... Желание было спасительной нитью, что вывела ее из пылающего безумия и разрушения.

- Я тебя хочу, - прошептала Аэлина, впиваясь ногтями в его ягодицы.

Ответом ей был негромкий стон Рована. Он приподнял ее. Аэлина обвила ногами его талию. Рован понес ее не на кровать, а к стене. Ее спина уперлась в прохладную деревянную поверхность. Зато ее лобок пылал от собственного жара и жаркого прикосновения его окаменевшего члена.

Рован водил языком по ее шее.

– Начинай... пожалуйста.

Аэлина почувствовала его улыбку. Через мгновение Рован вошел в нее и слегка укусил за шею.

Его толчки были быстрыми и сильными. Они оба нуждались в этой неистовой близости. Аэлина чувствовала, что снова воспламеняется. Она была готова разорваться от всепоглощающего желания...

Толчки замедлились и даже стали несколько ленивыми. Его зубы столь же лениво покусывали ее шею. Потом язык Рована задержался на ключичных ложбинках, словно они были полны нектара наслаждения. Казалось, Рован вкушает вино с тончайшим букетом.

Оргазм Аэлины заставил ее вонзить зубы в плечо Рована, иначе громкий крик разбудил бы всех спящих обитателей морского дна. Он лишь посмеивался.

Магия Рована тут же исцелила места укусов на ее шее. Руки еще сильнее сжали бедра Аэлины. А толчки продолжались, становясь глубже и жестче.

Аэлина запустила руки ему в волосы и неистово поцеловала Рована, ощутив свою кровь на его языке.

– Я всегда найду способ вернуться к тебе, – прошептала она.

Ее накрыл второй оргазм, и тут же Рован взорвался своим.

Манона Черноклювая проснулась.

Что же ее разбудило? Ни звуков, ни запахов, ни иных намеков. Однако инстинкты хищницы почуяли неладное и вытолкнули ее из сна.

Моргая, ведьма села на койке. Рана отозвалась не острой, а тупой болью. Манона обнаружила, что голова у нее ясная: туман куда-то исчез.

В каюте было почти темно, если не считать узкого лунного луча из окошка. Сколько же времени она проспала и провалялась в отвратительной дреме?

Манона вслушивалась в звуки корабля. Уловив негромкое урчание, облегченно вздохнула. Аброхас. Жив. Храпит себе на палубе.

Она потрогала кандалы на руках, осмотрела замки. Хитроумные, так просто не откроешь. Да и цепи толстые, крепко вделанные в стены. Такими же были и ножные кандалы.

Манона не помнила, когда в последний раз бабушка наказывала ее заковыванием в цепи. Как Элида выдержала десять лет в цепях?

Может, разыскать девчонку, когда она выберется отсюда? Вряд ли Дорин за это время сумел что-нибудь разузнать о ее Тринадцати. Манона представила, как снова окажется в седле и Аброхас понесет ее к побережью. Она найдет Элиду и потом займется поисками своего шабаша. А затем... так далеко Манона не загадывала. Но всяко лучше действовать, чем лежать здесь, как червяк на солнце, и поддаваться отчаянию. Оно и так пыталось взять власть над нею, пока она тут валялась.

Словно почувствовав, что она думает о нем, в какту вошел Дорин со свечой в руках.

Нет, это не свеча. Над его пальцами мерцало пламя и отражалось в сапфировых глазах. Дорин несколько удивился, найдя ведьму не только проснувшейся, но и в полном сознании.

– Это ты послала волну магической силы?

– Нет. – Манона быстро догадалась, кто послал волну. – У ведьм нет такой магии.

Дорин наклонил голову. Магическое пламя золотило его темные волосы.

– Но ваша порода живет значительно дольше, чем люди.

Манона кивнула. Дорин счел это приглашением и уселся на стул.

– У нас есть крупца магии. Выплеск – так она называется.

От знакомого слова спина Маноны похолодела.

– Мы не можем ни призывать магическую силу, ни накапливать ее. Но каждая ведьма один раз в жизни способна призвать огромную магическую силу и обрушить на врагов. Плата – ее жизнь. Удар сжигает ведьму, и Тьма забирает ее тело. Когда между ведьмами происходили войны, обе стороны делали Выплески в крупных сражениях. Бывало, что и не только в крупных.

– Это же самоубийство. Обрывать свою жизнь, зная, что она могла бы продолжаться сотни лет.

– Согласна. Радости мало. Чтобы совершить Выплеск, Железзубая ведьма вначале взывает к Тьме и обещает отдать ей жизнь. Тьма откликается, наполняет ведьму силой. Потом эта сила выплескивается черной волной. Говорят, это проявление наших черных душ.

– Ты видела Выплеск?

– Только однажды. Молодой ведьме очень хотелось славы, но не хватало боевых качеств. И тогда она со страху совершила Выплеск, причем неумело. Погубила не только крошанок, с которыми мы воевали, но и половину отряда Железзубых.

Крошанки. Манона чуть не поперхнулась этим словом. Ее соплеменницы.

Нет. Они – не ее соплеменницы. Что бы там ни говорила бабушка, она – Черноклювая.

– А против нас Железзубые могут применить Выплеск?

– Если это шабаши низшего уровня, да. Старшие шабаши расчетливее и не торопятся прощаться с жизнью. К тому же они опытнее и предпочитают сражаться. Но шабаши помоложе и послабее могут и пожертвовать жизнью. Либо со страху, либо ради славы.

– Самоубийство одних ради убийства других.

– Это война. А война – узаконенное убийство, на какой бы стороне ты ни находился.

Увидев, что лицо Дорина помрачнело от гнева, Манона спросила:

– Ты когда-нибудь убивал людей?

Дорин открыл было рот, чтобы сказать «нет», но огонь над его пальцами погас.

Убивал. И происходило это, когда в нем поселился валгский демон, догадалась ведьма. Похоже, что убийства совершались часто и не самым чистым образом.

– Когда снова увидишь валгов, вспомни, что они заставляли тебя делать, – сказала Манона.

– Такое ни за что не забыть, ведьмочка.

Дорин встал, собираясь уйти.

– Кандалы натерли мне кожу, – призналась Манона. – Прояви хоть немного милосердия.

Дорин остановился. Манона подняла руки, показав ему цепи:

– Слово даю: я никому не причиню зла.

– Я здесь ничего не решаю. Раз ты окончательно пришла в себя, поговори с Аэлиной. Она все время пыталась что-то узнать у тебя. Ответь на ее вопросы, и она отнесется к тебе благосклоннее.

Манона совсем не помнила вопросов, которые задавала ей Аэлина. Ни одного.

– Знаешь, короленок, чем дольше я торчу в этой дыре, тем сильнее меня тянет устроить после освобождения какую-нибудь глупость. Я так давно не подставляла лицо ветру. Помоги мне хотя бы в этом.

– В каюте есть окошко. Встань к нему.

Манону несколько удивила эта мужская властность в голосе Дорина и его поза. Он стоял, горделиво развернув плечи.

- А если бы я спала, ты бы глазел на меня? - вкрадчиво спросила она.

- Тебе бы это не понравилось?

В вопросе Дорина сквозило холодное изумление.

То ли из-за сильной кровопотери, или по причине долгого лежания в тесной каюте, Манона повела себя несколько безрассудно, если не сказать, глупо.

- Если тебя угораздило пробраться ко мне среди ночи, я должна быть уверена, что хоть что-то получу от твоего визита.

Его губы дрогнули. Улыбка была чувственной, но холодной. Интересно, во что бы вылились любовные игры с королем, наделенным первозданной магической силой? Неужели она бы сама стала просить о близости - впервые за свою долгую жизнь? Похоже, он мог и, наверное, даже хотел добавить к этому крупицу жестокости. Кровь в жилах Маноны заурчала.

- Как ни соблазнительно было бы увидеть тебя голой и прикованной цепями...
- Дорин негромко рассмеялся. - Сомневаюсь, что тебе понравилась бы потеря власти над собой.

- У тебя что, была куча женщин, если ты с такой легкостью судишь о желаниях ведьмы?

- Человек благородного воспитания не распространяется о подобных вещах, - зевнул Дорин.

- И все-таки, сколько их у тебя было?

Ему чуть больше двадцати. Но он - не просто молодой парень. Родился принцем, теперь король. Наверное, женщины сами прыгали к нему в постель с тех пор, как у него начал ломаться голос.

- А сколько мужчин было у тебя? - задал он встречный вопрос.

Манона усмехнулась:

- Достаточно, чтобы узнать все потребности такого короленка, как ты, и заставить просить: «Еще, еще».

Слова словами, но мысли у нее были направлены в противоположную сторону.

Дорин подошел к самой койке, склонился над Маноной, почти касаясь ее носа. В изгибе его прекрасных губ не было и намека на желание. А вот намек на жестокость был.

- Я сомневаюсь, ведьмочка, в твоей способности дать мне то, в чем я действительно нуждаюсь. И с некоторых пор я вообще ни о чем не прошу.

Потом он ушел. Манона смотрела на закрывшуюся дверь и шипела от досады. Она упустила такую возможность захватить Дорина в заложники и потребовать свободы для себя. Ведьму злили его высокомерные умозаключения. Но сильнее

всего ее злили жаркие волны, бьющиеся между ногами. Стремясь их погасить, Манона плотно сжала бедра.

Ей никогда не отказывали в близости. Мужчины рассыпались на куски (иногда в буквальном смысле), только бы оказаться в ее постели. А она... Манона не знала, как повела бы себя, согласись Дорин на ее предложение. Где-то ей было любопытно узнать, на что способен король с таким прекрасным ртом и сильным телом. Временное развлечение, чтобы потом еще больше злиться на себя? Наверное.

Злость Маноны не успела погаснуть, как вдруг дверь снова открылась.

Дорин встал в проеме. Его глаза странно блестели: то ли от желания, то ли от ненависти. Возможно, он одновременно ненавидел ведьму и хотел ее. Немного постояв, он вошел и закрыл дверь.

Манона затаила дыхание. Все ее бессмертное чутье сосредоточилось на непроницаемом лице короля и его сбивчивом дыхании.

- Говорю напрямую: пытаться взять меня в заложники было бы верхом глупости, - сказал он.

Голос у него был хриловатым и довольно напряженным.

- Напрямую отвечаю: я предлагала тебе только то, о чем ты догадался, и ничего больше.

Манона вслушивалась. Ни капли страха. Даже сердце у этого самоуверенного парня билось ровно и спокойно.

- Мне нужно услышать твое «да», - добавил он, выразительно глянув на цепи.

Когда до Маноны дошли его слова, она тихо засмеялась:

- Ты предусмотрителен, короленок. Говорю тебе «да». Я соглашаюсь добровольно. Это может стать нашим маленьким секретом.

Все равно она теперь была никем и ничем. Лечь с врагом - пустяки по сравнению с крошанской кровью, что текла в ее жилах.

Манона принялась расстегивать белую рубашку, которую не стирала целую вечность.

- Я сам! - рявкнул Дорин.

Черта с два он будет расстегивать на ней рубашку. Манона взялась за вторую пуговицу.

Невидимые руки вдруг обхватили ее запястья.

- Я же говорил, что сам это сделаю.

Дорин навис над нею. Манона смотрела на него во все глаза, вздрагивая от наслаждения.

- Предлагаю слушаться меня.

Сколько мужского высокомерия было в одной этой фразе.

- Короленок, а ведь я не твоя придворная, чтобы так..

Дорин приник к ее губам.

Прикосновение было совсем легким, почти неощутимым, но с его стороны - вполне рассчитанным. От неожиданности Манона даже чуть выгнула спину.

С удивительной нежностью Дорин поцеловал ей уголок рта, затем другой. Ведьма замерла. Она даже перестала дышать. Все ее тело жаждало увидеть, что он станет делать дальше.

Но Дорин отстранился, глядя на нее с холодной отрешенностью. Что он мог увидеть? Что заставило его отступить?

Невидимые пальцы на запястьях Маноны исчезли. Щелкнул замок открываемой двери. К Дорину вернулась его самоуверенная улыбка.

- Как-нибудь в другой раз, ведьмочка, - обернувшись, бросил он.

Он проскользнул за дверь и больше не вернулся. Манона сдерживалась, чтобы не заорать во все горло.

Глава 45

Ведьма была в полном сознании, только очень зла.

Эдион имел удовольствие принести ей завтрак. Он постарался не заметить густого запаха женского возбуждения, разлитого по каюте, в который вплетался и запах Дорина.

Ближе к вечеру, стоя за штурвалом и вглядываясь в горизонт, Эдион напомнил себе о праве короля на подобные развлечения. В долгие часы вахт он часто раздумывал над словами Лисандры. Однажды она здорово отчитала его за злое и жестокое отношение к адарланскому королю. Возможно, Лисандра была права - нехотя Эдион допускал такую мысль. Чудом было одно то, что Дорин, пережив казнь Сорши, еще мог проявлять интерес к женщине. Но чтобы к... ведьме? Неужели он собрался улечься с этой Маноной?

Где-то через полчаса к нему подошла мокрая Лисандра. Она только-только закончила дозор в обличье морского дракона, не обнаружив никаких угроз.

Выслушав вопрос Эдиона, она запустила пятерню в мокрые волосы и нахмурилась:

- Ко мне иногда приходили мужчины, потерявшие жен или любимых. Им хотелось не столько развлечься, сколько отвлечься. Меня они считали противоположностью своих любимых женщин. Кто-то хотел подвести черту под прежней жизнью. Через что прошел Дорин... тут бы каждый изменился. Не удивлюсь, если его потянуло к опасным созданиям.

- У него и раньше была тяга к ним, - пробормотал Эдион, кивнув в сторону верхней палубы.

Там Аэлина и Рован упражнялись на мечах. Предвечернее солнце золотило их блестящие от пота лица. Дорин сидел на ступеньках, ведущих на ют, зажав между ногами Дамарис. Глаза молодого короля были полузакрыты. Казалось, он разморен жарой. Эдион подавил улыбку, догадываясь, что Рован уже вправил королю мозги.

- Аэлина бывала опасной, но она - человек, - сказала Лисандра. - Манона - существо иной породы, лишь внешне похожее на женщину. Дорину это нравится. На твоём месте я бы вообще туда не встревала.

- Не волнуйся, я туда и не собираюсь встревать. Хотя на месте Дорина я бы следил, чтобы железные зубки ненароком не оказались вблизи главной мужской части.

Лисандра засмеялась.

- И потом, - продолжал он, - мне хватило утреннего спектакля. Аэлина так накинулась на ведьму из-за Элиды, что всякое желание вмешаться улетучилось само собой. Такие сцены лучше смотреть издали.

Кто бы мог подумать! Маленькая Элида Лошэн уцелела в те страшные дни. И теперь она разыскивала свою королеву, держа путь в далекий Террасен. Надо было видеть лицо Аэлины, когда Манона рассказывала все новые подробности обращения Варнона с несчастной девчонкой...

Что ж, Перрант ждет другой спектакль. Эдион решил, что лично повесит Варнона на его собственных кишках и, пока мерзавец еще дышит, воздаст ему за все десять лет ужаса, пережитого Элидой. Самозванный правитель Перранта получит за ее покалеченную ногу, за цепи. И конечно же, за башню.

Эдион столько раз бывал в Перранте, но даже вообразить не мог, что где-то рядом томится несчастная Элида. Наверное, она даже видела из зарешеченных окон, как легион Беспощадных входил и выходил из города. Может, она думала, что Эдион тоже забыл о ней или ему безразлична ее судьба.

И теперь Элида шла в Террасен. Одна.

Хромая, безоружная, неспособная за себя постоять. Если ей повезет, она набредет на его легион. Командиры вспомнят ее имя, и тогда она окажется под защитой. Конечно, если расскажет, кто она такая.

Эдион с большим трудом удержался, чтобы не задушить Манону. Бросить девчонку в глубинах Задубелого леса! Что ж не полетела с нею в Террасен... спасительница? Только потом, остыв, он сообразил, чего могла бы стоить ведьме такая самовольная отлучка из Мората.

Аэлина сдерживаться не собиралась. Размахнувшись, она ударила Манону по лицу за то, что бросила Элиду. Потом, буквально вдавив ведьму в стену, она окружила горло Маноны огненным кольцом и заставила поклясться в правдивости рассказанного.

Рован сухо напомнил Аэлине, что без помощи Маноны Элида вообще могла бы не выбраться из Мората. Аэлина еще суше ответила:

- Тогда бы я сожгла эту гадину изнутри.

Вот так.

Судя по неистовым выпадам Аэлины и ее стремительным броскам по палубе, она продолжала злиться на Манону.

Судя по рычанию, доносящемуся из каюты, ведьма тоже была зла и на Аэлину, и на Дорина.

Эдиону хотелось побыстрее добраться до Каменных Болот, даже если их там ожидали не самые приятные события. Но до восточного побережья – еще три дня пути. А там... все они убедятся, чего стоит союз с Рульфом и можно ли вообще доверять пиратскому королю.

- Ты не можешь вечно сторониться отца, – сказала Лисандра, называя еще одну причину, по которой Эдиону хотелось поскорее оказаться на суше.

Гарель расположился на корме, возле Аброхаса. Он сторожил дракона, присматривался к повадкам и, конечно же, выискивал самые уязвимые места на случай, если понадобится убить крылатую тварь.

Дракон, которого правильнее было бы назвать дракончиком, вел себя очень смирно. Может быть, поэтому матросы и не стали его приковывать. А может, у них просто не было подходящей цепи. Аброхас преданно ждал выздоровления хозяйки и не собирался никуда улетать. Кормился он рыбой и другой морской живностью. Когда он улетал на охоту, Лисандра в облике морского дракона обязательно сопровождала его. Большую часть времени крылатый конь Маноны проводил, лежа на палубе, где Гарель составлял ему компанию.

С момента отплытия из Бухты Черепов отец и сын не обменялись и двумя словами.

- Я его не сторонюсь, – сказал Эдион, отвечая на упрек Лисандры. – Мне просто не о чем с ним говорить.

Лисандра перекинула мокрые волосы через плечо, забрызгав рубашку.

- А вот мне было бы интересно узнать, где и каким образом он познакомился с твоей матерью. И если воинам Маэвы свойственна доброта, Гарель добр. Лучше Фенриса.

Фенрис вызывал у Эдиона желание ломать все подряд. Вечно смеющаяся физиономия, бравада в каждом слове и жесте, жуткое высокомерие... Еще одно зеркало. Зеркало с собачьими повадками, вынюхивающее каждый шаг Аэлины. Пожалуй, даже с волчьими.

Эдион не вступал с Фенрисом в учебные поединки, но внимательно следил, когда тот состязался с Рованом и Гарелем. Оба фэйца были учителями Фенриса. Надо отдать ему должное, сражался он мастерски, имея за плечами не один век постоянных упражнений. Фенрис владел особой магией, позволявшей ему перепрыгивать на большие расстояния. Казалось, он переходил сквозь невидимую дверь. Но в учебных поединках Фенрис не пользовался этим преимуществом.

Может, Фенрис умел улавливать мысли?

«Просто совпадение», – успокоил себя Эдион, увидев надменного воина.

Фенрис вынырнул откуда-то снизу и отправился к фок-мачте, где обычно нес вахту. Вахты поочередно несли все. Лисандра и Рован постоянно поднимались в воздух, ведя разведку больших пространств и поддерживая сообщение между их кораблем и двумя другими. Эдион не решался сказать Лисандре, что всегда считает минуты до ее возвращения и ему сдавливают грудь, пока он не заметит ее крылатого силуэта или не увидит в воде знакомые плавники. Он был согласен с Аэлиной, что Лисандре такие «нежности» не по нраву.

Меж тем Лисандра внимательно следила за поединком между Аэлиной и Рованом. Лезвия их мечей мелькали, как ртуть. Удары парировались мгновенно.

– А ты делаешь успехи, – сказал Эдион, которому хотелось сказать Лисандре что-нибудь приятное.

Лисандра насмешливо сощурилась. Они по очереди обучали ее тонкостям владения оружием и разным приемам рукопашного боя. Кое-что она умела и раньше, обучаясь у Аробинна. А как же иначе, если она была его ценным «вложением»? Этот довод оказался для предводителя ассасинов самым убедительным.

Но тех навыков Лисандре было мало. Она хотела изучить все мыслимые способы убийства. Казалось, учитывая ее прошлое, такое рвение не должно было бы удивлять Эдиона, и все же удивляло. Удивляло и настораживало, особенно когда она посмеялась над его обещанием жениться на ней. Ни она, ни он сам больше не возвращались к этому разговору. Эдиону отнюдь не хотелось быть осмеянным дважды.

Он часто ловил себя на том, что ходит за ней по пятам. Вот и сейчас, когда Лисандра отправилась на верхнюю палубу, Эдион увязался следом. Дорин, сидевший на ступеньке, подвинулся, давая им проход. Эдион в который раз видел уважительное отношение короля к нему. Но сам он никак не мог побороть неприязни к Дорину. Только приглушить, что Эдион и сделал, поднявшись на верхнюю палубу.

Поединок между Аэлиной и Рованом зашел в тупик. Видя это, Рован объявил о прекращении и убрал меч в ножны. Аэлина хмурилась. Ей хотелось победить. Эдион засмеялся в душе и посмотрел на Лисандру. В чем-то они с Аэлиной были похожи. Тем временем королева и ее принц прошли туда, где стоял кувшин с водой. Обоим очень хотелось пить.

Эдион собирался предложить Лисандре поупражняться с ним, пока солнце не село, когда Дорин поднял голову и сказал Аэлине:

- Если мы позволим ей выйти, она вряд ли этим злоупотребит.

Аэлина залпом допила воду.

- Интересно, ты пришел к такому выводу до, после или во время твоего ночного посещения?

Боги милосердные. Только еще этого разговора не хватало!

Дорин слегка улыбнулся:

- Ты предпочитаешь бессмертных воинов. Почему у меня не может быть своих предпочтений?

Звякнул пустой стакан, который Аэлина поставила на столик. Эдион внутренне сжался, стараясь смотреть куда угодно, только не на свою двоюродную сестру. Фенрис по-прежнему нес вахту у фок-мачты. Эдион вдруг обратил внимание, как странно разместились он, Аэлина, Лисандра и Дорин. Сам того не желая, он оказался посередине.

- Дорин, каковы твои доводы в пользу освобождения ведьмы? - спросил Рован, стоявший рядом с Аэлиной.

Взгляд Аэлины был пронизан огнем. Прекрасно: вот пускай принц и разбирается с ее гневом. Остальные делали вид, что не замечают двух точечных ранок на шее Рована и тонких, но глубоких царапин у него на плечах. Со времени их безумства на берегу прошло уже сколько дней, но фэйский принц выглядел так, словно до сих пор с наслаждением переживает мгновения той бури.

А Аэлина даже не пыталась скрыть две ранки на шее, которых не было вчера. Рован почти умолял ее прикрыть шею платком.

- Давайте сделаем опыт, - вдруг предложил Дорин, обведя рукой всех, кто был на палубе. - Запрет кого-нибудь в каюте и посмотрим, каково ему будет сидеть там день, два, неделю.

- Тебе объяснить, чем ведьмы отличаются от людей и фэйцев? Каждая из них - одна сплошная ловушка. Люди обманываются их мнимой безобидностью.

- Смее тебя уверить: я не считал и не считаю Манону Черноклювую безобидным существом.

- Она и вся ее порода - прирожденные убийцы, - не унималась Аэлина. - Совести для них не существует. Их так воспитывают. Оттого что бабушка

жестоко обошлась с нею, Манона не стала иной. И не станет. Я не собираюсь рисковать жизнью тех, кто плывет с нами, ради того, чтобы тебе крепче спалось.

Глаза Аэлины сверкали. Это был плохо замаскированный удар. Казалось, ее слова поставили точку. Эдион уже хотел позвать Лисандру на учебный поединок, когда Дорин тихо, но очень внятно произнес:

– Между прочим, я тоже король.

Взгляд бирюзовых глаз обратился к нему. Золотистые крапинки угрожающе блеснули. Эдион знал: Аэлина сейчас обуздывала упрямое желание нанести Дорину еще несколько словесных ударов. Она это умела. Несколько точно подобранных фраз полоснули бы по королю, как ножом, кромсая то человеческое, что оставалось в Дорине после валгского владычества. Несколько фраз, и она бы потеряла сильного союзника, необходимого ей во время войны и потом... если они уцелеют. Более того, она бы потеряла друга.

Сердитый огонь в ее глазах поугас.

Аэлина водила пальцем по шрамам на своих запястьях. Закатное солнце подчеркивало их, делая рельефнее. Эдиону и сейчас было больно смотреть на эти шрамы.

– Ограниченная свобода, – сказала она Дорину. – Вне каюты ее будут сопровождать кто-то из фэйских воинов и один из нас. Это правило действует во всякое время. Ноги свободны, кандалы на руках остаются. Цепи в каюте снимем, но за дверью будет караульный.

Палец Рована коснулся ее шрамов.

– Согласен, – только и ответил Дорин.

Эдиона подмывало сказать королю, что эту уступку Аэлины нужно отпраздновать, и немедленно.

Голос Аэлины сделался угрожающе вкрадчивым:

– Кстати, Дорин, тогда, в Задубелом лесу, после твоего флирта с Маноной, она и ее шабаш пытались меня убить.

– Ты ее спровоцировала, – возразил Дорин. – И сегодня я нахожусь среди вас лишь потому, что она, догадываясь, чем рискует, спасла мою жизнь в Рафтхоле. Причем дважды.

Аэлина вытерла вспотевший лоб.

– У Маноны были свои причины. Я очень сомневаюсь, что после сотни лет нескончаемых убийств она вдруг решила, что твое прекрасное лицо обратит ее к добру.

– Твое прекрасное лицо сумело подействовать на Рована даже после трехсот лет его клятвы на крови.

- Я бы посоветовал адарланскому королю поискать другой довод, - сказал идущий к ним Гарель.

Эдион чувствовал ледяную ярость, которой наполнилось все тело фэйского принца. Дорин это тоже заметил и немного виновато пробормотал:

- Рован, я вовсе не хотел тебя оскорбить.

Гарель склонил голову, разметав золотистые волосы по широкому плечу.

- Ты, Дорин, не волнуйся. Фенрис успел так нагадить Ровану своими упреками, что хватит еще на триста лет.

Эдион слегка улыбнулся отцовской шутке. Дорину не пришлось улыбаться и подыскивать ответные слова.

- Ну что? - бросила ему Аэлина. - Пойдем узнаем, не желает ли главнокомандующая прогуляться по палубе перед ужином.

Дорин не ожидал, что его просьба исполнится так скоро, и несколько опешил. Но Аэлина уже шла по палубе к лестнице. Фенрис проводил их язвительным взглядом. Ему полагалось стоять на вахте. Но Эдион знал: этот проницательный фэец обязательно увяжется за ними следом. Частичное освобождение ведьмы должно совершиться в присутствии всех.

На палубе быстро темнело. Эдион поспешил вместе со всеми, моля богов, чтобы Аэлина и Манона не разнесли корабль в щепки.

Аэлина шла к каюте Маноны. Подумать только: забраться в постель к ведьме! Ей хотелось скрежетать зубами.

Когда-то Дорин не отказывал себе в развлечениях с женщинами, тем более что ему не требовалось добиваться их внимания. Но чтобы лечь с этой... Аэлина даже фыркнула. Видел бы Шаол!

Нет, не надо капитану видеть такое. У Шаола хватает других забот. Что-то делают они сейчас с Несариной на далеком юге? Может, не только восстанавливают Шаолу ноги, но и готовят армию, которая бы пересекла Узкое море и двинулась на север? Если им сопутствует удача.

Если. Аэлина ненавидела это слово. Но.. ее дружба с Дорином не отличалась прочностью. Сегодня она уступила его просьбе отнюдь не по доброте душевной. Доброта среди причин стояла на последнем месте. Аэлина знала: ей нужно получить от Маноны как можно больше сведений о Морате и Эраване. Практически все, что ведьма знала.

Но трудно было бы рассчитывать на словоохотливость Маноны после утренней истории, когда Аэлина «слегка не сдержалась». Пусть боги считают ее коварной и своекорыстной за то, что симпатию Дорина она превратила в средство умаслить ведьму... однако война есть война.

Аэлина стиснула пальцы в кулак. Коридорные фонари раскачивались вместе с остальным кораблем. Волнение на море, начавшееся с полудня, не утихало.

Рован быстро исцелил ей содранную кожу на костяшках пальцев. Сейчас Аэлине не верилось, с каким остервенением она ударила ведьму. В знак благодарности она заперла дверь их каюты и встала перед Рованом на колени. Аэлина и сейчас чувствовала его пальцы, застывшие в ее волосах, и слышала его стон.

Рован шел с нею рядом.

«Ты вообще о чем думаешь?» – услышала она в мозгу его голос.

Зачем спрашивать? Он прекрасно знал, о чем она думает. Аэлина это видела по его широко раскрытым глазам. И Фенрис держался от них подальше – верный признак, что у нее поменялся запах.

«Да особо ни о чем. Как обычно, – мысленно ответила она, изобразив простодушную улыбку. – Думаю про убийства, вязание крючком и еще про то, как снова заставить тебя стонать».

Лицо Рована сморщилось. Аэлина улыбнулась еще шире. Фэйский принц судорожно сглотнул.

«После ведьмы нас ждет второе действие. Оно у нас обязательно будет. И тогда я послушаю, какие стоны полетят из твоего ротика».

Аэлина уже подходила к открытой двери каюты Маноны. Негромкий смех Рована привел ее в чувство, прогнав с лица похотливую улыбку влюбленной дурочки.

Манона сидела на койке, стреляя золотистыми глазами в Дорина, Рована и Аэлину.

У них за спиной появился Фенрис и сразу же принялся разглядывать ведьму. И этого заворожила ее красота, изящество движений и совершенство, которое и являлось главной ловушкой для простаков.

– А это кто? – вдруг спросила Манона.

Дорин обернулся:

– Неужели забыла? Ты уже видела его. Это Фенрис – фэйский воин из личной гвардии королевы Маэвы.

Но Манона почему-то сощурилась и раздула ноздри. Что-то насторожило ее в запахе Фенриса, едва уловимом в тесной каюте.

– Это не он.

Ее железные ногти выдвинулись, и в то же мгновение Фенрис бросился на нее.

Глава 46

Навык ассасина заставил Аэлину схватиться за кинжал раньше, чем обратиться к магии.

Фенрису, кинувшегося на Манону, остановила и отбросила магия Рована. Через мгновение Аэлина воздвигла стену огня.

– Что это за чертовщина? – недоуменно спросила она.

Фенрис, стоя на коленях, держался за горло. Рован лишил его возможности дышать.

Каюта была слишком тесной, чтобы в ней поместились все. Дорин подошел к Маноне, все еще прикованной цепями. На кончиках его пальцев блеснул лед.

– С чего ты взяла, что это не Фенрис? – спросила у ведьмы Аэлина, безотрывно глядя на поверженного фэйца.

Рован у нее за спиной что-то пробурчал.

Фенрис шумно втягивал в себя воздух, отчего его грудь раздувалась. Он успел встать и теперь косился на огненную стену. Аэлине показалось, что он сумел преодолеть магию Рована.

А далее с Фенрисом начали происходить странные вещи. Его кожа замерцала и стала... растворяться. Знакомый облик исчезал, уступая место некоему бледному существу. Аэлина едва заметно кивнула Эдиону. Тот подошел к Маноне, достав ключи от кандалов.

Манона, как зачарованная, следила за существом с длинными паучьими руками и ногами, крыльями, плотно сложенными за спиной, и морщинистым лицом. Существо обнюхивало их.

Звякнули упавшие на пол цепи.

– Кто ты такой? – спросила у существа Аэлина.

– Гончая Эравана, – ответила ей Манона.

Существо улыбнулось, обнажив черные гнилые зубы.

– К вашим услугам, – произнесло оно.

Точнее, она. На узком туловище гончей Аэлина увидела маленькие обвислые груди.

– Вижу, тебе еще не успели выпустить кишки, – издевательски елейным тоном произнесла гончая.

- Где настоящий Фенрис? - спросила Аэлина.

Улыбка гончей не погасла.

- Наверное, несет вахту где-нибудь на нижней палубе. Он и не подозревает о моем появлении, как не догадывались вы, пока я не...

- Еще одна говорливая тварь, - фыркнула Аэлина. - Я даже знаю, как ты действовала... Сначала убила матроса, приняла его облик, узнала про наши вахты, затем стала искать способ умыкнуть Манону с корабля. Неужели ты намеревалась унести ее под покровом ночи? - удивилась она, глядя на щуплое тело гончей. - Да ты и ложки в руках не удержишь. Такое впечатление, что тебя месяцами не кормили.

Гончая зашипела. Манона усмехнулась:

- Вот только не понимаю, зачем усложнять себе дело? Ты могла бы проникнуть прямо в каюту...

- Оборотень, - прошипела гончая и облизнулась.

Ее голодные глаза впелись в Лисандру, принявшую обличье призрачного леопарда. Леопард тихо зарычал из угла.

- Оборотень, - с непонятной тоской повторила гончая.

Аэлине показалось, что она знает, кем прежде была эта тварь и кого Эраван калечил, держа в подземельях вокруг Мората.

- Как я уже говорила, ты сама усложнила себе жизнь, - сказала Аэлина, всем своим видом изображая равнодушие и даже скуку. - А теперь не обессудь.

- Я сюда явилась за наследницей клана Черноклювых, - заявила гончая. - А тут - целая сокровищница. Прямо клад.

Глаза гончей подернулись пеленой, словно она уже переместилась.

Мысленно выругавшись, Аэлина ударила по гончей волной магического пламени. Гончая заверещала, но пламя тут же стало превращаться в пар.

Подоспевший Рован оттолкнул Аэлину, держа наготове меч. Ее магия... была бессильна справиться с этой тварью.

- Зря ты не отдала мне ведьму, - засмеялась гончая. Ее паучьи ручки вдруг вырвали окошко из стены. - Теперь он знает, с кем ты путешествуешь и на каком корабле плывешь...

Гончая устремилась в пролом, откуда тянуло туманным ветром.

Стрела с черным оперением ударила ее в колено. И следом вторая стрела пробила ей другое. Не успев улизнуть, гончая рухнула на пол каюты.

Рыча от злости, Фенрис выпустил третью стрелу. Эта пробила гончей плечо, пригвоздив к полу.

Глядя на настоящего Фенриса, все понимали: обличье, принятое гончей, было довольно грубой подделкой. Фэец выразительно посмотрел на Рована, затем на Аэлину и остальных.

«Где были ваши глаза?» – спрашивал его сердитый взгляд.

Гончей удалось подняться. Пол каюты залило черной зловонной кровью. Аэлина схватилась за кинжал. Манона была готова атаковать гончую железными ногтями. Рован замахнулся на тварь боевым топором.

Неожиданно гончая бросила на пол черный кожаный лоскут.

Манона застыла.

– Слышала бы ты, как вопила твоя первая заместительница, когда Эраван занялся ею, – сказала гончая. – А это его темное величество посылает тебе в качестве памятного подарка.

Аэлина смотрела только на гончую, однако краешком глаза видела, как Манона дрогнула и качнулась, словно ее толкнули.

Гончая оскалила гнилые зубы:

– Подарок от короля валгов... последней крошанской королеве. Пока еще живой.

Манона не видела ничего, кроме этого лоскута плетеной кожи. Его вырвали из доспехов Астерины. Астерина носила свои доспехи, не снимая, даже когда можно было переодеться во что-то другое. Маноне было все равно, какие сведения о ней гончая разглашала окружающим. Пусть называет ее как угодно: наследница клана Черноклювых, королева крошанских ведьм. Ей до этого...

Мысль оборвалась. Манона не сразу поняла, что громкое рычание исходит из ее горла. Она бросилась на гончую.

Руки ведьмы припечатали тщедушное тело к полу. Зацепившись за одну из стрел Фенриса, Манона ободрала локоть. Гончая оскалила зубы, потянулась к ней когтистыми руками, но ведьма сжала ей горло, вонзив туда железные ногти. Кожа на горле была осклизлой.

Другая пара рук – невидимых – еще сильнее прижала гончую к полу. Дорин встал рядом с ведьмой. Его лицо напоминало каменную маску. Гончая извивалась, еще пытаясь высвободиться. Невидимые руки достигли ее костей и с хрустом переломили их.

Лишившись своих паучьих рук, гончая завопила так, что впору было зажимать уши.

- Тебя сюда не звали, - издевательски улыбнувшись, сказал гончей Дорин.

Манона решила, что оборвать жизнь гончей должна она. Это ее добыча. Вроде никто не оспаривал ее права. Остальные молча смотрели, но держали оружие наготове.

- Хочешь узнать, что твоя Астерина говорила перед смертью? О чем она просила?

Манона снова застыла.

- А помнишь, какое отвратительное клеймо выжжено у нее на животе? Не ты его выжигала, Черноклювая?

«Нет!» - хотелось закричать Маноне.

- Она даже успела рассказать про свою дочку. Бедняжка-ведьмочка родилась мертвой.

Манона приросла к месту... Кажется, гончая прыгнула, попытавшись зубами дотянуться до ее горла.

И в то же мгновение шея гончей хрустнула. Это сделали не пламя и не ветер. Это сделали невидимые руки.

Хруст сломанной шеи эхом отозвался из углов каюты. Манона резко повернулась к Дорину Хавильяру. Такими беспощадными его сапфировые глаза она видела впервые.

- Ты посмел отнять мою добычу...

С палубы послышались крики и рев Аброхаса.

Аброхас.

Расталкивая всех, Манона выскочила из каюты и побежала на палубу. Железные ногти впивались в перила лестницы, рана в животе напоминала о себе. Манона рванула люк. В лицо ударила вечерняя сырость и запахи моря. Потом она увидела их.

Их было шестеро.

Илки. Их тела были не белыми, как у гончей, а пятнистыми. Этих тварей выводили для охоты в сумраке и темноте. Они умели перемещаться бесшумно. Крылатые, с вполне человеческими телами и лицами...

- Да, мы илки, - прошипел один, мигом расплосовав матросу живот. - Мы прилетели попить тут у вас.

На палубе валялись мертвые пираты. Отчаянно пахло кровью. Манона бросилась к Аброхасу.

Ее дракон был в воздухе, сражаясь хвостом. Рядом парила Лисандра, тоже превратившаяся в дракона.

Темноту разорвала вспышка пламени. Подул магический ветер, появился лед.

Один илк расплавился. Второму оборвало крылья. Третий превратился в ледяную глыбу, которая тут же разбилась на множество кусков.

Невесть откуда появились еще восемь илков. Один тут же впился в шею матросу, пытавшемуся удрать с бака. Матрос успел лишь вскрикнуть.

Снова сверкнуло пламя, высветив железные зубы Маноны.

Похоже, корабль и всех, кто был на нем, ждала ночь кошмаров. Многие ли увидят рассвет?

Едва услышав рев дракона, Эдион бросился следом за Аэлиной.

Он был на верхней палубе, когда эти твари атаковали беззащитных матросов. Через мгновение Аэлина обрушила на илков магическое пламя. Эдион понял: сестра не нуждалась в его защите. Итак, Эраван вспомнил о них и послал им новых гостей.

Эдион торопился на ют, чтобы уберечь животы капитанши и первого помощника от острых илкских когтей. Две твари преградили ему дорогу. Илки были чуть ли не на три головы выше его. Оживший кошмар, но с вполне человеческими глазами. И запах тоже был отчасти человеческим – запах гниющего мяса.

Сообразив, что Эдион может сбежать от них, илки переместились, загородив ему путь к отступлению.

– Какие трофеи принесет нам сегодняшняя охота, – усмехнулся один.

Эдион следил за каждым их движением. До него долетал голос Аэлины. Она велела Ровану помочь другим кораблям. Кажется, он слышал львиное рычание и волчий вой. Потом в воздухе замелькали льдинки.

Эдион выхватил меч. Неужто Рульф продал их Морату? Он вдруг вспомнил, как облизывалась гончая, глядя на Лисандру.

В крови вспыхнула ярость – то, что ему было нужно.

Илки присматривались к нему. Эдион снова взмахнул мечом. Двое против одного. Он расправится с обоими.

Эдион никак не ждал, что сзади на него выскочит третий.

Одного Аэлина убила Златинцем. Отсекла голову. Оставалось еще двое... Чувствовалось, им не хотелось расставаться с головами, иначе они бы так пронзительно не вопили.

Темноту прорезал львиный рык. Только бы Гарель был сейчас рядом с Эдионом..

Двое илков, мешавшие ей двигаться дальше, умолкли.

- И куда же подевалось твое магическое пламя? - с издевкой спросил один.

Аэлина не успела ответить. Из темноты выпрыгнул Фенрис в обличье волка. Мгновение назад его здесь не было. Фенрис бросился на ближайшего к нему илка. Похоже, после гибели гончей он продолжал сводить счеты с порождениями Мората.

Челюсти Фенриса сомкнулись на глотке илка. Второй кинулся защищать сородича.

Аэлине не удалось предотвратить эту атаку. Когти илка пробили магическую защиту Фенриса и впились в белый мех. Фенрис взвыл от боли, и его крик разнесся над окрестными водами.

Но два огненных меча полоснули по шеям илков. Отсеченные головы глухо ударились о липкую от крови палубу.

Фенрис попятился, покачнулся и вдруг упал. Бормоча проклятия, Аэлина бросилась к нему.

На окровавленном боку блестела зеленая слизь - яд. Такой же яд выделяли шипы на драконьих хвостах.

Потушив магическое пламя, Аэлина призвала исцеляющую воду. Фенрис вернул себе фэйское обличье. Он ругался сквозь зубы, зажимая раненый бок.

- Не двигайся, - велела ему Аэлина.

Рована она отправила помогать другим кораблям. Фэйский принц попробовал возражать, но.. подчинился. Куда делась ведьма, оказавшаяся еще и крошанской королевой, Аэлина не знала. Ну и вечер у них выдался!

В сердце kloкотал гнев. Аэлина готовила свою магическую силу к новым атакам.

- С нашими - полный порядок, - сообщил Эдион.

Между тем сам он был с головы до пят покрыт черной кровью и прихрамывал.

Аэлина чуть не заплакала от облегчения, но тут заметила, как странно блестят у Эдиона глаза. Из сумрака вышел Гарель. Тому досталось еще сильнее, чем сыну. Какую же бойню они оба выдержали?

Фенрис застонал. Это заставило Аэлину снова заняться его ранами. Самое скверное, что яд мог проникнуть ему в кровь.

- Руку опусти, - успела сказать ему Аэлина, когда послышалось хлопанье крыльев.

Нет, это не был дракон Маноны. И не Лисандра.

Морщась от боли, Эдион схватился за меч. Прилетевший илк поднял когтистую руку. Посланник, что ли?

Эдион остановился, но Гарель незаметно подобрался ближе к крылатой твари. Илк посмотрел на Фенрису, принюхался и язвительно бросил Аэлине:

– Не трать на него время. Долгая жизнь ему больше не понадобится.

Эдион зарычал, доставая метательные ножи. Аэлина вызвала огненное кольцо. Она убедилась: илков можно убить только самым жарким пламенем. Обычный огонь на них не действовал. Нужно будет крепко поразмыслить над этим, но не сейчас.

– Меня отправили с посланием, – объявил илк, с улыбкой поглядывая на горизонт. – Твои действия в Бухте Черепов подтвердили: при тебе есть то, что требуется его темному величеству. Благодарим за подтверждение.

У Аэлины сжалось сердце.

Ключ. Эраван знал, что один из Ключей Вэрда – у нее.

Глава 47

Рован вернулся. Магия почти мгновенно перебросила его на палубу. Два других корабля не пострадали. Там даже имели наглость раздраженно осведомиться по поводу шума и криков. Увидев, что его помощь не требуется, Рован вкратце сообщил о вражеском нападении, велел обоим судам встать на якорь и дожидаться новых распоряжений.

Он не знал, в каком состоянии застанет палубу и участников битвы. Рована чуть не вывернуло от облегчения, когда он увидел, что все его соратники живы. Правда, Фенрис был ранен, и Аэлина оказывала фэйскому воину помощь.

Потом Рован увидел последнего илка.

Гнев Рована превратился в смертоносное копьё. Он собрал всю свою магическую силу, собираясь камнем упасть на палубу. Сосредоточенный магический удар способен пробить любую защиту, которой окружали себя эти твари.

Сейчас он вернет себе человеческое обличье и оторвет илку голову.

Увы. Вместо предсмертных криков противника Рован услышал презрительный смех и язвительные слова:

- В Морате с нетерпением ждут всех вас.

Сказав это, илк взмыл в небо раньше, чем Рован успел нанести удар.

Аэлине было не до расправы. Гарель и Эдион тоже едва шевелились. Похоже, для них сражение с илками не было легким. На окровавленной груди Фенриса поблескивала зеленоватая жижа. Яд...

Аэлина умела создавать огненные стены, однако сейчас требовалась иная магия - водяная, а этой магией она владела намного хуже. Все ее внимание сосредоточилось на целебных каплях воды, способной справиться с ядом...

Рован уже собрался предложить свою помощь, когда из темноты появилась Лисандра и спросила:

- А той тварью кто-нибудь займется или отдадите ее мне?

Илк удалялся от корабля, торопясь к берегу. Спешил в Морат с донесением.

Рован схватил валявшийся лук Фенриса и колчан с черными стрелами. Соратники не пытались его удержать. На каждом шагу вздымая черные брызги, Рован прошел по залитой кровью палубе к перилам.

Плескались волны, стонали раненные, скрипело дерево тяжелого лука. Рован наложил стрелу, оттянул тетиву. Еще сильнее, еще. У Рована напряглись руки. Он целился в улетавшего илка.

- Ставлю золотой, что промахнется, - прохрипел Фенрис.

- У тебя есть заботы поважнее, - отгрызнулась Аэлина.

- Ставлю целых два, что попадет, - заявил Эдион.

- Проваливай в преисподнюю, - бросила ему Аэлина, но почти сразу добавила: - Ставлю пять. Даже десять, что Рован сшибет илка первым же выстрелом.

- Ставки приняты, - морщась от боли, простонал Фенрис.

- Сам не знаю, и чего я связался с вами, - проворчал сквозь зубы Рован.

Он выстрелил. Стрела ушла в темноту. Но острым фэйским зрением Рован видел ее полет. Стрела попала точно в цель, пронзив илку голову.

Тварь камнем упала в воду. Это было видно даже с палубы. Аэлина негромко засмеялась.

Рован хмуро поглядел на нее. Аэлина склонилась над истерзанной грудью Фенриса. Свет мерцал на кончиках ее пальцев. Взглянув на бывшего соратника, Рован повернулся к Эдиону:

- Жду оплаты от сделавших ставки.

Эдион усмехнулся, однако Рован заметил тень в глазах Аэлины, продолжавшей заниматься раной Фенриса. Он понимал, почему она столь легко отнеслась к случившемуся, хотя наверняка знала, насколько серьезно ранен его бывший соратник. Нападение гончей Вэрда и налет илков меркли в сравнении с главным: Эравану известно их местонахождение. Нужно добираться до суши, и как можно скорее.

Оставалось лишь надеяться, что магическая карта Рульфа верно указала, где искать Замок.

Эдиона уже воротило от всякого рода неожиданностей. Сегодня его сердце то и дело замирало от удивления.

Так было, когда Гарель пришел ему на помощь. Лев с такой свирепостью крушил илков, что рядом с ним Эдион казался новичком, впервые взявшим в руки меч.

Отец, спасающий свое чадо. Гарель дрался, не следя за противниками, отчего и получил раны на руках и груди. Ему еще повезло, что ядовитую слизь, покрывавшую когти илков, те израсходовали, когда расправлялись с матросами.

Какое-то время Эдион оставался наблюдателем, пока не почувствовал запах отцовской крови с медным привкусом. Так пахла кровь смертных. Гарель и глазом не успел моргнуть, когда Эдион, забыв про боль в ноге, пришел ему на помощь. Они сражались бок о бок, пока от илков не остались лишь груды окровавленного мяса и костей.

Закончив бой, Эдион молча убрал меч, повесил щит за спину и, прихрамывая, отправился искать Аэлину.

Она по-прежнему возилась с раной Фенриса. Рована она лишь наградила дружеским похлопыванием по бедру, и он поспешил к другим раненым. Похлопывание по бедру за виртуозный выстрел. Легион Беспощадных славился умелыми лучниками, но Эдион не сомневался: расскажи он про выстрел Рована, они бы заявили, что такое невозможно.

Аэлина попросила брата принести воды. Эдион принес целое ведро и теперь смотрел, стараясь не морщиться, как она смывает ядовитую зеленую слизь. Неподалеку Гарель возился с раной пирата, вопившего так, словно ему оторвало ногу. На самом деле парню лишь задело ляжку.

Фенрис зашипел. Аэлина что-то пробурчала.

– Что? – спросил Эдион.

Аэлина тряхнула головой. «Можешь идти» означал ее не слишком-то вежливый жест. Но Эдион не ушел. Аэлина зацепилась глазами с Фенрисом и некоторое время пристально смотрела на раненого. Эдион прекрасно знал, что значит такой взгляд. «Будет больно». Так лекари смотрели на солдат на поле боя и у себя в шатрах.

– Почему ты их попросту не расплавила? – преодолевая боль, спросил Фенрис.

– Потому что хотела вытрясти из них хоть какие-нибудь сведения. И вытрясла бы, если бы ты не влез... самоуверенный фэйский придурок.

Аэлина стиснула зубы. Эдион положил ей руку на спину. Наверное, яд пытался прорваться сквозь ее магический щит. Смывание яда было отнюдь не безопасным занятием. Аэлина чуть наклонилась. Видимо, благодарилась за братское участие.

– Дальше я и сам справлюсь, – заявил Фенрис. – Займись другими.

– Помолчи уж, – оборвала его Аэлина. – Даже полежать спокойно не можешь. Знал бы ты, сколько яда было у этой твари на когтях.

– Другими займись!

– Я давно хотела спросить: а как действует твоя магия? Как тебе удается перепрыгивать с места на место?

Эдион разгадал уловку сестры: отвлечь внимание Фенриса.

Он огляделся по сторонам. Кажется, в других местах обходились без него. Взяв тряпку, Эдион тоже стал смывать кровь и яд с груди Фенриса. Он представлял, каково сейчас «фэйскому придурку». Ему было неловко сравнивать рану Фенриса и собственную свербящую ногу. Мало ли его ранили в сражениях?

– Сам не знаю, что это такое и откуда берется, – сказал Фенрис. Он дышал ртом, постоянно сжимая и разжимая пальцы. – Я перепрыгиваю между... складками мира. Расстояния невелики, и после нескольких таких прыжков я напроць выжат, но... на поле боя помогает.

Он стиснул зубы, глядя, как края раны начинают смыкаться.

– А кроме этого, не могу похвастаться никакими способностями. Скорость, сила, раны быстро затягиваются... быстрее, чем у большинства фэйцев. Вот и все. Защитить себя и других могу, но вызвать огонь или ветер – нет.

Рука Аэлины, застывшая над его раной, слегка вздрогнула.

– Из чего состоит твой магический щит?

Фенрис хотел небрежно пожать плечами, но у него не получилось.

– Из высокомерия, – ответил Гарель, все еще возившийся с хнычущим пиратом.

Аэлина фыркнула и, продолжая следить за исцеляющейся раной, сказала:

– Так, значит, Гарель, ты не лишен чувства юмора.

Лев Доранеллы обернулся. На губах застыла настороженная улыбка. Точная, но очень редко появляющаяся копия улыбки Эдиона – тот на них не скупился. Аэлина называла его не иначе как Дядюшка Котенок, пока однажды Эдион не рывкнул на нее и не потребовал думать, прежде чем раздавать прозвища. Гарель относился к подобным вещам гораздо сдержаннее. Вот и сейчас он лишь вздохнул, как вздыхал всегда в присутствии Аэлины и Фенриса.

– У Гареля чувство юмора просыпается раз в сто лет, – прохрипел Фенрис. – Так что моли богов, чтобы совершилось твое Преображение, иначе больше ты этой редкости не увидишь.

Аэлина усмехнулась, но ее смех быстро смолк. Эдион почувствовал, как к нему в живот заползло что-то холодное и скользкое.

– Прости, – пробормотал Фенрис, морщась не от неуклюжести своей шутки, а от боли.

– А откуда ты? – вдруг спросила Аэлина, не дав Эдиону особо раздумывать над своими ощущениями. – Лоркан, насколько знаю, был уличным мальчишкой на задворках Доранеллы.

– Очень скоро этот уличный мальчишка обосновался на задворках дворца Маэвы. Это к слову о его тяжелом детстве, – снова поморщился Фенрис. – А мы с Конналом родились в приличной семье. Наши родители жили в юго-восточной части владений Маэвы..

Фенрис стиснул зубы и зашипел.

– Твои родители? – переспросил Эдион.

Внимание Аэлины вновь было поглощено раной Фенриса. Эдион видел, как сестра легко исцеляет мелкие раны. Исцеление живота Маноны заняло много дней и подвигалось медленно. А эта рана..

– Наша мать была воительницей, – продолжал Фенрис, с заметным трудом произнося каждое слово. – Она и обучала нас. Отца мы видели редко. Он возвращался с одной войны и почти сразу отправлялся на другую. Обязанность защищать дом лежала на матери. Она же обо всем сообщала Маэве.

Фенрис и Аэлина – оба тяжело дышали. Эдион подвинулся, и Аэлина целиком прислонилась к нему. Про распухшее колено Эдиона никто не спрашивал, и оно могло только тупо ныть.

– Когда нам с Конналом стукнуло по тридцать, мы, что называется, стали дергать за поводок и требовать, чтобы мать взяла нас в Доранеллу. Хотелось увидеть город, встретиться с королевой. Но больше всего нас привлекали занятия, свойственные молодым парням, когда в карманах полно денег, прыть подстегивает, а мозги еще не окрепли. Однако стоило Маэве нас увидеть, и..

Фенрис ловил воздух ртом.

– И дальше все пошло наперекосяк.

Аэлина и Эдион знали продолжение его истории.

С груди Фенриса убрали последнее пятно зеленой слизи. Аэлина отерла вспотевший лоб.

– Маэва ведь наверняка знает, что ты ненавидишь свою клятву.

– Конечно знает, – согласился Фенрис. – Потому она меня сюда и послала. Понадеялась, что временная свобода меня измучит и истерзает вконец.

У Аэлины тряслись руки. Несколько раз судорога пробегала по всему телу. Боясь, что она упадет, Эдион обнял сестру за талию.

– Я тебе сочувствую, – только и могла сказать Фенрису Аэлина.

Помимо большой раны, на груди Фенриса было несколько мелких. Все они начали затягиваться. Почувствовав, что силы Аэлины на исходе, Рован поспешил к ней.

Лицо Фенриса еще сохраняло землистый оттенок. Взглянув на подошедшего Рована, он сказал Аэлине:

– Мы для этого и рождаемся: защищать, служить, заботиться. С Маэвой все это выглядит... насмешкой.

Он потрогал свои медленно затягивающиеся раны.

– Но для каждого фэйского мужчины это зов крови. То, что ведет его по жизни. То, чего мы ищем, даже если утверждаем обратное.

Удивляясь себе, Эдион вдруг обратился к отцу:

– А ты как считаешь: Маэва достойна вашей защиты, служения и заботы? Или ты такого же мнения, как и Фенрис?

Гарель заморгал от неожиданности, потом выпрямился, двигая затекшими плечами. Пират, с которым он возился, уже спал. Эдион выдержал пристальный взгляд темно-желтых отцовских глаз, пытаясь гасить все проблески надежды, мелькавшие у Льва Доранеллы.

– Я тоже происхожу из хорошей семьи. У меня было два старших брата. Мне не светило ни наследство, ни власть, и тогда я избрал путь воина. Маэва меня заметила и вскоре предложила войти в ее круг. Для меня это было и остается высокой честью.

– Ты не ответил на вопрос, – тихо возразил Эдион.

Отец пожал плечами:

– Только один раз я пожалел о принесенной клятве. Только один раз мне захотелось уйти от Маэвы.

Гарель не стал продолжать. Эдион и так знал, когда это случилось.

- Ты настолько сильно ее любил? - спросила Аэлина.

Эдион глядел себе под ноги. Он был очень благодарен сестре за вопрос, но и свою благодарность ему тоже не хотелось показывать.

Гарель плотно, до белизны костяшек, сжал кулаки:

- Она была яркой звездой, появившейся после нескольких столетий Тьмы. Если бы она позволила, я бы пошел за ней на край света. Но она не позволила, и я с уважением отнесся к ее решению. Она не хотела продолжения и сказала, чтобы я ее не искал. Потом меня послали на другой континент. Я даже не позволял себе смотреть в сторону Террасена.

Поскрипывали корабельные снасти. Стонали раненые. Эдион боролся с отчаянным желанием встать и уйти. Сейчас он напоминал оторопевшего мальчишку... доблестный генерал, прошедший десятки сражений на полях, по колено залитых кровью.

Чувствуя, что Эдиону не заставить себя произнести нужные слова, Аэлина спросила Гареля:

- И ты отважился бы ради нее нарушить кровную клятву? Ради них?

- Я живу по закону чести, - ответил Гарель. - Но знай, Эдион: если бы Маэва попыталась причинить вред тебе или твоей матери, я бы сделал все, что в моих силах, дабы вызволить вас.

Эти слова ударили Эдиона, потом пронеслись сквозь него. Он не позволял себе думать о них, о правде, ощущавшейся в каждом слове. О том, как прозвучало его имя в устах отца.

Гарель мельком взглянул на спящего пирата и перешел к другому. Но успел заметить распухшее колено Эдиона:

- Нужно заняться твоим коленом, а то через несколько часов оно у тебя одеревенеет.

Аэлина встрепенулась. Она уже была готова осмотреть его колено, но Эдион упрямо замотал головой:

- Такие повреждения я умею лечить сам.

Он говорил правду: полковые лекари и воины легиона Беспощадных научили его многим премудростям врачевания.

- Твои раны тоже требуют внимания, - заметил он отцу.

Рубашка Гареля была покрыта толстой коркой запекшейся крови. Ему необычайно повезло: на когтях иллка, ранившего его, не осталось ядовитой слизи. Гарель мельком оглядел себя. У него дернулся кадык. Потом он молча отошел.

Аэлина попыталась встать. Эдион не сразу заметил, что ноги отказываются держать его сестру. Но подоспевший Рован поднял Аэлину на руки, не дав ей упасть. Она слишком быстро исчерпала запасы своей магической силы. К тому же атака илков помешала им поужинать.

Аэлина прислонилась головой к груди Рована. Взмокшие от пота волосы висели сосульками. Эдион почувствовал, что фэйский принц напряжен не меньше, чем он. В Морате знали, с каким противником они имеют дело и кто им противостоит. Своих командиров Эраван тоже создавал с учетом особенностей противника. Эти мысли сейчас кружились в мозгу Эдиона. Словно прочитав их, Рован кивнул и добавил:

– Колено держи приподнятым.

Фенрис уснул прямо на палубе. Рован понес Аэлину в каюту.

Остаток вечера и начало ночи Эдион провел в одиночестве. Вначале нес вахту, затем несколько часов просидел на юте, возле мачты. Ногу держал так, как советовал Рован. Спускаться в тесную душную каюту не хотелось.

Сон начал одолевать и его, когда за спиной скрипнула палубная доска. Эдион знал: Лисандра могла бы подкрасться совсем неслышно, но не хотела его смущать.

Призрачный леопард сел рядом, помахивая хвостом. Затем большая голова зверя улеглась на бедро Эдиона.

Молча оба смотрели, как перемигиваются звезды над затихшими волнами. Леопардовый нос Лисандры был влажным, но Эдиону это ничуть не мешало. Звездный свет слегка серебрил ее шкуру. На губах Эдиона застыла улыбка, такая же призрачная, как леопард.

Глава 48

Все, кто был в состоянии держаться на ногах, этой ночью не сомкнули глаз. Как только матросы заделали дыру в каюте Маноны, корабль снялся с якоря и продолжил плавание. Капитанша сказала Дорину, что заплатка довольно надежная, но, если корабль снова попадет в шторм, останется уповать только на богов.

С ранеными возились до глубокой ночи. Дорин был благодарен Ровану, что тот научил его азам целительной магии. От вида некоторых ран молодого короля начинало мутить, и тогда, чтобы не исторгнуть наспех проглоченный скудный ужин, он представлял, что складывает головоломку или сшивает лоскутки ткани. Однако раны, на которых илки оставили свою ядовитую зеленую слизь, Дорин трогать не решался: пусть ими займутся Рован, Аэлина и Гарель.

Серый рассвет Дорин и его соратники встретили с осунувшимися лицами и темными кругами под глазами. Фенрис снова мог ходить, пусть и прихрамывая. Аэлине все-таки пришлось заняться коленом Эдиона, иначе каждый шаг сопровождался болью, но... в жизни каждого из них бывали испытания и потяжелее.

Ощущая некоторую слабость в уставших ногах, Дорин разглядывал палубу, которую еще не успели отмыть от крови. Пока что очистили лишь самые густые потеки крови и побросали за борт тела илков. Если вчерашняя гончая сказала правду, время было безжалостным противником мореходов. Они попросту не могли позволить себе зайти в какую-нибудь гавань для починки корабля.

Знакомый глухой рев заставил Дорина повернуться в сторону кормы.

Ведьма по-прежнему была там и врачевала раны Аброхаса. Этим она занималась всю ночь. Какой-то илк покусал дракона. К счастью, их зубы не содержали яда, но Аброхас потерял много крови. Манона не подпускала никого к своему крылатому коню.

Аэлина хотела помочь, однако ведьма зарычала и на нее. Возможно, при иных обстоятельствах Аэлина лишь пожала бы плечами и ушла. Но напряжение вчерашнего вечера сказалось на ней. Поведение Маноны обидело ее, и она громко, на весь корабль, заявила:

- Если твоя зверюга сдохнет, так тебе и надо.

Все умолкли и повернулись к ней. Манона пригрозила, что располосует ей спину. На это Аэлина показала ведьме непристойный жест. Чужая неладное, Лисандра (все еще в леопардовом облике) влезла на снасти и сидела целый час, позволяя ветру терзать ее хвост.

Опасность для Аброхаса миновала, и сейчас ведьма сидела, устало прислонившись к его боку и полускрыв глаза.

Дорин знал, что приближается к опасной черте. В ту ночь, когда он был готов медленно раздеть ведьму, пользуясь тем, что цепи прочно ее держат, он вдруг увидел... Ее золотистые глаза пожирали его с такой же ненасытностью, с какой ему хотелось полакомиться ее телом.

Словно почуввав его взгляд, Манона открыла глаза и уставилась на Дорина. Они сидели далеко друг от друга, однако воздух между ними гудел от напряжения.

Эдион и Фенрис, драившие палубу, сразу это заметили. Фэец хмыкнул. Оба видели, как Манона медленно двинулась навстречу Дорину, но вмешаться не пытались. Если до сих пор ведьма не сбежала и ни на кого не напала, вряд ли у нее есть намерения калечить адарланского короля.

Манона встала у перил, глядя на бесконечную водную даль и розовые облачка вдоль горизонта.

- Это тебя я должна благодарить за свободу?

- Возможно, - ответил Дорин, упираясь ладонями в перила.

- Те невидимые руки - это твоя магия. Как они получаются?

- Сам не знаю, - признался он, рассматривая свои настоящие руки. - Я ощущаю их как продолжение себя. Как еще одну пару рук, которыми могу управлять.

Дорин снова вспомнил ту ночь. Невидимые руки обхватывали запястья Маноны. Ее тело отвечало так, как ему и хотелось, будучи то напряженным, то расслабленным. Его губы едва касались губ ведьмы. Наверное, и она вспоминала их несостоявшуюся близость. Золотистые глаза Маноны вспыхнули, и Дорин вдруг произнес:

- Я бы не причинил тебе вреда.

- Однако тебе понравилось калечить гончую.

- Да, - обронил Дорин, и в его глазах появились льдинки.

Манона подошла совсем близко. Ее палец коснулся бледного шрама на шее Дорина - следа от страшного каменного ошейника. Он забыл, что они не одни и вокруг полно зрителей.

- А ведь ты мог бы заставить эту тварь помучиться. Однако ты предпочел покончить с нею быстро. Почему?

- Потому что, даже когда имеешь дело с врагами, существует некая черта.

- В таком случае, ты получил ответ.

- Но я не задавал вопроса.

Манона усмехнулась:

- Я помню, какие глаза были у тебя вчера вечером. Ты становился чудовищем, как и все остальные. Когда в следующий раз будешь убивать, напомни себе про черту.

- А ты, ведьмочка, где стоишь на этой черте?

Ведьма выдержала его взгляд. Казалось, она хотела, чтобы молодой король увидел все сто лет ее жестоких деяний.

- Я не из породы смертных. По вашим правилам не играю. Я охотилась на людей и убивала их просто так, чтобы развлечься. Не путай меня с человеческой женщиной, короленок.

- Меня не интересуют человеческие женщины, - игриво произнес Дорин. - Уж слишком они хрупкие.

Слова, сказанные в шутку, вдруг заделали глубокую рану у него внутри, и Дорин понял: та боль никуда не исчезла. Не давая боли выйти наружу, он направил разговор в другое русло:

- Ты что-нибудь знала об илках?

- Скорее всего, они - часть того, что Эраван прячет в горах вокруг Мората.

- Как прикажешь понимать твои туманные слова: «часть того, Эраван прячет в горах вокруг Мората»? - послышался хриловатый голос Аэлины.

Дорин едва не подпрыгнул. Должно быть, искусству бесшумно подкрадываться Аэлина училась у Лисандры в обличье призрачного леопарда. Даже Маноне стало не по себе, когда террасенская королева вдруг появилась у них за спиной. Вся одежда ее величества была густо перепачкана черной кровью.

Манона обвела глазами Эдиона и Фенриса. Те, конечно же, слышали вопрос Аэлины и подошли ближе. За ними приблизился и Гарель. Фенрис так и не снял окровавленные лохмотья, в которые превратилась его рубашка. Хорошо еще, что Рован помнил о необходимости нести вахту и висел на снастях. Лисандра кружила над кораблем.

- Илков я никогда прежде не видела, - сказала Манона. - Только слышала о них. Слышала их крики, когда они погибали, и вопли, когда они становились илками. Я не знала, кто они такие, и не думала, что Эраван пошлет их так далеко от Мората. У меня в отряде есть две ведьмы.. Мы их зовем Тенями. Они всего один раз мельком видели илков. Таких же, что прилетали сюда вчера.

- Илки - они в первую очередь разведчики? - спросила Аэлина. - Или воины?

Должно быть, свежий воздух сделал Манону разговорчивее. Она прислонилась к перилам, глядя на впечатляющее собрание смертных и бессмертных убийц.

- Мы толком не знаем. Они умело прикрываются. Мои Тени способны найти кого угодно и даже тех, кто не хочет быть обнаруженным. Но и они ни разу не смогли выследить этих тварей.

Услышанное заставило Аэлину напрячься. Она смотрела в воду и молчала, будто разучилась говорить под бременем чудовищной усталости и еще какого-то непонятного и тяжелого груза на плечах.

- Нечего дуться, - сказала ей Манона. - Сама виновата.

Эдион предостерегающе зарычал.

Аэлина медленно повернулась к ведьме. Дорин вцепился в перила.

- Ты где-то ошиблась в расчетах, вот они и выследили тебя, - продолжала ведьма. - Нечего отвлекаться на мелкие поражения. Это война. А на войне враг захватывает города и гибнут люди. На твоем месте я бы сейчас волновалась о другом: почему Морат послал сюда так мало илков?

- Ах, если бы ты была на моем месте, - вкрадчиво, с ядовитым оттенком, повторила Аэлина.

От ее слов пальцы Дорина сами собой покрылись льдом. Рука Эдиона привычно потянулась к мечу.

- Если бы ты была на моем месте...

Аэлина засмеялась. Негромко. Невесело. Такого ее смеха Дорин не слышал очень давно... с той страшной ночи, когда убили Нехемию. Мелькнула жуткая картина: залитая кровью спальня принцессы в стеклянном замке, которого больше нет.

- Но ты, Черноклювая, не на моем месте, а потому все свои суждения о подобных делах держи при себе.

- Я - не Черноклювая, - возразила Манона.

Все удивленно повернулись к ней, но ведьма смотрела только на королеву.

- Вот как? - Аэлина взмахнула рукой, испещренной полосами шрамов. - А это уже интереснее. Рассказывай, мы послушаем.

Дорин опасался, не кончится ли дело стычкой, но Манона лишь выждала несколько мгновений, словно любясь восходящим солнцем, и стала рассказывать:

- Бабушка лишила меня не только титула наследницы и звания главнокомандующей. Она лишила меня наследия. Оказалось, мой отец был крошанским принцем. Бабушка расправилась с ним и моей матерью за их попытку положить конец вражде между племенами ведьм и разрушить проклятие, наложенное на наши земли.

Дорин оглянулся на Эдиона. Лицо Волка Севера напряглось, глаза ярко сверкали, а мозг наверняка уже прокручивал новые возможности.

Дальнейшие слова Манона произнесла с некоторой нерешительностью, будто сама не до конца веря в их истинность:

- Оказалось, что я - последняя крошанская королева, последний прямой потомок Рианноны Крошанской.

Аэлина молчала, закусив губу.

- И вне зависимости от решений моей бабушки я остаюсь наследницей клана Черноклювых. Ведьмы, сражавшиеся бок о бок со мной, почти сто лет занимались выслеживанием и истреблением крошанских ведьм. Они мечтали о возвращении на родину. Я обещала, что они туда вернуться. А теперь я только чудом не была убита собственной бабушкой. Я не знаю, где ведьмы моего отряда Тринадцати и что с ними. Прежде всего, живы ли они. Так что, госпожа террасенская королева, ты - не единственная, чьи замыслы пошли наперекосяк. И хныкать по этому поводу бесполезно. Бери себя в руки и начинай думать, что делать дальше.

Две королевы на борту пиратского корабля. Дорину хотелось себя ущипнуть.

Аэлина закрыла глаза и снова рассмеялась. Эдион опять напрягся, не зная, чем кончится этот далеко не радостный смех сестры. Манона, казалось, была готова к любому исходу.

– Выходит, я тогда не напрасно спасла твою тощую задницу, – продолжая улыбаться, сказала Аэлина.

Манона ответила ей улыбкой, способной заледенить кровь. И тем не менее мужчины, включая Дорина, облегченно вздохнули.

– Я вот только одного не пойму, – вдруг заговорил Фенрис. – Зачем было так долго ждать? Если Эраван вознамерился погубить вас, – он кивнул на Аэлину и Дорина, – зачем было ждать, когда вы повзрослеете и войдете в силу?

Дорина от этой мысли пробрала дрожь. Какими же неподготовленными они были!

– Потому что я ускользнула от Эравана, – сказала Аэлина.

Дорин старался не вспоминать о событиях десятилетней давности, но они все равно пронеслись через его сознание. Наверняка и через сознание Аэлины и Эдиона тоже.

– Он подумал, что я утонула. А Дорин... отец оберегал его насколько мог.

Эти воспоминания Дорин тоже прогнал, особенно когда Манона вопросительно наклонила голову.

– Маэва знала, что вы оба живы, – сказал Фенрис. – Не исключено, что и Эраван знал.

– Она могла оповестить Эравана, – предположил Эдион.

– У нее не было сообщения ни с Эраваном, ни с Адарланским королевством, – резко повернувшись к генералу, возразил Фенрис.

– Ты говоришь о том, что знаешь сам, – усмехнулся Эдион. – Если, конечно, в спальне Маэва не делалась разговорчивой.

Глаза Фенриса помрачнели.

– Маэва не намерена делиться властью. Она и раньше, и сейчас считает Адарлан досадной помехой.

– Каждого можно купить, вопрос лишь в цене, – парировал Эдион.

– Цена союза с Маэвой не имеет названия, – сердито ответил ему Фенрис. – Этот союз невозможно купить.

Аэлина замерла. Она смотрела на фэйского воина, а ее губы шепотом повторяли услышанные слова.

- Что все это значит? - не унимался Эдион.

- Моя цена не имеет названия, - пробормотала Аэлина.

Эдион уже был готов спросить, почему слова Фенриса ее так заинтересовали, но Аэлина его опередила.

- Ведьмы способны предсказывать будущее? - хмурясь, спросила она у Маноны. - Видеть его, как видят оракулы?

- Некоторые могут. В основном Синекровные.

- А ведьмы других кланов?

- Говорят, что для древних прошлое, настоящее и будущее слиты воедино.

Мотая головой, Аэлина пошла к лестнице, намереваясь спуститься вниз. Рован вспорхнул со снастей, еще на лету вернув себе фэйский облик. Едва взглянув на всех, кто был на палубе, он поспешил за Аэлиной.

- Что все это значит? - теперь уже спросил недоумевающий Фенрис.

- Древние, - задумчиво произнес Дорин. - Такие как Бэба Желтоногая.

Пальцы Маноны коснулись ключицы - того места, где у Аэлины белели шрамы, оставленные ногтями Желтоногой.

- Прошлой зимой она побывала в вашем замке, - сказала Дорину Манона. - Приезжала под видом балаганной предсказательницы.

- И что такого она сказала? - спросил Эдион.

Дорин вспомнил: генерал знал об этом визите. Он сам признавался, что всегда следил за ведьмами и вообще за всеми, кто обладал особыми силами.

Манона прищурилась на генерала:

- Бэба была настоящей предсказательницей. Очень сильной. Не удивлюсь, если она сразу же узнала, что перед нею - террасенская королева. Бэба увидела будущие события и решила подороже продать сведения о них.

Дорину понадобилась вся сила воли, чтобы не вздрогнуть от воспоминаний. Аэлина убила Бэбу Желтоногую, когда та пригрозила продать его тайны. Она и не догадывалась, что откровения ведьмы угрожают и ей.

- Бэба ничего не сказала бы Аэлине напрямую. Только туманные намеки. Но королеве хотелось простых и ясных ответов. Учитывая ее взрывной характер... дальше понятно.

Манона выразительно посмотрела на дверь, за которой скрылась Аэлина.

На палубе стало тихо. Молчание сохранялось и во время завтрака – холодной вчерашней каши. Возможно, корабельному повару было не до того. А возможно, его самого не было в живых.

Аэлина заперлась в отхожем месте. Судя по звукам, доносящимся оттуда, ее выворачивало.

– Аэлина, – тихо, но настойчиво позвал Рован.

Ответом ему был шумный вздох, затем рыгание и... ее нутро исторгло новую порцию.

– Аэлина! – теперь уже прорычал Рован, подумывая, не рвануть ли дверь.

Ему вспомнились ее недавние слова: «Веди себя как принц».

– Мне нехорошо, – донеслось из-за двери. – Мог бы и сам догадаться.

Голос был совершенно неживым. Давно, очень давно Рован не слышал у нее таких интонаций.

– Вот я и догадался, – как можно спокойнее произнес он. – Впусти меня. Я тебе помогу.

– Не хочу, чтобы ты видел меня в таком состоянии.

– Однажды я видел, как ты обмочилась. Вид блевотины меня тоже не испугает. Тем более что я видел и это.

«Подожду еще немного, а потом просто сломаю замок», – решил Рован.

– погоди еще немного, – послышалось с другой стороны.

– Скажи, чем тебя так задела слова Фенриса? – спросил он, поскольку слышал весь разговор на палубе.

Аэлина не отвечала. Она словно загоняла обратно что-то ужасное, вырвавшееся наружу после слов фэйского воина. Ей, как маленькой, хотелось спрятать это подальше, так чтобы не видеть, не вспоминать и никому не рассказывать. Даже Ровану.

– Аэлина...

Скрипнул отодвигаемый засов.

Лицо у нее было землистого цвета, глаза – воспаленными.

– Я хочу поговорить с Лисандрой, – дрогнувшим голосом объявила она.

Рован посмотрел на ведро (наполовину полное), затем на обескровленные губы Аэлины и ее лоб, густо покрытый потом.

У него сжалось сердце, когда он подумал, что... она сказала правду. Ей действительно нехорошо. Но в чем причина? Рован пытался определить причину по запаху Аэлины, однако ему очень мешало зловоние блевотины и вездесущий запах морской воды.

Прогнав тревожные мысли, Рован молча ушел.

Лисандра вернулась в человеческое обличье и сейчас уплетала холодную водянистую кашу. Рован передал ей просьбу Аэлины. Лисандра молча отправилась к королеве.

Он снова превратился в ястреба и поднялся так высоко, что корабль выглядел маленьким пятнышком, покачивающимся на морских волнах. Ветер приятно обдувал оперение, но на сердце у Рована по-прежнему было очень тревожно.

Возможно, им грозит какая-то опасность. Он проведет тщательную разведку и только потом вернется на корабль и расспросит Аэлину. Рован поймал себя на мысли, что может оказаться неготовым услышать ее ответы.

Появился берег. Изумрудные и золотистые поля и луга, густо изрезанные большими и малыми реками. Широкая полоса побережья.

Но не только свет солнца освещал эту землю, такую мирную и безмятежную с высоты. Там, где стояли рыбацьи деревушки... полыхал огонь. Горящие селения исчислялись десятками.

Острый слух Рована ловил встревоженные крики матросов с его и двух других кораблей. Берега на горизонте были густо затянуты дымом.

Эйлуэ. Королевство было охвачено пожарами.

Глава 49

Элида не разговаривала с Лорканом целых три дня.

Она была готова молчать еще три дня, а может, даже три месяца, если бы жизненная необходимость не заставила ее прервать это ненавистное молчание.

У нее подоспели месячные, а поскольку весь прошедший месяц она ела регулярно и досыта, жалкие капельки крови, с которыми она легко справлялась в крепости, превратились в настоящий поток. Он-то сегодня и разбудил Элиду ни свет ни заря.

Соскочив с узкой койки, она помчалась в крохотное отхожее место, где обыскала все углы, но не нашла ни тряпочки. Разумеется, женщины на этой

барке никогда не плавали. Элиде не оставалось иного, как разорвать на лоскуты вышитую скатерть. К тому времени, когда она более или менее справилась с внезапным «потопом», Лоркан успел проснуться и стоял с шестом, направляя лодку на середину реки.

– Мне нужны тряпки, – без обиняков заявила она Лоркану.

– От тебя и сейчас всю пахнет кровью.

– Учти: это продлится еще несколько дней и запах будет только усиливаться. Потому мне и нужны тряпки, причем немедленно.

Лоркан, стоявший на носу барки, повернулся к Элиде, принюхался. Ее лицо пылало, живот сводили судороги.

– Доберемся до следующего городишки, там и остановимся.

– Когда это будет?

– К вечеру, – ответил Лоркан, вспомнив, что она не разбирается в картах.

Все эти дни они проплывали мимо городишек и селений, питаясь рыбой, которую ловил Лоркан. Элиду злила собственная беспомощность; на второй день она, приглядываясь к действиям Лоркана, тоже стала удить и выловила жирного угря. Правда, отрезать угрю голову, чистить и готовить улов все равно пришлось фэйскому воину, но Элида хотя бы не ощущала себя дармоедкой.

– Ладно, – только и ответила Элида.

До вечера она как-нибудь дотерпит.

Лоркан произнес что-то невразумительное.

Чувствуя, что из нее сейчас опять польется, Элида поспешила в каюту. Там еще оставалась половина скатерти.

– В прошлый раз у тебя почти не было крови.

Элиде меньше всего хотелось поддерживать с ним разговор, да еще на такую тему. И все же она сказала:

– Видно, тело почувствовало себя в безопасности и расслабилось.

Она не обманывалась насчет Лоркана. Она помнила, что он хладнокровно убил хозяина барки да еще соврал ей. Помнила, как швырнул ей в лицо правду об Аэлине... Но он не задумываясь противостоял любой опасности. Пусть он в первую очередь думал о себе и своем будущем, однако рядом с ним Элида впервые в жизни почувствовала себя защищенной. Ночью она могла спокойно спать, потому что Лоркан лежал на полу между ее койкой и дверью каюты.

– Ну так... обычное дело.

Произнося эти слова, Лоркан даже не взглянул на нее.

Задрав голову, Элида смотрела на его сильную мускулистую спину. Отказываясь говорить с Лорканом, она все равно глазела на него, придумывая предлоги. Например, хотела поучиться воинским упражнениями, которые он исправно делал каждый день, и чаще всего – сняв рубашку.

– Конечно обычное дело, – повторила Элида.

Во всяком случае, она на это надеялась. Месячные у нее начались еще в башне, но приходили от случая к случаю и никогда не бывали обильными. Ее нянька Финнула всегда цокала языком и качала головой. Однако на этот раз месячные явились точно в срок.. Элиде не хотелось раздумывать о причинах.

– Вот и хорошо, – не оборачиваясь, сказал Лоркан. – А то возникла бы задержка.

Элида показала его спине язык и поспешила в каюту. Ответ Лоркана ее ничуть не удивил.

Им так и так пришлось бы сделать остановку. Ну сколько можно кормиться одной рыбой? Лоркан мысленно приводил себе эти доводы, глядя, как Элида разговаривает с хозяйкой постоянного двора, объясняя свои потребности.

Голову Элида повязала выцветшим красным платком. Наверное, завалился где-нибудь на барке. Голос она намеренно изменила, сделав его гнусавым. Словом, постаралась превратиться в незаметную дурнушку. Никакого намека на красивую молодую женщину, упорно не замечавшую Лоркана все эти дни.

Лоркан не жаловался. Обычно болтовня Элиды мешала ему сосредоточиться. Три дня подряд он строил замыслы мести Аэлине Галатинии и обдумывал, как и чем отплатит той за коварный обман.

Само заведение показалось Лоркану вполне безопасным местом. Оставив Элиду разговаривать с хозяйкой, он пошел по улицам обшарпанного городишки, намереваясь купить съестных припасов.

В это время на улицах было достаточнолюдно. Рыбаки, вернувшиеся с лова, привязывали лодки. Торговцы зазывали покупателей. Вид у Лоркана был настолько утрашающий, что ему за полцены продали ящик яблок, приличный кусок вяленой оленины и несколько мешочков круп. Желая поскорее спровадить опасного покупателя, торговец на обветшалой набережной даже прибавил несколько груш, сказав, что это подарок для прекрасной спутницы Лоркана.

Лоркан уже подходил к барке, когда вдруг вспомнил слова торговца, и они показались ему более чем подозрительными.

В эту часть города он пришел один. Торговца Лоркан видел впервые. Когда они причалили и сошли на берег, тот не крутился поблизости. Слухи, конечно, распространяются быстро, но в прибрежных городках всегда полно незнакомцев. Хозяева таверн и постоянных дворов живут за счет того, что лишних вопросов не задают и языком о своих постояльцах не треплют.

Лоркан поспешил на барку. На город и противоположный берег надвигался туман. Лоркан торопливо бросил припасы в каюте и поспешил обратно на причал. К этому времени улицы опустели.

Магия Лоркана беспокойно зашевелилась. Он вглядывался в туман. В домах зажигали свечи и лампы, отчего в темно-серой мгле засверкали золотистые островки.

«Дело неладно, дело неладно, дело неладно», – шептал Лоркану голос его магии.

Помнится, хозяйка постоялого двора говорила, что одежные лавки совсем рядом. Значит, Элида к этому времени должна уже вернуться. Никогда еще Лоркану так не хотелось увидеть ее лицо.

Туман густел. Лоркан прибавил шагу. Подошвы его сапог громко скрипели на влажных камнях мостовой.

Мимо него к реке опроретью неслись крысы, плюхались в воду и, цепляясь друг за друга, куда-то уплывали.

На город что-то надвигалось... Нет, оно было уже здесь.

Хозяйка постоялого двора была настолько любезна, что сама повела Элиду по лавкам, а когда Элида подобрала себе одежду, посоветовала не торопиться платить. Сначала надо примерить. В лавках примерочных не было. Тогда хозяйка сказала, что они сейчас вернутся на постоялый двор, где у нее есть свободная комната.

Взяв ворох одежды, Элида пошла по узкому коридору. Встречные мужчины откровенно глазели на нее. А Лоркан, конечно же, бросил ее здесь одну и отправился по своим делам. Элида толкнула указанную дверь. Внутри было темно и холодно. Она повернулась, рассчитывая найти свечу и огниво.

И вдруг дверь захлопнулась. Элида стала дергать ручку.

«Беги отсюда! – нашептывал ей голосок. – Беги! Беги!»

Она ударилась обо что-то костлявое, мускулистое и крылатое.

В другом конце комнаты зажглась свеча, осветив стол, очаг, полный золы, закрытые ставнями окна и... Варнона.

Он сидел за столом, улыбаясь, как кот, наконец-то поймавший беглянку-мышь.

Сильные руки сдавили ей плечи, острые ногти, проткнув кожаные доспехи, впились в тело. Илк держал ее мертвой хваткой.

– У тебя, Элида, вышло замечательное путешествие, – произнес дядя, по привычке растягивая слова.

Глава 50

– Как ты меня нашел? – спросила оторопевшая Элида.

От зловония илка ее чуть не стошнило.

Варнон встал. Движения его, как и речь, были неторопливыми.

– Задаешь вопросы, чтобы выиграть время? – спросил он, расправляя зеленый камзол. – Умный ход, но вполне ожидаемый.

Варнон кивнул илку. Тот издал отвратительный клацающий звук.

Дверь открылась. На пороге стояли еще двое илков. Крылатых, с жуткими лицами. Боги, боги милосердные.

«Думай, – требовал голосок. – Думай. Не сдавайся».

– Что же касается твоего спутника... Как мы слышали, он загрузил барку припасами и отвязывал веревку, собираясь покинуть эти места. Тебе стоило бы побольше ему платить.

– Он – мой муж, – прошипела Элида. – Ни у кого из вас нет права разлучать меня с мужем.

Замужество Элиды означало конец опеки Варнона над нею.

Дядя негромко рассмеялся.

– Значит, Лоркан Сальватир, правая рука Маэвы, – твой муж? Ты меня удивляешь, Элида.

Он лениво махнул илкам:

– Мы немедленно отбываем отсюда.

Сражаться с ними. Сопротивляться им, пока они ее не захватили и не уволокли в Морат.

Но куда бежать? Любезная хозяйка продала ее, или же кто-то высмотрел их на реке и предал.

Илк дернул ее за руку. Элида уперлась в половицы, понимая, что это ей почти не поможет.

– А твоя кровь чисто пахнет, – шепнул ей на ухо илк.

Элида отпрянула, но илк схватил ее за руку. Его сероватый язык лизнул ее шею. Элида извивалась всем телом, однако илк уже тащил ее в коридор, где ждали двое его сородичей. С другой стороны коридор оканчивался задней дверью, предусмотрительно открытой в вечернюю темноту.

– Теперь понимаешь, Элида, от чего я оберегал тебя в Морате? – вкрадчиво спросил Варнон, идя следом.

Элида упиралась на каждом шагу, пыталась прислониться к стене, искала любой способ, чтобы помешать илкам умыкнуть ее отсюда.

«Нет! Нет! Нет!»

Лоркан ее бросил. Узнал все, что ему требовалось, и уплыл. Она ему только мешала, притягивая к себе врагов.

– Ума не приложу, что ты будешь делать в Морате, – рассуждал вслух Варнон. – Особенно теперь, когда Манона Черноклювая мертва.

Внутри Элиды что-то надломилось. Манона...

– За неповиновение бабушка собственными руками вспорола ей живот, а потом швырнула в ущелье. Разумеется, я защищу тебя от твоих, так сказать, родственничков... но Эравану будет интересно узнать про твои затеи. И про то, что ты.. взяла у Кальтэны.

Камень во внутреннем кармане ее доспехов. Он пробудился и сейчас тихо гудел, нашептывая ей что-то.

Постоялый двор словно вымер. Никто не открыл дверь со стороны зала и даже из любопытства не выглянул в коридор на крики Элиды. Во дворе маячил силуэт четвертого илка.

Четверо тварей. А Лоркан исчез.

Камень в нагрудном кармане так и рвался наружу. Но голосок, одновременно старый и юный, мудрый и нежный, шептал: «Не притрагивайся к нему. Не пускай его в ход. Не показывай, что он у тебя есть».

Будучи внутри Кальтэны, камень свел несчастную женщину с ума. Превратил ее в... оболочку. Потом эту оболочку заполнили...

Задняя дверь, к которой волокли Элиду, становилась все ближе.

«Думай. Думай. Думай».

Думать Элиде мешало зловолие илка. Она представляла, какие ужасы ждут ее по пути в Морат. Нет, ни о каком Морате не может быть и речи. Она не позволит илкам ее забрать, не даст другим приспешникам Эравана ее сломать и превратить в послушное орудие.

Один удар. Нужен меткий удар.

«Нет, – возразил тихий голосок. – Ни в коем случае».

Варнон вышел первым. Элида заметила у него на поясе ножны с охотничьим ножом. Вот и оружие. Она часто наблюдала, как охотится Лоркан, и кое-чему научилась.

Варнон сделал пару шагов и остановился возле прямоугольного железного ящика. Ящик имел крохотное оконце и рукоятки по бокам. Илки окружили ящик, и Элида сразу поняла: это для нее. Ее запихнут внутрь, запрут дверцу, илки подхватят ящик и полетят в Морат.

Ящик стоял с открытой дверцей. Он был чуть больше гроба, если тот поставить вертикально.

Чтобы затолкать Элиду внутрь, илку придется ненадолго убрать руки с ее плеч. Это мгновение, которое ей ни в коем случае нельзя упускать.

Варнон прохаживался возле ящика. Элида не отваживалась взглянуть на его нож. Сама того не желая, она всхлипнула. Сейчас она умрет здесь, на этом грязном дворе, окруженная гнусными, зловонными тварями. Никогда больше не увидит солнца, не засмеется, не услышит музыки...

Илки шуршали крыльями, торопясь поскорее убраться отсюда. С каждым шагом Элиды зловещий ящик становился все ближе.

«Нет, нет, нет», – умолял ее голосок.

Она не позволит забрать себя в Морат. Не позволит прикоснуться к себе и не превратится в их орудие...

Илк с силой толкнул ее вперед, рассчитывая, что она окажется внутри ящика. Элида сумела повернуться. Ее отнесло к краю ящика и ударило лицом о железный угол. Хрустнул сломанный нос, но Элида сумела оказаться возле дяди. Увечная нога взвыла от боли, когда Элида потянулась за ножом, перенесла на нее всю тяжесть своего тела.

Варнон не успел понять ее замысла. Элида стремительно выхватила нож из ножен. Нож был тяжеловат для ее руки, и тогда она вцепилась в рукоятку обеими руками.

Изогнувшись, она закрыла глаза и взмахнула ножом.

Лоркан приготовился нанести смертельный удар.

Он прятался в тумане, и илки не учуяли его. Ими командовал человек. Наверняка это и был дядя Элиды. Саму Элиду илк волок к тюремному ящику.

По этому илку Лоркан и готовил свой первый удар.

Элида всхлипывала. Лоркан ощущал ее ужас и отчаяние. Каждый звук лишь усиливал гнев Лоркана. От ярости у него даже помутилось в глазах.

Илк толкнул Элиду прямо в ящик.

Лоркану вспомнилось, как она говорила, что ни за что не вернется в Морат. Тогда он считал ее слова обычным бахвальством. А сейчас... Он слышал хруст ее сломанного носа, потом удивленный дядин крик, когда она нагнулась и выхватила нож.

Она не собиралась убивать Варнона. Впервые за пять веков Лоркану стало по-настоящему страшно, когда он увидел, как она направила лезвие прямо себе в сердце.

И тогда Лоркан метнул свой боевой топор.

Лезвие едва успело соприкоснуться с кожаными доспехами Элиды, когда деревянная рукоятка топора ударила ее по руке.

Элида взывала от боли. Нож отлетел в сторону.

Илки метнулись туда, где на крыше прятался Лоркан, но тот уже перепрыгнул на соседнюю. Там у него было приготовлено оружие, поскольку он знал, откуда должны выйти илки.

Брошенный им нож пронзил крыло ближайшему илку. Лоркан метнул второй, сделав это раньше, чем илки распознали его местонахождение. Он был уже на крыше третьего здания, выходящего в этот двор. Там у него лежал приготовленный меч. Лоркан метнул меч, попав в лицо еще одной твари.

Двоих он вывел из этой зловещей игры. Но оставались еще двое. Варнон орал на них, требуя поскорее запихнуть девчонку в ящик.

Узкий проход соединял двор с соседней улицей. Элида бежала к проходу. Илкам было туда не протиснуться: мешали не только узкие стены, но и горы мусора.

«Умница», – мысленно похвалил Элиду Лоркан.

Он перепрыгнул на четвертую крышу. Там у него лежали еще два ножа. Лоркан метнул оба, но илки увернулись: раскусили его манеру боя.

Однако илки недооценили Элиду. Она бросилась в проход не только и не столько ради собственного спасения. Она видела, что туда упал топор Лоркана.

Измученный Лоркан смотрел, как Элида схватила топор, подобралась к ближайшему илку и с силой ударила ему по крыльям. И это при ее ушибленной руке и сломанном носе!

Илк с криком рухнул на колени, еще пытаясь дотянуться до Элиды. Она снова взмахнула топором, и крик оборвался. Через мгновение отрубленная голова илка запрыгала по камням двора.

Лоркан прыгнул вниз, чтобы расправиться с последним илком. Тот злобно щурился на Элиду. Но илк бросился не к ней, а к Варнону, трусливо

затаившемуся возле двери. Лицо главного прихвостня Эравана было совсем бледным.

Всхлипывая и шмыгая сломанным, кровоточащим носом, Элида тоже повернулась к дяде. Подняла топор. Но илк успел подхватить Варнона и вместе с ним взмыл в небо. Элида все равно метнула топор, который только чудом не задел крыло илка и с грохотом упал, отколов кусок булыжника. Еще немного, и лезвие ударило бы по голове другому илку – живому, но с поврежденными крыльями. Он сейчас полз к выходу со двора.

Элида подняла топор и двинулась к нему. Угрожающее шипение не пугало ее. Когтистые руки илка не могли до нее дотянуться. Он снова заверещал, когда она обеими ногами наступила на поврежденное крыло, отрезав ему путь к свободе.

Илк перестал дергаться, и тогда Элида заговорила. Лоркан и не подозревал, что она способна говорить таким холодным, безжалостным голосом.

– Пусть Эраван знает: когда он в следующий раз пошлет за мною свору своих тварей, я в долгу не останусь. И пусть запомнит: когда мы с ним встретимся, я вырежу имя Маноны прямо на его поганом сердце.

Слезы градом катились по ее окровавленному лицу. Сражение с илками преобразило Элиду. Ее красота не исчезла, но стала другой – суровой и устрашающей.

– Правда, тебе самому Эравана уже не видать, – продолжала Элида, вновь поднимая топор. Илк что-то проверещал, но она лишь мрачно усмехнулась. – Твоему дружку повезло больше. Сумел улизнуть. А ты отправишься в другие края.

Топор опустился на шею илка. Хрустнули кости. Камни залило черной кровью.

Элида молча смотрела на труп. Подошедший Лоркан осторожно забрал у нее топор. И как только ей хватало сил? Наверное, тот же вопрос задавала себе и она. Элиду шатало. Недавнего прилива сил – как не бывало. Осталась только боль в ушибленной руке и сломанном носу.

Осторожно трогая распухшее запястье, Элида молча смотрела, как Лоркан обезглавливает уже мертвых илков и подбирает свои ножи.

Постепенно к ней возвращались звуки окружающего мира. Из таверны доносились возбужденные голоса. Там обсуждали, не опасно ли выйти и посмотреть, что случилось с девчонкой, которую они так легко продали крылатым чудовищам.

– Хозяйка тоже должна получить по заслугам, – сказал Лоркан.

– Довольно смертей на сегодня, – возразила Элида.

Слезы продолжали течь по ее лицу, перепачканному своей и чужой кровью. Лоркан молча собрал свой арсенал и подхватил Элиду на руки. Она не возражала.

Весь городишко был густо окутан туманом. Лоркан торопился к причалу. Фэйское чутье подсказывало ему, что кое-кто уже собирается залезть на барку и поживиться купленными припасами. Он предостерегающе зарычал и вскоре услышал топот убегающих ног.

– Варнон говорил, ты уплыл один, – сказала Элида, когда они поднялись на палубу барки.

– А ты ему и поверила, – укоризненно выдохнул Лоркан, отвязывая веревку.

Элида стерла кровь с лица, затем потрогала распухшее запястье. Прикосновение к носу заставило ее болезненно поморщиться. Магии и знаний Лоркана хватало, чтобы вылечить ей то и другое, хотя нос может остаться чуть свернутым набок. Но вряд ли Элида будет особо сокрушаться по этому поводу. Возможно, покалеченный нос станет ей напоминанием о сражении, из которого она вышла победительницей.

Лоркан усадил Элиду на ящик с яблоками. Взяв шест, он резко оттолкнулся от берега, торопясь скорее покинуть этот паршивый городишко. Туман, мешавший ему на суше, стал союзником. Не будет лишних свидетелей их отплытия. Лоркан прикинул, сколько еще они могут оставаться на реке. Пару дней, не больше, а дальше нужно бросать барку и подаваться на берег, иначе их опять выследят. Хорошо, что они почти у самых границ Эйлуэ.

Город остался далеко позади. Туман постепенно рассеивался.

– Я был вынужден бросить в тебя топором, – нарушил молчание Лоркан. – Ты бы не успела задержать руку.

Элида не отвечала. Может, уснула после всех потрясений? Лоркан повернулся к ней. Элида смотрела на воду. Ее лицо было мокрым от слез. Он не знал, как и чем успокоить ее. Тогда он положил шест и сел рядом. Скрипнули доски ящика.

– Кто такая Манона?

Кое-что Лоркан слышал, пока готовил илкам ловушку, но некоторые подробности ускользали от него.

– Главнокомандующая воздушной армией Железнодорожных ведьм, – дрожащим голосом ответила Элида.

Кровь в ноздрях мешала ей говорить.

– Это она помогла тебе выбраться из крепости, – догадался Лоркан. – Теперь понятно, почему на тебе кожаные доспехи ведьм и почему ты оказалась в Задубелом лесу.

Элида кивнула.

– А Кальтэна?

– Любовница Эравана. Его рабыня, его оружие. Она была немногим старше меня. Эраван поместил камень внутрь ее руки и сделал ее живым призраком.

Благодаря ей мы с Маноной смогли бежать. А потом Кальтэна взорвала изрядную часть крепости и погибла сама.

Сопя и всхлипывая, Элида полезла во внутренний карман и достала клочок темной ткани. Лоркан с затаенным дыханием наблюдал за ней.

Он учуял запах, исходящий от мятой тряпки. Запах был женским, незнакомым и беспредельно печальным. А ниже этого запаха залегал другой, который Лоркан знал и ненавидел...

– Кальтэна велела отдать это Селене, а не Аэлине, – продолжала Элида, смахивая слезы. – Когда Кальтэну держали в холодной темнице, Селена дала ей свой теплый плащ. Потом Кальтэну повезли в Морат. Взять плащ с собой не позволили, но ей удалось вырвать из него лоскуток... в память о Селене. Кальтэна говорила, что должна отблагодарить Селену за доброту. Но... что это за подарок? Станный он какой-то.

Элида развернула ткань, выложив на ладонь осколок темного камня.

Кровь в жилах Лоркана становилась то холодной, то горячей, замирала и пробуждалась.

– Почему такая странная плата? – всхлипывая, спрашивала Элида. – Мне чутье подсказывает: не трогай камень. Мой... голос велит даже не думать о нем...

Все это было чудовищным нарушением порядка вещей. Каменный осколок на грязной ладошке Элиды был из чужого мира. Ему никак не полагалось находиться здесь.

Темный бог, всю жизнь покровительствовавший Лоркану, – и тот отпрянул.

Даже смерть испугалась.

– Убери камень, – грубо приказал Лоркан. – Немедленно!

Дрожащей рукой Элида послушно убрала камень. Только когда он вернулся в нагрудный карман, Лоркан заговорил:

– Давай-ка мы сначала отмоем тебе лицо. Потом я осмотрю твой нос и руку. А пока я этим занимаюсь, расскажу тебе все, что знаю.

Элида кивнула, глядя не на него, а на реку.

Лоркан осторожно сжал ей подбородок и развернул лицом к себе. На него смотрели испуганные глаза, утратившие всякую надежду. Лоркан осторожно смахнул слезинку с ее ресницы.

– Элида, я дал обещание тебя защищать. И я его не нарушу.

Она попыталась вырваться. Тогда Лоркан чуть сильнее сжал ее подбородок.

– Я всегда тебя разыщу.

Лоркан видел, как дрогнула ее шея.

- Обещаю, - добавил он.

Элида думала над каждым словом Лоркана, пока он обмывал ей лицо и накладывал повязку на руку. Потом он правил ей нос. Все длилось секунды, но она чуть не задохнулась от боли.

Ключи Вэрда. Врата Вэрда.

У Аэлины уже был один Ключ Вэрда, и она стремилась найти два других.

Элида существенно облегчит поиски, передав королеве Ключ от Кальтэны. Два Ключа против одного. Возможно, они сумеют победить в этой войне.

Элида не представляла, как Аэлина сумеет задействовать Ключи и не погибнуть сама. Но... королеве виднее. Пусть у Эравана целые полки чудовищ.. Если у Аэлины окажутся два Ключа..

О Маноне Элида старалась не думать. Почему она должна верить Варнону? Он же соврал про Лоркана. Вполне и про Манону мог соврать, чтобы сломить ее сопротивление. Возможно, Манона спаслась.

Элида решила: она не поверит в гибель ведьмы, пока не получит доказательств. Пока весь мир не заявит ей громогласно, что главнокомандующей больше нет.

Лоркан сказал, что ее доспехи нужно вымыть, и предложил свою рубашку. Элида не спорила. Переодевшись, она легла на койку. Болела перевязанная рука. Нос тоже болел. Лоркан сказал, что от удара о железный край у нее может появиться синяк. Но ее мысли текли на удивление ясно.

Когда Элида выбралась из каюты, Лоркан по-прежнему стоял на носу барки, отталкиваясь шестом от илистого дна.

- Я убила этих тварей, - подойдя к нему, сказала Элида.

- Ты замечательно с ними расправилась.

- Мне их совсем не жалко.

Темные, бездонные глаза Лоркана обратились к ней.

- А это хорошо.

То, что она сказала потом.. Элида сама не понимала, зачем она это говорит, откуда у нее такая потребность или желание. Да и ее действия были не менее странными. Встав на цыпочки, она поцеловала его колючую щетинистую щеку и сказала:

- И я, Лоркан, всегда тебя разыщу.

Она чувствовала на себе его взгляд, пока шла в каюту. И потом, когда забиралась на койку.

Когда Элида проснулась, рядом с койкой лежала целая стопка чистых белых лоскутов. Еще вчера они были рубашкой Лоркана, которую он выстирал, высушил и разрезал для надобностей Элиды.

Глава 51

Побережье Эйлуэ было охвачено огнем.

Третий день подряд – сплошные пожары. Некоторые деревни еще горели, другие успели превратиться в дотлевающие пепелища. И в каждой Аэлина и Рован делали все, чтобы погасить огонь.

Ровану было проще. Обернувшись ястребом, он улетал к берегу. Аэлина оставалась на корабле. Из соображений безопасности было решено держаться подальше от суши. Это бесило Аэлину. Ей оставалось лишь посылать потоки своей магической силы и тушить пожары на расстоянии.

К концу третьего дня она изнемогала от жажды. Вода, выпиваемая в огромных количествах, приносила лишь минутное облегчение. Губы у нее потрескались и начали шелушиться.

Рован трижды летал на берег, спрашивая, кто наслал огонь, и всякий раз получал один и тот же ответ: это случилось ночью. На небе появлялась плотная завеса тьмы, закрывая собой звезды. Оттуда сыпались огненные стрелы. Их никто не замечал, пока они не падали на крыши или во дворы.

Темнота. Огненные стрелы. Силы Эравана атаквали деревню за деревней и... бесследно исчезали.

И ничего, что говорило бы о приближении армады Маэвы.

Рован и Лисандра часами летали над берегом, высматривая признаки вражеских сил, и... тоже ничего.

Уцелевшие жители сожженных деревень говорили, что на них напали призраки. Призраки их непогребенных мертвецов, явившиеся из далеких земель, дабы наказать забывчивых.

Росказни о призраках сменились еще более нелепыми слухами: якобы это Аэлина Галатиния самолично сжигает деревни, мстя Эйлуэ за то, что десять лет назад отсюда не послали помощь ее королевству.

Измощенные, перепуганные люди не верили Ровану, когда он пробовал объяснить, что Аэлина, наоборот, гасит пожары и что не в ее правилах мстить невинным.

Рован понимал: кто-то умело распускает эти слухи. Он советовал Аэлине не придавать им значения и даже не стараться вникать. Она пыталась следовать его советам.

Однажды, вернувшись с берега, Рован наклонился и поцеловал шею Аэлины. Его палец застыл на ее ладони, там, где был шрам. Аэлина поняла: Рован получил ответ на вопрос, заставивший его этим утром спешно вернуться на корабль. Нет, она не носила в себе его ребенка.

Их первый и единственный разговор о детях произошел на минувшей неделе. После близости, когда вспотевшая Аэлина, тяжело дыша, легла рядом, Рован спросил, принимает ли она особое снадобье, чтобы не беременеть. Аэлина коротко ответила, что нет. Рован замер. Похоже, он ждал более подробных объяснений. Тогда она сказала: если большая часть ее крови – фэйская, унаследованная по линии Мэбы, значит ей, как многим фэйским женщинам, передались трудности с зачатием детей. Но если ей выпадет хоть один шанс продолжить террасенскую династию, она ни в коем случае не станет противиться. Пусть сейчас не самое подходящее время. Просто судьба может не дать ей другого шанса... Зеленые глаза Рована сделались отрешенными, но он кивнул, поцеловав ее в плечо. Аэлина сочла разговор оконченным.

Ей не хватало решимости спросить, хочет ли Рован быть отцом ее детей и хочет ли он детей вообще после того, что случилось с Лирией.

Рован снова улетел на берег тушить пожары. А в те минуты, что они находились вместе, ей тоже не хватило решимости объяснить, почему вдруг в то утро ее выворачивало наизнанку.

Три минувших дня слились воедино: комок событий, подернутых дымкой. С тех пор как она услышала слова Фенриса: «Цена союза с Мазвой не имеет названия», все слилось в странный комок из дыма, пламени, волн и солнца.

Но к концу третьего дня Аэлина снова отбросила эти мысли. С сопровождающего корабля подавали сигнал: они становятся на якорь.

Ее лоб блестел от пота. Пересохший язык отказывался ворочаться. Но Аэлина, забыв про жажду и усталость, всматривалась в открывающийся берег.

Небо затянули облака. Вдаль, на сколько видел глаз, уходила заболоченная равнина. На кочках росли травы цвета заплесневелой зелени и высохших костей. Между этими островками жизни в небо глядела серая гладь воды. И повсюду, будто руки и ноги наспех похороненных мертвецов, торчали... развалины. Внушительные, сильно обветшалые развалины некогда прекрасного города, стоявшего на месте этой унылой равнины.

Каменные Болота.

Манона сидела возле Аброхаса. Корабль встал на якорь. Вскоре на палубу поднялись капитаны сопровождающих кораблей. У людей и фэйцев началось совещание, на которое ее не позвали.

Пусть и с некоторым запозданием, но ведьма узнала все новости. То, что искала Аэлина и ее соратники, находилось в полутора днях пути от моря. Где именно и сколько времени понадобится, чтобы найти искомое, никто не знал. До их возвращения корабли будут стоять на якоре.

Маноне объявили, что она отправится вместе с ними. Похоже, Аэлина подозревала, что иначе по возвращении они могут остаться без кораблей.

В уме террасенской королеве не откажешь.

Путешествие по болотистой равнине не особо волновало Манону. Ее главная забота сейчас глядела на нее беспокойными и даже испуганными глазами.

Аброхас шевелил хвостом. Железные шипы царапали выскобленные доски палубы. Ведьме казалось, что он услышал и понял недавний приказ террасенской королевы: дракона с корабля убрать.

С корабля убрать, а взять с собой в поход тоже нельзя. На равнинной местности он бы слишком бросался в глаза.

Манона погладила покрытую шрамами драконью морду. Заглянула в бездонные черные глаза своего крылатого коня:

– Тебе придется временно затаиться где-нибудь.

Аброхас печально вздохнул, окутав ладонь Маноны струей теплого воздуха.

– Да не скули ты так, – нахмурилась ведьма, хотя у нее самой было паршиво на душе. – Найдешь укромное местечко, заляжешь, но будешь держать ухо востро, а через четыре дня вернешься.

Она прильнула лбом к его морде, чего никогда не делала. Урчание Аброхаса отзывалось у нее во всем теле, вызывая ломоту в костях.

– Мы же с тобой неразлучная пара. Что нам каких-то несколько дней?

Аброхас потерся мордой о ее голову. У Маноны в горле застрял комок.

– Ты столько раз спасал мне жизнь, а я ни разу тебя даже не поблагодарила.

Аброхас опять негромко заскулил.

– Мы с тобой были и останемся вместе, – пообещала ему Манона. – Покуда Тьма нас не разлучит.

Она заставила себя отойти. Еще раз погладила драконью морду и попятилась:

– Теперь лети.

Аброхас не шевельнулся.

Манона оскалила железные зубы:

– Улетай, я сказала.

Черные глаза Аброхаса были полны упрека, но его тело напряглось, и он поднял крылья.

Манону захлестнуло жгучей ненавистью к королеве Террасена и ее соратникам. Как легко Аэлина решила: прогнать дракона, и быть посему. Сколько тягот и опасностей пережили они вместе с Аброхасом, и ни одна их не разлучала.

Но Аброхас уже был в воздухе, и от ветра, поднятого его крыльями, стонали и скрипели паруса. Манона следила за ним, пока он не превратился в маленькую точку и не исчез среди небес. А на корабле уже готовили шлюпки, чтобы плыть к унылым болотистым берегам, поросшим унылыми травами. В отличие от моря, вода там не меняет свой серый цвет.

Королева и ее двор готовились к высадке, нацепляя на себя оружие так, как знать надевает драгоценности. Они деловито переговаривались, что-то выясняя и уточняя. Это было похоже на ее отряд Тринадцати, настолько похоже, что Манона забилась в укромный уголок, где успокаивала дыхание.

У нее дрожали руки. Астерина не погибла, и остальные ведьмы отряда Тринадцати – тоже.

До сих пор Манона ожесточенно гнала от себя все мысли о возможной гибели соратниц. Но теперь, когда ее храбрый дракон, обожавший нюхать цветы, исчез за горизонтом... С ним исчезла последняя принадлежность ее прежнего звания главнокомандующей.

Сырой ветер дул в сторону берега и болот. Тербил полы ее красного плаща, словно зовя с собой.

Манона провела рукой по ярко-красной ткани. Она давно не надевала плащ, а этим утром заставила себя надеть.

Рианнона.

Манона ни разу не слышала, чтобы крошанская королевская династия уцелела. Она привыкла верить, что с этой династией было покончено еще пятьсот лет назад, во время последней битвы с крошанскими ведьмами. Помимо ее сводной сестры, знал ли кто-нибудь еще, что дочь Лотианы Черноклювой и крошанского принца осталась жива?

Манона открепила брошь, служившую застежкой, и сняла плащ. Несколько взмахов железных ногтей, и у нее в руках оказался длинный тонкий красный лоскут. Его Манона вплела себе в косу – ярко-красное пятно среди лунной белизны ее волос.

Потом, подойдя к перилам, Манона размахнулась и швырнула плащ Рианноны в воду. Видевшие это благоразумно промолчали.

Какое-то время ветер играл плащом, швыряя его взад-вперед, словно осенний лист. Нет, не лист. Издали плащ был похож на лужицу крови, невесть как оказавшуюся среди морских волн. Потом ткань намокла и погрузилась в воду.

Адарланский король и террасенская королева ждали ее у перил верхней палубы. Остальные уже сидели в просторной шлюпке.

Манона выдержала взгляд сапфировых глаз и бирюзовых с золотистыми крапинками. Дорин и Аэлина видели, как она расставалась с плащом. Пусть они не знали, чей это плащ, но... ее порыв был им понятен.

Убрав железные зубы и ногти, Манона подошла к ним.

– Ты все равно будешь видеть их лица, – тихо сказала Аэлина Галатиния.

Уже в шлюпке, когда гребли к берегу, Манона сообразила: Аэлина говорила вовсе не про отряд Тринадцати. Интересно, что увидела в плаще среди волн террасенская королева? Может, и ей он показался лужей пролитой крови?

Глава 52

Они не добрались ни до Лерибы, ни до Банджали. Даже близко не подошли.

Лоркан ощущал на плече знакомое пожатие. Оно вело его по жизни, задавая направление. То была невидимая, неумолимая рука тени и смерти. И потому они с Элидой сначала направлялись на юг, затем свернули на запад. По многочисленным рекам и речушкам Эйлуэ они быстро продвигались вперед.

Лоркан объяснил спутнице: сам Хеллас подсказывает ему направление. Скорее всего, террасенскую королеву они найдут там. Где именно – неизвестно. Элида не возражала. В местах, куда они попали, не было ни городов, ни деревень. Только нескончаемые луга, окаймлявшие южную оконечность Задубелого леса. А за лугами начинались болота. Забытый богами полуостров, где среди болот поднимались развалины.

Но если Лоркану велели идти туда... Прикосновение темного бога еще ни разу его не обмануло. Добраться туда, куда указывает Хеллас, а там видно будет.

Лоркан старался не думать о Камне Вэрда, который несла Элида. Несла его заклятому врагу. Что ж, пусть его магия поможет им обоим добраться до Аэлины. А там, если он сыграет по-умному, ему достанутся два Ключа. Если он окажется смысленнее, проворнее и безжалостнее других.

Потом Лоркану предстоит самая опасная часть его странствий: с двумя Ключами он отправится в сердце Мората, дабы найти третий. Быстрота будет его главной союзницей и единственным способом уцелеть.

Возможно, он больше никогда не увидит ни Элиды, ни кого-либо из соратников.

Сегодня утром они сошли с барки на берег, предварительно набив съестными припасами заплечные мешки. Ветер шелестел в высоких травах. Их путь длился несколько часов. Элида начала уставать от пути и от подъема на крутой холм. Лоркан еще два дня назад учуял запах моря. Значит, их вынесло не так уж далеко от побережья.

Элида тяжело дышала. Думая, что ее мучит жажда, Лоркан протянул ей фляжку. Элида остановилась, опустив руки. Лоркан давно не видел ее в таком состоянии. Это был страх, отчаяние и... что-то еще.

Лоркан огляделся по сторонам, и ему самому стало не по себе.

- Что это за место? - шепотом спросила Элида, словно луга могли их подслушать.

Равнину, простиравшуюся до горизонта, правильнее было назвать впадиной. Холм, на который они поднялись, оказался скалой, резко обрывающейся вниз локтей на двадцать. Наверное, какой-то разгневанный бог однажды топнул здесь ногой, после чего и возникла впадина.

Скала служила границей лугов. Внизу их сменяли болота. Растительность оставалась лишь на островках и кочках, а между ними серела стоячая вода. Из нее поднимались развалины каких-то строений. Даже сейчас они сохраняли следы былой красоты.

- Плохое это место, - прошептала Элида. - Не стоило нам сюда приходить.

Лоркан не пытался возражать, ибо ощущал то же самое. Он всматривался в болота, развалины, кустики ежевики на кочках и в острова. Кое-где росли деревья с густой листвой. От этого зрелища у него шевелились волосы. Все оттенки чутья обострились до крайности, что бывало только в очень опасных местах.

Даже бог смерти перестал подталкивать его в плечо и исчез.

- Что ты чувствуешь? - спросил у Элиды Лоркан.

- Тишину, - прошептала она побледневшими губами. - Жизнь, но... в полной тишине. Как будто...

- Как будто... что?

Элида вздрагивала от каждого слова:

- Как будто люди, которые жили здесь... очень давно... они и сейчас заперты... внизу.

Она махнула в сторону ветхого, накренившегося купола. Должно быть, остатки дворца.

– Лоркан, мне думается, живым здесь нельзя находиться. В воде полно опасных тварей... Вряд ли они потерпят незваных гостей. Да и мертвым наше вторжение не понравится.

– Кто тебе такое сказал? Камень? Или богиня, что наблюдает за тобой?

– Меня предостерегает сердце. Аннеит молчит. Вряд ли она хотела, чтобы я оказалась здесь. Потому и не пошла сюда за мной.

– Морат пострашнее этих мест, но туда она приходила. Что же отпугнуло твою богиню?

– Что такого в этих болотах? – вместо ответа спросила Элида. – Почему Аэлина направилась в эти места?

В том-то и весь вопрос. Если они с девчонкой чувствуют опасность, Аэлина со своим Рованом тоже должны это ощущать. Значит, либо рассчитывают сорвать изрядный куш, либо чего-то опасаются.

– Сам не знаю, что там, – сказал Лоркан. – Сколько мы плыли – ни городка, ни даже захудалой деревушки.

Однако темный бог почему-то толкал его не куда-то, а сюда. И продолжал толкать, хотя и дрожащей рукой.

Сплошные развалины и густая листва деревьев на островках. А в обманчиво тихой воде обитает неизвестно кто.

Но Лоркан не мог послушаться темного бога и потому повел наследную правительницу Перранта вниз.

– Кто здесь жил? – спросила Элида.

На краю островка сохранился остаток стены с нишей, в которой стояла статуя. Сейчас и стена, и статуя накренились, готовые рухнуть в воду. Время не пощадило красивое лицо каменной женщины. Изваяние густо покрывали слои белесого мха. Над головой женщины торчали стгнившие обломки балок. Между ними застряли куски крыши. Мох, покрывавший статую, напоминал саван. Подумав об этом, Элида вздрогнула.

– Когда я родился, эти места уже называли давно покинутыми. Никто не помнил, как и почему на месте города возникли болота.

– Это была часть королевства Эйлуэ?

– Здесь тогда находилось другое королевство. Его больше нет. Те, кто населял эти земли, рассеялись во всему свету и растворились среди других народов.

– Какими же одаренными были жители этого королевства, если строили такие прекрасные здания.

Лоркан что-то пробурчал в знак согласия.

Два дня они блуждали среди развалин и островов – и не обнаружили никаких признаков Аэлины и ее свиты. Для ночлега выбирали подходящие развалины. Элида проваливалась в сон, а Лоркан почти не смыкал глаз. Ей снились бледные лица людей со странными, молочно-белыми глазами. Они барахтались в воде, моля о помощи. Но вода все поднималась, скрывая их лица. Элида часто видела их и днем, а ветер приносил крики.

Когда она заикнулась о странных видениях и звуках, Лоркан отмахнулся: это всего-навсего ветер. Попадая в щели между камнями, ветер способен производить звуки, похожие на голоса. Однако глаза Лоркана говорили ей другое: он тоже слышал мертвых.

Он слышал и много такого, о чем не говорил Элиде. Гул и грохот подземных толчков, обрушивших этот город. Шум воды, хлынувшей на улицы и площади. Спаслись тогда удалось очень немногим. А потом, когда исчезли люди, здесь стали собираться морские, болотные и речные твари. Развалины стали местом их кровавых охот. Одни пожирали других. Некоторые породы смешивались и давали потомство, более приспособленное к жизни в здешних местах. Оно было крупнее, умнее и проворнее своих предков.

Это болотное зверье вынуждало передвигаться с черепашей скоростью. Солоноватая вода редко доходила Лоркану до груди. Но спокойная водная гладь была обманчивой и опасной. Перед каждым переходом Лоркан тщательно осматривал окрестности. Только убедившись, что никто не поджидает их под серой поверхностью, он сажал Элиду на плечо и шел дальше.

Но и острова не всегда были безопасными. В одном месте Элида увидела длинный чешуйчатый хвост, скользнувший за обломок стены. В другом такой же хвост обвивал покосившуюся колонну. Несколько раз она наталкивалась на чьи-то большие золотистые глаза, лениво следящие за нею из камышей.

Из всех таких мест Лоркан сразу же торопился убраться, унося Элиду на плече.

Водились здесь и змеи. Зачастую они висели на деревьях, почти неотличимые от толстых стеблей плюща. Но сухой бедой этих мест были тучи мошкар и комаров. Они появлялись внезапно и повисали, торопясь напиться человеческой и фэйской крови. В редких случаях их уносил ветер. Чаше Лоркан посылал на них волну темной силы, и тогда мошкара темным дождем сыпалась вниз.

И всякий раз, когда Лоркан убивал змею или расправлялся с комарами, Элида чувствовала, как вздрагивает земля. Не от страха. Это больше напоминало пробуждение. Развалины прислушивались, удивляясь, что кто-то осмеливается странствовать по здешним местам.

К концу четвертого дня Элиде стало совсем тошно. Ей, как маленькой, хотелось хныкать и капризничать. Ее не радовало на редкость удобное место, найденное Лорканом для ночлега. Это были развалины зала, в

середине которого прекрасно сохранилась широкая площадка, куда вели довольно крепкие каменные ступени. Высота площадки позволяла не опасаться, что ночью какая-нибудь тварь выползет из воды и нападет на них. Три стены были густо увиты плющом. Из его стеблей Лоркан соорудил у основания лестницы нечто вроде сигнальной полосы. Если ночью кому-то все же захочется сюда пробраться, шорох стеблей вовремя их разбудит.

Развести огонь Лоркан не рискнул. Но вечер был довольно теплым. Лоркан лег возле каменной стены. Элида устроилась рядом. Она смотрела на перемигивающиеся звезды. Где-то неумолчно звенели комары. Потом издали донесся рев.

Комары затихли. Казалось, все болото притаилось, вслушиваясь в низкое, свирепое рычание.

Окружающий мир снова наполнялся звуками, но они стали тише.

- Спи, Элида, - пробормотал Лоркан.

Заснешь после такого!

- Кто это рычал? - шепотом спросила она.

- Какая-нибудь водяная тварь. Может, пару свою призывал. Или предостерегал, чтобы не лезли в его владения.

О величине этих тварей Элида старалась не думать. Хватит с нее чешуйчатых хвостов и золотистых глаз.

- Расскажи мне про свою королеву, - вдруг попросила Элида.

- Сомневаюсь, что после моего рассказа ты будешь крепче спать.

Элида перевернулась на другой бок. Лоркан лежал на спине, глядя в небо.

- Она в самом деле тебя убьет за то, что ты сделал?

Лоркан кивнул.

- Ты же рискуешь жизнью ради нее. - Элида приподнялась, подперев голову кулаком. - Ты ее любишь?

Глаза Лоркана показались Элиде чернее, чем пространство между звездами.

- Я полюбил Маэву с первого взгляда.

- Так ты ее... любовник?

Элида сама не понимала, как этот вопрос соскользнул у нее с языка. Она вовсе не хотела ни спрашивать, ни знать о подобных вещах.

- Нет. Я предложил ей однажды. Она высмеяла меня за дерзость.

Элида видела, как напряглись его губы.

- И тогда я нашел другие способы сделаться нужным ей.

Рев повторился, и снова окружающий мир замер. Элиде показалось, что источник рева стал ближе. Или только показалось? Лоркан меж тем пристально смотрел на ее рот.

- Сдается мне, Маэва пользуется твоей любовью, как ей выгодно. Она рассчитывает, что ты всегда будешь при ней. Может, когда она заподозрит, что ты готов ее покинуть, отношение к тебе сразу изменится.

- Я принес ей клятву на крови. Я никогда ее не покину.

От этих слов у Элиды заныло в груди.

- Тогда Маэва может жить припеваючи, в полной уверенности, что ты целую вечность будешь рядом с нею.

Слова прозвучали резче, чем ей хотелось. Повернув голову, Элида заставила себя смотреть на звезды, но Лоркан вдруг сжал ей подбородок и стал вглядываться в ее глаза:

- Напрасно ты принимаешь меня за романтического дурня. Я не питаю никаких надежд относительно Маэвы.

- Тогда твои чувства к ней совсем не похожи на любовь.

- Да что ты знаешь о любви?

Их лица почти соприкасались. Элида не заметила, когда он успел подвинуться.

- По-моему, любовь должна приносить счастье.

Элиде вспомнились родители. Они всегда улыбались и много смеялись. А с какой нежностью они смотрели друг на друга.

- А еще любовь должна пробуждать все лучшее, что в тебе есть.

- Думаешь, мне это неизвестно?

- Думаю, ты вообще не знаешь, что такое счастье.

Его лицо стало серьезным и задумчивым.

- Мне нравится... быть рядом с тобой.

- Это комплимент?

Лицо Лоркана не раз казалось Элиде высеченным из гранита. Но сейчас там появилась улыбка. Ей вдруг захотелось прикоснуться к его губам, потрогать его улыбку. Пальцами и своими губами. Улыбка делала Лоркана моложе и... обаятельнее.

Дрожащими пальцами Элида отважилась прикоснуться к его губам. Лоркан замер. В его глазах появилось что-то, чему она не находила названия. Ее удивила, насколько мягкая и нежная кожа на его лице и губах. Как это не вязалось с резкими словами, вылетающими оттуда.

Элида погладила оба уголка его губ. Лоркан вдруг прижался щекой к ее ладони и закрыл глаза. А ее большой палец медленно двигался по его скуле.

– Я бы спрятала тебя. В Перранте, – прошептала она. – Если бы ты.. если бы ты сделал то, что тебе нужно, а потом тебе бы понадобилось где-то скрыться.. Там бы ты нашел укрытие. Со мной.

Он открыл глаза. Они сверкали, но в них не было ни капли прежней жесткости и холодности.

– Мужчине позорно прятаться. Я бы этим и тебя опозорил.

– Тех, кто будет так думать, я изгоню из Перранта.

У Лоркана дрогнул кадык.

– Элида, тебе нужно..

Она приподнялась и прикоснулась к его лицу уже не пальцами, а губами. Поцелуй был нежным, тихим и коротким. Ей показалось, что Лоркан даже вздрогнул, когда она отстранилась. У Элиды вспыхнули щеки, но она заставила себя произнести слова, которые ей вдруг захотелось ему сказать:

– Я не жду твоего ответа сейчас. Можешь вообще ничего не говорить. Даже если ты появишься у моего порога через десять лет, предложение и тогда останется в силе. Но знай: в Перранте для тебя всегда найдется место, если у тебя будет к тому желание или потребность.

В его глазах промелькнула боль, и на мгновение они стали совсем человеческими.

Лоркан наклонился к ней, и впервые за эти десять лет Элида не почувствовала страха. Она словно забыла о болотах и темных силах, собирающихся в мире. Лоркан коснулся ее губ, потом еще раз. Элида сейчас ничего не боялась. Лоркан поцеловал ей уголок рта, затем другой.

Его поцелуи были удивительно нежными и терпеливыми. Такими же были его руки, когда они откинули волосы с ее лба, а затем скользнули к груди и бедрам. Элида потянулась к его шелковистым волосам. Она выгнула спину, и ей вдруг захотелось, чтобы Лоркан придавил ее тяжестью своего тела.

Он водил языком по ее губам. Элида удивлялась, что готова открыться ему, и ее это не пугало. Ее тело пело, соприкасаясь с его телом. Ей нравилось это удивительное сочетание его мускулистости и ее мягкости. Когда их языки встретились, Лоркан даже застонал, сжав бедрами ее бедра. Внутри Элиды все вспыхнуло. Тело само прижалось к телу Лоркана, отвечая и требуя новых ласк.

Он поцеловал ее крепче. Его рука скользнула вниз и развела ее ноги, чтобы он смог поместиться между ними. Элида тяжело дышала и снова выгибала спину, прижимаясь к нему. Лоркан целовал ей подбородок, шею, ухо. Элиду трясло, но не от страха. От желания, охватившего ее впервые. А Лоркан продолжал ее целовать, шепча ее имя.

Ее имя. В его устах оно звучало молитвой. Элида обхватила ладонями его лицо. Глаза у него уже не сверкали, а пылали. Дыхание сделалось таким же сбивчивым, как ее собственное.

Элида отважилась погладить ему щеку, потом шею и ключицу. Кожа Лоркана напоминала жаркий шелк. Он вздрагивал от ее прикосновений. Его волосы упали ей на лоб. Он прижался к ней там, внизу. Элида застонала. Она вдруг поняла: этого ей мало. Она хочет большего.

Их глаза встретились. В глазах Лоркана был немой вопрос. Рука Элиды прижалась к его сердцу. Оно билось громко и яростно. Элида подняла голову, поцеловала его и прошептала свой ответ...

В следующее мгновение Лоркан резко вскинул голову, потом вскочил сам, глядя куда-то на северо-восток. Там тьма напозала на небо, подминая собой звезды.

Желание, охватившее было Элиду, мгновенно погасло.

- Это что, буря? - спросила она.

- Нужно бежать отсюда, - коротко бросил Лоркан.

Бежать сейчас, глубокой ночью, когда до рассвета - часов шесть, если не больше? Отважиться в такое время странствовать по болотам.. А тьма продолжала надвигаться, проглатывая звезды.

- Что это?

Темнота становилась все ближе. Чужая ее, умолкли болотные твари.

- Илки, - пробормотал Лоркан. - Целая армия илков.

Элида чувствовала: эти летят не за ней, а куда-то в другое место.

Глава 53

После двух дней блужданий по бесконечным лабиринтам Каменных Болот (хотя этот чертов Рульф уверял, что путь займет не более полутора дней) Аэлина испытывала сильное желание сжечь это место дотла. Сплошная вода, влажный

воздух, вечно потная и липкая одежда. Но хуже всего были комары и мошкара.

Аэлина отгораживалась от этих маленьких демонов стеной невидимого пламени. Оно становилось видимым, лишь когда они наталкивались на преграду и сторали, не успев ничего понять. В первый же день комары попытались сожрать ее заживо. Аэлина до крови расчесывала многочисленные места укусов. Ровану приходилось останавливаться и врачевать ее кожу.

Свои целительные способности Аэлина растратила в ночь нападения гончей и илков и еще не успела восстановить. Поэтому Рован и Гарель взяли на себя обязанности лекарей. Они врачевали комариные укусы, ожоги от ядовитых растений и царапины от притаившихся на дне развалин. Но солоноватая стоячая вода не отличалась прозрачностью, и любой неосторожный шаг мог закончиться мелкой царапиной или крупной раной.

Лучше всех себя чувствовала Манона. Ей не докучали комары, на нее не действовали ядовитые стебли. Она ухитрилась ни разу не порезаться. Похоже, ей даже нравился этот дикий мир, полный гнили и опасных тварей. Манона и сама чем-то напоминала Аэлине жутких водяных чудовищ – подлинных хозяев этих мест. Такие же золотистые глаза и сверкающие острые зубы... Аэлина гнала от себя подобные мысли, стараясь представлять, как они выберутся отсюда и снова окажутся на твердой сухой земле.

Но где-то в сердце этого жуткого места находился Замок Мэлы.

День клонился к вечеру. Солнце неспешно сползало за горизонт. Рован, обернувшись ястребом, кружил над островками и торчащими обломками. Лисандра обследовала воды, для чего сама превратилась в чешуйчатую водяную тварь. Аэлина поморщилась, когда Лисандра, зашипев, показала ей раздвоенный язык и плюхнулась в болото.

Аэлина продолжала морщиться, поднимаясь на холм, покрытый колючими зарослями ежевики. На вершине в небо смотрели обломки двух колонн, густо обвитых плющом. Продираться сквозь этот зеленый лабиринт ей очень не хотелось, и тогда она послала вперед огненную волну. Холм мгновенно стал серым, и теперь ее сапоги утопали в пепле или с чавканьем ступали по серому месиву.

– Можно и так пробивать себе путь, – усмехнулся Фенрис, когда они спускались с опаленного холма.

У воды он протянул руку, чтобы провести Аэлину к очередному островку. Она хотела огрызнуться и заявить, что способна идти без сопровождения, но... на дне встречались не только острые обломки. Были и глубокие водяные ямы. Аэлина прекрасно представляла, что может находиться на дне таких ям. Ей совсем не хотелось плавать среди стгнивших костей и черепов.

Фенрис повел ее через протоку к соседнему островку. Вода была ей по грудь. Добравшись до берега, Фенрис вначале вытолкнул Аэлину, затем вылез сам. В волчьем облике он бы легко мог перескакивать с острова на остров. Да и Гарель тоже. Аэлина не понимала, почему оба воина не пользуются этим преимуществом.

С помощью магии Аэлина, как могла, высушила на себе одежду, затем взялась сушить доспехи Фенриса и Гареля.

Это не требовало напряжения сил, хотя борьба с пожарами на побережье Эйлуэ измотала ее вконец. Телесно. Душевно. Аэлине казалось, что она могла бы проспать целую неделю. Но магия и сейчас бурлила внутри ее, не затихая ни на мгновение. Устала ты или нет, магическая сила требовала выхода. И Аэлина выплескивала свою магию, занимаясь сушкой одежды, своей и соратников. Уж лучше так, чем сжигать все вокруг.

Из зарослей ежевики высунулась жуткая морда – нынешняя Лисандра. Аэлина взвизгнула и попятилась. Оборотень оскалил пасть, показав пару очень острых клыков. Фенрис усмехнулся, приглядываясь к местному чудовищу, облик которого приняла Лисандра.

– Значит, облик ты можешь принимать, какой пожелаешь, а клеймо остается?

Лисандра немного вылезла из воды. Аэлина видела, как напрягся Эдион. Прекрасно. По крайней мере, она – не единственная, кто готов вцепиться в глотку каждому, кто вздумает насмеяться над Лисандрой. Но тело ее подруги замерцало и стало менять очертания, пока на месте чудовища не оказался... фэец.

Фенрис смотрел на уменьшенную копию себя. Гарель, выбравшийся на берег, остановился и раскрыл рот.

Когда Лисандра заговорила, ее голос почти не отличался от голоса Фенриса:

– Думаю, оно всегда будет меня выдавать.

Она завернула рукав камзола. На золотистой, коричневой от загара коже чернело клеймо.

Лисандра продолжала оглядывать себя со всех сторон, словно забыв об остальных.

– А твой слух действительно лучше, – призналась она.

Потом Лисандра провела языком к удлинённым клыкам. Фенрис слегка поморщился.

– Зачем тебе такие зубки? – спросила она.

Гарель отвел ее в сторону:

– Нашла у кого спрашивать. Я тебе сейчас объясню.

Вместе со Львом они пошли к вершине холма. Странно было видеть, как Фенрис улыбается чужой улыбкой. Настоящий Фенрис морщился. Аэлина посмотрела на него и усмехнулась.

Над головой захлопали крылья. К ним летел Рован, быстрый, сильный, безупречный. Оказавшись рядом с Эдионом, Лисандра вернула себе привычный

облик и вдруг качнулась. Если бы не Эдион, она бы упала. Лишнее доказательство, что им всем нужно как следует отдохнуть.

- Я нашел то место, - объявил Рован, тоже вернувший себе привычный облик.
- Завтра мы туда доберемся.

Аэлина решила: при следующей встрече с Рульфом у них обязательно состоится разговор о том, с какой точностью определяются расстояния на его магической карте.

Рован тоже устал. Аэлина давно не видела его таким бледным.

- Ты нашел то место или думаешь, что нашел? - на всякий случай спросила Аэлина.

- Я его чувствую. Вернее, моя магия.

- Только не говори, что оно под водой.

Рован резко мотнул головой:

- Я не стал рисковать и не подобрался ближе. Чем-то это напомнило мне храм Пожирателя грехов.

- Что ж, будет где отдохнуть и приятно провести время, - сказала Аэлина, тоже вспомнив злополучный храм.

Эдион негромко рассмеялся, продолжая осматривать горизонт. Последними на берег вылезли Дорин и Манона. С одежды обоих струйками лилась вода. Ведьма тоже внимательно разглядывала лабиринт островов. Возможно, она что-то заметила, но ничего не сказала.

Остров, на котором они находились, был вполне пригоден для ночлега. Холм достаточно высокий, с одной стороны защищен полуобвалившейся каменной стеной, с другой - колючими зарослями. Однако последнее слово оставалось за Рованом.

- Ночуем здесь, - ко всеобщему облегчению, произнес он.

Аэлина шумно вздохнула. Лисандра пробормотала слова благодарности богам.

За считанные минуты они расчистили себе место для костра и ночлега. Магия позволила переместить обломки, на которых можно было более или менее удобно сидеть. Эдион занялся приготовлением скромного ужина, где черствый хлеб дополняло мясо водяных тварей, пойманных Рованом и Гарелем. По мнению обоих, эти были вполне съедобными. Аэлина отошла на время готовки подальше от костра. Остальные тоже не выказывали любопытства насчет предстоящей еды.

Эдион умело распорядился скромным запасом пряностей и как мог сдобрил мясо. И все равно некоторые куски приходилось долго жевать. Иные и после варки оставались скользкими. Лисандра даже подавилась.

Быстро стемнело. Над головой появилось море перемигивающихся звезд. Аэлина стала вспоминать, когда в последний раз была так далеко от обжитых мест. Наверное, во время плавания на Вендалин и обратно.

Эдион присел рядом, протянул кожаную флягу с вином: осталось меньше половины. Аэлина глотнула, радуясь тому, что кислое вино смывает тяжелое послевкусие от съеденного мяса.

- Только не рассказывай, что ты нам наготовил, - попросила она.

Остальные тихо доедали ужин. Лисандра тоже согласилась, что этому лучше остаться тайной.

Эдион лукаво улыбался, поглядывая на соратников. Манона расположилась чуть поодаль. Однако взгляд Эдиона остановился не на ведьме, а на Дорине. Аэлина замерла. Неудачное место выбрал ее брат для пикирования с адарланским королем. Но Эдион лишь усмехнулся и сказал:

- Он по-прежнему ест, как придворная дама.

Дорин резко вскинул голову. Аэлина едва удержалась от смеха. Это были ее слова, произнесенные двенадцать лет назад. Тогда она, не стесняясь, высказала наследному принцу Дорину Хавильяру свое мнение о его манерах. Дорин, конечно же, тоже вспомнил тот вечер. Остальные с недоумением смотрели на них.

- Я принимаю это за комплимент, - сказал король и изящно поклонился.

Удивительно, но даже здесь его руки были почти чистыми, а высохшая одежда поражала опрятностью.

Вспомнив о своих руках, Аэлина полезла в карман за платком. Платок не блистал чистотой, но это все же было лучше, чем вытирать руки о штаны. Развернув платок, она вытащила Глаз Элианы, положила на колено и принялась очищать пальцы от крошек и жира. Затем протянула платок Лисандре. Аэлина водила по измятой металлической поверхности амулета. Камень ловил отсветы костра, вспыхивая синим огнем.

- Насколько помню, - с лукавой улыбкой продолжал Дорин, - вы оба...

Атака была настолько молниеносной, что Аэлина не успела увидеть или почувствовать ее.

Только что Манона сидела возле костра, спиной к темному пространству болот. И вдруг перед самым носом ведьмы возникла разинутая пасть, полная сверкающих белых зубов. Как этой болотной твари удалось незаметно подкрасться к лагерю?

Пасть так и осталась разинутой. Ее крепко держали сильные невидимые руки.

Ведьма успела наполовину выхватить меч. Сбивчиво дыша, она смотрела на белесо-розовую морду твари. Незванная гостя могла бы с легкостью откусить ей голову. Зубы у чудовища были длиной с человеческий палец.

Эдион выругался. Остальные просто опешили.

Но магия Дорина крепко держала чудовище на месте. Аэлина не увидела ни крупы льда. Такие же руки остановили на корабле гончую. Никаких сверкающих магических нитей. Вообще ничего. Дорин управлял своей магией, не делая никаких движений. Интересно.

Ведьма смотрела в разинутую пасть, обещавшую ей верную смерть.

– Убить зверюшку или на первый раз отпустим? – спросил у Маноны Дорин.

Аэлина уже открыла рот, собираясь высказать собственное мнение, но, поймав предостерегающий взгляд Рована, промолчала. Теперь она смотрела не столько на замороженное чудовище, сколько на своего принца. «Старый ловкий плут». Лицо Рована оставалось непроницаемым.

– Отпусти, – сказала Манона.

Лицо адарланского короля напряглось. Тварь накренилась и исчезла в темноте, словно кто-то из богов зашвырнул ее подальше. Через несколько секунд донесся глухой всплеск.

– Правда, они милые зверюшки? – спросила Лисандра.

Аэлина полоснула по ней глазами. Лисандра оскалила зубы. Аэлина тут же повернулась к Ровану и затеяла с ним мысленный сердитый разговор: «Ну не удивительно ли, что твой магический щит исчез сразу, как появилась эта тварь? Воспользовался возможностью дать урок магии? А если бы все пошло не так?»

Глаза Рована озорно сверкнули. «А почему ты решила, что это ведьма открыла дыру?»

Аэлина сама не знала, как относиться к происшествию с болотной тварью. Манона Черноклювая пристально смотрела на Дорина. Пальцы ведьмы все еще сжимали эфес меча. Чувствуя на себе взгляд Аэлины, Манона повернулась к ней и увидела Глаз Элианы, по-прежнему лежавший на колене террасенской королевы.

– Откуда у тебя эта вещь? – выпятив губу, спросила Манона.

– Ты про Глаз Элианы? – уточнила Аэлина. Вдруг ей стало не по себе. – Это подарок.

Ведьма снова посмотрела на Дорина... как на своего спасителя. Аэлине отчаянно не хотелось думать, что Рован нарочно приподнял щит ради урока магии. Тем временем Манона стала что-то чертить на рыхлой земле.

Она изобразила большой круг, внутри которого было еще два, расположенные один над другим. Линии их окружностей пересекались.

– Это знак Трехликой богини, – тихим голосом пояснила Манона. – Мы называем его... – Она грубо очертила дуги окружностей. Фигура, составленная ими, напоминала глаз. – Это глаз богини, а никакой не Элианы.

Палец ведьмы обвел внешний круг.

- Это Старуха.

Потом Манона обвела верхний внутренний круг:

- Это Мать.

Последний раз ее палец коснулся нижнего круга.

- А это Дева.

Манона ткнула в середину глаза:

- Внутри ее - сердце Тьмы.

Теперь настал черед Аэлины качать головой. Остальные лишь смотрели.

- Это символ Железзубых ведьм. Пророчицы клана Синекровных татуировали его над своим сердцем. Давно, когда мы еще жили в Западном краю, этим знаком награждали отличившихся в битвах. Таких называли «благословенными богиней».

Аэлине вдруг захотелось зашвырнуть амулет в болото, но она быстро погасила этот порыв.

- Когда я впервые увидела Бэбу Желтоногую... амулет потяжелел и стал теплым. Я сочла это предостережением. А может... амулет просто признал свою.

Манона смотрела на ожерелье шрамов вокруг горла Аэлины:

- Он действовал даже тогда? Вопреки подавлению магии на всем Адарлане?

- Мне было сказано, что на некоторые предметы запрет не распространяется.

Аэлине стало трудно говорить.

- Бэба Желтоногая знала всю историю Ключей Вэрда и Врат Вэрда. Она-то мне и рассказала. Это часть вашей истории?

- У нас она несколько другая, - сказала Манона. - Но Бэба Желтоногая была одной из древних и знала то, чего мы уже не знаем. Она своими руками ломала стены крошанского города.

- Если верить легендам, тогда произошла чудовищная бойня, - заметил Дорин.

Глаза Маноны помрачнели.

- Как я слышала, после завершающей битвы то место остается бесплодным. Ни кустика, ни даже травинки. Говорят, это из-за проклятия Рианноны

Крошанской. Или от крови, что лилась там на протяжении последних трех недель войны.

– Что это за проклятие? – спросила Лисандра.

Манона принялась рассматривать свои железные ногти. Аэлина подумала, что ответа они не услышат. Она снова потянулась к винной фляге и успела отхлебнуть несколько глотков, когда ведьма заговорила:

– Рианнона Крошанская целых три дня и три ночи обороняла ворота своего города, выдерживая натиск трех Верховных ведьм кланов Железнодорожных. Погибли все ее сестры, все ее дети. Железнодорожные захватили ее мужа и носили его мертвое тело на копье как военный трофей. Рианнона была последней крошанской королевой, последней надеждой тысячелетней династии.. Но смерть Рианноны не была тихой и незаметной. Ее сразили на рассвете четвертого дня, и только тогда город перестал сопротивляться. Она умирала на поле сражения, видя, как Железнодорожные рушат стены города и убивают ее подданных.. И тогда Рианнона прокляла нас. Прокляла трех Верховных ведьм, а через них – всех Железнодорожных. Когда Бэба склонилась над Рианноной, чтобы нанести последний удар, крошанская королева прокляла и ее.

Слушающие Манону замерли. Казалось, они даже перестали дышать.

– В последние минуты жизни Рианнона заявила, что мы победим в войне, но эта земля не станет нашей. За наши злодеяния мы получим мертвую землю, где всё будет чахнуть и гибнуть. Никакой скот не выживет в этих краях. У нас будут рождаться мертвые дочери. Вода в ручьях и реках станет ядовитой. Рыба в озерах стгниет раньше, чем мы сумеем ее поймать. Дикие звери разбегутся кто куда. Некогда цветущее Ведьмино королевство превратится в пустыню.

Манона снова помолчала.

– Железнодорожные лишь посмеивались, угощаясь кровью поверженных крошанских ведьм. Проклятие Рианноны сочли пустыми словами, но потом у одной ведьмы родилась мертвая дочь. Потом у другой и третьей. Скот начал умирать прямо на пастбищах. Колосья на полях чахли и превращались в солому. Через месяц победительницам стало нечего есть. К концу второго месяца между кланами Железнодорожных начались кровавые междоусобицы. Тогда Верховные ведьмы решили покинуть завоеванные края. Они разделили кланы и объявили, что мы отправляемся в изгнание. Путь наш лежал в горы, где мы и расселились. Раз в полвека Верховные ведьмы посылали в Ведьмино королевство небольшие отряды – проверить, держится ли еще проклятие Рианноны. Назад никто не возвращался. Пятьсот лет подряд мы вынуждены скитаться. Еще горше сознавать, что на людей, которые со временем заселили те места, проклятие не действует.

– Но ведьмы по-прежнему намерены туда вернуться? – спросил Дорин.

Золотистые глаза Маноны преобразились.

– Рианнона Крошанская утверждала, что есть только один способ разрушить проклятие... «Кровь к крови, душа к душе. Так начиналось, так должно и кончаться. Да проляжет мост, да вспыхнет свет. Когда железо расплавится,

когда на полях, залитых кровью, вырастут цветы и земля станет свидетельницей, наступит конец проклятию и свершится возвращение домой».

Манона теребила косу, касаясь красной ленты.

– Нет Железозубой ведьмы, которая бы не размышляла над проклятием Рианноны. Все пять веков мы пытались сломать его.

– А твои родители... их союз был направлен на разрушение проклятия? – осторожно спросила Аэлина.

Манона резко кивнула:

– Я не знала, что династия Рианноны уцелела.

И что кровь этой династии текла в ее собственных жилах.

– Но Элиана жила за тысячу лет до войн между ведьмами. Глаз Элианы вряд ли как-то связан с Трехликой богиней, – размышлял Дорин. – Согласна? – спросил он Манону.

Ведьма не ответила и ногой затерла нарисованный символ.

Аэлина допила остатки вина, после чего убрала Глаз Элианы.

– Думаю, теперь ты понимаешь, почему мне всегда было тяжело общаться с Элианой, – сказала она Дорину.

На острове, где они остановились, было достаточно места для разговоров, не предназначенных для посторонних ушей.

Рован догадался, что именно такой разговор собирались затеять с ним его бывшие соратники. Они поднялись по качающейся, увитой плющом винтовой лестнице на площадку. Оттуда был виден весь остров и окрестные воды, в которых отражались звезды. Рован стоял, прислонившись к полуразрушенной арке.

– Что вам? – спросил он.

– На твоём месте я бы немедленно схватил Аэлину в охапку и умчался как можно дальше отсюда, – сказал Гарель.

Магия и чутье Рована говорили ему совсем другое: вокруг все спокойно. Но слова Гареля насторожили его. У Льва не было привычки шутить подобными вещами.

– Учти, Рован: то, что ждет нас завтра, ждет очень давно. Не один век, – добавил Фенрис.

– Откуда вы это знаете?

Желтые глаза Гареля по-звериному вспыхнули.

- Жизнь твоей Аэлины странным образом переплелась с жизнью этой ведьмы. Их сюда тянут силы, которых даже нам не понять.

- Сам подумай, - подхватил Фенрис.

- Пути двух женщин пересеклись. Такое редко увидишь. Две королевы, и каждая может править половиной континента. Две стороны одной монеты. Обе полукровки. В Маноне кровь двух ведьминых пород, а в Аэлине..

- Человеческая и фэйская, - закончил за него Рован.

- Получается, что Манона и Аэлина объединяют три главные расы. Они обе и смертны и бессмертны. Одна поклоняется огню, другая - Тьме. Тебе нужны дальнейшие пояснения? Такое ощущение, будто мы сами идем в руки.. не знаю кого. Но этот кто-то ведет свою игру не одну сотню лет. Может даже, не одну тысячу.

От взгляда, какой Рован бросил на Фенрису, иных просто ветром сдувало. Это не помешало ему задуматься над словами бывшего соратника. Гарель почувствовал необходимость вмешаться:

- Рован, Маэва обладает изрядным терпением. Еще со времен Брэннона она ждет. Ждет того, кто приведет ее к Ключам. Твою Аэлину.

Весной Маэва и слова не сказала о Замке. И про кольцо Мэлы не упомянула.

- Так Маэва отправила вас сюда не только из-за Лоркана? Из-за Замка тоже?

Вопросы были произнесены таким тоном, что каждое слово обещало смерть.

- Нет, - поспешно ответил Фенрис. - Про Замок не было и речи.

Он переминался с ноги на ногу, вслушиваясь в далекий свирепый рев.

- Ты должен понимать, Рован: если между Маэвой и Аэлиной начнется война, если они встретятся на поле битвы..

Такое лучше даже не представлять. Невиданные разрушения, реки и моря крови. Войня, каких еще не знала Эрилея.

Напрасно они отправились сюда. Нужно было оставаться на севере и укреплять оборону Террасена.

- Маэва не позволит себе проиграть, - выдохнул Фенрис. - Кстати, она уже нашла тебе замену.

- Кого?

Рован не думал, что это его всколыхнет.

Львиные глаза Гареля помрачнели.

- Кэрна.

У Рована застыла кровь, став холоднее его магии.

- Она что, спятила?

- Об этом назначении мы узнали от нее за день до отплытия. Когда мы выходили из дворца, Кэрн ухмылялся, как кот, поймавший канарейку.

- Но он же изувер, - прошептал Рован.

Кэрн... Никакая выучка, никакие внушения и наказания не вытравили из этого фэйского воина пристрастие к особо жестоким издевательствам. Рован запирает Кэрна в карцер, наказывал плетьюми, накладывал взыскания, пробовал разыскать в потемках его души хотя бы зачатки сострадания... ничего не помогало. Похоже, Кэрн был прирожденным изувером. Он наслаждался страданиями других.

Устав возиться с Кэрном, Рован выгнал его из своей армии и передал Лоркану. У Лоркана он продержался около месяца и был послан в отдаленный гарнизон, которым командовал генерал, не входивший в число приближенных Маэвы и не мечтавший об этом. Иногда оттуда доходили рассказы о «подвигах» Кэрна. Он не щадил ни сослуживцев, ни мирных жителей, имевших несчастье оказаться у него на пути...

Даже по немногочисленным фэйским законам, касавшимся наказаний за убийство, Кэрн вполне заслуживал смертной казни. Всякий раз, сталкиваясь с Кэрном, Рован подумывал об избавлении мира от этого злодея. Назначение, произведенное Маэвой, давало Кэрну почти беспредельную власть и влияние.

- Готов поставить на кон все золото, что у меня есть. Маэва задумала хитрый ход, - сказал Фенрис. - Война Аэлины с Эраваном ей выгодна. Она будет выжидать, пока твоя королева не ослабнет вконец, и тогда ударит.

Слова Фенриса насторожили Рована. Трудно поверить, чтобы Маэва позволила приближенным болтать о ее замыслах... Значит, она намеренно доводила эти сведения до него и Аэлины. Пусть у них появится серьезный повод для тревог и постоянных размышлений о возможных шагах Маэвы.

Фенрис и Гарель настороженно переглянулись.

- Пойми, Рован: мы по-прежнему ей служим, - глухо произнес Гарель. - И приказ убить Лоркана остается в силе.

- Зачем вообще было заводить этот разговор? - напрямую спросил Рован. - Меня ваши счета с Лорканом не касаются. И Аэлину, поверьте, тоже.

- Затем что Маэве не свойственно казнить своих врагов, - сказал Фенрис. - Она предпочитает изводить их медленно. Годами. Но Лоркана она приказала убить. Не замучить до полусмерти, а убить. На месте.

- Отрубить голову и сжечь, - мрачно добавил Гарель.

- Зачем? - до сих пор не понял Рован.

Фенрис посмотрел туда, где спала Аэлина. Лунный свет переливался на ее золотистых волосах.

- Вы с Лорканом - самые могущественные фэйцы в мире.

- Не стоит забывать, что Лоркан и Аэлина на дух не переносят друг друга. Сомневаюсь, что даже война с Эраваном могла бы их объединить.

- Мы лишь пытаемся тебе сказать, что Маэва не принимает решений без достаточных на то оснований, - сказал Фенрис. - Будьте готовы к любым неожиданностям. Отправка армады - только начало.

Болотные звери снова зарычали. Ровану захотелось к ним присоединиться. Если Аэлина и Кэрн когда-либо сойдутся в поединке, если Маэвой движет не только давнее желание заполучить Ключи, а ее замыслы простираются дальше..

Аэлина ворочалась во сне, недовольно морща лоб. Рядом с ней спала Лисандра в облике призрачного леопарда. Пушистый хвост большой кошки беспокойно подрагивал. Ровану захотелось поскорее оказаться рядом с Аэлиной. Но он перехватил взгляд Фенриса. Тот смотрел на спящую Аэлину, и лицо его было напряженным.

- Убей меня, - прошептал Фенрис. - Если мне прикажут.. Рован, убей меня прежде, чем я начну выполнять приказ.

- Ты умрешь раньше, чем подойдешь к ней на локоть.

Это было не угрозой. Обещанием. Констатацией факта. Фенрис облегченно вздохнул.

- Ты знаешь, я рад, что получил время, - с несвойственной ему серьезностью добавил Фенрис. - Что Маэва, сама того не желая, дала мне время, и я понял, каково быть здесь. Быть частью этого.

Рован не находил слов. Он посмотрел на Гареля. Но Лев лишь кивал, глядя на маленький лагерь внизу, где спал его сын.

Глава 54

Последний отрезок пути оказался самым длинным. Так думалось Маноне. Сегодня они должны достичь места, где находился таинственный Замок, за которым охотилась террасенская королева. Странно, что у Аэлины оказался амулет с символом ведьм.

Засыпая, Манона рассчитывала получить во сне хоть какие-то объяснения столь странного совпадения, но так ничего и не узнала. Все проснулись,

едва начало светать. Воздух был необычайно влажным и лежал на плечах, как тяжелое покрывало.

Аэлина возглавляла процессию. Рован летал в облике ястреба и высматривал возможные угрозы. Рядом с королевой шел брат, а по другую сторону плыло отвратного вида чудовище, в которое превратилась Лисандра. Волк и Лев замыкали процессию, постоянно вслушиваясь и принюхиваясь.

Смерть людей, живших когда-то в этих местах, не была быстрой и легкой. Манона и сейчас чувствовала их боль, прорывавшуюся сквозь каменные обломки. Болотная тварь, что напала на нее минувшим вечером, была едва ли не самым незначительным из здешних ужасов. Дорин Хавильяр, шедший рядом с Маноной, испытывал те же ощущения. Загорелое лицо адарланского короля оставалось напряженным.

Манона брела по пояс в теплой плотной воде. Она не была особо настроена разговаривать, но в мозгу крутился вопрос, давно не дававший ей покоя.

- Как Аэлина собирается с помощью Ключей изгнать Эравана и его валгских прихвостней? - спросила она у Дорина. - И как она станет избавляться от всей швали, которая явилась не из его мира, а была сотворена в Морате?

- Что? - не сразу понял Дорин, выныривая из своих мыслей.

- Есть ли какой-нибудь способ узнать, кто здешний, а кто нет? Или все, в чьих жилах течет валгская кровь... - Манона похлопала себя по груди, - будут отправлены в мир холода и тьмы?

Дорин стиснул зубы.

- Не знаю, - выдохнул он, глядя, как Аэлина ловко перепрыгнула через камень. - Если она что-то предпримет, нам сообщит не раньше, чем сочтет подходящим.

Он мог и не добавлять, что для остальных этот момент может оказаться наименее подходящим.

- Я так понимаю, решать, кто остается, а кому на выход, будет она одна? - спросила Манона.

- Сомневаюсь, что для Аэлины это будет легким решением. Хотя у нее свои счета с валгскими демонами.

- Но в конечном итоге решение остается за нею.

Дорин остановился на вершине холмика:

- В чьих руках Ключи Вэрда, тот и решает. Уж не знаю, каким богам молятся ведьмы, но ты помолись им, чтобы все Ключи попали к Аэлине.

- А как насчет тебя? - вырвалось у Маноны.

- С какой стати мне тянуться к ним?

- По силе ты равен ей. И вполне мог бы взять Ключи в свои руки. Почему бы нет?

Остальные ушли вперед, но Дорин словно не торопился. У него даже хватило смелости взять Манону за руку и крепко сжать ей запястье.

- Почему бы нет? - переспросил он.

Красивое лицо короля вдруг сделалось необычайно холодным. Маноне было не отвернуться. Жаркий, влажный ветер играл с ее волосами, но черные волосы на голове Дорина даже не шевельнулись. Он загородился. От нее или от всего, что обитало в этих болотах.

- Потому что я был одним из них, - тихо ответил Дорин.

Манона ждала.

Сапфировые глаза блестели, как две льдинки.

- Я убил своего отца. Разрушил стеклянный замок. Устроил беспощадную чистку своего двора. И если бы, главнокомандующая, Ключи оказались у меня, я бы сделал то же по всему континенту. Может, и на других тоже.

Он выпустил ее руку.

- Почему? - прошептала Манона, чувствуя, как стынет кровь.

Этот неожиданный всплеск ледяного гнева по-настоящему испугал ведьму.

- Потому что она погибла. А пока она жила, мир неутомимо наполнял ее жизнь страхом, страданиями и одиночеством. И даже если все забудут, кем она была, я этого не забуду. Не забуду цвет ее глаз, ее улыбку. И никогда им не прощу, что они отняли ее у меня.

«Слишком хрупкие» - так он сказал о человеческих женщинах. Неудивительно, что его потянуло к ведьме.

Манона не знала, что́ ему ответить, да он и не ждал ответа. И все же она сказала:

- Ты прав.

В его глазах промелькнуло облегчение. Манона молча двинулась дальше.

Рован не ошибся в расчетах: к полудню они достигли места, где находился Замок.

По мнению Аэлины, они и без наблюдений Рована сразу бы заметили это место: лабиринт полузатопленных, накренившихся в разные стороны колонн. Замок наверняка лежал где-то внутри каменного купола в центре древнего храма. Это место не притягивало, а, наоборот, отталкивало от себя все:

воду, травы, обитателей. Храм напоминал темное сердце болот. И это сердце билось.

Прежде чем двинуться дальше, все собрались на травянистом островке. Рован вернул себе фэйское обличье. Он ни на шаг не отходил от Аэлины. Она старалась не показывать, что рада его благополучному возвращению.

«А ведь я мучаю их», – вдруг подумала Аэлина о своих спутниках. Всякий раз, когда ей требовалось, она толкала их навстречу опасностям. И почему они ее не одернут, не расскажут то, чего им стоит выполнять ее распоряжения?

– Уж больно здесь тихо, – сказал Рован. – Я проверил своей магией все место, и... ничего.

Эдион вынул из-за спины Меч Оринфа:

– Мы обойдем развалины по периметру, постепенно приближаясь, пока не окажемся внутри. Торопиться не будем.

Лисандра готовилась к очередному превращению в водяную тварь.

– Я проверю, нет ли каких-нибудь сюрпризов в воде. Если услышите двукратный рев, оставайтесь на месте. Однократный короткий рев – все чисто.

Аэлина кивнула. Эдион направился к внешней стене храма. Лисандра тяжело плюхнулась в воду.

Рован подал знак Гарелю и Фенрису. Оба фэйца послушно сменили обличье и побежали вперед: Гарель присоединился к сыну, а Фенрис двинулся в противоположном направлении.

Рован оставался с Аэлиной. Позади них стояли Дорин и ведьма. Все ждали сигнала. Когда воздух прорезал однократный короткий рев Лисандры, Аэлина негромко спросила у Рована:

– А как насчет ловушек? Где хоть одна? Уж как-то слишком все просто.

И в самом деле, ничто и никто не подстерегал их здесь. Никаких угроз, если не считать обломков, гниющих в ямах.

– Скажу тебе, что эта простота меня тоже насторожила, и я все время проверяю и перепроверяю ее.

Аэлина почти ощущала, как Рован проникает в это замершее, давно затаившееся место. Фэйское чутье и столетия воинского опыта приучили его воспринимать мир как поле боя. Рован был готов быстро и беспощадно устранить любую опасность, грозящую ей. Качество, присущее не столько фэйскому мужчине, сколько самому Ровану. Защищать, оберегать и сражаться за тех, кого он любит.

Аэлина поцеловала его в шею. Глаза цвета сосновой хвои чуть потеплели. Рован повернулся к ней.

- Когда мы вернемся в обжитой мир, - сказал он, покрывая поцелуями ее щеки, уши и лоб, - я найду тебе самую лучшую гостиницу, которая существует на этом проклятом богами континенте... Ты меня слышишь?

Рован поцеловал ее в губы. Один раз. Второй.

- И там будет необыкновенно вкусная еда, оч-чень удобная кровать и большая купель.

Даже среди этих опасных болот Аэлину пьянил его запах, вкус его губ, прикосновение его тела.

- Насколько большая? - спросила Аэлина, не заботясь, что другие могут услышать их разговор.

- Такая, где мы поместимся вдвоем, - не отрываясь от ее губ, ответил Рован.

Обещание взбудоражило ей кровь. Аэлина ответила на его поцелуй.

- Я беззащитна перед такими предложениями. Особенно когда они исходят от такого симпатичного мужчины.

Слово «симпатичный» заставило его нахмуриться и слегка укусить Аэлину за ухо.

- Ты же знаешь, принцесса, я запоминаю сказанное тобой, чтобы потом, когда мы будем одни, отплатить тебе за все удивительные слова, вылетевшие из твоего ротика.

Огонь от его слов добрался даже до ее ступней в промокших сапогах. Но Аэлина, не показывая своего истинного состояния, хлопнула Рована по плечу, наградив дерзким взглядом.

- Я надеюсь, ты заставишь меня просить об этом, - сказала она, направляясь к стене.

Рован что-то прорычал у нее за спиной, отчего кровь Аэлины едва не вскипела.

Это ощущение длилось, пока она не вступила в лабиринт обвалившихся стен и рухнувших колонн. Рован прошел вперед. Дорин остался стеречь вход. Аэлина оказалась рядом с ведьмой. Развалины храма вызывали у Маноны нескрываемую скуку. Ничего удивительного: она же не рвалась сюда.

Ступали осторожно: каждый неловкий шаг мог что-нибудь опрокинуть. Казалось, накренившиеся колонны и повисшие в воздухе куски арок держатся на честном слове. Рован, достигший перекрестка, подавал им сигналы. Замок находился где-то неподалеку.

Аэлина обнажила Златинец. Ведьма вытащила свой меч.

- Все забываю спросить имя твоего меча, - сказала ей Аэлина.

- Рассекатель Ветра.

- Хорошее имя, - одобрительно цокнула языком Аэлина.

- А твой как зовут?

- Златинец.

Железные зубы сверкнули в усмешке.

- Так себе имечко.

- Упрек не ко мне, а к моему предку. Меч мне достался вместе с именем.

Ей было за что упрекать предков.

Проход вывел их к развилке. Путь влево. Путь вправо. И ни малейшего намека, какой ведет к центру храма.

- Ты пойдешь влево, - сказал ведьме Рован. - Если что-то найдешь, свистни.

Манона молча двинулась среди камней, воды и камышей. Чувствовалось, приказной тон ее рассердил, но она была не настолько глупа, чтобы препираться с Рованом.

Подумав о строптивости ведьмы, Аэлина улыбнулась. Ее левая ладонь скользила по выщербленным стенам. Кое-где сохранились остатки затейливой резьбы.

- Помнишь, когда на рассвете тебе явилась Мэла? - спросила Аэлина. - Что именно она тогда сказала?

- Чего ты вдруг спрашиваешь? - удивился Рован, мельком взглянув на нее.

У Аэлины колотилось сердце. Она ругала себя за трусость. Нашла время и место для подобных вопросов!

Рован схватил ее за локоть. Тело Аэлины было красноречивее слов. Он улавливал ее страх и боль:

- Аэлина.

Она взяла себя в руки. Здесь только камень, вода и вездесущие кусты ежевики. Больше ничего. Она повернула за угол.

Вот оно... искомое.

Рован забыл все, о чем собирался ее спросить. Они вышли в открытое пространство, окаймленное остатками стен и обломками колонн. В северном конце...

- Вроде добрались, - пробормотала Аэлина. - Это алтарь.

– Не алтарь, а сундук, – усмехнувшись, поправил ее Рован. – Там и крышка есть.

– Это и лучше.

Аэлина слегка пихнула Рована локтем. Да, да. Об остальном она скажет ему потом.

Сундук стоял на возвышении. Возможно, когда-то оно действительно было алтарем. Вокруг застыло серебристое, непроницаемое зеркало воды. Поди узнай, что скрывает дно. Аэлина обратилась к своей водной магии, но та была еще очень слаба, и гул магического пламени ее забивал.

Громко шлепая по воде, к противоположной стене вышла Манона. Она безотрывно смотрела на громадный каменный сундук под густым покровом водорослей и ползучих растений. Не спрашивая позволения, ведьма двинулась к возвышению. Осторожно, шаг за шагом.

– Не притрагивайся к сундуку! – крикнула ей Аэлина.

Манона молча посмотрела на нее и пошла дальше.

Аэлине не оставалось иного, как самой пойти туда же. Громко булькала вода под ногами. Дно было скользким. Такими же оказались и ступени. Рован держался на шаг позади.

Манона склонилась над крышкой сундука. Не прикасаясь к каменной поверхности, она вглядывалась в бесчисленные Знаки Вэрда, вырезанные на камне.

Нехемия хорошо разбиралась в этих знаках и умела применять их силу. Аэлина так ни разу и не спросила, где, когда и при каких обстоятельствах эйлуэйская принцесса всему этому обучилась.

Аэлина остановилась рядом с Маноной, впила глазами в цепочки знаков.

– Ты знаешь, что это такое? – спросила она ведьму.

Манона тряхнула гривой белых волос:

– Я видела разные письма, но такие вижу впервые.

Аэлина напрягала память, силясь вспомнить хоть что-то из прочитанного:

– Это Знаки Вэрда. Некоторые мне уже попадались... в древних книгах. Но незнакомых больше.

Она повернулась к Ровану:

– Может, бросить в сундук камешек? Проверить, как он себя поведет?

Рован не успел ответить. Над головами всколыхнулся воздух. Смолкло жужжание докучливых насекомых. Установилась гнетущая тишина. Затем

донеслось волчье рычание Фенриса. Аэлина и Манона, не стовариваясь, встали в боевую стойку, словно им уже много раз приходилось сражаться бок о бок.

Рован молча вглядывался в серые небеса, развалины, воду.

- Что это? - спросила Аэлина.

Не успел он ответить, как она почувствовала вторую волну темного ветра, требующего к себе внимания. Но это не были валги. Тьма, прорывающаяся сюда, имела иную природу.

- Лоркан, - прошептал Рован.

Он сжал эфес меча, но оружие из ножен не вынимал.

- Это его магия? - спросила Аэлина.

Прилетевший ветер пах смертью. Аэлина отогнала его, будто стаю комаров. Ей показалось, что ветер отгрызнулся.

- Он посылает предостерегающие сигналы, - прошептал Рован.

- О чем? - резко спросила Манона.

Рован проворно карабкался по стенам, не обращая внимания на откальвающиеся куски. Его внимание было приковано к полоске суши с внешней стороны стены. Потом он спрыгнул вниз, заставив эхо несколько раз повторить плеск воды.

Откуда-то появилась Лисандра. Ее чешуйчатый хвост ударил по камням.

- Сюда приближается воздушная армия, - с поразительным спокойствием сообщил Рован.

- Железнодорожные? - встрепенулась Манона.

- Нет.

Глаза фэйского принца были полны такого же ледяного спокойствия, выработанного сотнями лет сражений в сотнях мест.

- Илки.

- Сколько? - упавшим голосом спросила Аэлина.

У Рована дернулся кадык. Аэлина поняла: Рован сейчас думает не о победе в сражении. Он изыскивает любую возможность вытащить ее отсюда. Даже если за это придется заплатить жизнью их соратников.

- Пятьсот тварей.

Каждый вдох обжигал Лоркану горло, но он шел, не останавливаясь ни на секунду. Элида едва поспевала за ним, но молчала. Большие темные глаза тревожно всматривались в небо.

Лоркан отправил еще одну волну магической силы. Он не пытался сражаться с крылатой армией, что пронеслась неподалеку. Это было предостережением Ровану и его суке-королеве, где бы те сейчас ни находились. Но если илки опередят Лоркана и доберутся до них раньше, Ключ Вэрда, который висел у этой суки на шее, будет потерян. А Элида... Лоркан прогнал пугающие мысли.

Илки летели быстро и напористо, направляясь в самое сердце болот. Какого черта понесло туда террасенскую королеву?

Элида споткнулась о шербатый камень. Лоркан подхватил ее под локоть, не дав упасть. Один он бы сейчас двигался куда быстрее. Если илки застигнут королеву и ее свиту врасплох, если лишат его возможности отомстить и забрать Ключ...

Лоркан слал предостережения во все стороны.

Он думал уже не столько о Ключах. Он представлял, какое лицо будет у Элиды, если илки доберутся до Аэлины первыми. Вместо долгожданной встречи с королевой – встреча с останками Огненосицы и ее двора.

Им было некуда отступить.

Они добрались до самого сердца этой гнилой, заболоченной равнины. Куда бежать? Где прятаться?

Эраван выследил их и здесь. Он вознамерился захватить их в плен, послав не десяток, не сотню, а пятьсот илков. Если эти твари сумели найти их среди бескрайнего моря, если добрались и сюда, как ни прячься в развалинах, рано или поздно их найдут и там.

Выйдя наружу, все собрались на травянистом холме. Черное облако неумолимо приближалось. Его края обретали четкость. Каменный сундук остался на своем месте. К его крышке так и не успели прикоснуться.

Аэлина понимала: Замок им сейчас не поможет. Только время потратят, открывая крышку. Сетования Брэннона по этому поводу она выслушает потом.

И Лоркан... он тоже где-то здесь. Об этом она будет думать не сейчас. Хорошо, что Фенрис и Гарель остались, а не ринулись выполнять приказ Маэвы. Поднимется ли у них рука убить бывшего соратника?

– Развалины дают нам преимущество, – сказал Рован, продолжая следить за приближением армии илков. – Выберем несколько узких мест и затолкнем туда илков, как в горлышко бутылки.

Словно облако саранчи, илки заслоняли собой все прочие облака, неяркое солнце и само небо. Первый всплеск волнений и страха прошел. Аэлина почувствовала, как ее охватывает спокойствие, граничащее с отупением.

Их было всего восемь. Восемь против пятисот.

Фенрис торопливо заплетал волосы в косицу.

– Мы разделим их на части и начнем уничтожать. И делать это надо, пока они в воздухе.

Он топнул ногой и расправил плечи, словно освобождаясь от оков кровной клятвы, требовавшей выслеживать Лоркана.

– Есть иной способ, – тихо сказала Аэлина.

– Нет, – отрезал Рован.

Аэлина дерзко вздернула подбородок:

– Здесь на многие лиги вокруг – никакого жилья. Болотные твари не в счет. Риск от применения Ключа был бы невелик.

– Нет, и это не обсуждается! – сверкнув зубами, прорычал Рован.

– Я не принимаю твоих приказов, – тихо сказала ему Аэлина.

Казалось, Рован начисто забыл про илков. Ярость внутри его нарастала с головокружительной скоростью.

– Я отберу у тебя Ключ, и назад ты его получишь только из моих остывших мертвых рук.

Рован не шутил. Он был готов пожертвовать своей бессмертной жизнью, только бы не дать ей своевольничать с Ключом. Ключ должен встретиться с Замком. Никаких других вариантов Рован не допускал.

– Аэлина, ты возвестила врагам о своей силе, – невесело усмехнулся Эдион.

Армия илков была все ближе. Аэлина чувствовала ледяное дыхание магии Рована. Он готовился.

– Эраван прислал тебе ответ, – добавил Эдион, кивая на небо.

– Ты упрекаешь меня за это? – прошипела Аэлина.

Глаза Эдиона помрачнели.

– Нам нужно было остаться на севере.

- Вынуждена тебе напомнить: у меня не было выбора.

- Был, - возразил Эдион. Никто, даже Рован, не вмешался. - Все это время у тебя был выбор, но ты предпочла... сверкание своей магии.

Аэлина знала: ее глаза уже полны огня. Состояние, в которое ее невольно загонял Эдион, было довольно опасным.

- Значит, стадия под названием «ты совершенна» тобой пройдена.

Эдион досадливо скривил губы:

- Это не игра. Это война. Ты неумоимо давила на Эравана, добиваясь, чтобы он раскрыл карты. Ты осуществляла свои замыслы, ничего не рассказывая нам. Ты ставила нас перед фактом, когда было уже поздно решать, когда и какие сражения целесообразно затевать.

- Не тебе меня обвинять, - отгрызнулась Аэлина.

Она заглянула вглубь себя. Туда, где находилась бездна, полная вечного пламени.

- Сейчас не время для подобных разговоров, - заметил Гарель.

Эдион досадливо махнул рукой, требуя от отца не вмешиваться.

- Аэлина, где наши союзники? Где наши армии? Пока что у нас единственный шаткий союзник - Рульф. И то неизвестно, не передумает ли он, когда ему услужливо преподнесут сведения о нашем положении?

Аэлина сдержала рвущиеся наружу слова. Время. Ей сейчас требовалось время.

- Если мы собираемся дать илкам бой, нужно поторопиться, - сказал Рован.

Кончики ее пальцев переливались янтарно-красным, будто угольки.

- Мы сделаем это совместными усилиями. - Аэлина старалась не смотреть в широко распахнутые глаза, удивленно поднятые брови и разинутые рты соратников. - Там, где не хватит магии, нас выручит другое оружие.

Она кивнула Ровану и Эдиону:

- В этом вы смыслите лучше меня.

Рован коснулся ее спины. Привычный жест ободрения, когда все его слова бывали напрасны.

- Сколько у вас стрел? - спросил он у бывших соратников.

- Десять полных колчанов, - ответил Гарель.

Он смотрел, как буднично Эдион снимает со спины и прикрепляет к поясу Меч Оринфа.

Лисандра, уже в человеческом обличье, подошла к самой кромке воды. Весь горизонт стал черным от приближавшихся илков.

– Тебе не обязательно сражаться, – сказала ей подошедшая Аэлина. – Можешь остаться с Маноной и охранять это направление.

Манона уже взбиралась по хлипким стенам. У нее за спиной, вместе с Рассекателем Ветра, висел колчан. Стрелы там можно было пересчитать по пальцам. Эдион приказал ей стоять на страже этого направления. Никто не знал, какой фокус могут устроить илки. Ведьма приготовилась было возражать, пока до нее не дошло: на поле этого сражения она отнюдь не главный хищник.

Лисандра наспех заплела волосы в косу. Ее золотистая кожа потеряла прежний блеск.

– Не представляю, как эти фэйцы воюют сотнями лет. Они, наверное, уже и позабыли, где, когда и с кем бились.

– Я и сама не представляю, – созналась Аэлина.

А трое фэйцев спокойно занимались привычным делом: оценивали местность, направление ветра. Словом, учитывали все, что способно дать преимущество в бою.

Лисандра устало провела рукой по лбу, но тут же расправила плечи.

– Болотных тварей легко разъярить. По себе знаю.

Аэлина пихнула ее в бок, и Лисандра хмыкнула:

– Я могу создать видимость угрозы их гнездам. И когда илки спустятся с небес...

– Найдутся и другие желающие расправиться с ними, – мрачно улыбаясь, договорила Аэлина.

Меж тем она видела состояние Лисандры:

– Но если ты...

Лисандра стиснула ей пальцы:

– Не волнуйся. Когда силы будут на исходе, я дам знать.

Аэлина молча кивнула. Вскоре в небо поднялась длинноногая белокрылая птица и полетела навстречу надвигающейся тьме.

Рован отдавал распоряжения Эдиону, Фенрису и Гарелю:

– Вы трое погоните их прямо на нас.

– А чем займетесь вы? – спросил Эдион, глядя на сестру, Рована и Дорина.

– Я нанесу первый удар, – заявила Аэлина, глаза которой уже искрились огнем.

Рован послушно склонил голову:

– Моя госпожа желает нанести первый удар. Она это сделает. А когда обезумевшие от страха илки рассеются, наступит наш черед.

– Только на этот раз не промахнись. – Эдион выразительно посмотрел на нее.

– Не говори мне под руку, придурок, – огрызнулась Аэлина.

Эдион улыбнулся одними губами и поспешил туда, где лежали их мешки. Взял в каждую руку по тяжелому колчану и повесил за спину арбалет. Манона лишь хмыкнула.

– Бей короткими ударами, – обратился к Дорину Рован. – Илки рассеются на кучки. Бей в середину. Береги свою магическую силу, иначе расплещешь ее за один раз. Старайся целить им в голову.

– А когда они начнут опускаться? – спросил Дорин, поглядывая на небо.

– Окружи себя щитом. Атакуй, только когда сможешь. И постоянно держись спиной к стене.

– Я больше не стану его узником.

Аэлина, слышавшая слова адарланского короля, тут же попыталась их забыть.

– Не волнуйся, короленок, – успокоила Дорина Манона. – Если эти твари прорвутся сюда, я убью тебя раньше их.

– Ты этого не сделаешь, – прошипела Аэлина.

Ведьма лишь взмахнула луком, а Дорин сказал:

– Спасибо, Манона.

– Никого из вас не возьмут в плен! – рявкнула Аэлина, удаляясь от стены.

Не будет ни второго, ни третьего удара. Только первый. Ее первый удар.

Похоже, настало время проверить, насколько глубок этот новый колодец ее магической силы и что живет внутри его. А для Мората настало время научиться кричать от страха.

Аэлина спустилась к воде и перепрыгнула на соседний островок. Рован молча шел рядом. Вместе они достигли следующего холма. Там Рован повернулся к ней – напряженный, как тетива. Глаза его были такими же холодными, как ее собственные.

Но сейчас гнев Рована был направлен не на илков, а на его королеву. Таким Аэлина не видела его очень давно. Пожалуй, со времени их жизни в вендалинской крепости Страж Тумана. Аэлина оскалила зубы, улынувшись дерзко и хищно:

- Побереги слова. Я и так знаю. Добавь к своему списку ужасов, которые я делала и говорила, и предложение, в случае чего, пустить в ход Ключ Вэрда.

Илки были уже настолько близко, что с небес слышалось хлопанье их широких перепончатых крыльев и пронзительные крики. У Аэлины дрогнули колени, но она подавила страх. Этого ни в коем случае нельзя показывать ни Ровану, ни тем более другим.

Аэлина заставила себя двинуться дальше по болотистой, поросшей камышами равнине навстречу илксской армии. Через несколько минут они будут уже здесь. Может, и раньше.

Жуткий, отвратительный Лоркан, которого она ненавидела, подарил им время на подготовку. Где-то он сейчас?

Шаг, еще шаг. Рован не пытался ее удерживать. Ей нужно отойти как можно дальше от своих спутников, чтобы ни одна искра их не задела. Весь огонь должен обрушиться только на врагов.

А для этого она выйдет навстречу врагам одна. Дождется момента, когда илки приблизятся настолько, что будут видны их оскаленные зубы. Наверное, они уже знали, кто идет к ним сквозь камыши и чего ждать от нее.

Знали и продолжали лететь.

Вдали, где-то справа от нее, болотные твари подняли дружный рев. Лисандра постаралась. Оставалось надеяться, что твари голодны и не побрезгуют мясом, выращенным в Морате.

- Аэлина! - донесся голос Рована.

Она остановилась, обернулась через плечо. Рован стоял на песчаной полосе. Казалось, что-то толкало его к ней. Нет, это только казалось. Лицо Рована преобразилось. Перед ней был жестокий фэйский воин накануне очередной битвы. Но его глаза цвета сосновой хвои смотрели почти с нежностью.

- Помни, кто ты. Помни постоянно, когда опускаешься в глубины своей силы и когда возвращаешься обратно. Помни, кто ты. И помни, что ты - моя.

Аэлина подумала о новых тонких шрамах на его спине - следах ее ногтей. Рован легко мог бы их убрать силой своей магии, но вместо этого постоянно поливал их морской водой, не позволяя бессмертному телу затянуть повреждения. Знаки ее обладания им. Так он шептал ей во время их последней близости. Пусть каждый, увидев эти шрамы, знает, что он принадлежит ей, равно как она принадлежит ему.

И поскольку ей сейчас принадлежал не только Рован, но еще шестеро... Аэлина повернулась и быстро пошла вперед.

Теперь она уже отчетливо видела крылья илков. Лисандра не на шутку разозлила болотных тварей, и те вылезали из воды, ища, на кого бы напасть. Аэлина начала погружение в глубины своей магии.

Все эти дни она находилась где-то на среднем уровне, лишь поглядывая на бурлящую расплавленную лаву внизу. Рован знал о ее состоянии. Фенрис и Гарель – тоже. Все эти дни она расходовала излишки силы, уничтожая комаров и высушивая одежду своих спутников... Привыкала управлять собой, привыкала ощущать давление своих глубин.

Это напоминало спуск по лестнице, где с каждым шагом что-то все сильнее давило ей на тело и разум. Небрежно обращаясь с магической силой, она рисковала выжечь саму себя изнутри. Такое случалось, когда магическая сила расходовалась слишком быстро и в большом количестве. Порою маг, исчерпав запас, опрометчиво пытался пробиться глубже, куда нельзя было вторгаться.

Аэлина остановилась посреди острова, по которому шла. Илки устремились к ней, упуская из виду троих мужчин, чьи луки были готовы подтолкнуть солдат Эравана прямо в огненные объятия Аэлины.

Если она сумеет прожечь насквозь защиту противника... На уничтожение армии илков ей понадобится вся магическая сила, какую она сможет призвать. Пусть узнают сокрушительную мощь Аэлины Огненосицы. Всю, до последней искры.

Аэлина освободилась от всего, что называлось воспитанием, образованием, совестью. Она отбросила все представления о человечности, все правила и нырнула в собственный огонь.

Она летела в эту огненную пропасть, краешком сознания ощущая вязкую влажность. Что-то распирало ей голову изнутри.

Достигнув дна, она взмоет вверх, унося силу. Никогда еще она не зачерпывала столько силы. Сражение с илками станет проверкой, основательной проверкой ее умения управлять своей магией. Проникнуть в самое сердце огня и пепла – самое легкое. Трудности начнутся, когда поднимаешь силу вверх и когда этот груз может вырваться у тебя из рук.

Ее погружение продолжалось. Смертные глаза видели приближающихся илков. Аэлина подумала, что творит благое дело. Если илки когда-то были людьми, избавление от этих чудовищных оболочек явится для них даром судьбы.

Ее кровь предостерегающе зазвенела. Аэлина поняла: она достигла прежней границы своей силы. Дальше начинался пылающий ад.

Королева пламени и тени, Наследница огня, Аэлина Необузданное Пламя, Огненное Сердце...

Она погружалась глубже, прожигая себе путь сквозь каждый титул и одновременно сознавая, что они – ее часть. Она вспомнила, как морщились иностранные послы, сообщая о маленькой королеве, подрастающей в

Террасене. Они предрекали беды, которые постигнут королевство, если она когда-нибудь получит власть.

Ее голову все сильнее распирало изнутри. Вскоре то же ощущение появилось и в ее жилах.

Далеко, недостигаемые для ее магии, Рован и Дорин готовили свои магические удары, чтобы обрушить на илков вслед за ее главным ударом.

Аэлина достигла сердцевины своей магической силы. Вокруг нее полыхал ад.

Глава 56

Сигналы сигналами, но они с Элидой находились все еще далеко от того места, куда спешили. Лоркан это понимал.

Элида совсем выбилась из сил. Она шаталась, лоя ртом воздух. Лоркан остановился на границе обширной равнины. Как и всё в здешних проклятых местах, равнина была залита водой. Вздохнув, Элида отвела с лица прядь взмокших от пота волос. У нее на пальце блестело кольцо Атрила. Его Лоркан надел ей сегодня утром. Элида не спрашивала, откуда это кольцо и зачем оно ей. Лоркан приказал ни в коем случае не снимать кольцо, сказав, что только так она может уберечься от илков и от участи снова попасть в Морат.

Но илкскую армию ни она, ни Лоркан не интересовали. Крылатые твари неслись дальше на север. В отличие от человеческих глаз Элиды, глаза Лоркана видели гораздо дальше. На другом конце равнины он заметил знакомый блеск серебристых волос. Так и есть: Рован из клана Боярышника. Рядом с Рованом стоял молодой адарланский король. Их обоих окружала холодная магия, напоминающая глыбы льда на ярком солнце. А еще дальше...

Боги милосердные! В камышах притаились Фенрис и Гарель с луками наготове. Третьим был сын Гареля. Все трое целились в надвигающуюся воздушную армию. Они ждали...

Лоркан понял, куда они смотрят.

Они смотрели не на приближавшуюся армию. На террасенскую королеву, что стояла одна посреди болотистой равнины.

Лоркан запоздало сообразил, что он и Элида оказались отнюдь не в безопасном месте. Спутники Аэлины находились в южной части равнины, они – в северной.

Элида забыла про илков. Бледная, с опущенными руками, она смотрела только на золотоволосую женщину. Потом она пошла навстречу своей королеве, что-то шепча или всхлипывая.

Вот тогда Лоркан и поймал это ощущение. Оно было ему знакомо. Тогда, возле Стража Тумана, террасенская королева уничтожила магическим огнем могущественных валгских принцев. Ее сила напоминала чудовище, вылезшее из глубин и заставившее мир дрожать.

Но та сила не шла ни в какое сравнение с нынешней, бушующей вокруг.

Элида споткнулась и чуть не упала. Болотные протоки подернулись крупной рябью.

Пятьсот илков были уже совсем близко. Аэлина и ее спутники поймали сигналы Лоркана и устроили тварям ловушку.

Сила... сила, которую Аэлина сейчас черпала из своей внутренней преисподней. Как только она сама выдерживала все это? Но если их заденет хотя бы краем...

- Что это...

Элида не успела задать вопрос. Лоркан бросился к ней, опрокинул на землю и прикрыл собой. Он воздвиг над ними щит, употребив на это всю магическую силу. У него не было времени для тщательного устройства щита. Главное - уберечься от другой магии, способной расплавить их и превратить в ничто.

Лоркан запоздало пожалел, что потратил немалую часть силы на предупреждения. Ему вовсе не улыбалось погибать из-за илков и губить Элиду.

Рован еще в крепости Страж Тумана знал: королева пока не вступила в полную силу и не востребовала то, что принадлежало ей по праву рождения. Знал Боярышник и другое. Наделенные такой силой, как у Аэлины, рождаются раз в несколько тысяч лет. И служение этой силе, служение ей самой...

Двор Аэлины способен не только изменить мир. Они положат начало новому миру. Их двору будет по силам завоевать этот мир и любой другой, какой пожелают.

Если пожелают. Если этого пожелает золотоволосая женщина на равнине. Вопрос, ответ на который не знала и она сама.

- Лоркан, - прошептала Элида.

Он чувствовал: девчонке хочется броситься к своей королеве и в то же время она боится Аэлины. Что пересиливало, он не знал.

Раздумья Лоркана оборвал яростный рев из камышей. Это была команда.

И тут же в передние ряды илков полетел град стрел, нацеленных с жестокой точностью. Фенрис. Лоркан узнал его стрелы по черному оперению. Сын

Гареля тоже стрелял без промаха. Подстреленные илки, кувyrкаясь, падали. Остальные испуганно стремились забиться в середину стаи.

Туда же террасенская королева направила и всю силу своего магического удара.

Это случилось не раньше, чем Лисандра, разъярив болотных тварей, благополучно вернулась из опасного места. Армия илков приблизилась настолько, что Эдион мог стрелять их, как диких гусей. Вот тогда огненный ад Аэлины выплеснулся наружу.

Эдион находился сравнительно далеко от сестры и под прикрытием магического щита, раскинутого Рованом. Но магический огонь обжигал даже здесь.

– Боги милосердные, – бормотал Эдион, пробираясь сквозь камыши и торопясь убраться подальше. – Вам в своих высях такое не снилось, черт бы вас побрал.

Летевшие в середине воздушной армии даже не успели вскрикнуть. Их поглотило огненное море.

Аэлина не была спасительницей, заслоняющей мир огненным щитом. Она была природной стихией, подобной извержению вулкана.

Огонь становился все жарче. Лоб Эдиона покрылся потом. Жар пробирал его до костей. Но возвращаться было еще рано. Эдион занял новую позицию. Краем глаза он видел, что отец и Фенрис сделали то же самое. Они стреляли по илкам, что пытались отклониться и не попасть в огненный котел. Эдион прицелился, выстрелил. Потом еще и еще.

На равнину, словно ленивые снежинки, медленно падали хлопья пепла.

Почувствовав, что Аэлине требуется подкрепление, вверх взметнулись ветер и лед. Там, куда не доставало золотисто-красное пламя Аэлины, илков косила магия Дорина и Рована.

Илков по-прежнему оставалось слишком много. Темное пятно, которое никак не смыть с неба. Аэлина упорно выжигала их ряды. Эдион почти не видел ее за стеной бушевавшего огня.

Такая сила имела свою цену. Не могла не иметь.

Аэлина родилась, сознавая тяжесть своей короны. Своей магии. Отделенность от мира. Она испытала это еще в детстве. Чем не наказание? Нет, это и было платой.

«Моя цена не имеет названия», – вспомнились ему слова ведьмы. В сознании Эдиона что-то забрезжило, но уловить смысл он так и не мог. Он выпустил предпоследнюю стрелу, прицелившись одному прыткому илку между глазами.

Мало-помалу объединенные усилия огня, ветра и льда сломали защиту илков. И тогда Рован направился к стене пламени. Туда, где стояла его Аэлина.

Лоркан крепко прижимал Элиду к земле, тратя на щит последние крупички своей темной силы. Лоб и волосы были насквозь мокрыми от пота. Мох, в который утыкалась Элида, напоминал горячую губку. Болотная вода вокруг кипела.

Повсюду, брюхом вверх, всплывала заживо сваренная рыба. Травы высыхали и тут же загорались. Окружающий мир превратился в настоящий ад, где не было ни конца, ни начала.

Темная, искромсанная душа Лоркана вострепелась и зарычала, подпевая огненной силе Аэлины.

Элида вся сжалась. Ее кулачки упирались в рубашку Лоркана. Лицо уткнулось ему в шею. Он скрипел зубами, выдерживая этот ад. Не только огонь, но ветер и лед. К магии Аэлины присоединились еще две магические силы. Все вместе они уничтожали остатки армии илков и попутно – его щит.

Волна за волной, чужая магия дырявила его собственную. Лоркан был достаточно опытен, чтобы не делать попыток сопротивляться. Это погубило бы его наравне с илками, а он помнил, что должен уцелеть сам и уберечь Элиду.

Если бы Эраван сумел надеть на Аэлину каменный ошейник... с привычным миром было бы покончено. Подчинить себе такую женщину, такую силу... Следом пришла другая мысль: а выдержал бы ошейник напор ее силы?

Сквозь огненную стену кто-то шел. Лоркан присмотрелся. Рован. Его бывший соратник шагал так, словно вокруг ничего не кипело и не бурлило. Над куполом магического щита шипело пламя, соприкасаясь с ледяным ветром. Только безумец был способен идти по этому аду.

Илки гибли: медленно, еще пытаясь сопротивляться, но гибли. Темная магия, на которую они уповали, их не спасла. Ускользнувших от пламени, льда и ветра настигали стрелы. Тех же, кто ухитрялся спуститься вниз, встречали когти, зубы и чешуйчатые хвосты злых и голодных болотных тварей.

Лоркан не без гордости думал, что в победе над илками есть и его доля. Своевременное предостережение – половина победы. Так говорили те, кто когда-то учил его воинскому ремеслу. Собственный многовековой опыт подтвердил справедливость этих слов.

Рован подошел к своей королеве. Языки пламени вокруг нее начинали гаснуть. Порывы его ветра стихли. Нескольких илков, стремящихся улететь, настигли беспощадные струи льда.

С небес падали лед и пепел, гася угли между обгоревшими трупами илков. Из полутысячной армии никто не выжил и не спасся бегством.

Лоркан не отваживался убрать свой магический щит. Особенно сейчас, когда Рован оказался на островке, где стояла его королева. Из всего пламени, бушевавшего еще недавно, осталась лишь огненная корона на ее голове.

Лоркан молча смотрел, как Рован обнял Аэлину за талию и поцеловал. В ответ она обхватила его за шею и притянула к себе. Над головой Рована вспыхнула корона золотистого пламени. Такую же Лоркан видел тогда, в крепости Страж Тумана.

Лоркан знал характер Рована. Принц не отличался честолюбием, которое у бессмертных имело свои оттенки. Возможно, он бы полюбил Аэлину, будь она и обыкновенной женщиной. Но эта сила...

Опустошенная, огрубевшая душа Лоркана чувствовала притяжение этой силы, что вызывало в нем ненависть.

Сила Аэлины заставила Рована пойти к ней. Она же притянула внимание Фенриса, который вовсю глазел на их объятия.

- Никак все кончилось? - спросила Элида.

Глядя на жаркие поцелуи, которыми террасенская королева награждала своего принца, Лоркан не знал, как ответить Элиде. Он приподнялся, позволяя ей привстать. Морщась, Элида поднялась на затекшие ноги и сразу же увидела вдали Аэлину и Рована. Лоркан тоже встал.

- Они убили всех илков, - прошептала Элида.

Воздушной армии - как не бывало. Победа далась нелегко, но без потерь.

Черные волосы Элиды стали серыми от хлопьев пепла. Лоркан осторожно смахнул пепел, потом создал над ее головой небольшой щит.

После той ночи он не прикасался к Элиде. Им было не до этого. Лоркан не хотел думать о последствиях ее поцелуя. О настоящем перевороте, случившемся в его заскорузлой душе. Если бы не вторжение армии илков, ему бы пришлось погрузиться в нелегкие раздумья о том, как со всем этим жить дальше.

- Что мы теперь будем делать? - спросила Элида.

Лоркан не сразу понял смысл ее вопроса. Аэлина и Рован наконец-то разомкнули объятия, но принц наклонился, чтобы потереться носом о ее шею.

У фэйцев сила откликается на силу. Возможно, Аэлине Галатинии не повезло, что воины, которые задолго до ее рождения подчинились силе Маэвы, теперь потянулись к ней.

Возможно, им не повезло, если в свое время они не нашли себе ничего более достойного.

Лоркан тряхнул головой, прогоняя бесполезные, вероломные мысли.

Там, на равнине, стояла Аэлина Галатиния, исчерпавшая свою магическую силу. Лоркан это чувствовал. Огненный ураган, бушевавший совсем недавно, полностью погас. Вместо пламени он ощущал наползающий холод.

Аэлина исчерпала все запасы. И не только она. Ее соратники тоже. Наверное, потому Рован и поспешил к ней. И обнимался он не потому, что его обуяла страсть. Это делалось ради ее поддержки, поскольку сейчас Аэлина была уязвима.

Беззащитна перед внезапным нападением.

Лоркан вспомнил вопрос Элиды и усмехнулся:

– Мы пойдем и поздороваемся с ними.

Элида уловила его сарказм. Ее передернуло.

– Ты же с ними не в дружеских отношениях.

Разумеется, нет. Он и не собирался с ними дружить, особенно сейчас, когда террасенская королева так близко и при ней Ключ Вэрда... такой же, как у Элиды.

– Они на меня не нападут, – сказал Лоркан и двинулся вперед.

Вода и сейчас еще была обжигающе горячей. Лоркан морщился, глядя на белесые глаза сварившихся рыб, лягушек и прочей мелкой живности. Точнее, «мертвости».

Элида вскрикнула, ступив в горячую воду, но пошла за Лорканом.

Лоркан медленно приближался к добыче. Он смотрел только на огнедышащую суку и потому не заметил, что Фенрис и Гарель, засевшие в камышах, вдруг куда-то исчезли.

Глава 57

Каждый шаг по направлению к Аэлине казался Элиде вечностью и в то же время пугал ее быстротой.

Никогда еще Элида так остро не ощущала свою хромоту. Никогда ее так не угнетала грязная одежда, взлохмаченные волосы и невзрачная внешность. Ей было стыдно, что она идет к королеве без подарков.

Элида часто думала о громадной силе Аэлины и пыталась представить, как королева разрушала стеклянный замок. Но ей и в голову не приходило, что зрелище этой силы наполнит ее таким ужасом. Ужас в буквальном смысле

пробрал ее до костей. Элида не задумывалась и о том, что приближенные Аэлины тоже владеют магией. Она помнила завывание ветра и свист проносащихся льдинок. Тройное оружие, несшее смерть иллкам. Ей было почти жаль жестоко истребленных иллков. Почти.

Лоркан шел молча. Элида ловила его напряжение. Не умевшая читать книги, она по едва заметным признакам читала его настроение. Лоркан был уверен, что этого никто не видит. Но Элида видела слегка подрагивавший левый уголок его рта. Лоркан пытался подавить нараставший гнев. А этот легкий наклон головы вправо... Лоркан внимательнейшим образом наблюдал за окрестностями, высматривая малейшие преграды и возможные ловушки. По всему чувствовалось: Лоркан не ждал от этой встречи ничего хорошего.

Он ожидал сражения.

Аэлина к этому времени повернулась в их сторону и сделала шаг. Ее принц с серебристыми волосами тоже повернулся и как бы невзначай загородил ее. Аэлина его обошла. Он снова попытался загородить ей путь. Тогда она отпихнула его локтем. Принц из Доранеллы, возлюбленный королевы. Насколько Аэлина прислушивается к его мнению? Если он ненавидел Лоркана, не перекинется ли его ненависть и на Элиду? Ненависть и недоверие.

Ей надо было раньше думать об этом. Понравится ли королеве, что она явилась вместе с Лорканом?

- Сожалеешь о своем выборе союзников? - с холодным спокойствием спросил Лоркан.

Похоже, и он умел читать ее настроение.

- У тебя ж на лице написано, - добавил он.

Элида могла поклясться: в глазах Лоркана мелькнуло что-то похожее на боль. Но он оставался верен себе: даже когда на барке она устроила ему разнос, он почти не вздрогнул.

- В любом случае наша сделка подходит к концу. Не волнуйся, я им все объясню. Пусть не думают, будто ты увязалась за мной.

- Я не это имела в виду.

- Мне все равно, - усмехнулся Лоркан.

Элида остановилась. Ей захотелось обозвать его вруном: во-первых, потому, что он действительно врал, а во-вторых... от этих слов у нее защемило в груди. Но она промолчала и пошла дальше, уже не пытаясь идти вровень с ним. Лоркан торопился, и расстояние между ними постепенно увеличивалось.

Мысли, хлынувшие ей в голову, отодвинули досаду на Лоркана. Что вообще она скажет Аэлине? «Здравствуй? Как поживаешь? Ты уж прости, что я такая грязная да еще хромая. Пожалуйста, не сжигай меня за это».

Чья-то рука тронула Элиду за плечо. «Будь внимательна. Смотри по сторонам».

Элида покосилась на свое грязное плечо, затем оглянулась по сторонам. Лоркан опережал ее локтей на тридцать. До королевы и принца было все еще далеко.

Невидимая рука опять сжала ей плечо. «Смотри. Наблюдай».

На что смотреть? Справа продолжался дождь из пепла и льда. Слева виднелись развалины, а впереди ничего, кроме бесконечных болот. Однако Элида остановилась и начала всматриваться в окружающий мир.

Чутье ей подсказывало: что-то здесь не так. Все обитатели болот, пережившие натиск магии, почему-то снова замолкли. Шелест обожженных трав напоминал горестные вздохи.

Лоркан продолжал идти. Элида видела его напрягшуюся спину. Но к оружию он пока не притрагивался.

«Смотри. Смотри. Смотри».

На что смотреть? Элида остановилась, описала взглядом полный круг и опять ничего не заметила. Она уже хотела окликнуть Лоркана, как вдруг... Шагах в тридцати, среди кустов, блеснули золотистые глаза.

Большие золотистые глаза. Они следили за Лорканом, который был почти рядом. Горный лев, готовый к прыжку. Для такого расплосовать тело и перекусить кости – раз плюнуть.

Нет!

Зверь выскочил из укрытия.

Элида громко окликнула Лоркана.

Он резко обернулся, но не ко льву. К ней. Его лицо, перекошенное гневом, было обращено к ней.

Элида бросилась к нему. Хромая нога вопила от боли. Лоркан наконец почувал угрозу. Горный лев оказался рядом, оскалил пасть и потянулся к горлу Лоркана.

Лоркан молниеносно выхватил охотничий нож. Блеснула сталь.

Лев и Лоркан повалились в мутную воду.

Элида устремилась к ним. Страх сдавил ей глотку. Она сообразила: на Лоркана напал не просто горный лев. Она видела Лоркана в сражениях. С обычным зверем он бы так себя не вел. Сражение со львом напоминало поединок воинов. Оба были ранены, оба стремились загородиться магическими щитами.

Потом на подмогу льву явился волк.

Громадный белый волк возник неведомо откуда. Его трясло от ярости. Взгляд был сосредоточен на Лоркане.

Лоркан сумел вырваться из львиных когтей. Рука и нога были красными от крови. Он тяжело дышал. Волк вдруг куда-то исчез и... появился словно из воздуха, ближе к Лоркану. Казалось, перешел по невидимому мосту.

Это была не атака. Расправа.

Элида пробежала между двумя холмиками. Заледенелые стебли травы врезались ей в ладони. В ноге что-то хрустнуло.

Волк устремился к неприкрытой спине Лоркана. В оскаленной пасти белели зубы. Глаза кровожадно сверкали.

Элида взбежала на холмик.

«Нет!» – кричало все в ней.

Зловещие белые клыки были нацелены на спину Лоркана.

Теперь Лоркан услышал ее шаги и всхлипывание. В его глазах мелькнул ужас. Элида ударилась о его незащищенную спину.

Когда Лоркан заметил, что смертельным ударом угрожает ему не лев, а волк, волчьи челюсти, целившие в его шею, сомкнулись на руке Элиды.

Она вдруг увидела в глазах волка неподдельный ужас. Он отпрянул, а в нее ударился темный твердый щит, выдавив из легких весь воздух.

Кровь, боль, торчащая кость, опаленная трава... все сплелось в один комок.

Мир накренился. Они с Лорканом упали. Элида перелетела через него, обнаружив, что волчьи челюсти больше не сжимают ее руку. Ей казалось, что волк и горный лев сейчас оба перекусят ей шею и ее жизнь кончится. Она умрет, так и не встретившись с королевой.

Но на нее больше никто не нападал. Вокруг было пугающе тихо.

Над нею склонился Лоркан. Он тяжело дышал. Окровавленное лицо было бледным. Он потрогал ее руку, потом коснулся лица.

«Элида. Элида. Элида», – с упреком звучало у нее внутри.

Ей было не вздохнуть. Она не могла поднять голову и проверить жуткое ощущение, будто ее рука превратилась в комок мяса с раздробленными костями.

Ладони Лоркана обхватили ее лицо.

– Зачем ты это сделала? Зачем?

Он не ждал ответа. Подняв голову, Лоркан зарычал так свирепо, что звук отдался эхом в ее костях, а покалеченная рука отозвалась всплеском боли. Не выдержав, Элида застонала.

Щит Лоркана – черный, клубящийся вихрь – отгораживал их от волка и льва.

– Вы – покойники, – объявил им Лоркан. – Я прикончу вас обоих.

Элида сумела повернуть голову и столкнулась с пристальным взглядом белого волка. Он смотрел не на нее. На Лоркана. Через мгновение волк превратился в невероятно красивого фэйца. Его смуглое лицо вытянулось, когда он взглянул на ее руку. Ее рука... ее рука...

– Лоркан, нам было приказано, – послышался удивительно мягкий мужской голос.

Это говорил лев, тоже превратившийся в фэйца.

– Плевать я хотел на ваши приказы, сборище придурков.

Тот, кто недавно был волком, даже зашипел, словно его ошпарили.

– Лоркан, мы больше не можем сопротивляться приказу.

– Убери щит, – попросил бывший лев. – Я могу исцелить руку девчонки. Ей-то за что страдать?

– Я убью вас обоих! – прорычал Лоркан. – Убью!

Элида смотрела на свою руку. Волк укусил ее возле плеча, вырвав большой клочок мяса. Из раны на обожженную траву хлестала кровь. Внутри белела кость.

Элида всхлипнула, потом еще. Ее затрясло.

– Не смотри! – приказал ей Лоркан и развернул ее лицо так, чтобы их глаза встретились.

Элида едва узнавала его лицо – до такой степени оно было искажено гневом. Лоркан словно забыл о своих противниках.

Он истощил магическую силу, загораживаясь от магии Аэлины, Рована и Дорина. Этот щит – последнее, что у него оставалось. Если убрать щит, Гарель и Фенрис исцелят руку Элиды и... убьют его. Его предостережения их не остановят.

Аэлина. Почему она не идет сюда?

Элида смотрела на опаленный, почерневший мир. Тело умоляло подчиниться, а не терпеть дальше боль, заслонявшую весь мир.

Лоркан напрягся, словно почувствовав небытие, которое манило Элиду.

- Ты ее исцелишь, - сказал он, обращаясь к фэйцу с участливыми глазами. - Потом продолжим.

- Нет, - выдохнула Элида.

Она не хотела исцеления такой ценой.

Черные глаза Лоркана безотрывно смотрели на нее. Потом он тихо сказал:

- Я хотел отправиться с тобой в Перрант.

Лоркан убрал щит.

Это был тяжелый выбор, но Лоркана не столько пугали последствия для себя, сколько смертельно опасная рана на руке Элиды.

Фенрис прокусил ей крупную кровеносную жилу. За считанные минуты девчонка могла умереть от потери крови.

Лоркан бы рожден Тьмой и от нее же получил свой дар. Вернуться во Тьму для него не составляло труда. Но позволить, чтобы этот прекрасный, переливчатый свет вдруг погас... Такое не принимали даже его старые, привыкшие к горестям кости.

Больше десяти лет об Элиде никто не вспоминал. Но она не утратила надежды. И к нему она была добра. Все время, проведенное вместе, она показывала ему проблески иной, мирной жизни.

Она позвала его на свою родину.

Лоркан знал: Фенрис не сможет воспротивиться приказу Маэвы. Знал, что и Гарель сдержит свое слово и исцелит руку Элиды. Но Фенрис будет действовать так, как велит ему кровная клятва.

Потом этот придурок испытает жгучее чувство раскаяния. Лоркан помнил ужас на волчьей морде, когда Элида вдруг оказалась между ними.

Лоркан убрал щит. Только бы Элида не смотрела на их поединок. Они схватятся насмерть. С одним Фенрисом он справится... пока к тому не присоединится Гарель.

Едва щит исчез, Гарель тут же опустился на колени перед Элидой. Его широкие ручищи потянулись к ее искалеченной руке. Боль не мешала Элиде говорить, но она глазами показывала Лоркану: беги.

Мольбы не помогли: Лоркан встал. Повернулся к Фенрису. Его бывшего соратника трясло, он стиснул кулаки, чтобы не схватиться за оружие. Элида продолжала всхлипывать и умолять Лоркана бежать отсюда.

Фенрису очень не хотелось убивать Лоркана. Но приказ Маэвы был сильнее. Лоркан усмехнулся. Тонкий поводок собственной воли, удерживавший Фенрису, оборвался.

Выхватив меч, Фенрис бросился на Лоркана. Лоркан выхватил свой, предугадывая маневр противника. Сделать это было несложно: ведь Лоркан когда-то сам учил Фенриса такому маневру. Маневр имел одну особенность, которую Фенрис так и не усвоил, и потому его левый бок и шея оставались неприкрытыми. Недолго, всего мгновение, но этого хватит.

Фенрис совершил прыжок, пригнулся, взмахнул мечом и уклонился вправо. Лоркан приготовился нанести удар по неприкрытой шее, но не успел. Порыв ледяного ветра разметал их.

Фенрис тут же вскочил. Ярость хлестала в нем через край. Ветер снова сбил его с ног и не давал подняться. Лоркан тоже силился встать, но магический щит Рована пригвоздил обоих к обожженной земле. У фэйского принца оставалось еще достаточно силы, тогда как Лоркан вычерпал свою до последней капли.

Под сапогами хрустела ломкая трава. Лоркан все же сумел поднять голову. Рован стоял между ним и Фенрисом. В отличие от ярости Фенриса, у принца она была холодной. Ледяной.

Рован взглянул на Гареля и Элиду. Она по-прежнему всхлипывала и умоляла прекратить сражение. Но ее рука...

Вдоль белой кожи тянулся шрам. Исцеление, проведенное Гарелем, было довольно грубым. Так латали солдат на поле боя. Но он соединил и срастил переломанные кости, восполнил плоть, вырванную зубами Фенриса. Гареля слегка пошатывало. Должно быть, на исцеление он выложился полностью.

– Больше – никаких сражений, – непререкаемым тоном заявил Рован. – Никто из вас не смеет притронуться к Лоркану и его спутнице. Они находятся под защитой Аэлины Галатинии. Всякая попытка причинить им вред будет рассматриваться как военные действия против моей королевы.

Среди остывающих болот эти древние слова звучали несколько странно, но только так можно было приостановить выполнение приказа Маэвы. Не отменить сам приказ, а отсрочить его. Выиграть время, столь необходимое им всем.

Фенрис тяжело дышал, но в глазах сквозило облегчение. Гарель лишь опустил плечи.

Темные глаза Элиды еще были остекленевшими от боли. Веснушки на неестественно бледных щеках казались черными точками.

– Вам понятно, какой ад вас ждет, если вы переступите черту? – спросил Рован, обращаясь к Фенрису и Гарелю.

К неопишуемому изумлению Лоркана, оба опустили голову и, словно нашкодившие мальчишки, пробормотали:

– Да, принц.

Рован убрал магический щит. Лоркан бросился к Элиде, пытавшейся сесть. Она разглядывала почти зажившую руку, которая еще недавно представляла

жуткое зрелище. Гарель благоразумно отошел. Лоркан осмотрел ее руку, заглянул в глаза. Ему захотелось потрогать и даже понюхать Элиду.

Он не слышал легких шагов, зато сразу узнал женский голос, раздавшийся за спиной:

- Неужели кто-то сегодня еще не навоевался?

Элиде не хватало слов, чтобы рассказать Лоркану, какой ужас она испытала, когда он убрал щит. А когда суровый принц со странными узорами на лице силой своей магии остановил кровопролитие...

Однако все ее недавние переживания померкли, когда Элида заглянула через плечо Лоркана и увидела шедшую к ним золотоволосую женщину.

Совсем молодая, немногим старше Элиды, но ее лицо... Лицо был древним, мудрым, полным силы. И настороженным. Элиду зачаровала красота этого лица. Загорелая кожа, удивительно живые бирюзовые глаза с золотыми крапинками вокруг зрачка.

Глаза династии Ашериров.

Такие же волосы и глаза были и у подошедшего мужчины, ладного, мускулистого. На его руке висел лук. Наверное, помогал королеве сражаться с армией илков.

Две стороны одной золотой монеты.

Аэлина. Эдион.

Оба смотрели на Элиду своими бирюзовыми глазами.

Аэлина моргнула, наморщив загорелый лоб.

- Никак... Элида? - спросила она.

В ответ Элида могла лишь кивнуть. Лоркан, остававшийся рядом, сделался похожим на туго натянутую тетиву.

Не сводя глаз с Элиды, Аэлина подошла ближе. По сравнению с нею Элида чувствовала себя совсем девчонкой. Руки Аэлины были испещрены шрамами. Шрамы окружали и шею, а вокруг запястий виднелись... следы кандалов.

Аэлина опустилась на колени. Элида вдруг поняла, что ведет себя не так. Этикет обязывал ее низко поклониться королеве.

- Ты очень... похожа на свою мать, - дрогнувшим голосом произнесла Аэлина.

Эдион опустился рядом с королевой и молча обнял ее за плечи.

Маурина. Женщина, безропотно пожертвовавшая своей жизнью, чтобы спасти Аэлину.

– Я в долгу перед твоей матерью, – прошептала Аэлина. По ее щекам покатались слезы. – В большом долгу.

Сколько лет эти слова оставались запертыми внутри ее?

Исцеленная рука еще продолжала болеть, но Элида не могла удержаться и дотронулась до руки королевы, застывшей у нее на коленке. Она водила пальцами по загорелой, покрытой шрамами руке Аэлины. Кожа была теплой и немного липкой от пота.

Настоящая. Перед нею была настоящая Аэлина.

Словно прочитав мысли Элиды, Аэлина подняла голову. Она хотела что-то сказать, но у нее задрожали губы.

Все молчали.

– Твоя мать тогда подарила мне время, – наконец сказала Аэлина.

Элида поняла все без пояснений.

У Аэлины дрожала рука. Таким же дрожащим, срывающимся голосом она прошептала:

– Только благодаря твоей матери я осталась жива.

– Я знаю, – шепотом ответила Элида.

– Она велела тебе передать...

Аэлина шумно, со всхлипом, вздохнула. Слезы все катились у нее по щекам.

– Твоя мать велела тебе передать, что она очень, очень тебя любит. Я запомнила ее последние слова: «Передай моей Элиде, что я ее очень люблю».

Почти двенадцать лет Аэлина носила в себе эти слова. Вместе с нею они странствовали по жизни, глядели в глаза смерти, переживали отчаяние и ужас войны. Вместе с нею последние слова Маурины Лошэн колесили по Эрилее и плавали на Вендалин.

И здесь, на краю мира, они наконец достигли той, к кому были обращены. Всего на мгновение Элида ощутила прикосновение теплой материнской руки.

Слезы жгли Элиде глаза. Аэлина отодвинулась. Но к месту, где сидела Элида, шел еще кто-то. Вначале она увидела знакомые белые волосы. Потом золотистые глаза. Не выдержав, Элида разрыдалась. Манона Черноклювая, живая и невредимая. Ведьма улыбалась.

Увидев Элиду с Аэлиной сидящими в серой траве, Манона прошептала одно-единственное слово.

«Надежда».

Они живы. Никто из них не погиб.

- Что у тебя с рукой? - спросил Эдион.

Аэлина осторожно, но настойчиво притянула к себе руку Элиды, осмотрела небольшой шрам и розовую кожу. Затем повернулась к волку, которого звали Фенрисом, и зарычала. Тот поспешно отвел глаза.

- Он не виноват, - сказала Элида.

- А след укуса утверждает другое, - сухо возразила Аэлина, и ее бирюзовые глаза гневно вспыхнули.

- Прости, - сказал Фенрис, обращаясь не то к королеве, не то к Элиде.

Отчаяние на его лице было неподдельным. Чувствовалось, он и сам не понимал, как мог укусить ни в чем не повинную Элиду. Но Аэлину его раскаяние ничуть не тронуло. Даже суровому принцу стало немного жаль Фенриса.

Значит, приказ убить Лоркана исходил не от Аэлины. Тогда от кого?

Аэлина обратилась к другому фэйцу - тому, что исцелил руку Элиды:

- Полагаю, Рован сообщил вам условия. Любая попытка причинить им вред окончится вашей смертью. Любое угрожающее или просто грубое слово, косой взгляд - результат будет тот же.

Элида не представляла, что ее королева может произносить такие слова. Ей стало не по себе. Зато Манона хищно улыбалась.

Ведьма подошла к ним. Аэлина поежилась, когда Манона остановилась у нее за спиной, но та быстро уселась справа от Элиды.

- Ну здравствуй, ведьмочка, - сказала Манона.

Как и Аэлина, на Лоркана она взирала с каким-то презрительным любопытством.

- А ты, смотрю, несколько поистрепался, - бросила Лоркану Аэлина.

- На себя глянь, - огрызнулся Лоркан.

- Записочку мою получил? - Королева наградила его жутковатой улыбкой.

Рука Эдиона потянулась к мечу.

- Меч Оринфа, - вырвалось у Элиды.

Она узнала костяной эфес, покрытый древними знаками. Аэлина и Лоркан временно остановили «войну глаз».

- Это меч... ты..

Значит, Варнон наврал ей и про меч, сказав, что адарланский король забрал его и приказал расплавить, а костяной эфес сжечь вместе с тронном из оленьих рогов.

Глаза Эдиона потеплели.

– Меч уцелел. И мы тоже.

Все трое. Остатки террасенского двора. Осколки их семей.

Аэлина опять зло поглядывала на Лоркана и, видимо, жалела, что у нее нет железных ногтей и железных зубов.

– Королева, я не знаю, чем тебя прогневал Лоркан, но без него я бы не выжила, – тихо сказала Элида. – И сюда бы точно не добралась.

Она повернулась к Маноне:

– А если бы не Манона, я бы вообще стинула в Морате.

Манона кивнула. Взгляд ведьмы остановился на поношенных кожаных доспехах Элиды. Она помнила, как девчонка прятала во внутренний карман обломок камня, завернутый в клочок ткани. Вот и подтверждение, которое она искала. Недостающая сторона треугольника.

– Я должна назвать еще одно имя, – продолжала Элида, которой стало неуютно под пристальным взглядом Аэлины. – Ту женщину звали Кальтэна Ромпир.

У Элиды сдавило горло. Дрожащими пальцами она достала из внутреннего кармана маленький сверток. Камень в нем подрагивал, как живой.

– Она просила отдать это тебе. В смысле, Селене Сардотин. Кальтэна не знала, что у тебя есть другое имя. Она говорила, это плата за... теплый плащ, который ты дала ей в холодной темнице.

Элида не стеснялась слез. По сути, Кальтэна спасла тогда их всех.

Аэлина смотрела на дрожащую ладонь Элиды, где лежал свернутый клочок ткани.

– Наверное, Кальтэна хранила это как память о твоей доброте, – срывающимся голосом продолжала Элида. – Они... ее сломали. Она погибла в Морате, совсем одна. Кальтэна это сделала, чтобы я не... чтобы они...

Все молча слушали, боясь шелохнуться. Только Лоркан положил ей руку на спину, что вызвало новый поток слез.

– К-кальтэна просила... п-помнить твое обещание всех их н-наказать. И сказала, что ты м-можешь открыть любую дверь, но т-только если у тебя есть К-ключ.

Аэлина зажмурилась и плотно стиснула губы.

К ним подошел красивый темноволосый мужчина. Он был немного постарше Элиды, но держался с таким изяществом, что она снова почувствовала себя маленькой замарашкой. Его умные, спокойные и печальные глаза смотрели на Элиду.

- Говоришь, Кальтэна Ромпир спасла тебе жизнь? И дала тебе вот это?

Он знал Кальтэну!

- Совершим церемонию представления, - усмехнулась Манона. - Госпожа Элида Лошэн, правительница Перранта, позвольте вам представить Дорина Хавильяра, короля Адарлана.

Король недоуменно посмотрел на ведьму.

- З-здравствуйте, ваше величество, - пробормотала Элида, наклоня голову.

Ей стало стыдно за себя. Разлеглась тут, как гусеница, в присутствии королевы и короля. Но она пока не отдала камень.

Аэлина вытерла рукавом мокрое лицо:

- Элида, ты знаешь, что несла мне?

- Д-да, к-королева.

Бирюзовые глаза устало посмотрели на Элиду, затем повернулись к Лоркану.

- Что ж ты не воспользовался случаем и не забрал? - спросила она.

Голос был отрешенным и очень жестким. Элиде не хотелось, чтобы королева когда-нибудь говорила с нею таким голосом.

- Это предназначалось не мне. - Лоркан спокойно выдержал взгляд Аэлины.

Та смотрела на них обоих. Ее лицо оставалось жестким, но Лоркану она сказала:

- Спасибо, что привел мне Элиду.

Остальные старались не выказывать своего смущения.

- Я забираю Элиду себе, - объявила Маноне Аэлина. - Есть в ней ведьмина кровь или нет, но она - правительница Перранта и потому входит в мой двор.

Золотистые глаза вызывающе вспыхнули.

- А если у Черноклювых тоже есть права на нее?

- У Черноклювых или у крошанских ведьм? - с издевкой спросила Аэлина.

Элида вконец запуталась. Какое отношение Манона имеет к крошанским ведьмам? И вообще, что главнокомандующая делает здесь? Где ее Аброхас?

– Не так прытко, ваше террасенское величество, – сказала Аэлине ведьма. – Поскольку твои магические силы едва тлеют, тебе опять придется сражаться со мною давним способом.

На губах Аэлины заиграла прежняя зловещая улыбка.

– А знаешь, я давно мечтала продолжить.

– Ну что вы как девчонки, – проворчал сквозь зубы суровый принц с серебристыми волосами.

Обе повернулись к Ровану, невинно улыбаясь. Надо отдать должное фэйскому принцу, он стойко выдержал их улыбки и лишь потом поморщился.

Внимание королевы и ведьмы снова вернулось к Элиде. Она почувствовала себя добычей, которую им не поделить. Ей захотелось спрятаться за спину Лоркана. Манона потянулась к ее руке.

– Хорошо, когда все решается просто и ясно, – усмехнулась ведьма.

Аэлина, чуть морщась, убрала сверток с Ключом. Элиде показалось, что темное облако над ее сердцем рассеялось. Тихий голосок умолк.

– Идем, придворная дама, – сказала ей Манона. – Мы тут кое-что не закончили из-за этих летучих красавцев.

Манона хотела помочь Элиде встать, но Лоркан сам ее поднял. Он не отпускал ее руку. Элида старалась не погружаться в его тепло и не показывать, что сейчас, после встречи с королевой и двором, куда ее безоговорочно приняли, с Лорканом ей по-прежнему было надежнее и спокойнее.

– Твои права на Элиду, красавчик, находятся в самом конце списка, – с усмешкой заявила Лоркану Манона, показывая железные зубы.

Лоркан крепко держал Элиду за руку и не собирался отпустить.

– Не трогай ее, – проворковала Манона.

Элида помнила этот тон по Морату. Ничего хорошего он не сулил.

– Я в твоей армии не состою, ведьма, и нечего мною командовать. И то, что между нами, тебя вообще не касается.

– Умешь ты все испортить, – хмуро бросила ему Элида.

– Мы называем это мужскими собственническими завихрениями, – сообщила Аэлина. – Можно назвать и фэйскими собственническими завихрениями придурочного свойства. Чуть длиннее, зато точнее.

Фэйский принц выразительно кашлянул.

Королева обернулась:

- Никак я забыла еще какой-нибудь милый эпитет?

Глаза принца сверкнули, однако в лице не дрогнул ни один мускул.

- Думаю, ты перечислила все.

Аэлина прищурилась на Лоркана.

- Учти: если хоть чем-то ее обидишь, я тебе кости расплавлю, - сказала она и пошла в сторону развалин.

Манона, поблескивая железными зубами, отвесила Лоркану издевательский поклон и зашагала вслед за королевой.

Эдион смерил Лоркана взглядом и добавил свое:

- Аэлина обычно делает все, что пожелает. Но думаю, она не будет возражать, если я вначале переломаю тебе кости, а потом она их расплавит.

Он поспешил вслед за Аэлиной и Маноной.

Элида чуть не вскрикнула, когда невесть откуда выскочил призрачный леопард, качнул усами в сторону Лоркана и тоже потрусил к развалинам, помахивая пушистым хвостом.

Потом ушел адарланский король и недавние противники Лоркана. Рован пристально посмотрел на Элиду и кивком головы показал, куда ей идти. Элида нехотя отпустила руку Лоркана. Аэлина и Эдион остановились, ожидая ее. Оба дружески улыбались.

Элида поспешила к ним, своему двору. Она ни разу не оглянулась.

Рован смотрел им вслед и рассуждал.

Лоркан был готов умереть за Элиду. Ради этой девчонки он забыл и Маэву, и то, зачем приплыл на Эрилею. И вел он себя как собственник. Со стороны это выглядело довольно смешно. Но тогда и его трепыхания вокруг Аэлины тоже выглядели смешными.

- Как ты нас нашел? - спросил Рован, когда они с Лорканом остались одни.

Лоркан язвительно улыбнулся:

- Темный бог подсказывал мне направление. Остальное сделала армия илков.

Перед ним был Лоркан, которого он знал не одну сотню лет, но... какой-то другой. Часть острых углов в характере бывшего наставника притупилась. Весь он как-то неумовимо смягчился.

Лоркан провожал взглядом причину этого смягчения. Потом его взгляд переместился на Аэлину, и он стиснул зубы:

- Ты не хуже меня знаешь: эта сила легко могла ее разрушить.

- Да, знаю.

То, что сегодня сделала Аэлина, сила, которую она подняла из своих глубин и обрушила на илков... Это была песня, пробудившая и его магию.

Когда сопротивление илков дрогнуло под напором пламени, льда и ветра, Рована потянуло к Аэлине. В пекло. Захотелось увидеть ее во всем огненном великолепии.

Идя по пылающей равнине, Рован понимал, что его влечет не только страсть. Внутри пламени находилась женщина, которой сейчас очень нужно было увидеть рядом с собой другое живое существо. Это напомнит ей, что у нее есть тело; есть те, кто ее любит и обязательно вытащит из состояния убийственного спокойствия, с каким она уничтожала илков. Но когда стена пламени начала оседать, когда с небес падали трупы врагов вперемешку со льдом и пеплом и Аэлина посмотрела на него... Боги милосердные, от этого взгляда он чуть не рухнул на колени.

Королева, возлюбленная, подруга... и больше. Ровану было все равно, что их могли увидеть. Ему отчаянно хотелось прикоснуться к Аэлине, удостовериться, что она не пострадала, почувствовать женщину, способную совершать подвиги и в то же время так маняще смотреть на него. Огонь, ставший смертельным для илков, не погасил сияния ее глаз.

«Рован, благодаря тебе мне хочется жить».

Может, и Элида Лошэн вызывала в Лоркане те же чувства и желания?

- А как твоя миссия? - спросил он у Лоркана.

Лицо Лоркана обрело знакомую жесткость.

- Ты вначале расскажи, каким ветром и с какой целью тебя занесло в эту вонючую дыру, а потом мы поговорим о моей миссии.

- О чем тебе рассказывать - это решает Аэлина.

- Надо же, какой ты послушный пес.

Рован лениво улыбнулся и не стал говорить Лоркану, что Элида держит его на таком же поводке, если не короче.

Кальтэна Ромпир повернула ход этой войны. Подумать только!

Никогда еще Дорину не было так стыдно за себя. Почему он не действовал смелее? Не был пронцательнее? И не только он. Все они.

Эти мысли клубились в голове Дорина, когда он стоял возле полуразвалившейся храмовой стены и молча наблюдал за Аэлиной. Она смотрела на каменный сундук, будто перед ней был очередной противник.

Рядом с нею стояли Элида и Манона. У ног разлеглась Лисандра, которой обличье призрачного леопарда почему-то нравилось больше человеческого.

Какая сила здесь собралась! И Элида... Идя сюда, он слышал часть разговора Аэлины и Маноны. Ведьма сказала, что за Элидой присматривает богиня Аннеит.

За каждым из них присматривало какое-то божество.

В зале появился Лоркан. Рядом с ним шел Рован. К ним подошли Фенрис, Гарель и Эдион. У каждого рука лежала на эфесе меча. Все были напряжены и пристально следили за Лорканом. Особенно воины Маэвы.

Еще одно кольцо силы.

Лоркан, благословенный самим Хелласом. Дорину вспомнилось плавание к Мертвым островам. Рован рассказывал ему о божестве смерти Хелласе, странствующем со своей женой Аннеит.

У Дорина зашевелились волосы на руках. Лоркан и Элида... подопечные Хелласа и Аннеит. Их появление здесь не было простым совпадением. Не могло быть.

Манона заметила тревогу на его лице.

- В чем дело? - спросила она, подойдя к Дорину.

- У меня дурные предчувствия насчет... всего этого.

Он ждал, что она отмахнется или посмеется над ним, но Манона лишь сказала:

- Объясни.

Дорин открыл рот, но в этот момент Аэлина поднялась на возвышение.

Сейчас они увидят Замок, с помощью которого Аэлина вернет Ключи Вэрда Вратам. Стараниями Кальтэны и Элиды у них теперь два Ключа. Третий пока у Эравана. Но когда в их руках окажется Замок...

Рован поднялся следом. Аэлина поискала глазами Манону.

- Поднимись ко мне, - пугающе спокойным голосом распорядилась королева.

К счастью, Манона не стала возражать.

- Развалины храма – неподходящее место для изучения Замка, – сказал королеве Рован. – Да и время сейчас не самое удачное. Нужно перенести Замок на корабль и там уже думать, что к чему.

Аэлина кивнула. Лицо ее становилось все бледнее.

- Для начала стоит выяснить, что лежит в сундуке. А вдруг Замок и не приносили в этот храм?

- Не знаю, – вырвалось у Аэлины.

Эти слова заставили Дорина взбежать по ступенькам возвышения, разбрызгивая воду.

Каменная крышка сундука почти не сопротивлялась, когда ее поднимали. Но Замка внутри не было. Во всяком случае такого, каким он представлялся Аэлине. Вернее, какой она себе представляла по рассказам призраков Брэннона и Элианы.

Однако сундук не был пуст. Там лежало зеркало в железной оправе, настолько древнее, что его поверхность казалась позолоченной. И зеркало, и оправа были изрядно запачканы. Верхнюю часть зеркала покрывал затейливый узор, и ближе к правому краю виднелся... Глаз Элианы. Ведьмин символ.

- Это что еще за диковина? – спросил ошеломленный Эдион.

Ему ответила Манона:

- Это ведьмино зеркало.

- Как ты сказала? – вздрогнула Аэлина.

Манона постучала ногтем по каменной стенке сундука:

- Когда ты пришла в шатер Бэбы Желтоногой, она не намекнула, зачем приехала в Рафтхол и что ей надо от тебя или от прежнего короля?

Вопрос был задан Аэлине, но Дорин тоже стал рыться в памяти, вспоминая свой визит в шатер предсказательницы. Сохранились лишь обрывки ничего не значащих фраз.

- Нет, – призналась Аэлина и тут же вопросительно посмотрела на Дорина.

Он покачал головой:

- А ты знаешь, зачем Бэба приезжала в Рафтхол?

Манона едва заметно кивнула. Казалось, она и сейчас решала, рассказывать ли королеве ведьмины секреты. Дорин напрягся.

- Балаган был лишь прикрытием. Бэба приезжала для встречи с королем. Показать ему действие магических зеркал.

- Я их почти все переколотила вдребезги, - не без гордости заявила Аэлина.

- Ты уничтожила дешевые балаганные подделки. Жалкие копии. А настоящие ведьмины зеркала... Их так просто не разбить.

Дорина охватил ужас. Он чувствовал, по какому руслу потек их разговор.

- Что они способны делать? - спросил он.

- Ведьмины зеркала показывают настоящее, прошлое и будущее. С их помощью можно переговариваться на большие расстояния, если у собеседника есть такое же зеркало. Есть очень редкие серебряные зеркала. Тот, кто их делает, должен им отдать что-то жизненно важное.

Манона умолкла.

Похоже, даже у Черноклювых ведьм эти истории рассказывались шепотом и не всем.

- Есть зеркала, способные удерживать и усиливать магическую силу, чтобы потом направить ее на что-то или кого-то.

- Оружие, значит, - подытожил Эдион.

Манона кивнула.

Эдион, привыкший мыслить по-военному, догадался обо всем раньше Дорина:

- Встреча Бэбы с прежним королем касалась магического оружия?

Манона молчала. Зная, что Аэлина привыкла добиваться ответов, Дорин предостерегающе посмотрел на королеву. Аэлина поняла намек. Никто не торопил ведьму.

- Они строят башни. Большие. На колесах. Башни покрыты зеркалами. Эраван с их помощью собирается сжигать ваши армии.

Аэлина закрыла глаза. Рован тут же положил ей руку на плечо.

- А это... одно из таких зеркал? - спросил Дорин.

- Нет, - покачала головой Манона, разглядывая древнее изделие. - Сама не знаю, каким целям служило это зеркало и на что оно способно. Одно ясно: оно - вовсе не Замок, который вы искали.

Аэлина достала Глаз Элианы, подержала на ладони, потом шумно выдохнула:

- По-моему, событий на сегодня достаточно. Объявляю конец дня.

Зеркало оказалось довольно тяжелым. Фэйцы несли его поочередно.

Рован и Эдион стремились выудить у Маноны все, что она знала о ведьминых башнях. Ей было известно о двух уже готовых. Те стояли в Ферианской впадине. Сколько еще башен требовалось Эравану и где он собирался их разместить, она, естественно, не знала. Башни могли поставить где угодно. Как их перемещали в нужные места и сколько ведьм было прикреплено к каждой башне, не знала тоже.

Аэлина лишь слушала. Об этом она подумает завтра, когда выспится. И завтра решит, как быть с этим проклятым ведьминым зеркалом.

Ее магия была вычерпана до последней капли. Впервые за много дней глубокая пропасть погрузилась в спячку.

Аэлине самой хотелось погрузиться в спячку. На неделю. Или на месяц.

Каждый шаг на обратном пути к побережью, где их дожидались три корабля, давался ей с трудом. Лисандра была готова превратиться в лошадь и настойчиво предлагала Аэлине ехать на ней. Аэлина отказывалась, зная, в каком состоянии оборотень. Только сейчас становилось понятно, сколько сил отняло у них сражение с илками.

Ей хотелось поговорить с Элидой. Им бы нашлось что вспомнить и о чем рассказать друг другу, но... она должна была беречь силы. Иначе тело, оберегая себя, погрузится в долгожданный сон, и тогда другим придется нести ее вместе с зеркалом. А учитывая, сколько дней она спала урывками...

И потому Аэлина в основном молчала, предоставив Элиду заботам Лоркана, от которого та не отходила ни на шаг.

Слишком много тайн оставили после себя Элиана, Брэннон и их давнишняя война. Существовал ли вообще Замок? Или ведьмино зеркало – это он и есть? Вопросов полным-полно, а ответы можно пересчитать по пальцам. Нет, не для ее мозгов сейчас вопросы. Ими она займется потом, в более безопасной обстановке и после того, как выспится.

Тогда... и все остальное прояснится.

Назад они шли почти без отдыха, чтобы поскорее добраться до берега.

Первой неладное почуяла Лисандра. Леопардовое чутье было острее человеческого. До побережья оставалось где-то пол-лиги, но сам берег скрывала стена травянистых дюн. Там их ждала белая песчаная полоса, спокойное серое море и... что-то еще.

На гребень дюн все поднимались, держа оружие наготове. Ноги утопали в рыхлом песке. Рован не превратился в ястреба – верный признак полного истощения его магических сил. Но телесные у него еще оставались, и на гребень он поднялся первым.

Второй поднялась Аэлина. Дыхание обжигало ей горло. Следом – Гарель и Фенрис, несшие зеркало.

Все три корабля были на месте. Но их окружало не менее сотни чужих, приплывших сюда под серыми парусами. Эти корабли загораживали собой западный край горизонта. На палубах кое-где мелькали люди.

Корабли, приплывшие с запада... из залива Оро. Флот Мелисанды.

Берег тоже не пустовал. Их возвращения ожидали два десятка солдат под началом женщины в сером плаще. Лисандра выпустила когти и глухо зарычала.

Лоркан загородил Элиду.

- Отступаем в болота, - объявил он Ровану.

Лицо фэйского принца было каменным. Он смотрел то на флотилию, то на отряд, занявший берег.

- Если отступим, сумеем их обойти, - добавил Лоркан.

- Они не собираются нападать, - сказала Аэлина, засовывая вспотевшие руки в карманы.

- Тебе это подсказывает твой многолетний боевой опыт? - усмехнулся Лоркан.

- Попридержи язык, - бросил ему Рован.

- Сражаться в таком состоянии - это бред, - сплкнул Лоркан, поворачиваясь к Элиде. - Мы измотаны. У нас нет сил.

Лоркан потянулся к плечу Элиды, но его рука наткнулась на совсем тоненькую стенку огня. На большее Аэлину не хватило. С другой стороны блестели железные ногти Маноны.

- Никуда ты Элиду не заберешь, - прошипела ведьма. - Ни сейчас, ни вообще.

Лоркан выпрямился во весь рост. Он был готов вступить в стычку с обеими, но тут Элида коснулась своей худенькой ручкой его руки, сжимавшей эфес меча.

- Манона, я выбрала его, - сказала она.

- Это мы обсудим позже, - заявила Манона, взглянув на их руки.

- И в другом месте, - добавила Аэлина, заметив, что женщина в плаще и ее солдаты двинулись им навстречу.

- А с тобой мы еще не закончили, - буркнул Рован.

- Думаешь, я этого не знаю? - усмехнулась Аэлина.

Но Лоркан уже пробирался туда, где стоял Рован. И он тоже, собрав остатки своей магии, направил ее в сторону чужих кораблей. Сам Лоркан приготовился к обороне.

Спутники Аэлины всерьез готовились к бою. Эдион снял со спины щит. Фенрис и Гарель сжимали мечи.

- Идем поздороваемся, - предложила она Ровану.

- Ты в своем..

Но Аэлина уже спускалась с гребня вниз. Она шла с высоко поднятой головой, стараясь не упасть на сыпучем песке. Ее спутникам не оставалось иного, как тоже начать спуск. Аэлина спиной чувствовала их напряжение и очень опасалась какой-нибудь дурацкой случайности.

Солдаты были в тяжелых серых доспехах, успевших пообтрепаться. Грубые, обветренные лица, глаза следят за спускавшимися. Фенрис рывкнул на одного, и солдат отвел глаза.

Потом женщина в сером плаще остановилась и откинула капюшон. Ее движения были полны кошачьего изящества.

Об этой женщине Аэлина знала все.

Ее ровесница. Красно-рыжие волосы - настоящие. Глаза красно-коричневого цвета Аэлина видела только у нее и больше нигде никогда не встречала. Волчья голова на эфесе тяжелого боевого меча была семейным гербом этой женщины. Аэлине были знакомы россыпи веснушек на щеках, широкий смеющийся рот, обманчиво тонкие руки, имевшие крепкие, как камень, мускулы.

Полные губы сложились в ленивую улыбку, и Ансель из Верескового Утеса, королева Западного края, спросила:

- А скажи-ка, Аэлина, кто тебе позволил называться моим именем во время поединков в ямах?

- Мне, Ансель, не требовалось твоего позволения. Я честно заработала его в тот день, когда пощадила твою трусливую шкуру.

Нагловатая улыбка стала еще шире.

- Ну здравствуй, сучка, - промурлыкала Ансель.

- Здравствуй, предательница, - тем же тоном ответила Аэлина, поглядывая на внушительную армаду. - Похоже, ты не опоздала.

Аэлина почувствовала полное замешательство своих соратников, когда Ансель церемонно поклонилась и махнула рукой в сторону кораблей:

- Просьба исполнена. Флот на месте.

- А что солдатики у тебя такие потрепанные? - усмехнулась Аэлина.

- Они всегда так выглядят. Я без конца стараюсь привить им внимание к внешнему виду и облагородить их внутри, но... ты же знаешь, каковы мужчины.

Аэлина снова усмехнулась. Меж тем замешательство ее соратников переходило в иное состояние, и этот огонь требовалось погасить, не дав ему разгореться.

К Аэлине подошла Манона. Ветер играл прядями ее белых волос.

- Флот Мелисанды подчиняется Морату. Если ты решила взять в союзницы эту... особу, с таким же успехом ты бы могла подписать договор с самим Эраваном.

Увидев железные зубы и ногти, Ансель побледнела. Аэлина вспомнила историю, когда-то рассказанную ей бывшим ассасином, а ныне королевой Западного края. Ей вспомнилась и ночь в холмистой пустыне, под звездным покрывалом. Сама история была жуткая: в детстве подругу Ансель заживо съела Железнодорожная ведьма.

Меж тем, когда у Ансель убили семью и она, спасаясь бегством, набрела на лагерь Железнодорожных ведьм, ее они не тронули.

- Ансель не из Мелисанды, - объяснила ведьме Аэлина. - Западный край состоит в союзе с Террасеном.

Эдион не знал, что и думать. Он смотрел то на корабли, то на рыжеволосую женщину.

- Кто она такая, чтобы говорить от имени Западного края? - спросила Манона Черноклювая.

Таким голосом вполне могла бы говорить смерть.

Аэлина досадливо поморщилась:

- Сейчас я вас познакомлю. Это Манона Черноклювая, наследница клана Черноклювых и с некоторых пор, как выяснилось, последняя крошанская королева... А это - Ансель из Верескового Утеса, бывший ассасин и королева Западного края.

Море было спокойным и серым, как паруса союзнического флота. Тишину нарушал лишь плеск весел лодки, везшей их на корабль. Но у Маноны в голове все гудело.

Ее снедало желание убить эту рыжеволосую суку. Нет, не убить, а убивать. Медленно.

Все молчали. Лодка причалила к кораблю, откуда спустили веревочную лестницу.

Аброхаса на корабле не было.

Манона всматривалась в небо, в море, в чужие корабли. Дракона не было и там.

Ярость в сердце ведьмы сменилась более опасным состоянием. Она намеревалась разыскать краснолицую капитаншу и потребовать ответа. И Маноне на глаза опять попала эта рыжеволосая... Аэлина, как бы невзначай, встала между ними:

- Девочки, вам обеим нужно немного остыть, а потом спокойно поговорите.

Гнев Маноны тут же перекинулся на Аэлину.

- Ансель из Верескового Утеса не имеет права говорить от имени Западного края!

«Где же Аброхас?»

- А ты имеешь? - спокойно спросила Аэлина.

Манона вдруг поймала себя на том, что непонятным образом впуталась в замыслы террасенской королевы. Еще больше она удивилась себе, когда остановилась и, глядя в усмехающееся лицо Аэлины, сказала:

- Да, я имею.

Даже Рован несколько оторопел, услышав ответ Маноны Черноклювой. Эти слова произносила не ведьма, не воительница, не хищница. Королева.

Последняя королева крошанской династии.

Рован мысленно оценивал возможность незамедлительного поединка между Ансель из Верескового Утеса и Маноной Черноклювой.

Он помнил рассказы Аэлины про то, как она встретила Ансель, как они вместе обучались. Про нападение на пустынную крепость и про то, что Аэлина вполне могла убить Ансель за предательство. Но не убила, и та оказалась у нее в долгу.

Через два года Аэлина вспомнила про долг.

Ансель держалась нагло и высокомерно. Рован прекрасно понимал, почему она и Аэлина так быстро сдружились. Устроившись на ступеньках лестницы, что вела на ют, Ансель заговорила:

- Насколько мне известно, и крошанки, и Железнодорожные бросили Западный край на произвол судьбы. Как человек, два года заботящийся о пропитании и

защите тамошнего населения, я имею право говорить от имени Западного края. И решать, кому и как мы помогаем.

Ансель насмешливо улыбнулась Аэлине, словно не замечая ведьму, готовую железными зубами впиться ей в горло.

- Как-никак, мы с тобой соседки. Я бы повела себя не по-соседски, если бы не помогла.

- Потрудись объяснить, - потребовал Эдион.

Его сердце колотилось так громко, что Рован слышал каждый удар. Это были первые слова, произнесенные генералом с того момента, как Ансель откинула капюшон своего серого плаща.

Ансель наклонила голову. Ее волосы действительно имели сочный цвет, схожий с богатыми оттенками красного вина, играющего в бокале. Значит, Аэлина не ошиблась, рассказывая ему о волосах бывшей подруги.

- Несколько месяцев назад, когда я была по горло занята своими королевскими делами, получаю вдруг нежданно-негаданно весточку от Аэлины. Прямо из Рафтхола. Поняла я: неспроста она занялась поединками в ямах.

Ансель насладились произведенным впечатлением и с усмешкой продолжала:

- И еще я поняла: надо готовиться. Отправлять мою армию к Анаскаульским горам.

У Эдиона перехватило дыхание. Рован был старше и опытнее. Он привык к любым неожиданностям, как и его бывшие соратники. В одних случаях это означало кровопролитие, в других - отступление с боем.

Ансель торжествующе улыбалась:

- Половина моих солдат сейчас на марше. Готовы соединиться с армией Террасена. Родины моей подруги Селены Сардотин, которая не забывала о Террасене даже в Красной пустыне. Всякий раз, когда мы видели звезды, она смотрела на северный край неба, отыскивая там свое любимое созвездие. Как же я могла не помочь ей отстоять родное королевство, о котором она помнила даже там?.. А вскоре я получила от нее уже настоящее послание. Очень любезное. Она сообщала, кем является на самом деле, и обещала выпустить из меня кишки, если я ей не помогу. Я уже собралась двинуться в путь вместе с армией, но тут меня настигло ее новое послание. Она требовала, чтобы я отправлялась к заливу Оро, где должна произойти наша встреча. В послании было еще полным-полно всяких распоряжений.

Эдион резко повернулся к Аэлине. С волос полетели брызги морской воды, попавшие туда, пока они плыли с берега на корабль.

- Твои послания из Илиума...

Аэлина лениво отмахнулась:

- Дай Ансель договорить.

Ансель подошла к Аэлине и взяла ее под руку. Улыбка королевы Западного края была поистине дьявольской.

– Думаю, все вы знаете властность ее величества. Я не очень люблю, когда мною командуют. Но я выполнила все ее распоряжения. Вместе со второй половиной армии я двинулась на юг. Мы пересекли Белоклычьи горы и очутились в пределах Мелисанды. Тамошняя королева решила, что мы явились предложить ей помощь, и впустила нас через парадные ворота.

Теперь дыхание перехватило и у Рована.

Ансель сунула два пальца в рот и громко свистнула. С ближайшего корабля послышалось ржание и стук копыт. На палубу выскочила астрионская кобыла – настоящий ураган в лошадином теле.

Рован не помнил, когда в последний раз лицо Аэлины светилось такой радостью.

– Касида, – прошептала она.

– Как ты помнишь, я всегда была не прочь пограбить. Учитывая, что мелисандская королева почти все свои войска отправила в Морат, ей пришлось сдаться. Она возмущалась, не желала отдавать лошадь. Мы ее на пару дней посадили в тюрьму, а когда выпустили.. Видел бы ты, как у нее скривило морду, когда она заметила над крышей своего дворца два флага: мой волчий и террасенский!

– Что? – вырвалось у Эдиона.

Аэлина и Ансель гордо смотрели на всех. Дорин шагнул к ним, но тут же остановился. Королева Западного края посмотрела на него так, что он подумал, не хочет ли она украсть и его.

– Мелисандский флот теперь наш, – сказала Ансель, широким жестом указывая на корабли с серыми парусами. – Их столица тоже наша. Все распоряжения выполнены, ваше величество.

Как и на берегу, она церемонно поклонилась.

Манона Черноклювая вдруг расхохоталась во все горло.

Эдион не знал, на кого он зол сильнее: на Аэлину или на себя. Почему она ничего не рассказала ему про Ансель из Верескового Утеса и про армию, которой было приказано под шумок захватить Мелисанду вместе с их флотом? И почему он не поверил Аэлине? Почему упрекал ее в том, что у них нет союзников? А ведь это было совсем недавно, перед атакой илков.

Аэлина почувствовала, что от нее ждут объяснения:

– Мелисанда хотела помочь Морату отсечь север и юг. Их столица мне не нужна. Я не завоевательница и славы тоже не жажду. Но я не позволю никому

вставать между мною и обреченным на поражение Моратом. Думаю, теперь в Мелисанде ясно понимают, во что им обошлась дружба с Эраваном.

Эдион старался не поддаваться раздражению. Как-никак, он не только двоюродный брат Аэлины, но и ее главнокомандующий. Рован – ее супруг или вскоре станет им. И никому из них – ни слова. Но ведь он никогда не считал Западный край союзником. Наверное, потому Аэлина и не стала делиться своими стратегическими замыслами. Он бы лишь высмеял ее затею и посоветовал «выкинуть эту дурь из головы».

– Думаю, мелисандская королева не осталась в долгу, – сказал Эдион, обращаясь к Ансель. – Она уже послала известие в Морат, и мелисандская армия торопится вернуться и отбить столицу. Все отряды, которые остались у тебя здесь, нужно снова отправить через Белоклычьи горы и дальше на север. Армаду мы можем отсюда увести.

Ансель взглянула на Аэлину. Та кивнула, соглашаясь с мнением брата.

– Значит, нашим отрядам нужно двигаться к Террасену, через перевалы в Анаскаульских горах? – спросила Ансель.

Эдион кивнул. Его мысли уже были заняты размещением союзнических частей. Он прикидывал, кому из легиона Беспощадных поручить командование ими. Но он еще не видел солдат Ансель в бою.. Не ожидая разрешения, Эдион поспешил к лестнице на полуют. Но Аэлина остановила его громким покашливанием:

– Ансель отбывает завтра утром. Успей обсудить с ней то, куда двинется ее армия, когда обе части соединятся.

Эдион снова кивнул и отправился дальше. Отец с беспокойством посмотрел на него, но генерал едва обратил на это внимание. Другие просто расступались. Эдиону захотелось некоторое время побыть одному.

Облокотившись на перила, он стал смотреть на волны, стараясь не замечать, что с ближайших кораблей все глазают на их корабль, зная, кто там находится.

Острый слух Эдиона ловил обрывки разговоров. «Волк Севера... Генерал Ашерир...» Кто-то принимался рассказывать истории о нем, в основном выдуманные и нелепые. Лишь некоторые были похожи на правду. Он намеренно стал вслушиваться в плеск волн, отгораживаясь от человеческих голосов.

Потом его не менее острое обоняние уловило запах Лисандры. У Эдиона потеплело в груди. Вскоре Лисандра уже стояла рядом, как и он, облокотившись на перила.

Оглянувшись назад, Лисандра увидела ведьму и Элиду: они сидели возле грот-мачты и тихо разговаривали. Наверное, рассказывали о приключениях, выпавших на долю каждой после прощания в Задубелом лесу.

Эдион подслушал разговор капитанши и узнал, что армада отплывет только завтра утром. Вряд ли Аэлина согласилась еще немного подождать возвращения дракона Маноны.

– Нам нельзя задерживаться, – сказал Эдион, всматриваясь в северный край горизонта.

Илки всегда появлялись с севера. Если крылатые твари тогда легко нашли их корабль, присутствие армады не особо остановит посланцев Эравана...

– У нас два Ключа и ведьмино зеркало, которое вполне может оказаться Замком. Сейчас прилив. Самое время поднимать якоря.

– Такие дела обсуждают с Аэлиной, – не слишком дружелюбно бросила ему Лисандра.

– Тебя что-то гложет? – спросил Эдион, удивляясь ее неоправданной резкости.

Последние дни Лисандра держалась особняком, редко возвращаясь в человеческое обличье. Но и сейчас она почему-то загородилась маской куртизанки, заставляя глаза блестеть, а хмурые губы – улыбаться.

– Ничего. Просто устала.

Лисандра как-то странно смотрела на море, и это насторожило Эдиона.

– К сражениям невозможно привыкнуть, – осторожно сказал он. – Сколько их у меня было за эти десять с лишним лет. Они отнимают телесные силы, но хуже того – застревают в сердце.

Лисандра водила пальцем по гладкой поверхности перил:

– Я думала... Все это казалось мне захватывающим приключением. Временами было очень жутко, но меня будоражила новизна ощущений. Я радовалась, что выбралась из прежней клетки, где не было ничего, кроме нарядов и будуара. Так продолжалось, пока мы не попали в Бухту Черепов и не наступил тот день... Тогда я поняла: мы не столько живем, сколько выживаем. И для кого-то из нас тот день мог стать последним.

Губы Лисандры дрогнули.

– У меня никогда не было друзей... таких как сейчас. А сегодня, на берегу, когда я увидела флот и подумала, что это вражеские корабли... На мгновение я даже пожалела, что встретилась с вами. Потому что, если бы кто-то из вас...

Она шумно втянула воздух.

– Как тебе это удастся? Как ты научился вступать в бой, зная, что не все твои соратники покинут поле сражения?

Эдион вслушивался в каждое ее слово. Прерывистое дыхание Лисандры показывало, что слезы совсем близко.

– Тебе тоже придется этому научиться, – сказал он, сожалея, что подобные мысли наполняют ее голову и тяжелым грузом ложатся на душу. – Страх потери... сокрушает не меньше самой потери.

Наконец Лисандра повернулась к нему. В ее зеленых глазах было столько печали, что Эдион воспринял это как удар в живот. Ему стоило немалых усилий не потянуться и не обнять Лисандру.

– Думаю, в ближайшем будущем нам обоим придется часто напоминать себе об этом, – сказала она.

Эдион кивнул:

– Не только об этом. Воин привыкает ценить минуты радости и наслаждаться каждой.

Ему подумалось, что как раз это Лисандра уже умеет. Ее красивая длинная шея вздрогнула, ресницы опустились.

– Я и наслаждаюсь. Сам знаешь... когда это бывает.

У Эдиона забило сердце, совсем как на гребне дюн, при виде кораблей с серыми парусами. Оставалось лишь выбрать стратегию: незаметное продвижение или стремительный натиск. На размышления у него были считанные секунды. Эдион избрал маневр, всегда выручавший его и на поле сражения, и на других полях: открытая атака, усиленная такой же неприкрытой самоуверенностью. В прошлом это не раз застигало противников врасплох. Предметы его внимания – тоже.

– Когда это бывает... между нами? – слегка улыбаясь, спросил он.

Как он и ожидал, Лисандра заняла оборонительную позицию:

– В моей истории... нет ничего хорошего.

– Не говори так. – Эдион подошел ближе. – Ты хороша во всем. Уж можешь мне поверить. Я был близок со многими. С женщинами, с мужчинами... Я достаточно искушен в подобных делах.

Лисандра удивленно вскинула брови. Эдион небрежно пожал плечами:

– Мне доставляли наслаждение те и другие. Это зависело от моего настроения и от второй половины.

Один из бывших возлюбленных Эдиона – смелый и опытный командир легиона Беспощадных – оставался в кругу его близких друзей.

– Влечение есть влечение, – продолжал Эдион, сдерживая нарастающую страсть. – Я знаю о нем достаточно и понимаю, что мы с тобой...

Лисандра моргнула. Эдиону показалось, что она захлопнула ставни. Его словесный поток оборвался. Слишком рано. Поспешил он с подобными разговорами.

– Мы сами пойдем, что к чему, – поспешно добавил он. – Не будем ничего требовать друг от друга, кроме честности.

Сейчас он мог предложить Лисандре только это. И только это мог попросить от нее.

Легкая улыбка тронула ее губы.

– Да, – прошептала Лисандра. – Начнем с этого.

Эдион шагнул еще ближе. Его не волновали возможные зрители на палубе и снастях кораблей армады. Щеки Лисандры порозовели. Как же ему хотелось погладить их, а потом поднести пальцы ко рту и насладиться вкусом ее кожи.

Нет, он больше не будет торопить события. Он насладится каждым мгновением, к чему сам призывал Лисандру.

Это будет его последняя охота, и он не собирался комкать прекрасные мгновения, сжимая их до одного броска. Он воспользуется каждой минутой, подаренной судьбой, чтобы быть рядом с Лисандрой. Ему ведь нужно столько ей показать.

Каждую речку, каждый уголок леса, каждую пядь террасенского побережья. Ему хотелось увидеть Лисандру, смеющуюся на осенних балах. А весной она будет привязывать ленты к праздничным столбам. Он представлял, как она, распахнув зеленые глазищи, слушает древние сказания о войне и призраках, сидя возле пылающего очага где-нибудь в их горном доме, а за окнами бушует вьюга. Он все ей покажет и расскажет. Вот только на поля сражений он Лисандру не возьмет. Зато ему будет к кому возвращаться.

– Рада, что мы хоть раз пришли к согласию, – улыбнулась Лисандра, беря его за руку.

Глава 60

Вино пили прямо из бутылок, сидя на корабельном камбузе. Аэлина и Ансель чокнулись и надолго припали к горлышкам.

Завтра, на рассвете, они снимутся с якорей и поплывут на север. В Террасен.

– А теперь я готова выслушать пожелания и претензии, – сказала Аэлина, упираясь локтями в липкий стол.

Рядом на скамье разлеглась Лисандра, предпочитавшая вину леопардовое обличье. Голова ее покоилась на коленях Аэлины. Услышав эти слова, Лисандра ехидно мурлыкнула.

– Неужели будут претензии? – удивилась Ансель.

– Будут, – ответил Эдион, сидевший поодаль вместе с Рованом. – Аэлина, мы были бы тебе очень признательны, если бы впредь ты нас посвящала хотя бы в часть своих замыслов.

– Но тогда я лишусь неподдельного изумления на ваших лицах, – невиннейшим тоном произнесла Аэлина. – Это было такое зрелище! Неужели вы хотите лишиться меня удовольствия?

Мужчины ответили глухим рычанием. Аэлина знала: оба на нее сердиты. Еще как сердиты! Появление Ансель и кораблей было для них почти тем же, что вторжение армии илков. Но ей так хотелось поколебать эту непрошибаемую мужскую самоуверенность... Могут же и у нее быть маленькие развлечения?

– Значит, в Мелисанде вы не столкнулись ни с илками, ни с валгами? – подавляя раздражение, спросил у Ансель Рован.

– А ты думаешь, моим солдатам не удалось бы захватить город, если бы он был напичкан этими тварями? – дерзко спросила Ансель.

Она отставила бутылку. Красно-коричневые глаза озорно сверкали.

Дорин сидел между Фенрисом и Гарелем. Все трое предпочитали помалкивать. Лоркан с Элидой удалились на палубу.

– Нет, принц. Всей этой нечисти там не было, – продолжала Ансель. – Я спросила у мелисандской королевы, неужели она позволяет, чтобы над ее подданными издевались, как над остальными жертвами Мората. Поначалу она не хотела говорить, но потом призналась: используя дипломатические и иные ухищрения, она добилась от Эравана неприкосновенности для своих солдат. И для себя тоже.

Аэлина пожалела, что успела выпить лишь треть бутылки и ее мозги недостаточно затуманены вином. Она очень устала, чтобы вести такие разговоры на трезвую голову.

– Когда война закончится, Мелисанда окажется в щекотливом положении, – продолжала Ансель. – Они не смогут оправдаться игом Эравана. Все действия королевы и армии были добровольными, сделанными без всякого принуждения. Никакие демоны у них внутри не сидели.

Ансель насмешливо взглянула в дальний угол стола, где устроилась Манона Черноклювая:

– И потому Мелисанда вместе с Железными зубами будут сожалеть о своем опрометчивом выборе.

Манона сверкнула железными зубами. Настроение у нее было паршивое. Столько времени прошло, как они вернулись на корабль, а Аброхас до сих пор не появился. И на палубе, разговаривая с Элидой, она без конца всматривалась в небо.

Аэлина решила немного разрядить обстановку:

– Ансель, помимо твоей армии, мне нужны дополнительные силы. Я не способна находиться в нескольких местах одновременно.

Теперь все смотрели на нее. Ансель снова приложила к бутылке.

– Хочешь, чтобы я собрала тебе еще одну армию? – удивилась королева Западного края.

– Хочу, чтобы ты нашла мне пропавших крошанских ведьм.

– Что? – так и подскочила Манона.

– Они где-то спрячутся, но совсем не исчезли, иначе Железнодорожные не охотились бы на них, – сказала Аэлина, царапая ногтем щербатый стол. – Я думаю, крошанки перехитрили Железнодорожных, и численность их достаточно велика. Обещай, что отдашь им часть Западного края. Ты владеешь Вересковым Утесом и половиной побережья. Отдай им южную часть и острова.

Манона не шла, а подкрадывалась к Аэлине. В глазах сверкала смерть.

– У тебя нет права обещать чужие земли.

Руки Эдиона и Рована потянулись к мечам. Лисандра сонно приоткрыла глаз, вытянула лапу и выпустила острые когти, не позволив ведьме вплотную подойти к Аэлине.

– Проклятие все равно не даст вам удержать эти земли, – сказала Аэлина. – Ансель, кстати, они не достались на блюдечке. Все там было: и кровь, и потери. К тому же Ансель не обделена умом и сведуща по части дипломатии... когда ее не заносит.

– Западный край – мой дом. Родина моего народа.

– И условие вашего вхождения в союз с Эраваном. Я не ошиблась? За ваше участие Эраван пообещал вернуть вам Западный край и, быть может, даже посулил снятие проклятия.

Глаза Маноны округлились.

– Вам и этого не рассказывали? Хороши же ваши Верховные ведьмы! А шпионы Ансель кое-что разузнали.

Аэлина смерила взглядом бывшую главнокомандующую:

– Если ты и твои ведьмы окажетесь лучше ваших Верховных, в Западном краю найдется место и для вас.

Манона поплелась обратно. Она тяжело плюхнулась на скамью и сощурилась на жаровню, будто одним взглядом могла превратить угли в льдинки.

– До чего же эти ведьмы чувствительные, – пробормотала Ансель.

Аэлина благоразумно промолчала, зато Лисандра опять насмешливо мурлыкнула. Манона щелкнула железными ногтями. Лисандра проделала то же, щелкнув когтями.

- Разыщи крошанок, - повторила Аэлина, поворачиваясь к Ансель.

- Говорю вам, они исчезли, - снова вмешалась Манона. - Мы их почти целиком истребили.

- А если королева призовет их к себе? - спросила Аэлина.

- Я для них такая же королева, как ты.

Это можно будет уладить. Главное - найти крошанских ведьм.

- Всех, кого найдешь, отправляй на север, - сказала она Ансель. - Вторжением в мелисандскую столицу ты сильно разозлила Эравана, но нам нельзя застревать здесь. Мелисанда для него - мелочь. Следующий удар он нанесет по Террасену, и мы должны быть во всеоружии.

- По-моему, Эраван уже родился обозленным, - усмехнулась Ансель.

Она имела право смеяться над валгским королем. Сумасбродная Ансель, перемахнувшая на украденной лошади через пропасть. Аэлина до сих пор удивлялась, как та сумела тогда оказаться на другом краю и не загреметь вниз вместе с Касидой.

- Я сделаю то, что ты просишь, - заверила ее Ансель. - Не знаю, в какой мере это нам поможет, но мой путь в любом случае лежит на север. Бедняжка Хисли. Как она перенесет новую разлуку с Касидой?

Неудивительно, что Ансель была так привязана к Хисли - другой астерионской кобыле, которую украли для себя. А Касида... Лошадь Аэлины стала еще красивее. Аэлина успела побывать на мелисандском корабле и поздороваться со своей любимицей. Расчесала ей гриву и задобрила большим яблоком.

Ансель сделала еще несколько глотков.

- Ну а про мои приключения, как я слышала, ты знаешь. Когда тебя отправили в Эндовьер, я всю сражалась за трон. Воевала с самозванным правителем Локом. Сумела объединить вокруг себя нескольких мелких правителей, у которых были свои счеты с этим мерзавцем. Но даже до нашего захолустья дошли вести, что тебя схватили и послали на каторгу.

Если бы у Аэлины были железные ногти, она бы располосовала стол. А так она ограничилась лишь глубокими бороздами. О таких вещах она бы предпочла говорить с Ансель наедине.

- Как ты понимаешь, мне там было не до развлечений, - хмуро бросила она рыжеволосой королеве.

- Конечно... Когда я убила Лока, нашлись другие претенденты на трон. Нужно было еще и народ убедить, что я не самозванка. Я знала только одно: если

кто и уцелеет в Эндовьере, так это ты. Уладив дела дома, я отправилась туда. Добралась до Руннских гор и там узнала, что тебя увезли в Рафтхол. Вот он... – Ансель кивнула в сторону Дорина, сидевшего с каменным лицом. – Но ехать в Рафтхол я не могла. Слишком далеко. А дома в мое отсутствие могло случиться всякое. Словом, отправилась я назад, в Западный край.

– Ты собиралась вызволить меня из Эндовьера? – сдавленным голосом спросила Аэлина.

Корабельный фонарь придавал волосам Ансель золотистый оттенок.

– Не было такого дня... да что там дня! Не было часа, чтобы я не вспоминала о своих действиях в пустыне. И о том, как ты выпустила стрелу через двадцать одну минуту. Ты сказала, что дашь мне двадцать минут, а потом выстрелишь и дальше я должна уже пенять на себя. Я считала время. Я знала, сколько минут прошло. Ты подарила мне одну лишнюю минуту.

Лисандра вытянула морду и потерлась о руку Ансель. Та рассеянно погладила ее, забыв, что это не кошка.

– Ты была моим зеркалом, – сказала Аэлина. – Лишнюю минуту я подарила не только тебе, но и себе. Спасибо, подруга.

Они снова чокнулись бутылками.

– Не спеши меня благодарить.

Что-то в словах Ансель заставило Аэлину напрячься. Остальные тоже прекратили есть.

– Пожары на эйлуэйском побережье были устроены не по приказу Эравана, – сказала Ансель, и ее красно-коричневые глаза вспыхнули, поймав качающийся свет фонаря. – Мы допросили мелисандскую королеву и ее ближайшее окружение. Словом... такого приказа из Мората не поступало.

Эдион тихо зарычал. Дальнейшие объяснения Ансель ему не требовались. Он и так обо всем догадался. И не только он.

– Мы узнали, что деревни поджигали фэйские солдаты, – продолжала Ансель. – Они стреляли с кораблей.

– Маэва, – выдохнул Гарель. – Но жечь – не в ее правилах.

– Зато в моих, – невесело рассмеялась Аэлина.

Все повернулись к ней. Ансель кивнула:

– Она сжигала деревни, а вина ложилась на тебя.

– Зачем это нужно? – удивился Дорин, по давней привычке запустив пальцы в волосы.

– Чтобы опорочить Аэлину, – ответил Рован. – Выставить ее в глазах мира не спасительницей, а жестокой тиранкой. Цель очень простая – оттолкнуть

от Аэлины всех потенциальных союзников. Хуже того, заставить их объединиться против нее.

- Что ж, сыграно умело, - сказала Аэлина. - Маэву можно даже похвалить.

- Значит, армада Маэвы уже достигла здешних берегов, - заключил Эдион. - В таком случае где она? Где корабли?

У Аэлины от страха свело живот. Она не могла заставить себя сказать вслух: «Плывут на север». Сама мысль, что армада Маэвы движется в сторону беззащитного Террасена... Она повернулась к Фенрису и Гарелю. Те дружно качали головой, отвечая на молчаливый вопрос Рована.

- Отплываем на рассвете, - сказала Аэлина.

Через час, когда они ушли к себе в каюту, Рован расстелил на полу карту. Взяв свинцовый карандаш, провел три линии. Их разделяло значительное пространство. Аэлина стояла рядом и молча смотрела.

Затем Рован провел линию потоньше: от левой жирной линии к срединной. На конце он изобразил стрелку. Учитывая тонкие стены каюты, заговорил шепотом:

- Ансель и ее армия ударят со стороны западных гор.

Еще одна тонкая линия со стрелкой пролегла в противоположном направлении - к жирной линии справа.

- Рульф, микенианцы и эта армада ударят с восточного побережья.

К двум тонким линиям добавилась третья. Стрелки всех трех почти смыкались.

- Легион Беспощадных и вторая половина армии Ансель направятся из Оленьих гор в центр континента. Все они соединятся в Морате.

Глаза Рована полыхали зеленым огнем.

- Более точное положение каждой армии будешь определять сама.

- Мне нужны дополнительные силы. И время.

- В составе какой армии ты собираешься сражаться? - спросил он, сдвигая брови. - Вряд ли я сумею убедить тебя держаться подальше от передовой.

- Даже и не пытайся.

- Конечно, разве ты допустишь, чтобы победа и вся слава достались мне? Ты бы потом всю оставшуюся жизнь донимала меня упреками.

Аэлина усмехнулась. Помимо карты Эрилеи, на полу лежали и другие, создавая сильно упрощенную и уменьшенную копию их мира. Аэлина

возвышалась над изображенными землями, словно видела все армии вблизи и вдали.

Рован оставался на коленях и тоже разглядывал мир у ног Аэлины.

Она вдруг поняла: это не преувеличение. Если она победит в войне, если освободит континент, изгнав Эравана...

Мир, когда-то представлявшийся ей таким большим и почти безграничным, сейчас казался совсем хрупким. Маленьким, легко бьющимся, словно стеклянная игрушка.

- Ты ведь знаешь, что смогла бы, - сказал Рован. - Забрать мир себе. Весь. Применить отвратительную стратегию Маэвы против нее самой. Осуществить обещание.

В его словах не было ни тени осуждения. Только размышление и честный расчет.

- А ты бы присоединилась ко мне, если бы я это сделала? Если бы стала завоевательницей?

- Ты бы объединяла земли. Твои армии не жгли бы и не грабили. И конечно же, я был бы с тобой, какие бы цели ты себе ни поставила.

- Ты не находишь, что в этом есть угроза для мира? - задумчиво спросила Аэлина. - Другие королевства, другие континенты лишились бы покоя. Все их мысли были бы об одном: а вдруг мне однажды станет тесно в Террасене? Они бы лезли из кожи вон, только бы не допустить нашего расширения. Они бы делали все, убеждая нас, что они полезнее нам в качестве торговых партнеров и союзников и что захватывать их для нас хлопотно и невыгодно. Маэва атаковала эйлуэйское побережье, маскируясь под меня. Она стремилась показать другим государствам, насколько я опасна. И главное - я не властна над своей силой, если в Бухте Черепов разметала вражеские корабли, а на берегу сожгла ни в чем не повинные рыбацьи деревушки...

Рован кивнул:

- И все же, если бы ты смогла... решила бы на завоевание всего мира?

На мгновение Аэлина увидела свое лицо, высеченное в камне. Ее статуи, поставленные там, где вообще не слышали о существовании Террасены. Живая богиня, наследница Мэлы и завоевательница всего известного мира. Правда, ее завоевание имело бы другую направленность. Оно бы несло книги, музыку, культуру. Ее бы боялись лишь те, кто привык править с помощью лжи, угроз и подкупа. Она бы несла свет целым континентам...

- Не сейчас, - прошептала Аэлина.

- А позже?

- Возможно, если мне наскучит быть королевой... тогда я подумаю, не сделаться ли императрицей. Оставить своим потомкам в наследство не одно королевство, а столько, сколько звезд на небе.

Эти слова никому не угрожали. Она просто высказывала вслух глупые, бесполезные мысли. Но если задумывалась о подобных вещах... наверное, тогда она ничем не лучше Маэвы и Эравана.

Рован подбородком указал на земли Западного края:

- Почему ты простила Ансель? После того, как она поступила с тобой и с теми ассасинами в пустыне? Это же было настоящее предательство.

Аэлина снова опустила на корточки.

- Ансель сделала плохой выбор. Попыталась исцелить рану, которая не поддается исцелению. Попыталась отомстить тем, кого любила.

- И ты действительно закрутила все события, когда мы еще находились в Рафтхолье? Твое участие в поединках... это был сигнал для Ансель?

Аэлина самодовольно усмехнулась и подмигнула Ровану.

- Я знала: если назовусь Ансель из Верескового Утеса, до нее дойдет, что некая рыжеволосая особа, взяв ее имя, убивает в рафтхольском «Склепе» крепких и опытных королевских солдат. Она сразу поймет, что это я.

- Так вот почему ты покрасилась в рыжий цвет? Это было сделано не только для Аробинна.

- Меньше всего я думала о нем.

Аэлина нахмурилось, словно досадуя, что карты не показали ей, где находятся уцелевшие микенианцы и крошанские ведьмы.

Рован взлохматил себе волосы:

- Иногда я жалею, что не знаю каждую мысль, бродящую в твоей голове, не проникаю в каждый твой замысел и стратегию. Но потом вспоминаю, сколько удовольствия мне доставляет, когда ты раскрываешь задуманное. У меня просто сердце замирает, а иногда и вовсе готово выпрыгнуть наружу.

- Я знала, что ты предпочитаешь извращенные наслаждения.

Рован дважды поцеловал ее в губы, затем в нос, слегка прикусив его зубами. Аэлина зашипела и оттолкнула его.

- Это за то, что не рассказываешь мне. Причем уже не в первый раз.

Но слова словами, а вид у Рована был необычайно... счастливый. Он радовался, что может стоять на коленях в этой тесной каюте и смотреть на изображение мира, освещенного тусклым фонарем. Мира, который очень скоро может провалиться в преисподнюю.

Представ перед нею впервые, Рован был холодным, неулыбчивым фэйцем. Тогда он ждал достойного противника, способного оборвать его жизнь... А сейчас его лицо сияло от счастья.

- Рован... - прошептала Аэлина, крепко сжимая его руку.

Искры в его глазах погасли.

- Рован, у меня к тебе есть серьезная просьба...

Манона ворочалась на узкой койке. Сон не шел.

Дело было не в жесткости койки и не в грязном покрывале. Она прекрасно спала в худших условиях: на голой земле, на камнях, под ветром. И уж тем более ее не раздражало наспех починенное окошко. Сквозь щели дул прохладный соленый ветер и лился лунный свет.

Не будет она искать никаких крошанских ведьм. Что бы там ни говорила Аэлина... Знать о своем наследии и заявлять права на него - не одно и то же. Манона сомневалась, что крошанки ее признают. Особенно если учесть, что она убила их принцессу. Свою сводную сестру.

Но даже если крошанские ведьмы простят ей совершенное по неведению, если согласятся служить ей и сражаться под ее командованием... Манона потрогала широкий шрам на животе. Железнодорожные не получают земли в Западном краю.

Манона легла на спину, отвела с лица влажные волосы. Ее шея была липкой от пота. Когда она в последний раз мылась? Купания в болоте не в счет.

Она знала лишь ту историю войны Железнодорожных и крошанок, какую ей излагала бабушка и другие ведьмы, занимавшиеся ее обучением. А вдруг причина раздоров была совсем другой? И стоило все это затевать, чтобы потом отправиться в изгнание и сотнями лет истреблять крошанок?

Манона всматривалась в квадратик окна, за которым перемигивались звезды. Ей так хотелось увидеть тень, плывущую между ними, услышать знакомый шум сильных крыльев. Аброхас давным-давно должен был бы вернуться. Манона тут же давила любую тревожную мысль, касающуюся ее дракона.

Вместо шума крыльев раздался скрип половиц в коридоре. Дверь ее какты открылась и тут же закрылась. Лязгнул засов.

- Что ты тут делаешь? - спросила Манона, даже не думая сесть.

Сквозь иссиня-черные волосы адарланского короля пробивались струйки лунного света.

- На тебе больше нет цепей.

Манона села, глядя на пустые скобы, к которым раньше крепились ее цепи.

- А тебе бы хотелось, чтобы я и сейчас была скована?

Сапфировые глаза сверкнули.

- Не всегда. Но бывает, что да.

Ведьма усмехнулась и, не слишком задумываясь над словами, сказала:

- А ты так всерьез и не задумывался.

- О чем? - спросил Дорин, хотя сразу понял смысл ее вопроса.

- О том, кто я такая и что собой представляю.

- Ведьмочка, неужто мое мнение для тебя что-то значит?

Манона встала, но к Дорину не подошла, а осталась в нескольких шагах и позволила темноте служить барьером между ними.

- Смотрю, тебя даже не разозлило, что Аэлина умыкнула Мелисанду, поставив вас всех перед фактом. И тебе все равно, что я - полукровка с примесью крошанской крови.

- Не считай мое молчание признаком равнодушия. У меня есть достаточно оснований держать свои суждения при себе.

На кончиках его пальцев поблескивал лед.

- Я вот думаю, - зевнула Манона, - кто из вас прикончит Эравана: ты или королева.

- Мне важнее, что огонь выступает против Тьмы.

- Но ты бы мог порвать короля-демона в клочья, даже не замарав своих рук. Другими руками, невидимыми.

Дорин улыбнулся одними губами:

- Я могу найти своим рукам лучшее применение. И видимым, и невидимым.

Это прозвучало как приглашение. Как вопрос. Ведьма не отвела глаз.

- Тогда закончи то, что начал, - прошептала Манона.

Ответная улыбка Дорина была мягкой, но с оттенком жестокости. Маноне стало жарко, будто огненная королева воспламенила ей кровь.

Она позволила Дорину прижать себя к стене. Смотрела, как он развязывает верхние тесемки ее белой рубашки. Одну за другой.

Она позволила ему коснуться губами ее голой шеи - под самым ухом.

Манона чуть выгнула спину, откликаясь на его ласку, на прикосновения языка. Потом Дорин отстранился, но невидимые руки продолжали скользить по ее бедрам, двигаясь к талии. Рот короля был приоткрыт, а тело дрожало от напряжения. Он сдерживал сам себя. Такое Манона уже видела, когда мужчины с вожделием смотрели на нее, пожирая глазами, но не решаясь перейти к действиям.

- Гончая тогда нам соврала, - вдруг сказал Дорин. - Про гибель твоей заместительницы. Я ее вранье... чувствовал на вкус.

Маноне почему-то стало легче, но она оборвала короля, заявив, что не хочет об этом говорить.

Дорин снова приблизился, и невидимые руки достигли ее груди. Манона скрипнула зубами.

- А о чем, Манона, ты хочешь говорить?

Раньше она не слышала, чтобы он называл ее по имени. И тем более с такой интонацией.

- Ни о чем, - бросила ведьма. - Да и ты тоже, - добавила она, проехавшись по нему глазами.

И опять он улыбнулся нежной улыбкой, окаймленной жесткостью. Опять подошел ближе, и место невидимых рук заняли его собственные.

Руки Дорина гуляли по ее бедрам, талии, груди. Неторопливо, даже с какой-то вялостью. Манона не противилась лишь потому, что никто никогда не осмеливался ласкать ее так. Каждое соприкосновение их тел оставляло ощущение огня и льда. Манона вдруг поймала себя на том, что эти движения завораживают и даже убаюкивают ее. Ленивые, уговаривающие движения. Она не противилась, когда Дорин снял с нее рубашку и стал разглядывать ее полуголое, покрытое шрамами тело.

Ее груди возбуждали его. Взгляд Дорина сделался голодным. Но потом, стоило ему увидеть ее живот и косой шрам...

Любвиный голод вдруг сменился ледяной жесткостью. Холодной яростью, направленной не на Манону. Вскоре она поняла куда.

- Помню, ты говорила, что существует черта между убийством ради защиты и убийством ради удовольствия. Ты спрашивала, по какую сторону от этой черты нахожусь я.

Его пальцы медленно ощупывали шрам на ее животе.

- Когда мне попадетсЯ твоя бабушка, я перейду черту.

У Маноны похолодела спина. Соски отвердели, встав торчком. Дорин это заметил. Он дотронулся до одного соска, затем нагнулся и проделал то же языком. Манона закусилА губы, чтобы не застонать. Пальцы потянулись к его шелковистым волосам.

Язык Дорина продолжал ласкать ее сосок. Король чуть запрокинул голову, чтобы видеть ее глаза.

- Я хочу попробовать тебя целиком, - признался он.

Его губы потянулись к ее губам. И тогда Манона заглушила в себе все доводы разума.

Она открылась для пира короля. Манона не знала, что чувствует сам Дорин. Но его прикосновения имели вкус моря, зимнего утра, еще чего-то незнакомого и в то же время давно известного. Манона не выдержала и застонала.

Пальцы Дорина осторожно приподняли ей подбородок. Губы Дорина прикикли к ее губам, а его язык мягко, но настойчиво их раздвинул. Манона выгнула спину. Она подставляла свое тело его рукам и языку, пока ласки не лишили ее способности думать.

Прежде Манона никогда не теряла самообладания. Даже в редкие минуты близости. Ей это казалось проявлением слабости. Но сейчас она ощущала странное и совершенно незнакомое ей чувство свободы.

Пальцы Дорина наслаждались тугими мускулами ее бедер, откуда переместились к упругим ягодицам. Он крепко прижал ведьму к себе и, раньше чем она успела вскрикнуть, поднял на руки.

Манона обвила ногами его талию. Дорин понес ее на койку. Все это время его язык продолжал двигаться внутри ее рта. Уложив Манону, он неторопливо стянул с нее штаны.

И снова, чуть отодвинувшись, Дорин смотрел на нее, теперь уже совершенно голую. Его палец коснулся внутренней стороны ее бедра и стал подниматься к лобку.

– Я хотел тебя с того самого дня, как впервые увидел в Задубелом лесу, – прохрипел Дорин.

Манона потянулась, сняла с него рубашку, любясь загорелым мускулистым торсом адарланского короля.

– Да, – только и ответила она.

Дорин трясущимися руками расстегивал пояс.

– Да, – повторила Манона, когда его пальцы коснулись ее лона.

Дорин ответил одобрителем урчанием.

Его одежда полетела на пол. Дорин осторожно вытянул руки Маноны вверх, за голову, и так же мягко прижал своими невидимыми руками. А его настоящие, умелые и грешные руки трогали и ласкали каждый уголок ее тела. Вслед за руками двигался его умелый и грешный язык. Возбужденная до предела, ведьма даже укусила его в плечо, иначе ее стон был бы слышен на всем корабле. И сейчас же почувствовала, как Дорин вошел в нее, глубоко и сразу.

Манону перестало заботить, кто она, кем была и кем когда-то обещала стать. Сейчас для нее не существовало ничего, кроме толчков Дорина. Она запускала пальцы в его густые волосы, гладила его спину. С каждым его

толчком она взлетала на вершину, сторая и леденя. Плоть, огонь и железо – это все, что она сейчас чувствовала. Ее изголодавшееся тело откликалось на зов его изголодавшегося тела. Сейчас существовало только это.

Больше. Ей хотелось больше.. хотелось всего.

Кажется, она произнесла это вслух или даже умоляла его об этом, ибо Дорин – да хранит ее Тьма – дал ей просимое. Им обоим.

Замерев, он оставался на ней и в ней. Его губы замерли рядом с ее губами.. после неистового поцелуя и горячего потока, затопившего ее лоно.

Манона дрожала, не до конца понимая, что он сделал с ней и ее телом. Когда Дорин убирал прядь с ее лица, у него дрожали пальцы.

К ней вернулись ощущения окружающего мира. Пронзительная тишина. И столько фэйских ушей за стенами каюты, которые вполне могли слышать все, что происходило внутри.

Дорин по-прежнему не выходил из нее.

– Это должно было сгладить острые углы, – сказал он, блеснув сапфировыми глазами.

Невидимые руки подняли с пола одежду.

– И как, сгладило? – спросила Манона.

Дорин осторожно провел по ее нижней губе и вздрогнул, когда она засунула палец себе в рот.

– Нет. Никакого намека.

Серый рассвет, проникший в каюту, посеребрил стены. Они оба заметили, что уже светает. С тихим стоном Дорин слез с нее. Манона подхватила свою одежду. Военская жизнь научила ее одеваться быстро, почти на ощупь. Она завязывала тесемки рубашки, когда Дорин вдруг сказал:

– У нас с тобой все только начинается.

«И ты будешь укладывать меня, когда тебе вздумается?» – подумала она.

Эта чисто мужская фраза мгновенно вернула Манону в привычное состояние. Она оскалила зубы:

– Если в следующий раз не хочешь соприкоснуться с железными частями моего тела, помни: не ты один решаешь.

Дорин наградил ее еще одной чисто мужской улыбкой и покинул каюту столь же бесшумно, как и вошел. На пороге он замер, словно хотел что-то сказать в ответ, но ничего не сказал, плотно закрыв дверь. Он был до противного спокоен и самоуверен.

Манона смотрела на закрывшуюся дверь и проклинала свою кровь, которая снова вспыхнула. Она удивлялась, как позволила ему так обращаться с собой.

Никогда еще она не позволяла мужчине влезать на нее. Что сказал бы Дорин, узнай он об этом? А если бы еще она ему сказала, что ей хотелось впиться зубами в его шею и попробовать крови? И попробовать его в других местах?

Манона запустила руки в волосы и повалилась на подушку. Тьма ее сохрани.

Она молча помолилась о скорейшем возвращении Аброхаса. Слишком давно она в чужом мире, среди людей и фэйцев. Нужно возвращаться к своим. За Элиду можно не волноваться. Пусть террасенская королева и не ангел, но Элиде рядом с нею ничего не угрожает.

К своим... это куда? Отряд Тринадцати неизвестно где. Что бы ни утверждал Дорин, они могли погибнуть. Манона не представляла, куда она отправится, покинув корабль. Никогда еще мир не казался ей таким громадным.

И таким пустым.

Элида легла рано, но за длинную ночь почти не спала. Ее и Лоркана разместили в общей каюте с матросами. Вместо коек здесь были гамаки. Запахи, звуки, качка... Даже при чудовищной усталости Элиды все это мешало заснуть. Едва она начинала дремать, ее словно кто-то тряс за плечо или тыкал пальцем в бок: не спи, нельзя. Элида вслушивалась, всматривалась в сумрак какты, но не ощущала ничего опасного.

Лоркан тоже ворочался с боку на бок, словно какая-то сила заставляла бодрствовать и его. Как будто он чего-то ждал.

Только на корабле Элида поняла: Лоркан растратил всю свою магическую силу. Внешне это никак не выразилось, разве что губы были сжаты плотнее обычного. Но Элида знала: он почти выгорел. Его магия, уменьшавшая ее хромоту, напоминала свечку: то гаснущую, то вспыхивающую снова.

После долгого разговора с Маноной Элиде захотелось забиться в какой-нибудь тихий угол. Остальные пошли на камбуз, включая и рыжеволосую женщину, которая встретила их на берегу. Элиду тоже звали, но она не пошла. Лоркан остался с нею. Его фэйские уши слышали все разговоры внутри камбуза. С каждой минутой Лоркан становился все мрачнее, будто внутри его сжималась пружина.

Под утро Лоркан уснул. Сон смягчал суровые черты его лица. Несколько раз у Элиды мелькала мысль: а не привела ли она королеве дополнительную опасность? Уж слишком часто Лоркан смотрел Аэлине в спину. Слово целился. Видели ли это остальные?

Почувствовав, что на него смотрят, Лоркан открыл глаза. Спокойно выдержал взгляд Элиды. На мгновение она утонула в его черных глазах. В серых утренних сумерках глаза Лоркана приобретали какой-то призрачный блеск.

Он рисковал жизнью ради нее. Защищал ее от стольких опасностей.

Глаза Лоркана переместились на исцеленную руку Элиды, и его суровое лицо немного потеплело. Кожа еще немножко побаливала... но в остальном рука была как прежде. Элида дважды поблагодарила Гареля. Тот лишь улыбался и пожимал плечами.

Лоркан потянулся к ее гамаку. Мозолистые пальцы провели по исцеленной руке.

- Ты это выбираешь? - едва слышно спросил Лоркан.

За скрипом снастей его вопрос был слышен только Элиде.

Она сглотнула. Ей казалось, что она успела изучить лицо Лоркана до мельчайших черточек.

- Я думала, это и так понятно, - тихо ответила Элида, но ее щеки вспыхнули.

Их пальцы переплелись. В черных глазах читалась тревога.

- Нам надо поговорить, - хрипло выдохнул Лоркан.

Но поговорить им не удалось. Испуганный крик, раздавшийся снаружи, разбудил всех матросов.

Элида едва не вывалилась из гамака. Мимо нее бежали матросы. Как назло, к потному лбу прилипла прядь волос. Когда Элида ее убрала, Лоркана в каюте уже не было.

Она выбралась в коридор. Ее со всех сторон толкали и пихали бегущие матросы. Все они торопились на палубу. Хромая, Элида поднялась по крутым ступенькам. С соседних кораблей доносились тревожные крики. Вскоре Элида поняла, в чем дело.

С запада в их сторону двигалась другая армада.

Элида сразу почувствовала: те корабли - вовсе не союзники, которых ждала и на которых рассчитывала Аэлина.

На палубу выскочил Фенрис.

- Маэва, - выдохнул он.

Встреча была неминуемой. Выбора не осталось. Армада Маэвы шла под попутным ветром. Прилив еще больше ускорял их движение. Даже близкий берег не сулил спасения. Маэва достигнет берега раньше, чем они закончат высадку. И учитывая численность фэйских солдат.. Да, иного выхода нет.

Рован и Эдион предложили Аэлине несколько вариантов дальнейшего развития событий. Все они подразумевали столкновение. Но после сражения с илками магическая сила Аэлины была вычерпана почти целиком.. Она понимала, чем это может кончиться.

У Маэвы на треть больше кораблей. И бессмертные воины, сведущие в магии.

Черные паруса быстро заполняли горизонт. Корабли Маэвы были крепче и боеспособнее. Ее солдаты прошли более основательную выучку. Рован и его бывшие соратники когда-то сами следили за их обучением. Все это не прибавляло решимости.

Вскоре к кораблю причалила изящная, украшенная резьбой лодка с посланником Маэвы. Ее сообщение он передал на словах, не поднимаясь на палубу.

Маэва требовала сдаться, иначе их армада будет потоплена, а люди уничтожены. Аэлине предоставлялись сутки на размышление.

Целый день. Достаточное время, чтобы поселить и укоренить страх в душах ее союзников.

Аэлина снова устроила совещание с Рованом и Эдионом. Бывших соратников Рована туда не позвали. Лоркан ходил взад-вперед, как зверь в клетке. Элида смотрела на него. Первый страх улегся, и сейчас ее лицо не выражало ничего.

Элида сидела на палубе рядом с Маной. Дорин часто поглядывал то на нее, то на ведьму. Казалось, он пытается разгадать какую-то загадку.

Эдион склонялся к атаке. Незаметно подготовить корабли и напасть. Но то-то и оно, что незаметно не получится. Маэва сразу разгадает их маневр и ударит раньше. Магический удар настигнет их быстрее, чем они начнут выпускать стрелы и метать гарпуны.

Время. Единственная субстанция, с которой могла и должна была иметь дело Аэлина.

Новые варианты. Новые предложения. Новая трата времени. Рован осторожно предложил Аэлине бежать. Она не перебивала, не возражала. Говоря, он сам убеждался в абсурдности своего предложения. После вчерашнего вечера Рован должен был бы сообразить: Аэлина его не оставит. По крайней мере, добровольно.

День прошел. Солнце село. Армада Маэвы выжидала и наблюдала. Им было некуда торопиться, как не торопится хищный зверь в своем логове, зная, что завтра, едва рассветет, он атакует жертву.

Время. Единственное орудие Аэлины и ее погибель, когда оно кончится. А оно уже было на исходе.

Темнело. Аэлина снова и снова пересчитывала паруса вражеской армады, пока они не растворились в наступившей темноте.

Она по-прежнему не знала, что ей делать.

Рован устал от многочасовых обсуждений. Положение, в котором они оказались, было неприемлемым. Слово «безвыходное» он пока не произносил даже в мыслях.

После стольких усилий – неожиданная остановка. И причиной тому не Эраван, а Маэва.

Она не соизволила появиться лично. Впрочем, такое было не в ее правилах.

Зато Маэва появится завтра, на рассвете. Капитуляцию Аэлины она будет принимать сама, зная о многочисленных зрителях. А потом.. Рован не знал, каким окажется следующий ход Маэвы и что еще нужно фэйской королеве, помимо Ключей.

Его настораживало спокойствие Аэлины. Нет. Это было потрясение, ошибочно принятое им за спокойствие. Рован видел Аэлину в гневе и когда она убивала врагов. Видел смеющейся и плачущей. Но ему еще не доводилось видеть ее... потерянной. А он не мог предложить ей никакого разумного решения и за это себя ненавидел.

Былая усталость, к которой добавилось утомление прошедшего дня, сморила Аэлину, и сейчас она крепко спала.

Рован лежал рядом, глядя в потолок. Потом снова, в который раз, повернулся к спящей Аэлине. Поймал себя на мысли, что торопится запомнить черты ее лица, цвет волос, белые полосы шрамов и узоры татуировки. Он поцеловал ее в лоб.

Нет, он не позволит, чтобы их счастье закончилось здесь. Никому не дано это разрушить. Даже Маэве.

Маэва явилась к берегам Эрилей не одна. Судя по обилию флагов, ее сопровождала знать Доранеллы. Рован потратил немало времени, разглядывая и пересчитывая эти флаги, а затем рылся в лабиринтах памяти, вспоминая, кому какой принадлежит.

Одевшись, он тихо выскользнул в коридор. Там он прикрепил к поясу меч и, прежде чем закрыть дверь каюты, еще раз взглянул на спящую Аэлину.

Перед глазами вдруг замелькали картины прошлого. Вспомнилось, какой он впервые увидел Аэлину на одной из крыш Варэса: пьяной, усталой и сокрушенной. Он летал над крышами в обличье ястреба, оценивая свое новое задание. Аэлина заметила. И хотя ее сознание было затуманено дешевым

вином, заменявшим ей пищу, хотя она находилась в полной растерянности, она все-таки увидела парящего ястреба и показала ему язык.

Если бы тогда кто-нибудь сказал ему, что эта пьяная, скандальная, язвительная особа скоро станет смыслом его жизни... Рован закрыл дверь каюты.

Это все, что он сейчас мог ей предложить.

Рован вышел на верхнюю палубу, обернулся ястребом, окружил себя магическим щитом и полетел в самое сердце флота Мазвы.

У двоюродного брата Рована хватило здравого смысла не убить его в воздухе.

Они были почти ровесники. После того как родители Рована покинули видимый мир, он жил в доме дяди и воспитывался вместе с дядиным сыном. Если бы и дядя покинул видимый мир, титул главы дома перешел бы к Энде. Внушительный титул, внушительное богатство и власть.

Надо отдать брату должное: Энда почувал появление Рована раньше, чем тот проскользнул в окошко, преодолев хлипкую магическую защиту. Брат сидел на кровати (это вам не койки на корабле Рульфа), но одетый для сражения. Рука сжимала эфес меча.

Рован вернулся в фэйское обличье. Энда оглядел его с головы до пят:

- В каком качестве ты сюда явился, принц? Убийцей или посланником?

- Ни в том и ни в другом, - ответил Рован, приветствуя брата легким кивком.

Как и у Рована, у Энды были серебристые волосы и зеленые глаза, но с коричневыми крапинками. Когда он гневался, глаза меняли цвет и становились целиком карими.

Если Рован был прирожденным воином и воспитывался соответствующим образом, Энда был создан для придворных интриг. Природа не обидела его ни ростом, ни мускулистостью. Но плечи Энды уступали по ширине плечам Рована, а его фигуре недоставало воинской прочности. Возможно, причиной была разница их обучения. Брат приплыл сюда не командовать войсками своего отца, а больше для представительства. После нескольких десятилетий их сравнительно вольного детства пути Рована и Энды достаточно сильно разошлись.

Рука Энды оставалась на эфесе изящного меча. На лице не отражалось ни малейшего беспокойства.

- А ты изменился, - заметил брат, сдвигая брови. - Лучше выглядишь.

Когда-то они с Эндой, невзирая на различия жизненных путей, были дружны. Но это было давно, до встречи с Лирией и... до всего остального. Рована

тянуло рассказать, кто виновник этой перемены, но он не мог тратить время на посторонние разговоры. Время сейчас отнюдь не являлось его союзником.

И все же Рован сказал:

- И ты тоже изменился, принц.

- За это можешь благодарить моего парного, - сдержанно улыбнулся Энда.

Раньше такое признание всколыхнуло бы в Роване не самые лучшие чувства. Слова Энды напомнили ему, что брат - не воин, а знаток придворных лабиринтов. Но Энда не был лишен чутья и умел улавливать важные особенности. Он, конечно же, уловил запах Аэлины, который теперь навсегда соединился с запахом Рована. И потому Рован кивнул и, слегка улыбувшись, сказал:

- Если не ошибаюсь, твой избранник - сын господина Кергана?

К запаху Энды тоже примешивался другой запах, подтверждавший догадку Рована.

- Да, это он.

Энда поглядел на кольцо, украшавшее его палец:

- Мы объявили о парных узах и в начале лета сочетались браком.

- Хочешь сказать, что ты ждал его сто лет?

Энда пожал плечами. Пальцы, сжимавшие эфес меча, ослабли.

- Достойного избранника, принц, не грех и сто лет дожидаться.

Рован это знал. Он настолько хорошо понимал брата, что от сознания этого у него защемило в груди.

- Эндимион, - хрипло произнес Рован. - Энда, выслушай меня внимательно.

Очень и очень многие сейчас кликнули бы стражу, но Рован знал Энду. Во всяком случае, надеялся, что некое качество у брата сохранилось. Энда никогда не совал нос в его дела - не то что прочая родня. Почти никогда, если быть точным. Но Энда отличался редкой для придворного порядочностью.

И потому Эндимион выслушал своего двоюродного брата. Рован старался излагать самую суть. Он изо всех сил подавлял дрожь в руках. Рован считал свою просьбу достаточно простой и выполнимой.

Когда он закончил, Энда просто смотрел на него. Лицо придворного не выражало ничего. Маска бесстрастия, без которой при дворе - ни шагу.

- Я это обдумую, - сказал наконец Энда.

На большее Рован не мог и надеяться. Он молча обернулся ястребом и вылетел в ночную тьму, остро пахнущую морем. К другому кораблю, чей флаг ему тоже был очень хорошо знаком.

Он перелетал с корабля на корабль, где произносил одни и те же слова и высказывал одну и ту же просьбу.

Все родственники, к которым он обращался, давали ему одинаковый ответ: «Я это обдумаю».

Глава 62

До рассвета оставалось не более часа, когда Дорин ворвался в каюту Маноны. Ведьма уже проснулась. Дорин словно не видел ни расстегнутой рубашки, ни голой груди, от которой совсем недавно не мог оторваться.

– Одевайся и идем со мной.

К счастью, Манона не стала возражать. Скорее всего, ей было любопытно.

В каюту Аэлины войти без стука он не решился. Мало ли, вдруг королева и Рован перед лицом неизвестности спешили насладиться последними мгновениями? Однако королеву Дорин застал одетой. Принца в каюте не было.

– В чем дело? – только и спросила Аэлина, чувствуя, что Дорин пришел не просто так.

– Скоро увидишь.

Дорин повел Аэлину и Манону в трюм. На корабле уже не спали и готовились к сражению.

Вчера он весь день размышлял над странными словами ведьмы. Они не вязались с наслаждением, подаренным ею до этого. Удивительным наслаждением, от которого у Дорина запела вся кровь. И вдруг... «Если в следующий раз не хочешь соприкоснуться с железными частями моего тела, помни: не ты один решаешь».

Он сам не понимал, почему слова Маноны так врезались ему в память. Ночью Дорин даже не делал попыток уснуть. Он погрузился на самое дно своего внутреннего колодца, где по-прежнему не было магической силы. И все же...

Ведьмино зеркало стояло у стены, закрепленное с двух сторон от случайного падения и завешенное тряпкой. Может, это и был Замок, а может... нечто другое. Дорин отдернул тряпку. Тусклая поверхность отражала нахмуренные лица обеих королев.

- На твоём месте я бы осторожнее обращалась с этой вещицей, - бросила Дорину ведьма, выдвигая железные ногти.

- Предложение внимательно оценено и принято, - сказал он, глядя на её золотистые глаза в зеркале.

Ведьма не улыбнулась ему в ответ. Аэлина тоже.

- Сомневаюсь, чтобы это зеркало обладало магической силой, - сказал им Дорин. - Точнее, осязаемой, грубой силой. Мне кажется, его сила кроется в знании.

Аэлина подошла ближе:

- Мне говорили, что Замок позволит надёжно закрепить во Вратах все три Ключа. Ты думаешь, зеркало знает, как это сделать?

Дорин молча кивнул, стараясь не замечать недоверия на её лице.

- Ты сказал про знания, - продолжала Аэлина. - В таком случае, чем нам поможет это зеркало... Замок... называй как угодно... в нашем нынешнем положении? Армада Маэвы дышит нам в затылок. Неужели зеркало подскажет, как разметать вражеские корабли?

Дорин давил в себе поднимающееся раздражение. У них не было времени на эмоции.

- Я вспоминал слова Денны. А вдруг Замок предназначен не для закрепления Ключей во Вратах? Может, он всего лишь орудие для безопасного управления Ключами?

Аэлина покосилась на зеркало:

- И что, прикажешь теперь вытащить эту древность на палубу и силой двух Ключей разгромить Маэву с её кораблями?

Дорин ещё раз подавил новый всплеск раздражения, одновременно умоляя богов быть терпеливее к Аэлине:

- Я лишь высказал свое мнение: сила этого зеркала - в знании. Мне думается, оно тебе покажет, как надо обращаться с Ключами, чтобы не повредить себе и другим. Тогда ты сможешь без последствий вернуться обратно.

- Что значит «вернуться обратно»? - все ещё не понимала Аэлина.

Ей ответила Манона, внимательно разглядывающая зеркало:

- Это зеркало для путешествий.

Дорин кивнул:

- Задумайся над словами Денны: «Пламя и железо, соединенные вместе, превращаются в серебро и помогают узнать, что надлежит искать. Нужен всего один шаг».

Он указал на зеркало:

- Шагнуть в серебро и... узнать.

Манона насмешливо цокнула языком:

- Аэлина у нас пламя, а я, стало быть, - железо.

Аэлина стояла, скрестив руки. Дорин искоса посмотрел на террасенскую королеву:

- Ты же знаешь: загадки разгадывать способна не только ты.

- У нас нет времени на все эти «а если» и «а вдруг». Слишком многое может стать еще хуже, чем сейчас.

- Магической силы в тебе осталось совсем немного, - возразил Дорин, снова кивая в сторону зеркала. - Еще до рассвета ты могла бы войти в зеркало и выйти обратно. И не просто выйти, а получив знания. И на основе этих знаний ты бы послала Маэве достойный ответ на ее притязания.

- Я еще не научилась сражаться обычным оружием. Мне незачем понапрасну рисковать и тратить драгоценное время.

- Ты можешь остановить сражения и предотвратить значительные потери с обеих сторон. И потом, Аэлина, - осторожно добавил он, - мы и так уже потратили все время.

Бирюзовые глаза смотрели спокойно. Кажется, Аэлина до сих пор гневалась, что ее заставляют разгадывать какие-то загадки, но гнев этот лишь улавливался.

- Я знаю, - вздохнула Аэлина. - Я надеялась... - Она тряхнула головой, говоря больше себе, чем другим: - У меня не осталось времени.

Она посмотрела на зеркало, потом на Манону:

- Это не входило в мои замыслы.

- Знаю, - ответил Дорин, позволив себе слегка улыбнуться. - Потому тебе и не нравится мой.

Манона поняла: не у нее одной возникает желание откусить голову адарланскому королю.

- И куда приведет это зеркало?

- Надеюсь, не в Морат, - сквозь зубы ответила ей Аэлина.

Дорин напрягся. Об этом он как-то не подумал.

Манона смотрела на Глаз Элианы в верхней части зеркала:

- Это наш общий символ. И если зеркало уведет тебя в Морат, тебе понадобится рядом кто-то, знающий, как оттуда выбраться.

На лестнице загремели шаги. Дорин обернулся на звук.

- Тогда до встречи на другой стороне, ведьма, - усмехнулась Аэлина.

В трюм вбежал Эдион. Его золотистые волосы замелькали среди ящиков.

- Что за чертовщина...

Легкий кивок Аэлины - большего Маноне не требовалось. Она положила свою руку поверх руки террасенской королевы.

Золотистые глаза ведьмы на мгновение встретились с глазами Дорина. Ему вдруг захотелось так много ей сказать.

Но Аэлина и Манона уже прижали соединенные руки к пятнистой поверхности зеркала. Последнее, что они услышали перед исчезновением, был предостерегающий крик Эдиона.

Глава 63

Элида смотрела, как корабли с серыми парусами выстраивались в боевой порядок. Потом снизу донеслись разгневанные крики Эдиона, и начался настоящий хаос.

Вскоре она узнала причину криков. На палубу опустился белый ястреб и тут же превратился в принца Рована из клана Боярышника. Лицо у принца было осунувшимся, глаза полны страха. Через несколько секунд на палубу высочил Эдион, а следом за ним - Дорин, со свежим синяком под глазом. Эдион принялся расхаживать взад-вперед, бурля гневом. Потом, совладав с собой, он сообщил, что Аэлина и Манона каким-то образом вошли в ведьмино зеркало и исчезли. Адарланский король сумел разгадать загадку Денны и отправил королев неведомо куда, рассчитывая, что это даст им преимущество в сражении с Маэвой.

Потом все спустились в трюм, но, сколько Эдион ни давил на зеркало, оно его не впустило. Бессильной оказалась и магия Рована. Зеркало не желало говорить ему, куда отправились Аэлина и Манона. Эдион с досады плюнул на пол. Дорин пытался объяснить, что выбор у них был невелик. Эдион едва не наградил короля вторым синяком. О первом он ничуть не сожалел, пока не встретился глазами с Рованом. Фэйский принц отвернулся.

Они снова поднялись на палубу. Дорин и Лисандра отправились к капитанше, чтобы обговорить с ней дальнейшие действия. Эдион опять принялся расхаживать взад-вперед. Тогда Элида и сказала ему:

– Что сделано, то сделано. Мы не можем ждать, пока Аэлина и Манона найдут способ нас спасти.

Эдион остановился. Элида изо всех сил старалась не сжаться – столько ярости хлестало из его прищуренных глаз.

– Тебя кто-нибудь спрашивал? Тоже мне советчица выискалась! Ты еще скажи, что знаешь, куда исчезла королева!

Лоркан зарычал на него. Обидные слова больно ударили Элиду в грудь, но она не позволила обиде взять верх:

– Эдион, я не меньше твоего ждала ее появления. И ты не единственный, кто боится снова ее потерять.

Она была права. Неподалеку от них стоял принц Рован. Он тер себе то лоб, то щеки. Большого проявления чувств фэйский принц себе не позволял.

Потом Рован опустил руки. Все, кто был на палубе, смотрели на него. Они ждали его приказов. Даже Эдион.

Только сейчас Элида по-настоящему осознала, что Аэлины с ними нет. Маноны, разумеется, тоже. Эта мысль ударила ее наотмашь.

– Мы продолжаем готовиться к сражению, – хрипло произнес Рован.

Он посмотрел на Лоркана, затем на Фенрису и Гареля. Весь его облик изменился. Фэйский принц расправил плечи, глаза стали холодными, оценивающими.

– Маэва почти наверняка знает, что вы здесь. И она непременно потянет за нити вашей кровной клятвы. Но не сейчас, а когда это более всего ударит по нам.

Маэва. Элиде хотелось собственными глазами увидеть королеву, которая несколько веков безжалостно помыкала Лорканом. Более того, ей хотелось высказать Маэве все, что она думает о правительнице Доранеллы.

Фенрис опустил руку на эфес меча.

– Я не знаю, как теперь быть, – тихо и с какой-то растерянностью произнес он.

В таком же положении находился и Гарель. Тот разглядывал узоры татуировки на руках, словно где-то был спрятан ответ.

Лоркан высказал все, о чем они боялись сказать вслух:

– Если Маэва заметит, на чьей стороне вы сражаетесь, все кончено. Она или убьет вас, или накажет иным способом.

- А тебя по головке погладит? - с вызовом спросил Фенрис.

Лоркан оглянулся на Элиду, затем вновь повернулся к бывшим соратникам:

- Со мной все было кончено еще несколько месяцев назад. Осталось лишь дождаться и увидеть, каким способом она со мной расправится.

Он предполагал два варианта: либо Маэва убьет его на месте, либо закует в цепи и..

У Элиды свело живот. Ей отчаянно захотелось схватить Лоркана за руку и умолять его бежать.

- Маэва поймет, что мы обошли ее приказ тебя убить, - наконец отозвался Гарель. - Если сражение на этой стороне пока еще не ударило по нам, то непременно ударит. Сдастся мне, она уже что-то пронюхала.

- У вас еще есть полчаса на выполнение приказа Маэвы, - язвительно заметил им Лоркан.

Элида сжалась, но затем Фенрис сказал:

- Это все просто уловка.

Элида затаила дыхание, не зная, о какой уловке речь.

- Стремление разделить нас. Маэва прекрасно понимает: вместе мы представляем значительную угрозу.

- Мы никогда не поднимем руку на Маэву, - возразил Гарель.

- Конечно, - согласился Фенрис. - Но нам нашлось бы на кого поднять руку.

Он повернулся к Ровану и продолжал:

- Когда весной ты позвал нас на защиту Стража Тумана, мы отправились, не спросив позволения Маэвы. Просто сбежали.

- Довольно! - рявкнул Лоркан.

Однако Фенрис продолжал рассказ, выдерживая пристальный взгляд Рована:

- Когда мы вернулись, Маэва приказала высечь нас так, что живого места на теле не осталось. Лоркана она на пару дней привязала между столбами, и Кэрн сек его столько, сколько душе угодно. Уж не знаю, по какой причине Лоркан велел нам не рассказывать тебе об этом. Думаю, Маэва оценила наши совместные действия по защите крепости и поняла, насколько опасными для нее мы можем оказаться.

Рован не пытался скрывать своего ужаса. Этот ужас эхом отзывался в сердце Элиды. Лоркан выдержал такие истязания, такие унижения и.. все равно остался верным Маэве. Элида потянулась и взяла Лоркана за руку.

Естественно, остальные это заметили, но промолчали, особенно когда большой палец Лоркана скользнул по ее ладони.

Интересно, Рован догадался, что Лоркан приказал соратникам молчать не из каких-то стратегических соображений, а из желания избавить принца от чувства вины? В противном случае Рован захотел бы отомстить Маэве и наверняка пострадал бы сам.

- Ты заранее знал, что она вас всех накажет? - хрипло спросил Лоркана Рован.

- Мы все знали, какой будет плата за самовольную отлучку.

У Рована дрогнул кадык. Он долго втягивал в себя воздух, поглядывая в сторону лестницы, словно ждал, что оттуда незаметно появится Аэлина с найденным способом спасения. Но Аэлина не появлялась. Элида молила Аннеит, чтобы королева, где бы она сейчас ни находилась, получила бы все необходимые знания.

- Вы догадываетесь о вероятном исходе битвы. Даже если бы наша армада состояла сплошь из фэйских солдат, это еще не обещало бы нам победы.

Солнце готовилось выплыть из-за горизонта. Небо на востоке окрасилось в розовые и пурпурные тона.

- Мы часто бывали в положении, когда победа казалась невозможной, - сказал Гарель и взглянул на Фенрису. Тот мрачно кивнул. - Мы останемся здесь, пока не получим другого приказа.

Произнося эти слова, Гарель смотрел на Эдиона. В глазах генерала Ашерира он прочел почти что благодарность.

Элида почувствовала на себе какой-то очень уж внимательный взгляд Лоркана. Он обратился к Ровану:

- Элида отправится на берег под охраной отряда, который ты сумеешь выделить. Я буду сражаться на вашей стороне, только если ты исполнишь эту просьбу.

Элида приготовилась возражать, но Рован коротко ответил:

- Согласен.

Рован распределил их по всему флоту, дав каждому под начало несколько кораблей. Фенрису, Гареля и Лоркана он отправил на корабли в центре и в тыловой части - как можно дальше от внимания Маэвы. Сам он и Эдион отправились на передний край. Второй линией командовали Дорин и Ансель.

Лисандра, превратившаяся в морского дракона, была уже в воде, готовая крушить днища и рули указанных судов. Этот замысел казался Ровану весьма действенным. Наземная часть фэйских кораблей, скорее всего, была накрыта магическими щитами, но вряд ли командиры Маэвы стали тратить драгоценную

магическую силу на прикрытие подводных частей. Удары Лисандры будут быстрыми и ощутимыми. В каждом случае она исчезнет раньше, чем на корабле сообразят, кто и каким образом пробил им борт.

Утро выдалось безоблачным. Восходящее солнце золотило паруса.

Рован не позволял себе думать об Аэлине и тех местах, куда ее могла занести магия ведьминого зеркала.

Время шло, но Аэлина с ведьмой не возвращались.

Со стороны вражеской армады выплыла небольшая гребная лодка и направилась в их сторону.

На борту находились трое. Маэвы среди них не было.

Две армады разделяло узкое водное пространство. Тысячи глаз следили оттуда за лодкой. Следили за ним.

Лодка приблизилась. Гребцы ловко удерживали ее на месте. Фэец в ливрее Маэвы встал и замер, как умели замирать только фэйцы. Качки для него словно не существовало.

- Ее величество ожидает вашего ответа.

Рован призвал на помощь остатки своей магической силы, придав лицу непроницаемое, каменное выражение:

- Передай Маэве, что Аэлины Галатинии более нет среди нас и потому дать ответ она не может.

Легкое моргание - это все, что выдавало оторопь, охватившую прихвостня Маэвы. Ее слуги были не только отлично вышколены, но постоянно помнили, какое наказание ждет их за раскрытие малейших секретов своей госпожи.

- Принцессе Аэлине Галатинии приказано сдаться, - произнес посланник.

- Королевы Аэлины Галатинии нет ни на этом, ни каком-либо другом корабле нашего флота. Ее также нет ни на берегу, ни в пределах окрестных земель. Вынужден разочаровать Маэву: она проделала столь долгий путь напрасно. Мы дадим вашей армаде беспрепятственно покинуть эти воды, если вы пообещаете нам то же самое.

Посланник презрительно усмехнулся:

- Это слова трусов, знающих о нашем численном превосходстве. А произносящий эти слова - предатель.

Рован улыбнулся одними губами:

- Посмотрим, что скажет Маэва, когда узнает.

Посланник плюнул в воду. Гребцы развернули лодку, и она поплыла в сторону вражеской армады.

Ровану вспомнился последний разговор с Дорином, перед тем как король отправился командовать своей линией.

Рован не нуждался в извинениях Дорина. Аэлина либо вернется, либо... о других вариантах он запретил себе думать. Но они могли выиграть для нее как можно больше времени. Могли попытаться с боем выбраться из этих мест. Ради Аэлины, ради будущего их армады.

У Дорина были схожие мысли. Они пожали друг другу руки, и король тихо сказал:

– Знаешь, а умирать за своих друзей не так уж и трудно.

Рован не пытался его уверять, что они непременно уцелеют. Король был неплохо обучен воинскому искусству, но не успел подкрепить свои знания на полях сражений. Поэтому Рован лишь мрачно улыбнулся:

– Да, не так уж и трудно.

Маэва дала свой ответ, когда солнце выплыло из-за горизонта. Она не отправила еще одного посланника. Со стороны ее армады полетел град стрел. На какое-то время вернулись сумерки: стрел было так много, что они загораживали солнце.

– Выставить щиты! – скомандовал Рован.

Его приказ относился не только к тем, от кого зависели магические барьеры, но и ко всем солдатам, взметнувшим над головой свои помятые и пробитые щиты.

Магия Рована дрогнула под натиском вражеской магии, окружавшей каждую стрелу. Рован стиснул зубы. На других кораблях, где щиты были тоньше, слышались крики раненых.

Армада Маэвы снялась с якорей и медленно поползла к ним.

Глава 64

Тело Аэлины изменилось, перестав быть телом.

Ей было с кем себя сравнивать в этой пустоте, в этом туманном сумраке. Манона сохранила свое тело. Оно сделалось почти прозрачным, призрачным, но... все же осталось телом.

Зубы и ногти Маноны блестели даже здесь, в тусклом свете, что струился сквозь клубящийся серый туман.

- Что это за дыра? - хмуро спросила Манона.

Зеркало перенесло их... неведомо куда.

- Я знаю не больше твоего, - ответила Аэлина.

Неужели за пеленой тумана время остановилось? Как повела себя Маэва, узнав, что Аэлины нет на корабле? Воздержалась от нападения или все равно атаковала? Аэлина не сомневалась: Рован будет держаться до последнего. Они с Эдионом прорвутся. Но...

Если ведьмино зеркало все-таки было Замком, который она так настойчиво искала, оно должно было немедленно откликнуться на два Ключа Вэрда. Ключи лежали у Аэлины в кармане.

Но отклика не было. Не было вообще ничего.

Аэлина вынула из ножен Златинец. Рубин на эфесе ярко блеснул. Единственный живой цвет среди этой серой мертвечины.

- Держимся вместе, - прошептала Манона. - Говорим только по необходимости.

Аэлина не спорила. Под ногами была твердь, однако сами ноги тонули в тумане. Здесь любой шаг мог привести в пропасть.

- Как по-твоему, в каком направлении нам идти? - спросила Аэлина.

Но решать им не пришлось.

Клубящийся туман потемнел. Манона и Аэлина остановились, встав спина к спине. Почти мгновенно стемнело.

Затем впереди появилось пятнышко тусклого света. Нет, не впереди. Свет двигался в их сторону. Они встали плечом к плечу, тесно прижавшись. Аэлина не думала, что у ведьмы такие костлявые плечи.

Свет задрожал и стал расширяться. Внутри его появились фигуры. С каждым мгновением они делались плотнее.

Стало достаточно светло. Аэлина вдруг поняла: их с Маноной не видят, не слышат и не ощущают. Они попали в прошлое. Если быть точным - на тысячу лет назад.

Место, где они находились, было горным перевалом, пробитым среди черных камней. В нескольких шагах на коленях стояла Элиана Галатиния. Из ее носа капала кровь. Слезы катились по лицу, покрытому коркой грязи, и падали на доспехи. Перед Элианой высился обсидиановый саркофаг.

По всем стенкам саркофага голубоватым цветом мерцали Знаки Вэрда. А в углу... Глаз Элианы. Амулет был вделан в камень. Новенький, сверкающий.

Затем откуда-то повеяло призрачным ветром. Глаз и Знаки Вэрда потускнели и погасли.

Дрожащей рукой Элиана дотронулась до Глаза и трижды его повернула. Амулет щелкнул и упал в подставленную ладонь. Он... запечатал саркофаг.

Запер его.

- Получается, Замок был постоянно при тебе, - прошептала ошеломленная Манона. - Но зеркало..

- Я думаю, нас намеренно отправили по ложному следу и заставили искать совсем не то.

- Зачем? - удивилась ведьма.

- Надеюсь, скоро мы это поймем.

Воспоминания - вот как назывался мир, в котором они очутились. Но что важного было в этих воспоминаниях, если зеркало отправило их в прошлое, а в настоящем мир грозил вот-вот развалиться на куски?

Аэлина и Манона молча глядели на разворачивающуюся картину. Похоже, они здесь не напрасно. Наконец-то они увидят и узнают правду о событиях прошлого, свободную от напластований лжи и вымыслов.

Глава 65

Рассвет на Обсидиановых перевалах

Магия Замка вырубил саркофаг из породы, слагающей окрестные горы.

Вся магическая сила Элианы ушла на то, чтобы поместить Эравана в каменный ящик и запечатать его внутри.

Теперь темный король спал. Элиана ощущала его сон. Из долины сюда долетали крики его чудовищной армии, пирующей на человеческих телах. Долго ли еще продлится сражение, когда их достигнет весть о падении Эравана?

Элиана не питала глупых надежд на то, что ее соратники уцелеют в этой бойне. Нет, так долго им не продержаться.

Черные камни обдирали ей колени. Элиана смотрела на обсидиановый саркофаг. Его стенки были изрезаны символами. Поначалу они ярко сверкали, но затем начали меркнуть, остывая, пока не погасли совсем. Замок она похитила у отца несколько месяцев назад и все это время даже не

догадывалась о его истинной силе. Элиана не знала, с какой целью отец изготовил Замок. Но ей было известно: применить силу Замка можно только один раз. И эта сила... эта могущественная, сокрушительная сила... спасла их всех.

Зашевелился окровавленный Гавин, лежащий за спиной Элианы. Ох и досталось же ему. Элиана с трудом узнавала красивое, свирепое лицо своего возлюбленного. Левая рука Гавина лежала как плеть. Такую цену уплатил Гавин, оттягивая на себя внимание Эравана, пока Элиана пробуждала силу Замка. Но даже Гавин не знал о ее замысле, о том, что она выкрала и прятала все эти месяцы.

Элиана не жалела о содеянном. Это спасло Гавина от смерти. От участи худшей, чем смерть.

Гавин открыл глаза. Взглянул на саркофаг, на опустевшее обрамление Замка. Лишенный прежней силы, Замок стал обыкновенной безделушкой. Сейчас Замок лежал на ладони Элианы. Гавин сразу же узнал амулет. В первые недели пребывания в Оринфе он видел Замок на шее отца Элианы. Тогда голубой камень ярко сверкал, а сейчас потускнел.

- Что ты сделала? - спросил Гавин.

Его голос охрип от непрерывных криков. Гавин вспомнил про свой отвлекающий маневр. Дорого он заплатил за время, купленное для Элианы и спасения всех, кого еще можно было спасти.

Пальцы Элианы сомкнулись вокруг Замка.

- Он запечатан внутри. Оттуда он не сбежит.

- Замок твоего отца...

- Дело сделано, - сказала Элиана.

Она смотрела вверх саркофага - на десятки бессмертных существ, собравшихся по другую его сторону.

Гавин попытался встать и поморщился, сердито глядя на собственное искалеченное тело.

У тех существ не было настоящих тел. Их фигуры состояли из света и теней, ветра и дождя, песен и воспоминаний. Каждый был частью общности, частью единого сознания.

Все смотрели на сломанный Замок в руках Элианы, на потускневший амулет.

Отвернувшись, Гавин прижался лбом к липкому от крови камню.

От присутствия молчаливых зрителей Элиане стало не по себе. Казалось, у нее вот-вот хрустнут кости. Но она смотрела вверх саркофага и не опускала головы.

- Династия нашей сестры предала нас, - произнес голос, в котором слышался шум моря, рев бури и ощущалась бескрайность небес.

Элиана покачала головой. Горло совсем пересохло.

- Я спасла нас. Я остановила Эравана.

- Дура, - сказал ей другой голос, где слышались человеческие и звериные интонации. - Глупая полукровка. Ты хоть задумывалась, почему твой отец носил Замок у себя на шее, почему столько лет выжидал, копя силу? Он знал: наступит такой момент, когда он вернет все три Ключа Вэрда Вратам. Но прежде чем навсегда запечатать Врата, твой отец намеревался отправить нас назад в наш мир. Нас и темного короля. Замок был изготовлен для нас. Наше обетование, которое ты глупейшим образом разрушила.

Элиану зашатало, и она уперлась рукой в черный камень:

- У моего отца... есть Ключи Вэрда?

Отец никогда не говорил об этом. Даже туманных намеков не делал... А Замок... Элиана всегда считала могущественным оружием, которое отец почему-то отказывался применить в этой кровавой, опустошительной войне.

Фигуры по ту сторону саркофага молчали, но их молчание было для нее достаточным подтверждением.

- Простите меня, - только и могла прошептать срывающимся голосом Элиана.

От их гнева у нее хрустели кости. Сердце грозило остановиться. Только одна фигура, составленная из пламени, света и пепла, замерла, удерживая гнев и что-то вспоминая.

Мать. Элиана не видела мать с тех пор, как та ради изготовления Замка покинула тело. С тех пор, как Рианнона Крошанская помогла матери поместить ее душу в хранилище магической силы. Хранилищем служило небольшое ведьмино зеркало, замаскированное под голубой камень. Силу эту можно было применить только один раз. И никто не объяснил Элиане, почему так. Ей просто сказали, что это оружие, которое однажды понадобится ее отцу.

Плата была очень высока. Мать пожертвовала своим смертным телом. Жизнь, о которой она мечтала для себя, Брэннона и их детей, тоже была перечеркнута. С тех пор прошло десять лет. Все эти десять лет отец не переставал ожидать возвращения Мэлы, надеясь увидеть ее снова. Хотя бы раз.

«Я вас забуду», - сказала им тогда Мэла. И все же она не ушла. Неужели вспомнила?

- Мама, - с мольбой прошептала Элиана.

Мэла Огненица отвернулась.

Элиане вспомнились спокойные, мудрые глаза матери.

- Выпусти его, - потребовала Мэла. - Эти земные звери предали нас. Надо им отплатить. Выпусти темного короля из саркофага.

- Нет. - Элиана встала, с мольбой протягивая руки. - Не заставляй меня. Скажи, что я должна сделать ради искупления, но только не выпускай Эравана. Я прошу тебя. Умоляю.

- Однажды он все равно поднимется, - сказал кто-то, состоящий из тьмы и смерти. - Он пробудится. Ты глупейшим образом распорядилась нашим Замок. А ведь ты могла бы все сделать правильно и помочь всем, если бы тебе хватило терпения и мозгов для понимания.

- Пусть он пробудится, но не сейчас, - дрожащим голосом просила Элиана. - Пусть эту войну унаследуют те, кто будет лучше к ней подготовлен.

- Трусиха, - долетел голос, в котором звенела сталь мечей и свистели летящие стрелы. - Только трусы спихивают свою ношу на плечи других.

- Прошу вас, - снова взмолилась Элиана. - Я отдам вам что угодно. Но оставьте Эравана в саркофаге.

Взгляды всех устремились на Гавина.

Нет...

- Мы долго ждали возвращения домой, - сказала мать. - Мы можем подождать еще немного. Понаблюдать за этим местом.

Это были не просто боги. Создания высших мерностей, названия которым в языке Элианы не существовало. Для них время имело совершенно иной ход. Они могли облекаться в любые тела, одновременно находиться во многих местах, охватывая собой целые континенты. Могущественные, грозные, вечные... рядом с ними человек казался мухой-поденкой.

Никто из них не был рожден в этом мире. Возможно, неведомо когда любопытство поманило их пересечь Врата Вэрда. Едва ли они думали, что попадут в ловушку. Скорее всего, они заключили уговор с отцом и Мэлой, чтобы те помогли им вернуться домой. За это они пообещали забрать с собой Эравана. А Элиана все разрушила.

Женская сущность с тремя лицами сказала:

- Мы подождем. Но наше ожидание не безвозмездно. И еще мы возьмем с тебя обещание.

- Назовите ваши требования.

Если они заберут Гавина, она пойдет вместе с ним. Она не была наследницей отцовского трона. Ее не волновало, вернется ли она с перевала или останется здесь. Элиана сомневалась, что отец захочет ее видеть после содеянного. Самоуверенность, гордыня и ощущение собственной непогрешимости - такой виделась ему ее «миссия». Брэннон умолял дочь внять его доводам, не торопиться. Вместо этого она выкрала Замок и ночью скрылась с Гавином, горя отчаянным желанием спасти эти земли.

Трехликая внимательно смотрела на нее:

– Династия Мэлы должна будет снова пролить кровь, дабы сделать новый Замок. И поведешь их ты. В их династии родится жертвенный агнец и заплатит собой за твой выбор. Думаю, теперь ты понимаешь, какую силу растратила на это жалкое сражение. Ты покажешь потомку, как с помощью дарований Мэлы изготовить новый Замок, а затем – как применить Ключи и отправить нас домой. Наш первоначальный уговор остается в силе: темного короля мы заберем с собой. В нашем мире мы разорвем его на клочки, оставив лишь прах и воспоминания. Когда мы уйдем, ты научишь потомка, как запечатать Врата и наложить Замок, дабы они навечно оставались закрытыми. От тех, кто будет это делать, потребуется вся их магическая сила. Так готовился поступить твой отец, дожидаясь благоприятного времени.

– Я согласна, – прошептала Элиана.

Трехликая продолжала:

– Расскажи Брэннону из клана Неистового Огня обо всем, что здесь происходило. Назови цену, которую однажды придется заплатить его потомкам. Передай: пусть готовится заранее.

Эти слова звучали как проклятие. Как приговор.

– Я все сделаю, – прошептала Элиана.

Но бессмертных существ уже не было. Осталось лишь ощущение тепла, словно лучик солнца коснулся ее щеки.

Гавин поднял голову.

– Что ты сделала? – снова спросил он. – Что ты им отдала?

– Разве ты не слышал?

– Я слышал только тебя, – прохрипел Гавин. Его лицо было ужасающе бледным. – Других не слышал.

Элиана смотрела на черный саркофаг. За это время он врос в землю. Теперь его с места не сдвинешь. Надо будет подумать, как замаскировать саркофаг, чтобы никто раньше времени его не обнаружил. Придется возвести какую-нибудь постройку.

– Расплата наступит, но не сейчас. В будущем.

– Расскажи, каким образом.

Гавин едва шевелил распухшими, окровавленными губами.

Элиана понимала: она уже прокляла себя и своих потомков. Ложь ненамного утяжелит ее вину. Гавину не обязательно знать все подробности.

– Мне сказали, что однажды Эраван пробудится. Когда это время наступит, я помогу тем, кто будет с ним сражаться.

Глаза Гавина были полны беспокойства.

– Идти сможешь? – спросила Элиана, протягивая ему руку.

Восходящее солнце окрасило черные горы в золотистые и красные тона. Элиана не сомневалась, что в долине и без солнца все красно от крови.

Гавин убрал израненную руку с эфеса Дамариса, но протянутой руки Элианы не принял.

Он не рассказывал ей, о чем узнал, прикасаясь к Мечу Правды. О том, что ему открылось, Гавин молчал всю оставшуюся жизнь.

Больше они никогда не говорили о саркофаге Эравана.

Восход луны над Сандрианским храмом в Каменных Болотах

Эйлуэйская принцесса неделями странствовала по Каменным Болотам, пытаясь найти ответы на загадки тысячелетней давности. Ответы могли спасти ее обреченное королевство.

Ключи, Врата, Замки.. Порталы, бездны и пророчества. Эти слова принцесса повторяла во все дни своих странствий. Она была одна. Пропитание добывала себе охотой. Иногда, по необходимости, убивала хищных и ядовитых тварей. По вечерам, чтобы развлечься, читала на темном небе страницы звездной книги.

Наконец она достигла развалин древнего храма, нашла каменный алтарь, где стоял сундук – копия другого сундука, черного, спрятанного в недрах Мората. И только тогда принцессе явилась та, кого она искала и призывала.

– Ты – Нехемия, – сказала появившаяся.

Принцесса резко обернулась. Золотистые застежки на ее косах ударили по мокрому и грязному кожаному доспеху.

Глаза принцессы казались гораздо старше ее восемнадцати лет. Эти глаза давно привыкли смотреть во тьму между звездами и жаждали узнать тайны Тьмы.

– А ты – Элиана, – сказала принцесса.

Элиана кивнула и тут же спросила:

– Почему ты здесь?

Тонкий подбородок наследной принцессы Эйлуэ указал на каменный сундук.

– Разве меня не позвали открыть этот сундук и узнать, какова плата и как я могу спасти наш народ?

– Нет, – тихо возразила Элиана. – Это не твоя миссия. И осуществится она не так.

Принцесса слегка поджала губы. Больше ничто не указывало на ее разочарование.

– Тогда скажи мне, госпожа, каким образом прольется моя кровь?

Слишком долго она наблюдала и ждала. Слишком долго платила за сделанный выбор. Слишком долго.

И теперь, когда мир охвачен Тьмою.. вскоре появится новое солнце. Оно должно взойти.

– Платить должны потомки династии Мэлы, а не твоей.

– Ты не ответила на мой вопрос, – сказала Нехемия, чувствуя, как деревенеет спина.

Элиане очень не хотелось произносить слова, которые она собиралась сказать. С какой радостью она бы заперла их внутри себя. Но такова была плата за ее королевство и ее тогдашних подданных. Теперь это становилось платой за ныне живущих в ее и в других королевствах.

– На севере есть две династии, берущие начало от Мэлы. Одна – дом Хавильяров. Там вырос принц. У него такие же глаза, как были у моего мужа. От меня принц унаследовал магию стихий, от Мэлы – ее беспощадную силу. Вторая ветвь – дом Галатиниев, где наследие передалось во всей чистоте: пламя, угли и пепел.

– Аэлина Галатиния мертва, – сказала Нехемия.

– Нет, она не погибла в детстве, – возразила Элиана.

Элиана знала, о чем говорит, ибо плата за содеянное тысячу лет назад обязывала ее тщательно проверять любые сведения.

– Она скрывается. Мир забыл о ней, радуясь, что такая мощная сила погасла еще в детстве.

– Тогда где она сейчас? И каким образом это связано со мною?

– Ты хорошо знаешь историю. Главных игроков прошлого и ставки. Ты знакома со Знаками Вэрда и их применением. Однако ты неверно разгадала загадки, думая, что избрана для миссии. Это зеркало не является Замком. Оно – хранилище памяти. Я делала его вместе с отцом и Рианноной Крошанской. Оно предназначено.. наследнице моей ноши. Чтобы она понимала. Пусть все узнает, прежде чем принять решение. Наша встреча тоже запечатлится в памяти зеркала. Но ты добиралась сюда не напрасно. Нам было необходимо встретиться.

Принцесса молчала. Мудрое юное лицо застыло в ожидании.

– Твой путь, принцесса, лежит на север, – сказала Элиана. – Установи необходимые связи, добейся приглашения, делай все, что потребуется, но обязательно окажись в доме твоего врага. Там соединятся две династии. По сути, они уже движутся к этому.

– Аэлина Галатиния направляется в Адарлан?

– Не Аэлина. Она едет туда под другим именем и без короны на голове. Ты узнаешь ее по глазам: бирюзовым, с золотистыми ободками вокруг зрачков. Еще один отличительный знак ты найдешь у нее на лбу. Знак Брэннона, клеймо, которое когда-то ставили незаконнорожденным. Направляй ее. Помогай ей. Она будет очень нуждаться в твоей помощи.

– Это и станет моей платой?

В Элиане вспыхнула острая ненависть.

Она ненавидела богов с их требованиями. Ненавидела себя. Ненавидела слова, которые должна была сказать этому удивительно светлому созданию..

– Ты больше не увидишь Эйлуэ.

Принцесса смотрела на звездное небо, будто звезды говорили с нею и в узоре созвездий она видела ответ.

– Мой народ уцелеет? – тихим, спокойным голосом спросила Нехемия.

– Не знаю.

– Тогда я позабочусь и об этом. Пока буду в Рафтхоле, объединю силы мятежников и подготовлю континент к войне.

Нехемия оторвала взгляд от звездного неба. Элиане захотелось упасть на колени перед юной принцессой и умолять о прощении.

– Один из них должен быть готов сделать то, что необходимо, – сказала Элиана, поскольку лишь так могла что-то объяснить Нехемии и показать свою вину.

Принцесса кивнула:

– Я буду помогать всем, чем могу. Ради Эрилеи. Ради моего народа.

Эдиона Ашерира учили обороняться и наступать с тех самых пор, как его руки смогли удерживать меч. Его обучением занимался сам наследный принц Роэс Галатиний. Дядя предъявлял к Эдиону такие требования, которые казались невыполнимыми и невыполнимыми для мальчишки.

Но Роэс уже тогда знал. Эдион это понял только сейчас, стоя на носу корабля. Вооруженные люди Ансель из Верескового Утеса молча стояли у него за спиной, ожидая приказа. Роэс предвидел: однажды Эдион будет служить Аэлине и, когда чужеземные армии дерзнут испытать могущество Огненосицы.. он столкнется не только со смертными людьми.

Роэс... и, конечно же, Эвалина... не сомневались, что бессмертная армия, корабли которой заполнили все пространство, однажды двинется к этим берегам. Родители Аэлины думали о будущем. Им требовалась уверенность, что Эдион (тогда уже взрослый и опытный) сумеет должным образом подготовиться к встрече с противником.

- Выставить щиты! - приказал Эдион, дабы уберечь солдат от второй лавины стрел, выпущенных армадой Маэвы.

Стараниями Дорина Хавильера магический покров вокруг их кораблей был достаточно прочным и уберегал солдат от бессмысленной гибели. Но Эдион продолжал злиться на короля за «фокус», устроенный Аэлине и Маноне. Свою досаду он срывал на солдатах, которые робели от такого натиска стрел.

- Да поймите вы: они такие же солдаты, - в который раз повторял Эдион. - Подумаешь, заостренные уши! Это не должно вас отвлекать. В их жилах течет такая же кровь, как у вас. И они тоже умирают от ран.

Эдион не позволял себе оглядываться назад, туда, где его отец командовал своей линией кораблей, окружая их магической защитой. Гарель молчал, а Фенрис раскрыл солдатам Ансель секрет, как одолеть фэйского воина, у которого раны быстро затягиваются. Нужно стараться наносить не колотые раны, а метить по мускулам. Перережь бессмертному сухожилие, и он уже нигде не денется. Тогда его и прикончить можно.

На словах все выглядело просто. Но солдаты бледнели от одной мысли о схватках и поединках с фэйскими воинами. Страх их не был напрасным.

Эдион не собирался говорить им очевидные вещи. Его обязанностью было воодушевлять солдат, чтобы они рвались в бой, чтобы почувствовали крайнюю необходимость битвы. Страх способен сломить оборону быстрее любой вражеской атаки.

Этому учил его Роэс, которого он привык считать своим отцом. Все его годы на севере лишь подтверждали правильность уроков. Эдион многому научился. Сколько раз он вместе с легионом Беспощадных бился по колено в грязи и крови.

Сейчас Эдиону требовалось, чтобы солдаты Западного края (отнюдь не трусы) держали оборону флангов. Он... испытывал страх. Но все это - только внутри. Он бывал в разных переделках. Правда, на суше. Теперь на море, только и всего. Страх не поколеблет его решимость.

Армада Маэвы дала второй залп. Стрелы летели быстрее и дальше, поскольку фэйские луки отличались от здешних. Они били не только дальше, но и точнее.

Невидимый щит над кораблем запестрел голубыми и пурпурными вспышками. Стрелы пробивали его, поскольку тоже были пропитаны магией. Солдаты на палубе заволновались. Поднятые щиты дрожали, словно солдатам было тяжело удерживать их.

Нельзя позволить страху прорваться на палубу вместе с фэйскими стрелами.

– Ребята, никак вы дождичка испугались? – спросил Эдион, улыбаясь во весь рот. – А я думал, у вас в Западном краю дождит так часто, что вы к этому с детства привыкли.

Ворчание. Ругань сквозь зубы. Но металлические щиты перестали дрожать.

Эдион заставил себя рассмеяться. Пробудил в себе Волка Севера, которому не терпелось пролить вражескую кровь в южных морях. Розс не зря учил его и готовил к грядущим битвам задолго до того, как Террасен попал под власть Адарлана.

Такого больше не случится. Больше они не попадут ни под чью власть и уж точно не станут рабами Маэвы.

Магический щит над кораблем Рована сверкнул белым. Это был сигнал.

– Заряжай! – скомандовал Эдион.

Заскрипели поднимаемые луки. Наконечники стрел глядели в небо.

Еще одна вспышка.

– Залп! – крикнул Эдион.

Небо снова потемнело, когда ответная лавина стрел понеслась к армаде Маэвы.

Это был маневр, чтобы отвлечь внимание противника от настоящей атаки. Подводной.

Вода здесь была темнее. Тонкие полосы солнечного света протискивались между внушительными днищами вражеских кораблей.

Морские хищники уже собирались, предвкушая пиршество. А оно, учитывая столкновение двух крупных армад, обещало быть обильным.

Вспышка света заставила Лисандру нырнуть глубже. На время она смешалась с хищниками, затем быстро поплыла вперед.

Она несколько изменила свое обличье морского дракона, сделав конечности подлиннее и снабдив их цепкими когтями. Лисандра усердно упражнялась все

дни долгого пути сюда. Если тебя не совсем устраивает созданное богами, почему бы не придумать что-то свое?

Лисандра достигла первого корабля из указанных ей Рованом. Она четко представляла, где и как ударить. Взмах хвоста разнес корабельный руль в щепки.

Крики с поверхности проникали даже сюда, но Лисандра уже неслась дальше, торопясь к следующему кораблю.

Когти оказались как нельзя кстати. Зацепляя руль судна, Лисандра отрывала его целиком, после чего хвостом пробивала киль. Свой хвост она превратила в мощную дубину. Еще в сражении у Бухты Черепов она поняла, насколько ей мешают шипы, застревающие в остове корабля. И тогда она сделала драконий хвост тараном.

Фэйцы стреляли точнее, чем валгские пехотинцы. Стрелы целыми гроздьями прорезали воду. Однако Лисандра подготовилась и к этому. Ее чешуя была покрыта подобием паучьего шелка, и стрелы отскакивали от него. Она часами приглядывалась к материи, которой Манона укрепила крылья Аброхаса, и училась превращать собственную кожу в непроницаемую преграду.

Лисандра последовательно оборвала рули еще у нескольких кораблей.

Ее появление сопровождалось криками фэйских солдат. По ней пытались бить гарпунами. Но гарпуны были слишком тяжелыми и неуклюжими, а она – необычайно быстрой. Ей требовались мгновения, чтобы нырнуть глубже или метнуться в сторону. Ее пытались поймать в магические ловушки, но Лисандра ускользала и от них.

«Двор Аэлины способен изменить мир». Она постоянно твердила эти слова, выводя из строя фэйские корабли, указанные ей Рованом. Это было для нее чем-то вроде заклинания, отгоняющего усталость.

Это было ее обещанием террасенскому двору, Эдиону, королеве. Аэлина на нее рассчитывала.

Если проклятая Маэва хотела лобового столкновения с ними, если собиралась ударить по ним, когда они слабее всего... Лисандра была полна решимости сделать все, чтобы эта бессмертная сука пожалела о своей затее.

Армада Маэвы сменила тактику. Обстрел прекратился. Теперь противники стремились вызвать хаос. Дорин почувствовал, что его магия слабеет. Но он продолжал удерживать щиты над кораблями и латать дыры в магическом покрове, оставленные фэйскими стрелами. Он чувствовал, что его сила иссякает с пугающей быстротой. Возможно, это был трюк Маэвы или на него так действовала магия, покрывавшая стрелы.

Стискивая зубы, Дорин обуздывал свою силу, не позволяя ей откликаться на чужие приказы. А в воздухе звучали приказы Рована, требовавшего только одного: держаться и не сбивать строй. Магия усиливала его голос, как это

делал тогда Гарель. По сравнению с нынешней, битва возле Бухты Черепов казалась легкой забавой.

Подводные атаки Лисандры нарушили замыслы Маэвы, рассчитывавшей на скорую победу. Уязвимость собственных кораблей сказалась на боевом духе фэйцев. И тем не менее у них по-прежнему оставалось слишком много боеспособных кораблей.

Аэлина и Манона до сих пор не вернулись.

Один разгневанный, охваченный паникой фэец уже представлял собой жуткое зрелище. А если их двое...

Когда Аэлина и Манона исчезли в зеркале, Дорину подумалось, что только гневный рев Эдиона заставил Рована не поддаться кровавой ярости. А она уже начинала охватывать фэйского принца. И только вздувшийся синяк на щеке Дорина удержал Рована от намерения поставить второй.

Сейчас фэйский принц стоял на носу своего корабля, держа в руках меч и боевой топор. За спиной у него виднелся лук и колчан со стрелами. Пояс блестел от обилия необычайно острых охотничьих ножей и кинжалов. Дорин вдруг понял, что Рован так до конца и не совладал с собой. Он уже опустил на уровень ледяного гнева. Даже на расстоянии этот гнев заставлял дрожать и сминал магию Дорина.

Король чувствовал магическую силу Рована, как чувствовал волну магии, поднимавшуюся внутри Аэлины. К моменту исчезновения ее и ведьмы Рован успел погрузиться достаточно глубоко в колодец своей магии. Он был старше и опытнее Эдиона и наверняка считал одинаково бесполезными страх и гнев, владевшие генералом. Рован уповал на собственную магию, и сейчас его сила разливалась вокруг, подобно морю.

Дорин последовал его примеру, вспомнив все уроки фэйского принца. Сердце и жилы короля покрылись льдом.

Перед тем как отправиться к себе на корабль, Эдион мельком взглянул на Дорина. Бирюзовые глаза задержались на синяке, и генерал произнес:

– Страх равносителен смертному приговору. Когда начнется сражение, помни: мы не обязательно должны остаться в живых. Нам лишь нужно пробить в армаде Маэвы внушительную дыру, чтобы Аэлина, когда вернется... уничтожила их окончательно.

Он сказал «когда», а не «если». Но когда Аэлина обнаружит их тела или то, что от них останется (если к тому времени их не поглотит морская пучина)... она в гневе может уничтожить не только армаду Маэвы... Весь мир.

Возможно, ей стоит это сделать. Возможно, мир заслужил такую участь.

Пожалуй, Манона Черноклювая охотно поможет ей. И потом они вместе будут править на обломках.

Дорин жалел, что мало общался с ведьмой и успел познать ее лишь телом.

А пока, невзирая на отломанные рули и пробитые днища, вражеские корабли приближались. И на каждом – фэйские воины. Особая порода, выведенная, чтобы воевать и убивать.

Эдион и Рован дали новый залп по вражеским кораблям. Магическая защита кораблей уничтожила большинство стрел еще на подлете. Это вызывало невеселые мысли о дальнейшем ходе сражения.

У Дорина гулко колотилось сердце. Он сглатывал, видя, как вражеские суда, обходя тонущих собратьев, медленно двигались к невидимой разделительной черте.

Его магия всколыхнулась. Дорин понял, что должен быть очень внимательным в выборе цели. Недопустимо, чтобы его удар ушел в пустоту.

Если он высвободит всю магическую силу... нет, ему будет не удержать ее, не направить.

Рован ему приказал: никакого своеволия. Ждать, пока армада Маэвы не подойдет на нужное расстояние. Пока корабли не пересекут черту. И пока фэйский принц не прикажет открыть огонь.

Огонь и лед – обе стихии соперничали у Дорина внутри, требуя выхода.

Стоя с высоко поднятой головой, король следил за противником. Еще несколько кораблей заскользили вдоль полузатонувших, чтобы обойти их.

Дорин знал: его ждет боль, телесная и душевная. От высвобожденной магической силы у него заломит кости, перехватит дыхание, потемнеет в глазах. Но еще невыносимее видеть, как один за одним гибнут его соратники.

Рован по-прежнему удерживал передовую, не давая своим кораблям развернуться и покинуть поле боя.

А вражеские корабли неторопливо выстраивались в боевую позицию. Они двигались на веслах, мощные лопасти равномерно опускались и поднимались. На палубах выстроились лучники. Сверкали начищенные доспехи фэйских воинов, которым не терпелось пролить кровь. В том, что будут реки крови, они не сомневались.

Ни о какой капитуляции не могло быть и речи. Маэва уничтожит их, чтобы наказать Аэлину.

Своей дурацкой затеей, окончившейся исчезновением Маноны и Аэлины, он сильно подвел соратников.

А вот Рован из клана Боярышника не подвел никого.

Когда вражеские корабли выстроились, Дорин увидел на них одинаковые флаги: серебристые полотнища с изображением кричащего ястреба.

Совсем недавно на мачте каждого из них главенствующее место занимал флаг Маэвы – с совой на черном фоне. Потом черные флаги пропустили...

Теперь они и вовсе исчезли с мачт. Фэйские корабли с серебристыми флагами дома Боярышника открыли огонь по своей армаде.

Глава 67

Рован рассказал Энде об Аэлине.

Он поведал двоюродному брату о любимой женщине. О королеве, чье сердце пылало неистовым огнем. Энда узнал про Эравана и про то, что Маэва, наряду с темным королем, стремилась заполучить Ключи Вэрда.

Затем Рован опустился на колени и стал просить брата о помощи: стрелять не по террасенской армаде, а по армаде Маэвы.

Рован призывал Энду не упустить единственный шанс изменить мир и остановить тьму, наползавшую на них из Мората и от Маэвы. Он призывал сражаться не за королеву, умеющую лишь поработать, а за другую, которая спасла его самого и спасет остальных.

– Я это обдумую, – ответил Эндимион.

И тогда Рован поднялся с колен и полетел на другой корабль, к принцессе Селиане – самой младшей из его двоюродных братьев и сестер. Она слушала его, глядя своими умными глазами. И перед нею тоже Рован становился на колени, прося о помощи. Слегка улыгнувшись, Селиана ответила ему той же фразой:

– Я это обдумую.

Рован перелетал с корабля на корабль, обращаясь к тем родственникам, относительно которых был уверен, что его хотя бы выслушают.

То, о чем он просил, называлось государственной изменой. Изменой и предательством, настолько тяжкими, что родственники Рована могли не вернуться домой. Если их не казнят, они все равно будут лишены титулов и владений.

И когда их корабли остановились возле поврежденных Лисандрой, когда открыли огонь по армаде Маэвы, Рован крикнул своим:

– Вперед!

Замелькали весла. Гребцы не жалели сил. Корабли террасенской армады устремились к армаде Маэвы, где царил полный хаос.

В атаке на силы Маэвы участвовали все родственники Рована. Все без исключения, словно они заранее все обсудили и решили пойти на этот отчаянный шаг.

У Рована не было армии, которую он мог предложить Аэлине и Террасену. Но теперь эта армия у него появилась, ибо вначале он подарил Аэлине то, что она у него просила.

Сердце. Верность. Дружбу.

Рован жалел, что Аэлина не видела, как дом Боярышника атаковал флот Маэвы и как лед и ветер понеслись над волнами.

Лоркан не верил своим глазам.

Треть флота Маэвы открыла огонь по своим же кораблям.

Подтверждения Лоркану не требовались. Он и так знал, что над мятежными кораблями реют серебристые флаги.

Он не представлял, какие слова говорил Рован, какие доводы пускал в ход, но фэйский принц убедил свою родню. Рован сделал это для нее, его Аэлины. Все делалось ради нее.

Рован зычно прокричал приказ: воспользоваться преимуществом, усилить наступление и сокрушить армаду Маэвы.

Ошеломленный Лоркан передал приказ на свои корабли.

Маэва не простит подобного вероломства. Она сотрет династию Боярышников, и следа не оставит.

Но пока что родня Рована билась против своей королевы, насылая на ее корабли лед и ветер. Стрелы и гарпуны крушили борта кораблей и убивали солдат.

Ветер свистел у Лоркана в ушах. Он знал: Рован сейчас выжимает из своей магии все и втягивает в сражение корабли террасенской армады, стремясь воспользоваться паникой противника. Глупцы они все. Глупцы, однако...

Сын Гареля выкрикивал имя Рована. Оно звучало победным кличем. Солдаты подхватили клич.

Затем послышался голос Фенриса. Вскоре завопил Гарель. Потом рыжеволосая королева и Дорин.

Их армада надвигалась на армаду Маэвы. Паруса загораживали небо. Солнце играло на лезвиях мечей и кинжалов. Даже плеск весел, казалось, тоже повторял имя Рована.

Перед битвой, перед кровопролитием все дружно повторяли имя фэйского принца.

На мгновение Лоркан задумался о силе, заставившей Рована пойти на смертельный риск. Может, Маэва и Эраван прохлопали появление этой силы?

Но ведь Маэва находилась где-то среди кораблей своей армады. Она не привыкла проигрывать. Она просто выжидает, чтобы нанести ответный удар и показать, насколько глупыми были их расчеты на победу.

Рован вклинился в передовую линию армады Маэвы. На вражеские корабли летели стрелы вместе с порывами ветра и ледяным дождем.

Когда магия Рована приглушалась, в сражение вступала магия Дорина. Террасенский флот, обреченный на полное поражение, вдруг получил шансы на победу. Если Рован сумеет удержать фронт...

Глаза Лоркана стали выискивать Фенриса и Гареля.

Он заметил вначале одного, затем второго и тогда понял, что Маэва уже нанесла ответный удар. Оба его бывших соратника вдруг застыли. Потом Фенрис прыгнул и исчез в воздухе, чтобы мгновенно появиться рядом с Гарелем. Солдаты испуганно вскрикнули.

Однако Фенрису было не до солдатского испуга. Он схватил Гареля за руку, и они бросились бежать. Лица обоих были невероятно бледны. Прежде чем исчезнуть, Гарель все-таки посмотрел в сторону Лоркана. В широко открытых глаза Льва Лоркан увидел предупреждение. Гарель куда-то показывал. Через мгновение они растворились в воздухе.

Похоже, это был последний самостоятельный поступок Гареля, успевшего пропитаться духом бунтарства. Лоркан посмотрел в указанном направлении, и у него похолодела кровь.

Морское сражение, которому Маэва позволила разыгаться, было для нее отвлекающим маневром. Она готовилась к другим играм. И сейчас она находилась отнюдь не на корабле, а на суше.

Гарель показал, где именно. Не в отдалении. Совсем рядом. Точно в том месте, куда Лоркан отправил Элиду.

Его больше не волновала ни битва, ни обещание, данное Ровану. Да, он обещал фэйскому принцу, но еще прежде он обещал Элиде.

У солдат хватило ума не препятствовать Лоркану. Назначив одного из них командовать вместо себя, он прыгнул в лодку.

Элида сидела среди песчаных дюн. Вокруг шелестели травы. Самого сражения она не видела, но слышала грохот и крики. Она старалась не вслушиваться в них и вместо этого молилась Аннеит, прося помочь ее друзьям и сделать так, чтобы Лоркан остался жив, а Маэва не учуяла его присутствия.

Элиде вдруг показалось, что Аннеит не парит над нею, как раньше, а норовит спрятаться за ее плечо.

«Смотри, – без конца повторяла богиня. – Смотри. Смотри. Смотри».

На что смотреть? Вокруг – песок и трава. Над головой – синее небо. За гребнем дюн – вода. Восемь солдат, которых Лоркан послал для ее охраны, расселись неподалеку. Кто-то из них радовался, что избежал сражения, а кто-то искренне досадовал.

Голос Аннеит стал настойчивее: «Смотри. Смотри. Смотри». Потом богиня совсем исчезла. Попросту говоря, сбежала.

Со стороны болот напоздали облака. Они двигались к солнцу, только-только начавшему всходить.

Элида встала и прошла несколько шагов вверх по крутому склону. Все так же шелестел в травах ветер. Теплый песок тускнел и серел, поскольку облака загораживали солнце. Они стремились полностью затянуть собою небо.

Что-то надвигалось, и это что-то знало: Аэлина Галатиния черпает силу от солнечного света. От Мэлы.

У Элиды пересохло во рту. Если Варнон найдет ее здесь... на этот раз она уже не сбежит.

Солдаты у нее за спиной насторожились, заметив странный ветер и облака. Видно, почуяли, что надвигающаяся буря имела иную природу. Сумеют ли они выстоять против илка, пока не подоспеет помощь? Или на этот раз Варнон захватил с собой целый отряд крылатых тварей?

Но из ветра на берег вышел совсем не Варнон.

Глава 68

Все, что видела и слышала Аэлина, приносило нескончаемые душевные мучения.

У нее сжималось сердце при виде Нехемии: совсем молодой, но не по годам сильной и мудрой. Кто бы мог подумать, что эйлуэйская принцесса встречалась с Элианой в развалинах того же храма, среди болот?

Но это было лишь началом. Оказывается, Элиана и Нехемия были знакомы и вместе трудились (если такое слово подходило для совместных действий живого человека и призрака).

Больнее было узнать, что свои замыслы Элиана выносила еще тысячу лет назад.

Потом Нехемия отправилась в Рафтхол, зная о своей скорой гибели в адарланской столице. У нее была важная миссия: превратить собственную смерть в орудие, дабы ударить по Аэлине. Вынудить королевскую защитницу оставить это ремесло и вспомнить, что она – королева.

Потом Аэлине и Маноне показали другую сцену. Они очутились в подземелье стеклянного замка, став свидетельницами беседы между Элианой и Нехемией. Эти тайные встречи продолжались несколько месяцев. Элиана говорила принцессе, что настает время платы, о которой они говорили в развалинах храма. От Нехемии требовалось подстроить собственную гибель, завертев колесо дальнейших событий. Нехемия предупреждала Элиану: Аэлину это по-настоящему сломает. Хуже того, она погрузится в такую бездну гнева и отчаяния, что не сможет выбраться оттуда. Во всяком случае, в обличье Селены.

Нехемия оказалась права.

Аэлину трясло. Ее призрачное тело дрожало так, что грозило развалиться. Манона подошла к ней вплотную. Наверное, это было единственным способом выразить сочувствие, знакомым ведьме.

Перед их глазами опять за клубился туман, показывая новые картины прошлого...

Аэлина сомневалась, выдержит ли раскрытие еще одной тайны о далеких событиях. Как беззастенчиво Элиана продала ее и Дорина богам, расплачиваясь потомками за собственную ошибку. Не понимая истинного назначения Замка, древняя королева потратила его силу, чтобы запереть Эравана в саркофаге. Тем самым она разрушила замыслы и приготовления Брэннона, собиравшегося отправить богов в их мир, куда они должны были забрать и Эравана.

Тысяча лет для богов – краткий миг. Но время, отпущенное Элиане, истекло. Теперь уже Аэлине (одной или с Дорином) придется открывать Врата Вэрда, а затем навсегда запечатать их новым Замком.

«Моя цена не имеет имени». То есть... безымянна.

Аэлине предстояло до последней капли исчерпать свою магическую силу. Ей предстояло отдать жизнь, дабы изготовить новый Замок. И Ключи Вэрда можно применить только один раз. После этого Врата Вэрда навсегда закроются за существами иных миров, и только тогда здешний мир по-настоящему освободится от Эравана.

Картины продолжали мелькать.

Аэлина увидела покои королевского дворца в Оринфе, где не бывала двенадцать лет. Эти покои могли бы принадлежать ей. И помещение, в котором находились Элиана и Брэннон, тоже было ей хорошо знакомо. Отец и дочь кричали друг на друга. На шее Элианы поблескивал Глаз – первый Замок, сломанный ею. Элиана, ставшая адарланской королевой, носила его как напоминание о своем безрассудстве и об обещании, данном ею гневливым богам.

Спор с отцом продолжался, набирая силу, пока рассерженная Элиана не вышла. Аэлина знала: первая адарланская королева никогда больше не вернется в этот блистательный дворец.

Затем им показали небольшое помещение с каменными стенами и черноволосую красавицу с короной из звезд. Она рассказывала Элиане и Гавину о ведьмином зеркале и о том, как в нем хранятся воспоминания. Рианнона Крошанская. Манона вздрогнула. Они с Аэлиной переглянулись.

Лица Маноны и Рианноны Крошанской были совершенно одинаковыми. Последние крошанские королевы, разделенные сотнями лет.

Затем появилось лицо Брэннона. Обхватив голову руками, он рыдал перед каменным алтарем. На алтаре, завернутое в погребальный саван, лежало согбенное старушечье тело.

Ради жизни с Гавином Элиана отказалась от своего бессмертия. Она состарилась и умерла, как обычная человеческая женщина. Брэннон по-прежнему выглядел тридцатилетним.

И снова Брэннон, но уже в кузнице. Жаркое пламя бросало отсветы на его золотистые, с рыжим оттенком, волосы. Что-то рыча сквозь стиснутые зубы, он бил молотом по металлическому диску. Было видно, как напрягаются мускулы под золотистой кожей голой спины. А Брэннон стучал и стучал по диску, разложенному на наковальне.

Он ковал Амулет Оринфа.

Внутри он поместил кусочек черного камня, после чего запечатал обе половины амулета. Все очертания его могучего тела кричали о неповиновении воле богов.

На задней стороне амулета Брэннон оставил послание, начертанное Знаками Вэрда.

Единственное послание.

Для нее, Аэлины.

Для его будущего законного наследника или наследницы, на случай если наказание Элианы и ее обещание богам сохранят силу. Наказание и обещание разделили отца и дочь. Этого Брэннон не мог и не хотел принимать. Во всяком случае, пока у него еще сохранялась сила.

«Моя цена безымянна». Это было написано Знаками Вэрда и адресовано тому, у кого окажется такой же знак, как у самого Брэннона. Знак незаконнорожденного. Таких называли безымянными... Значит, Аэлине суждено стать платой за давнюю ошибку Элианы.

Послание на задней стороне Амулета Оринфа было единственным предостережением, которое решил оставить Брэннон. Единственным извинением за содеянное его дочерью. И никакой подсказки о том, что находится внутри амулета. Об этой тайне нельзя было даже туманно намекнуть.

Но останутся другие подсказки. Для нее, чтобы она смогла закончить начатое тысячу лет назад.

Брэннон своими руками построил гробницу Элианы. И там он тоже оставил послания для Аэлины.

Загадки и подсказки. Лучшее, что смог предложить Брэннон, стремившийся поведать о правде и одновременно оградить Ключи Вэрда от сил, которые сделали бы их орудием укрепления чьей-то власти и расправы над противниками.

Потом Брэннон изготовил Морта – дверной молоток в виде черепа. Морт был сделан из особого металла, дарованного Брэннону Рианноной Крошанской. Покидая гробницу, королева ведьм коснулась его щеки.

Однако Рианноны не было рядом, когда Брэннон прятал осколок черного камня под самоцвет в короне Элианы. Второй Ключ Вэрда.

Не было королевы ведьм и когда он поставил Дамарис рядом со вторым саркофагом. Там упокоился смертный король Гавин. Брэннон ненавидел зятя и едва терпел его присутствие, но обуздывал свою ненависть ради дочери. Для Брэннона Элиана была больше чем дочерью. Он называл ее «дитя моей души».

Третий Ключ нашел свое временное пристанище... в храме Мэлы. Именно там Брэннон хотел навсегда закончить это растянувшееся действие.

Огонь вокруг храма казался Брэннону песней в его крови. Огонь звал и манил его.

Только имеющие его дарования... вернее, ее дарования... смогут добраться до этого места. Даже жрицы не могли попасть на остров в самом сердце огненной реки. Путь сюда открыт лишь его потомкам... или тем, у кого есть другие Ключи.

Третий Ключ Вэрда Брэннон положил под каменную плиту храмового пола.

А затем Брэннон вошел в расплавленную реку, в пылающее сердце своей возлюбленной. С тех пор никто и никогда не видел Брэннона, Повелителя огня и короля Террасена.

По щекам Аэлины текли слезы. Ее удивляло, что почти невидимое тело способно плакать. Это были слезы по Брэннону, который знал, какую тяжелую ношу приготовила его дочь для потомков. Которого бесило обещание, данное Элианой богам.

Как мог, Брэннон смягчил удар, поскольку отменить обещание не мог. Но он подарил Аэлине шанс на сражение.

«Моя цена безымянна».

– Что все это значит? – прошептала Манона. – Я ничего не понимаю.

А у Аэлины не было слов, которыми она могла бы объяснить ведьме суть увиденного. Даже Рован не понял бы ее.

Рядом с ними вдруг появилась Элиана. Она была ничуть не менее реальна, чем они с Маноной. Элиана смотрела на тускнеющий золотистый свет вокруг храма Мэлы. Воспоминание исчезло.

- Прости меня, - сказала она, обращаясь к Аэлине.

Появление Элианы насторожило Манону. Ведьма отошла подальше.

- Это был единственный способ, - продолжала Элиана.

Ее глаза были полны неподдельной муки и раскаяния.

- С какой целью ты выбрала именно меня? Осознанно? Или просто решила убереечь столь дорогую тебе династию Гавина?

Аэлина не узнавала собственного голоса. Он звучал хрипло и очень зло.

- Конечно, зачем проливать кровь Хавильяров, когда можно вспомнить старые привычки и выбрать другого? Точнее, другую, кто потащит этот груз.

Элиана вздрогнула.

- Дорин в то время не был готов, а ты была. Этот выбор мы сделали вместе с Нехемией, чтобы ход событий соответствовал замыслу.

- Соответствовал замыслу, - едва слышно повторила Аэлина. - Прежде всего, твоему замыслу. Ты заставила меня разгрести дерьмо, которое когда-то наворотила своим поганым воровством и трусостью?

- Боги хотели моих страданий. Я настрадалась вдоволь и продолжаю страдать. Сознать, что выпало на твою долю, какую ношу ты понесешь... Тысячу лет подряд мою душу кромсали день за днем. Безостановочно. Когда-то я с легкостью сказала богам «да». Я думала, что на мне это не отразится. Далекий потомок... практически чужой мне... И правду потому что знать не обязательно. Просто он или она должна будет обладать надлежащим даром и однажды окажется в нужном месте... Но я ошибалась. Как же я тогда ошибалась.

Элиана подняла руки ладонями вверх:

- Я думала: Эраван поднимется и мир спокойно воспримет его пробуждение. Я не знала... какая тьма падет на континент. Не знала, что твоя родина пострадает, поскольку когда-то я пыталась избавиться от страданий. Я слышала множество голосов... великое множество. Они начали звучать еще до адарланских завоеваний. Голоса жаждали получить ответ и помощь.

Элиана мельком взглянула на Манону и вновь повернулась к Аэлине:

- Они звучали отовсюду, из всех королевств. Голоса людей, ведьм, фэйцев... Они сплетались в громадный узор мечтаний и упований. И все просили об одном... О лучшем мире.

Элиана перевела дух:

- А потом родилась ты. Ты была ответом ступающей Тьме. К тебе перешел дар огня. В тебе наконец-то соединились огонь моего отца и сила моей матери. Ты росла сильной. Очень сильной и в то же время - очень уязвимой. Не перед внешними угрозами. Перед угрозой, исходящей из твоего сердца. Твоя сила нуждалась в сдерживании. Думаю, ты помнишь, чем порою оборачивались твои детские обиды. Тебя боялись, говорили, что лучше бы ты не рождалась. Однако были и те, кто знал твою истинную суть и твои возможности. Родители, их окружение, твой дядя-король... и Эдион. Эдион знал: ты - Обетованная королева, хотя не понимал смысла этих слов. Он не знал о твоём пути, а также ничего не знал обо мне и о содеянном мною.

Слова ударили Аэлину, как камни.

- Обетованная королева, - с горькой усмешкой произнесла она. - Но обетованная не миру. Богам. Ключам Вэрда.

Обетованная... жертва. Живое орудие, которое наконец-то закроет Врата и навсегда запечатает их.

И Денна явилась ей тогда не только рассказать о применении зеркала. Своевольная богиня напомнила Аэлине: она - их собственность. Она принадлежит им, и за нею числится чужой долг, перекинутый на ее плечи.

- В ту ночь я вполне могла утонуть в водах Флжурна, но не утонула. Я ведь спаслась не по чистой случайности?

Элиана покачала головой:

- Мы тогда не...

- Мне не объяснения нужны, - перебила ее Аэлина. - Покажи, как все было.

У Элианы дрогнула шея. Стена тумана потемнела, приобретя разные оттенки черного, серого и коричневого. Воздух наполнился инеем.

Хруст ветвей, шумное, сбивчивое дыхание вперемешку с рыданиями. Легкие шаги ребенка, бегущего сквозь кустарники. И тяжелый стук копыт. Всадник неумолимо ее нагонял.

Усилием воли Аэлина заставила себя не покачнуться, когда появился знакомый лес, такой, каким она его помнила. А затем появилась и она сама: такая маленькая, в белой ночной рубашке, порванной и перепачканной в грязи. Взлохмаченные волосы, в глазах - неопишущий ужас и такое безутешное горе, что взрослая Аэлина плотно закусил губы. Девчонка со всех ног неслась к мосту через ревущую реку...

Мост был подвесным, держащимся на столбах. Всаднику по нему не проехать. На другой стороне, в лесу, - ее спасение...

Манона тихо выругалась, увидев, как маленькая Аэлина Галатиния миновала столбы и только тогда поняла, что опорные канаты.. перерублены. Восьмилетняя Аэлина рухнула с высоты в ревущую полузамерзшую реку.

Нынешняя Аэлина забыла, как долго она падала, какой жуткой была черная река с белыми бурунами, подсвеченными холодной луной.

Картина изменилась. Стало совсем темно. Река швыряла их из стороны в сторону. Аэлина помнила, что Флюрин никогда не отличался покладистым нравом. Но в ту ночь река бурлила от гнева.

- Вокруг и так была сплошная смерть, - прошептала Элиана.

Маленькая Аэлина казалась щепкой. Река трепала ее, норовя поскорее утопить. И везде нестерпимый холод: в воде, в воздухе.

- Сплошная смерть. Ты даже не представляешь, сколько огней тогда погасло, - дрожащим голосом продолжала Элиана. - Ты была такой маленькой и хрупкой. Но ты сражалась.. сражалась изо всех сил.

Аэлина увидела себя борющейся с водой. Она била руками и ногами, стремясь выбраться на поверхность и за что-нибудь уцепиться. Но вода неумолимо проникала ей в легкие и начинала давить изнутри.

На ее шее зеленовато мерцал уцелевший Амулет Оринфа. Это светились Знаки Вэрда. Они казались пузырьками, окружавшими ее.

Взгляд Элианы был прикован к амулету. Ей стало трудно стоять, и она опустилась на колени.

- Боги хотели, чтобы я тебя забрала уже тогда. Амулет Оринфа был при тебе. Все считали тебя мертвой, а враги были поглощены истреблением твоих сограждан. Я могла взять тебя и помочь найти два других Ключа. Боги мне бы это позволили. А когда все Ключи оказались бы у тебя, я бы заставила тебя изготовить новый Замок. Вся твоя сила ушла бы на его изготовление, а затем - на открытие и вечное закрытие Врат Вэрда. И боги вернулись бы в свой мир. Даже тогда у тебя было достаточно силы. Все окончилось бы твоей гибелью, но ты бы так и так захлебнулась в ледяной воде. Боги разрешили мне создать тело и взять тебя.

Элиана шумно вздохнула, увидев себя бросающейся в воду. Красивая женщина в старинном платье. Ее серебристые волосы напоминали лунное сияние. Подхватив Аэлину за талию, она потащила тонущую девчонку к поверхности. Выше, еще выше.

Они вынырнули. Элиана подтолкнула к ней бревно. Аэлина ногтями вцепилась в мокрое, наполовину обледеневшее дерево, и река понесла ее дальше.

- Я мешкала, - продолжала Элиана. - Ты отчаянно цеплялась за это бревно. У тебя отняли все.. понимаешь, все! Но ты не сдавалась. Ты продолжала бороться. Боги торопили меня. Им становилось все труднее удерживать меня в теле. Они требовали забирать тебя, но.. я тянула время. Ждала, пока ты не выберешься на берег.

Берег был совсем близко. Темные, сторбленные деревья, глинистая земля с пятнами снега, крутой склон холма.

Аэлина смотрела, как она, маленькая, выползла на берег. Она двигалась еле-еле. Аэлина ощущала мерзлую глину под ногтями. Маленькая и озябшая, она ковыляла по скользкой земле, постоянно вздрагивая.

К тому времени когда Элиана выбралась на берег, маленькая Аэлина совсем окоченела. Элиана бросилась к ней, звала по имени. И вдруг сжалась...

- Я думала, главная опасность - если ты утонешь, - шепотом пояснила Элиана. - Только потом я сообразила: ты же так долго пробыла на холоде...

У маленькой Аэлины посинели губы. Она тяжело вдохнула, тяжело выдохнула, потом еще раз и...

Затихла. Замерла. Нет... умерла.

- Ты умерла, - сказала Элиана, подтверждая ее догадку. - Ты так отчаянно сражалась за жизнь, а я тебя подвела. В тот момент я позабыла про богов и про свое обещание. Я забыла обо всем, кроме...

По лицу Элианы снова текли слезы.

- Я думала о том, как же несправедливо обошлась с тобой судьба. Ты ведь едва начала жить. Судьба отказывалась дать тебе шанс... Я вспомнила о тех, кто мечтал о лучшем мире, кто надеялся на перемены... Если ты умрешь, все их мечты и надежды пойдут прахом.

Боги... немилосердные.

- Элиана, - прошептала Аэлина и обняла ее.

Адарланская королева рыдала у нее на руках, а в нескольких шагах двойник Элианы тряс маленькую окоченевшую девочку, пытаясь вдохнуть жизнь в тело, уставшее сражаться.

- Я не могла этого допустить, - всхлипывала Элиана. - Для меня твоя смерть была просто невыносимой. В то мгновение я думала не о богах, а о восьмилетней Аэлине Галатинии.

Под пальцами Элианы вспыхнул свет. Он растекся по ее руке и постепенно охватил все ее тело. Магический огонь. Она крепко прижала Аэлину к себе. Тепло растопило снег и высушило волосы, успевшие покрыться ледяной коркой.

Синие губы порозовели. Замершая грудь вновь стала подниматься и опускаться.

Темнота сменилась серым рассветом.

- Я пошла против воли богов.

Элиана опустила маленькую Аэлину на теплую землю, а сама поднялась, оглядывая окрестности реки.

– Я знала, что поблизости от этих мест стоит дом. Знала, кому он принадлежит. Твои родители тоже знали об этом, но, поскольку их дом отстоял достаточно далеко, они терпели подобное соседство. Да и сосед был не настолько глуп, чтобы осложнять себе жизнь.

Легкая вспышка света, посланного Элианой, разбудила Аробинна, крепко спавшего в своем террасенском доме. Словно зачарованный, он встал, поглядел на рассвет за окном, потом оделся, оседлал лошадь и поскакал в лес.

А ведь тогда Аробинну было немногим больше, чем ей сейчас. Аэлина уже и не помнила его таким молодым.

Лошадь Аробинна достигла берега и там остановилась, будто невидимая рука ухватила ее поводья. Ассасин вглядывался в бурлящую реку, в заросли прибрежных камышей, сам не зная, чего ищет.

Он не видел притаившейся Элианы, зато очень скоро взгляд Аробинна наткнулся на детскую фигурку в грязной рубашонке, лежащую среди камышей. Ребенок был без сознания. Аробин с кошачьим изяществом спрыгнул с лошади, скинул плащ и склонился над странной находкой. Проверил дыхание. Жива.

– Я знала, кто он такой и какая участь ждет тебя у него. Но это было лучше, чем смерть на берегу. Я рассуждала так: если ты выживешь у Аробинна, если вырастешь, станешь сильной, если никакая случайность не помешает тебе достичь совершеннолетия, тогда... у всех, кто мечтал о лучшем мире, возможно, появится шанс. Ты сумеешь помочь им прежде, чем боги потребуют уплаты долга.

Увидев Амулет Оринфа, Аробинн замер, но ненадолго. Потом он снял амулет с шеи Аэлины и убрал в карман, а ее подхватил на руки и понес к лошади.

– Ты ведь только начинала жить, – снова сказала Элиана. – Мне захотелось подарить тебе время, чтобы ты прочувствовала жизнь.

– И боги тебе этого не простили, – догадалась Аэлина. – Они усугубили наказание?

Аробинн с маленькой Аэлиной на руках садился на лошадь. Картина померкла, сменившись клубящимся туманом. Элиана обхватила себя, словно ей вдруг стало зябко.

– Когда ты отправишь богов в их мир, я тоже уйду, – сказала Элиана. – За время, подаренное тебе, моя душа расплавится и превратится во тьму. Я не увижу ни Гавина, ни детей, ни друзей... Я уйду навсегда. Перестану существовать.

– Ты это знала?

– Да. Они мне сразу сказали и потом не уставали напоминать. Но я... не могла. Не могла иначе.

Аэлина опустилась перед королевой на колени. Обхватила ладонями заплаканное лицо Элианы.

- Моя цена безымянна, - дрогнувшим голосом произнесла она.

Элиана кивнула:

- Зеркало было просто зеркалом. Уловкой, чтобы заманить тебя сюда. Возможностью рассказать и показать тебе все, что мы сделали.

Помнится, когда в Бухте Черепов Аэлина вызвала ее, Элиана назвала Замок «куском металла и стекла».

- Теперь ты здесь, ты все видела и понимаешь, какова плата. Чтобы сделать новый Замок и вернуть Ключи Вратам..

На лбу Аэлины жарко вспыхнул знак. Клеймо Брэннона, которое ставили незаконнорожденным. Знак безымянности.

- Кровь Мэлы должна быть истрачена вся, до последней капли. Твоя магическая сила - тоже до последней капли. Ты - плата богам. Тебе надлежит изготовить новый Замок, вложить Ключи во Врата Вэрда и потом навсегда их закрыть. Ты вернешь Вратам прежнюю цельность.

- Знаю, - тихо сказала Аэлина.

Слова Элианы не были для нее откровением. О своей миссии она догадалась сама и стремилась как можно лучше подготовиться к неизбежному и подготовить других.

- Два Ключа у меня уже есть, - сказала она Элиане. - Если я смогу найти третий... точнее, выкрасть его у Эравана... ты пойдешь со мной? Поможешь мне закончить это раз и навсегда?

«Пойдешь ли ты со мной, чтобы я не чувствовала себя одинокой?»

Элиана кивнула и тут же прошептала:

- Прости меня.

Аэлина опустила руки, несколько раз судорожно вздохнула:

- Почему ты мне не рассказала об этом с самого начала?

Она почти забыла о присутствии Маноны. Только чувствовала, что ведьма внимательно слушает их разговор и оценивает услышанное.

- Тогда это было преждевременно. Ты совсем недавно покинула каторгу, а в тот момент выбиралась из рабства у прежнего адарланского короля. Из всех сил делала вид, что ничего не случилось и ты по-прежнему сильна. Но в тот момент ты была надломлена. Я могла лишь направлять тебя, слегка подталкивать в нужную сторону. Тогда же появилось и было спрятано это зеркало, чтобы в надлежащее время показать тебе картины событий. Если

помнишь, наши встречи были краткими, чтобы прежний король ничего не заподозрил. Много ли расскажешь за считанные минуты?

- А почему ты велела мне отправиться на Вендалин? Маэва - ничуть не меньшая угроза, нежели Эраван.

Впервые за все время разговора Элиана решилась пристально посмотреть ей в глаза. У самой королевы они были почти такими же, как у Дорина: цвета голубого льда.

- Да, Маэва опасна. Она давно желает вернуть себе Ключи. Мой отец считал, что у Маэвы иные цели, нежели завоевание. Ее замыслы мрачнее и опаснее. Не знаю, почему она повела охоту за Ключами лишь после твоего прибытия. А на Вендалин я тебя послала для душевного исцеления. И еще, чтобы ты.. нашла его. Того, кто так долго тебя ждал.

- Рована, - прошептала Аэлина, и у нее дрогнуло сердце.

Элиана кивнула:

- Он был одним из голосов, взывавших ко мне. Тайным, молчаливым мечтателем. Его сородники - тоже. Но что касается фэйского принца...

Аэлина с трудом удержалась, чтобы не разрыдаться:

- Я это знаю, причем давно.

- Мне хотелось, чтобы ты познала и эту радость, - прошептала Элиана. - Пусть и краткую.

- Я познала. Спасибо.

Элиана спрятала лицо в ладонях. Ее плечи вздрагивали. Потом она вытерла слезы, взглянув на Аэлину, затем на Манону, которая по-прежнему молча наблюдала за ними.

- Сила ведьминового зеркала иссякает. Ее хватит ненадолго. А потому - смотри и слушай внимательно. Сейчас я тебе расскажу и покажу все, что тебе будет необходимо сделать... для завершения. Больше ты меня не увидишь, но я... буду с тобой. До самого конца пути. Я буду с тобой на каждом его шагу.

- Тогда показывай.

Услышав эти слова, Манона сжала эфес меча.

Когда Элиана закончила, Аэлина была не в силах вымолвить ни слова. Манона ходила взад-вперед и тихо рычала.

Элиана наклонилась и поцеловала Аэлину в лоб, в то место, где находилось клеймо Брэннона. Знак незаконнорожденных. Знак... безымянных.

«Моя цена безымянна». Чтобы у других было будущее, она заплатит эту цену.

Аэлина успела сделать все, что ее в силах, дабы повернуть ход событий в нужном направлении. Ее не станет, а помощь будет поступать. Это был ее прощальный подарок Террасену. Тем, кого она любила сердцем, исполненным неистового огня.

Элиана коснулась ее щеки. Через мгновение древняя королева исчезла. Туман рассеялся.

Хлынул ослепительный солнечный свет. Все произошло столь внезапно, что Аэлина и Манона покачнулись и чуть не сбили друг друга с ног. В воздухе пахло морем. Шелестели травы, шумели волны. А в отдалении слышался шум, гул и лязг крупного морского сражения.

Они очутились на гребне дюн. Позади находились болота, впереди – море. До кораблей было очень далеко. Наверное, они путешествовали сюда вместе с туманами.

К шелесту трав примешался негромкий женских смех. Аэлине он был знаком.

Наверное, они не странствовали с туманом. Ее и Манону переместили сюда. И сделали это боги, наблюдавшие за происходящим на земле.

Их с ведьмой поставили на берег бирюзового моря. Чуть поодаль истекали кровью мертвые и умирающие солдаты в доспехах Верескового Утеса.

А в нескольких шагах стояла фэйская королева Маэва. Перед нею, на коленях, замерла Элида Лошэн, к горлу которой фэйский воин приставил кинжал.

Глава 69

Эдион сбился бы со счета, возмись он вспоминать, сколько раз видел вражеские армии и смотрел в глаза смерти. Но это...

Даже несмотря на дерзкий маневр Рована, вражеские корабли сохраняли численный перевес.

Морской бой становился все опаснее. Маги противника следили за Лисандрой, и очередная атака на вражеский корабль могла бы стать для нее последней.

Теперь она, в своем любимом обличье призрачного леопарда, яростно сражалась рядом с Эдионом, обрывая бессмертные жизни фэйских воинов, пытавшихся подняться к ним на корабль. Это были те, кому удавалось прорваться сквозь жернова магии Рована и Дорина.

Его отец исчез. Фенрис и Лоркан – тоже. Последний раз Эдион видел отца на корабле, которым тот командовал: в обеих руках по мечу, настоящий Лев,

приготовившийся убивать. Потом, словно почувствовав взгляд сына, Гарель окружил его волной золотистого света.

Эдиону хватило ума не потребовать, чтобы отец убрал стену. Вскоре она начала сжиматься, пока не покрыла Эдиона, словно вторая кожа.

Еще через несколько минут Гарель пропал из виду. Исчез. Но магический щит вокруг Эдиона остался.

Атака, предпринятая террасенской армадой и кораблями клана Боярьшника, закончилась. Точнее, захлебнулась, вынудив соратников Аэлины вновь перейти к обороне. Действительность жестко напомнила им, что они все-таки имеют дело с бессмертными противниками, а у тех не только численное превосходство.

Наверняка этот перелом был каким-то образом связан с Мазвой. Но Эдиона сейчас волновала не «доранелльская сука», как мысленно он ее называл.

Вражеская армада вновь стремилась взять их в кольцо. Фэйские солдаты имели отличную выучку и многовековой опыт, и убивать их было отнюдь не просто. Правая рука Эдиона, сжимавшая тяжелый меч, болела от напряжения. Его круглый щит был весь во вмятинах и пробоинах. В какой-то момент ему показалось, что вражеских кораблей стало больше.

Эдион запретил себе думать об Аэлине и месте, где она могла сейчас находиться. Его фэйское чутье напряглось. Эдион ощущал: Рован и Дорин собирали в кулак магическую мощь для удара по вражескому флангу. Удар потопил несколько кораблей вместе с солдатами, чьи тяжелые доспехи не позволяли удержаться на воде.

Та же волна магии отбросила корабль Эдиона от вражеского судна, дав ему и его солдатам небольшую передышку. Он повернулся к Лисандре, сознавая, какое жуткое зрелище сейчас представляет: весь в крови от своих и чужих ран. Спина, волосы и лоб взмокли от пота.

– Беги отсюда, – сказал он оборотню.

Лисандра сощурила светло-зеленые глаза. Из разинутой пасти на доски палубы капала кровь.

– Превращайся в птицу, в мотылька, в рыбу... все равно в кого и уноси ноги, крылья, лапы. Если нас ждет поражение, ты своевременно исчезнешь из этого ада. Я приказываю.

Лисандра зашипела, словно пыталась ему сказать: «Не тебе мною командовать».

– Я старше тебя по званию, – сказал Эдион, смахивая мечом две стрелы, застрявшие в его щите.

Стрелы прилетели с другого вражеского корабля, шедшего к ним. Похоже, этот был из резерва, и солдатам на его борту не терпелось вступить в бой.

– Ты убежишь отсюда, иначе я надеру тебе задницу в загробном мире.

Лисандра подошла к нему. Солдаты опасливо попятнулись, но Эдион не сдвинулся с места. Лисандра встала на задние лапы. Передние легли ему на плечи. Пушистая морда почти касалась его лица. Ее мокрые усы дрожали.

Лисандра потерлась о щеку Эдиона, потом о его шею.

Затем она неспешно побежала на свое место. Из-под лап летели брызги крови, которой обильно была полита палуба. Когда Лисандра обернулась, Эдион ей тихо сказал:

- В следующий раз сделай это в человеческом обличье.

Она кокетливо взмахнула хвостом.

Корабль Эдиона вновь несло на судно противника. Воздух делался все жарче. Сказывалась магия Рована, Дорина или кого-то из мятежной родни Боярышника. Чья именно, Эдион не знал. Хорошо, что большинство магов, взятых Маэвой на армаду, были из числа клана Рована.

Эдион внутренне собрался. Встал, уперев ноги в скользкую палубу. И снова потоки ветра и льда понеслись в сторону вражеских кораблей. Оттуда послышались крики раненых фэйских солдат. Возможно, кто-то из них проходил выучку у Рована. Но сейчас они для Рована были врагами.

Магические удары следовали один за другим. Корабли армады Маэвы вспыхивали, получали пробоины, тонули. Но на их месте появлялись новые. Меж тем Ансель из Верескового Утеса надежно удерживала левый фланг, словно не замечая численного превосходства кораблей Маэвы.

Через перила корабля Эдиона перелез первый фэйский солдат. Лисандры он не заметил, и это стало последней ошибкой, допущенной им в его долгой жизни.

Лисандра прыгнула, и ее челюсти сомкнулись на шее солдата. Громко хрустнули кости. Хлынула кровь.

Эдион прыгнул навстречу другому солдату, перерубил веревки абордажных крючьев. Солдат рухнул в воду. Следом Эдион сбросил и сами крючья.

Он вошел в знакомое состояние отрешенного спокойствия. Да, чтобы убивать других, самому нужно оставаться предельно спокойным. Эдион косил врагов, время от времени поглядывая в сторону Лисандры. Гарель успел окружить золотистым щитом и ее.

А на них дождем сыпалась смерть.

Эдион старался не думать о том, сколько вражеских кораблей по-прежнему угрожают их армаде. Тех, что своей магией потопили Рован и Дорин, было очень много. Море, такое чистое утром, превратилось в кровавую свалку.

Эдион продолжал убивать врагов.

Одного за другим.

Одного за другим.

Дыхание обжигало Дорину горло. Его магическая сила откликалась уже не так быстро. Ему больно сдавливало виски, но он продолжал бить по вражеским кораблям. Вокруг него сражались и умирали солдаты.

Солдаты из Западного края были достаточно опытными. Но они почти не владели магией и не могли на равных противостоять фэйским воинам Маэвы.

Дорин не решался отвлечься и посмотреть, как сражаются его соратники. Воздух дрожал от криков, рычаний и предсмертных стонов. Трещало ломающееся дерево, рвались снасти. Небо заволакивало облаками, и солнце все реже прорывалось сквозь них.

Магия Дорина замораживала корабли вместе с теми, кто там был. Ледяная смерть наступала быстро. Но с каждым ударом он чувствовал, как иссякают силы. Он потерял счет времени.

А бой продолжался. Манона с Аэлиной до сих пор не вернулись.

Рован удерживал передний край, готовый сразить каждого, кто имел глупость приблизиться к нему. Но его корабль обходили. Фэйские воины прорывались сквозь его магический заслон. И таких становилось все больше.

«Все больше», – подумал Дорин и через мгновение услышал крик Эдиона. Крик боли.

Неужели Эдион... В ответ на крик послышался чей-то гневный рев.

Во рту появился медный привкус крови. Верный признак, что магическая сила Дорина исчерпана. Рев повторился, сотрясая облака, воду и корабли. Дорин сосредоточился, собирая последние капли магии.

Рев прозвучал в третий раз, и сквозь тяжелые облака прорвался знакомый Дорину зверь. Дракон. Дракон со сверкающими крыльями.

За ним вынырнули еще двенадцать драконов. И сразу устремились к вражеским кораблям.

Глава 70

Лисандра сразу узнала этот рев.

Из густых облаков вынырнул Аброхас. За ним летели еще двенадцать драконов со всадницами.

Железозубые ведьмы.

- Не стрелять! - разнесся над водой приказ Рована.

Его корабль находился сравнительно недалеко от корабля Эдиона, и Лисандра видела, как лучники уже нацелились на золотоволосую ведьму, летевшую рядом с Аброхасом на голубом драконе. Он-то и издавал воинственные кличи.

Не теряя времени, ведьмы понеслись прямо на цепь вражеских кораблей и устроили фэйским воинам еще один ад, который был намного страшнее прежнего. Драконьи хвосты крушили мачты и рвали снасти. Но откуда ведьмы знали, кого атаковать и на чьей стороне сражаться?

Аброхас и одиннадцать других драконов развернулись и устремились в самую гущу флота Маэвы, усиливая смятение. Но золотоволосая ведьма направилась к кораблю Эдиона, и ее дракон небесно-голубого цвета изящно опустился на корму.

Лисандра мысленно отметила красоту ведьмы, на лбу которой чернел плетеный кожаный обруч.

- Где Манона Черноклювая? - спросила ведьма, обращаясь ко всем сразу.

- А ты кто такая? - хрипло спросил Эдион, но в его глазах тут же что-то мелькнуло, словно он вспомнил поединок возле храма Темизии.

Ведьма улыбнулась, обнажив белые зубы, но ее ногти поблескивали железом.

- Астерина Черноклювая, к вашим услугам.

Она внимательно оглядела боевой порядок кораблей:

- И все-таки, где Манона? Аброхас повел нас...

- Долго рассказывать, но она здесь, - ответил Эдион, перекрикивая гул.

Лисандра подползла ближе, внимательно разглядывая ведьму и ее подруг, что сеяли хаос над кораблями противника.

- По правде говоря, ты и твои Тринадцать просто спасли нас, - признался Эдион. - Я отвечаю на любые твои вопросы.

Ведьма хищно улыбнулась и кивнула:

- Тогда мы расчистим пространство, чтобы удобнее было разговаривать.

Астерина тронула поводья. Голубой дракон взмыл в воздух и понесся туда, где сражались его сородичи.

При появлении Астерины все драконы поднялись повыше и там приняли боевое построение. Стали молотом, готовым обрушиться на головы врагов.

Фэйцы понимали, что их ждет. Они спешно возводили слабенькие магические заслоны, лихорадочно стреляли по драконам из луков, но страх мешал им целиться. К тому же на всех драконах поблескивали доспехи, и стрелы лишь сильнее злили крылатых тварей.

Смеясь на все небо, ведьмы отряда Тринадцати ударили по южному флангу армады Маэвы.

Лисандра с завистью смотрела на драконов. Ей так хотелось превратиться в одного из них и тоже крушить фэйские корабли. Однако она понимала: сил уже не хватит.

Ведьмы гнали вражеские суда, как волки гонят стадо перепуганных овец. Строй давно был сломан. Что не успевали сделать хвосты драконов, доделывали мечи и железные зубы ведьм. Тех, кому все же удавалось ускользнуть, настигали жестокие удары магии Рована и Дорина. Правда, магия короля заметно ослабела. Редкие счастливчики, избежавшие магических ударов...

Лисандра поймала на себе взгляд Эдиона. Лицо генерала покрывала корка из запекшейся крови, однако глаза хищно блестели.

- Мы же не позволим себе опозориться перед ведьмами? - спросил он.

Лисандра кровожадно заурчала и бросилась навстречу очередному фэйскому безумцу, пытавшемуся влезть на палубу.

Победа, еще недавно казавшаяся невозможной, становилась все реальнее. Число боеспособных фэйских кораблей стремительно уменьшалось.

Магия Рована была на грани истощения. Где-то в дальнем углу сознания глухо гудел страх за Аэлину, но Рован продолжал сражаться. Его меч косил тех, кто спасся от потоков ветра и льда и не попал под удар магии Дорина. Фенрис, Лоркан и Гарель исчезли. Это произошло час назад... или вечность назад. Все трое послушно устремились на зов Маэвы. Вот только куда? Но террасенская армада держалась стойко. Кем бы ни были солдаты Ансель из Верескового Утеса, они не трусили перед фэйскими воинами. И сражаться они умели. Не подвели и люди Рульфа. Никто из пиратов не сбежал.

Ведьмы отряда Тринадцати продолжали летать над кораблями Маэвы, уничтожая их сосредоточенно, с холодной яростью и такой же холодной решимостью. Астерина Черноклювая направляла их действия. Если один отряд ведьм был способен обратить в бегство целую армаду, их армия...

Рован скрежетнул зубами, увидев, как уцелевшие корабли разворачиваются и под шумок начинают покидать воды сражения. Если Маэва приказала отступить...

Вместо удовлетворения Рован испытывал жгучее чувство досады. Он ведь намеревался сам потопить ее корабль.

Когда Астерина в очередной раз пролетала над головой, Рован пронзительно свистнул. Ведьма все поняла, и сейчас же отряд Тринадцати отправился догонять убегающие остатки армады.

А здесь сражение окончилось. Морская вода приобрела красный оттенок. Куда ни глянь – полузатонувшие корабли и обломки.

Позвав капитаншу, Рован приказал ей не терять бдительности. Вполне могут найтись обреченные безумцы, которые попытаются взять хоть какой-то реванш.

У Рована дрожали ноги. Тряслись руки. Казалось, что он вот-вот рухнет на палубу и сил подняться уже не будет. Подавив панические мысли, он превратился в ястреба и взмыл вверх.

Остатки армады Маэвы спешно уходили. Их преследовали ведьмы отряда Тринадцати и корабли близких и дальних родственников Рована. Он удержался от искушения пересчитать их. Поднявшись еще выше, он пристально вглядывался в уплывающие корабли.

Среди них не было одного. Корабля, на котором он когда-то плавал сам, на котором уходил в сражения и путешествия. «Соловей» – личный боевой корабль Маэвы – исчез. Его не было среди спасавшихся бегством. И среди затонувших и тонущих тоже не было.

У Рована заледенела кровь. Развернувшись, он полетел на корабль Эдиона и Лисандры. Палуба там была настолько густо залита кровью, что, вернув себе фэйское обличье, Рован оказался по щиколотку в крови и чуть не поскользнулся.

Кровью – своей и чужой – был с головы до ног покрыт и Эдион. Лисандра, урча, счищала кровь с леопардового брюха. Рован огибал тела убитых фэйцев. Одни лежали ничком, другие – на спине. Он старался не приглядываться.

– Она вернулась? – мгновенно спросил Эдион и поморщился, дотронувшись до раненого бедра.

Рован взглянул на рану. Ее нужно исцелить, и как можно скорее. В таком месте даже фэйская кровь уязвима перед опасностью заражения.

– Я не знаю, – запоздало ответил Рован.

– Так найди ее! – рявкнул Эдион.

Он продолжал сверлить Рована глазами, пока не появилась Лисандра – в человеческом обличье и вся израненная.

Рован схватился за выступ. Ноги отказывались его держать. Палуба уходила куда-то в сторону. Неожиданно через перила палубы перелез Дорин, тоже в не лучшем состоянии. Видимо, потратил последние крохи своей магической силы, чтобы приплыть сюда на лодке.

- Берег, - выдохнул Дорин. - Аэлина появилась в том месте, куда мы отправили Элиду. Они все там.

Но ведь до берега - полторы лиги, если не все две. Почему Аэлину и ведьму вынесло туда?

- Откуда ты знаешь? - спросила Лисандра, пытаясь завязать свои грязные, мокрые волосы в подобие косы.

- Я не знаю. Я чувствую: там что-то происходит. Там собрались пламя, тень и смерть. Там Аэлина, Лоркан и кто-то еще. Древний. Могущественный.

Ровану казалось, что он готов ко всему, но его охватил неопиcуемый страх, когда Дорин добавил:

- Этот кто-то - женщина.

Значит, Маэва их нашла.

Морское сражение было затеяно не ради победы и завоевания. Отвлекающий маневр. А Маэва в это время отправилась за своей главной добычей.

Быстро им на берег не попасть. Ветер дует в другую сторону. Плыть на лодках? Они все измождены, чтобы грести со всей силой рук, а магической силы совсем не осталось. Если он обернется ястребом и полетит... какая от него помощь? Окажись они там, все могло бы пойти по-иному. У Аэлины было бы больше шансов.

Рован обернулся назад. В небе мелькали силуэты драконов, добивавших остатки флота Маэвы. Полет на драконе казался ему единственным реальным способом добраться до берега.

Глава 71

Фэйская королева была точно такой, какой Аэлина ее запомнила. Темные одежды со множеством складок. Бледное красивое лицо, волосы цвета оникса, красные губы, слегка изогнутые в улыбке... Короны на голове не было, ибо все живое и даже мертвецы сразу бы поняли, кто перед ними.

Сны и кошмары, обретшие плоть. Темный лик луны.

Перед Маэвой на коленях стояла дрожащая Элида. К ее горлу был приставлен кинжал. Рядом замер кто-то из окружения фэйской королевы. Каменное лицо ничего не выражало. Элиду отправили на берег, выделив небольшой отряд для ее охраны. Все - солдаты армии Ансель. Их убили раньше, чем они смогли предостерегающе крикнуть. Лишь некоторым удалось выхватить оружие. Они погибли, не успев дать бой.

Увидев Элиду, Манона застыла. Железные ногти выдвинулись сами собой.

Сердце Аэлины обливалось кровью, но сейчас она запихнула его в самый дальний угол и заставила себя улыбнуться.

– Конечно, здесь нет великолепия Доранеллы, но по крайней мере близкое соседство болот отражает твою истинную природу. Согласна? Ты могла бы замечательно здесь обосноваться. Теперь понимаю: ты не напрасно проделала долгий путь. Завоевание болот того стоило.

На гребне холма, спускавшегося к берегу, застыл небольшой отряд фэйских воинов. Там были мужчины и женщины, все вооруженные. Ни одного знакомого лица. В бухте покачивался на волнах большой красивый корабль.

– Рада убедиться, что свойственное тебе хорошее настроение сохраняется даже в эти темные дни, – ровным бесцветным голосом произнесла фэйская королева.

– Для тебя они действительно темные. Еще бы! Ведь столько прекрасных мужчин из твоего окружения предпочли мое общество.

Маэва вскинула голову. Тяжелая завеса черных волос переместилась ей на плечо. И сейчас же на гребень поднялся Лоркан, словно фэйская королева подала ему сигнал. Он тяжело дышал, глаза бешено вращались, в руке застыл меч. Аэлина сразу поняла, куда он смотрит, почувствовала его ужас. Лоркан смотрел на Элиду и на того, кто равнодушно прижимал кинжал к ее белой шее. Маэва слегка улыбнулась Лоркану, но тут же перевела взгляд на Манону.

Воспользовавшись этим, Лоркан встал рядом с Аэлиной, словно они были союзниками, привыкшими сражаться бок о бок. Аэлина не удостоила его ни словом.

– А мне знаком твой облик, – сказала ведьме Маэва.

В лице Маноны ничего не изменилось.

– Отпусти девчонку, – потребовала она.

Маэва едва слышно рассмеялась. От этого смеха у Аэлины свело живот. Глаза Маэвы остановились на Элиде.

– Надо же, сколько у тебя заступников. Террасенская королева, ведьма и даже... мой главный заместитель.

Аэлина напряглась. Ей показалось, что Лоркан перестал дышать.

Маэва играла с прядью грязных, нечесаных волос Элиды. Правительница Перранта вздрогнула.

– Отпустить девчонку, ради спасения которой Лоркан Сальватир призвал меня сюда?

Аэлине вспомнилась волна магической силы Лоркана, которую он послал, когда они поднялись на гребень дюн и увидели флот Ансель. Такую же волну послала она, зазывая валгов в Бухту Черепов. В тот момент Аэлине хотелось насладиться растерянностью на лицах своих соратников. Она не поторопилась объяснить, откуда взялся флот и на чьей он стороне. А волна Лоркана понеслась к Маэве. Подумав, что это вражеские корабли, он испугался за Элиду и призвал на помощь армаду Маэвы.

- Прости, - пробормотал Лоркан.

Аэлина не знала, кому адресовано его «прости»: ей или Элиде, глаза которой вспыхнули от гнева.

- Думаешь, я не знала? - сказала ему Аэлина. - Думаешь, я заранее не подготовилась?

Лоркан удивленно изогнул брови. Аэлина пожала плечами. Тут снова заговорила Маэва:

- Что ж, госпожа Элида Лошэн, дочь Каола и Маурины Лошэн. Понятно, почему эта ведьма лезет из кожи вон, стараясь заполучить тебя. В твоих жилах течет ведьмина кровь.

Манона предостерегающе зарычала.

- Выходит, ты не напрасно тащила сюда свои древние кости, - нагло улыбаясь, сказала Аэлина. Она намеренно растягивала слова. - Так давай побыстрее закончим с этим. Что ты хочешь за Элиду?

На губах Маэвы вновь появилась змеиная улыбка.

Элиду трясло от ужаса. Она превратилась в сплошной дрожащий комок. Не знала, кто пугает ее сильнее: бессмертная королева, возвышающаяся над нею, или кинжал у горла. Отряд Маэвы по-прежнему находился в отдалении, но Лоркан постоянно глядел в их сторону. Его лицо было напряжено до предела, а тело тоже почти тряслось, но не от страха, а от гнева.

Так вот кому Лоркан отдал свое сердце? Этому холодному существу, глядящему на мир безрадостными глазами? Той, что равнодушно, словно комаров, убила восьмерых солдат?

И эту Маэву, это чудовище Лоркан призвал для ее защиты?

Ее обжигало собственное дыхание. Лоркан предал их. Предал Аэлину...

- Что бы мне потребовать в качестве платы за девчонку? - размышляла вслух Маэва. Она сделала несколько шагов взад-вперед, двигаясь неслышно, как луч лунного света. - А почему бы Лоркану мне не подсказать? Впрочем, ты у нас очень занят. Вот уже несколько месяцев подряд.

Лоркан опустил голову и хриплым, не своим голосом произнес:

- Все, что я делал, я делал ради тебя, королева.

- Тогда где мое кольцо? Где мои Ключи?

Кольцо. Элида почти не сомневалась: речь шла о кольце, что сейчас находилось у нее на пальце. Маэва давно бы увидела его, но ту руку сжимали пальцы другой.

- Ключи у нее. - Лоркан подбородком указал на Аэлину. - Целых два.

Элиду обдало холодом.

- Лоркан, - прошептала она.

Кинжал возле ее горла дрогнул, оцарапав ей кожу.

Аэлина не выказала ни малейшего удивления. Она равнодушно посмотрела на Лоркана. Он, словно забыв об их присутствии, продолжал:

- У Аэлины два Ключа. Вероятно, она догадывается, где Эраван прячет третий.

- Лоркан, - умоляюще прошептала Элида.

Она до сих пор не верила, что Лоркан готов предать их. Предать Аэлину.

- Помолчи! - прорычал он в ответ.

Взгляд Маэвы снова остановился на Элиде. В глазах фэйской королевы клубилась древняя, вечная тьма.

- Забавно слушать, с каким чувством ты, Элида, произносишь его имя. Так говорят о знакомых. Близко знакомых. Даже очень близко.

Аэлина насмешливо фыркнула:

- Неужели у тебя нет более достойных занятий, чем запугивать людей? Освободи Элиду, и перейдем к серьезным делам.

На кончиках пальцев Аэлины вспыхнуло пламя. Совсем слабенькое. Она не успела восстановить свою магическую силу.

Но Аэлина шагнула вперед, словно ненароком отодвинув ведьму:

- Что, Маэва? Захотелось потанцевать?

И снова, будто ненароком, она обернулась и взглянула на Манону.

«Беги, - говорил ее взгляд. - Выбери момент, когда Маэва отвлечется, хватай Элиду и беги».

- Вряд ли ты сейчас подходящая партнерша для танцев, - усмехнулась Маэва.

- Какие танцы, когда ты почти целиком исчерпала свою магическую силу?

Неужели ты думала, что лишь зов Лоркана привел меня сюда? Кто, по-твоему,

шепнул Морату, что ты разгуливаешь по Каменным Болотам? Эти дурни так и не поняли, кто им подсказал. А пока ты тратила силы, уничтожая их тварей, я спокойно ждала. Ты изрядно опустошила свою магию, борясь с пожарами в рыбачьих деревнях. Воины моей армады устроили это маленькое развлечение, чтобы заманить тебя на эйлуэйское побережье. К счастью, Лоркан сообщил о твоём точном местонахождении и тем самым сберёг мне время и силы. Не понадобилось самой тебя выслеживать.

Ловушка. Многослойная, коварная ловушка. Её силы целенаправленно истощали днями. Нет, неделями. Но Аэлина дерзко вскинула голову:

– Неужели стоило гнать целую армаду, чтобы спалить несколько десятков рыбачьих деревушек? По твоим меркам это ведь совсем мелочь.

– Армаду я привела, желая убедиться, что ты окажешься на высоте. Могу тебе сообщить, принц Рован не подкачал.

В груди Элиды затеплилась надежда. Но затем Маэва сказала:

– Армада была... мерой предосторожности. Вдруг сражение с илками выпило не все твои силы... Вот я и подумала: несколько сотен кораблей – неплохие дровишки для твоих упражнений. Пока ты их сжигаешь, я готовлюсь.

Пожертвовать собственным флотом или его частью ради одной-единственной цели... Так могли поступать только безумцы.

«Маэва безумна», – догадалась Элида. Все её поступки пронизаны безумием.

– Сделайте что-нибудь, – прошептала Элида, обращаясь к Лоркану и Маноне.
– Ну сделайте что-нибудь.

Лоркан и ведьма молчали.

А пламя вокруг руки Аэлины разрасталось. Оно охватило кисть, потом и всю руку до плеча.

– Все, что я от тебя слышу, – это пустая болтовня.

Маэва оглянулась на отряд охраны, и те отошли. Элиду они поволокли с собой. С приставленным к горлу кинжалом.

– Отойди на безопасное расстояние, – велела Маноне Аэлина.

Ведьма попятилась, продолжая следить за истуканом, который удерживал Элиду. Изучала каждую мелочь его поведения.

– Можешь и не надеяться выиграть, – сказала Маэва, словно они собирались играть в карты.

– По крайней мере, у нас будет время насладиться игрой, – язвительно ответила ей Аэлина.

Пламя окружало её целиком.

- Мне вовсе не интересно тебя убивать, - промурлыкала Маэва.

Схватка началась.

Золотисто-красное пламя метнулось в сторону Маэвы, но было остановлено стеной тьмы.

Мир вздрогнул от удара двух стихий. Манону сбило с ног. Лоркан устоял и куда-то направился. Через мгновение на волосы Элиды брызнула кровь: рухнул с перерезанным горлом державший ее истукан.

Еще двоих из отряда Маэвы Лоркан уложил, разрубив каждому лицо. Элида рванулась. Ее нога кричала от боли, но инстинкт толкал Элиду к ведьме. Лоркан ухватил ее за воротник.

- Стой, дура! - прошипел он.

Элида ногтями впилась ему в руку.

- Лоркан, держи девчонку, - тихо приказала Маэва, даже не повернувшись в их сторону. - И выброси из головы дурацкий замысел сбежать вместе с нею.

Лоркан застыл как вкопанный и еще сильнее сжал руку Элиды.

Маэва и Аэлина возобновили поединок.

Свет бился с тьмой.

Над дюнами взвивались песчаные столбы. Море возле берега покрылось рябью.

Только сейчас Маэва рискнула атаковать Аэлину. Будь Аэлина в полной силе, она бы одолела фэйскую королеву. Но Аэлина свою силу почти исчерпала...

- Помоги ей, - умоляла Лоркана Элида.

Но Маэва словно заколдовала его. Он крепко держал руку Элиды, одним глазом поглядывая на сражающихся королев, другим - на воинов охраны. Видя, какая участь постигла их товарищей, они предпочитали не приближаться к Лоркану.

- Беги, - вдруг шепнул Элиде Лоркан. - Если хочешь жить, убегай отсюда. Оттолкни меня, не обращай внимания на ее приказы. Оттолкни меня и убегай.

Элида вдруг почувствовала, что ей не страшно. Она никуда не побежит. Она лучше предпочтет смерть, чем трусливое бегство. Особенно сейчас, когда Аэлина сражается за них, когда...

Тьма поглотила пламя.

Аэлина получила такой удар, что даже Манона содрогнулась.

Тоненькая стена пламени удерживала тьму от нового удара. Но чувствовалось, она в любой момент может дрогнуть и погаснуть.

Помощь. Они отчаянно нуждались в помощи.

Маэва ударила слева. Аэлина выставила руку, и огонь оттолкнул тьму.

Но этот удар был скорее отвлекающим. Основной Маэва готовила справа. Элида выкрикнула предостережение. Увы, было слишком поздно.

Черная плеть ударила по Аэлине.

Аэлина покачнулась и упала. Песок был достаточно мягким, но Элиде показалось, что она никогда не слышала более ужасающего звука.

Маэва поторопилась воспользоваться преимуществом. Черные плети наносили все новые удары. Все попытки отразить их оказывались безуспешными.

Элиде оставалось лишь слушать крики Аэлины и кусать губы от собственного бессилия.

Темная, древняя сила била по Аэлине, как молот бьет по куску металла, собираясь расплющить.

– Сделай что-нибудь, – взмолилась Аэлина, повернувшись к Маноне.

Манона напряженно следила за поединком и, казалось, не слышала ее.

Аэлина отползла назад. Из правой ноздри лилась кровь, пачкая белую рубашку.

Маэва наступала, окруженная яростным вихрем тьмы. Аэлина попыталась встать, однако ноги ее не держали. Королева Террасена тяжело дышала. Пламя вокруг нее превратилось в гаснущие угли костра.

Маэва согнула палец, и вокруг шеи Аэлины удавкой обвился черный вихрь. Аэлина пыталась его сорвать, пробовала прожечь – и никак. Ее пламя ярко вспыхивало, однако силы в нем уже не было.

– Что ж ты не применишь Ключи? – издевательски спросила Маэва. – Тогда победа была бы за тобою.

«Примени силу Ключей, – мысленно умоляла Элида. – Чего ты ждешь?»

Но Аэлина не притронулась к Ключам.

Веревка тьмы затягивалась вокруг ее горла. Языки пламени вспыхнули еще раз и погасли. Тьма ширилась. Она окутала Аэлину целиком и стала сжимать, как в тисках, пока террасенская королева не закричала от невыносимой боли. Эта боль вонзилась Элиде в сердце, угрожая опрокинуть и ее.

В это мгновение послышалось глухое свирепое рычание. Из травы выскочил громадный волк и превратился в Фенриса.

За ним через гребень дюны перевалил горный лев, огляделся по сторонам и стал Гарелем.

- Отпусти ее, - потребовал у Маэвы Фенрис. - Немедленно отпусти Аэлину.

Маэва повернула голову и не подумав снять с Аэлины удушающее покрывало.

- А-а, запоздалая пара предателей явилась. - Она расправила невидимую складку на одеянии. - Восхищаюсь твоими героическими усилиями, Фенрис. Ты до последнего противился моим приказам явиться.

Маэва насмешливо цокнула языком:

- Играл роль моего верного служителя, а сам пускал слюни на юную королеву огня? И как, тебе понравилось двурушничать?

Словно в ответ, тьма сжалась еще плотнее, и Аэлина опять закричала.

- Прекрати! - зарычал Фенрис.

- Маэва, прошу тебя, - сказал Гарель, протягивая к ней руки.

- Что я слышу? - притворно удивилась Маэва. - Ты называешь меня Маэвой, забыв, как надлежит ко мне обращаться? Неужто Лев успел одичать? Наверное, слишком много времени проводил со своим ублюдочным отпрыском?

- Его куда не приплетай, - почти шепотом произнес Гарель.

Тьма вокруг Аэлины рассеялась.

Аэлина лежала на боку. Кровь теперь сочилась из обеих ноздрей. Она дышала ртом. На губах пузырилась кровавая пена.

Фенрис рванулся к ней, но между ним и Аэлиной мгновенно выросла черная стена.

- Похвальная прыть, да только мне не по нраву, - усмехнулась Маэва.

Аэлина глотала воздух. Ее глаза остекленели от боли. Поймав взгляд Элиды, Аэлина беззвучно прошептала растрескавшимися, окровавленными губами: «Беги».

Но Элида не могла и не собиралась убежать.

Дрожащей рукой Аэлина уперлась в песок. Элида поняла: у ее королевы не осталось ни капли магической силы. Ни искорки огня. Ни уголька. Наверное, так погибала Маурина: зная о своем неминуемом поражении, но продолжая биться до последнего.

Шумное, хриплое дыхание Аэлины заглушало плеск волн. Элида вдруг обнаружила, что больше не слышит звуков сражения. Неужели битва кончилась? Или все погибли?

Манона по-прежнему неподвижно стояла рядом.

- Помоги ей, - умоляла Элида. - Помоги!

- А с тобой, Черноклювая, я не собираюсь затевать поединок, - улыбнулась ведьме Маэва. - Не вмешивайся в чужие дела и уйдешь куда пожелаешь.

- Помоги ей, - упрямо твердила Элида.

Золотистые глаза Маноны смотрели холодно и жестко.

- Договорились, - кивнула она Маэве.

В груди Элиды что-то оборвалось.

- Госпожа, послушай меня, - вновь заговорил Гарель. - Оставь Аэлину Галатинию разбираться с ее противниками. А нам пора возвращаться домой.

- Домой? - переспросила Маэва.

Черная стена между Фенрисом и Аэлиной поднялась, но фэйский воин не сделал попытки перейти невидимую черту. Он просто смотрел на Аэлину. Смотрел так, как, должно быть, смотрела сама Элида. Это продолжалось, пока Маэва не задала Гарелю новый вопрос:

- Неужто Доранелла по-прежнему твой дом?

- Да, королева, - спокойно ответил Гарель. - Я считаю честью так называть твой город.

- Честь, - задумчиво произнесла Маэва. - Да, ты и честь идут рука об руку. А как, Гарель, насчет принесенной мне клятвы?

- Я хранил и храню клятву верности тебе.

- А не я ли приказывала тебе убить Лоркана на месте?

- Возникли... обстоятельства, помешавшие нам выполнить твой приказ. Но мы пытались.

- И потерпели неудачу. Разве это не вынуждает меня наказать тебя? Для тех, кто связан со мной кровной клятвой, невыполнение приказа - не провинность. Тяжкое преступление - вот как это называется.

Гарель опустил голову:

- Мы готовы понести наказание. Я согласен взять на себя и наказание, определенное тобою Аэлине Галатинии.

Аэлина приподняла голову, остекленевшие глаза широко раскрылись. Она пыталась говорить, но горло охрипло от крика, и слово не могло вырваться наружу. Всего одно слово. Элида знала какое. «Нет».

Аэлина не хотела перекладывать наказание на чужие плечи. Быть может, Гарель собирался принести жертву не только ради Аэлины, а еще и ради Эдиона? Знал, наверное, что сын обезумел, узнав, как обошлись с его королевой.

- Аэлина Галатиния. - (Элиде подумалось, что Маэва обожала такие вот рассуждения вслух.) - Слишком много разговоров об Аэлине Галатинии. Обетованной королеве.

На губах Маэвы появилась уже знакомая Элиде змеиная улыбка.

- Гарель, если ты так печешься о ее дворе, почему бы тебе не поступить к ней на службу?

Фенрис напрягся, готовый броситься на помощь другу.

- Я разрываю кровную клятву с тобой, Гарель. Ты запятнал свою честь и сам растоптал мою веру в тебя. Ты освобождаешься от служения мне и лишаешься своего титула.

- Ну ты и сука, - огрызнулся Фенрис.

Гарель дышал шумно и часто.

- Королева, прошу тебя, - успел проговорить он и тут же схватился за руку.

Там невидимые когти прочертили две борозды. Кровь пролилась на траву. Такие же борозды появились и на руке Маэвы. Ее кровь пролилась следом.

- Вот и все, - бесстрастно сказала она. - Пусть мир узнает о твоём бесчестье. Ты сам сделал выбор, променяв свою королеву на террасенскую девку и ублюдка, которого ты именуешь сыном.

Гарель попятился и повалился на песок, прижимая раненую руку к груди. Фенрис зарычал. Его лицо сейчас больше напоминало волчью морду. Маэва тихо рассмеялась:

- Тебе, Фенрис, тоже хотелось бы освободиться от кровной клятвы. Но я тебя не отпущу. Нет большего наказания, чем служить мне вечно, оставаясь в душе предателем. Согласен?

Фенрис зашипел. Его дыхание стало хриплым, как у загнанного волка. Элида думала, что он вот-вот прыгнет на королеву и вцепится ей в горло. Но Маэва, забыв про Фенриса, повернулась к Аэлине и приказала:

- Вставай.

Аэлина попыталась встать и не смогла.

Маэва щелкнула языком. Невидимая рука подняла Аэлину. Глаза, затуманенные болью, прояснились, затем наполнились холодной яростью. Аэлина молча смотрела на приближающуюся фэйскую королеву.

«Она была ассасином», - напоминала себе Элида. Пусть у Аэлины не осталось магической силы. У нее остались другие навыки. Она вооружена. Если Маэва подойдет достаточно близко...

Но Маэва остановилась. Невидимые руки обрезали тесемки на оружейном поясе Аэлины. Златинец упал на песок. Следом из ножен вывалилось несколько кинжалов.

– Да у тебя целый арсенал, – поморщилась Маэва.

Невидимые руки быстро и умело разоружали Аэлину. Они нашли все скрытые клинки и ножи. Их руки не вытаскивали, а выдирали, разрывая одежду. Лезвия впивались Аэлине в кожу. На рубашке и штанах появились пятна крови. Почему она покорно стоит и не пытается сопротивляться?

Потом Элида догадалась: Аэлина собирала силы для последнего удара. Для последнего поединка. Хочет убедить Маэву, что она сломлена.

– Зачем? – спросила Аэлина.

Она стремилась выиграть время.

Маэва поддала ногой выпавший кинжал, на лезвии которого блестела кровь Аэлины.

– Ты хотела спросить, зачем я вообще вожусь с тобой? Я не могу спокойно допустить, чтобы ты пожертвовала собой и изготовила новый Замок. Ведь у тебя уже есть то, что мне нужно. И знай, Аэлина Галатиния: я очень, очень давно знала, что ты принесешь мне искомое. Знала и последовательно двигалась к этому, предпринимая все необходимые действия.

– Что? – выдохнула Аэлина.

– Неужели ты этого еще не поняла? Думаешь, почему я настойчиво требовала от твоей матери, чтобы она еще в детстве привезла тебя ко мне? А помнишь, что я требовала от тебя в Доранелле?

Все стояли не шевелясь.

Маэва торжествующе рассмеялась. Она чувствовала себя победительницей.

– Когда-то я похитила Ключи у валгских демонов. Потом Брэннон украл их у меня. Они были моими, и он прекрасно это знал. Затем он соединился с вашей богиней, добавив огня в кровь своей династии. Он считал, что я не осмелюсь посягнуть на его земли и потомков. Но все династии постепенно теряют силу крови. Я знала: наступит такое время, когда пламя Брэннона уменьшится до маленького огонька. И тогда я нанесу удар.

Аэлина шаталась, однако невидимые руки не давали ей упасть.

– А потом я увидела проблеск будущего, – продолжала Маэва. – Увидела грядущее возрождение силы Мэлы. Узнала о рождении той, кто приведет меня к Ключам. Только ты смогла понять подсказки Брэннона и отыскать все три Ключа. Потом я увидела тебя. Узнала, кем и чем ты станешь. Увидела того, кого ты полюбишь. Твоего парного.

И снова стало тихо, если не считать шелеста ветра в травах.

– Ваш союз с принцем Рованом обладал бы изрядным могуществом. А ваше потомство... – Маэва язвительно улыбнулась. – Вы с Рованом могли бы править целым континентом, если бы пожелали. А вот ваши дети... ваши дети превзошли бы вас могуществом и смогли бы править громадной империей, охватывающей целый мир.

Аэлина закрыла глаза. Фэйцы недоверчиво качали головой, не веря словам Маэвы.

– Я лишь не знала, когда именно ты родишься. Принц Рован из клана Боярьшника уже родился и вошел в силу. Он был самым чистокровным фэйцем среди мужчин моего королевства... а тебя по-прежнему не было. И я поняла, как мне поступить. Я должна буду посадить тебя на поводок и подчинить своей воле. Сделать так, чтобы ты, войдя в силу и получив надлежащее обучение, принесла мне Ключи. Ты бы сочла это одним из моих заданий и даже не задумалась бы о природе Ключей.

У Аэлины задрожали плечи. Из закрытых глаз потекли слезы.

– В тот день, когда Рован увидел на рынке Лирию, я легко потянула за нужную ниточку. Я толкнула его на другой путь, пробудила желания, до сих пор дремавшие в нем. Словом, слегка изменила его судьбу.

– Боги милосердные, – выдохнул Фенрис.

– Твой парный послушно двинулся по этой дорожке. Я позволила ему влюбиться в эту цветочницу и зачать с ней ребенка. А затем я его сломала. Никто даже не задался вопросом, как это вражеским силам удалось добраться до его дома в горах.

Аэлина тихо плакала. Ноги совсем не держали ее. Она не падала только благодаря невидимым рукам.

– Рован безропотно принес мне клятву на крови. Думаю, тогда это казалось ему спасением. Мне же оставалось терпеливо ждать, пока ты не родишься и не вырастешь... Тогда я сделаю так, что ваши пути пересекутся. Вы полюбите друг друга едва ли не с первого взгляда, и ты окажешься у меня в кулаке. Ты дашь мне все, о чем бы я ни попросила. Даже Ключи. Ради своего парного ты будешь готова на что угодно. И в Доранелле ты почти это сделала.

Аэлину шатало из стороны в сторону. Элида даже сжалась, представляя, какую боль испытывает сейчас Аэлина. Но террасенская королева вскинула голову, оскалила зубы и прорычала фэйской королеве:

– Я тебя убью!

– Знакомые слова. Их ты сказала Ровану, когда вы встретились. Припоминаешь? – Маэва не переставала улыбаться. – Сколько сил я потратила, уговаривая твою мать привезти тебя на Вендалин, чтобы Рован почувствовал свою истинную пару. Увы, Эвалина отказывалась. Не упрямясь она тогда, была бы жива и по сей день... Все последующие десять лет я исподволь следила за тобой. Знала, что ты жива, знала, где находишься. Но когда ты оказалась в моих пределах... когда вы с Рованом смотрели друг на друга с нескрываемой ненавистью... Должна признаться, такого я не

предвидела. Получалось, я настолько сломала Рована Боярышника, что он не узнал, кто перед ним. И ты была настолько поломана своими бедами, что тоже не откликнулась на него. Потом появились знаки. Узы карранам развеяли все его сомнения. Рован понял: ты – его истинная пара. А вот ты это поняла не сразу. Любопытно знать, давно ли?

Аэлина молчала. Ее глаза были переполнены гневом, горем и отчаянием.

– Перестань ее мучить, – прошептала Элида.

Лоркан что есть силы сжал ей запястье.

– Аэлина, не надо упрямитесь, – почти ласково сказала Маэва. – Неужели ты не можешь ответить на такой простой вопрос?

– В храме Темизии, – призналась Аэлина, оглянувшись на Манону. – Когда стрела пробила ему плечо. Несколько месяцев назад.

– И ты, конечно же, не поделилась с ним своим открытием. Хотела уберечь его от угрызений совести по поводу Лирии и от душевных потрясений..

Маэва снова цокнула языком:

– Маленькая благородная врунья.

В глазах Аэлины появилась отрешенность.

– По моим замыслам он тоже должен был оказаться здесь, – сказала Маэва, хмуро поглядывая на горизонт. – Ты думала, что тогда, в Доранелле, я испугалась твоей силы и отпустила Рована вместе с тобой. Нет, я это сделала все с той же целью – чтобы ты снова привела меня к Ключам. Ты даже не подозревала, что я временно спустила тебя с поводка. Но если Рован не соизволил появиться... обойдемся без него.

Аэлина оцепенела. Фенрис угрожающе зарычал.

– Если тебя это утешит, могу сказать: с принцем Рованом ты прожила бы тысячу лет. Даже больше.

Элиде показалось, что окружающий мир стал каким-то медленным. Кровь бешено стучала у нее в висках.

– В тебе проявилась наследственность моей сестры Мэбы. Полная сила, способность менять обличье, фэйское бессмертие. До твоего Преображения осталось около пяти лет.

У Аэлины перекошилось лицо. Она исчерпала не только магическую и телесную силу. Ее сила духа тоже была исчерпана.

– Возможно, мы вместе отпразднуем твое Преображение, – продолжала Маэва. – Я не допущу, чтобы ты принесла свою блистательную жизнь в жертву этому Замку. И чтобы по-глупому распорядилась Ключами, когда на самом деле они дают неслыханную силу. Тебе ли этого не знать?

– Маэва, умоляю.. – прошептал Фенрис.

Маэва даже не взглянула на него. Она рассматривала свои безупречно красивые ногти.

– А знаешь, что самое удивительное во всем этом? Мне ведь даже не требовалось, чтобы ты была истинной парой Рована. И я могла бы не ломать его. Я просто сделала увлекательный опыт, проверяя возможности своей силы. Но поскольку меня и сейчас обуревают сомнения по поводу твоего добровольного согласия отправиться со мной.. Да, Аэлина, ты либо из последних сил попытаешься меня убить, либо сама умрешь возле моих ног. Меня не устраивает ни то ни другое, и потому я дам тебе выбор.

Аэлина замерла, Маэва подняла руку и позвала:

– Кэрн, иди сюда.

Фэйские воины тоже замерли. Лоркан пытался незаметно оттащить Элиду подальше, снова нарушая приказ Маэвы. Отряд охраны расступился, пропуская ладного воина с темными волосами. Его даже можно было бы назвать обаятельным, если бы не редкостная жестокость, сквозящая в голубых глазах; если бы не оружие, которым он был обвешан, не плетка на боку и не эта особая улыбка-ухмылка. Такую же улыбку Элида видела на лице Варнона и многих других в Морате.

– Хочу тебе представить Кэрна, совсем недавно вошедшего в круг моих приближенных. Вы ведь так называете моих служителей? И ты, Кэрн, познакомься с Аэлиной Галатинией.

Кэрн остановился рядом с Маэвой. Когда он взглянул на Аэлину, у Элиды все внутри перевернулось. Истязатель – другого слова не подберешь.

– Кэрн обучался тому же, что и ты. Правда, твой срок обучения искусству терзать и мучить других невелик – всего несколько лет. Возможно, Кэрн дополнит твое образование. У него обширные знания и многовековой опыт.

Побледневший Фенрис едва сдерживал гнев:

– Маэва, я умоляю тебя..

Удар тьмы опрокинул его на колени, лбом в песок.

– Довольно! – раздраженно прошипела Маэва.

Она вновь повернулась к Аэлине и с улыбкой продолжала:

– Как я сказала, у тебя есть выбор. Да, есть. Либо ты добровольно отправишься со мной и познакомишься с Кэрном, либо..

Глаза Маэвы переместились на Лоркана, потом на Элиду.

– Либо я заберу тебя силой и вдобавок возьму Элиду Лошэн. Уверена, они с Кэрном замечательно поладят.

Элиде показалось, что сердце у нее перестало биться.

Глава 72

Тело Аэлины превратилось в сгусток боли. Болело все, включая кости и кровь. Ей было больно дышать.

Она полностью исчерпала магическую силу. У нее отобрали оружие. Никаких надежд на спасение.

– Нет, – тихо произнес Лоркан.

Даже поворот головы отозвался жуткой болью в спине. Но Аэлина все же повернула голову. Лоркан удерживал Элиду. Его лицо было белым от неопишуемого ужаса. Лоркан попеременно смотрел на Кэрна, Маэву и Элиду. Манона тоже смотрела, постоянно оценивая обстановку и свои возможные действия.

Это радовало Аэлину. Манона вытащит Элиду из этого ада. Наверное, ведьма думала, что Аэлина лишь прикидывается ослабленной, готовясь к решительному удару. Увы, это была не тактическая уловка, а жестокая правда. У нее совсем не осталось сил.

Темная сила Маэвы сдавливала ей все кости. Одно угрожающее движение, и они переломятся.

– К чему относится твое «нет», Лоркан? – спросила Маэва. – К моему решению забрать Элиду Лошэн, если Аэлина вздумает сопротивляться? Или к моему щедрому предложению оставить девчонку, если ее величество террасенская королева добровольно отправится с нами?

Едва взглянув на Кэрна, Аэлина сразу поняла, что он за зверь. Таких ей доводилось убивать, и немало. Один Рюк Фарран чего стоил. А если Кэрн доберется до Элиды... Лоркан тоже это знал. И если Маэва давала Кэрну полную свободу...

– Элида ни в чем перед тобой не провинилась, – сказал Маэве Лоркан. – Забирай королеву и отпусти нас.

– Элида принадлежит Железному зубу, – вдруг сказала Манона. – Если ты не собираешься затевать поединок со мной, не трогай и ее. Не впутывай сюда Элиду Лошэн.

Пропустив слова ведьмы мимо ушей, Маэва посмотрела на Лоркана:

– Я приказываю тебе стоять и не шевелиться. Смотреть и не пытаться ничего делать. Никаких движений и слов, пока я не позволю тебе двигаться и говорить. Фенрис, мой приказ относится и к тебе.

Лоркан повиновался. Фенрис тоже. Их тела просто оцепенели, превратившись в живые статуи.

– Но ты же можешь это прекратить, – не выдержала Элида. – Вы же умеете сражаться.

Лоркан даже не взглянул на нее.

Аэлина знала: Элида готова сопротивляться. Ее чистой душе и невдомек, что Маэва столетиями вела эту игру и дожидалась подходящего момента. Что ж, западня удалась на славу. Осталось лишь захлопнуть.

Аэлина поймала на себе взгляд улыбающейся Маэвы. «Ну что, Аэлина Галатиния? – говорил ее взгляд. – Ты играла, шла на риск и вот... проиграла».

Будто прочитав ее мысли, Маэва кивнула.

Элида кричала, обращаясь за помощью к Лоркану и Маноне. Но ведьма знала, что ей надлежит делать.

Угадав вопрос Аэлины, Маэва сказала:

– В одной руке я понесу Ключи, а в другой – Аэлину Огненицу.

Но вначале Маэве придется ее сломать. Или убить...

Кэрн зловеще улыбался.

С корабля Маэвы к берегу пристала лодка. Воины фэйской королевы что-то выгрузили оттуда и потащили наверх. А на самом корабле уже разворачивали черные паруса.

Элида во все глаза смотрела на Маэву:

– Пощади, пощади ее.

Маэва и головы не повернула. Аэлина лишь кивнула фэйской королеве, признав свое поражение и приняв ее условия.

Маэва ответила кивком. Красные губы торжествующе улыбались.

– Лоркан, освободи ее.

Руки воина висели как плети.

Считая, что больше ей ничего не угрожает, Маэва даже ослабила хватку своей магии. Аэлина сумела повернуться к Элиде:

– Иди с Маноной. Она о тебе позаботится.

Элида, плача, высвободилась из рук Лоркана.

– Я пойду с тобой, – заявила она Аэлине. – С тобой.

Аэлина знала: эта девчонка пойдет. Эта девчонка не дрогнет перед Кэрном и Маэвой... Но храбрость Элиды понадобится Террасену. Если ее родному королевству суждено уцелеть и залечить свои раны, помощь Элиды будет неоценимой.

– Передай другим... – Аэлина подбирала нужные слова. – Скажи им, что я виновата перед ними. Лисандре передай, чтобы помнила о своем обещании. И еще скажи: я всегда буду ей благодарна. Передай Эдиону... Скажи ему, что он не виноват и что... – У нее дрогнул голос. – Я жалею, что ему не удалось принести мне клятву, но его ждет Террасен. Наши ряды не должны быть сломлены.

Элида кивала. Слезы катились по ее забрызганному кровью лицу.

– И скажи Ровану...

Душа Аэлины словно расколосась надвое, когда она увидела, что несут воины Маэвы. Железный гроб, сделанный еще в незапамятные времена. Для нее.

Аэлина подавила слезы:

– Скажи Ровану... я прошу у него прощения за ложь. Но скажи, что в любом случае это было время, взятое взаймы. Я узнала об этом намного раньше сегодняшнего дня, и все равно мне жаль, что судьба не подарила больше дней.

У нее дрожали губы.

– Скажи Ровану: он должен сражаться. Он должен спасти Террасен и помнить клятвы, принесенные мне. И скажи: я... благодарю его за путь, который он прошел вместе со мной и вывел меня к свету.

Воины Маэвы открыли крышку гроба, вытащив оттуда длинные тяжелые цепи. Один подал фэйской королеве искусно сделанную железную маску. Маэва вертела маску в руках, разглядывая затейливые узоры на блестящей поверхности.

Маска, цепи, гроб... Все это было сделано много столетий назад с одной-единственной целью: удержать и сломить потомка Мэлы.

Аэлина поймала на себе взгляд Лоркана. В его темных глазах светилась благодарность. Она спасла Элиду, которой он, сознавая или нет, отдал свое сердце.

– Не делай этого, – в последний раз взмолилась Элида.

Аэлина удержалась и не сказала ей, что умолять Маэву бесполезно.

– Элида, я рада, что мы встретились через столько лет. Я горжусь тобой. Думаю, и твоя мать тоже гордилась бы тобой.

Маэва опустила маску.

– Ходят слухи, что Наследница огня не склоняется ни перед кем.

Губы фэйской королевы изогнулись в змеиной улыбке.

– А теперь ты поклонись мне.

Маэва указала на песок. Аэлина повиновалась. Морщась от боли, она опустилась на колени.

– Ниже.

Аэлина клонилась, пока лоб не ощутил шершавый песок. Только лоб. Ее душа никогда не будет кланяться Маэве.

– Похвально.

Элида рыдала. Ее слезы были молчаливой мольбой.

– Сними рубашку.

Аэлина мешкала, догадываясь, что ее ждет и зачем к поясу Кэрна привешена плеть.

– Я велела снять рубашку.

Аэлина вытащила рубашку из штанов и сняла через голову, сбросила на песок. Затем сняла полосу мягкой ткани, прикрывавшей грудь.

– Варик! Хейрон!

Из строя вышли двое фэйцев.

Аэлина не сопротивлялась, когда они грубо подняли ее и встали так, что руки у нее оказались широко разведены. Ветер с моря обдувал ей грудь и живот.

– Кэрн, дашь ей десять плетей. Пусть ее величество прочувствует, что ее ждет, если она вздумает противиться нам. Причем это лишь начало.

– С удовольствием исполню твой приказ, госпожа.

Кэрн зловеще улыбнулся и отцепил плетку. Аэлина выдержала его взгляд, силясь наполнить жилы льдом. Кэрн не спеша оглядел ее тело. Холст, который он сейчас начнет разрисовывать кровью и болью.

– Аэлина, почему бы тебе самой не считать удары? – спросила Маэва, поигрывая маской.

Аэлина плотно сжала губы.

– Считай, иначе Кэрн может сбиться со счета. А это заставит его каждый раз начинать заново. Тебе решать, сколько продлится твое... вразумление. Кстати, Элида Лошэн так горячо просила тебя пощадить, что я даже готова исполнить ее просьбу. Тогда половину ударов получит она.

Нет. Никогда. Никто не будет страдать вместо нее.

Кэрн неторопливо направился к ней. Она наслаждалась каждым шагом. Плетка волочилась за ним по песку. И тело Аэлины не выдержало. Оно предательски задрожало.

Она знала боль. Знала ощущения боли. Помнила звуки плетей и хлыстов. Ей до сих пор снился Эндовьер. Потому-то Маэва и избрала наказание плетью. И Рована в Доранелле фэйская королева приказала исхлестать по той же причине.

Кэрн остановился. Аэлина почувствовала, что он разглядывает татуировку на ее спине. Любовные слова Рована, написанные на древнем языке.

Кэрн хмыкнул. Наверное, предвкушал, как сейчас станет рвать вязь узоров.

– Начинай, – велела Маэва.

Кэрн затаил дыхание.

Как бы внутренне она себя ни готовила, какие бы барьеры из воли ни выстраивала, невозможно приготовиться к свисту плетки в воздухе, треску разрываемой кожи и жгучей боли. Аэлина не позволила себе вскрикнуть. Только зашипела сквозь стиснутые зубы.

Одно дело, когда она находилась в руках у эндовьерского надсмотрщика. И совсем другое, когда ее держал чистокровный феец, не один век упражнявшийся в истязаниях.

По спине Аэлины потекла струйка крови. Рассеченная кожа беззвучно вопила.

У нее не было магических сил, но пока оставалась сила воли. И она не забыла, как принимать боль в себя.

– Аэлина, какой по счету это был удар?

А вот этого Маэва от нее не дождется. Она не станет считать удары для этой поганой суки.

– Кэрн, начинай снова, – распорядилась Маэва.

Негромкий смех. Свист плетки и боль. Аэлина выгнулась, думая, что у нее вот-вот лопнут жилы на шее. Она дышала сквозь стиснутые зубы. Прихвостни Маэвы держали ее, как клещами.

Маэва и Кэрн ждали.

Аэлина молчала. Она лучше умрет, чем начнет считать.

- Боги, боги, помогите ей, - всхлипывала Элида.

- Начинай снова, - приказала Маэва.

И Кэрн начал.

Еще раз.

И еще.

И еще...

Он начинал девять раз подряд, прежде чем из горла Аэлины вырвался крик. Удары обрушивались на нее один за одним, разрывая кожу до самых костей.

Еще.

Еще.

Еще.

Еще...

Кэрн тяжело дышал. Аэлина отказывалась считать.

- Начинай снова, - монотонно произнесла Маэва.

- Госпожа, может, тебе будет угодно отложить вразумление на потом? - осторожно спросил один из державших Аэлину.

- На ней еще достаточно кожи, - недовольно отозвался Кэрн.

- Сюда приближаются другие, - сказал тот же феец. - Они пока еще далеко, но движутся в нашу сторону.

Рован.

Аэлина даже застонала. Время. Никогда еще она так остро не нуждалась в оттяжке времени, как сейчас.

Маэва слегка поморщилась:

- Продолжим потом. Готовьте ее.

Аэлина едва могла приподнять голову. Варик и Хейрон встряхнули ее. От боли у Аэлины потемнело в глазах. Но она справилась, стиснула зубы и внутренне зарычала на свою боль и обступавшую темноту.

Элида настолько ослабела от переживаний и слез, что начала сползать на песок. Манона подхватила ее и потянула в сторону болот:

- Уходим, и немедленно.

- Нет, - возразила Элида, пытаюсь сопротивляться.

Лоркан смотрел на нее во все глаза, но приказ Маэвы держал его на месте. Не обращая на него внимания, Манона ударила строптивую Элиду по голове эфесом Рассекателя Ветра.

Элида камнем рухнула на песок. Это и требовалось Маноне. Ведьма взвалила Элиду на плечо.

- Удачи, - бросила она Маэве и, лишь мельком взглянув на Аэлину, зашагала прочь.

Маэве было не до ведьмы. Манона держала путь к болотам. Лоркан напрягся всем телом. Казалось, он силился разорвать узы кровной клятвы.

Аэлине было уже все равно.

Варик и Хейрон не вели, а волокли ее к Маэве. К железному гробу, цепям и железной маске.

На темной поверхности маски были изображены вихри огня, маленькие солнца и угли. Насмешка над силой потомка Мэлы. Маска должна была окончательно притушить последние искорки силы Аэлины. Маэве требовалось удостовериться, что ее противница целиком исчерпала себя. Только так она могла пленить Аэлину.

Каждый локоть пути по песку одновременно казался ей мгновением и вечностью. Штаны стали мокрыми и липкими от крови. Внутри железного гроба, да еще с маской на лице, ей будет не исцелить свои раны. Придется мучиться, пока Маэва не пожелает сама помочь ей.

Но Аэлина знала: Маэва не даст ей умереть. Иначе кто же добудет фэйской королеве третий Ключ Вэрда?

Время. Спасибо Элиане, подарившей ей украденное время.

Аэлину захлестнуло чувство благодарности. Она благодарила судьбу за то, что встретила соратников, что успела немного посмотреть мир, насладиться прекрасной музыкой, потанцевать и посмеяться. За свою недолгую жизнь она познала истинную дружбу. И главное - встретила Рована.

Аэлина Галатиния была благодарна. Она вытерла слезы и не противилась, когда Маэва надела ей железную маску.

Глава 73

Манона шла не останавливаясь.

Она не решалась оглянуться назад. Эта древняя королева с холодными глазами могла заподозрить, что Ключей Вэрда у Аэлины нет. Аэлина сумела опустить их в карман Маноны, когда якобы ненароком толкнула ее. Ведьма чувствовала: Элида возненавидит ее за то, что не вмешалась и не попыталась спасти Аэлину. Наверное, уже возненавидела.

Пусть таковой будет плата за выполнение последнего приказа Аэлины. Ей было достаточно мельком взглянуть на Манону, и ведьма поняла, как должна поступить. Унести Ключи из-под носа Маэвы. Забрать Элиду.

Додуматься до такого! Сделать железный ящик, похожий на гроб, и в нем увезти королеву Террасена.

Манона отошла на достаточное расстояние. Очнувшись Элида снова начала брыкаться. Манона зашла за дюну, опустила девчонку на песок и крепко сжала затылок. Почувствовав железные ногти, впившиеся в кожу, Элида затихла.

- Ни звука! - шепотом потребовала Манона.

Элида повиновалась.

Пригибаясь почти к самой земле, они смотрели окончание жуткого спектакля, устроенного Маэвой. Долго оставаться здесь было опасно. Маноне хотелось понять, куда Маэва забирает террасенскую королеву.

Лоркан по-прежнему не двигался с места. Выполнял приказ Маэвы. Гарель лежал в траве и тяжело дышал. Сознание едва теплилось в нем. Освобождение от кровной клятвы давалось тяжелее любой телесной раны.

Фенрис следил за Маэвой и Кэрном. Его глаза сверкали ненавистью. Плеть вновь болталась на поясе Кэрна, но теперь ее густо покрывала кровь. Прихвостни Маэвы закрепляли железную маску, которую она собственноручно надела Аэлине.

Потом ей надели ручные кандалы.

Ножные.

И железный обруч на шею.

Никто не исцелил ей искалеченную спину, напоминавшую окровавленный кусок мяса. Аэлину затолкали в железный ящик и заставили лечь на израненную спину.

Ящик закрыли крышкой. Крышку заперли.

Элиду вывернуло на траву.

Манона коснулась ее спины. В это время мужчины отряда Маэвы понесли ящик вниз по склону, к ожидавшей лодке. Корабль был готов к отплытию.

- Фенрис, идем, - приказала Маэва, кивнув в сторону корабля.

Он натужно дышал, глотая воздух ртом. Ослушаться приказа Фенрис не посмел. Он поплелся к лодке, оглянувшись только раз. На песке валялась белая рубашка Аэлины, густо забрызганная кровью.

Потом Фенрис исчез, растворившись в воздухе. Маэва осталась наедине с Лорканом.

- Ты все это сделал для меня? - спросила она.

Лоркан молчал и не двигался.

- Говори, - приказала Маэва.

Лоркан шумно вздохнул:

- Да. Я все делал ради тебя. Все.

Элида схватилась за пучки травы, располосовав их за несколько секунд. Манона даже подумала, не вырастила ли девчонка железные ногти, - столько ярости и ненависти было на миловидном, почти детском лице Элиды.

Маэва переступила через окровавленную рубашку Аэлины и почти ласково потрепала Лоркана по щеке:

- Мне не нужны самоуверенные мальчики, которые думают, будто они знают лучше.

- Моя королева, - пробормотал оторопевший Лоркан.

- Я освобождаю тебя от кровной клятвы. Я лишаю тебя всех денег, титулов и имущества. Как и Гарель, ты изгоняешься с позором и бесчестьем. За твое непослушание и вероломство отныне тебе закрыт доступ в Доранеллу. Если ты осмелишься появиться в пределах моего королевства, тебя немедленно убьют.

- Моя королева. Госпожа. Прошу тебя...

- Иди проси кого-нибудь другого. Мне не нужны воины, которым я не могу доверять. Приказ казнить тебя я отменяю. Думаю, жить опозоренным - куда более тяжкое наказание.

Из руки Лоркана, а затем и из руки Маэвы закапала кровь.

- У меня нет обыкновения терпеть дураков, - сказала Маэва и пошла прочь.

Казалось, Лоркан получил такой же удар, как Гарель. Он утратил способность двигаться, дышать и думать. Но он еще пытался ползти за Маэвой. Этот жалкий придурок еще пытался за нею ползти!

- Надо уходить, - прошептала Манона.

Маэва в любой момент могла хватиться Ключей... Надо уносить ноги.

Издали послышался такой знакомый гул.

Аброхас.

Сердце Маноны радостно забилося, однако...

Элида по-прежнему сидела в траве и смотрела, как Лоркан ползет за королевой. Маэва быстро шла к лодке. Черные одежды колыхались, похожие на черный туман.

Элида смотрела, как Маэва и ее свита погрузились в лодку и поплыли к кораблю. Железный гроб стоял посередине. Маэва сидела рядом, положив руку на крышку. Манона молила забытых богов, чтобы Аэлина, пока лежит в этом гробу, находилась в забытии.

А еще Манона молила богов, чтобы террасенская королева осталась жива. Чтобы получила еще одну отсрочку от исполнения неумолимого приговора, вынесенного тысячу лет назад.

Глава 74

Кровь. Ее было слишком много.

Кровью был пропитан песок под коленями Лоркана. Ярко-красные пятна покрывали брошенную рубашку Аэлины. Кровь запеклась на ножнах ее мечей и кинжалов, что валялись вокруг, словно кости.

Содеянное Маэвой...

Содеянное Аэлиной...

Лоркан ощущал большую дыру в груди. И слишком много крови было на этом безупречно-белом песке.

Неподалеку слышалось хлопанье могучих крыльев, гул и крики. Лоркану было не заставить себя поднять голову. Он все еще не мог вернуться в окружающую действительность.

Откуда-то доносился звонкий, срывающийся голос Элиды.

– Корабль... – говорила она кому-то. – Корабль просто исчез. Она уплыла, не догадываясь, что у нас...

Ее заглушили громкие женские голоса. Радостные возгласы.

Потом он услышал громкие, стремительные шаги.

Чья-то рука схватила его за волосы и запрокинула голову. Другая рука приставила к его горлу кинжал. В поле зрения Лоркана появилось смертельно бледное лицо Рована. Лоркан хорошо знал это состояние спокойной ярости фэйского принца – самое опасное из всех.

– Где Аэлина?

К ярости примешался страх, когда Рован увидел кровь, разбросанное оружие и ее рубашку.

– Я спрашиваю, где Аэлина?

Что он наделал? Что он наделал..

Лезвие прижалось к шее Лоркана. По груди потекла теплая струйка крови.

– Где моя жена? – прошипел Рован.

Лоркана раскачивало из стороны в сторону.

Жена... Жена.

– Боги, боги, – всхлипывала Элида, подслушавшая последний вопрос Рована. Ее голос был таким же, как голос истерзанного сердца Лоркана. – Боги..

И Лоркан заплакал. Впервые за несколько веков.

Лезвие кинжала еще глубже вдавилось в горло Лоркана. Лоркану было все равно. По его лицу текли слезы.

Запоздалое понимание. Как только эта женщина выдерживала? Она ведь знала, что Лоркан предал ее и призвал Маэву. Знала, что время ее жизни взято взаймы.

Она вышла замуж за Боярышника.. чтобы у Террасена был король. Возможно, предательство Лоркана и скорое появление Маэвы подхлестнули Аэлину к этому.

А Лоркан ничем ей не помог.

Жена Рована из клана Боярышника. Его истинная пара.

Аэлина позволила отхлестать себя плетью и заковать в цепи. Она добровольно отправилась с Маэвой, чтобы спасти Элиду от лап Кэрна. Это была жертва ради Элиды и.. подарок ему, Лоркану.

Она поклонилась Маэве. Тоже ради Элиды.

– Скажите мне хоть кто-нибудь! – взмолился Рован.

– Маэва забрала ее с собой, – сказала подошедшая Манона.

У него дрожал голос. Холодная ярость дала трещину.

Голос подал Гарель. Он лежал неподалеку, скрючившись. Казалось, разорвав с ним узы кровной клятвы, Маэва разорвала ему и все внутри.

– Силой клятвы Маэва приковала нас к месту. Мы ничем не могли помочь Аэлине. Даже Лоркан.

Рован так и не убрал кинжал от горла Лоркана.

Лоркан совершил чудовищный поступок. Немыслимо чудовищный. Но его внутреннее раскаяние не было полным, поскольку Элида не пострадала. И все же...

Аэлина отказалась вслух считать удары. Кэрн со всей силой хлестал ее плетью, но так и не услышал ее счета.

– Где этот проклятый корабль? – спросил Эдион.

Увидев окровавленную рубашку сестры, он выругался, потом поднял Златинец и подолом камзола стал лихорадочно оттирать с ножен пятна крови.

– Корабль исчез, – повторила Элида. – Он просто... растворился.

Рован смотрел на Лоркана. В глазах фэйского принца было столько боли и отчаяния, что Лоркан прошептал:

– Прости. Я виноват.

Рован бросил кинжал, разжал кулак, удерживавший волосы Лоркана, и попятился. Над Гарелем склонился Дорин. Его окружало слабое магическое свечение. Дорин мог исцелить раны на руках Гареля, но был бессилен что-либо сделать с душевной раной Льва. Маэва не просто освободила их с Лорканом от кровной клятвы. Она с позором изгнала их.

Манона подошла ближе. Ее окружали ведьмы отряда Тринадцати. Все они пригнувались к крови. Золотоволосая ведьма тихо выругалась.

Манона рассказала всем о тайне Замка. Об Элиане и плате, которую боги потребовали от древней королевы. И об Аэлине.

Потом заговорила Элида. Она прислонилась к Лисандре, хмуро глядящей на кровь. На окровавленную рубашку Лисандра даже зарычала, словно перед нею лежал труп. Всхлипывая и замолкая, Элида рассказала обо всем, что происходило в дюнах, и о том, какую жертву принесла Аэлина.

Она сообщила Ровану, что его истинной парой была Аэлина, и рассказала горькую, ужасающую правду про Лирию.

Давясь от слез, Элида говорила про порку, маску и железный ящик.

Когда она закончила, все молчали, не решаясь заговорить. Потом Лоркан увидел, как Эдион повернулся к Лисандре и зарычал:

– Ты все знала!

Лисандра даже не вздрогнула:

- Да, знала. У нас с ней еще на корабле был разговор. Аэлина попросила меня о помощи. Она поделилась со мной своими предчувствиями. Аэлина подозревала, какую цену придется уплатить за то, чтобы навсегда изгнать Эравана и запечатать Врата. Она сказала, что от меня потребуется.

- Да чем ты вообще... - взвился было Эдион, но умолк.

Лисандра стояла с высоко поднятой головой.

- Эдион, мы должны смотреть правде в глаза, - тихо сказал Рован. - Изготовление нового Замка, изгнание Эравана и закрытие Врат Вэрда... за все это Аэлина заплатит собственной жизнью. Те, кого мы привыкли считать богами, думают прежде всего о себе. Они не пойдут на жертвы ради людей, фэйцев и ведьм. Но о гибели Аэлины не будет знать никто. Никто, кроме нас. Но для этого Лисандре придется принять ее обличье и оставаться в нем до конца своих дней.

Эдион запустил пальцы в слипшиеся от крови волосы.

- Рован, о чем ты говоришь? Достаточно будет взглянуть на потомство от тебя, и вся ложь миглом раскроется.

Лисандра умоляюще посмотрела на Эдиона:

- Речь не о потомстве Рована. О нашем с тобой, Эдион.

Те же золотистые волосы, те же бирюзовые глаза династии Ашериров... Если кровь династии возобладает, ребенок Лисандры вполне сойдет за отпрыска королей. Аэлина хотела, чтобы королевством правил Рован, но отцом наследников придется стать Эдиону.

Эдион вздрогнул, как от удара:

- И когда ты мне собиралась рассказать правду? Одно осознание того, что я ложусь в постель с двоюродной сестрой... Я должен буду постоянно себе напоминать, что это ненастоящая Аэлина.

- Я не собираюсь ни извиняться, ни оправдываться перед тобой. Я служу моей королеве. И если понадобится всю жизнь выдавать себя за нее, я знаю, что моя жертва не будет напрасной.

- Убирайся в преисподнюю, - огрызнулся Эдион. - Там тебе место, лживая сука!

Лисандра ответила ему рычанием, в котором не было ничего человеческого.

Рован молча забрал у генерала Златинец и пошел к морю. Ветер трепал его серебристые волосы.

Шатаясь, Лоркан встал. Элида была совсем рядом.

Но в ней не осталось ничего от прежней Элиды, к которой он успел привыкнуть. Лицо, где не успели высохнуть слезы, было осунувшимся и совсем чужим. Голос утратил мелодичность. Стараясь не смотреть на Лоркана, Элида ему сказала:

– Надеюсь, остаток своей жалкой бессмертной жизни ты проведешь в страданиях и одиночестве. И еще надеюсь, что раскаяние и чувство вины будут постоянно глотать твое сердце, став незаживающей раной, которую не исцелит никакая магия.

Она повернулась и пошла к ведьмам отряда Тринадцати. Золотоволосая ведьма протянула ей руку, и Элида очутилась в мире драконьих крыльев, когтей и зубов.

Лисандра поспешила к Гарелю – осмотреть его раны. Тому хватило выдержки не вздрогнуть при виде сердитого лица. Лоркан поймал на себе взгляд Эдиона.

Глаза генерала излучали ненависть. Если бы она могла убивать, Лоркан умер бы на месте.

– Еще до приказа Маэвы, превратившего тебя в истукана, ты ничем не помог Аэлине. Я уж не говорю, что ты услужливо сообщил Маэве, где мы находимся. Этого я никогда не забуду.

Эдион зашагал по берегу, направляясь к Ровану.

Астерина жива!

Живы были все ведьмы отряда Тринадцати. Сердце Маноны наполнилось радостью. Видя улыбающиеся лица соратниц, она тоже заулыбалась.

Вместе с драконами они стояли на гребне дюны, глядевшей в сторону моря.

Элида тихо плакала, уткнувшись в плечо Астерины. Ведьма погладила ее по голове и сказала:

– Эти суки, верные твоей бабушке, устроили за нами настоящую охоту и чуть не догнали, но мы оторвались от них. Целый месяц тебя искали. Потом невесть откуда взялся Аброхас. Мы подумали, что уж он-то знает, где ты, и полетели следом.

Астерина стерла со щеки засохшую кровь.

– И кажется, вовремя, – добавила она.

«Появись вы пораньше...» – подумала Манона, глядя на молчаливые слезы Элиды.

Люди и фэйцы пребывали в растерянности. Кто переругивался, а кто просто стоял, уставившись в пространство.

Появись ее ведьмы пораньше, все могло бы закончиться иначе, и Аэлина Галатиния была бы спасена.

Соррель, прислонившись к драконьему боку, перевязывала раненую руку.

– Чем займемся теперь? – спросила она.

Ведьмы отряда Тринадцати смотрели на Манону и ждали.

– Вы слышали, что говорила моя бабушка, прежде чем... прежде чем произошло все остальное?

– Тени нам рассказали, – ответила Астерина, глядя то на Манону, то на соратниц.

– И?

– И что? – пожала плечами Соррель. – Значит, ты у нас наполовину крошанка.

– Не просто крошанка. Крошанская королева. Наследница Рианноны Крошанской, похожая на нее всем, кроме волос. Интересно, наши Верховные это замечали?

Астерина пожала плечами:

– Пять веков правления чистокровных Железозубых ведьм не вернули нас на родину. Быть может, у тебя это получится.

Дитя не войны, а... мира.

– А вы последуете за мной? – тихо спросила Манона. – Вы готовы сделать все необходимое для возвращения в Западный край?

Аэлина Галатиния не умоляла Элиану об иной участи. Она просила древнюю королеву только об одном: «Ты пойдешь со мной?» Тот же вопрос Манона задала своим ведьмам.

Все двенадцать приложили пальцы ко лбу. И все поклонились ей.

У Маноны сдавило горло. Она посмотрела в сторону моря, туда, где исчез корабль Маэвы.

– Аэлина Галатиния добровольно пожертвовала свободой, чтобы сохранить свободу Железозубой ведьме, – сказала Манона. – Она спасла нас с Элидой. Мы ей обязаны жизнью. Но это не единственная причина... Настало время забыть о вражде наших предшественниц. Мы не обязаны наследовать их войны. Все мы дети этой земли.

– И что ты намерена делать? – спросила Астерина, глаза которой сверкали от нетерпения.

Манона повернулась лицом к северу:

– Я намерена разыскать крошанок и вместе с ними создать объединенную армию ведьм. Ради Аэлины Галатинии и ее королевства. И ради нас.

– Они никогда нам не поверят, – сказала Соррель.

– Нам придется пустить в ход все обаяние, на какое мы способны, – ответила ей Астерина.

Соратницы Маноны переминались с ноги на ногу. Некоторые недоверчиво усмехались.

– Вы последуете за мной? – снова спросила у них Манона.

И снова все двенадцать коснулись пальцем лба и поклонились. Манона ответила им тем же поклоном.

Рован с Эдионом молча сидели на берегу, у кромки воды. Гарель достаточно оправился от потрясения. Они с Лорканом стояли на вершине обрыва и тихо разговаривали. Лисандра, снова превратившаяся в призрачного леопарда, сидела одна, слушая шелест трав. Дорин... он просто наблюдал за ними с гребня дюны.

Он думал о поступках Аэлины... о ее лжи насчет...

Кровь на песке частично высохла.

Пленение Аэлины, еще утром казавшееся невысказанным... Ее жизнь – плата за спасение мира... Если она сумеет освободиться...

– Маэва захватила Аэлину, но без Ключей, – сказала неслышно подкрадываясь к нему Манона.

Ее ведьмы расположились неподалеку. Элида нашла прибежище среди них.

– Подумала, тебе это будет важно узнать, – добавила Манона.

Лоркан и Гарель, слышавшие ее слова, повернули голову. Следом пушистую морду повернула Лисандра.

– Тогда где они? – осторожно спросил Дорин.

– У меня. Аэлина сумела незаметно сунуть их мне в карман.

Как же это было похоже на Аэлину. Она довела Маэву до неистовства. Все мысли фэйской королевы крутились только вокруг пленения Аэлины. Прежде чем корабль Маэвы исчез из этих мест, она даже не потрудилась проверить, с собой ли у Аэлины Ключи.

Аэлина вела игру против древней, необычайно опытной и коварной противницы. Она проиграла почти по всем статьям, но в главном сумела одурачить Маэву.

- Потому-то я и не могла вмешаться, - пояснила Манона. - Любая попытка помочь Аэлине все бы испортила. Я должна была выглядеть равнодушной, словно мне нет никакого дела до них обеих.

Острый фэйский слух Эдиона уловил слова Маноны. Генерал повернул голову в ее сторону, когда ведьма сказала:

- Простите, что не сумела ей помочь.

Из кармана доспехов Манона достала Амулет Оринфа и осколок черного камня. Дорин даже отпрянул.

- Элиана говорила... династия Мэлы может положить этому конец. В твоих жилах тоже есть кровь Мэлы.

Золотистые глаза Маноны глядели устало и тяжело. Дорин понял, о чем его просит ведьма.

Аэлина знала: ей никогда не вернуться в Террасен.

Она выходила замуж за Рована, зная, что в лучшем случае проведет с ним несколько месяцев, а в худшем - несколько дней. Но она подарит Террасену законного короля, и он сохранит целостность ее родного королевства.

Аэлина выстроила замыслы для каждого из них. И только для себя она ничего не загадывала.

- Поиски на этом не кончаются, - тихо сказал Дорин.

Манона покачала головой. Он понимал: речь идет не только о Ключах и войне.

- Не кончаются.

Дорин взял от Маноны Ключи. Ощутил их биение и слабые вспышки. Ладонь стала теплой. Это было что-то чужеродное и даже ужасающее, но в то же время... Ключи были единственной преградой между ними и разрушением континента.

Нет, здесь, у кромки Каменных Болот, поиски отнюдь не заканчивались. До завершения было еще очень далеко. Дорин опустил Ключи в карман.

Дорога, лежавшая перед ним, изгибалась, уходя в неизведанный, темный мир. И почему-то это совсем не пугало Дорина.

Рован женился на Аэлине всего два дня назад..

Единственными свидетелями были Эдион и Лисандра. Они разбудили заспанную капитаншу и объяснили, что им от нее надо. Она быстро и без шума поженила их, подписав клятву хранить это событие в тайне.

На празднование их бракосочетания судьба отпустила им четверть часа. Пятнадцать минут в тесной каюте.

Подлинник документа о заключении брака хранился у Эдиона. Копия осталась у капитанши.

Рован стоял на коленях, слушая шум волн и одновременно странствуя по ухабистым путям своих мыслей. Эдион молча сидел рядом, отрешенно глядя в море.

Рован знал.

Часть его личности сразу узнала в Аэлине свою истинную пару. Но Рован отворачивался, загораживался от этого знания. Он поступал так из уважения к памяти Лирии и потому, что знание угрожало опрокинуть его привычную жизнь. А какое убедительное подтверждение он получил во время сражения у Бухты Черепов. Пара, осознающая свои узы, не может причинить вред друг другу. Рован понимал: он – единственная сила, способная заставить Аэлину отринуть чары Денны и вернуть себе способность действовать самостоятельно. И даже когда он получил зримое подтверждение... даже тогда Рован отворачивался от правды, запрещая себе думать об этом и выталкивая подобные мысли из головы. Удивительно, что во всем остальном Рован почему-то считал Аэлину своей парой.

А она знала об этом без его подсказок. Знала, что Рован – ее истинная пара. Аэлина не подгоняла его, не требовала признаний, поскольку любила его. Она бы скорее вырвала сердце из груди, чем причинила бы Ровану боль и страдания.

Его Огненное Сердце.

Женщина, равная ему во всем. Его подруга, возлюбленная... и жена.

Его истинная пара.

А эта гнусная бессмертная сука затолкала ее в железный ящик.

Его истинную пару так жестоко исхлестали плетью, что он редко видел столько крови, оставшейся на месте истязания. Потом сковали ей руки и ноги, надели ошейник и, избитую, всю в крови, затолкали в крепкий железный гроб.

Сдержать ее. Сломить. Измучить.

Его Огненное Сердце заперли во тьме.

Она ведь пыталась ему рассказать. Это было перед самым налетом илков.

Пыталась объяснить, почему ее отчаянно тошнило на корабле. Причиной была отнюдь не беременность. Аэлина осознала, что ей суждено умереть. Платой за закрытие Врат Вэрда и создание нового Замка была ее жизнь. Ее бесконечная жизнь.

Рядом с Рованом лежал Златинец. Обычно рубин на эфесе ярко вспыхивал под солнцем. Сейчас камень потускнел. Рован зачерпнул две горсти песка и смотрел, как песчинки падают вниз и ветер уносит их в море.

Все равно это было время, взятое взаймы.

Аэлина не ждала, что соратники явятся ее вызволять.

Но она заранее разыскала и оповестила всех. Выстроила цепь событий, чтобы их ход не прекращался и после того, как она пожертвует жизнью. Когда откажется от тысячи счастливых лет ради спасения других.

Аэлина верила: они сделают правильный, мудрый выбор и останутся здесь. Они поведут армии к победе. Армии, которые она собрала для них, предполагая, что уже не увидит сражений.

Она предполагала, что и Рована больше не увидит.

Рован не соглашался и не желал принимать подобное, даже если оно называлось велением судьбы.

Они нашли друг друга, вместе пережили столько страданий, боли и отчаяния, и все это – чтобы навсегда расстаться? Рован отказывался это принимать. Боги еще тысячи лет назад предназначали ей такую судьбу. Плевать ему на богов! Они рассчитывали удалиться в свои миры, и им все равно, кто ради этого пожертвует жизнью: Брэннон, Аэлина или Дорин. Рован не желал принимать такой расклад.

Ни сейчас, ни когда-либо. Даже на мгновение.

Послышались тяжелые шаги по песку. По запаху Рован узнал Лоркана. Ему вдруг захотелось убить подлеца на месте. Сегодня их поединок закончился бы его победой. В Лоркане что-то надломилось, и этот день мог бы стать последним в жизни бывшего заместителя Маэвы. Лоркан едва ли был в состоянии сражаться.

Лицо Лоркана было привычно каменным, но глаза... В них Рован увидел немислимую прежде душевную муку. И раскаяние.

Остальные начали спускаться к воде. Шабаш ведьм пока не трогался с места. Эдион встал.

Все смотрели на Рована. Он так и не поднялся с колен.

Море безмятежно катило волны. Вверху синело безоблачное небо.

Рован превратил связующие узы в копье и направил в мир. Он превратил связующие узы в широкий невод, который забросил силой магии, души и сокрушенного сердца. Рован искал свою Аэлину.

«Сражайся», – приказывал он, отправляя слова по связующим нитям. Эти нити заняли нужное положение в тот момент, когда он и Аэлина стали карранам. Эти нити были скрыты под пламенем, льдом и надеждами на лучшее будущее. «Сражайся с нею. Я отправляюсь за тобой. Даже если мне понадобится тысяча лет, я обязательно тебя найду. Слышишь? Я найду тебя».

Ответом ему были лишь соленые брызги волн и ветер.

Рован встал и медленно повернулся ко всем, кто смотрел на него.

Но он ошибся: смотрели не на него, а на корабли, которые плыли с западной стороны. С места, где происходило сражение. Это были корабли его клана вместе с остатками флота Ансель и тремя кораблями Рульфа.

Рован заметил еще одно судно, заставившее его насторожиться. То был баркас, шедший с востока. Ветер, гнавший баркас, никак не мог быть естественного происхождения. Судно быстро приближалось.

Рован внутренне напрягся. Внешний вид баркаса разительно отличался от лодок, распространенных на Эрилее. Но Рован где-то уже видел такие суда.

Со стороны их флота тоже двигалась лодка. В ней находились Ансель и Энда.

Однако Рован и другие следили сейчас только за чужеземным судном. Баркас взлетел на прибрежной волне и ткнулся в песок. Смуглые матросы (их кожа была оливкового цвета) вытащили баркас на берег. Оттуда проворно выпрыгнул широкоплечий молодой человек со слегка вьющимися волосами.

Увидев собравшихся на берегу, молодой человек не выказал ни малейшего страха. Его рука даже не коснулась тонкого меча у пояса.

– Где Аэлина Галатиния? – спросил незнакомец, внимательно оглядывая всех.

Его выговор отличался от здешнего...

– Кто ты такой? – сурово спросил Рован.

Молодой человек успел подойти достаточно близко, и Рован увидел цвет его глаз. Бирюзовый, с золотистым ободком вокруг зрачка.

– Галан, – словно зачарованный, выдохнул Эдион.

Это был Галан Ашерир, наследный принц Вендалина.

Галан широко распахнутыми глазами смотрел на Эдиона, и на его лице отражалось смешанное чувство восхищения и печали. Потом наследный принц совладал с лицом и уже другим, уверенным тоном спросил:

– Так где же Аэлина?

Никто не ответил, а Эдион его спросил:

– Что тебя занесло так далеко от Вендалина?

Галан удивленно вскинул брови:

– Я думал, Аэлина все вам рассказала.

– Рассказала... о чем? – с подозрительным спокойствием спросил Рован.

Галан сунул руку в карман поношенного синего камзола и достал измятый клочок пергамента. Наверное, Галан перечитывал это послание раз сто, если не больше. Он молча протянул письмо Ровану.

Рован сразу же уловил сохранившийся запах Аэлины. Он развернул письмо. Эдион вытянул шею и тоже стал читать.

Письмо Аэлины наследному принцу Вендалина было коротким и жестким. Крупные печатные буквы шли поперек листа. Аэлина выплеснула на него все чувства, владевшие ею в тот момент:

ТЕРРАСЕН ПОМНИТ ЭВАЛИНУ АШЕРИР.

А ТЫ?

В СТРАЖЕ ТУМАНА Я СРАЖАЛАСЬ ЗА ТВОЙ НАРОД.

ВЕРНИ ЖЕ МНЕ ДОЛГ, ЕСЛИ В ТЕБЕ ОСТАЛАСЬ ХОТЬ КАПЛЯ СОВЕСТИ.

Далее шли краткие указания, как сюда добраться.

– Аэлина обратилась только ко мне, – пояснил Галан. – Не к моему отцу. Только ко мне.

К армаде, которой командовал Галан. Она стояла на страже морских границ, не пропуская к Вендалину ни одно адарланское судно.

– Рован, смотри, – предостерегающе шепнула Лисандра.

Он повернулся. К этому времени Ансель и Энда уже высадились на берег и сейчас шли сюда, стараясь держаться подальше от ведьм и удивленно поглядывая на Галана. Но предостережение Лисандры касалось не их, а небольшого отряда, появившегося на гребне дюн. Эти люди были в белых одеждах, густо забрызганных грязью. Похоже, отряд добирался сюда через Каменные Болота.

Рован догадался, кто они.

Он понял это раньше, чем отряд достиг берега.

При виде их многослойных развевающихся одежд Ансель заметно побледнела. Отряд остановился. Высокий мужчина в центре откинул капюшон. У него было совсем молодое смуглое лицо и зеленые глаза.

– Илиас, – прошептала королева Западного края.

Илиас, сын Немого Учителя из крепости Молчаливых ассасинов, смотрел на Ансель, и черты его лица делались все жестче. Рован направился к нему, отвлекая внимание на себя. Илиас сощурился, оценивающе глядя на него. Потом, как и Галан, стал внимательно искать глазами золотоволосую женщину, которой не было среди собравшихся. Не найдя ее, Илиас снова уставился на Рована: почувствовал в нем главного.

– Мы пришли исполнить наш долг перед Селеной Сардотин... перед Аэлиной Галатинией. Мы ей обязаны жизнью. Но где же она? – спросил Илиас.

Привычка молчать по многу дней делала его голос хриплым.

– Так вы – «сессиэ сюкаст», – удивленно качая головой, сказал Дорин. – Молчаливые ассасины из Красной пустыни.

Илиас кивнул. Он мельком взглянул на Ансель (казалось, ее вот-вот начнет тошнить), сказав Ровану:

– Не думал, что у Аэлины столько должников, обязанных ей жизнью.

Его слова прозвучали как сигнал. На гребне дюн появилось множество воинов в белых одеждах. Их были десятки. Сотни.

Ровану подумалось: может, все ассасины из этой пустынной крепости явились отдать долг Аэлине? Легион таких воинов на поле боя не уступит Беспощадным Эдиона.

И Галан...

– А скольких привел ты? – спросил Рован у наследного принца Вендалина.

Галан лишь улыбнулся и указал на восточный край горизонта, где белели паруса многочисленных кораблей, и на каждом реял кобальтово-синий флаг Вендалина.

– Скажи Аэлине Галатинии, что Вендалин никогда не забывал об Эвалине Ашерир. И о Террасене, – добавил он, обращаясь к Эдиону.

Вендалинская армада приближалась. Не выдержав, Эдион опустился на колени. Он вспомнил слова Аэлины, которые она говорила не ему, а Дарро в ночь ее встречи с террасенской знатью. «Как бы далеко я ни находилась и чего бы мне это ни стоило, когда Террасен позовет меня на помощь, я приду... Я напомню о старых долгах и обещаниях. Соберу армию ассасинов, воров, изгнанников и простолюдинов».

И Аэлина это сделала. Она исполнила свое обещание до последнего слова.

Рован пересчитал вендалинские корабли. Затем корабли армады Ансель, мысленно добавив суда Рульфа и микенианцев, которых пиратский король поднимал сейчас на севере.

– Боги милосердные, – шептал потрясенный Дорин, глядя на ширящуюся вендалинскую армаду.

Эдион беззвучно рыдал, вспоминая горький упрек, совсем недавно брошенный им Аэлине: «Где наши союзники? Где наши армии?» Она спокойно выслушала его упрек и промолчала, поскольку не хотела разочаровывать ни его, ни остальных. Да, она допускала, что должники могут не откликнуться. Рован коснулся его плеча.

«Это все для Террасена», – говорила Аэлина, раскрыв им, каким образом она намеревается завладеть богатством Аробинна. Рован знал: каждый ее шаг, замысел и расчет, каждая тайна и рискованная игра... делались для Террасена. Для них. Для того, чтобы мир стал лучше.

Аэлина собрала армию, способную не только бросить вызов Морату, но и... всколыхнуть звезды.

Она знала: ей самой не доведется командовать этой удивительной армией. Но она выполнила то, что обещала Дарро: «Обещаю своей кровью и своим именем, что не повернусь спиной к Террасену, как ты и твои сподвижники повернулись спиной ко мне».

Если еще и Шаол Эстфол с Несариной Фелак сумеют собрать армию, и с далекого южного континента тоже придет помощь...

Эдион наконец поднял голову и взглянул на Рована. Должно быть, схожие мысли мелькали и у генерала.

Шанс. Его жена, его истинная пара, подарила им шанс победить в этой войне. Во всем, что пересказала Элида, не было даже намека на просьбу отправиться ее освободить. Неужели Аэлина не верила, что они осмелятся восстать против Мэвы?

– Галан?

Рован замер, услышав до боли знакомый голос и увидев ту, кто приняла облик его возлюбленной.

Эдион вскочил, готовый зарычать. Рован схватил его за руку.

К ним, широко улыбаясь, шла Лисандра в облике Аэлины.

Ее улыбка... Одно это пробило дыру в сердце Рована. Лисандра в совершенстве переняла улыбку Аэлины, постигнув все оттенки. Именно так улыбалась бы сейчас настоящая Аэлина.

Лисандра переняла не только улыбку. Походка, манера двигаться, мельчайшие жесты... все было доведено ею до умопомрачительного совершенства. Она заговорила с Галаном, точно зная, какие слова произносить. Потом обратилась к Илиасу и обняла его как давнего друга и союзника.

Эдиона трясло, но мир ничего не знал.

Ни их союзники, ни их враги не подозревали, что бессмертный огонь Мэлы похитили и пленили.

- И куда мы отправимся теперь? - спросил Галан, уверенный, что говорит со своей двоюродной сестрой.

Лисандра посмотрела на него, затем на Эдиона. На ее лице не было и тени раскаяния, вины или сомнения.

- Наш путь лежит на север. В Террасен.

Все внутри Рована налилось свинцом. Поймав его взгляд, Лисандра спокойно и даже с некоторой небрежностью сказала:

- Принц, а тебя я попрошу вначале выполнить мою просьбу... ты знаешь какую. Выполнишь - и сразу к нам, на север.

«Найди ее, - умоляла его женщина-оборотень. - Найди ее. Найди».

Рован кивнул, на время потеряв дар речи. Лисандра крепко пожала ему руку. Прилюдное прощание королевы со своим супругом - сдержанное, как того требовали нормы придворного этикета.

- Идите, - сказала она Галану и Илиасу и направилась туда, где ждали все еще бледная Ансель и хмурый Энда. - Время дорого, а нам еще надо кое-что обсудить.

Знающие истинное положение дел снова остались одни.

Эдион сжимал и разжимал кулаки, глядя вслед Лисандре. Она намеренно вводила Галана и Илиаса подальше.

Армия, способная штурмовать Морат. Способная удержать Эравана от похода на Террасен.

Заскрипел песок. К Ровану подошел Лоркан:

- Я отправлюсь с тобой. Помогу тебе ее вернуть.

- Мы ее найдем, - подхватил Гарель.

Взгляд Эдиона наконец-то оторвался от Лисандры. Но на отца он не взглянул. За все время с момента высадки на берег он вообще не сказал Гарелю ни слова.

Хромая, к ним подошла Элида. Голос у нее был таким же хриплым, как у Гареля.

- Вместе, - сказала она. - Мы отправимся вместе.

Лоркан внимательно на нее посмотрел. Элида его не замечала.

- Фенрис с ними, - сказал Лоркан, и его глаза блеснули. - Он узнает, что мы отправляемся на поиски, и попытается оставить следы. Думаю, сможет.

Если только Маэва не бросит Фенриса в тюрьму. Но у него был долгий опыт сопротивления фэйской королеве. С самого дня принесения клятвы на крови

Фенрис пытался выскользнуть из-под власти Маэвы. И если он сейчас – единственная преграда между Аэлиной и Кэрном... Рован запретил себе думать про Кэрна. Обо всем, что этот выродок уже сделал по приказу Маэвы и послушно выполнит в будущем. Нет, Фенрис не станет покорно смотреть на зверства Кэрна. Он будет сопротивляться. И Аэлина тоже.

Аэлина никогда не прекратит сопротивления.

Рован повернулся к Эдиону. Генерал снова заставил себя оторвать глаза от Лисандры. Он понял взгляд Рована и опустил руку на эфес Меча Оринфа:

– Я отправлюсь на север. С нею. Буду следить за состоянием армии... чтобы все совершалось так, как надо.

Рован сжал его руку:

– Нужно удерживать позиции. Завоюй нам столько времени, сколько сможешь, брат.

Эдион ответил таким же крепким пожатием. Глаза его сверкали. Рован понимал, как тяжело сейчас Волку Севера. Но если мир поверит, что Аэлина возвращается на север, рядом с нею обязательно должен находиться один из ее генералов. А поскольку легион Беспощадных – ядро террасенской армии – давно был верен Эдиону...

– Верни ее, Рован, – дрогнувшим голосом сказал Эдион. – Верни ее на родину.

Рован кивнул:

– Мы еще увидимся. И с тобой, и со всеми.

Рован не стал понапрасну тратить слова и убеждать генерала простить Лисандру. Он сам не знал, как относиться к совместному замыслу Аэлины и Лисандры. Не знал он и роли, отведенной ему в этом спектакле.

Подшел Дорин. За спиной короля стояла Манона, всматриваясь в морскую даль, словно ведьмино чутье позволяло ей увидеть корабль Маэвы. Маэва умела набрасывать покров невидимости. Этот покров до поры до времени скрывал Фенриса и Гареля в Бухте Черепов. Он же скрывал ее армаду у берегов Эйлуэ.

– Ведьмы летят на север, – сказал Дорин. – Я отправлюсь с ними. Нужно проверить, смогу ли я сделать то, чего от меня ждут.

– Оставайся с нами, – предложил Рован. – Мы найдем способ разобраться с Ключами, с Замком, а если понадобится, то и с богами.

Дорин покачал головой:

– Вы собираетесь во владения Маэвы, а потому Ключи должны находиться как можно дальше от нее. Если я смогу помочь и найду третий... Этим я принесу больше пользы.

– Ты там можешь погибнуть, – вмешался Эдион. – Уж если нас на севере ждет бойня, ты отправляешься прямо в логово демонов. Морат подождет.

Рован сурово поглядел на него, но Эдиону было все равно. Он подошел к хрупкой черте, когда внутренняя неуравновешенность, питаемая гневом, очень быстро могла сделать эту черту смертельно опасной. Особенно если учесть, что на Дорине лежала часть вины за случившееся с Аэлиной.

Адарланский король снова посмотрел на Манону. Ведьма ему улыбнулась. Это была другая улыбка, делавшая ее лицо мягче и человечнее.

– С моей помощью не погибнет, – сказала ведьма. – Мы отправляемся на поиски крошанских ведьм. Собрать силы, которые у них еще остались.

Армия ведьм, противостоящая моратским легионам Железнодорожных.

В сердце Рована затеплилась хрупкая, но такая драгоценная надежда.

Манона лишь кивнула на прощание и отправилась к своему шабашу.

Рован тоже кивнул Дорину. Но тот склонил голову. Это не было обычным прощанием друзей. Король прощался с королем.

«Пока что я только ее супруг», – хотелось сказать Ровану. Всего лишь ее супруг.

И в то же время он осознавал значение этого шага. Выйдя за него, Аэлина обеспечила Ровану законное право участия в защите и возрождении Террасена. Наравне с Эдионом он мог командовать армиями, ради которых Аэлина пожертвовала всем.

– Когда мы закончим нашу часть войны, я обязательно прилечу к тебе в Террасен, – пообещал Эдиону адарланский король. – Думаю, там сражений останется и на тебя, Рован, когда ты вернешься.. когда вы оба вернетесь.

Эдион задумался. Он взвешивал слова Дорина и то, с каким чувством они были произнесены. Затем генерал шагнул к королю и неожиданно обнял его. Объятие было кратким и суровым. Дорин непроизвольно вздрогнул, но во взгляде Эдиона что-то слегка изменилось. Пелена горя стала тоньше. У Дорина на поясе висели ножны с Дамарисом – мечом первого и самого великого из адарланских королей. Казалось, Эдион раздумывает об истории меча и о том, к кому перешло древнее оружие. Наконец он кивнул, больше самому себе, чем другим. Дорин благодарно склонил голову.

Эдион зашагал к лодкам. Лисандра – Аэлина попыталась с ним заговорить, но он намеренно обогнул ее.

– Ты доверяешь ведьмам? – спросил Рован.

Дорин кивнул:

– Они выделили двух драконов для сопровождения и охраны вашего корабля, пока он находится в прибрежных водах. Потом драконы вернутся к нам, а вы.. вы поплывете туда, куда вам надо.

Вот только куда? Рован сомневался, что Маэва повезет Аэлину в свои владения. Ее корабль мог вынырнуть из невидимости на другом краю света.

- Спасибо, - сказал Рован.

- Не меня благодари, - усмехнулся Дорин. - Манону.

Если они уцелеют, если он вернет Аэлину, он обязательно поблагодарит Манону.

Рован обнял Дорина, пожелал королю удачи и проводил его взглядом. Дорин поспешил к ожидавшей его белокурой ведьме.

Лисандра деловито отдавала распоряжения Галану и Илиасу. Вендалинские корабли брали на борт двести Молчаливых ассасинов. Эдион, скрестив руки, наблюдал за погрузкой. Ансель была поглощена разговором с Эндимионом. Двоюродный брат Рована не знал, как себя вести со словоохотливой рыжеволосой королевой, у которой почему-то была улыбка волчицы. Чувствовалось, Ансель так и рвется в бой, предвкушая возможность неплохо поразвлечься. Рован жалел, что так и не успел поблагодарить их обоих, а также всех своих родственников.

Все определилось. Все было готово для этого отчаянного броска на север.. так, как задумывала Аэлина.

Больше не будет ни ожидания, ни передышек. Время неумолимо их подгоняло.

Драконы хлопали крыльями, словно торопясь поскорее оказаться в воздухе. Дорин уселся позади Маноны и обнял ее за талию. Ведьма что-то ему сказала, и он улыбнулся. По-настоящему улыбнулся.

Дорин на прощание махнул рукой. Аброхас взмыл в небо. Вслед за драконом Маноны взлетели еще десять.

Улыбающаяся золотоволосая ведьма Астерина и худенькая черноволосая и зеленоглазая ведьмочка по имени Бриара сидели в седлах, поджидая Гареля, Лоркана и Элиду. Полет ожидался недолгий - до палубы корабля, на котором они затем поплывут неведомо куда.

Элида подошла к дракону Астерины. Лоркан шагнул было к ней, но Элида его по-прежнему не замечала. Астерина подхватила ее и посадила перед собой. Лоркан умел тщательно прятать свои чувства, однако Рован успел заметить то, чего никогда не замечал у Лоркана прежде. На каменном лице сурового и жестокого воина мелькнуло отчаяние.

Гарель уселся позади Астерины, обнял ведьму за талию и смачно выругался, когда дракон поднял их в воздух. Потом взлетела и Бриара, унося с собой Лоркана. Только тогда Рован направился к берегу, прикрепляя на ходу ножны со Златинцем.

Рубашка Аэлины все еще лежала там. На песке краснело большое пятно. Прежде там была целая лужа крови. Ее крови. Рован знал: Кэрн намеренно оставил рубашку на видном месте и не скрыл кровь под слоем песка.

Рован нагнулся, поднял рубашку. Пальцы скользнули по мягкой ткани.

Отряд ведьм растаял на горизонте. Спутники Рована уже достигли корабля. Молчаливые ассасины заканчивали погрузку в лодки. Армия, собранная Аэлиной, пришла в движение.

Рован поднес рубашку к лицу, вдохнул запах Аэлины. И что-то шевельнулось у него внутри. Нить их парных уз вспыхнула. Рован снова бросил рубашку, которую сейчас же подхватил ветер и понес в море, подальше от этого места, густо политого кровью и пропитанного болью.

«Я найду тебя».

Рован обернулся ястребом и взмыл высоко в небо, несомый потоками магического ветра. Справа в солнечных лучах сверкало море, слева тянулись зеленовато-серые пространства болот. Рован направился к кораблю. Он запомнил запах Аэлины, запомнил вспышку связующей нити.

Он был готов поклясться: эта вспышка была ему ответом, словно в погасшем угольке вдруг ярко вспыхнула сердцевина.

Испустив крик, который заставил содрогнуться весь мир, принц Рован Боярышник-Галатиний, супруг королевы Террасена, начал поиски своей жены.

Выражение признательности

Мне всегда бывает очень трудно собрать воедино благодарность, что переполняет меня. Я благодарна многим людям, которые не только неустанно трудились над превращением замысла этой книги в реальность, но и постоянно дарили мне свою дружбу и оказывали непрекращающуюся поддержку. Даже не знаю, как бы я жила без них. Каждый день я благодарю вселенную за то, что эти люди вошли в мою жизнь.

Начну с моего мужа Джоша. Когда этот мир останется забытым шепотом горстки праха, рассеянного между звездами, я и тогда буду любить тебя. Спасибо за твой смех в те дни, когда я не могла выдать из себя ни одной улыбки. Спасибо, что ты держал мою руку, когда я нуждалась в напоминании, что меня любят. Ты был и остаешься моим лучшим другом и надежной гаванью. Ты – величайшая радость в моей жизни. Мне не хватило бы и тысячи страниц, чтобы выразить, как сильно я тебя люблю.

Следом идешь ты, моя псина Энни. Я бы ничуть не удивилась тому, что за эти годы ты научилась читать. Ты – еще одна радость в моей жизни; твоя бескорыстная любовь и постоянное урчание лишают уединенный писательский труд малейшего чувства одиночества. Я люблю тебя, мое четвероногое чудо.

Перечисление продолжается... Тамара Рыдзински, я помню, как давным-давно ты позвонила мне. С тех пор я не перестаю благодарить тебя за твою мудрость, настойчивость и блестящий ум. Но в этом году я была еще больше благодарна судьбе за дружбу с тобой. Спасибо за твою поддержку во всем. Мне просто повезло, что у меня есть ты.

Моя огромная благодарность вам, Кэт Ондер. Без работы с вами не было бы такого заметного взлета в моей писательской карьере. Благодарю вас от всего сердца за вашу мудрую и, не побоюсь сказать, провидческую поддержку, за отстаивание моих книг и за то, что весь процесс написания и «доводки» книг был наполнен истинным удовольствием. Я безмерно горжусь, что у меня есть такой издатель и друг, как вы.

И вас, Маргарет Миллер, я горячо благодарю за многолетнюю помощь и наставничество. Это вы помогли мне достаточно быстро стать профессиональной писательницей.

Когда я вспоминаю о вас, Кэсси Хомер, мне становится немного совестно. Ну когда же наконец я в полной мере поблагодарю вас за все, что вы делаете? Даже не знаю, как бы я обходилась без вашей помощи?

Приношу искреннюю благодарность бесподобным и потрясающим командам издательства «Bloomsbrury» и компании САА а особенно: Синди Ло, Кристине Джилберт, Джону Кэссиру, Кэтлин Фаррар, Найджел Ньютон, Ребекке Макнелли, Натали Хэмилтон, Соне Пальмизано, Эмме Хопкин, Айену Лэму, Эмме Бредшоу, Лиззи Мейсон, Кортни Гриффин, Эрике Бармаш, Эмили Риттер, Грейс Хоули, Эшани Аграваль, Эмили Клопфер, Эллис Григг, Элизе Бернс, Дженни Коллинзу, Линетт Ким, Вет Эллер, Керри Джонсон, Келли де Грот, Эшли Постон, Люси Маккей-Сим, Мелиссе Кавонич, Дайане Аронсон, Донне Марк, Джону Кэнделлу, Николасу Черчу и всей группе, занимающейся правами перевода на иностранные языки. Вы все (включая тех, кого не назвала по именам) – удивительное созвездие профессионалов. Мне трудно представить мои книги в более умелых и надежных руках, чем ваши. Спасибо! Огромное спасибо вам за всё!

Мое громадное дочернее спасибо вам, дорогие родители, за вашу неиссякаемую любовь и внушительную коллекцию всех моих книг. Такое же громадное спасибо моим свекру и свекрови и всем родственникам с моей стороны и со стороны мужа. Вашими стараниями мы можем отправляться в путешествия и знать, что Энни не будет брошена. Наверное, я – из тех редких счастливиц, кому повезло с родственниками.

И конечно же, я не могу обойти своей искренней писательской благодарностью Луизу Энг, Сашу Альсберг, Вильму Гонсалес, Элис Фанчан, Чарли Боутера, Никола Уилкинсона, Дамарис Кардинали, Алексу Сантьяго, Рейчел Доминго, Келли Грабовски, Джессике Рейгл, Джейми Миллер, Лору Эшфорт, Стефа Брауна и мой brave отряд Маас-Тринадцатый. О-о-огромное вам спасибо за доброту, щедрость и дружбу. Считаю за честь дружить с такими, как вы.

Завершаю этот несовершенный и далеко не полный список сердечной благодарностью всем моим читателям. Спасибо вам за письма, рисунки, татуировки (!!), музыку. Спасибо вам за всё. Невозможно выразить, как

много это значит для меня и как безмерно я вам благодарна. Вы придаете мне уверенности, что я не зря занимаюсь нелегким писательским трудом.

* * *

notes

Примечания

1

На языке народа фэ это означает особый вид кровной связи, когда ты можешь передавать тому, с кем связан, свою силу и тем самым помогать преодолевать трудные и опасные обстоятельства. (Прим. пер.)